

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ЧУВСТВА ПРИРОДЫ.

(Die Entwicklung des Naturgefühls).

АЛЬФРЕДА БИЗЭ.

Переводъ Д. Коробчевскаго.

Издание журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.



A361944

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1890.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 1-го Іюня 1890 года.

Типо-литографія Мясникова и Рюмана. Бассейная ул., 48.

ВВЕДЕНІЕ.

Природа, съ ея вѣчно неизмѣнными и въ то же время вѣчно мѣняющимися формами явленій, неразрывно связана съ человекомъ. Все его существованіе зависитъ отъ нея; не только физическія, но и умственныя особенности его испытываютъ въ различныхъ видахъ вліяніе природы. Характеръ страны отражается въ характерѣ ея населенія; общее міровоззрѣніе обитателей сѣвера, въ силу климатическихъ условій, иное, чѣмъ у жителей юга. Между тѣмъ какъ робкій, первобытный человекъ, смотрящій со страхомъ на угасаніе дневного свѣта и на приближеніе ночной темноты, болѣе боится природы, чѣмъ любитъ ее, или преклоняется передъ ея явленіями съ почтительнымъ страхомъ; культурный человекъ стремится приподнять покровъ, окутывающій ея таинственныя формы, и путемъ научнаго изслѣдованія и эстетическаго наслажденія, постичь и разгадать ея внутреннюю сущность и внѣшнюю красоту. Изслѣдователь старается прослѣдить ея законы, чтобы познать внутреннее содержаніе міра; благочестивый наблюдатель усматриваетъ во всемъ лишь отраженіе всемогущества и благости Творца, другой погружается съ пантеистической пѣжностью въ жизнь и дѣятельность всего, чего онъ чувствуетъ себя только частью; художникъ ищетъ воспроизвести впечатлѣніе, полученное его душой, въ словѣ или образѣ, или въ садахъ и паркахъ возсоздаетъ живой пейзажъ въ уменьшенномъ видѣ, болѣе или менѣе подчиняя его искусству.

Радостное чувство, вызываемое природой во всѣ времена, было свойственно каждому съ нормально развитыми душевными способностями; но понять дѣйствіе, производимое природой, и сдѣлать его понятнымъ для другихъ—дано не всѣмъ, и предполагаетъ всегда достаточную высоту умственнаго и

душевнаго развитія. Природа лежитъ какъ раскрытая книга передъ нашимъ внимательнымъ взоромъ, но сколько разнообразныхъ народовъ и поколѣній прошло по землѣ, столько же различныхъ толкованій придавалось тому, что написано въ этой книгѣ неизгладимыми чертами. Прекрасное въ природѣ подобно прекрасному въ искусствѣ. Каждый человѣкъ, надѣленный чувствомъ, испытываетъ притягательную силу благозвучной музыкальной пьесы, картины, съ красиво подобранными красками, или величественной статуи, но только знатокъ, при помощи своего спеціальнаго пониманія, можетъ проникнуть въ сущность художественнаго произведенія и постичь тайну художника.

Природа — величайшая художница, и чѣмъ съ большимъ удивленіемъ или пониманіемъ мы созерцаемъ ея произведенія, чѣмъ глубже научнымъ или эстетическимъ путемъ мы вникаемъ въ ея явленія, тѣмъ болѣе мы получаемъ отъ нея, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ нашъ восторгъ, наше наслажденіе.

Что же придаетъ языкъ неодушевленной природѣ? Что составляетъ эстетическое, связующее звѣно между ею и нами? Прежде всего это—дивная способность человѣка, отъ которой онъ никогда не можетъ отрѣшиться, — вносить свое физическое и умственное «я» въ предметы внѣшняго міра. «Человѣкъ никогда не даетъ себѣ отчета, насколько онъ антропоморфиченъ», говоритъ Гёте въ одномъ изъ своихъ изреченій. И, дѣйствительно, при созерцаніи и высшаго и низшаго, человѣкъ никогда не переступаетъ за предѣлы своей человѣчности; если онъ хочетъ представить себѣ или понять конкретное существо, хотя-бы и высшее, онъ никогда не можетъ вполне отрѣшиться отъ самого себя; для человѣка только человѣкъ служить мѣрою всѣхъ вещей; въ собственномъ смыслѣ человѣкъ, основательно понимаетъ только самого себя. Все прочее становится ему понятнымъ или яснымъ, когда онъ ко всему внѣшнему примѣняетъ себя, въ физическомъ или духовномъ смыслѣ, придаетъ другому свое собственное существо и видитъ въ другомъ самого себя. Эта способность, или вѣриѣе, врожденная необходимость, этотъ процессъ приспособленія и внесенія своего чувства, простирается на лица такъ же какъ и на неодушевленные предметы. Какой глубокой смыслъ имѣетъ наше слово «состраданіе»! Когда мы сочувствуемъ горю друга, мы перемѣщаемъ себя въ него, представляемъ себя въ его положеніи и настроеніи, т. е. стра-

даемъ вмѣстѣ съ нимъ. Состраданіе и страхъ обусловливаютъ впечатлѣніе, производимое на насъ трагедіей, которое, главнымъ образомъ, заключается въ перенесеніи нашего «я» на другое лицо. Но и каждое пониманіе прекраснаго вообще предполагаетъ подобный же переносъ, который, при гармоническомъ отношеніи сроднаго между нами и вѣншимъ міромъ, ведетъ къ эстетическому наслажденію.

Извѣстное выраженіе греческой философіи *ὁμοίον ὁμοίῳ γινώσκεται*, «подобное узнается только черезъ подобное», означало у пифагорейцевъ, что математически устроенный разумъ есть органъ познанія математически построеннаго Космоса. Но оно становится также и основнымъ положеніемъ эстетики. Прелесть самой коротенькой лирической пѣсенки заключается въ перенесеніи нашего «я» на изображаемое поэтомъ положеніе или настроеніе, на взаимной связи субъекта и объекта, на сокровенномъ соотношеніи между зрителемъ и зрѣлищемъ. Въ жизни духа все основано на согласованіи. Вниманіе, размышленіе, сочувствіе, возбуждаетъ въ насъ лишь то, что приводитъ въ колебаніе родственную струну въ нашемъ внутреннемъ мірѣ. «Ты равенъ духу, котораго ты понимаешь». Произведеніе искусства, музыкальное, пластическое, поэтическое или живописное, доставляетъ намъ истинно пріятное чувство, когда симпатія связываетъ наше чувство съ предметомъ нашего созерцанія, когда прекрасное, вложенное художникомъ въ его произведеніе, проникаетъ въ нашу душу, какъ электрическій токъ, и приводитъ въ созвучіе разнородные элементы нашей души. Какое сладкое чувство испытываетъ любитель музыки, слушая прекрасную композицію, и какъ глубоко охватываетъ насъ впечатлѣніе драмы или пѣсни, если струны нашей души дрожатъ и звучатъ согласно съ пѣніемъ. Если для смертнаго чистѣйшую радость составляетъ творчество въ искусствѣ или наукѣ, когда высшій духовный свѣтъ освѣщаетъ его, если природа сама непрестанно творитъ въ душѣ художника тѣ живыя возбужденія, которыя ему самому кажутся вдохновеніями, то поэтому и пассивное воспріятіе прекраснаго даетъ наслажденіе, но лишь тогда, когда мы активно слѣдимъ за мыслью художника, возсоздаемъ его произведеніе.

Selbst erfinden ist schön; doch glücklich von
andern Gefundenes,

Fröhlich erkannt und geschätzt, nennst du
das weniger dein? ¹⁾.

спрашиваетъ Гете въ «Четырехъ временахъ года» и подтверждаетъ то же въ своихъ афоризмахъ: «Мы ничего не знаемъ о мірѣ внѣ его отношенія къ человѣку, и хотимъ, чтобы искусство было лишь отраженіемъ этого отношенія», и далѣе: «Если вы будете искать въ себѣ, вы все найдете, и васъ будетъ радовать, если внѣ васъ, какъ бы вы это ни называли, окажется природа, которая будетъ приговаривать «да» и «аминь» всему, что вы нашли въ себѣ».

И дѣйствительно, природа даетъ человѣческому духу для сочувствующаго, возсозидающаго пониманія гораздо менѣе, чѣмъ искусство, поэтому человѣкъ долженъ главное здѣсь по-полнять самъ. Хотя пейзажъ въ его красивыхъ очертаніяхъ, въ его богатствѣ красокъ и формъ съ плѣнительно дѣйствующими на глазъ и ухо впечатлѣніями свѣта и полутѣни, тоновъ и звуковъ, даже и простому чувству можетъ казаться прекраснымъ и привлекательнымъ и вызывать чувство удовольствія въ зрителѣ и слушателѣ, но полную прелесть онъ пріобрѣтаетъ для насъ тогда, когда мы видимъ въ немъ отраженіе нашей души, нашего настроенія, какое мы вложили въ него. «Человѣкъ видитъ только самого себя въ зеркалѣ природы, и она повторяетъ ему лишь то, что онъ у нея спрашиваетъ», говоритъ Рюккертъ, а Эберсъ объясняетъ: «Да, вложите въ вѣчную природу все лучшее изъ вашего духа и сердца и она возвратитъ вамъ все, все въ тысячу кратъ щедрою рукою». А Фишеръ говоритъ въ своихъ «Критическихъ мысляхъ» ²⁾: «Даже самое величественное въ природѣ не настолько велико, чтобы оно могло дѣйствовать на насъ, если состояніе нашего духа не содѣйствуетъ тому». Каждый пейзажъ можетъ быть прекраснымъ или привлекательнымъ, если его украшаетъ человѣческое чувство. Мы должны имѣть способность придавать ему духъ, душу, настроеніе. Только тотъ видитъ въ немъ отраженіе своего «я», видитъ въ немъ сочувствующаго друга, только тотъ погружается въ него съ симпатическимъ наслажденіемъ и созерцаетъ его съ умле-

¹⁾ Прекрасно самому находить новое; но развѣ ты менѣе считаешь своимъ то, что счастливо отыскано другимъ, радостно признано и оцѣнено?

²⁾ Neu Folge, V p. 182.

ніемъ и одушевленіемъ, кто умѣетъ въ силу своего умственного и душевнаго развитія связать міръ идей и настроеній съ міромъ явленій. Только волшебный жезлъ поэтической фантазіи оживляетъ природу и согрѣваетъ ее, какъ согрѣвался камень у сердца Цигмаліона.

Въ пѣснѣ поэта лѣса, стремительные потоки, быстрые вѣтры живутъ; природа невольно подчиняется божественному пѣвцу, какъ это лучше всего символизировано въ сказаніи объ Орфеѣ, который сладкими звуками струнъ увлекаетъ за собой лѣса, рѣки и животныхъ, которые слушаютъ его. Тотъ, въ комъ хотя отчасти не живетъ художникъ, ничего не увидитъ въ природѣ, кромѣ листьевъ, деревьевъ, горъ, кромѣ неба, земли, воды и т. п.

Научное изученіе природы не ограничиваетъ чувства наслажденія ею, но дѣлаетъ его разнообразнѣе и тоньше; болѣе развитое пониманіе природы оживляетъ вызываемый ею восторгъ; чѣмъ значительнѣе и глубже познаніе отдѣльныхъ мелкихъ чертъ въ жизни природы, оптическихъ и акустическихъ законовъ, геологическихъ и метеорологическихъ условій, богатства жизненныхъ растительныхъ и животныхъ формъ на землѣ и въ морѣ, тѣмъ сильнѣе, обширнѣе и глубже становится любовь къ природѣ. Короче сказать, интенсивное чувство природы обуславливается всегда достаточною высотой культурности, достаточнымъ развитіемъ ума и сердца. Только цѣльному человѣку открывается природа въ своемъ цѣломъ и развитіе чувства природы идетъ путями аналогичными общему развитію культуры.

Такъ какъ каждой націи и каждой эпохѣ принадлежитъ особый, свойственный ей образъ мыслей, и такъ называемый духъ времени подверженъ постоянному превращенію, то и эстетическое воззрѣніе на природу, такъ же какъ теоретическое міровоззрѣніе, постоянно измѣняется; каждый вѣкъ видитъ природу по своему. Мы непрестанно переносимъ на природу нашъ образъ и нашу душу, стараясь постигнуть и изобразить ее. Нѣтъ возможности отдѣлить созерцаніе природы отъ одушевленія ея,—какъ говоритъ Фишеръ ¹⁾:

¹⁾ N. Kritische Gänge 5. Heft p. 142, сравн. Rob. Vischer, Ueber den optischen Formsinn, bes. p. 20 ff., Carl du Prel, Psychologie der Lyrik, p. 94 ff.

«Дѣйствіе, въ силу котораго мы въ неодушевленномъ находимъ нашу душевную жизнь, имѣетъ въ основѣ простое сравненіе. Физически ясное уподобляется умственно ясному, смутное, мрачное, душевно смутному и мрачному; тогда мы прямо прилагаемъ наше душевное настроеніе къ неодушевленному предмету и говоримъ: эта мѣстность, эта перспектива, этотъ колоритъ цѣлаго, веселый или меланхолическій и т. д.». Такъ скала кажется намъ гордо поднимающеюся въ воздухъ; мы мыслимъ и чувствуемъ себя въ ней, приспосабливаемъ себя къ ней и намъ не только кажется, но для насъ она дѣйствительно возвышается съ гордостью. Такъ, ручей спѣшитъ намъ навстрѣчу съ горы, дерево страстно протягиваетъ руки къ небу или меланхолически склоняетъ ихъ къ землѣ; дождь роняетъ тяжелыя слезы черезъ зелень деревьевъ; огонь съ яростью набрасывается на строеніе, и воды, съ ликующей радостью освобожденные отъ льда, несутся черезъ душистые, свѣтлые и смѣющіеся весенніе луга. Мягкій, теплый, лѣтній вечеръ съ лучами заходящаго солнца, съ возвращающимися съ зеленѣющихъ пастбищъ стадами къ деревенскимъ домикамъ, скрытымъ въ зелени, имѣетъ въ себѣ нѣчто мирно-идиллическое; сѣрое осеннее небо со стонущими на вѣтру, плачущими отъ дождя нѣвами, представляетъ собою нѣчто элегическое, меланхолическое; горы со своими, поднимающимися къ небу снѣговыми вершинами, блистающими ледниками, низвергающимися потоками, величественны, свободны, горды и т. п. Но внѣшняя природа не могла бы сдѣлаться символомъ чело-вѣческой души, если бы не существовало тѣснаго сродства между внутреннимъ міромъ чловѣка и внѣшнимъ міромъ природы, если бы передъ нами во всей природѣ не обнаруживался скрытый въ ней духъ, который внятно говоритъ намъ и близко связать съ нашимъ собственнымъ духомъ. Если прекрасное есть одушевленная форма, то прекрасное въ природѣ одухотворяется душою, которую влагаетъ въ нее зритель, которую онъ предчувствуетъ и чтитъ въ ней. Природа и духъ вѣчно обмѣниваются дарами другъ съ другомъ.

Мы прослѣдимъ вкратцѣ ходъ развитія, какому чувство природы слѣдовало въ древности. Пантеизмъ во всѣ времена давалъ начало особенно нѣжной любви къ природѣ, и поэтому въ поэзіи индусовъ мы встрѣчаемъ самое горячее отношеніе чловѣка къ природѣ, въ особенности къ растеніямъ и животнымъ. Чувство природы выражено въ Ведахъ съ са-

В
У
С
А
Т
Н
И
М
Д
П
Т
О
Б
П
И
Щ
Т
Р
С
К
И
Ш

Вот
дѣ
ты

мымъ возвышеннымъ подъемомъ религіознаго одушевленія, но уже и тамъ человѣкъ видитъ въ природѣ глубочайшую связь съ его внѣшней и внутренней жизнью — все равно, изображаетъ ли онъ утреннюю зарю съ ея величественной простотой, или воспѣваетъ «золоторукое» солнце. Но чѣмъ болѣе на мѣсто общей природы въ ея цѣломъ, съ ея обширными пространствами неба, земли и воды, выступала опредѣленная мѣстность смотря по требованію историческаго сказанія или драмы, чѣмъ больше вырабатывался браманскій со своей пустынической жизнью, глубоко коренившійся въ созерцательной натурѣ индуса, тѣмъ богаче и ярче становились описанія соотвѣтственно величію или блеску самаго пейзажа.

Человѣкъ и природа, какъ выраженіе одной и той же божественной жизни, родственны и близки между собой и первый представляетъ себѣ послѣднюю надѣленную жизнью и сочувствующею ему, радующеюся его счастьемъ и отзывающеюся на его горе. Изображенія природы занимаютъ значительное и самостоятельное мѣсто въ эпосѣ и природа играетъ роль и въ драмѣ. Человѣкъ предполагаетъ участіе и сочувствіе къ себѣ во всѣхъ отдѣльныхъ явленіяхъ природы. Когда Дамаянти, блуждая въ лѣсу, ищетъ потеряннаго Наля и видитъ возвышеннаго стража лѣса царя горъ, она спрашиваетъ его о своемъ царѣ:

. О владыка
Горъ первозданный, спокойно-блаженный, прохладно-росистый,
Тучеподобный, земли подпиратель

. Мнѣ данный богами
Спутникъ, покинулъ меня и разставшись съ нимъ, я рассталась
Съ жизнью. Нынѣ къ тебѣ прихожу, многоглавный властитель
Горъ, съ высоты все объемлющій окомъ, скажи: не видалъ ли
Наля? Отвѣтствуй, могучій созданія первенецъ; словомъ
Сладкой надежды утѣшь сироту, какъ отецъ утѣшаетъ
Дочь сокрушенную: гдѣ мой возлюбленный?

И когда она приходитъ къ дереву Азока, она умоляетъ его:

. Блаженное дерево, чудный
прекрасный

Гореусладъ, благовоный Гореусладъ, улади ты
Горе мое; двѣтущій Азока, скажи, не видалъ ли
Ты моего супруга, царя Нишадскаго Наля?

Въ эпосѣ «Смерть Сизуналы» Магасы, растенія и животныя ведутъ такую же жизнь любви, какъ и полногрудыя дѣвы съ ихъ пламенными возлюбленными. «Гора Райватака тысячами главъ соприкасается съ эфиромъ, тысячами ногъ

съ землею; птицамъ, утомленнымъ ласками ихъ подругъ, она даетъ тѣнь подъ кровомъ изъ листьевъ лотуса... Кто во всемъ мірѣ не удивляется, когда видитъ царя горъ, покрывающаго своей тѣнью далеко простирающіяся страны свѣта и эфиръ, стоящаго съ высоко поднимающимися могучими, острыми скалами, на концахъ которыхъ дрожить серпъ мѣсяца». Въ «Урвасѣ» Калидасы, поклонный, отыскивая свою жену, спрашиваетъ у водяныхъ птицъ, у хребтовъ горъ, не видали ли они его милой подруги. Когда онъ спускается на берегу горнаго потока, онъ спрашиваетъ себя — откуда исходитъ восторгъ, доставляемый ему этимъ потокомъ. На самомъ дѣлѣ: «Его волны—это брови, стаи робкихъ птицъ это—поясъ, а высоко вздымающіяся пѣна—волнующаяся одежда. Такъ же, какъ возлюбленная онъ шумитъ и кипитъ; да она въ своемъ гнѣвѣ, очевидно, превратилась въ рѣку! Оставь же свой гнѣвъ, о, рѣчка, зачѣмъ пугать озабоченныхъ птицъ, зачѣмъ бѣжать отъ меня къ морю, шума, какъ летящій рой пчелъ!» Блуждая послѣ того, онъ встрѣчаетъ вѣтеръ, приводящій его въ странное восхищеніе; онъ стремится обнять его, находя въ немъ сходство со своей возлюбленной: «Посмотри мое сердце разбито, о, вѣтеръ! Видно судьба такъ хотѣла, чтобъ тебя я нашелъ вмѣсто возлюбленной; будь мнѣ такъ же милъ, какъ моя подруга!» Тогда вѣтеръ превращается въ Урваси.

Въ извѣстной сценѣ произведенія того же автора «Сакунталы», прекрасная дѣвушка поливаетъ деревья сада не только по приказанію отца, но потому, какъ говоритъ Сакунтала, что она чувствуетъ къ нимъ любовь сестры. Предполагая такое же расположеніе къ ней въ манговомъ деревѣ, она восклицаетъ: «Мнѣ кажется, манговое дерево своими пальцами—я разумѣю его колеблемыя вѣтромъ вѣтки — что-то мнѣ говорить». И подъ скромностью дѣвушки обнаруживается ея стремленіе къ любви, когда она приписываетъ его растеніямъ: «Посмотри на эту «навамалику», какъ она выбрала себѣ «сагакару» въ супруги. Какъ прекрасно время, дающее столько восторговъ этой древесной парѣ. Какъ очарователенъ союзъ этой четы растеній. О, моя подруга, осыпанная новыми украшеніями изъ цвѣтовъ, стоитъ она исполненная юности; онъ также готовъ къ наслажденію». Подруга говоритъ ей: «Сакунтала, ты совсѣмъ забыла Мадгавильяни!» «Если-бъ я это сдѣлала, я бы забыла самое себя», отвѣчаетъ та, и т. д.

Облака ¹⁾, птицы и волны переносят у индусов любовныя привѣтствія, вся природа груститъ, прощаясь со своимъ любимцемъ. Такъ, когда Сакунтала разлучается со своимъ лѣсомъ, говорится: «Посмотри, въ какомъ состояніи лѣсъ, готовящійся разстаться съ тобою: антилопа роняетъ свой кормъ и павлинь приостанавливаетъ свои страстныя движенія, а его крылья, ослабѣвшія отъ печали, подобны ползучимъ растеніямъ и т. д.

Эти пріувеличенныя одушевленія и олицетворенія, которыя имѣютъ, однако, нѣчто трогательное въ ихъ образной и искренней симпатіи человѣка съ виѣшнимъ міромъ, находятся въ тѣсной причинной связи такъ же, какъ и съ ихъ несоразмѣрно развитой фантазіей. Въ особенности стихотворенія, посвященныя описанію природы, представляютъ смѣлыя одушевленія. Я укажу только на описаніе дождливаго времени въ «Собраніи временъ года» того же Калидасы:

«Облака спускаются со своей тяжестью, сопровождаемые жаждающей стаей птицъ; со сладкимъ для слуха шумомъ расширяютъ они понемногу свои богатые дары... Тихіе потоки подобно дѣвамъ обнимаютъ съ любовью береговыя деревья, толпящіяся кругомъ нихъ и быстро спѣшатъ къ океану... Усталое облако говоритъ: тамъ, выше, я найду себѣ покой, и оно спускается мягкимъ дождемъ на горы Випдія, складываетъ свою тяжелую ношу и, гдѣ оно покоится, оно освѣжаетъ гору послѣ тяжкаго солнечнаго зноя». Не менѣе многочисленны и привлекательны, хотя иногда и напыщенны образы и сравненія этой поэзіи. Такъ въ Сакунталѣ гово-

¹⁾ Такъ въ элегіи Гатакарпарама жена, тоскующая о супругѣ, который далеко отъ нея, такъ говорить облакамъ: «Скажите страннику, вы, облака, когда встрѣтите его покрытаго пылью, потому что онъ идетъ скоро по открытой дорогѣ: теперь ты долженъ оставить красоту чужихъ полей; развѣ ты не слыжалъ, какъ горюетъ тамъ твоя возлюбленная! Теперь стремятся о, мой супругъ, веселыя стаи фламинговъ, туда, куда сердце, пѣжная любовь ихъ зоветъ, а также и хатакасъ (кукушка); ты одинъ только, странникъ, забываешь твою горюющую жепу. Посмотри, какъ милая трава поднимается съ пѣжнымъ призывомъ. И какъ пьетъ хатакасъ небесный напитокъ, какъ павлины радостно привѣтствуютъ облака своимъ крикомъ; неужели ты можешь теперь быть веселъ безъ твоей супруги»... Сравн. *Das alte Indien* v. Böhlen, II p. 384, Cotta, *Kommentar zu Humboldt's Kosmos*, 1850, II p. 74, тамъ же II p. 38 ff. л 114 ff.

рится: «Богъ любви былъ причиною моихъ страданій, и теперь онъ даетъ мнѣ силы, также, какъ облачный, день освѣжаетъ людей, когда пройдетъ знойное время»... «Даже когда ты уйдешь отъ меня, моя прекрасная, ты не оставишь моего сердца подобно тому, какъ вечеромъ тѣнь не оставляетъ корней дерева, лежащаго на востокѣ» и т. п.

Пантеизмъ индусовъ служитъ источникомъ этого чувства симпатіи къ природѣ, этого сердечнаго общенія съ міромъ явленій; ихъ міросозерцаніе составляетъ діаметральную противоположность монотеистическому воззрѣнію евреевъ. Хотя и для индуса единичное существо передъ единымъ Брамой не представляетъ ничего прочнаго, но божественное начало проникаетъ у нихъ весь міръ, освѣщаетъ его и придаетъ ему извѣстную цѣнность; между тѣмъ передъ Іеговой все прочее—ничто, только прахъ. Индусъ погружается съ тихимъ созерцаніемъ въ жизнь и дѣятельность природы и въ своей поэзіи изображаетъ еѣ со всѣмъ ея разнообразіемъ и широтою ради нея самой, а еврей лишь ради Творца. Она имѣетъ для него значеніе не сама по себѣ, а лишь по отношенію къ Богу. Его фантазія облетаетъ на крыльяхъ утренней зари, вѣтра или облаковъ, небо и землю, но нигдѣ не останавливается ея взглядъ, ея полетъ стремится въ безпредѣльность, ни на минуту не отрывая взора отъ Всевѣдущаго, для Котораго свѣтъ служитъ одеждой, кровомъ—небо, подножіемъ—земля. Воображеніе Псалмопѣвца обнимаетъ небо и землю, сушу и море, горы съ ихъ дикими мѣстами и лѣсами, равнины съ плодовыми деревьями, цвѣтами и травой; но все это онъ кладетъ къ подножію Господа, передъ Которымъ колеблется земля, горы прыгаютъ, какъ овны, и холмы, какъ молодые агнята. «Небеса проповѣдуютъ славу Божію и о дѣлахъ рукъ Его вѣщаютъ твердь. День дню передаетъ рѣчь и ночь ночи открываетъ знаніе (Псал. 18). Да веселятся небеса и да торжествуетъ земля; да шумитъ море и то, что наполняетъ его. Да радуется поле и все, что на немъ, и да ликуютъ всѣ деревья дубравныя предъ лицомъ Господа, ибо идетъ, ибо идетъ судить землю (95); да шумитъ море и что наполняетъ его, вселенныя и живущіе въ ней; да рукоплещутъ рѣки, да ликуютъ вмѣстѣ горы передъ лицомъ Господа (97). Возвышаютъ рѣки, Господи, возвышаютъ рѣки голосъ свой, возвышаютъ рѣки волны свои. Но паче шума водъ многихъ сильныхъ волнъ морскихъ, силенъ въ вышнихъ Господь! (92)». Такъ же, какъ человѣкъ,

и природа боится Бога: «Море увидѣло его и побѣжало; Иорданъ обратился назадъ; горы прыгали какъ овны (113); видѣли Тебя, Боже, воды, видѣли Тебя воды и убоялись и вострепетали бездны (76)». Всѣ эти столь возвышенные одушевленія безжизненной природы характеризуютъ отдѣльные явленія не по ихъ конкретной, индивидуальной сущности, но по ихъ отношенію къ Всевышнему, къ Творцу. Природа есть только книга, въ которой можно читать о чудныхъ дѣлахъ, о всемогуществѣ и всевѣдѣніи, о вездѣсущи и вѣчности Бога; лишь черезъ Него все получаетъ свои границы и свое назначеніе; ничто само по себѣ не служитъ цѣлью. Поэтому еврей не могъ погружаться въ природу съ симпатическимъ чувствомъ, любить ее ради нея самой. Она для него лишь откровеніе Божіе, дѣла Котораго столь велики, Который все мудро устроилъ и наполнилъ землю Своей благостью. Съ какими пламеннымъ воодушевленіемъ прославляется величіе Іеговы въ природѣ: «Благослови, душа моя, Господа! Господи, Боже мой! Ты дивно великъ, Ты облеченъ славою и величіемъ. Ты одѣваешься свѣтомъ, какъ ризою, простираешь небеса, какъ шатерь; устрояешь надъ водами горніе чертоги Твои, дѣлаешь облака Твоею колесницею, шествуешь на крыльяхъ вѣтра. Ты творишь ангелами Твоими духовъ, служителями Твоими огонь пылающій. Ты поставилъ землю на твердыхъ основахъ: не поколеблется она во вѣки и вѣки. Бездною, какъ одѣяніемъ, покрылъ ты ее; на горахъ стоятъ воды. Отъ прещенія Твоего бѣгутъ онѣ, отъ гласа грома Твоего быстро уходятъ. Восходятъ на горы, нисходятъ въ долины, на мѣсто, которое Ты назначилъ для нихъ. Ты положилъ предѣль, котораго не перейдутъ, и не возвратятся покрыть землю. Ты послалъ источники въ долины, между горами текутъ (воды): поятъ всѣхъ полевыхъ звѣрей; дикіе ослы утоляютъ жажду свою. При нихъ обитаютъ птицы небесныя, изъ среды вѣтвей издаютъ голосъ. Ты напояешь горы съ высотъ Твоихъ, плодами дѣль Твоихъ насыщается земля. Ты произрощаешь траву для скота, и зелень на пользу человѣка, чтобы произвести изъ земли пищу. И вино, которое веселитъ сердце человѣка, и елей, отъ котораго блистаетъ лицо его, и хлѣбъ, который укрѣпляетъ сердце человѣка. Насыщаются древа Господа, кедръ Ливанскіе, которые Онъ насадилъ... Онъ сотворилъ луну для указанія времени, солнце знаетъ свой западъ. Ты простираешь тьму и бываетъ ночь: во время ея

бродятъ всѣ лѣсные звѣри... Восходить солнце, они (львы) собираются и ложатся въ свои логовища. Выходить человѣкъ на дѣло свое и на работу свою до вечера... Это море великое и пространное: тамъ пресмыкающіеся, которымъ нѣтъ числа, животныя малыя съ большими... Да будетъ Господу слава во вѣки: да веселится Господь о дѣлахъ своихъ! Призираетъ на землю, и она трясется; прикасается къ горамъ, и дымится. Буду пѣть Господу во всю жизнь мою, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь» (Псал. 103). Укажемъ здѣсь еще на 38 гл. Іова и 40 гл. изъ Исаи.

Такимъ образомъ міръ представляется еврейскому поэту какъ могучее цѣлое: но взглядъ, устремленный въ безпредѣльное пространство не останавливается на подробностяхъ, на индивидуальной внѣшности и на сущности отдѣльныхъ явленій. Тотъ же характеръ имѣютъ и метафоры; они задуманы величественно и поэтично, но сами по себѣ не характерны. Такъ уныніе, наполняющее душу, сравнивается съ водами: «Всѣ воды Твои и влоны Твои прошли надо мною (41); спаси меня Боже, ибо воды дошли до души моей; я погрязъ въ глубокомъ болотѣ и не на чемъ встать: вошелъ во глубину водъ и быстрое теченіе ихъ увлекаетъ меня (68)». Образы часто заимствуются изъ міра животныхъ: крѣпость льва и быка, дикость осла и т. п. Однимъ словомъ, воззрѣніе евреевъ ¹⁾ на природу предпочитаетъ ее въ общемъ видѣ или безпокойно блуждаетъ отъ одного явленія къ другому, подчиняя ихъ высшему понятію Божества. Природа настолько имѣетъ значенія, насколько она дѣло Божіе, и воображеніе человѣка поднимается къ престолу Іеговы и съ высоты его обозрѣваетъ твореніе.

Эллины совершенно иначе относились къ природѣ. Крѣпко сросшись съ своею родною почвой, одаренные фантазійю, удивительно воспріимчивой ко всему прекрасному, съ свѣжимъ чувствомъ и яснымъ взглядомъ, смотрѣли они на величественный міръ, окружавшій ихъ, относясь съ живою радостью и сердечнымъ внимательнымъ пониманіемъ, даже къ самымъ мелкимъ его явленіямъ. Прекрасное составляетъ достояніе эллинскаго народа. У него въ первый разъ въ исторіи человѣ-

¹⁾ Ср. Humboldt, Kosmos II p. 45. Schnaase, Geschichte der bildenden Künste II p. 80 f,

чества мы встрѣчаемъ культъ прекраснаго въ соразмѣрности формы и содержанія и изумительную гармонію развитія всѣхъ душевныхъ силъ, такъ же какъ и отдѣльныхъ искусствъ. Ничто подобное никогда не повторялось въ исторіи культуры, какъ будто то, что сдѣлали греки въ наукѣ и искусствѣ, достаточно, чтобы во всѣ послѣдующія времена оживлять и двигать человѣчество, давая ему вѣчныя нормы всего великаго и прекраснаго. Вліяніе античной литературы на средніе вѣка и новое время никогда не прекращалось, становясь съ теченіемъ вѣковъ все живѣе и интенсивнѣе; поэтому намъ слѣдуетъ указать границы, какихъ достигъ греко-римскій міръ по отношенію къ чувству природы ¹⁾ для того, чтобы опредѣлить, примыкають-ли средніе вѣка въ органическомъ развитіи умственной жизни къ этой грани, или они отступаютъ отъ нея назадъ, представляя собою время упадка, послѣ котораго пришлось уже послѣ, позднѣйшей эпохѣ продолжать зданіе древнихъ, созидая то, что мы называемъ культурой.

Античный и новѣйшій, наивный и сантиментальный, классическій и романтический, благодаря Ж. П. Рихтеру и Шиллеру, Гелелю и Фишеру сдѣлались терминами для обозначенія культурныхъ теченій древняго и новаго времени. Въ своемъ и теперь еще неутратившемъ значенія, содержащемъ много свѣтлыхъ мыслей, введеніи въ эстетику, «*Yorschule zur Aesthetik*», Жанъ Поль Рихтеръ противопоставляетъ греческую пластическую поэзію съ ея объективностью, идеальной простотой, яснымъ спокойствіемъ и нравственной граціей, романтической музыкальной поэзіи «разтерзаннаго культурнаго человѣка» и даетъ слѣдующее характеристическое сравненіе: «Пластическое солнце свѣтило однообразно, какъ бодрствованіе; романтическая луна мерцаетъ измѣнчиво, какъ сонъ». Еще болѣе значенія имѣлъ знаменитый трактатъ Шиллера о наивной и сантиментальной поэзіи съ его рѣзкимъ отличіемъ антично-наивнаго, — сущность котораго основана на гармоніи духа и природы, — отъ современно-сантиментальнаго, сущность котораго заключается въ тоскѣ по потерянному раю. Но Шиллеръ обладалъ лишь ограниченнымъ знаніемъ греческой литературы; въ томъ же 1795 году, когда появился упомянутый трактатъ, откры-

¹⁾ См. подробн. соч. того же автора «*Die Entwicklung des Naturgefühls bei den Griechen und Römern*». Kiel 1882—1884.

вавший новые пути, онъ просить В. Гумбольдта дать ему указанія относительно изученія греческаго языка, причемъ его особенно занимаютъ Гомеръ и Ксенофонтъ. Гомеръ ему кажется Грекомъ по преимуществу и кто-же въ этомъ, даже и теперь, не согласится съ нимъ? Греческая мифологія—наивная, одушевленная върою поэзія природы, ясное выраженіе глубокаго чувства жизни въ мірѣ явленій, продуктъ пластическаго чувства грековъ, внутренней потребности выразить впечатлѣніе природы въ ясномъ, рѣзко очерченномъ гармоничномъ по идеѣ и формѣ, т. е. прекрасномъ образѣ. Точно также и у Гомера чувство природы весьма искренно и выражено въ ясныхъ, наглядныхъ сравненіяхъ и образахъ, но у гомеровскаго героя еще нѣтъ личнаго отношенія, нѣтъ сознательнаго влеченія къ природѣ; образы природы объективно противопоставляются, въ видѣ сравненія, дѣйствіямъ человѣка или служатъ рамками для нихъ, для изображенія времени или мѣста. Но эта свѣтлая юношеская пора человѣчества, эта не знавшая рефлексіи наивная гомеровская эпоха, была непродолжительна. Самъ Шиллеръ указываетъ въ своемъ трактатѣ сантиментальныхъ поэтовъ древности—Эврипида, Вергилія и Горация, и это часто упускалось изъ вида, такъ же какъ и другое противорѣчіе, когда онъ такого поэта, какъ Шекспиръ, причисляетъ къ наивнымъ на ряду съ Гомеромъ.

Чувство природы у грековъ было подвержено развитію, которое шло параллельно общему культурному движенію; со-размѣрно строго органическому развитію эллинскаго духа, можно ясно прослѣдить процессъ, которымъ наивное, робкое сравненіе явленій нашего духа и явленій природы, объективное сравненіе, сливающее ихъ въ метафору, превращалось въ поэтическое одушевленіе и въ образы, отражающіе настроеніе, причемъ душевное движеніе приводится въ противорѣчіе или согласованіе съ картиной природы, пока, наконецъ, въ эллинизмъ пейзажъ, самъ по себѣ, пріобрѣтаетъ значеніе и люди становятся только статистами природы, что замѣтно и въ поэзіи, а также, подобно нынѣшнему времени, и въ ландшафтной живописи.

И эллинизмъ не всегда оставался наивнымъ: и у него была своя сантиментальная эпоха. Со временъ софистовъ, процессъ разложенія античной литературы происходитъ безостановочно, или въриѣе, въ ней начинается стремленіе къ тому, что мы называемъ новѣйшимъ; вслѣдствіе того, то, что

было упадкомъ для древняго міра, означаетъ собою прогрессъ въ общемъ развитіи. Мы видимъ то же явленіе во всемъ культурномъ движеніи человѣчества: народы выдѣляются, идутъ и проходятъ по тѣмъ же путямъ развитія, поднимаясь вверхъ и затѣмъ опускаясь внизъ, и проклятіе прогресса всегда заключается въ томъ, что каждое новое явленіе нмѣетъ свои темныя стороны, что возрастающая культура, несмотря на повышеніе и углубленіе умственной жизни, приводитъ за собой разрушающія начала, какихъ никто не могъ предполагать. Человѣчество должно искупать тяжелыми жертвами каждое новое благо, какимъ явилось возростаніе субъективности и самостоятельности духа, о которомъ мы говоримъ. Чѣмъ болѣе въ древности развивались личность, чѣмъ болѣе вырабатывалась свобода и самостоятельность, тѣмъ болѣе исчезало чувство единенія и самоотверженная любовь къ отечеству, служившія прежде опорами государства, составлявшими высшее народное благо. Но тѣмъ болѣе развиваются зачатки нашего, новѣйшаго духа, въ которомъ индивидуальность уже не знаетъ предѣловъ. Тѣмъ далѣе идетъ самопознаніе духа, тѣмъ богаче становится душевная жизнь. Тогда величайшей проблемой для человѣка становится онъ самъ; онъ начинаетъ обращать вниманіе на мельчайшія оттѣнки своихъ ощущеній, намѣренъ фиксировать ихъ и размышлять о нихъ. На этомъ раздвоеніи своего «я», на этомъ самоотраженіи основывается то, что мы называемъ теперь сантиментальностью. Однимъ изъ признаковъ ея служить любовь къ уединенію: благодаря уединенію возрастаетъ сознательное чувство природы; «всѣ благородныя страсти, всегда образуются въ уединеніи», говоритъ Руссо. Въ то же время сердце признается «драгоценнѣйшимъ и рѣдчайшимъ достояніемъ», какъ высказано было въ «Франкфуртской ученой газетѣ» 1772 года, или какъ выражался Руссо: «О, какой неизрѣченный даръ неба составляетъ чувствительное сердце!» и въ другомъ мѣстѣ: «сердца, согрѣтыя небеснымъ огнемъ, находятъ въ своихъ собственныхъ чувствахъ чистыя и драгоценныя наслажденія, независимыя отъ судьбы и отъ цѣлаго міра». Но еще Эврипидъ удалялся въ уединеніе, чтобы избѣжать шума города, въ пещеру на Саламинѣ, которую онъ велѣлъ приготовить для себя съ видомъ на море—и оттуда, прибавляетъ его біографъ, занимствовалъ онъ по преимуществу свои сравненія. Поэтому уже Эврипида, а не Петрарку или Руссо слѣдуетъ считать «от-

цомъ чувствительности». Эврипидъ исходитъ изъ софистики, которая нанесла первый ударъ древнимъ эллинскимъ представленіямъ, народной вѣрѣ въ боговъ и впервые нарушила непосредственное единеніе между человѣческимъ духомъ и природой. Но субъективность входитъ въ свои права уже при появленіи лирики, изображающей наиболѣе личное, индивидуальное настроеніе, и такъ какъ лирика не можетъ обойтись безъ вѣшной природы, уже древняя лирика проникнута нѣжнымъ, субъективнымъ ощущеніемъ природы; представителями ея являются Сафо, Симонидъ, Пиндаръ и три великіе трагика, въ своихъ лирическихъ хорахъ. Эврипидъ и Аристофанъ, болѣзненный смѣхъ котораго, какъ говоритъ Дройзенъ, выражаетъ ту же душевную дисгармонію, то же отчаяніе, какъ и глубокая меланхолія Эврипида, указываютъ только путь къ тому, что достигаетъ вполне яснаго сознанія въ эллинизмѣ. Эллинизмомъ мы называемъ духъ греческаго народа въ его международномъ или космополитическомъ значеніи. Эллинизмъ означаетъ собою сознательное развитіе чувствительности древняго человѣка, освобожденіе его личности отъ племенныхъ и сословныхъ узъ, расширеніе путей ея дѣятельности. Онъ порождаетъ то сантиментально идиллическое чувство природы, которое любить природу ради нея самой, съ сознательнымъ наслажденіемъ проникаетъ въ ея тайную прелесть и ради нея самой рисуетъ ее въ идилліи, какъ мы видимъ это у Теокрита: любовь придаетъ этому воззрѣнію на природу еще большую искренность, еще болѣе приближаетъ ее къ нашему современному воззрѣнію, какъ мы видимъ у Каллимаха. Дальнѣйшее развитіе чувства симпатіи къ природѣ классической эпохи заключается въ томъ, что человѣкъ не только проникается искреннымъ участіемъ къ великому и малому въ природѣ, но и въ томъ, что онъ и ей приписываетъ сердечное сочувствіе его радостямъ и горестямъ.

Ничего не можетъ быть болѣе невѣрнаго, въ неосновательномъ положеніи, повторяемомъ Шиллеромъ, Гервинусомъ и друг., будто греческая древность не знала радости, доставляемой природой, не имѣла къ ней влеченія, не вникала въ ея красоту, не любила и не изображала ее ради нея самой, не знала ни ландшафтной живописи, не знала, однимъ словомъ, созвучія между настроеніемъ человѣческой души и природы. Нельзя не признать, что наша современная субъективность чувства, съ ея нынѣшней глубиной и полнотой, въ древ-

ности можетъ быть найдена только въ зачаткѣ, что тогда лишь слабо звучали струны, которыя въ позднѣйшее время дали полные аккорды. Дѣйствительно, чувство природы у грековъ, отчасти, было связано особыми національными воззрѣніями на міръ и божество, не находило собѣ поддержки въ естествознаніи, въ то время, за исключеніемъ ботаники, находившемся въ колыбели и не знало того новаго душевнаго міра, какой былъ открытъ христіанствомъ. Въ то же время оно, отчасти, сдерживалось въ соразмѣрныхъ рамкахъ строгимъ чувствомъ мѣры, не позволявшемъ ему къ его выгодѣ вдаваться въ излишества бездушныхъ описаній природы, свойственныхъ нынѣшнимъ поэтамъ. Поэтому нельзя ставить въ вину Шиллеру, если онъ, живя въ эпоху крайностей въ описаніи природы и болѣзненной чувствительности, вооружаясь противъ этого направленія, пришелъ къ слишкомъ строгому осужденію всякой чувствительности, смѣшивая ее съ напыщенностью чувства своего времени, и съ другой стороны, къ слишкомъ общему возвеличенію античной наивности, которая можетъ относиться только къ Гомеровскому вѣку. Но отъ Гомера до Лангоса совершается процессъ развитія, который отъ наивной радости, доставляемой природой, ведетъ къ сознательному, откровенному восхищенію ея красотой, къ сантиментальному наслажденію природой и къ изображенію пейзажа ради него самого въ поэзіи и живописи, хотя послѣдняя и не могла еще преодолѣть многихъ существенныхъ техническихъ трудностей.

Во всемъ, что можно назвать искусствомъ, римляне были учениками грековъ; но хотя они въ области прекраснаго не дали ничего равнаго или подобнаго произведеніямъ эллинскаго ума, проникнутымъ свѣтомъ вѣчной юности, тѣмъ не менѣе въ общемъ ходѣ развитія человѣческой культуры, римляне подошли ближе къ нашимъ современнымъ воззрѣніямъ. Ихъ чувство уже субъективнѣе, сознательнѣе, абстрактнѣе и у поэтовъ блестящаго вѣка мы находимъ болѣе сродное намъ чувство, чѣмъ у поэтовъ классической Греціи.

Правда, чувство природы у римлянъ носить на себѣ слѣды ихъ практическаго, экономическаго духа; въ ихъ міеологіи все слишкомъ разумно, внѣшній культъ, обрядность, занимаетъ у нихъ слишкомъ много мѣста, но и у нихъ нѣтъ недостатка въ почтительномъ страхѣ передъ силами природы, голоса которой слышатся въ темнотѣ лѣса. Ихъ драматурги заимствуютъ эффектные образы и метафоры изъ природы; Лукрецій кладетъ

начало болѣе глубокому пониманію природы и это пониманіе придаетъ утонченность его восхищенію природой и изображенію ея; въ поэзіи величайшаго римскаго лирика Катулла зарождается чувство симпатіи къ природѣ, которое превращается въ элегически-сентиментальное у поэтовъ Августова вѣка Тибулла, Праперція, Овидія, Виргилія и Горація. Въмѣстѣ съ развивающимися культурными отношеніями императорской эпохи, возрастаетъ и утонченность чувствъ природы; созерцаніе природы становится утѣшеніемъ въ тяжелыхъ обстоятельствахъ того времени; зрѣлище вѣчнаго небеснаго пространства, гдѣ движутся яркія звѣзды въ ненарушимой гармоніи, и темная дубрава, въ которой чувствуется присутствіе божества, сообщаютъ спокойствіе и отраду неудовлетворенной душѣ того времени. Это можно сказать о Сенекаѣ, который былъ насквозь проникнутъ пантеизмомъ. Съ мечтательной любовью, какъ современный намъ человекъ, Плиній Младшій погружается въ одиночество среди природы, отдается грезамъ въ тѣнистомъ, прохладномъ покоѣ, въ который съ тихимъ шумомъ плещутъ волны, или же въ лѣсу или у ручья устремляетъ взоры вдаль, чувствуя уже прелесть цѣлаго въ ландшафтѣ и таинственные эффекты великой художницы природы въ озерахъ и лѣсныхъ источникахъ. Адріаномъ и Апулеемъ начинается эпоха Рококо римской литературы; въ послѣднемъ насъ поражаетъ новѣйшій характеръ его симпатій; Авзаній, по глубинѣ и пѣжности своего чувства природы, даже приближается къ германской поэзіи. И культура садовъ и ландшафтная живопись также принимаютъ постепенно симпатическій и сентиментально-элегическій отбѣнокъ.

Тѣмъ, кто отрицаетъ чувство природы у римлянъ, достаточно было-бы взглянуть на развалины ихъ виллъ; Г. Ниссенъ справедливо говоритъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи, (*Italische Landeskunde*, I p. 135): «Ни одна только мода приковывала римлянъ къ морю и привязывала къ нему самыхъ могучихъ изъ нихъ, начиная отъ старшаго Сципіона Африканскаго и его благородной дочери Корнеліи, до Августа, Тиберія и ихъ пріемниковъ, какъ скоро ихъ силы ослабѣвали въ борьбѣ на римскомъ форумѣ. Мягкій вѣтеръ освѣжалъ разгоряченное чело, яркія краски, плѣнительныя очертанія тѣшили взоръ, и видъ необозримой поверхности представлялъ людямъ этого племени, рожденнаго для владычества, подобіе

ихъ собственныхъ стремлений. Тотъ, кто проѣзжаетъ теперь по опустѣлымъ, лихорадочнымъ берегамъ Лапума и Кампани, встрѣчаетъ на каждомъ шагу слѣды прежняго великолѣпія. Они показываютъ ему, что отрада, какую море доставляло римлянамъ, исчезла у ихъ потомковъ вслѣдствіе послѣдующихъ тяжелыхъ временъ».

Римляне не только обладали чувствомъ природы, но во многихъ отношеніяхъ это чувство было болѣе развитымъ, чѣмъ у грековъ: оно выражалось въ пониманіи цѣлаго въ пейзажѣ, дали, живописной прелести свѣта и тѣней въ лѣсу и на водѣ, отраженій и т. п., въ ихъ страсти къ гористымъ мѣстностямъ, къ охотѣ, греблѣ, и проч.

Древнему міру и среднимъ вѣкамъ отказывали вообще въ пониманіи прекраснаго въ природѣ и въ особенности романтической красоты ея. Правда, прелесть альпійской природы осталась скрытой для римлянъ; доказательство того мы видимъ въ извѣстномъ выраженіи Ливія *foeditas Alpium* и въ изображеніи ужаса, вселяемаго горами, у Аммиана. Но это не должно удивлять насъ, такъ какъ и въ новѣйшее время Альпы стали привлекать своей красотой лишь весьма недавно, благодаря возрастанію научнаго интереса къ природѣ. и нашему направленію чувствительности и удобству нынѣшнихъ путешествій, о которомъ не могло быть и рѣчи двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ; опасности и трудности знакомства съ альпійской природой препятствовали наслаждаться ею, чему содѣйствовала и рѣзкая противоположность дикихъ горныхъ пейзажей съ свѣтлыми, очаровательными картинами Италіи. Но такъ какъ мы указали уже, что первыя ступени нашей новѣйшей сантиментальности мы можемъ найти въ императорской эпохѣ Рима, то мы можемъ отмѣтить въ ней нѣкоторое чувство романтической красоты горной природы. Пустыня еще пугаетъ Лукреція; позднѣе ужасы ея становятся предметомъ описанія, и Сенека свидѣтельствуетъ (*De tranquill. an.* 2, 13), что страсть къ путешествіямъ ведетъ не только въ привлекательныя страны, но что нѣкоторые восклицали въ то время: «Пріятныя для глазъ страны мнѣ уже надоѣли, я-бы хотѣлъ видѣть пустыню; намъ хотѣлось-бы проѣхать черезъ лѣсистыя горы Бруттіи и Луканіи». Впрочемъ, Сенека эта исключительная склонность къ дикой природѣ кажется болѣзненной: специфически прекрасными римляне считали ров-

ныя, радующія глазъ мѣстности, въ особенности на берегу моря.

Въ предыдущемъ мы указали въ бѣглыхъ чертахъ, такъ какъ сдѣлали это подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, съ одной стороны теоретически, тѣ условія, въ какихъ развивается сознательное чувство природы, и формы, въ какихъ оно выражается, и съ другой стороны ходъ развитія его въ древности у индусовъ, евреевъ, грековъ и римлянъ. Мы ясно могли видѣть здѣсь движеніе къ современному намъ субъективному, индивидуальному, чувствительному воззрѣнію на природу. Мы должны опредѣлить теперь, какое положеніе занимаютъ средніе вѣка въ эстетическомъ отношеніи къ природѣ, и какимъ образомъ наше новѣйшее чувство природы развилось исторически, т. е. постепенно, съ разнообразными колебаніями параллельно общему развитію культуры.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Христiанско-теологическое и языческо-симпатическое чувство природы первыхъ десяти вѣковъ.

Отношенiе человѣка къ Богу и Спасителю, его нравственное назначенiе и его надежда на Царство Небесное составляютъ проблему, разрѣшенiю которой среднiе вѣка посвящаютъ свои лучшiя интеллектуальныя силы. Вопросы, поставленные, но не разрѣшенные Ветхимъ Заветомъ, догматы новаго вѣроученiя—воплощенiе Иисуса Христа, первородный грѣхъ, свобода воли и т. п., вполне занимаютъ умъ и сердце человѣка того времени; жизнь кажется ему лишь мѣстомъ испытанiя, переходнымъ временемъ для вѣчной жизни, и онъ бѣжитъ отъ соблазновъ мiра съ его раздражающей чувства красотою. Презрѣнiе къ мiру и недостатокъ художественнаго чувства составляютъ характерныя признаки этого перiода. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы въ творенiяхъ отцовъ церкви мы встрѣчали враждебное отношенiе къ природѣ; правда, въ то время созерцанiе природы не находило себѣ поддержки въ научномъ изученiи ея, но теоретическое презрѣнiе къ природѣ усилилось уже впоследствии, когда отдаленiе отъ античнаго мiра стало еще больше. Въ творенiяхъ отцовъ церкви мы находимъ религiозное чувство природы; въ особенности тѣ изъ нихъ, кто были греками по происхожденiю, любятъ природу не только какъ проявленiе мудрости и благости Божiей, но и съ личнымъ искреннимъ чувствомъ, какого не знала классическая древность.

Сообразно мировоззрѣнiю Псалтири, основной идеей христiанскаго воззрѣнiя на природу является прославленiе Бога въ величiи и мудрости Его творенiй и благодарность за благо, ниспосланное Имъ землѣ.

Домени

Климентъ Римскій объясняетъ въ своемъ обращеніи къ Коринѳянамъ, насколько мудрость Божія отражается даже въ мельчайшихъ частяхъ творенія и насколько милостію Творца создается любовь и согласіе всѣхъ живыхъ существъ: «Посмотримъ, насколько милостивъ Господь ко всему Своему творенію; небеса, движущіяся по Его произволению, мирно подчиняются Ему: день и ночь совершаютъ предопредѣленное Имъ обращеніе, не препятствуя другъ другу. Солнце и луна и хоры звѣздъ пересѣкаютъ взаимно установленные Его волю пути, не переходя своихъ предѣловъ. Плодоносная земля приноситъ по Его благодати въ опредѣленные времена изобиліе пищи для обитающихъ на ней людей и животныхъ, никогда не отступая отъ Его велѣній. Бездонныя пропасти и невѣдомыя пространства подземнаго міра держатся по Его установленію... Весенніе, лѣтніе, осенніе и зимніе дни мирно слѣдуютъ другъ за другомъ. Неистощимые источники, созданные для пользы и здоровья, безпрерывно утоляютъ человѣка своей влагею. Даже мельчайшія животныя соединяются въ согласіи и мирѣ» ¹⁾.

Творенія трехъ великихъ Клипадокійцевъ, замѣчательнѣйшихъ представителей греческихъ отцовъ церкви и руководителей IV вѣка, вполне разрушаютъ предубѣжденіе, будто чувство природы было совершенно чуждо среднимъ вѣкамъ. Въ этихъ твореніяхъ мягкое, грустное, чувствительное вниманіе къ окружающей природѣ вмѣстѣ съ религіознымъ умиленіемъ передъ нею находятъ себѣ самое живое выраженіе.

Не аскета и анахорета, отрекшагося отъ жизни и удалившагося въ уединеніе, но глубоко чувствующаго человѣка, обрѣтшаго на рѣкѣ Ирисъ ²⁾ мѣсто, соответствующее его стремленіямъ, видимъ мы въ посланіи св. Василія Великаго св. Григорію Назіанзину. Онъ описываетъ красоту открывавшагося передъ нимъ вида. Высокая гора, покрытая густымъ лѣсомъ, орошается съ сѣвера свѣжимъ, не иссякающимъ потокомъ. У подножія горы простирается обширная равнина, плодородная отъ спускающихся на нее тумановъ. Окружающій

¹⁾ Clem. Rom. I Cor. 19—20: Zöckler. Geschichte der Beziehungen zwischen Theologie und Naturwissenschaft Bd. I, Gütersloh 1877, s. 84.

²⁾ Cp. Vita S. Basilii p. XZVI.

лѣсъ, въ которомъ тѣсняются разнообразныя деревья, кажется ему крѣпкимъ замкомъ или островомъ, который особенно понравился бы Гомеру. Глубокія долины съ двухъ сторонъ окружають его. Съ одной стороны пѣнящаяся рѣчка, низвергающаяся съ горы, образуетъ трудно проходимое препятствіе, съ другой входъ замыкается широкимъ горнымъ хребтомъ. Хижица Святителя такъ расположена на вершинѣ, что онъ обозрѣваетъ оттуда обширную равнину и все теченіе Ириса, доставляющее не меньшее удовольствіе, чѣмъ теченіе Стримона, если на него смотрѣть изъ Амёиполиса. Стримонъ, задерживаемый медленнымъ теченіемъ, перестаетъ даже быть рѣкою; стремительный Ирисъ вырывается изъ выступающихъ утесовъ и покрытый пѣною низвергается въ пропасть, представляя для зрителя величественный видъ, а для мѣстныхъ жителей великую пользу своимъ изобиліемъ рыбы. Благодѣтельные пары, выступающіе изъ земли, свѣжій воздухъ, поднимающійся отъ воды, не поддаются описанію. Множество цвѣтовъ и сладко поющихъ птицъ могли бы изумить каждаго, у кого есть досугъ для того, чтобы любоваться ими. Важнымъ качествомъ этой страны Святителю кажется ея благоприятное положеніе для произрастанія плодовъ, но еще важнѣе для него ея спокойствіе, и это не только потому, что она далека отъ городского шума, но потому еще, что она не привлекаетъ никакихъ путниковъ, за исключеніемъ охотниковъ, такъ какъ она питаетъ оленей и стада дикихъ козъ, а не медвѣдей и волковъ... ¹⁾).

Такимъ образомъ къ этому отдаленному, со всѣхъ сторонъ замкнутому уголку высокообразованный отецъ церкви питаетъ такое сердечное влеченіе, что онъ представляется ему давно желаннымъ мѣстомъ и не только ради его полезности и плодородія, но и ради спокойствія, мирнаго уединенія и частью привлекательной, частью дикой природы. По поводу изложеннаго нами мѣста твореній св. Василія Великаго, А. Гумбольдтъ ²⁾ замѣчаетъ: «Въ этомъ простомъ изображеніи картины природы и жизни лѣса выражаются чувства, которыя для насъ ближе, чѣмъ все дошедшее до насъ отъ греческой и римской древности: изъ одинакой горной хижины, куда уда-

¹⁾ См. S. Basilii Opera omnia. Parisiis 1730 III sp. XIV p. 93.

²⁾ Kosmos II 28.

лился Василий, взоръ его обращается на влажный покровъ зелени нижележащаго лѣса; поэтический и мистическій наметъ въ концѣ посланія звучить для насъ какъ голосъ, долетающій въ христіанскій міръ изъ другого, прежняго міра». Подобное поэтическое настроеніе мы видѣли у эллинскихъ поэтовъ антологіи и у Младшаго Плинія ¹⁾, а Вильменъ справедливо замѣчаетъ: «Эти изящныя картины, эти поэтическіе намеки ни мало не отзываются монастырской суровостью» ²⁾; дѣйствительно, на первомъ планѣ выступаютъ здѣсь не аскетическія, а чисто человѣческія чувства.

Мягкая грусть, которая находитъ отраду въ уединеніи среди природы, выражается и въ другихъ мѣстахъ твореній св. Василия Великаго. По поводу замѣчанія св. Григорія, что все земное ничтожно, св. Василий высказываетъ, что душевный міръ долженъ быть высшею цѣлью человѣческаго стремленія, а къ нему приводитъ только отрѣшеніе отъ міра, уединеніе, усыпляющее всѣ недобрыя движенія души; поэтому ему такъ дорого это тихое мѣсто, гдѣ онъ свободенъ отъ общенія съ людьми, гдѣ ничто не отвлекаетъ его отъ исполненія обязанностей религіи, гдѣ созерцаніе природы умиротворяетъ тревогу души и удерживаетъ въ должныхъ предѣлахъ самообманъ и самоугожденіе ³⁾.

Сравненія его, заимствованныя изъ природы, исполнены грусти; люди уподобляются блуждающимъ, превращающимся въ ничто облакамъ, колеблющимся тѣнямъ и т. д.

Выраженіе живого чувства природы мы находимъ и въ его гомиліяхъ на Гексамеронъ: тамъ изображается, какой прекрасный видъ представляетъ свѣтлое море, когда оно сковано безвѣтріемъ, и прибавляется, что оно не менѣе прекрасно, когда дыханіе воздуха слегка колеблетъ поверхность, показывая зрителю то пурпурный, то бѣлый, то голубой оттѣнокъ, когда оно не ударяетъ съ силой въ берегъ, а ласково обнимаетъ его ⁴⁾.

Въ изображеніи звѣздъ, время года и проч. соеди-

¹⁾ Biese, Die Entwicklung des Naturgefühls bei den Griechen und Römern. Bd. I. p. 93 ff., II p. 162 f.

²⁾ Villemain, *Mélanges philosophiques, historiques et littéraires* 4-ème édition Brux. 1829 p. 33.

³⁾ Ep. II p. 71.

⁴⁾ Homil. IV p. 45 (Op. I. Paris 1638).

няется глубокое христіанское чувство, съ одушевленной любовью къ природѣ. Признаніе Птолемея ¹⁾, что при видѣ звѣздъ онъ чувствуетъ себя поднимающимся къ престолу Зевса, должно казаться слабымъ въ сравненіи съ тѣмъ мѣстомъ гомилией, гдѣ св. Василій Великій говоритъ, что тотъ, кто въ свѣтлую ночь созерцаетъ внимательнымъ взглядомъ дивную красоту звѣздъ, невольно долженъ думать о Творцѣ міра, такъ чудно размѣтившемъ и украсившемъ небо вѣчными цвѣтами, давшемъ ему эту красоту и правильность, и думать о томъ, что если этотъ видимый міръ, временный и преходящій, такъ прекрасенъ, то каковъ же долженъ быть вѣчный, незримый нами міръ? ²⁾. Съ близкимъ для каждаго истиннаго поэта чувствомъ, видитъ св. Василій блескъ вѣчности сквозь звѣздный свѣтъ и чувствуетъ, «что величіе, жизнь и осмысленность бытія, отражающееся въ немъ величіе Божіе проникаетъ въ его душу вмѣстѣ съ небеснымъ свѣтомъ, видимымъ его глазамъ», (Эрстетъ) или, другими словами, если величіе неба превосходитъ мѣру человѣческаго пониманія, то какой же духъ, какой разумъ, можетъ постичь сущность вѣчнаго?

Св. Григорію Назіанзину природа внушаетъ глубокую грусть. Въ своемъ поэтическомъ произведеніи «О природѣ человека» онъ рассказываетъ, какъ онъ сидитъ, терзаемый грустью, одинъ въ тѣнистой рощѣ, съ сердцемъ, снѣдаемымъ печалью: онъ любитъ утѣлять свое страданіе молча, говоря съ собою; вѣтерокъ порхаеъ кругомъ него вмѣстѣ съ сладкогласными птицами, съ вѣтвей спускается сладкая дремота и цикады на деревьяхъ, подруги солнца, наполняютъ своими чистыми голосами всю дубраву; свѣжая вода протекаетъ у ногъ, орошая унылую луговину; но душа, покрытая печалью, не можетъ принимать участія въ радостяхъ природы ³⁾.

Хотя и древніе писатели изображали контрасты между природой и душевнымъ настроеніемъ, какъ напр., Ивикъ въ

¹⁾ Biese, Entw. d. Naturgefühls b. d. Gr. S. 91 and Anm. 100 S. 142.

²⁾ Homil. VI, op. I p. 58. Вильмень (p. 36) съ восхищеніемъ говоритъ объ этихъ счастливыхъ и правдивыхъ описаніяхъ, которыя возсоздаютъ сильные образы европейской поэзіи, но присоединяютъ къ нимъ чувство теплой любви къ человѣчеству и мягкой энтузіазмъ украшавшій повое ученіе.

³⁾ Hom. II p. 468 c. 14 Paris 1840. (II c. XIII p. 86 Paris 1611).

своей извѣстной весенней пѣснѣ ¹⁾, но какое разстояніе отдѣляетъ ихъ отъ этого изображенія печали, сколько въ немъ искренности и самоуглубленія! Св. Григорій развиваетъ дальше эти печальныя мысли, сравнивая себя съ облакомъ, скрывающимся и блуждающимъ во тьмѣ, не оставляющимъ даже тѣни послѣ себя, а свои безпокойныя стремленія съ потокомъ мутной воды, который безпрестанно убѣгаетъ отъ насъ и черезъ который мы не можемъ перейти дважды. такъ же какъ и лицо смертнаго не видимъ уже такимъ, какимъ видѣли его раньше ²⁾. Его печальное настроеніе облегчается только уединеніемъ. Онъ считаетъ счастіемъ вести одинокую жизнь, созерцать съ высокимъ и чистымъ чувствомъ величіе небесныхъ свѣтилъ ³⁾.

Такою же грустью проникнуты и другія его мысли, образы и сравненія; человѣческая жизнь кажется прахомъ, развѣваемомъ вѣтромъ, плаваніемъ по бурному морю. увядшей травой; власть и богатство представляются ему волнами моря. втягивающими въ глубину ⁴⁾.

Прославленіе величія Творца и стройнаго порядка природы у св. Григорія Нисскаго напоминаетъ возвышенный языкъ ветхаго заветъ. Онъ спрашиваетъ: кто простеръ землю подъ его ногами, кто укрѣпилъ сводъ неба, кто зажегъ свѣточъ солнца, кто посылаетъ источники въ долины, кто приготовляетъ рѣкамъ ихъ пути и кто даетъ ему крылья, когда его духъ поднимается высоко, земля остается внизу, и онъ несется по обширному воздушному морю къ звѣздной вышинѣ, любясь ея величіемъ, не останавливаясь тамъ, но переносясь за предѣлы всего измѣнчиваго и постигая неизмѣнную природу, колеблющуюся власть, которая сама себя служитъ основаніемъ и все держитъ, и всѣмъ управляетъ, что имѣетъ бытіе ⁵⁾.

При чтеніи этаго высокопоэтическаго мѣста, могутъ придти на память слова Сократа въ Платоновскомъ Федонѣ ⁶⁾: «Если бы кто-либо достигъ предѣловъ воздуха или полу-

¹⁾ Biese Entw. d. N. bei d. Gr. S 30.

²⁾ V. 27.

³⁾ С. 17.

⁴⁾ Ср. Т. II Paris 1840. p. IX.

⁵⁾ λογ. β 726 С.

⁶⁾ 109 ε, ср. Biese Entw. d. N. bei d. Gr. S. 61.

чилъ бы крылья и полетѣлъ бы вверхъ... тогда онъ позналъ бы истинное небо, истинный свѣтъ и истинную землю; съ презрѣніемъ взглянулъ бы онъ на жалкое земное и удивлялся бы чудному величію небеснаго». Грекамъ была не чужда мысль, что величіе и порядокъ природы свидѣлствуютъ о высшихъ силахъ, которыми все столь мудро устроено. Цицеронъ ¹⁾ сохранилъ намъ величественное описаніе Аристотеля, въ которомъ великій философъ изображаетъ впечатлѣніе, какое видъ звѣздъ и солнца, смѣна временъ года и проч. должны были произвести на людей, жившихъ въ подземныхъ жилищахъ и только слышавшихъ о томъ, что есть боги, когда земля раскрылась передъ ними и они увидали все: «тогда они дѣйствительно должны были убѣдиться, что существуютъ боги и что все это величіе сотворено богами». Когда мы видимъ, что греческіе отцы церкви, не замѣчая того, развиваютъ далѣе мысли великихъ философовъ классическаго вѣка въ духѣ новаго ученія, мы должны отказаться отъ предразсудка, будто античное и новѣйшее міросозерцаніе вполнѣ исключаютъ другъ друга ²⁾. Поэтическій мотивъ возможности подняться въ высъ на крыльяхъ птицъ, вѣтра или облаковъ, исходя отъ древнихъ временъ, развивается въ новѣйшей поэзіи ³⁾ и встрѣчается у Григорія Нисскаго въ своей высшей христіанской формѣ.

Еще болѣе возвышенной грусти, чѣмъ у св. Василія и св. Григорія Назіанзіна, мы видимъ у св. Григорія Нискаго, когда онъ говоритъ, что при видѣ каждаго скалистаго хребта, каждой долины, каждой равнины, съ недавно поднявшейся травой, при видѣ разнообразнаго украшенія деревьевъ и разсыпанныхъ у его ногъ лилій, вдвойнѣ надѣленныхъ природой благоуханіемъ и прелестью красокъ, при видѣ моря вдали, куда стремится пробѣгающее облако,—его духъ проникается

¹⁾ De nat. deor. II 37.

²⁾ Тонкій знатокъ греческой литературы Лерсцъ (Lehrs, populären Aufsätzen aus dem Altertum, S. 138) такъ характеризуетъ различіе между античнымъ и новѣйшимъ чувствомъ природы: «Свойственное ветхому завѣту и христіанству чувство природы, выражающееся въ мысли: «природа хвалить своего Творца», не могло быть доступно древнимъ».

³⁾ Ср. Biese, Entwicklung des Naturgefühls bei den Griechen und Römern I, 25, 40 f., 50 f., 61, 71, 96, 100, 113, 118, 123, II 70.

грустью, которая не лишена сладости. Когда осенью пропадают плоды, падают листья, становятся неподвижны вѣтви деревьевъ, лишенные своего украшенія, тогда человѣческая душа чувствуетъ созвучіе съ силами природы. Тогда человекъ чувствуетъ свое ничтожество передъ величіемъ міра ¹⁾). Эти мысли, на которыхъ особенно останавливается Гумбольдтъ ²⁾), въ высшей степени замѣчательны для своего времени, такъ много и ясно говоря нашей душѣ. Въ виду ихъ нельзя не удивляться распространенному мнѣнію о чувствѣ природы въ древности и въ средніе вѣка, вродѣ высказаннаго Дюбуа-Реймономъ: «Напрасно стали бы мы искать въ античной, средне-вѣковой и новой литературѣ до прошлаго вѣка, выраженіе того, что мы называемъ чувствомъ природы» ³⁾). Неужели чувство природы можетъ быть выражено съ большей чувствительностью и меланхолей, чѣмъ въ словахъ Григорія Нисскаго, на котораго мы ссылаемся. То, что мы находили у Эврипида, у Аристотеля и у Сенеки, указываетъ чувства къ прекраснымъ подробностямъ въ природѣ. Но оно далеко не имѣетъ той возвышенной созерцательности,

¹⁾ См. Biblioth. Patrum ed. Par. 1624, T. II, p. 1180 c.; ср. Humboldt, S. 112.

²⁾ S. 30. Cp. Greg. Nyss. ed. Paris 1615, I p. 49 C, p. 589 D, p. 210 C, p. 780 C, II p. 800 B, p. 619 B, 619 D, 324 D.

³⁾ «Deutsche Rundschau», 1879, «Friedrich II und Jean Jacques Rousseau». (XIX, S. 257); далѣе тамъ говорится: «Правда, Александръ фонъ Гумбольдтъ посвятилъ доказательствамъ прежняго проявленія чувства природы одинъ изъ отдѣловъ «Космоса». Но если бы въ прежнія времена чувство природы существовало такъ же, какъ и нынѣ, то этотъ фактъ былъ бы на лицо и не требовалъ бы доказательствъ». Такая аргументація должна казаться вдвойнѣ странной въ глазахъ естествоиспытателя, посвятившаго себя наукѣ, блестящій подъемъ которой, послѣднее десятилѣтіе, разрушилъ такъ много закоренѣлыхъ предразсудковъ и продолжаетъ ихъ разрушать ежедневно. По мнѣнію Дюбуа-Реймона, древній міръ и средніе вѣка стоятъ на неизменной точкѣ зрѣнія пользы или вреда: «Гдѣ описанія выступаютъ сами по себѣ, они относятся или къ ужасному и грозному (т. е. вредному), или къ удобному и пріятному въ природѣ (т. е. полезному), что наши описанія природы всегда ставятъ на второй планъ..., тогда человѣчеству не доставало способности поддаваться впечатлѣнію природы и, при помощи различныхъ возрѣвій на нее, различно настраивать себя». Моя книга о чувствѣ природы у древнихъ на каждой страницѣ опровергаетъ этотъ взглядъ: эллинизмъ и римская императорская эпоха представляютъ изображенія природы ради ея самой, весьма близкія къ новѣйшимъ.

поднимающей чело́вѣка и въ то же время напоминающей ему о его ничтожествѣ, какую мы видимъ у св. Григорія ¹⁾). Классическое воззрѣніе подчиняется здѣсь болѣе возвышенному христіанскому чувству: даже изображеніе природы въ твореніяхъ отцовъ церкви приобретають глубину и сердечность, исходящую отъ новаго ученія.

Однако, свѣтъ классическаго воззрѣнія на природу исчезаетъ въ дальнѣйшей исторіи средневѣковой мысли и поэзіи, и на долгое время беретъ верхъ аскетическое отношеніе къ природѣ и невѣжественное презрѣніе къ ней. Развитіе чувства въ средніе вѣка двигалось не по прямой линіи, но по извилинамъ, то подвигаясь впередъ, то отступая назадъ.

Въ сочиненіяхъ высокообразованныхъ греческихъ отцовъ церкви какъ будто виденъ еще отблескъ заходящаго солнца древняго міра, но въ нихъ уже звучитъ невѣдомая ему возвышенная грусть новой религіи. Древній духъ долженъ былъ содрогаться передъ безконечностью чело́вѣческаго «я» и передъ неизмѣримой глубиной, какая открылась для чело́вѣчества религіей Христа, религіей духа, не находящаго себѣ ни покоя, ни примиренія, внѣ стремленія къ Богу съ самоотверженной преданностью въ молитвенномъ поклоненіи. Болѣе глубокіе умы ищутъ уединенія, которое рождаетъ у нихъ мысли, поражающія своимъ величіемъ и своимъ непреходящимъ значеніемъ. Какъ говорить Вильменъ ²⁾): «есть особенное очарованіе въ этомъ противуположеніи красоты природы съ тревогами сердца, мучимаго загадкой нашего существованія и ищущаго успокоенія въ религіи. Это не поэзія Гомера: это другая поэзія... Въ этихъ новыхъ формахъ созерцательной поэзіи, въ этой грусти чело́вѣка о самомъ себѣ, въ этихъ стремленіяхъ къ Богу и будущей жизни, въ этомъ идеализмѣ, почти неизвѣстномъ древнимъ поэтамъ, христіанское воображеніе могло побѣдоносно бороться съ ними. Отсюда ведетъ начало наша поэзія, поэзія размышленія и мечтательности, проникающая въ сердце чело́вѣка, изображающая его самыя сокровенныя мысли и самыя смутныя желанія».

Характернымъ обстоятельствомъ того времени можно счи-

¹⁾ Cp. Die Entw. d. N. bei d. Gr. u. R. I 62, II 25, 34 f., 86, 114, 121, 127 ff., 144.

²⁾ Op. cit. p. 59.

татъ презрительное отношеніе къ искусству и возвеличеніе природы на его счетъ. Все, что сдѣлано рукою чековѣка, можетъ ослѣпить нашъ взоръ, но оно ничтожно, тогда какъ изъ произведеній природы мы познаемъ Творца. Культура и природа часто даютъ поводъ для глубокомысленнаго противупоставленія ихъ ¹⁾.

Такъ Іоаннъ Златоустъ совѣтуетъ тому, кого прельщаютъ великолѣпныя зданія и величественныя колоннады, взглянуть скорѣе на небесный сводъ и на открытыя поля, гдѣ пасутся стада на берегу озеръ. Онъ полагаетъ, что каждый долженъ съ презрѣніемъ смотрѣть на созданіе искусства, если онъ съ миромъ въ душѣ увидитъ восходящее солнце, когда оно изливается на землю свой пурпурный свѣтъ, когда онъ, покоясь въ густой травѣ у ручья или подъ тѣнью густолиственныхъ деревьевъ, устремляетъ взоры въ обширную, исчезающую въ туманѣ даль ²⁾. Куполъ міра величественнѣе всякаго произведенія искусства, созданнаго человѣкомъ; все видимое есть зеркало невидимаго, подобно того, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ въ 13 главѣ перваго посланія къ Коринѳянамъ: «Теперь мы видимъ, какъ бы сквозь тусклое стекло». Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что Богъ помѣстилъ человѣка въ міръ, какъ въ царскій дворецъ, блистающій золотомъ и драгоценными камнями, но самое дивное въ этомъ дворцѣ это то, что онъ сложенъ не изъ камней, а изъ гораздо болѣе драгоценнаго матеріала; Богъ не зажегъ пламени золотого свѣтильника, но укрѣпилъ свѣтила къ крышѣ дворца для того, чтобы они не только приносили пользу ³⁾, но и служили бы источникомъ великой радости, и это Онъ даровалъ даже и тому, кто не сдѣлалъ еще ничего добраго ⁴⁾.

¹⁾ Природа и искусство въ противуположеніи у древнихъ писателей—Entw. d. N. bei d. Gr. u. R. I 121, II 37, 97, 115, 135 f. 154 f. 184, 185.

²⁾ Ioann Chrysast. opp. omn. Par. 1838, IX p. 687 A; II p. 82 A und 851 E; I p. 79, Alex. v. Humboldts a. a. O. S. 30.

³⁾ Уже этихъ словъ достаточно, что бы опровергнуть мнѣніе тѣхъ, которые, какъ Дюбуа-Реймонъ, видятъ въ описываемую нами эпоху только указаніе полезностей. У грековъ отъ V до III вѣка можно прослѣдить прогрессъ въ описаніяхъ отъ неяснаго еще чувства природы до открытаго признанія красоты ея въ отдѣльныхъ явленіяхъ.

⁴⁾ ad Stelechium lib II (Tom I Paris 1718 p. 149 B.); ср. Tom

Такая глубокая мысль и такое скорбное чувство не встрѣчается уже у римскихъ писателей первыхъ христіанскихъ вѣковъ, но и у нихъ умиленіе возбуждаемое, видомъ творенія, ведетъ къ описаніямъ природы, имѣющимъ важное значеніе. Ихъ описанія также, какъ и у греческихъ отцовъ церкви, показываютъ намъ, что природа оцѣнивалась тогда не только изъ религіозныхъ побужденій, какъ созданіе высшаго художника, но также какъ источникъ чистой радости, и красота ея вызывала къ себѣ личное участіе писателей.

Вполнѣ новые, понятные для насъ мотивы выступаютъ въ проникнутомъ гуманнымъ духомъ «Октавіи», небольшомъ произведеніи Минуція Феликса, жившаго при Коммодѣ. Это произведеніе представляетъ смѣшеніе античной языческой образованности съ христіанскимъ образомъ мыслей. Мѣсто дѣйствія изображается въ немъ съ большою тонкостью и изяществомъ. Друзья, въ мягкое весеннее утро, отправляются къ морю въ «любезную» Остію; «легкій вѣтерокъ освѣжаетъ члены и мягкій песокъ пріятно поддается подъ ногою» ¹⁾. Они радуются при видѣ моря; хотя оно не плещетъ въ берегъ сѣрыми пѣнящимися волнами, но и не совсѣмъ спокойно, выказывая изгибающіяся линіи ²⁾; они утѣшаются видя на слегка покатомъ берегу ³⁾ играющихъ мальчиковъ, бросающихъ въ море раковины, такъ, что онѣ подпрыгиваютъ на водѣ. Затѣмъ между христіаниномъ и язычникомъ завязывается оживленный разговоръ. Послѣдній прославляетъ древнюю вѣру, міровоззрѣніе Лукреція: все возникаетъ и исчезаетъ безъ помощи творца, дождь падаетъ, вѣтры дуютъ, громъ гремитъ, молнии блещутъ безъ направляющей руки божества. Первый горячо совѣтуетъ поднять взоръ отъ земли на небо съ его звѣздами, съ его величественной красотой и порядкомъ,

IX p. 449 E. (in epist. ad Rom. hom III); ср. съ Georg. Pisid Mundi opificium v. 344 ed. Henr Stephan. ann. 1573.

¹⁾ cap. 2 Placuit Ostiam petere amoenissiman civitatem... itaque cum diluculo ad mare inambulando litore pergeremus, ut et aura adspirans leniter membra vegetaret et cum eximia voluplate molli vestigio cedens harena subsideret.

²⁾ cap 3... et ut semper mare etiam positis flatibus inquietum est, etsi nan coenis spumosisque fluctibus exibat ad terram, tamen crispis tortuosisque ibidem erroribus delectati perquam sumus...

³⁾ molliter curvum litus.

краснорѣчиво свидѣтельствующими о мудромъ Строигелѣ, Который всему указалъ пути. «Взгляни на море съ его берегами, на землю съ ея деревьями, посмотри на вѣчно бѣгущіе ручьи, на громоздящіяся горы, на воздымающіеся холмы, на простирающіяся равнины — вездѣ замѣчаешь ты порядокъ и закономерность; повѣрь, что есть Богъ и Отецъ вселенной... но не ищи для него имени... Если ты назовешь его отцомъ, ты будешь думать о тѣлесномъ; если царемъ—о земномъ владыкѣ; отними всякіе атрибуты у Его имени и ты ясно познаешь Его величіе!»

Такія обращенія къ творенію нерѣдко встрѣчаются у апологетовъ; но природа уже болѣе и болѣе теряетъ свое самостоятельное значеніе на ряду съ земною жизнью, которая, по ученію Кипріана, есть не что иное, какъ ежедневная борьба съ дьяволомъ ¹⁾.

Лирика первыхъ вѣковъ, поэзія гимновъ проникнута искреннымъ умиленіемъ передъ природой, исходящимъ изъ прославленія природы, какъ творенія Божія, или изъ примѣненія образовъ ея къ нравственнымъ идеямъ. Эбертъ ²⁾ замѣчаетъ: «Можно легко усмотрѣть особенность и полную самостоятельность христіанской лирики въ ея изображеніяхъ противоположно антично-римской. Я имѣю здѣсь въ виду не только преобладаніе душевной жизни, высоко поднимающей человѣка и придающей лирикѣ такое искреннее выраженіе чувства, но и отношеніе человѣка къ природѣ, которая доставляетъ краски кисти поэта ³⁾. Природа является здѣсь лишенной своей самостоятельности ⁴⁾ въ простомъ подчиненіи идеальнымъ нравственнымъ силамъ. Она—служительница Бога, ея Творца, повинуется Его повелѣніямъ и является Его орудіемъ для блага человѣка. Но и дьяволъ по временамъ можетъ овладѣвать ею

¹⁾ De mortalitate cap. 4.

²⁾ Geschichte der christlich-lateinischen Litteratur I, 175.

³⁾ Нельзя отрицать, что нѣчто подобное можно замѣтить въ греческой и римской лирикѣ если вспомнить Сафо, Симонида, Теокрита, Мелеагра и Катулла, Горація и Овидія.

⁴⁾ Какъ это было въ гомеровскомъ вѣкѣ, когда каждая область природы повиновалась особому божеству и находилась подъ его непосредственнымъ вліяніемъ. Нельзя сказать, однако, чтобы въ поэзіи гимновъ «Метафорическое выраженіе было болѣе свободнымъ и смѣлымъ»; напротивъ, оно сжато и однообразно.

ко вреду послѣдняго. Такимъ образомъ, природа легко становится символическимъ выраженіемъ нравственнаго міра».

Восходящій свѣтъ дня, передъ которымъ бѣгутъ тѣни ночи, есть символъ Христа, прогнавшаго тьму зла язычества и сіяющаго, какъ истинный источникъ свѣта, ярче солнца. 1)

«Разливающій свѣтъ, лучезарный,
Передъ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ котораго,
Какъ скоро почь прошла,
Распространился ясный день.
Ты истинная утренняя звѣзда міра,
Ты самъ солнце, свѣтъ и день!
Озари въ нашей груди
Сердце Твоимъ чистымъ сіяніемъ 1).

Иларій признаетъ себя (Гимнъ 2-й) недостойнымъ поднимать грѣшныя глаза къ яснымъ небеснымъ звѣздамъ, къ образу вѣчности, просвѣчивающей сквозь ихъ сіяніе, и призываетъ все сотворенное, небо и землю, море и рѣки, холмы и поля, розы и лиліи и сверкающія звѣзды плакать вмѣстѣ съ нимъ и скорбѣть о грѣховности человѣка.

Изображеніе ранняго утра, въ утреннемъ гимнѣ Амвросія, также имѣетъ символическое значеніе: темная ночь удаляется,—блескъ міра возрождается вновь и оживленіе зоветъ душу къ добрымъ дѣламъ. Здѣсь Христосъ опять называется истиннымъ солнцемъ, источникомъ свѣта: да будетъ Онъ свѣтомъ въ нашемъ сердцѣ, да не знаетъ душа сумрака, да превратится стыдъ въ утренній свѣтъ, да сіяетъ вѣра, какъ полдень 2). «Ночь, и мракъ, и туманъ, поетъ Пруденцій, 3) разсѣваются, свѣтъ загорается, все освѣщаетъ вокругъ, Христосъ идетъ!» Или: «Птица (пѣтухъ), вѣстникъ дня, возвѣщаетъ о приближающемъ днѣ, насъ призываетъ къ жизни Пробудитель—Христосъ». Въ девятомъ гимнѣ говорится: «Приливъ и отливъ въ прибоѣ волнъ и сокрушаемый бурей берегъ, дождь, снѣгъ, и морозъ, и жаръ, воздухъ, и лѣсъ, и день и ночь

1) Hilarius, himnus matutinus: Lucis largitor splendide, Cuius sereno lumine, Post lapsae noctis tempora Dies refusus panditur: Tu verus mundi lucifer... Toto sole clarior, Lux ipse totus et dies Interna nostri pectoris Illuminans praecordia.

2) Pudor sit ut diluculum Fides velut meridies Crepusculum meus nesciat.

3) II, Hymnus ad matutinum, im cathemerinan.

отъ вѣка до вѣка всѣ славятъ Тебя ¹⁾). Христосъ для него звѣзда, никогда не заходящая, никогда не скрывающая своего свѣтъ за облакомъ; въ вѣчной родинѣ благоухаетъ земля, покрытая пурпуровыми розами и вѣжными фіалками, тамъ каплетъ бальзамъ изъ стройныхъ деревьевъ и т. д.

Величайшаго представителя своей эпохи мы видимъ въ блаженномъ Августинѣ. Уже у блаж. Иеронима, по замѣчанію Эберта, христіанскій геній перерабатываетъ античную образованность въ такой степени, что его изложеніе, въ особенности въ посланіяхъ, кажется очень близкимъ намъ; ²⁾ его сочиненія ясно свидѣтельствуютъ намъ, насколько христіанскій аскетизмъ содѣйствовалъ углубленію духовной жизни, отражаясь и на индивидуальности языка ³⁾. Но всѣхъ ближе въ эту эпоху стоитъ къ намъ блаж. Августинъ, въ особенности въ его «Исповѣди». изображающей великій умъ, мучимый задачами своего времени.

Искренность сильной личности, вполне сознавшей индивидуальное значеніе своего «я» и стремящейся освѣтить яркимъ свѣтомъ всѣ стороны своего пламеннаго сердца, выражается повсюду въ «Исповѣди» блаж. Августина.

Послѣ тяжелой внутренней борьбы, достигъ онъ свѣта истинной вѣры. Онъ изображаетъ превращеніе своей души смѣлыми образами, заимствованными у природы, замѣчательными по силѣ выраженія, почти не поддающимися переводу.. Когда другъ его умираетъ, его ничто не можетъ утѣшить, ни красота природы, ни удовольствія жизни. Онъ говоритъ, что его душа волновалась, что онъ вздыхалъ и плакалъ, нося въ себѣ разбитое, истекающее кровью сердце, и не зналъ, куда идти съ нимъ; оно не успокоивалось ни въ прекрасныхъ рощахъ, ни игрой и пѣніемъ; все въ немъ возбуждало ужасъ, даже дневной свѣтъ ⁴⁾.

¹⁾ *Fluminum lapsus et undae, littorum crepidines, Imber, aestus, nix, pruina, silva et aura, nox dies Omnibus te concelebrent seculorum seculis.* Относительно описаній ср. описаніе благоуханныхъ садовъ рай Нумп. III 113 ff.; происхожденіе злого и уродливаго въ природѣ отъ сатаны объясняется въ *Hamartigenia* v. 216 ff.

²⁾ Ebert, *ib.* p. 191.

³⁾ См. *Epist.* 3, ad *Rufin* cap. 4.

⁴⁾ *Aestuabam, suspirabam, flebam, turbabam... portabam enim consissam et eruentam animam meam impatientem a me portari; at ubi eam*

Августинъ уже ясно выражаетъ, какимъ источникомъ страданія можетъ быть чувствительное сердце; онъ ищетъ утolenія своихъ сердечныхъ ранъ въ уединеніи среди природы, но даже ощущеніе жизни, даже солнечный свѣтъ причиняють ему боль.

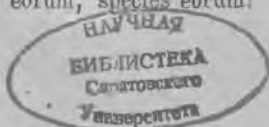
Пантеистическая вѣра манихейнъ, что все имѣетъ душу, — и огонь, и вода, и воздухъ, что смоковница плачетъ, когда отрываютъ ея вѣтви, и стволъ испускаетъ молочно-бѣлыя слезы, что все на землѣ и на небѣ составляетъ часть божественнаго, — не могло удовлетворить блаж. Августина; въ силахъ природы ему открывается только личный Богъ, ка-кимъ его прославляютъ псалмы.

Космологическій моментъ въ теизмѣ никогда не выражался прекраснѣе, чѣмъ у блаж. Августина: «Что есть Богъ? я спросилъ землю, и она мнѣ сказала—это не я! И все, что на ней, признавало то же самое; я спросилъ море и бездны и все пресмыкающееся и живущее тамъ, и они мнѣ отвѣчали: мы не твой Богъ, ищи его выше насъ; я спросилъ вѣющіе вѣтры, и весь воздухъ со всѣмъ, что въ немъ живетъ, сказалъ: «заблуждается Анаксименъ, я не Богъ»! Я спросилъ небо, солнце, луну, звѣзды, и они воскликнули: и мы не Богъ, котораго ты ищешь. И я всѣхъ спрашивалъ окружающихъ мои чувства: они мнѣ сказали о моемъ Богѣ, что это—не они. И они воскликнули громкимъ голосомъ: Онъ насъ создалъ ¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ свое твердое сознаніе бытія Божія выражалъ онъ словами: «Это не сомнѣвающееся, но твердое сознаніе: Боже, я люблю Тебя! Небо и земля и все, что въ ней есть, говорятъ мнѣ со всѣхъ сторонъ, что я долженъ любить Тебя... Небо и земля вѣщаютъ безчувственнымъ (глухимъ) Твою хвалу». Субъективность его воззрѣнія вполне выражается въ слѣдующемъ изреченіи: «когда я Тебя люблю, я люблю не

ponerem non inveniēbam; non in amoenis nemoribus, non in ludis... acquiescebat. Horrebant omnia et ipsa lux IV, 12, cp. VI, 20.

¹⁾ Interrogavi terram et dixit: Non sum, et quaecunque in eadem sunt, idem confessa sunt. Interrogavi mare et abyssos et reptilia animarum vivarum et responderunt: Non sumus Deus tuus, quare super nos! Interrogavi auras flabiles et inquit universus aēr cum incolis suis: Fallitur Anaximenes, non sum Deus. Interrogavi coelum, solem, lunam, stallas... et exclamaverunt voce magna: Ipse fecit nos: interrogatio mea, intentio mea; et responsio eorum, species eorum!



A 361944

красоту тѣлесную, не блескъ свѣта и т. д., когда я люблю моего Бога, я люблю свѣтъ, голосъ, запахъ, пищу всего моего внутренняго человѣка» ¹⁾).

Мы видимъ что Августину были открыты и тайны душевной жизни такъ же какъ и неизмѣнная красота природы, по главнымъ образомъ, по отношенію къ Творцу; но ему не было чуждо и умиротворяющее дѣйствіе природы для безпокойнаго, волнующагося сердца.

Противуположеніе и отчасти сліяніе античнаго и христіанскаго міра ясно выражено въ перепискѣ Авзонія и св. Павлина, епископа въ Нолѣ. Христіанская и языческая поэзія соприкасаются въ ней и дѣйствительно глубокая и прочувствованная дружба облагораживаетъ эти поэтическія порывы.

Авзоній своимъ сентиментальнымъ возврѣніемъ на природу, своими изображеніями мѣстности по теченію Мозеля, обнаруживающими тонкое чувство живописной стороны природы, проникаетъ далеко въ христіанско-германскую эпоху, хотя авторъ еще крѣпко стоитъ на языческо-римской почвѣ ²⁾).

Для послѣдней эпохи языческаго міра весьма характерно, что недостатокъ въ оригинальномъ національномъ матерьялѣ, который вызывалъ-бы поэтическое одухотвореніе, подобно сказанію объ Энеѣ, приводилъ лучшихъ людей того времени къ чувственному погруженію въ природу, къ описанію ландшафтовъ и путешествій. Во всей классической римской поэзіи нѣтъ ни одного изображенія, которое такъ краснорѣчиво свидѣтельствовало бы о тонкомъ пониманіи величайшихъ скрытыхъ прелестей природы, какъ небольшая поэма о берегахъ Мозера, опоясанныхъ виноградниками, увѣнчанныхъ городами, залитыхъ солнцемъ, отражающихся въ кристальной влагѣ. Можно подуматъ, что на волнахъ нѣмецкой рѣки и въ ея прелестныхъ окрестностяхъ на римлянина повѣяло германской любовью къ природѣ, которая и придаетъ его не всегда пра-

¹⁾ X, VI (8): Non dubia sed certa conscientia, Domine, amo te... Sed et coelum et terra et omnia, quae in eis sunt, ecce indique mihi dicunt, ut te amem, nec cessant decere omnibus, ut sint inexcusabiles... coelum et terra surdis loquuntur laudes tuas... cum te amo, non speciem corporis nec candorem lucis... amo, sed cum amo deum meum, lucem, vocem, odorem, cibum, amplexum interioris hominis mei... Hoc est quod amo, cum Deum meum amo...

²⁾ Ср. Entw. des N. bei den Gr. u. Röm. II 183 f.

вильнымъ и классически законченнымъ стихамъ особое вдохновение и настроеніе; иѣмецкая земля подѣйствовала на него такъ же, какъ и та молодая женщина, которую онъ воспѣваетъ и сравниваетъ съ розами и лиліями.

Такимъ настроеніемъ проникнуты многія части его поэтическихъ посланій, откуда можно видѣть, что уже въ письмахъ того времени употреблялись длинныя вступленія, посвященные описаніямъ мѣстности и погоды ¹⁾). Симпатическое возрѣніе на природу и дружественная любовь сплетаются въ истинно-поэтическое выраженіе чувства въ посланіи LXIV, въ которомъ Авзоній жалуется, что Павлинъ не удостоиваетъ его отвѣта, замыкаясь въ молчаніе: «Даже непріязненный варваръ отзывается на привѣтствіе и среди стука оружія звучить: *salve*. Даже скалы отвѣчаютъ человѣку и произнесенное слово возвращается пещерами и звукъ—лѣсомъ; берега моря издаютъ шумъ, ручьи журчатъ, шумитъ улей, окруженный гиблейскими пчелами; на берегахъ, покрытыхъ камышемъ, слышится мелодическій шорохъ; дрожа, шелеститъ на вѣтру зелень пивіи... Вся природа говоритъ, не молчатъ ни птицы, ни звѣри; у змѣи есть свое шипѣніе; даже твари морской глубины подаютъ тихій голосъ... ²⁾). Развѣ баекскій горный лѣсъ и снѣжныя жилища Перинеевъ ожесточили твой характеръ? Лучше пусть Иберію опять опустошатъ Пувійцы. Пусть тому, кто тебя склоняетъ къ молчанію, никогда не доставятъ радости пѣснь пѣвцовъ или голоса природы... Пусть онъ, печальный, лишенный всего, устремится въ пустыни и молча блуждаетъ по Альпамъ, какъ нѣкогда больные духомъ люди бродили по мѣстамъ лишеннымъ тропинокъ, согласно сказанію о Белерофонтѣ» ³⁾).

¹⁾ Cp. Ad Paulinum epistol. XIX: Monumenta German. V, 2.

²⁾ Respondent et saxa homini et percussus ab antris Sermo redit et nemorum vocalis imago. Litorei clamant scopuli, dant murmura rivi, Hyblaeis apibus saepes depasta susurrat, Est et harundineis modulatio musica ripis: Cumque suis loquitur tremulum coma pinea ventis: Incubuit foliis quotiens levis enrus acutis Dindyma Gargarico respondent cantica luco. Nil mutum natura dedit, non aëris ales Quadrupesve silent, habet et sua sibila serpens Et pecus aequoreum tenui vive vocis anhelat...

³⁾ Tristis, egens deserta colat tacitosque pererret Alpini canvexa iugi... v. 69.

Настоятельнѣе и трогательнѣе нельзя требовать отвѣта; съ какой нѣжностью здѣсь изображены, въ частности звуки природы: эхо горъ, шелестъ листьевъ, шумъ вѣтра, журчаніе источниковъ, мелодическое колебаніе тростника, а въ то же время альпійскія горы представляются мѣстомъ ужаса и непроходимой пустыней. Въ слѣдующемъ посланіи (XXV), онъ опять говоритъ другу объ ихъ рѣдкой, искренней любви и о прелести общей родины Бурдигалы, такъ же какъ и своего помѣстья, съ холмами, покрытыми виноградниками, плодородными полями, зеленѣющими лугами, тѣнистыми рощами; «но безъ тебя ни одинъ годъ не приноситъ мнѣ пріятной перемены: влажная весна уходитъ безъ цвѣтовъ, раскаляется созвѣздіе Пса, приводящее жаръ, Помона не возбуждаетъ весеннихъ благоуханій, а Водолей орошаетъ дождями зиму... признаешь ли ты свою вину, мой милый? Прійди же, цвѣтъ моего сердца, мое украшеніе» ¹⁾. Такимъ образомъ въ отсутствіи друга, весна перестаетъ для него быть весной, лѣто лѣтомъ и т. д.; только съ его пріѣздомъ все опять превратится въ доброе и хорошее. Заключение письма такъ же сердечно, какъ это привѣтствіе нѣжно. Ему кажется, что его желаніе уже исполнилось: его другъ «уже оставляетъ снѣговые города иберовъ, уже проѣзжаетъ черезъ луга тарбеллеву, уже вступаетъ на Эбромагусъ, уже спускается по рѣкѣ, уже, уже—стучать въ мою дверь! Долженъ ли я этому вѣрить? Или это сонъ, подобный многимъ снамъ любящихъ душъ?» ²⁾.

Все это несомнѣнно превосходить античныя произведенія возрастаніемъ сердечности: мягкость дружескихъ чувствъ напоминаетъ даже новѣйшую сентиментальность, проявившуюся въ перепискѣ прошлаго вѣка между родственными «прекрасными» душами.

Павлинь съ трогательною преданностью относится къ своему прежнему учителю Авзонію и вообще обладаетъ нѣжной чувствительной душой. Съ величайшею ревностью посвятилъ

¹⁾ Te sine set nullus grata vice provenit annus: Ver pluvium sine flore fugit, canis aestifer ardet, Nulla autumnales variat Pomona saporres Effusaque hiemem contristat Aquarius unda, Agnoscisne tuam Ponti dulcissime culpam?

²⁾ ... iam ninguida linquit Oppida Hiberorum, Tarbellica iam tenet arva. Ebromagi iam tecta subit... iam labitur amne secundo... iam iam tua limina pulsant Credimus? An qui amant ipsi sibi somnia fingunt?

онъ себя христіанскому ученію и сдѣлался строгимъ подвижникомъ и епископомъ; отсюда исходить его тяжелая скорбь, что его другъ Авзоній остается погруженнымъ въ язычество, между тѣмъ какъ онъ самъ, сдѣлавшись христіаниномъ, чувствуетъ полное перерожденіе: онъ простился съ языческой музой, его чувствами управляетъ Христосъ, указавшій ему путь къ истинной жизни и явившійся для него чистымъ источникомъ спасенія. Творенія св. Павлина исполнены высокой образованности и гуманности, но природа не выступаетъ въ нихъ сама по себѣ, какъ у Авзонія; у перваго христіанско-подвижническое воззрѣніе на природу, у послѣдняго антично-языческое, какъ и весь его образъ мыслей, но съ сантиментальнымъ и сентиментализирующимъ оттѣнкомъ. Павлинъ ясно видитъ коренное различіе ихъ міросозерцанія, высказывая Авзонію свой взглядъ на уединеніе: его ищутъ не болѣе душой, а стремящіеся въ уединеніи отъ міра познать въ созерцаніи звѣзды Бога и глубины истины ¹⁾.

Онъ съ любовью отзывается объ Испаніи, въ которой жить, въ отвѣтъ на похвалы Авзонія своей родиной и перфѣко даетъ описанія мѣстности и времени года ²⁾, но чистая радость, доставляемая природой, не выказывается у него съ такою искренностью, какъ у Авзонія, между тѣмъ, какъ онъ не уступаетъ ему въ силѣ дружескаго чувства: «Прежде жизнь выйдетъ изъ моего тѣла, чѣмъ твой образъ исчезнетъ изъ моего сердца» ³⁾. Такимъ образомъ язычникъ внимательнѣе смотритъ на природу и теплѣе ее чувствуетъ, а для христіанскаго епископа міръ существуетъ только по его отношенію къ Творцу; онъ строго настаиваетъ на томъ, что стихіи не имѣютъ надъ нами никакой власти, а скорѣе мы надъ ними, и препятствія для добродѣтели исходятъ не отъ звѣздъ, а отъ нашего сердца ⁴⁾.

Жизнь святыхъ и парафразы исторіи творенія составляютъ главные предметы христіанскихъ поэтовъ IV и V вѣковъ.

¹⁾ ep. X, 161: Non inopes animi neque de feritate legentes Desertis habitare locis, sed in ardua versi Sidera spectantes que Deum verique profunda Perspicere intenti de vanis libera curis Otia amant.

²⁾ Carm. nat VII—приближеніе весны, сладость пѣнія соловья; ad Nicetam путешествіе изъ Нолы въ Дакію.

³⁾ Ep. XI. 47.

⁴⁾ Carmen de Provid. divinae.

Нерѣдко изображенія явленій природы достигаютъ у нихъ высокаго поэтическаго полета и обнаруживаютъ, вмѣстѣ съ религіознымъ паѳосомъ, чувство возвышеннаго и прекраснаго въ природѣ. Драконцій съ большою любовью изображаетъ подробности въ своемъ описаніи рая ¹⁾. Вообще, въ эту эпоху часто встрѣчаются восторженные описанія рая. «Вѣчная весна смягчаетъ воздухъ; благотѣльное пламя обливаетъ міръ своимъ свѣтомъ; всѣ стихіи сіяютъ цѣлебнымъ тепломъ; когда тѣни ночью удаляются, поднимается день... тогда крылатая стая быстрыхъ птицъ начинаетъ весело носиться въ вышинѣ, ударяя въ шумномъ полетѣ крыльями по воздуху, и голоса ихъ раздаются съ очаровательнымъ благозвучіемъ; я полагаю, онѣ славятъ Бога за то, что удостоились быть созданными: эти блестятъ синѣжной бѣлизной, тѣ одѣты пурпуромъ; одни украшены шафраннымъ цвѣтомъ, другія золотисто-желтымъ, у третьихъ бѣлыя перья около глазъ, а на шеѣ и груди яркіе цвѣта пѣцинтовъ... сидя на деревѣ, птица вмѣстѣ съ вѣткой, покрытой зеленью, покачивается вѣтромъ ²⁾. Въ изображеніи этихъ мелкихъ подробностей изъ жизни природы, нельзя не замѣтить достаточной наблюдательности, но, по большей части, такое пидиллическое чувство уступаетъ мѣсто болѣе возвышеннымъ религіознымъ мыслямъ. Люди должны властвовать надъ природой, пишетъ Драконцій ³⁾, надъ всѣмъ, что заключаетъ въ себѣ міръ, надъ цвѣтами и травами, какія даетъ земля, надъ свѣжею зеленью, надъ всѣмъ, что даетъ море и источники и т. д. Все твореніе, звѣзды и времена года, молніи, градъ и бури, землю и море, рѣки и источники, облака, и ночь, и свѣтъ, растенія и животныхъ, призываетъ онъ къ прославленію Творца ⁴⁾, и съ большой смѣлостью воображенія изображаетъ потопъ ⁵⁾.

Въ трехъ книгахъ Авита ⁶⁾ мы находимъ цѣльное поэ-

¹⁾ v. 240: Exsilit inde volans gens plumea laeta per auras Aera concutiens pennis crepitante volatu: Ac varias fundunt voces modulamine blando. Et, puto, collaudant Dominum meruisse creari. Migne Patrolog. LX.

²⁾ Frondibus insidens vento cum fronde movetur.

³⁾ v. 571.

⁴⁾ II 205, ср. III нач.

⁵⁾ v. 376 f. f.

⁶⁾ Migne Patrol. LIX, I de origine mundi, II de originali peccato, III de sententia dei.

тическое произведение, которое никакъ нельзя назвать простымъ пересказомъ или стихотворными переложениями Библии ¹⁾; въ этомъ произведеніи замѣчается и стремленіе къ живописному описанію и симпатизирующее чувство. Поэтъ идиллически изображаетъ жизнь первыхъ людей въ раю, заставляя всю природу сочувствовать ихъ любви. «Вѣчная весна охраняетъ тамъ мягкость неба, бурный южный вѣтеръ не долетаетъ туда и на ясномъ небѣ исчезаютъ облака; тамъ не нужно обильныхъ дождей, травы довольствуются росой, непрерывно зеленеетъ почва и свѣтится нѣжное лицо влажно-теплой земли; всегда травы одѣваютъ холмы и листья-деревья» и т. д. ²⁾. Но когда несчастные должны покинуть рай, земля, несмотря на ея красоту, кажется имъ некрасивой и тѣсной, дневной свѣтъ сумрачнымъ и небо съ его звѣздами—слишкомъ далекимъ ³⁾. Ихъ собственная грѣховность и тоска отражаются для нихъ въ природѣ.

Среди антично-языческихъ писателей, отчасти затронутыхъ, но не вполне проникнутыхъ христіанскимъ образованіемъ и занимавшихся классическо-риторическимъ описаніемъ природы, выдающееся мѣсто принадлежитъ Аполлинарію Сидонію.

Несмотря на его прерывистую рѣчь, трудную для пониманія и передачи, несмотря на многія безсодержательныя фразы, его стихотворенія и въ особенности письма даютъ множество картинъ, имѣющихъ культурно-историческій интересъ для освѣщенія эпохи, въ которую онъ жилъ (V вѣк.). Такъ, въ XXII *carm.* онъ набрасываетъ яркое изображеніе богатаго помѣстья, *burgus*, Понція Леонтія ⁴⁾. Подобно Плинію Младшему ⁵⁾, онъ рисуетъ всѣ привлекательныя стороны такихъ виллъ, пользуясь всѣми средствами риторики и выказывая сочувственное пониманіе природы. Слѣдующее вступленіе положительно не лишено поэтическаго колорита: «Есть такое мѣсто, гдѣ ты, о Гаронна, катящаяся среди влажныхъ, скалъ и ты, о Дуранусъ, (Дордонъ) поспѣшно стремящійся къ морю, мимо извилистыхъ, покрытыхъ мохомъ береговъ, соединяете

¹⁾ Ebert, *op. cit.*

²⁾ *Cp.* v. 193—299.

³⁾ *Ib.* III.

⁴⁾ *Migne patrol* LVIII.

⁵⁾ *Cp.* Entw. d. N. bei den Röm. S. 164 f.

свои теченія, постепенно становящіяся все болѣе и болѣе лѣпными... тамъ между рѣками возвышается утесъ, прорѣзывающій эфиръ вмѣстѣ съ виднымъ издали замкомъ Понція». Онъ изображаетъ также прохладу залъ и гротовъ, роскошные покои и колоны, но по преимуществу величественный видъ: «Тамъ, на вершинѣ замка, я буду сидѣть и передъ моими взорами будетъ возвышаться гора съ лавровыми деревьями, столь дорогими моему музѣ и козамъ; въ ихъ тѣни буду я бродить и думать, что робкая Дафна подарила меня своей любовью». Природа нравится ему тѣмъ болѣе, чѣмъ она свободнѣе, чѣмъ менѣе ея коснулось искусство. Онъ прославляетъ источникъ, «который, стекая съ горы, отбѣняется глубокимъ гротомъ съ обширнымъ сводомъ; ему не нужно никакой заботы: природа одарила его красотою; главная прелесть его заключается въ томъ, что ничья рука не трудилась надъ нимъ, что онъ не есть великолѣпное созданіе искусства; никакой молотъ не будетъ сильными ударами расчищать скалы, и мраморныя плиты не замѣстятъ разрушеннаго туфа» ¹⁾. Противуположность между культурой и природой, между городской роскошью и сельской простотой изображаетъ онъ въ Epist. II, 2, въ которомъ онъ сентиментально описываетъ Данидію, красоты своего скромнаго помѣстья: «Ты подшучиваешь надъ тѣмъ, что я остаюсь въ деревнѣ; я бы скорѣе могъ пожалѣть, что ты остаешься въ городѣ, когда мѣръ сіяетъ весеннимъ свѣтомъ, ледъ на Альпахъ таетъ и на землѣ появляются извилины сухихъ трещинъ и движется песокъ въ рѣкахъ, иль по берегамъ, пыль на поляхъ: здѣсь нельзя найти ни обнаженныхъ статуй, ни шутивыхъ актеровъ, ни мрамора, ни индрома; рѣка шумитъ такъ громко, что могла бы заглушить цѣлыя массы людей: изъ столовой, когда ты отдыхаешь послѣ обѣда, ты могъ бы доставить себѣ наслажденіе прекраснѣйшимъ видомъ ²⁾ и могъ бы смотрѣть на рыбную ловлю... Затѣмъ тебя можетъ принять укромный уголокъ, мѣсто грезъ, гдѣ всего прохладнѣе въ жаркое лѣто: какое удовольствіе слушать тамъ въ полдень трескъ цикады,

¹⁾ ... fante meo, quem monte fluentem umbrat multicaus spatioso circite fornix. Non eget hic cultu, dedit huic natura decorem. Nil fictum placuisse placet, non pampa per artem Ulla, resultanti non camet mal-leus ictu Saxa, nec exesum supplebunt marmora topium.

²⁾ Si quid inter edendum vacas, prospiciendi voluptatibus occuparis.

а когда сумерки простираются надъ землей—кваканье лягушекъ, въ глубокую ночь—крикъ лебедей и гусей и въ мертвой тишинѣ пѣніе пѣтуховъ, сливающееся съ карканьемъ вѣщихъ вороновъ, привѣтствующихъ пурпурный свѣтъ восходящей утренней зари, и въ утреннемъ полусвѣтѣ заливающегося въ кустахъ соловья и щебечущихъ между стропилъ ласточекъ ¹⁾. Тѣмъ временемъ пастухи играютъ на своихъ свирѣляхъ... Недалеко оттуда роща, двѣ огромныя липы сплелись вѣтвями и распространяють тѣнь, въ прохладѣ которой мы играемъ въ мячъ, и озеро, вздувающееся въ бурю и грозно наступающее, такъ что оно опрыскиваетъ пѣной зелень деревьевъ, стоящихъ на краю: его украшаютъ растенія и травы; въ серединѣ—маленькій островъ, который служитъ цѣлью для гребныхъ судовъ; земля эта богата лѣсами, дугами и пастбищами». Онъ изображаетъ (II, 9) Данидію, какъ пріятно онъ проводитъ время въ своемъ помѣстьѣ съ двумя друзьями: «Отъ одного удовольствія мы отрываемся для другого; игры, пиршества, разговоры, чтеніе смѣняются верховой ѣздой, купаньемъ и рыбной ловлей» и т. д.

Въ это огубѣлое время Сидоній остается вѣрнымъ сторонникомъ классическаго образованія и гуманности, не измѣняя имъ и тогда, когда онъ дѣлается епископомъ. Въ то же время онъ заслуживаетъ вниманія, какъ представитель мягкаго, мечтательнаго чувства природы, какое намъ показываетъ Плиній Младшій, идиллическаго предпочтенія сельской жизни городской культурѣ, чувствительности, охотно отдающейя сладкимъ грезамъ въ тишинѣ лѣса или на берегу шумящаго ручья, внимательно прислушивающейя ко всякому звуку, нарушающему молчаливый покой, къ пѣнію птицъ, пастушьей свирѣли и т. п. Но насколько описанія того времени переполнились и напыщенной риторикой, можно видѣть изъ чутевыхъ описаній Эннодія ²⁾, котораго всего скорѣе можно назвать фантазирующимъ болтуномъ.

¹⁾ Locuc dormitandi. Hic iam quam volupe est auribus insanare cicadas meridie concrepantes, ranas crepusculo incumbente blaterantes, cyenos atque anseres concubia nocte clangentes, intempesta gallos gallinageos cancinentes, oscines corvas voce triplicata puniceam surgentis aurorae facem consulatantes; diluculo ante philomelam inter frutices sibilantem, prognen inter asseres minurientem: Migne Patrol LVIII, p. 478.

²⁾ Carmin. lib. I, 1, 5.

Болѣе чѣмъ Боэцій, этотъ несомнѣнно чистѣйшій, благороднѣйшій и значительнѣйшій представитель своего времени (VI вѣка)—даетъ для нашего предмета Кассіодоръ, также занимавшій при Теодорихѣ важный государственный постъ; его *Variarum libris* раскрываетъ для насъ воззрѣнія его времени на природу. Кассіодоръ любитъ расплывчатая, напыщенные описанія природы и наслажденія, какія она доставляетъ. Цвѣтистымъ языкомъ онъ прославляетъ красоту ¹⁾ Байи, Лактарія, за ея здоровую мѣстность ²⁾ и подробно описываетъ ³⁾ положеніе Сциллакія, главнаго города Бруттіи въ верхней области Адриатическаго моря: «Съ восхищеніемъ смотритъ онъ на зеленѣющія поля и на голубоватую поверхность моря; онъ видитъ восходящее солнце тамъ, гдѣ приближающійся день возвѣщается не утренней зарей, но скорѣе выказываетъ свѣточъ и яркій блескъ, какъ только начинаетъ подниматься. Онъ видитъ радующагося Феба: тамъ блеститъ онъ яркимъ свѣтомъ, такъ что его скорѣе, чѣмъ Родосъ, можно признать родиной солнца. Онъ наслаждается яснымъ небомъ, чистымъ воздухомъ, теплой зимой, прохладнымъ лѣтомъ; беззаботно живетъ тамъ, гдѣ нечего бояться враждебныхъ временъ года; и чувства у человека тамъ болѣе свободны, благодаря мягкому климату». Онъ признаетъ важное значеніе климата и мѣстности для человека, объясняя это такъ: «Подъѣмъ души затрудняется, когда она придавлена тяжелымъ воздухомъ; мы неизбѣжно подчиняемся вліянію такихъ обстоятельствъ, становимся унылы при сумрачномъ небѣ и веселы—при ясномъ». Городъ наслаждается также въ изобилии всѣми удобствами приморской жизни, такъ какъ вблизи его находятся плотины, въ которыя ударяются волны моря. «Движеніе, рыбъ, играющихъ въ свободной неслѣдъ между бассейнами и гротами, ожив-

¹⁾ *Amoenitas loci: Variarum libri Lueduni 1677.*

²⁾ XI, 10.

³⁾ XII, 15: *Voluptuose campos virentes et caerulea maris terga respicit... nascentem solem ab ipsis cunabulis intuetur, ubi ventura dies non prae-mittit auroram: sed nox ut oriri coeperit, lampadem suam vibrans fulgor ostendit. Gaudentem respicit Phoebum: propria illic luminis claritate Solis resplendet, ut ipsa magis solis putetur esse patria Rhodi opinione superata. Fruitur luce perspicua, aeris quoque temperatione dotata, apertas hiemes, refrigeratas sentis aestates, et sine aliquo maerore transigitur, ubi infesta tempora non timeantur. Hinc et homo sensu liberior est...*

ляетъ чувство восхищеніемъ и прельщаетъ взоръ удивленіемъ ¹⁾); жадно спѣшать онѣ къ рукамъ человѣка и хватаютъ пищу».

Городъ богатъ виноградниками, оливковыми садами, привлекательными лугами, хлѣбными полями и пригородными виллами. Но въяцомъ красивыхъ мѣстностей считаетъ онѣ Кому ²⁾ и Комское озеро; даже и новѣйшій путешественникъ не многое могъ бы прибавить къ описанію Кассіодора. Кому случилось быть въ ясный лѣтній день въ этомъ райскомъ мѣстѣ— въ Кому, въ Менаджіо или въ очаровательномъ Беладжіо, кто любовался сіяющей красотой озера, синевой линіи, изумруднымъ цвѣтомъ воды, берегами, украшенными виллами и садами, кто видѣлъ эти дивныя картины среди свѣжести утра или вечера, когда мѣсяцъ стоялъ надъ пальмами виллы Сербулани и бросалъ серебряную полосу на Lago di Lesso, кого убаюкивалъ мечтательный плескъ его волнъ—тотъ подтвердитъ вѣрность чувства и выраженій этого писателя VI вѣка, представителя литературнаго упадка, утратившаго уже живость и гибкость языка. Онѣ долженъ будетъ отдать ему справедливость за искусство въ изображеніи великолѣпной мѣстности верхнихъ итальянскихъ озеръ и долженъ будетъ признать съ изумленіемъ тонкое эстетическое чувство, скрывающееся за неловкими формами и періодами. Какъ государственный человѣкъ, Кассіодоръ признаетъ стратегическое значеніе Кому: отдѣленный, точно стѣною, отъ плоской Лигуріи, лежитъ онѣ позади крутыхъ горъ и обширной площади самаго свѣтлаго изъ всѣхъ озеръ: но хотя городъ служить крѣпостью для этой области, онѣ отличается такой красотой, что можно подуматъ, что онѣ построенъ только для того, чтобы вызывать восхищеніе ³⁾). Позади его находятся обработанныя поля, удобныя для прелестныхъ прогулокъ и доставляющія въ изобилии средства къ жизни; впереди себя онѣ наслаждается на протяженіи 60,000 шаговъ привлекательной картиной прекраснѣйшей водяной поверхности ⁴⁾), такъ что душа удовлетворяется живымъ восхищеніемъ ⁵⁾), и въ то же время мно-

¹⁾ Delectatione reficit animos et admiratione mulcet optutus.

²⁾ XI 14.

³⁾ In tantam pulchritudinem perducitur, ut ad solas delicias instituta esse videatur.

⁴⁾ Dulcissimi aequoris amoenitate perfruitur.

⁵⁾ Ut et animus recreabili delectatione satiatur.

жество рыбы не отгоняется оттуда викакой бурей. Кассіодоръ, вообще, мало разнообразить свои выраженія, желая передать свое восхищеніе и изобразить красоту и привлекательность мѣстности.

«Итакъ, справедливо, говоритъ онъ, получилъ Комумъ свое имя, такъ какъ онъ украшенъ столь роскошно ¹⁾, озеро лежить въ глубинѣ весьма обширной долины, привлекательно напоминающей форму раковины, очертаемъ которой служить бѣлизна пѣнящагося берега ²⁾. Кругомъ его простираются, какъ вѣнокъ, прекрасные подъемы возвышенныхъ горъ ³⁾; край его украшенъ блистающими виллами и, какъ поясомъ Паллады, опоясанъ вѣчно зелеными лѣсами. Надъ нимъ густые виноградники поднимаются по бокамъ горы, а самая вершина, увѣнчанная, точно волосами, плотными каштанами, украшена природой ⁴⁾. Ручьи, сверкающіе свѣтлымъ блескомъ, низвергаются съ высоты въ чистую поверхность озера ⁵⁾. Съ юго-запада притекаетъ къ нему Адда. Въ заключеніе, онъ полагаетъ, что къ обитателямъ такой прекрасной мѣстности слѣдуетъ относиться снисходительнѣе, потому что она слишкомъ привлекательна для тяжелой работы и всякое давленіе должно быть чувствительнѣе для тѣхъ, которые привыкли къ такой красивой природѣ. «Они бы должны постоянно пользоваться милостями короля для того, чтобы наслаждаться роскошными дарами природы, они чувствовали бы себя осчастливленными щедростью государя» ⁶⁾.

Во всякомъ случаѣ, изъ этого описанія мы несомнѣнно можемъ заключить, что пониманіе прекраснаго въ природѣ не утратилось вполне даже и въ эту грубую эпоху. О немъ нельзя сказать, чтобы оно стояло на одной только точкѣ зрѣнія полезности; при описаніи изобилія страны виномъ и хлѣ-

¹⁾ *Tantis letatur comptu muneribus.*

²⁾ *Spumae litoris albore depingitur.*

³⁾ *Exselsorum montium pulcherrimae summitates.*

⁴⁾ *Ornante natura depingitur.*

⁵⁾ *Huic (apici) rivi niveo candore relucens in aeream lacu altitudine praecipitante descendunt.*

⁶⁾ *Quapropter incolis harum regionum iure parcitur: quoniam amena omnia delicato sunt ad labores: et facile onus affictianis sentiunt, qui uti suavis deliciis consueverunt. Fruantur ergo munere, regali perpetuo, ut sicut gaudent nativis epulis, ita eos exultare faciat munificentia principalis.*

бомъ, что, конечно, не упускается изъ виду, на первомъ планѣ все-таки остается наслажденіе предестіями пейзажа и дѣйствіе привлекательной страны на ея обитателей.

Однако, и эта эпоха, которая была эпохой наибольшаго броженія въ исторіи народовъ Европы, тѣмъ не менѣе произвела истиннаго поэта. Въ его личности и въ его произведеніяхъ не только отражается переходъ отъ языческаго къ христіанскому міровоззрѣнію и сліяніе романскаго и германскаго элементовъ, но и выступаетъ чувство природы, какое мы видѣли лишь въ классическо-римскую эпоху у элегиковъ и позднѣйшихъ эпиковъ и какое а priori никакъ нельзя было бы предположить въ описываемую нами эпоху среднихъ вѣковъ. Но апіорныя предположенія часто ведутъ къ заблужденію въ культурно-историческихъ вопросахъ. Правда, всѣ поэты этого позднѣйшаго періода латинской литературы представляютъ несомнѣнный упадокъ по отношенію формы. Однако и въ шероховатыхъ или лишь сравнительно гладкихъ стихахъ, въ вычурномъ и напыщенномъ языкѣ, представляющемъ въ одно и то же время и отраженіе стараго классическаго стиля, и чудовищныя новообразованія, можетъ высказываться или таиться истинное, сердечное чувство. Этотъ величайшій и знаменитѣйшій поэтъ VI вѣка — Венацій Фортунатъ. На немъ, какъ вечерній свѣтъ заходящаго солнца, лежитъ послѣдній отблескъ умирающей литературы. Онъ представляетъ свѣтлое явленіе въ это глухое, тяжелое время, когда въ землѣ франковъ, бывшей второй родиной для поэта, родившагося въ землѣ венетовъ, около Тревизо, меровинги, идя далѣе по стопамъ Клодвигъ, старались превзойти другъ друга въ грубости и кровожадности. Одинокъ возвышается онъ среди современниковъ ему поэтовъ, какъ своимъ талантомъ, такъ и нравственной чистотой и душевной мягкостью. Во многихъ мѣстахъ его произведенія испорчены напыщенностью, многословіемъ и неумѣстной ученостью, но повсюду въ нихъ видна живая наблюдательность внѣшней природы и человѣка. Его симпатическое чувство къ природѣ выступаетъ не только въ болѣе крупныхъ пейзажныхъ изображеніяхъ, но и въ сліяніи своего душевнаго міра съ міромъ природы.

Такъ, въ одномъ изъ самыхъ большихъ произведеній его «О дѣвственности» ¹⁾, любящая женщина высказываетъ же-

¹⁾ Monum. Germ. IV ed. Leolib. VIII, с. 3, 233.

лапіе, напоминающее то, что мы находимъ въ нѣмецкихъ народныхъ пѣсняхъ: «О, я бы хотѣла придти къ нему, если бы спѣшащая колеблющаяся нога могла проложить дорогу по звѣздамъ: теперь безъ тебя около меня распространяется ночь съ темными крыльями и даже солнечный день для меня ночь; лилии, нарцисы, фіалки, розы, ничто не радуетъ моего сердца; чтобы взглянуть на тебя, я проношусь (умственно) черезъ облако и любовная тоска проникаетъ жаднымъ взоромъ черезъ облака; смотри, тогда я ревниво спрашиваю шумящіе вѣтры, что мнѣ можетъ сказать воздухъ о моемъ господинѣ, и я бы желала омыть мраморъ у твоихъ ногъ и утереть его моими волосами; что бы то ни было, я буду терпѣть, всякое страданіе для меня пріятно; когда я только увижу тебя, мнѣ не будетъ дѣла до этого мученія: но и ты вспомни обо мнѣ, потому что я стремлюсь къ твоимъ желаніямъ: ты находишься у меня въ сердцѣ, какъ бы и я хотѣла находиться въ твоемъ чувствѣ» ¹⁾).

Чувствительность этихъ строкъ, превосходящая самые нѣжные стихи Катулла и Тибулла, у итальянца того времени можетъ быть объяснена, съ одной стороны, большей глубиной внутренней жизни, созданной христіанствомъ, съ другой, преданностью Фортуната одной германской женщинѣ, которую можно назвать самымъ благороднымъ и чистымъ образомъ, образомъ того времени въ странѣ франковъ. Это была Радегунда, несчастная дочь короля Тюрингіи, которой пришлось пережить крушеніе родного ей престола и сдѣлаться супругой обрызганнаго кровью побѣдителя, Клотара. Но она не вынесла его грубости и жестокости и убѣжала въ Пуатье, гдѣ постриглась въ монахини и основала монастырь. Агнеса, франкская дѣвушка, благороднаго происхожденія нарекла ее

¹⁾ Ipsa venire velim, properaus si possit in astris Pendula sideream planta tenere viam. Nunc sine te fuscis graviter nox occupat alis Ipsaque sole micans est mihi caeca dies. Lilia narcissus violae rosae nardus ananum Oblectant animas germina nulla meos. Ut te conspiciam, per singula nubila pendo Et vaga per nebulas lumina ducit amor. Ecce procellosos suspecta in terrogo ventos, Quid mihi de domino nuntiet aura meo. Proque tuis pedibus cupio caementa lavare Et tua templa mihi tergere crine libet. Quidquid erit tolerem, sunt amnia dulcia dura: Danec te videam. haec mihi poena placet. Tu tamen esto memor, quoniam tua vota requiro; Est mihi cura tui, sit tibi cura mei.

игуменьей, и когда судьба Фортуната привела его въ сосѣдство съ обѣими женщинами, всѣ трое почувствовали такую взаимную дружбу, что Фортунатъ оставался священникомъ въ Пуатле до самой смерти Радегунды. Его стихотворенія, короткія посланія, записки—экспромты, исполнены благодарности и любви къ этимъ женщинамъ, которыя, со своей стороны, берегли и холили его: онъ любилъ хорошій столъ и его одѣляли самыми лакомыми подарками. Всѣ эти произведенія свидѣтельствуютъ о самой чистой, трогательной дружбѣ. Въ нихъ можно найти много красивыхъ картинъ природы, много привѣтствій на языкѣ цвѣтовъ. Въ lib. VIII carm. 6 жалуется онъ Радегундѣ: «Когда время года принесетъ мнѣ бѣлыя лиліи или распустятся красныя розы, я хотѣлъ бы послать ихъ тебѣ: но привѣтствіемъ тебѣ должны служить и пурпурныя фіалки»; вмѣстѣ съ 8 стихотвореніемъ (с. 8), посылаетъ онъ ей цвѣты, такъ какъ золото и пурпуръ не подходятъ къ ней; пусть будутъ ея достояніемъ пурпуръ фіалки и золото крокуса и пусть принесетъ ей удовольствіе ихъ благоуханіе. Когда благочестіе удерживаетъ ее въ кельѣ, его блуждающія мысли слѣдятъ за нею» (с. 9):

Какъ быстро вмѣстѣ съ тобою уходитъ свѣтъ отъ моего взгляда!
Когда тебя нѣтъ со мною, меня какъ-будто давитъ тяжелое облако...
Когда ты скрываешься даже на недолгое время,
Этотъ мѣсяцъ тянется для меня какъ годъ...
Вернись же къ намъ въ добромъ здоровьи къ Пасхѣ,
Тогда разомъ для насъ возсіяетъ двойной свѣтъ ¹⁾.
Когда она возвращается, онъ ликуетъ (с. 10):
Ты приносишь назадъ мое счастье, которое взяла съ собою;
Для насъ насталъ двойной праздникъ Пасхи.
Изъ бороздъ едва только всходятъ посѣянное сѣмя,
Моя жатва уже пришла, какъ скоро я тебя вижу.
Я уже свиваю снопы, плоды лежатъ уже въ повозкѣ:
То, что принадлежитъ августу, мнѣ принеси апрѣль.
Едва растрескивается почка, едва поднимается виноградная лоза,
Но для меня уже наступила осень, гроздья уже поспѣли,
Грушевое и яблочное дерево разливаютъ сладкое благоуханіе
Въ молодой одеждѣ цвѣтовъ, они меня радуютъ своими плодами.

¹⁾ *Lumina quam citius nostris abscondis ocellis, Nam sine te nimum nube ptamente gravor... et licet huc lateas brevibus fugitiva diebus, Longior hic mensis quam celer annus erit... Hoc precor, incolumem referant te gaudia paschae Et nobis pariter lux geminata redit.*

Земля еще обнажена, еще не видно пышности колосеѣвъ;
Но изобиліе сіяетъ кругомъ: это сдѣлало твое возвращеніе ¹⁾

Если сравненія здѣсь слишкомъ общи и расплывчаты, то самая мысль вполне поэтична и исходитъ изъ того симпатизирующаго возрѣнія на природу, какое мы встрѣчаемъ у древнихъ, когда, напр., Теократъ прославляетъ прелестную Наису, красота которой увлекаетъ природу и появленіе которой вездѣ вызываетъ весну. Только присутствіе возлюбленной сообщаетъ природѣ ея прелесть: для Фортуната ничто не имѣетъ значенія, когда онъ не видитъ Радегунды, хотя небо было бы безоблачно-ясно и день кажется ему лишеннымъ солнца, если онъ отнимаетъ у него Радегунду. (XI, с. 2) ²⁾.

Самымъ трогательнымъ выраженіемъ этой дружбы служить стихотвореніе о «Гибели Тюрингіи». «Главныя достоинства этого стихотворенія, говоритъ Лео ³⁾, слѣдуетъ приписать личности рассказчицы; нельзя не признать, что покоряющая сила изображенія, видъ свѣжихъ, еще не закрывшихся ранъ, участіе къ скорби, снѣдающей подругу, сообщаютъ этому поэту, лишенному подъема, необычное поэтическое движеніе; это стихотвореніе—послѣднее выдающееся произведеніе римской элегіи». Съ горячей искренностью жалуется отрѣшившаяся отъ міра, вполне одинокая, единственному оставшемуся въ живыхъ близкому родственнику ея Амалафриду:

Ты для осиротѣлой заступилъ мѣсто отца умерщвленнаго
Мать я видѣла въ тебѣ, сестру и брата;
Ты взялъ меня на руки, улыбаясь мнѣ, и держалъ цѣлуя меня какъ брата
И твое ласковое слово растрепало мое дѣтское сердце...
О, еслибы я хотя знала то мѣсто! Напрасно я спрашиваю вѣющіе вѣтерки,
Спрашиваю легкое облако, не бѣжить-ли оно по небу оттуда,
Если-бъ меня не держали въ узахъ священныя стѣны монастыря
Повѣрь мнѣ, я внезапно явилась бы передъ тобою, тамъ гдѣ ты находишься,

¹⁾ Quamvis incipiant modo surgere semina sulcis Hic egomet hodie te revidendo meto. Colligo iam fruges, placidos compango maniplos... Quamvis nudos ager nullis ornetur aristis, Omnia plena tamen te redeunte nitent.

²⁾ Quo sine me mea lux (culis (se) errantibus abdit?.. Cum te non video, sunt mihi cuncta parum. Quamvis sit caelum nebula fugiente serenum, Te celante mihi stato sine sole dies.

³⁾ Въ своей превосходной статьѣ «Венатій Фортунатъ, послѣдній латинскій поэтъ» («Vennatius Fortunatus, der letzte römische Dichter», Deutsche Rundschau, 1882).

Быстро, съ бушующимъ вѣтромъ переплыла бы я вздымающіяся волны
И весело качалась бы вверхъ и внизъ по бурнымъ волнамъ;
Если бы волны громоздились другъ на друга, я бы вспорхнула на
воздухъ.

И любящая душа не испугалась бы страха мореходца;
Если бы бѣшеный дождь упычтожилъ связи корабля, я ухватила бы
За доски и море принесло бы меня къ тебѣ.
Когда бы я увидѣла тебя, дорогѣй, я забыла бы тягости пути,
И твое участіе изгладило бы бѣдствіе кораблекрушенія.

Это прекрасное выраженіе тоски и любви почти обходится безъ обращенія къ природѣ, за исключеніемъ облаковъ и вѣтровъ, которымъ предлагается вопросъ о мѣстопробываніи далекаго друга, какъ-будто они принимаютъ участіе въ его судьбѣ, и за исключеніемъ волнъ, которыя, даже въ бурю, должны принести тоскующую женщину къ близкому ей человѣку. Тѣмъ не менѣе, мы замѣчаемъ здѣсь настроеніе, общій колоритъ котораго характеренъ для поэта и служить источникомъ истиннаго чувства для его болѣе значительныхъ изображеній природы. Даже и слишкомъ длинное риторическое описаніе брачной поѣздки Гелесвинты, испанской принцессы, обрученной королю Хилпериху, содержитъ въ себѣ прочувствованныя и трогательныя мѣста. Съ тяжелымъ сердцемъ разстается она со своей родиной Толедо ¹⁾, переѣзжаетъ черезъ Пиринеи, гдѣ «блистяющія снѣговія горы поднимаются къ звѣздамъ и острыя вершины выступаютъ за дождевыя облака». Подобно тому, какъ Авзаній убѣждалъ Павлина писать ему, указывая на природу, которая, будучи нѣмою, все-таки говоритъ тысячами языковъ, сестра Гелесвинты проситъ ее дать извѣстіе о себѣ: «Я зову тебя, Гелесвинта, источники, лѣса, рѣки и поля призываютъ къ тебѣ—отчего же ты молчишь, Гелесвинта? Отвѣчай такъ же, какъ отвѣчаетъ твоей сестрѣ молчаливая природа—камни, гора, дубрава, волна, небо!» Полная боязни, спрашиваетъ она у вѣтерковъ, но объ ея сестрѣ все молчитъ ²⁾.

Фортунатъ раздѣляетъ съ Авзоніемъ не одно лишь симпатическое воззрѣніе на природу: онъ такой же виртуозъ въ

¹⁾ Lib VI, carm. 5. v. III.

²⁾ V. 303: *Nomine saepe vocans te. Gelesunitha, sororem Hoc fautes silvae flumina rura sanant. Gelesuintha taces? responde, ut muta sorori Respondent: lapides mons nemus unda polus. Anxia sollicitans ipsas interrogat auras: Sed de germanae cuncta salute silent.*

изображеніи пейзажей. У него попадаются длинныя описанія весны, въ сущности, декоративнаго характера, но не лишены отдѣльных, дѣйствительно поэтическихъ чертъ, какъ, напр., въ книгѣ 6 (*lib. VI praef.*): «когда земля освобождается отъ льда, поле украшается пестрыми лугами, ... тѣнистое дерево получаетъ вновь свои зеленые листовые волосы, вспучивается лоза, гудятъ пчелы, вьютъ гнѣзда птицы, ... и радость вновь возвращается въ міръ» ¹⁾. Приходъ весны изображаютъ также первые 30 стиховъ 3-й книги (*lib III*, стр. 9), когда «нѣжныя фіалки своимъ пурпуромъ украшаютъ поле, луга зеленѣютъ... и цвѣты среди дерна смѣясь открываютъ сіяющіе глаза, каждое дерево привѣтливо шумитъ своею листвою, птица вновь начинаетъ свои пѣсни, умолкнушія среди зимняго холода» ²⁾.

Въ VII ст., 8, онъ описываетъ жаркій лѣтній день, когда «даже и въ лѣсу нельзя найти прохлады и на раскаленной дорогѣ путникъ томится ища тѣни и прохладнаго напитка; наконецъ, шумитъ волна кристальнаго ручья, весело спѣшитъ онъ туда, протягивается на травѣ и погружаетъ свои члены въ мягкую подушку дерна». Сковывающій зимній холодъ рисуетъ онъ въ ст. II, 26 f.

Стихотвореніе, описывающее красивыя или особенно замѣчательныя мѣстности, приводитъ насъ отчасти на берега Гаронны ³⁾, или Жерса (*Egircius* ⁴⁾), «который въ жару почти пересыхаетъ, такъ что онъ въ то время ни рѣка, ни суша и въ одинокомъ болотѣ слышится только жалобное кваканье одинокой лягушки, единственной владычицы царства, изъ котораго изгнаны рыбы; но когда пизвергается дождь, рѣка вздувается и внезапно становится моремъ то, что недавно было озеромъ».

¹⁾ Vere novo, tellus fuerit dum exuta pruinis, se picturato gramine vestit ager, Longius extendunt frondosa cacumina montes, Et renovat verides arbor opaca comas; Promittens gravidas ramis genitalibus uvas Palmite gemmato vitis amoena tunet... Omnia dum redeant gaudia mundus hebet.

²⁾ Mollia purpureum pingunt violaria campum, Prata virent herbis et micat herba comis; Paulatim subeunt stellantia lumina florum Arri-detque oculis gramina tincta suis... Ad cantus revocatur aves, quae carmine clauso Pigrior liberno frigoro muta fuit.

³⁾ *lib I* c. 18—20 о красивыхъ бурдигальскихъ виллахъ.

⁴⁾ *I* c. 21.

Всё это описывается въ изобилии стиховъ безъ особеннаго блеска и съ большимъ пафосомъ. Всего привлекательнѣе выходитъ у него изображеніе Рейна и Мозеля, напоминающее Авзонія. Наклонность къ пейзажу соединяется здѣсь съ любовью къ природѣ. Таково описаніе поѣздки по Мозелю къ епископу мецскому (III, 13).

Шире разливается потокъ въ голубоватомъ теченіи Мазеллы,
Обильнѣе посылаетъ рѣка внизъ свои воды;
Здѣсь волна, ласкаясь, орошаетъ берегъ, благоухающій свѣже — поднимавшейся травой,

И мягко окропляетъ верхушки травъ.

Справа туда подходитъ рѣка, которую они называютъ Салия,
Но волны ея влачатся въ скудномъ ложѣ:

Тамъ, гдѣ она приводитъ чистыя воды потоку Мозелы,

Умножаетъ онъ его силы, а сама погибаетъ.

Улыбается роскошное поле въ зелени поднимающихся посѣвовъ,
Здѣсь ты видишь работу поселянина, тамъ замѣчаешь ты розы.
Далѣе, передъ тобой являются возвышенности, одѣтыя густыми мозами;
Страна непрерывъ производитъ самые разнообразные плоды ¹⁾.

Картины природы, поводъ къ которымъ даетъ ему путешествіе по Мозелю отъ Меца до Андернаха на Рейнъ ²⁾, должны быть поставлены еще выше, отличаясь проницательнымъ, точнымъ наблюденіемъ пейзажа и тонкимъ чувствомъ, различающимъ красивые оттѣнки его. Путь лежитъ надъ подводными скалами:

Выше, въ узкой долинѣ поднимаетъ тамъ волна свое чело.

¹⁾ Приводимъ это мѣсто въ нѣмецкомъ стихотворномъ переводѣ Бёккинга.

Breiter ergieszet die Flut im bläulichen Strome Mosella
Mähliger fördert der Flusz Fülle des Wassers hinab;
Kosend bespült das Gestad', duftreich van sprossendem Grase,
Hier das Gewog'und benetzt linde den Kräutern das Haupt.
Rechts her nahet der Flusz dort, welchen sie Salia nennen,
Aber in dürrtigem Bett schleppter die Wellen daher:
Hier wo klare Gewässer dem Strom der Mosella er zuführt,
Mehr er des anderen Kraft, während er selber vergeht.
Hier ist die prächtige Stadt, die schimmernde Mettis gegründet;
Reich mit Fischen besetzt freut sie sich beides Gestads.
Prachtvoll lacht das Gefild im Grün aufsprossender Saaten,
Sieh hier ländlichen Bau, Rosen gewahrest du dort;
Weiter erblickst du die Höhe unklidet mit schattenden Reben,
Im Wetteifer erzeugt mancherlei Früchte das Land.

²⁾ X, G. De navigiosuo.

Водоворотъ хватаетъ челеъ и быстро проталкиваетъ его туда,
Онъ почти уже покрытъ пѣною кипящихъ волнъ...
Но я все же счастливо спасся и опять смотрѣлъ на смѣющееся поле
И по мѣрѣ того, какъ волны убѣгали, приближался къ прекрасному
лугу ⁴⁾.

Нельзя отрицать что Фортунатъ обладалъ пониманіемъ красоты пейзажа, которое отражается у него въ мелкомъ и нѣжномъ, и въ возвышенномъ далекихъ горизонтовъ и высокихъ горъ, свидѣтельствующа о несомнѣнномъ живописномъ талантѣ, способности тепло передавать свои впечатлѣнія. Пейзажъ служить ему не только для декораціи; онъ умѣетъ слить его съ своимъ душевнымъ настроеніемъ и описываетъ его ради него самого, приближаясь въ этомъ отношеніи къ эллинскимъ поэтамъ, хотя и значительно уступая имъ въ искусствѣ и силѣ выраженія. Фортуната называютъ послѣднимъ римскимъ поэтомъ, однако, въ дѣйствительности, онъ принадлежитъ среднимъ вѣкамъ не только потому, что онъ жилъ тогда, когда римскій міръ давно уже лежалъ въ развалинахъ: онъ вполне человѣкъ того времени, когда христіанство и германизмъ слились съ классически-римскимъ духомъ. Правда, въ своихъ лучшихъ стихотвореніяхъ, въ особенности въ элегіяхъ, онъ сохраняетъ отзвукъ античныхъ тоновъ, онъ подражаетъ лучшимъ мастерамъ прошлаго и чувствуетъ живую связь съ величайшими представителями предыдущихъ вѣковъ. Тѣмъ не менѣе его образъ мыслей и чувствъ ближе къ намъ, онъ проникнутъ христіанско-германскимъ духомъ, со свойственными этому духу сердечностью и глубиной. Трогательный дружескій союзъ между Фортунатомъ и Радегундой есть также отраженіе всемірно-историческаго сліянія этихъ обоихъ элементовъ, изъ которыхъ возникла наша современная поэзія. Благодаря воздѣйствію чистой женской личности, одушевленной истинно-христіанскимъ воззрѣніемъ, угасающая искра античной поэзіи разгорѣлась еще разъ и живой цвѣтокъ разцвѣлъ на развалинахъ.

Фортунатъ стоитъ на той грани, за которою письменность отдаляется все болѣе и болѣе отъ классической формы античной поэзіи и культура склоняется къ упадку. Въ Галліи, такъ же какъ въ Испаніи и Италіи, сумракъ приближаю-

⁴⁾ Et fugiens pelagus ruris amœna peto.

щейся ночи распространялся надъ литературной дѣятельностью, надъ мыслью и чувствомъ.

Характерное явленіе латинской литературы заключалось въ томъ, что не только ея выдающіеся представители, но и менѣе значительные поэты позднѣйшаго времени находили восторженныхъ поклонниковъ, и еще чаще бездарныхъ подражателей. Латинская поэзія среднихъ вѣковъ превращается въ воспоминаніе прошлаго или напрасно старается подняться изъ своего жалкаго ничтожества, и наступаетъ такое время, въ которое даже запоздалые представители ея, какъ Фортунатъ, вызывали удивленіе, подражаніе и, по большей части, оставались недостижимыми образцами. Естественно, что и выраженіе чувства природы часто становится тогда слабымъ и плоскимъ. Въ наблюдении природы, дидактика и буколика примыкаютъ къ древнимъ. Исидоръ и Беда въ своихъ одинаково озаглавленныхъ сочиненіяхъ «О сущности вещей» столько же опирались на римскіе образцы, какъ и Алкуинъ, воспитавшійся по преимуществу на поэзіи августовскаго вѣка, въ своемъ «Спорѣ весны и зимы» и въ многочисленныхъ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ прямо исходившихъ отъ Виргилія ¹⁾. Пріятнымъ идиллическимъ тономъ звучитъ его прощаніе со своей кельей: «О, моя монастырская келья, мое любимое жилище, прощай теперь навсегда. Со всѣхъ сторонъ рацаетъ тебя съ шумящими вѣтвями, деревъ, всегда покрытыхъ цвѣтоносною зеленью; луга съ цѣлебными травами всегда будутъ цвѣсти около тебя, рѣки съ цвѣтущими берегами опоясываютъ тебя со всѣхъ сторонъ, гдѣ рыбакъ весело натягиваетъ свои сѣти; у твоихъ стѣнъ благоухаютъ въ садахъ вѣтви, покрытыя плодами, и бѣлыя лиліи смѣшиваются съ красными розами; всякая порода птицъ поетъ тамъ утреннюю пѣсню и прославляетъ пѣніемъ Творца» ²⁾.

Вѣроятно, въ этомъ сердечномъ изліяніи выразилось на-

¹⁾ Monum. German. histor. poet. lat. medii aevi I. Berlin 1881 ed. Dümmler, Alcuini carm. 23 (p. 243).

²⁾ Undique te cingit ramis resonantibus arbor, Silvula florigeris semper anusta comis, Prata salutiferis flore bunt (viell florescunt) omnia et herbis... Flumina te cingunt florentibus undique ripis Retia piscator quae sua tendit avans. Pamiferis redolent ramis tua claustra per hortos, Lilia cum rosulis candida mixta rubris. Omne genus vulnere matutinas per sonat odas Atque creatorem laudat in ore deum.

Исидоръ

строение, одушевлявшее многих иноковъ, обитавшихъ въ красивыхъ мѣстностяхъ, монастыряхъ, окруженныхъ лѣсомъ и садами, когда ихъ взглядъ изъ душныхъ темныхъ келій обращался на свободный, прекрасный Божій міръ со свѣтомъ и тепломъ, съ красками и тѣнями. Если основой ихъ чувствъ была молитва, хвала и признательность Творцу, то постоянное общеніе съ природой на лугахъ и поляхъ, въ саду и лѣсу должно было при уединенной благочестивой жизни въ возвышенныхъ душахъ возбуждать чувство, въ которомъ соединялось элегическое стремленіе къ мирнымъ впечатлѣніямъ укромной, плодородной мѣстности и кроткое, благочестивое отрѣшеніе отъ міра. Уже самое положеніе пустынь и монастырей свидѣтельствуютъ о живомъ чувствѣ природы ¹⁾.

Упомянутый споръ весны и зимы ²⁾ напоминая собою античныя эклоги въ то же время проникнуть истинно германской весенней радостью ³⁾, и представляетъ собою изображеніе прекраснаго времени, когда высоко въ вѣтвяхъ выкликаетъ кукушка, когда пестрыми красками трава одѣваетъ землю и соловей неумоимо поетъ въ кустарникѣ, прельщая нашъ слухъ своими разнообразными мелодіями ⁴⁾.

¹⁾ Zoëckler, *Gesch. der Beziehungen zwischen Theologie und Naturwissenschaft*, B. d. I. Gütersloh 1877: «То на высоко поднимающемся скалистомъ утесѣ у моря, то на болѣе плоскомъ берегу, окаймленномъ зелеными дубовыми или буковыми лѣсами, то въ тѣнистыхъ глубокихъ лѣсныхъ чащахъ, то на выдающихся горахъ или на берегу могучихъ рѣкъ встрѣчаются развалины или еще обитаемыя строения, которыя нѣкогда служили жилищемъ пионерамъ нашей нынѣшней культуры одѣтымъ въ ясы и вооруженнымъ лишь крестомъ. Ихъ удаленіе отъ общественной жизни и шума большихъ городовъ, вовсе не означало удаленія отъ красотъ природы». Последнее только относительно справедливо. Въ періодъ процвѣтанія монастырской жизни, привлекательная, красивая природа считалась однимъ изъ средствъ искушенія. Тѣмъ не менѣе, при основаніи нѣкоторыхъ монастырей принималась во вниманіе и красота мѣстностей.

²⁾ С. 58

³⁾ Споръ между весною и зимою исходитъ изъ древнегерманскаго возрѣнія на борьбу этихъ временъ года; нельзя не замѣтить германскаго характера его даже въ позднѣйшихъ проявленіяхъ, когда дѣло касается зимы; ср. Grimm: *Deutsche Mythologie*, 4 ausg. S 563, 650.

⁴⁾ *Suscitat et vario nostras modulamine mentes Inde fessa satis rutilis lusciniа ruscis; ebenso 61; Tu mea dulcisaniis implesti pectora musis Atque animum maestum carmine mellifluo; 65,4 срааниваетъ онъ*

Къ числу ученыхъ, которыхъ собралъ около себя Карлъ Великій, принадлежалъ также Ангильбертъ. Виргилій и вмѣстѣ съ нимъ Фортунатъ вдохновляютъ его поэтическое творчество, которое выражается у него въ болѣе легкой формѣ, чѣмъ у многихъ его современниковъ. Довольно живыми красками, съ пониманіемъ живописной стороны природы, изображаетъ онъ лѣсъ и паркъ въ Ахейѣ и блестящую охоту, которая устраивалась тамъ могущественнымъ королемъ и его свитой ¹⁾. Въ этой мѣстности встрѣчаются то большія лѣсныя дубравы, то зеленѣющіе луга съ ручейками,—надъ рѣкой порхаютъ всякія породы птицъ и всякая дичь скрывается въ обширной лѣсной чащѣ ²⁾. Къ своимъ живописнымъ изображеніямъ поэтъ примѣшиваетъ уже придворно-условный элементъ прославленія своего великаго свѣтскаго властителя и «чувственно романтическую склонность» къ красотѣ женственности, склонность уже «далеко отстоящую отъ аскетизма м.настырской поэзіи» (Ebert): бѣлизна женскаго тѣла сравнивается у него со снѣгомъ или молокомъ, а румянецъ съ розами и т. д. ³⁾.

Виргилій подражалъ Теократу, Кальпурній и Немезіанъ подражали Виргилію, а Назонъ Муадоринъ подражалъ послѣднимъ. Въ стихотворномъ діалогѣ между старцемъ и мальчикомъ (с. 2) первый изображаетъ, съ живописными эффектами, тѣнистую прохладу лѣса, въ противоположеніи полуденному солнечному зною, а отрокъ прославляетъ того, чьи пѣсни, какъ вѣкогда пѣсни Орфея, покорно слушаютъ животныя и дикія, и кроткія, одинаково очарованныя его свирѣлью; подъ конецъ прославляется Карлъ Великій, уже вначалѣ именуемый вторымъ Августомъ, какъ основатель новаго золотого вѣка.

Въ этомъ каролингскомъ возрожденіи литературнаго вѣка

писателя кладущаго по окончаніи работы перо, съ мореплавателемъ, который, избавившись отъ разъяренныхъ волнъ, весело входитъ въ гавань; точно также Walahfried въ своемъ Hortulus L VIII.

¹⁾ Dünmler VI, Carolus et Leo papa.

²⁾ Non procul excelsa nemus est et amoena virecta, Lucas ab urbe virens et prata recentia rivis Obtinet in medio multis circumscita muris. Hic annem circumvolitat genus omne voluerum.

³⁾ Такъ v. 184. Liutgardis: Fulgida colla nitent roseo simulata colore, и Gisela: Splendida colla nitent roseo inflammata rubore.

Августа, первое мѣсто занимаетъ епископъ орлеанскій Теодульфъ. Онъ описываетъ въ формѣ, которая болѣе не повторялась, съ нѣкоторымъ юморомъ, по образу Фортуната, высыхание Ларты въ февралѣ 820 года ¹⁾, легко и живо изображаетъ борьбу птицъ ²⁾ и съ большою яркостью красокъ—рай ³⁾. Подобно тому, какъ Виргилій рисуетъ скромное и въ то же время полное счастье кориційскаго земледѣльца, Овидій съ трогательными подробностями изображаетъ довольство и миръ благословенной старой четы Филемона и Бавкиды, Валаффридъ ⁴⁾ въ своемъ много читавшемся Hortulus доводитъ до высшаго выраженія идиллю монастырскихъ садовъ.

Несмотря на заимствованія у Вергилія и Колумеллы, несмотря на фармацевтическое отношеніе къ растеніямъ, въ этихъ 444 гекзаметрахъ заключается достаточная доля поэтическаго воззрѣнія на природу. Въ нихъ изображаются и времена года, и травы, и цвѣты, и сообщаются рецепты, и рассказывается отъ лица трудолюбиваго садовника — какое удовольствіе доставляетъ ему весною вскапывать землю, очищать ее отъ сорныхъ травъ и уравнивать мѣста, изрытыя кротами, съ неутомимой заботой ухаживать за растеніями, защищать ихъ отъ ливней и отъ солнечнаго зноя, въ то время, когда гряда украшается уже нѣжною зеленью ⁵⁾ и увядши вновь оживаетъ. Не лишены поэзіи и отдѣльныя черты въ его описаніи растеній, напр., руты ⁶⁾, лиліи ⁷⁾. Довольно граціозно и заключеніе, въ которомъ онъ приглашаетъ Гримальда прочесть его книжку, «въ то время, какъ онъ будетъ сидѣть подъ персиковымъ деревомъ, а его маленькіе уч-

¹⁾ Lib IV c. 6.

²⁾ C. 7 и 8.

³⁾ C. 74.

⁴⁾ Walahfridi. Strabi De cultura hortorum im Tomus II der poet. latt. med. aevi ed. Dümmler, Berlin 1884.

⁵⁾ V. 62, germinibus vestitur tota tenelis.

⁶⁾ Hoc nemus umbriferum pingit veridissima rutae Sylula ceruleae, foliis quae predita parvis Umbellas iaculata breves, spiramina venti Et radios Phoebi caules transmittit ad imos Attactuque gravis leni dispergit odores.

⁷⁾ Lilia quo versu candentia, carmine quove Jeiunae macies satin efferat arida Musae? Quorum candor habet nivei simulacra nitoris, Duleis odor silvas imitatur flore Sabeas...

ники, въ веселой шумной игрѣ, будутъ отбирать большіе нѣжно-пушистые плоды, которые они едва могутъ обхватить одной рукой». Въ стихотворномъ посланіи мірянину Руодбергу (100 гекзаметровъ), авторъ изображаетъ трудности и опасности путешествія по Альпамъ; вражескія засады, бурная, измѣнчивая погода, неисчислимыя затрудненія пути не могли дать мѣста восхищенію горной природой, которое должно было сдѣлаться достояніемъ послѣдующаго времени. Съ нѣжнымъ чувствомъ рисуетъ авторъ, въ стихотвореніи, написанномъ въ сафическомъ размѣрѣ, тоску по прекрасномъ Рейхмау, какую онъ испытываетъ въ холодную зиму. Но о немъ можно сказать то же, что и о большинствѣ его предшественниковъ и, въ особенности, преемниковъ: они съ трудомъ справляются съ формой, выраженіе у нихъ часто не соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію мысли. Изъ послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть только Вандальберта, монаха приюмскаго монастыря, въ своемъ прибавленіи къ *conclusio* Мартиролога довольно граціозно изображающаго полевые и садовые работы и охоту.

Изъ всего этого мы можемъ видѣть, что идиллическое, мирное наслажденіе красотами природы и простыми удобствами сельской жизни было такъ же свойственно монастырямъ, какъ и занятіе научной и античной литературой.

Но въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, мы напрасно стали бы искать глубокаго, проникнутаго возвышенной грустью воззрѣнія на природу, какое мы видѣли у греческихъ отцовъ церкви, и той религиозной силы и благочестиваго восторга передъ твореніемъ Божиимъ, какой показываетъ намъ блаженный Августинъ. Даже время описаній природы, изображенія пейзажнаго характера ради самихъ пейзажей, что мы находили еще у Авзонія и у Фортуната, тогда стало уже достояніемъ прошлаго. Сентиментальное и симпатизирующее, космологическое и догматическое воззрѣніе на природу выродились въ мелкое идиллическое восхищеніе садовыми цвѣтами, плоскимъ Ахенскимъ пейзажемъ и т. п.; самая способность передавать впечатлѣніе ландшафта ослабѣваетъ и блекнетъ, такъ же, какъ и чувство природы,—и мракъ уничтоженія спускается надъ латинской литературой, въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Что касается германской литературы, то до XI вѣка латинская поэзія беретъ въ ней значительный перевѣсъ надъ національной. Въ то время въ ней одиноко возвышаются великія христіанскія дидактическія поэмы «*Heliand*» и «*Krist*».

Въ нихъ нечего искать опредѣленно выраженнаго чувства природы.

По всеѣмъ вѣроятіямъ первая обработка германскаго животнаго эпоса предшествуетъ XII вѣку и родиной ея должна считаться Франконія. Въ животномъ эпосѣ, такъ же, какъ и въ латинской поэзіи карловингской эпохи, мы находимъ добродушное отношеніе къ жизни растений и сочувственное наблюденіе міра животныхъ. Тамъ выступаетъ дѣтская внимательность къ ихъ индивидуальнымъ различіямъ и ихъ свойствамъ, порокамъ и добродѣтелямъ, такъ похожимъ на тѣ же качества у людей, кроткое и наивное отношеніе ко всему живому въ природѣ, благодаря которому человекъ надѣляется животными своими собственными слабостями и желаніями, очеловѣчиваетъ ихъ, и полная непосредственность, уничтожающая всякое различіе между человекомъ и животными, съ замѣчательной проницательностью отличающая все характерное въ движеніяхъ, голосѣ и поступкахъ животныхъ и находящая для всего этого поэтическое выраженіе.

Для насъ должно имѣть значеніе и то обстоятельство, что въ послѣдствіи животный эпосъ пустилъ особенно глубокіе корни въ той странѣ, которой всегда была свойственна склонность къ мирной жизни и къ наслажденію природой, а именно во Фландріи, гдѣ въ послѣдствіи появилась на свѣтъ ландшафтная и жанровая живопись.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Наивное воззрѣніе на природу въ эпоху крестовыхъ походовъ.

Для внутренняго развитія и расширенія кругозора отдѣльнаго лица ничто не приноситъ такой пользы, какъ столкновение съ людьми другихъ воззрѣній, мыслей и чувствъ. И въ воспитаніи человѣческаго рода, въ постоянномъ развитіи его въ цѣломъ, наиболѣе важнымъ факторомъ является соприкосновение съ чуждыми, разнородными элементами; ничто такъ не затрогиваетъ лучшія и величайшія стороны народнаго духа, ничто такъ не содѣйствуетъ выработкѣ его активной стороны и умѣнью воспринимать полезное, какъ тѣсное взаимодѣйствіе національностей. Эллинская культура процвѣла тогда, когда походы Александра Великаго открыли эллинамъ новый міръ.

Новый міръ открылся и предъ изумленными взорами крестоносцевъ, тотъ же лучезарный, чудный міръ Востока, но тутъ эта вновь раскрывшаяся культура не была прочна. Чрезвычайныя причины вызвали новое великое движеніе народовъ, которое паправлялось уже не къ Западу, какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, а къ волшебному, романтическому Востоку. При этомъ различныя національности и характеры соединялись подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ, знаменемъ Креста.

Какъ и слѣдовало ожидать, взаимное сопригосновеніе не только европейскихъ элементовъ между собою, но и западныхъ съ восточными значительно преобразовало нравы и языкъ, науку и искусство, торговлю и промышленность, образъ мыслей и чувствъ и во многомъ содѣйствовало общему развитію, дальнѣйшему движенію къ новѣйшей культурѣ. Исчезли узкія грани національности, происхожденія, воспитанія; всѣ почувствовали себя равными передъ руководившей ихъ идеей, и всѣхъ одинаково поражало и изумляло то, что они видѣли: новые люди, страны, растенія и животныя. Нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣмецкіе рыцари, возвращаясь домой, соединяли историческое съ мифическимъ и къ нѣсямъ о подвигахъ геросовъ примѣшивали фантастическій и сказочный элементъ.

Сильно возбужденная фантазія съ трудомъ справлялась со множествомъ могучихъ, неожиданныхъ впечатлѣній; не дисциплинированная сила творчества не могла подняться на одинъ уровень съ чувствомъ, и изображеніе пережитаго или художественное смѣшеніе поэзіи и правды не соответствовало тому, что наполняло сердца лучшихъ людей. Съ другой стороны, это движеніе естественно имѣло и свою изнанку; дѣйствительность во многихъ отношеніяхъ не соответствовала идеалу, священная мантия съ крестомъ прикрывала и многія низменныя побужденія, и въ рядахъ крестоносцевъ оказывалось не мало отбросовъ западнаго міра. Но въ то же время священная цѣль воодушевила и подняла благороднѣйшихъ представителей всѣхъ европейскихъ народностей, и легко себя представить, какое дѣйствіе на впечатлительную душу должна была производить новая страна, чуждое небо, невиданный растительный и животный міръ. И если литературныя выраженія этихъ ощущеній кажутся намъ скудными, то мы должны принять во вниманіе, что испытывать какое-либо ощущеніе самому легче, чѣмъ посредствомъ словъ заставлять его испы-

тивать другихъ, что легче чувствовать, чѣмъ воспроизводить чувство въ поэзіи или прозѣ, показывая его въ живомъ видѣ другимъ, точно такъ же, какъ легче творить, давая полную волю воображенію, чѣмъ давать художественное и правдивое изображеніе своихъ впечатлѣній. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что лица, оставившія намъ отчеты о видѣнномъ ими, не всегда принадлежатъ къ числу наиболее образованныхъ и не всегда свободно владѣютъ латинскимъ или греческимъ языкомъ, на которомъ пишутъ въ большинствѣ случаевъ. Вѣроятно по указаннымъ причинамъ ихъ отчеты отличаются бѣдностью нейзакныхъ описаній и недостаткомъ интенсивнаго чувства прекраснаго въ природѣ. Правда, лѣтописца должно прежде всего занимать чисто фактическое и практическое; онъ долженъ изображать мѣстность преимущественно съ точки зрѣнія пользы, какую плодородіе или физическія свойства почвы могутъ доставить идущему походомъ или осаждающему войску, или съ точки зрѣнія затрудненій, какія ему могутъ причинять недостатокъ воды, болотистыя или каменистыя мѣста. Но все-таки новѣйшаго читателя не можетъ не удивлять, какъ мало впечатлѣній природа св. земли оказывала на крестоносцевъ. Если даже ихъ занимали другіе, болѣе важные предметы, или голодъ, опасности, нужда заставляли забывать все прочее, все же изображенія природы въ ихъ отчетахъ являются уже въ слишкомъ скудномъ видѣ; по крайней мѣрѣ, въ нихъ мы напрасно стали бы искать интереса къ красотѣ пейзажа ради него самого.

Вильгельмъ Турскій въ своей исторіи Крестовыхъ походовъ предъявляетъ весьма скромныя свѣдѣнія по географіи и мѣстности; при описаніи Босфора ¹⁾ онъ не говоритъ ни одного слова о красотѣ его. Плодородный и привлекательный—два прилагательныхъ, постоянно встрѣчающіяся у него; такимъ образомъ, рядомъ съ полезностью, онъ отмѣчаетъ и красоту мѣстности, но въ самомъ ограниченномъ видѣ; такъ онъ говоритъ о Дураццо ²⁾: «въ плодородной, богатой лѣсами и лугами и прочими пріятными сторонами мѣстности, провели они самое дурное время года». Тиръ изображается слѣдующимъ образомъ: ³⁾ «Городъ превосходно расположенъ въ равнинѣ,

¹⁾ II. 7.

²⁾ III. 1.

³⁾ II. 16.

окруженный, однако, многими горами, поля плодородны, почва все даетъ въ изобиліи и лѣса оказываютъ разнообразную пользу»; а Антиохія ¹⁾ — «Положеніе ея очень удобно и пріятно; отъ нея идутъ долины, имѣющія превосходную плодородную почву и прекрасно орошенныя источниками и ручьями... Горы, окружающія городъ съ обѣихъ сторонъ, правда, очень высоки, но онѣ даютъ вкусную и чистую воду и ихъ склоны, до высочайшихъ вершинъ, отлично поддаются обработкѣ». О красотѣ вида не говорится ни одного слова, кромѣ слѣдующей замѣтки: «На вершинѣ одной изъ горъ можно уже въ четвертую почную стражу видѣть солнечный шаръ и, если обернуться назадъ, въ то время когда первые лучи освѣщаютъ тьму, то на одной сторонѣ можно увидать ночь, а на другой—день»,—но и эта замѣтка отмѣчаетъ только любопытное метеорологическое явленіе. О городѣ Тирѣ говорится въ другомъ мѣстѣ, что «онъ отличается плодородіемъ своей почвы и плодородіемъ своего положенія; автора всего болѣе поражаютъ большіе водопроводы, которые даютъ странѣ «замѣчательныя выгоды, вслѣдствіе чего здѣсь распространены не только сады и наиболѣе пріятныя и плодовые насажденія, но растутъ и тростникъ, изъ котораго готовится сахаръ, столь полезный людямъ для здоровья и для различнаго употребленія и вывозимый отсюда купцами въ самыя отдаленныя части свѣта». И другихъ очевидцевъ, оставившихъ свой отчетъ, восхищаетъ только богатство, плодородіе Востока. «На всѣхъ приходившихъ въ эту землю изъ болѣе холодныхъ и бѣдныхъ странъ запада, богатые ресурсы жаркой страны въ сравненіи со скудостью ихъ родины производили впечатлѣніе чрезмѣрнаго ипстоощимаго изобилія. Въ восторженныхъ описаніяхъ, какія намъ оставили нѣкоторые наблюдатели этихъ странъ, онѣ изображаются въ высшей степени богатыми и благословенными» ²⁾.

Буркгардъ Монте-Сіонъ воодушевляется обиліемъ пастбищъ и садовъ на Ливанѣ, райской береговой равниной около Триполиса и находитъ Эздрелонскую равнину самымъ лучшимъ мѣстомъ въ мірѣ; тѣмъ не менѣе его описанія при тщательномъ разсмотрѣніи не идутъ далѣе простаго изумленія и по-

¹⁾ IV. 10.

²⁾ Prutz. Geschichte der Kreuzzüge, Berlin, 1883 S. 315.

верхностнаго указанія значительной матерьяльной пользы, какую доставляют плодородныя страны своимъ обитателямъ. Когда Пруцъ говоритъ: «Страну около берегового укрѣпленія Сканделіона, на югъ отъ Тира обрисовываетъ онъ также въ привлекательномъ видѣ», то приходится испытывать большое разочарованіе, когда въ этомъ мѣстѣ у автора мы читаемъ слѣдующее: «Она (страна) богата лугами, пастбищами, рощами смоковницъ и маслинъ, виноградниками, рѣками и садами» ¹⁾. Бургардъ по большей части ограничивается тѣмъ, что, напр., равнинѣ Іа Вонеіа придаетъ эпитетъ прекрасная или прелестная и плодоносная — «покрытая прекрасными рощами масляничныхъ деревьевъ, смоковницъ и другихъ породъ и богатая рѣками и пастбищами;» ²⁾ а географическое изображеніе Ливана, съ его покрытой снѣгомъ вершиною и плодородными, хорошо обработанными долинами, заключаетъ онъ словами: «Короче сказать, они обладаютъ всѣми благами міра»; ³⁾ также прославляетъ онъ и равнину Галилеи ⁴⁾, которая кажется ему «величественнѣе всякой другой страны». Правда, онъ выказываетъ нѣкоторое пониманіе красоты перспективы, когда говоритъ о Севастіи (Самаріи): «Положеніе этого города было прекрасно; взглядъ оттуда достигалъ до моря у Яффы... и черезъ весь хребетъ Эффраимъ до Раматанмы и Кармеля близъ Акконы и видѣлъ изобиліе всѣхъ благъ, какихъ можетъ желать этотъ міръ» ⁵⁾.

¹⁾ *Descriptio terrae sanctae* (написанное между 1271 и 1285) у Laurent, *Peregrinationes medii aevi Lipsiae* 1864, II, 3 (p. 24): *habundat autem pratis, pascuis, ficetis, olivetis, vineis, fluminibus et iardinis.*

²⁾ II, 23 (pag. 29) *Planicies ista multa habet casalia et pulchra nemora olivarum et ficuum et arborum aliarum diversi generis et multa ligna... Praeterea habundat fluminibus et pascuis supra modum.*

³⁾ III, 12 (p. 33) *Valles autem in ipso Libano et Antilibano fertiles sunt et bene cultae, habundantes pascuis, vineis, ortis et primerliis et breviter omnibus bonis mundi.*

⁴⁾ VII, 4 (p. 50) *Ita quod videtur mihi quod terram non viderim meliorem, si demeritis et peccatis nostris non impredientibus eam possent colere Christiani.*

⁵⁾ VII, 17 (p. 54) *Situs huius civitatis valde pulcher erat; erat enim prospectus usque ad mare Ioppes et Antripatridam et Cesaream Palaestinae, per totum quoque montem Effraym usque ad Ramathaym Sophim et ad Carmelum maris iuxta Accon. Et habundat fontibus et ortis et olivetis et bonis omnibus, quae requirit mundus iste.*

Но мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы признали въ немъ впечатлительность къ оттѣнкамъ красиваго, величественнаго ландшафта, когда онъ говоритъ: «Надо также замѣтить, что отъ истока Иордана у подошвы Ливана до пустыни Орантъ, рѣка съ обѣихъ сторонъ представляетъ широкія и привлекательныя равнины, а за ними поля окружены очень высокими горами до Краснаго моря» ¹⁾).

Благочестивое одушевление оттѣсняетъ у него пейзажъ на второй планъ въ изображеніи Геосиманскаго сада ²⁾ и Масличной горы ³⁾).

Однимъ словомъ, мы видимъ, что въ этихъ описаніяхъ обѣтованной земли, на первомъ мѣстѣ изображается ея богатство и изобиліе, и только на второмъ—ея красота и притомъ въ блѣдныхъ и скудныхъ выраженіяхъ, указывающихъ не болѣе—какъ восхищеніе ею безъ опредѣленнаго сознанія, въ чемъ именно заключаются ея красивыя стороны.

Почти то же мы находимъ и у Фоки ⁴⁾), посѣтившаго обѣтованную землю въ 1135 году.

Большое впечатлѣніе произвело на него положеніе Антиохіи «съ ея дугами и плодородными садами, съ шумомъ распредѣляющей по всей мѣстности воды, такъ какъ рѣка отлого огибаетъ городъ и оmyваетъ башни съ мягкимъ шумомъ волнъ, питаясь горными ручьями Кастальскаго источника .. Но всего замѣчательнѣе гора между городомъ и моремъ, величественное и достойное вниманія явленіе, возбуждающее восторгъ въ пришельцахъ... Орантъ течетъ съ безчисленными извилинами у подошвы горы и изливается въ море» ⁵⁾).

Ливанъ кажется ему достойнымъ хвалы, какая ему воздается въ Священномъ писаніи, и вполнѣ прекраснымъ; его глава покрыта снѣгомъ, какъ вудрями; его долины увѣнчаны ниніями, кедрами и кипарисами; красиво скользятъ холодныя ручьи по трещинамъ и долинамъ, направляясь въ море, и постоянно таящій снѣгъ придаетъ кристальную чистоту бѣгущимъ водамъ» ⁶⁾).

¹⁾ VII, 33 (p. 57).

²⁾ VIII p. 68.

³⁾ p. 75.

⁴⁾ У Allatius, Symmicta Coeln 1653.

⁵⁾ ib. cap. 2.

⁶⁾ ib. cap. 4.

Тиръ также прославляется за свою красоту; въ особенности «одинъ источникъ, несущійся черезъ луга, вызываетъ удивленіе и восторгъ у чужеземцевъ»; «съ высоты башни можно видѣть пространство плотной растительности и колебаніе листьевъ, и полуденный зной» ¹⁾. Не менѣе того и равнина Назарета есть «земной рай, радующій взоръ и освѣжающій сердце» ²⁾. Но вообще Фока по отношенію къ пейзажу ограничивается упоминаніемъ богатыхъ плодовыхъ садовъ, тѣнистыхъ группъ деревьевъ, ручьевъ и рѣкъ съ ихъ привлекательными берегами; воспоминанія изъ священной исторіи видимо заслоняютъ для него все остальное.

Епифаній (Epirhanius Monachus Hagiorolitae) въ своемъ *Ennarratio Syriae* даетъ лишь сухой путеводитель, такъ же какъ и Анонимусъ *de locis Hierosolymitanis*. Пердикка, описывая въ своемъ «*Hierosolyma*» Сіонъ, говоритъ о немъ, что онъ прекрасно расположенъ, окруженъ привлекательными возвышенностями, представляетъ прекрасный видъ и украшенъ виноградниками и садами.

Такимъ образомъ эти описанія, изображая Св. Землю, какъ земной рай, въ виду ея плодородія, не идутъ далѣе точки зрѣнія полезности и ограничиваются лишь выраженіями радости или священнаго одушевленія по поводу ея пейзажей, но всегда въ самыхъ общихъ чертахъ и въ самыхъ бѣдныхъ выраженіяхъ; обѣтованная страна занимала крестоносцевъ болѣе какъ мѣсто земной жизни Спасителя и не увлекала ихъ своей красотой, не возбуждала въ нихъ желанія наслаждаться ея прекрасными видами и описывать ихъ.

И нѣмецкій отчетъ о паломничествахъ въ Св. Землю ³⁾ XIV и XV вѣковъ представляетъ лишь сухія замѣтки, какъ мы это видимъ у Якоба Бернскаго (1346—47) и Пфинцинга (1436 и 40). ⁴⁾ Ульрихъ Леманъ ⁵⁾ восхваляетъ Дамаскъ въ слѣдующихъ тяжелыхъ выраженіяхъ: «И городъ имѣетъ очень веселый видъ, окруженный садами со множествомъ текущихъ ручейковъ и источниковъ снаружи и внутри,

¹⁾ cap. 8.

²⁾ cap. 11; τὸ τῆς φύξης ἀγαλλίαμα.

³⁾ Deutsche Pilgerreisen nach dem heiligen Lande von R. Roehricht und Meissner, Berlin 1880.

⁴⁾ ib. 45 ff.

⁵⁾ ib. S. 107.

и въ немъ безчисленное множество народа» ¹⁾. Дитрихъ ф. Шахтенъ такъ изображаетъ Венецію: ²⁾ «Венеція лежитъ у самаго моря; она не гора и не земля, но построена на деревянныхъ столбахъ, что не вѣроятно для того, кто не видалъ этого самъ» ³⁾, а Кандію: «Кандія — прекрасный городъ у моря, хорошо построенный и очень плодородный островъ, имѣющій все, что нужно человѣку для жизни». Поѣздки черезъ Нижнюю Италію (S. 281): «Цѣлый день ѣхали мы изъ Тренальды и проѣзжали черезъ каштановые и орѣшниковые лѣса; довольно сказать, что эти лѣса каждый годъ приносятъ королю 16.000 гульденовъ; затѣмъ ѣхали мы цѣлую нѣмецкую землю черезъ лѣсъ, въ которомъ каждое дерево имѣетъ свою виноградную лозу, что очень пріятно видѣть, и прибыли въ Нолу».

Неаполь называетъ онъ «очень красивымъ и большимъ» и затѣмъ говоритъ: «Затѣмъ король повезъ насъ къ морю и показалъ намъ ворота моря, красивыя и сильныя своими укрѣпленіями; мы видѣли тамъ также много прекрасныхъ кораблей» и т. д. Трудно сказать, слѣдуетъ-ли здѣсь болѣе удивляться бѣдности языка и мысли или шероховатости и тяжести выраженій, или же полному отсутствію какого бы то ни было индивидуальнаго взгляда; для автора гораздо важнѣе, сколько приносить лѣсъ и какъ защищаются отъ моря, чѣмъ самый лѣсъ и море, и это при описаніи Неаполя, одного изъ красивѣйшихъ мѣстъ Европы!

Такія описанія надолго остаются типичными для отчета нѣмецкихъ путешественниковъ. То же самое мы видимъ и въ описаніи Альпъ. Географическое изученіе этихъ горъ подвигается лишь весьма медленно, тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчи о наслажденіи ихъ красотою. Франскіе историки (Григорій Турскій и Фредегаръ) заносятъ въ свои хроники лишь короткія замѣтки о нѣкоторыхъ явленіяхъ природы въ Альпахъ; такъ Фредегаръ сообщаетъ о внезапномъ появленіи го-

¹⁾ Und ist die stat vast (d. e. sehr) lustig mit bongarten ganz umbgen mit fil flussender wasserbächen und bronnen inwendig und auswendig und dar inn unsäglich fil folks etc.

²⁾ ib. S. 170.

³⁾ Venedig liegt ihnn dem Meere und ist weder berg oder landt, da solches auffgebawet ist, sondern allein auf hölzernen pfeilern, welches doch ohnnglaublichenn ist, wer solches nicht gesehen hatt».

рячаго источника въ Тунскомъ озерѣ; Григорій Турскій упоминаетъ объ ужасномъ событіи, о горномъ обвалѣ у подошвы Dent du Midi выше впаденія Роны въ Женевское озеро въ 563 году. Тогда былъ засыпанъ не только замокъ Тауретупумъ, но вслѣдствіе задержки теченія Роны произошло громадное наводненіе, ощущавшееся и въ Женевѣ. Благочестивый епископъ объясняетъ это явленіе, какъ предвѣщаніе другого бѣдствія—моровой язвы, вслѣдъ за тѣмъ опустошившей Галлію. Въ житіяхъ святыхъ западной церкви можно найти много рассказовъ о большихъ желѣзныхъ, золотыхъ и серебряныхъ рудникахъ, дикихъ козахъ, каменныхъ баранахъ, скотоводствѣ и горномъ хозяйствѣ въ Regio Montana, какъ напр. въ житіи св. Эммерана. Когда со времени Карла Великаго установилось политическое общеніе Италіи съ Германіей, Альпы болѣе открылись для путешественниковъ, появились новыя дороги и взглядъ на всю эту страну долженъ былъ проясниться. Дѣйствительно, уже въ раннюю эпоху среднихъ вѣковъ не только политическое, но и церковное и торговое общеніе связало своими нитями большинство извѣстныхъ тогда народовъ и Альпы перестали быть terra incognita для ихъ ближнихъ и дальнихъ сосѣдей.

До насъ дошли отчеты о путешествіяхъ по Альпамъ аббата Майола изъ Ключи (970), Бернарда Гильдесгеймскаго (1101) Ариберта Миланскаго, Аннона Кельнскаго ¹⁾, но въ нихъ нѣтъ никакихъ признаковъ орографіи, никакого указанія на снѣговыя и ледяныя вершины съ физико-географической или эстетической точки зрѣнія; въ нихъ даже вовсе не упоминается объ извѣстныхъ господствующихъ вершинахъ, каковы Ортлеръ, Глокнеръ, Юнгфрау и Монбланъ, и поэтому они не имѣли для своего времени ни научнаго, ни практическаго значенія. Рассказчики, кромѣ перечисленія именъ мѣстности, упоминаютъ только о перенесенныхъ ими трудахъ и опасностяхъ, въ особенности въ зимнее время. Единственное исключеніе представляетъ стихотворное латинское описаніе извѣстнаго ущелья близъ Вероны, принадлежащее Гюнтеру Лигурійскому и не лишенное поэтическаго подъема и наблюдательности: «Кажется, все это переживаешь самъ, когда чи-

¹⁾ Cp. Oehlmann, Die Alpenpässe im Mittelalter, Jahrb. für Schweizer. Gesch., Zürich. III, 1878. IV, 1879.

таешь у Гюнтера описаніе ущелій Альпъ, поднимающихся до облаковъ съ узкимъ проходомъ, въ глубинѣ котораго бушуетъ рѣка и въ которомъ люди могутъ двигаться только одинъ за другимъ». Въ этомъ стихотвореніи XII вѣка звучитъ запоздалый отголосокъ описаній замѣчательныхъ явленій природы Венанція Фортуната. Всѣ прочіе нѣмецкіе отчеты о путешествіяхъ по Альпамъ, даже въ концѣ XV вѣка, отличаются тѣмъ же языкомъ и тѣми же воззрѣніями, какіе мы находили въ упомянутыхъ выше отчетахъ полонниковъ. Такъ, въ описаніи путешествія Пфальцграфа Александра Цвейбрюкенскаго и графа Иоганна Людвига Нассаусскаго (1495 — 96) черезъ Цюрихъ, Раппершвилъ и Везенъ на Валленское озеро, мы читаемъ: «Тамъ настоящая Швейцарія; она имѣетъ мало деревень—тамъ одинъ домъ, тамъ—другой,—но прекрасные луга, много скота и очень высокую гору, на которой лежитъ снѣгъ, выпавшій вѣроятно до Рождества Христова, потому что онъ тверже всякой скалы.

Посмотримъ теперь, представляетъ-ли нѣмецкая литература эпохи Крестовыхъ походовъ въ своихъ значительнѣйшихъ представителяхъ свойственное германскому племени радостное чувство природы? Отразилось-ли это великое движеніе на творческомъ созерцаніи природы, на одушевленныхъ изображеніяхъ ея, хотя бы въ той мѣрѣ, въ какой пейзажъ можетъ найти себѣ мѣсто въ эпосѣ и пѣснѣ и стоитъ-ли средневѣковая Германія относительно любви къ природѣ выше древняго міра, какъ это провозглашалось нѣкоторыми новѣйшими писателями? Классическимъ представителемъ подобнаго мнѣнія можетъ служить Гервинусъ. Въ томъ отдѣлѣ своей исторіи нѣмецкой поэзіи, гдѣ онъ говоритъ о различіи восточной и эзоповской басни съ одной стороны и нѣмецкаго животнаго эпоса съ другой, онъ высказываетъ ¹⁾: «Пріемъ, выведившій животныхъ въ басняхъ, требовалъ меньшаго знакомства человѣка съ животнымъ, но для такого точнаго, нерѣдко естественно-научнаго познанія животнаго, какое замѣчается въ нѣмецкихъ сказкахъ, для такого наблюденія интимной стороны животнаго міра, требовалась другая порода людей. Вся древняя эпоха не знаетъ радостей, доставляемыхъ природой, а въ основѣ упомянутыхъ сказокъ лежитъ именно эта радость. Древній міръ знаетъ

¹⁾ Bd. I, Leipz. 1853. S. 131.

только чудеса природы, но не ея исторію, не имѣя никакой склонности къ ней; онъ не знаетъ ни охоты, ни любви къ охотѣ, что доходило въ средніе вѣка почти до безумной страсти. По смѣлому выраженію Грамма, отъ вѣмедкаго животнаго эпоса вѣетъ запахомъ стараго лѣса; это выраженіе каждый найдетъ справедливымъ, кто можетъ воспринять эту поэзію неиспорченной душой, у кого есть чувство свободы и жизни на чистомъ воздухѣ».

Это словоизверженіе ГERVINUSA представляетъ лишь пестрый наборъ фразъ и заблужденій. Прежде всего ни одинъ народъ не относился наивнѣе и сердечнѣе къ природѣ, въ особенности къ животному міру, чѣмъ восточные народы, а именно индусы и персы. Что же касается эллинскаго древняго міра относительно его «радостнаго чувства природы», мы видѣли изъ нашихъ прежнихъ изслѣдованій наивное чувство у Гомера и сантиментальное въ эллинизмѣ, который болѣе чѣмъ средніе вѣка искалъ въ охотѣ средства общенія съ природой, предпочитая это общеніе городской суетѣ и излишней культурѣ. Мы увидимъ далѣе, какъ уже долго спустя послѣ окончательнаго упадка латинской поэзіи, этого послѣдняго отраженія античнаго чувства, европейская литература опять достигла высоты и зрѣлости, искренности и глубины греческаго чувства природы и чувствительности эллинизма и римской императорской эпохи. Мы увидимъ также, насколько германскій духъ, несмотря на свою прирожденную склонность къ свободной природѣ,—къ охотѣ, животнымъ и растеніямъ, и несмотря на свойственную ему искренность и субъективность, былъ въ состояніи найти художественное выраженіе для своего чувства помимо воздѣйствія античной поэзіи. GERVINUSъ слишкомъ поверхностно знаетъ античную литературу и въ своемъ стремленіи къ синтетическимъ, остроумнымъ, апріорнымъ заключеніямъ, склонности, унаслѣдованной его временемъ отъ Гегеля и къ счастью все болѣе и болѣе исчезающей, онъ несправедливо относился къ древнему міру и слишкомъ высоко ставилъ средніе вѣка. Онъ дѣлаетъ лишь нѣкоторую слабую уступку, когда говоритъ въ другомъ мѣстѣ: (S. 132) «Радость, доставляемая природой, свойственная новѣйшему времени, въ противоположность съ древней, которая выражалась въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ всѣхъ среднихъ вѣковъ и которую древняя литература отразила въ себѣ лишь при своемъ паденіи, для навстрѣчу германскому

духу, эта радость при созерцании природы, растительной и животной жизни, составляет душу этого (животного) эноса. Древний міръ во всей своей поэзіи также, какъ и въ пластическомъ искусствѣ, касался только героевъ и боговъ». Но кто же стоялъ крѣпче на своей почвѣ чѣмъ эллины, кто радостнѣе наслаждался жизнью, безъ всякаго стѣсненія, безъ страха передъ міровыми силами? Для германской литературы требовался періодъ развитія въ нѣсколько сотъ лѣтъ, прежде чѣмъ она могла сравниться съ эллинской литературой жизненной теплотою чувства и выразительнымъ изображеніемъ прекраснаго въ природѣ.

Только преувеличенная оцѣнка нѣмецкой литературы можетъ допустить сравненіе обоихъ эпопей о Нибелунгахъ и о Гудрунѣ съ Илиадой и Одиссеей. Какъ всегда бываетъ, и въ этомъ случаѣ слишкомъ далеко заходящее сравненіе оказывается вреднымъ. Никто не можетъ отрицать прелести бѣдныхъ словамъ, но пластическихъ изображеній, рѣзкихъ характеристикъ героевъ, ужаснаго впечатлѣнія ихъ судьбы въ Нибелунгахъ или прилекательности другого, столь нѣжнаго и гармоническаго произведенія, возникшаго на Нѣмецкомъ морѣ. И все-таки, и въ построеніи, и въ изображеніяхъ въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ частяхъ эти эпопеи даже отдаленнѣйшимъ образомъ не достигаютъ той чарующей наивности, того высшаго художественнаго совершенства, соединенныхъ съ самой трезвой правдой о природѣ, какія мы находимъ въ греческомъ эпосѣ. Какой жизненной красотой, какой пластической силой исполнены сравненія у Гомера такъ же, какъ и изображенія временъ дня и года, составляющія орнаментъ разсказа! Съ какою ясностью взгляда, съ какою теплотой сердца описываетъ онъ прелесть могучихъ и нѣжныхъ явленій природы! И какъ элементарно, скудно и грубо все то, что въ этомъ отношеніи представляетъ намъ поэма о Нибелунгахъ. Хотя и Гомеровскій эпосъ еще не знаетъ симпатическаго воззрѣнія на природу, которое заставляетъ ее грустить и радоваться вмѣстѣ съ нами, которое влагаетъ въ нее свою душу и вглядывается въ нее, какъ въ душу друга, и картину природы прогигулолагаетъ изображаемому лишь объективно въ формѣ эпическаго сравненія, но какая тамъ вѣрность наблюденія, какая искренность и какое разнообразіе, обнимающее небо, землю и море!

Во всей мировой литературѣ едва-ли можно найти эпосъ, который былъ бы такъ бѣденъ въ изображеніи мѣста и вре-

мени, какъ нѣснь о Нибелунгахъ; поэтому весьма трудно «нѣмецкое душевное чувство природы» указать въ германскомъ народномъ эпосѣ. Индусы, персы и греки всѣ явленія природы противопоставляютъ человѣческимъ дѣйствіямъ и состояніямъ и вплетаютъ въ разсказъ граціозныя и самостоятельныя жанровыя картинки изъ жизни и природы, изъ міра растений и животныхъ въ формѣ сравненій или обобщающихъ изображеній, — но развѣ это можно найти въ нѣмецкомъ народномъ эпосѣ? Стихійная природа не играетъ никакой роли въ нѣспѣ о Нибелунгахъ, даже въ качествѣ рамки. Обозначенія времени какъ нельзя болѣе сухи: «На седьмое утро въ Вормсѣ прибыли уже храбрые» (ав. II), «утромъ въ Троицынъ день отправились они дальше», (V) или: «Передъ наступленіемъ вечера, когда исчезъ солнечный свѣтъ и сдѣлалось свѣжѣе» (X), или: «онъ долженъ былъ висѣть пока свѣтлое утро бросило черезъ окно свой отблескъ». Последнее выраженіе еще самое поэтическое; тамъ можно найти и такія: «День кончился, наступила ночь» (XXX).

Никто не будетъ отрицать, что въ этой простотѣ выраженій заключается своего рода прелесть, что она производитъ иногда сильное впечатлѣніе. Но при сравненіи съ богатствомъ выраженій, какое мы видимъ у грековъ, презираемыхъ за недостатокъ чувства природы, эти немногія украшенія едва-ли даютъ право признать здѣсь прославленное нѣмецкое чувство природы. Не больше индивидуальности находимъ мы и въ изображеніяхъ мѣста: «Отъ Рейна черезъ Гессенъ ѣхали они со своими героями въ землю Саксовъ» (III), «на одной горѣ нашелъ онъ замокъ» (VIII) и т. п. Даже разсказъ объ охотѣ и умерщвленіи Зигфрида весьма блѣденъ и скуденъ относительно пейзажа: «У холодного родника вскорѣ утратилъ онъ жизнь... былъ слышенъ откликъ въ горахъ и лѣсу... тогда уналъ на цвѣты супругъ Кримгильды... цвѣты стали мокры отъ крови» (XVI).

Здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго слѣда симпатическаго воззрѣнія на природу, какое мы видимъ въ индійской и греческой поэзіи (Адонисъ) и какое придастъ цвѣтамъ, деревьямъ и горамъ сочувствующую, скорбящую душу, что такъ трогательно выражается въ скандинавской сагѣ, при описаніи кончины Балдура.

Животный міръ также не играетъ роли въ эпосѣ; достаточно припомнить сонъ Кримгильды о соколѣ, на котораго на-

падаютъ два орла, или о двухъ кабанахъ, бѣгущихъ на Зигфрида, или о множествѣ дичи, за которой герои охотятся въ лѣсу (XVI).

Даже такіе образные обороты, какъ нѣжно-бѣлый, красный какъ роза, попадаются очень рѣдко, напр.: «ея прекрасное лицо отъ радости покраснѣло какъ роза» (IV); нѣкоторую нѣжность выказываетъ только сравнение, относящееся къ прекрасной Кримгильдѣ (XX): «Тогда пришла возлюбленная, какъ утрення заря выходить изъ мутныхъ облаковъ», и

Какъ свѣтлый мѣсяцъ плыветъ передъ звѣздами
И сіяніе его свѣтло и чисто поднимается изъ облаковъ,
Такъ блистала она правдивостью передъ другими женщинами.

Въ пѣснѣ о Гудрунѣ думали найти изображеніе того, какъ вѣетъ сѣверный вѣтеръ и какъ шумитъ Сѣверное море, но это не болѣе какъ красивая фраза. Тамъ обозначаются мрачное, непривѣтливое море, дикія, бездомныя волны, берегъ, мокрый отъ крови убитыхъ,—но это лишь простыя обозначенія. И когда старый волшебникъ говоритъ героямъ, которые вмѣстѣ съ нимъ должны освободить несчастную дочь короля: «Воздухъ такъ ясенъ, такъ богатъ звѣздами и чистъ, и мѣсяцъ свѣтитъ такъ прекрасно, что это истинно меня радуетъ; оставимъ-же этотъ пустынный берегъ, дорогіе витязи», (XXVI) ¹⁾ то ему не столько подсказываетъ радость при видѣ прекрасной звѣздной ночи, сколько надежды на наступающее утро.

Мѣстность всегда обозначается коротко, напр.: «это былъ широкій рѣчной островъ, который назывался Вюльпензандъ», или: «когда взошла свѣтлая утрення звѣзда, они увидали холмъ, возвышающійся изъ моря, и простирающійся передъ холмомъ обширный лѣсъ... свѣжіе, холодные ключи, которые стекали съ горы въ лѣсъ, и тогда обрадовались жаждущіе мужи (XXIII)» ²⁾.

Первые слѣды симпатическаго возрѣнія на природу мы

¹⁾ Die Luft ist so heiter, so Sternen reich und klar,
Auch scheint der Mond so prächtig, des freu'ich mich fürwahr,
Nun laszt dies öde Ufer, ihr teuerlichen Helden.

²⁾ Und als emporgegangen der lichte Morgenstern,
Da schn sie einen Hügel sich heben aus dem Meer,
Und sehen vor dem Hügel weiten Wald sich breiten...
Frische kalte Brunnen, die flossen in dem Taun
Von dem Berge nieder, da ftenten sich die wassermüden Mannen.

видимъ въ изображеніи дѣйствія, какое производила пѣсня Горацца; подобно Орфею, онъ увлекаетъ за собой природу, по крайней мѣрѣ мелкихъ птицъ и животныхъ: «Онъ запѣлъ величественнымъ голосомъ: отъ этого смолкли пѣсни мелкихъ птичекъ» (VI). «И опять онъ началъ пѣть, и кругомъ смолкли всѣ птички передъ его сладкимъ пѣніемъ».. Дѣвушки «спидѣли тамъ и слушали такъ же какъ птички, которыя на королевскомъ дворѣ забыли про свои пѣсни, звѣри въ лѣсу оставили свою пищу, черви, которые должны были ползати въ травѣ, рыбы, которые должны были плавать въ водѣ, остановились на своемъ пути: слѣдовательно его искусство достаточно имъ правилось» ¹⁾.

Время лишь рѣдко изображается менѣе бѣдно и кратко, чѣмъ въ пѣснѣ о Нибелунгахъ: «Когда ночь пришла къ концу и начало свѣтать» (VI), «Послѣ того на двѣнадцатое утро оставили они страну», или «около времени мая» или «въ одно прохладное утро». Нѣсколько богаче слѣдующее опредѣленіе: «Это было время, когда листья радостно распускаются и всякія птицы всего лучше поютъ свои пѣсни въ лѣсу» (I). Еще опредѣленнѣе и нагляднѣе изображается время, когда зима уходитъ, и птицы возвѣщаютъ приближеніе весны, когда королевская дочь, вмѣстѣ со своей подругой, несетъ одежды жестокой королевы на берегъ моря: «Это было время когда уничтожалась власть зимы и когда птицы начинали вновь пѣть наперерывъ» и т. д. ²⁾.

При нѣкоторой несомнѣнной пластичности, опредѣленіе времени недостаточно ясно, когда говорится далѣе о наступленіи утра освобожденія (XXVI): «Уже утренняя звѣзда поднималась не слишкомъ высоко, когда прелестная дѣвушка выглянула изъ окна въ даль; она слѣдила, не наступило-ли время, когда начинать свѣтать, такъ какъ за это радостная

¹⁾ Saszen da und lauschten, wie selbst die Vögelein
Auf dem Königshofe vergaszen ihr Getön,
Die Tier'im Walde lieszen ihre Weide stehn,
Die Würmer, die da sollten in dem Grasse gehn,
Die Fische, die da sollten in dem Wasser flieszen,
Verlieszen ihre Fahrte: wohl durft ihn seine Künste nicht ver-
rieszen.

²⁾ Es war die Zeit, wo scheidend des Winters Macht verging
Und wo neu der Vögel Wettgessang anfang...

Гудрунъ должна была щедро вознаградить ее. Тогда увидала дѣва что-то въ родѣ утренняго сіянія и при блескѣ воды, какъ будто сверкающіе шлемы и множество свѣтлыхъ щитовъ. Замокъ уже былъ осажденъ; поле кругомъ засвѣтилось оружіемъ» ¹⁾.

Сравненія встрѣчаются довольно рѣдко: «Въ волшебника и его приближенныхъ стрѣляли такъ сильно, какъ будто ливень надалъ съ неба» (XXVIII), такъ же, какъ и образы: «Для Гартмута и его друзей не обратилась въ плодъ эта цвѣтущая надежда, что они должны увидѣть покой на этомъ берегу».

Справедливо говоритъ Вильгельмъ Гриммъ ²⁾: «Отечественные поэты этой эпохи нигдѣ не отдаются особому описанію природы, имѣющему только цѣлью изобразить яркими красками впечатлѣніе пейзажа на нашу душу. У старыхъ нѣмецкихъ мастеровъ, безъ сомнѣнія, не было недостатка чувства природы; но они оставили намъ лишь такое вѣншее выраженіе чувства, какое позволяла связь съ историческими событіями», и далѣе: «на вопросъ о томъ, обогатило-ли нѣмецкую поэзію новыми картинами природы соприкосновеніе съ южной Италіей, или, во время Брестовыхъ походовъ, съ Малой Азіей, Сиріей и Палестиной, можно отвѣтить только отрицательно».

Въ придворномъ рыцарскомъ эпосѣ сказочный, фантастическій пейзажъ, создаваемый возбужденнымъ воображеніемъ поэта, заслоняетъ дѣйствительный, находящійся передъ его глазами. Растенія и животныя, лѣсъ и поле, получаютъ невѣроятные, искаженные размѣры: это баснословный міръ чудесъ, а не дѣйствительности. Такъ, напр., въ сказаніи объ Александрѣ поэтъ, (Лампрехтъ) переносится на концы земли и заставляетъ Александра разсказывать своему учителю Аристотелю

¹⁾ Schon war aufgegangen nicht hoch der Morgenstern,
Da trat ein holdes Magdlein in ein Fenster fern;
Sie spähte ob Zeit es wäre dasz tagen wolte,
Damit die frohe Märe Trau Gudrun ihr reichlich belohenen solte.
Da ersah die Jungfrau etwas Morgenschein,
Und bei des Wassers Glänzen, wie das muszte sein,
Sah sie Helme leuchten und viele tichte Schilde.
Die Bourg war schon belagert; von Waffen leuchtete rings das Gefilde.

²⁾ См. Humboldt, S. 33.

о видѣнныхъ имъ чудесахъ. Александръ приходитъ со своимъ войскомъ въ темный лѣсъ, въ которомъ высокія деревья далеко простираютъ свои вѣтви, сплетая ихъ между собой такъ, что свѣтъ солнца не можетъ проникать черезъ нихъ. Чистые и прохладные ручьи текутъ изъ лѣса въ долину. Сладкогласное пѣніе птицъ раздается между вѣтвями и отзывается въ тѣни лѣса. Но земля въ лѣсу покрыта необозримымъ множествомъ еще нераспустившихся цвѣтовъ, удивительной величины: они розоваго и снѣжно-бѣлаго цвѣта, подобны большимъ шарамъ и свернуты очень крѣпко; вдругъ открываютъ они свои душистыя чашечки, и изъ этихъ раскрывшихся волшебныхъ цвѣтовъ выходятъ румяныя, какъ утренняя заря, и бѣлыя, какъ ясный день, дѣвушки чудной красоты, лѣтъ около двѣнадцати на видъ, и тысячи этихъ прелестныхъ существъ начинаютъ, состязаясь съ лѣсными птицами, сладкое тысячеголосное пѣніе и порхаютъ съ пѣснями и смѣхомъ прелестными вереницами въ прохладной лѣсной тѣни. Покровы цвѣтовъ, изъ которыхъ онѣ рождаются, розоваго и бѣлаго цвѣта; онѣ—дѣти зеленой тѣни и прохладнаго уединенія лѣса. Если солнце освѣтитъ ихъ горячимъ лучемъ, эти дѣти цвѣтовъ тотчасъ-же вянутъ и умираютъ; онѣ—дѣти лѣта и имъ не суждена долгая жизнь такъ же какъ и цвѣтамъ, которыхъ май призываетъ къ жизни, а осень къ смерти: проходятъ три лѣтнихъ мѣсяца и «цвѣты всѣ гибнутъ, прекрасныя дѣвушки умираютъ, листья падаютъ съ деревьевъ, источники останавливаютъ свое теченіе, птицы прекращаютъ свои пѣсни—все радостное уходитъ. Грустно стало сжиматься мое сердце различными печальми, такъ какъ я ежедневно видѣлъ, какъ умираютъ прекрасныя женщины и гибнутъ цвѣты; тогда я удался оттуда съ моими мужами, съ тяжелымъ сердцемъ».

Безъ сомнѣнія, въ основѣ этого граціознаго сказочнаго описанія лежитъ высоко-поэтическое чувство. Какъ красивы повторяющіяся сравненія утренней зари и свѣтлаго дня, какъ глубоко прочувствованъ символизмъ расцвѣтающихъ и затѣмъ увядающихъ цвѣтовъ, дѣтей тихаго лѣснаго уединенія, перепесеніе душевной жизни на растительный міръ, это превращеніе душистыхъ почекъ въ красивыхъ дѣвушекъ. Но мы находимъ здѣсь одну изъ первыхъ подготовительныхъ ступеней эстетическаго одушевленія природы и симпатическаго возрѣнія на нее, игру фантазіи, а не конкретное наблюденіе.

Преувеличены и смѣлы также картины, изображающія

битвы. Войска приближаются, какъ ревущее море, стрѣлы летаютъ съ обѣихъ сторонъ, какъ густой снѣгъ... послѣ ужасной рѣзни измѣняется даже свѣтъ солнца и луны, и они отворачиваются отъ совершившихся убійствъ.

Для Гартмана фонъ деръ Ауге пейзажъ остается чуждымъ. Онъ изображаетъ волшебную природу, существующую только въ его воображеніи, какъ, напр., въ «Iwein» — дикій лѣсъ съ чудеснымъ источникомъ: «холоденъ и чистъ этотъ источникъ; его не касаются ни дождь, ни солнце, его не мутятъ вѣтры, отъ которыхъ его защищаетъ прекраснѣйшая лина. Она такъ высока и толста, что ни дождь, ни солнечный свѣтъ никогда не проникаютъ черезъ нее. Ей не причиняетъ вреда и зима, не портя въ ея красотѣ ни одного волоса, она зеленѣетъ и цвѣтетъ цѣлый годъ... надъ источникомъ стоитъ чудесный камень... дерево было усыяно птичками, такъ что я едва видѣлъ вѣтви, и даже листья почти исчезали. Приятно звучатъ сладкія пѣсни и раздаются изъ лѣса, который откликается на эти голоса... Когда я полилъ водою рубинъ, угасло солнце, только что свѣтившее, кругомъ умолкло пѣніе птицъ, распростерлась черная грозовая туча; бурныя облака, мрачныя и тяжелыя, понесли по небесному своду съ четырехъ концовъ. Ясный день уже болѣе не свѣтилъ... Кругомъ меня, въ лѣсу, вспыхивали разомъ тысячи молній... Поднялись буря, градъ и дождь... Буря была такъ губительна, что рушился лѣсъ» ¹⁾).

¹⁾ Kalt und viel rein Ist derselbe Bronnen; Ihn treffen nicht Regen noch Sonnen, Noch trüben ihn die Winde, Des schirmt ihn die schönste Linde. Sie ist mächtig hoch und also dick, Dasz nicht Regen noch Sonnenblick Nimmer je hindurch sich drängt; Ihr schadet der Winter nicht Kränkt An ihrer Schönheit er ein Haar, Sie grünt und blüht das ganze Jahr... Über dem Bronnen steht ein wunderherrlicher Stein... Mit Vöglein war der Baum bestrent, Dasz ich die Äste Kaum noch sah Und selbst das Laub verschwand beinah. Anmutig Klangen die süßen Lieder Und wiedertönend aus dem Wald, Das Sehr zu den Stimmen schallt... Als ich Wasser gosz auf den Rubin, Da erlosch die Sonne, die eben schien, Rings verstummte der Vögel Gesang, Ein schwarzes Gewitter zog entlang; Sturmeswolken flogen An den Himmelsbogen Von vier Enden finster und schwer. Es schien der lichte Tag nicht mehr... Es zückten nuu viel balde Rings um mich her im Walde Viel tausend Blitze zumal... Es erhob sich Sturm, Hagel und Regen... Der Sturm ward also ungemach, Dasz der Wald zusammenbrach.

Настоящее, личное чувство природы нигдѣ не выступаетъ у него, даже и въ лирическихъ стихотвореніяхъ; то, что онъ зимою тоскуетъ о цвѣтахъ, не имѣетъ большого значенія, такъ какъ въ «Зимней жалобѣ» онъ находитъ замѣну лѣтнихъ птицъ и весенней радости въ женской любви ¹⁾).

И у Вольфрама ф. Эшенбаха почти нѣтъ изображенія природы; время онъ изображаетъ словами: тогда начались сумерки, или: такъ какъ наступилъ вечеръ... при ясномъ сіяніи утра... такъ какъ день уже склонился къ вечеру... и т. п. Вообще, во всей рыцарской романтикѣ (сказаніи о Гралѣ и др.) дѣйствительность всегда отступаетъ на второй планъ. Если описывается лѣсъ или садъ, онъ украшается всевозможными чудесами, какъ, напр., въ X-й пѣснѣ «Оргелузы» ²⁾): «Гору окружалъ садъ... гранаты, смоковницы, малина и виноградная лоза и другіе плоды, сладкіе и пріятные, находились тамъ въ изобиліи; источникъ вытекалъ изъ скалы». Но всей этой великолѣпной картинѣ настоящая прелесть сообщается только женщиной: «Тамъ нашелъ онъ, что было ему довольно пріятно, женщину, такую прекрасную и чистую, что онъ былъ восхищенъ ея видомъ, цвѣтомъ всего прекраснаго въ женщинѣ».

Сравненія у него довольно рѣдки и не всегда поэтичны. Такъ «Herzeleide», II, заканчивается слѣдующимъ образомъ: «Она (Landes Frau) оросила себя росой печали своего сердца; изъ ея глазъ капалъ дождь на ея ребенка... Вздохи и смѣхъ бываютъ на ея устахъ въ одинъ и тотъ же часъ. Рожденіе сына радуетъ ея сердце», и т. д., и X, 514: «Вмѣстѣ съ пріятнымъ это непріятно (bei der Süszen sauer), XII, 601: «Тамъ стояло много яркихъ цвѣтовъ, но они не могли сравниться съ цвѣтомъ (лица), какое онъ увидалъ у Оргелузы». Но его герои отличаются особенно живымъ чувствомъ къ міру птицъ. Молодой Парцифаль совершенно очарованъ ихъ пѣніемъ.

Во всемъ этомъ нельзя найти слѣдовъ сильнаго, искренняго чувства природы.

Благодаря своей живой образной фантазій, своей способности видѣть прекрасное, Готтфридъ Страсбургскій ³⁾ бо-

¹⁾ Hartmann von Aue, изд. Pfeiffer II Leipzig 1867 12.

²⁾ пер. Simrock, Stuttg. 1861. 505.

³⁾ Tristan und Isolde, Geschichte von Gottfried v. Strassb., übertragen und beschlossen von Hermann Kurtz, Stuttg. 1864.

лѣе своихъ предшественниковъ выказываетъ опредѣленную сложность къ природѣ. Если въ пѣснѣ о Нибелунгахъ едва только намѣчается зеленый цвѣтъ травы и у Гартмана и Вольфрама являются только волшебные сады, то Готфридъ несомнѣнно дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ къ живописному изображенію и симпатическому пониманію пейзажа.

Впрочемъ, и у него обозначенія времени весьма скудны: «И когда дѣло шло къ вечеру», «тогда день уже начался» — и только! Сравненія часто повторяются. Прекрасныя женщины называются волшебными майскими розами, «тоскующей бѣлой розой», Изольда и Изота — солнцемъ и утренней зарей; Брангена, напротивъ, полною луной. Объ испуганной, влюбленной женщины говорится: «ея ротъ, красный какъ роза, поблѣднѣлъ; на ея кожѣ замерли свѣтлые жизненные пвѣта, которыми было украшено ея тѣло, и въ ея ясныхъ глазахъ стало такъ сумрачно, какъ ночь послѣ дня»... Начало поэмы «Ривалинъ и Блапшифлуръ» представляетъ прекрасное, проникнутое радостнымъ чувствомъ природы, изображеніе сладости приближенія весны; прелесть майскихъ дней отражается въ стихахъ, которые поэтъ посвящаетъ этому сладостному мѣсяцу. «Теперь ужъ былъ готовъ прекрасный праздникъ, цвѣтуція четыре недѣли, когда приходитъ свѣтлый май, пока опять уйдетъ назадъ... Тамъ были маленькія лѣсныя птички, доставляющія радость слуху, цвѣты и трава, все, что пріятно видѣть глазу и что радуешь благородныя сердца, всемъ этимъ былъ полонъ зеленый лугъ. Тамъ можно было найти все, чего хотѣлось, что долженъ принести май, тѣнь на солнцѣ, липы у родника, мягкіе, теплые вѣтры... Яркіе цвѣты смѣялись изъ росистой травы. Другъ мая, зеленый лугъ сдѣлалъ себѣ изъ цвѣтовъ радостный лѣтній нарядъ... Прелестное пѣніе птицъ, блаженное, прелестное, отрадное сердцу и чувству, наполняло радостью горы и долины. Сладостный соловей, милая птичка, которую всегда надо благословлять, пѣлъ въ цвѣтущихъ вѣтвяхъ, съ такимъ видимымъ удовольствіемъ, что многія сердца получали отъ этого радость и высокое мужество»... ¹⁾).

¹⁾ Nun war das schöne Fest bereit, Angesetzt und besprochen,
Die blühenden vier Wochen,
Wo der viel süsße Mai einzieht, Bis dasz er wieder von hinnen flieht,
Bei Finkapol auf grünem Plan, Dasz sich die Festgenossen sahn,

Такимъ образомъ, уже въ первое время нѣмецкой средне-вѣковой поэзіи раздаются звонкіе, радостные голоса поэтовъ, искренне радующіеся пробужденію природы; какъ сердечно звучать эти слова: «сладкій май, прекрасное, кроткое время мая, милыя лѣсныя птички», какъ сердечны эти первоначальныя одушевленія — «смѣющіеся цвѣты» и «зеленый лугъ, другъ мая», и какими благозвучными, прочувствованными словами стремится поэтъ выразить очарованіе зеленѣющаго, смѣющагося, звучащаго весенняго міра!

Извѣстно его описаніе грота любви съ его волшебной обстановкой — липами, деревьями, цвѣтами и пѣніемъ птицъ, радующимися въ одно и то-же время и зрѣнію и слуху, но для насъ особенно интересно, насколько поэтъ соединяетъ жизнь природы съ жизнью описываемой имъ романтической любви. Мы видимъ у него вмѣстѣ съ любовью сердца, любовь къ природѣ, къ цвѣтамъ и деревьямъ, къ пѣнію птицъ и шуму ручья, къ тѣни липъ и прохладѣ вѣтерка; любящія сердца всѣмъ

Auf einer wonnevollen Au, Wie sie Kein Aug im Lenzesblau
Zuvor gesehen oder seit. Die süsse saunfte Maizenzeit
Hatte an sie mit suszer Hand Ihre süsse Unmäsizigkeit gewandt.
Da waren kleine Walavögelein, Die der Ohcen Freude sollen sein,
Blumen und Blüten, Gras und Kraut, und was das Auge gerne schau
Was edle Herzen erfreuen soll, Des war die sommeraeue voll.
Man taud da, was man wollte, Was der Mai bringen sollte,
Den Schatten zu der Sonnen, Die Linden bei dem Brounen,
Die sanften linden Winde, Die Markes Hofgesinde
Höfisches Kosen brachten. Die lichten Blumen lachten
Aus dem betauten Grase. Des Maien Freund, der grüne Rase
Hatte aus Blumen sich gemacht so wonnigliche Sommertracht,
Dasz sie die lieben Gäste Empfang mit eigem Teste.
Der Bäume Blust sah jedermaun, der süsse, so süszlachend an,
Dasz Herz und Mut, befangen ganz, sich an den lachenden Blüten-
glaunz

Mit spielenden Augen machte Und ihm entgegenlachte.
Das holde Vogelgetöne. Das selige, das schöne,
Dem Herzen und dem Sinne zu seligem Gewinne
Erfüllte mit Freuden Berg und Thal. Die wonnevolle Nachtigall.
Das liebe susze Vögelein, Das immer soll gesegnet sein,
Das sang ans blühenden zweigen Mit solchen Lustezeigen,
Dasz manches Herz, manch edles Blut Freude gewann und hohen Mut.
Da hatte die Gesellschaft sich In hohen Freuden wonniglich
Gelagert auf das grüne Grass... Die Linde gab ein gnüglich Dach,
Und viele barg ihr Zeltgemach Mit blattergrünen Asten.

этимъ радостно наслаждаются ¹⁾). Весело и привѣтственно природа отражаетъ любовь, которую среди нея наслаждаются блаженныя сердца, и Готфридъ умѣетъ оживить неодушевленное и подчинить любви мертвую природу.

Такимъ образомъ, любовь стала плодородной почвой, на которой расцвѣтаетъ душистый цвѣтокъ искренняго чувства природы — первое начало симпатической формы этого чувства, хотя и остается еще въ очень узкихъ предѣлахъ. Вопросъ предстоящій теперь нашему рѣшенію, заключается въ томъ, имѣлъ-ли Minnesang, (любовная лирика XIII вѣка), зачатки дальнѣйшаго развитія?

Лирика есть настоящая среда, въ которой душа, погружающаяся въ природу съ любовью и пониманіемъ, можетъ найти самое искреннее выраженіе своимъ чувствамъ. Образъ, взятый изъ природы, становится символомъ внутренняго міра, иначе сказать, придается душа внѣшней природѣ, и такимъ образомъ, сливаются природа и духъ, внѣшній и духовный міръ. Въ другомъ случаѣ, пейзажъ, картина лѣта, осени, весны или зимы является только фономъ, рамкой, орнаментомъ. Такъ же какъ нѣмецкій придворный эпосъ почерпалъ свой матеріалъ изъ Франціи, и нѣмецкая любовная лирика оживлялась нѣсиями провансальскихъ трубадуровъ. При этомъ ясно выступаютъ національныя различія. У живого, пламеннаго южнаго француза все чувственно, свѣжо, грубовато, но сильно, мужественно, а у мечтательнаго нѣмца все однообразнѣе, блѣднѣе, меланхоличнѣе и мягче. Тамъ гордое, отважное отношеніе къ любви, борьба и торжество побѣды, здѣсь — размышленіе, нѣжность и грусть. У провансальцевъ все носитъ болѣе печать случайности, жизненнаго момента, у нѣмецкихъ миннезенгеровъ все стереотипно и монотонно — и картины природы съ изображеніями мая, птичекъ, солнца, жизни луговъ, шума воды и вѣянія вѣтерка, и самое ощущеніе любви съ его тоскливой жалобой.

Скудные остатки поэзіи трубадуровъ ²⁾ нерѣдко обнаруживаютъ тонкое оживленіе или удачное противоположеніе міра человѣческой души и міра природы въ контрастѣ или въ гармоніи.

¹⁾ См. S. 435.

²⁾ Friedr. Diez, *Leben und Werke der Troubadours*, Zwickau 1829.

«Осень въ природѣ и осень въ сердцѣ» ясно отражается въ стихахъ Бернара Вантадурскаго († 1195): «Вижу-ли я зелень, падающую съ деревьевъ, то, что могло бы огорчить другого — мнѣ это доставляетъ великое удовольствіе; не надо думать, что я желаю листьевъ и цвѣтовъ, съ тѣхъ поръ, какъ она, дорогая, оказалась жестокой ко мнѣ», или наоборотъ: «Холодъ и снѣгъ превращаются въ цвѣты и зелень передъ счастливымъ взоромъ». Съ блаженнымъ чувствомъ просыпается счастливецъ ночью, когда его будитъ призывъ соловья: «Отъ сладкаго пѣнія соловья ночью, когда я спалъ, я проснулся, лишь съ любовью въ мысли, весь потрясаемый сладкой дрожью». Онъ вздыхаетъ въ любовной тоскѣ: «Боже, еслибъ я могъ быть ласточкой, носиться по воздуху, прилетѣть въ полночь въ ея комнату». Отверженный жалуется: «Когда я вижу жаворонка, который радостно возносится къ солнцу и оттуда спускается внизъ, не сознавая, какой сладостью проникнуто его сердце, какую грусть я испытываю, видя существо полное веселья»...

Трогательное, вполне современное намъ симпатическое чувство! Онъ завидуетъ веселости жаворонка, между тѣмъ какъ самъ онъ печаленъ; ему больно отъ этого контраста и онъ не можетъ понять, почему весь міръ не груститъ о его потерѣ.

Сліяніе любви и весны Бернаръ выражаетъ въ слѣдующихъ стихахъ: «Въ апрѣлѣ, когда лугъ украшается зеленью и цвѣтутъ сады, и свѣжо и чисто двигаются воды, и всѣ птички счастливы,—благоуханія, несущіяся изъ цвѣтовъ, и сладкое пѣніе птички, все это вновь восхищаетъ меня. Тогда я намѣренно ищу наслажденія въ сладости любви ¹⁾».

Въ томъ же родѣ поетъ Арнольдъ фонъ-Марюель: «Хорошо, когда вѣтерки меня обвѣваютъ въ апрѣлѣ, прежде чѣмъ проснется май: тогда сойки и соловьи поютъ ясной ночью, каждая птица весело говоритъ своимъ языкомъ то, что ей хочется, сидя въ холодкѣ, рано утромъ, вмѣстѣ со своей

¹⁾ In Mond April, wenn grün sich schmückt
Der Anger und die Gärten blühn
Und frisch und klar die Wasser ziehn
Und alle Vöglein sind beglückt;
Düfte, die aus Blüten dringen,
Und des Vögleins süßes singen—
Das ist's was dann mich neu entzückt.

Dann such'ich mich mit Vorbedacht zu freun der Liebe Süßigkeit.

самкой. И такъ какъ все слѣдуетъ своему влеченію, когда зелень оживляется, и я не могу уйти отъ моей любви, радующей меня» ¹⁾.

Онъ называетъ свою возлюбленную «прелестнѣйшимъ существомъ, какое когда-либо произвела природа, прелестнѣе, чѣмъ это можно выразить, прекраснѣе, чѣмъ прекрасный майскій день, чѣмъ мартовское солнце, лѣтняя тѣнь, майская роза, апрѣльскій дождь,—цвѣткомъ красоты, зеркаломъ любви, ключомъ славы». То же говорить и Бертранъ де-Борнь: «Меня радуетъ расцвѣтъ сладостной весны, когда листья и цвѣты появляются вновь; меня радуетъ, когда я слышу веселый хоръ птичекъ, молодая пѣсня которыхъ раздается въ лѣсахъ» и т. д.

Эти пѣвцы не только чувствуютъ радость весны, но и восхваляютъ ее и говорятъ о ней; они признаются, что ихъ ничто такъ не восхищаетъ, какъ майскій день, мартовское солнце и лѣтняя тѣнь.

Нѣмецкіе миннезенгеры ²⁾ также прославляютъ весну съ ея пѣшемъ птицъ и цвѣтами въ связи съ любовью. Лѣтняя радость и зимняя грусть составляютъ основные аккорды, которые постоянно повторяются, но мы нигдѣ не видимъ, чтобы любовь къ женщинѣ углублялась и освѣжалась любовью къ красотѣ природы. Все это производитъ крайне монотонное впечатлѣніе: вездѣ призываются цвѣты и птички, какъ вѣстники весны, и восхваляется любимая женщина, которая свѣтлѣе солнца, приноситъ весну зимою и освѣщаетъ пустынность сѣраго, свѣжнаго дня.

Такъ, Дитмаръ фонъ-Эйстъ привѣтствуетъ весну, когда приходитъ время пѣсенъ маленькихъ птичекъ, когда широко зеленѣетъ липа, когда луга покрываются цвѣтами и т. д. Въ другой пѣснѣ, пѣніе птицъ и расцвѣтъ розъ напоминаютъ ему счастливое прошлое и женщину, которую онъ носитъ

¹⁾ Süss, wenn Lüfte mich umwallen Im April. eh'Mai erwacht,
Näher dann und Nachtigallen singen durch die heitre Nacht,
Jeder Vogel seine Sprache fröhlich spricht, was ihm gefällt,
In der Kühle früh am Tage, seinem Weibchen zugesellt.
Und da alles seinem Triebe Folgt, wenn sich das Grün erneut,
Kann auch ich mich meiner Liebe Nicht entziehen, die mich erfreut.

²⁾ Des Minnesangs Frühling von Lachmann—Haupt, 2. Ausg. von. Wilmanns, Leipzig 1875.

въ сердцѣ. Зимой онъ жалуется, что прошла сладость лѣта, исчезло пѣніе птицъ, время измѣнилось, соловьи умолкли и т. д.

Генрихъ фонъ-Фельдегге говоритъ по поводу пришествія весны, когда цвѣты поднимаются на лугу и птицы запѣваютъ въ лѣсу, что даже и огорченное сердце должно радоваться. За то разставаніе съ красотою лѣта настраиваетъ его печально. Ульрихъ фонъ-Гуотенбургъ соединяетъ въ красивое сравненіе картины природы со своимъ чувствомъ къ возлюбленной. Любовь есть май его сердца: она свѣтъ цвѣты на лугу его души. Генрихъ фонъ-Ругге также груститъ, что съ пришествіемъ холодной зимы, зеленый лѣсъ обнажился и умолкъ, и страстно желаетъ лѣта. Подобно тому, какъ луна получаетъ свѣтъ отъ солнца, изъ взоровъ возлюбленной падаетъ яркій свѣтъ въ сердце Генриха фонъ-Морунгена. Онъ называетъ ее яснымъ свѣтомъ мая, днемъ свѣтлаго праздника. И Рейнмару становится легче на сердцѣ, когда уходитъ зима, но онъ прибавляетъ съ глубокою грустью: «Для меня всегда должна быть зима».

Итакъ, мы видимъ: изображеніе природы и символикація ея вращаются у миннезенгеровъ въ очень узкихъ предѣлахъ. У нихъ совершенно отсутствуетъ индивидуальный взглядъ на пейзажъ; у нихъ нѣтъ и чувства природы, которое любитъ ее ради нея самой; даже сравненія и противопоставленія природы и душевнаго настроенія, въ видѣ контраста или гармоніи, у нихъ однообразно; картины природы у нихъ вообще стереотипны, и какіе-то безжизненные узоры примѣшиваются ими къ изображенію лирическаго ощущенія. Весенняя радость и зимняя грусть составляютъ господствующіе мотивы, и фигурами пейзажа служатъ лѣсъ и цвѣты, яркое солнце, а также и мѣсяцъ и лѣсные птицы, въ особенности соловей, розы и липы.

«Миннезенгеры часто и подробно говорятъ о прекрасномъ маѣ, нѣннѣ соловья, о росѣ, которая блеститъ на цвѣтахъ луга, но всегда по отношенію къ чувству, которое отражается во всемъ этомъ. Чтобы обозначить печальное настроеніе, они вспоминаютъ о поблекшихъ листьяхъ, объ умолкшихъ птицахъ, о сѣменахъ, умершихъ подъ снѣгомъ». Таково мнѣніе В. Гримма. Такъ же справедливо замѣчаетъ и Гумбольдтъ: «На вопросъ о томъ, обогатило-ли нѣмецкую поэзію новыми образами природы соприкосновеніе съ южной Италіей или, — во время Крестовыхъ походовъ, — съ Малой Азіей, Сиріей и Палестиной

можетъ быть данъ только отрицательный отвѣтъ. Ни въ чемъ не замѣчается, чтобы знакомство съ Востокомъ дало поэзи миннезенгеровъ иное направленіе. Однимъ изъ старѣйшихъ лирическихъ поэтовъ былъ Фридрихъ фонъ-Гаузенъ, который погибъ въ арміи Барбаруссы. Его пѣсни содержатъ многочисленныя указанія на походы крестоносцевъ, но онѣ выражаютъ только религіозное чувство или грусть о разлукѣ съ возлюбленной. Говорить что-либо о самой странѣ не находили повода ни онъ, ни другіе участники Крестовыхъ походовъ, каковы Реймаръ, Рубинъ, Нейдгардтъ и Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ. Реймаръ, новидимому, посѣтилъ Сирію въ качествѣ пилигрима въ свѣтъ герцога Леопольда VI Австрійскаго. Онъ жалуется, что мысли о родинѣ не оставляютъ его и отвлекаютъ его отъ религіозныхъ мыслей. У него нѣсколько разъ говорится лишь о финиковой пальмѣ, когда вспоминаются пальмовыя вѣтви, которыя благочестивые пилигримы должны были нести на плечѣ. Я не припоминаю также, чтобы великолѣпная природа Италіи возбуждала фантазію миннезенгеровъ, проникавшихъ по ту сторону Альпъ. Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде, который много странствовалъ, видѣлъ только По; Фрейдинъ, побывавшій въ Римѣ, замѣчаетъ лишь, что во дворцахъ тѣхъ, которые нѣкогда владычествовали тамъ, теперь растетъ трава» ¹⁾).

Въ дѣйствительности, даже величайшіе изъ миннезенгеровъ, не исключая и мастера лирики XIII вѣка, Вальтера, не переступаютъ узкаго круга господствовавшаго тогда возрѣнія на природу. Въ стихотвореніи этого послѣдняго «Весна и женщина» мы читаемъ: «Когда цвѣты поднимаются изъ травы, какъ будто они улыбаются солнцу рано утромъ въ майскій день, и маленькія птички сладко распѣваютъ свои лучшія пѣсни: какую другую сладость имѣетъ міръ, которая бы такъ могла радовать? Чувствуешь себя почти въ небесномъ царствѣ. Если вы хотите знать, что съ этимъ можетъ сравниться, я скажу вамъ, что было пріятнѣе для моихъ глазъ такъ же какъ и теперь, когда я это вижу опять: когда благородная, прекрасная дѣвушка выступаетъ парадная, увѣнчанная цвѣтами... оглядываясь кругомъ себя, какъ солнце окруженное звѣздами: — май со всеми своими волшебными дарами

¹⁾ Humboldt ib. S. 36.

не можетъ дать ничего столь сладостнаго; мы оставляемъ всѣ цвѣты и смотримъ на дорогую женщину» ¹⁾).

Мы видимъ здѣсь въ красивомъ выраженіи простую мысль, что прекрасную женщину пріятнѣ видѣть, чѣмъ самое роскошное майское утро. Впрочемъ, онъ умѣетъ придать болѣе индивидуальный оттѣнокъ грусти при наступленіи зимы въ стихотвореніи «Wintersüberdruß»: «краснымъ, голубымъ, зеленымъ и блестящимъ былъ свѣтъ въ лѣсу и въ полѣ, маленькія птички пѣли пѣсни. Теперь каркаетъ только ворона. Яркій цвѣтъ замѣнился сѣрымъ; блѣднымъ кажется теперь мѣръ» ²⁾).

У него встрѣчается много образныхъ выраженій, много красивыхъ сравненій изъ жизни природы, но и у него перевѣшиваютъ стереотипныя украшенія поэзіи миннезингеровъ — луга, цвѣты, трава и соловьи. Въ пѣсняхъ Вальтера это принимаетъ иногда весьма привлекательную форму, приближаясь по своей наивности къ народной пѣснѣ и отражая въ себѣ свѣжую радость чистой любви.

Все предыдущее приводитъ насъ къ слѣдующимъ заклю-

¹⁾ Wenn die Blumen aus dem Grase dringen,
Gleich als lachten sie hinauf zur Sonne,
Des Morgens früh an einem Maientag,
Und die kleinen Vöglein lieblich singen
Ihre schönsten Weisen: welche Wonne
Hat wohl die Welt, die so erfreuen mag?
Man glaubt sich halb im Himmelreiche;
Wollt ihr hören, was sich dem vergleiche,
So sag ich, was mir wohler doch
An meinen Augen öfters that
Und immer thut, erschau'ich's noch.—
Denkt, ein edles schönes Fräulein schreite
Wohlbekleidet, wohlbekranzt hernieder,
.
Etwas um sich blickend hin und wieder,
Wie Sonne neben Sternen anzuschau:
Der Mai mit allen Wundergaben
Kann doch nichts so Wonnigliches haben
Als ihr viel wonniglicher Leib:
Wir lassen alle Blumen stehn
Und blicken nach dem werten Weib.

Пер. Замрака.

²⁾ Walther von der Vogelweide, herausgegeben von Franz Pfeiffer, Vierte Aufl., Leipzig 1873 S. 8.

ченіямъ: литература путешествій временъ Крестовыхъ походовъ относится къ природѣ лишь съ точки зрѣнія полезности, ограничиваясь лишь удивленіемъ по поводу плодородія и общаго привлекательнаго вида страны. Нѣмецкій народный эпосъ рѣдко упоминаетъ объ явленіяхъ природы и даже форма сравненій примѣняется въ немъ весьма скудно. Нѣкоторый прогрессъ замѣчается въ придворномъ, искусственномъ эпосѣ; симпатическое воззрѣніе на природу отчасти выступаетъ въ изображеніяхъ Готфрида, находя для себя въ лирикѣ художественное выраженіе, когда поэтъ сопоставляетъ собственное настроеніе съ тѣмъ, какое ему кажется въ природѣ; во всемъ остальномъ изображенія природы у миннезэнгеровъ крайне однообразны. Прелесть самой природы, радость, какую она доставляетъ сама по себѣ, еще недоступна для того времени.

Пониманіе прекраснаго въ природѣ отражается не только въ литературѣ, но и въ пластическихъ искусствахъ, въ особенности въ живописи; такъ какъ народный духъ есть цѣльный организмъ, поэзія и живопись въ своихъ основныхъ направленіяхъ не исключаютъ другъ друга и не отличаются существенно одна отъ другой, но скорѣе взаимно объясняютъ, дополняютъ и обусловливаютъ другъ друга. Именно, что касается чувства природы, можно признать всегда повторяющимся положеніемъ, что пейзажная живопись развивается лишь тогда, когда природа кажется привлекательной сама по себѣ, и наоборотъ, пейзажъ, даже и въ живописи, играетъ лишь роль чего-то посторонняго, лишь задняго плана, пока онъ въ поэтическихъ изображеніяхъ литературы служить только орнаментомъ; когда отдѣльныя составныя части внѣшняго міра начинаютъ занимать болѣе обширное мѣсто въ прозѣ или поэзіи и сами по себѣ становятся цѣлью изображенія, то этимъ подготавливается и возникновеніе пейзажной живописи. Если мы прослѣдимъ вѣрагцѣ ходъ развитія живописи, очерченный Вольтманомъ и Вѣрманомъ въ ихъ превосходномъ сочиненіи ¹⁾, то мы увидимъ въ немъ замѣчательную иллюстрацію всего сказаннаго выше, въ особенности по отношенію къ развитію индивидуальности.

¹⁾ Geschichte der Malerei, Bd. I, Alterthum von Woermann, Mittelalter von Woltmann, Leipzig 1879, sp. S. 145, 218, 240, 342. 358, 402, 426.

Живопись первых вѣковъ находится вполне подъ эгидою христіанства. Техника не отличается отъ античной, но христіанство иначе относилось къ искусству, чѣмъ классическая древность. Почитаніе изображеній у древнихъ религій бывшее источникомъ и сущностью искусства, противорѣчило христіанству, и лишь постепенно проникло въ его культъ, подъ вліяніемъ древности. Весьма легко объяснить, въ особенности въ виду положенія живописи въ первоначальной родинѣ христіанства, что оно не имѣло вначалѣ никакой потребности въ искусствѣ. Это одностороннее воззрѣніе должно было исчезнуть только тогда, когда все специфически-еврейское отпало отъ христіанства и къ нему обратились образованные греки и римляне. Въ гробницахъ и катакомбахъ первыхъ трехъ вѣковъ мы встрѣчаемъ чисто декоративное искусство, но выстѣ съ тѣмъ и остатки ландшафтовъ, какъ, напр., въ древнѣйшей части гробницы Домитиллы въ Римѣ; пастухи, рыбаки и библейскія изображенія на ея потолкѣ.

И въ Византійской живописи ощущается нѣкоторое вліяніе античнаго искусства, какъ это можно видѣть въ одной псалтири, заключающей въ себѣ четырнадцать большихъ изображеній: Давидъ, въ видѣ пастуха, красивая женская фигура, изображающая мелодію, опирается лѣвой рукой на его плечо, голова нимфы выглядываетъ изъ-за куста, а впереди, подъ скалою, лежитъ въ смѣлой позѣ горный богъ, за нимъ овцы и козы у воды и на послѣднемъ планѣ пейзажъ съ античными зданіями, родниками и горами. Общій характеръ рисунка въ высшей степени поэтиченъ. Очевидно, это возвращающіяся древнія олицетворенія и они выступаютъ еще съ античной красотою и граціей среди строгихъ христіанскихъ изображеній.

Съ концомъ X-го вѣка начинается періодъ романскаго стиля, который заканчивается въ XIII-мъ. Блестящій подъемъ, выражающійся въ зодчествѣ, открываетъ новые пути и для прочихъ искусствъ; духъ, воспитанный на правильности архитектуры, при изображеніи органической природы также стремится къ правильности и не можетъ уже оставаться при древней неопредѣленности и произвольности формъ. Но такъ какъ ему недостаетъ еще самостоятельнаго чувства природы въ болѣе обширномъ смыслѣ слова, то средневѣковое искусство обрабатываетъ явленія, заимствованныя изъ природы, не въ соотвѣтствіи съ ихъ настоящимъ свойствомъ, но переноситъ.

на нихъ чувство архитектурической строгости и правильности. Съ развитіемъ готическаго стиля, начиная съ XIII вѣка искусство становится занятіемъ средняго класса, отраслью промышленности. Художники живутъ среди общества, непосредственно сообщаются съ природой и воспринимаютъ ея впечатлѣнія; ихъ фантазія, благодаря поэзіи, наполняется новыми представленіями и ощущеніями и питается наклонностью этого времени къ празднествамъ, которыя всѣ событія церковной и государственной жизни превращаетъ въ зрѣлища. Стремленіе къ жизненнымъ удовольствіямъ, къ роскошнымъ, а иногда и грубымъ наслажденіямъ проникаетъ всѣ классы и не остается чуждымъ духовному сословію. Прежнее искусство знало въ сущности только одно выраженіе торжественности, церковной строгости, религиозной возвышенности. Теперь оно угасло. Сильное религиозное чувство, проникающее всю эпоху среднихъ вѣковъ, не утратило еще своей власти, даже соотвѣтственно настроенію времени оно достигло усиленнаго одушевленія; но человѣкъ уже не подчиняется ему слѣпо, отказываясь отъ собственной воли, а относится къ нему сознательно. Правда, познаніе природы остается еще весьма условнымъ; художникъ еще не разгадалъ ее и не овладѣлъ ею, но онъ уже внимательно смотритъ на нее, согласно требованію живого чувства, изъ воспроизведенія котораго онъ исходитъ: предметы дѣйствительности воспроизводятся не ради ихъ самихъ, но какъ средство для выраженія опредѣленныхъ чувствованій. вполнѣ аналогично тому, что мы видѣли въ поэзіи. Обнаруживаются даже зачатки реализма, хотя индивидуальная сторона, напр., въ изображеніи животныхъ, еще остается недоуменною. Съ половины XIV вѣка процвѣтаетъ новая французская школа. Наблюденіе жизни становится точнѣе и острѣе, направляясь преимущественно на мягкія и привлекательныя свойства ея. Только въ концѣ этого періода художественное пониманіе чувствуетъ потребность разработки задняго плана, обозначеніе реальной обстановки при помощи деревьевъ условной формы, холмовъ, зданій готическаго стиля и голубого неба, при чемъ является только попытка линейной перспективы, а воздушная перспектива вовсе отсутствуетъ. Въ заглавныхъ буквахъ и въ украшеніяхъ на поляхъ книгъ, господствуетъ еще вкусъ прежняго времени; листь терновника, къ которому постепенно прибавляются раскрашенные цвѣты, оживляется птицами и иногда ангелами.

Въ концѣ XIV вѣка въ Кёльнской живописи замѣчается уже болѣе субъективнаго воззрѣнія и лирическаго чувства. Поэтическое чувство, въ особенности въ изображеніи мадоннъ, получаетъ часто идиллическій характеръ, находящій для себя замѣчательно граціозныя выраженія. Мадонна изображается не въ царственномъ и не въ торжественномъ видѣ, но сидящею съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ саду, на лугу, усыпанномъ цвѣтами, стебли и вѣтчики которыхъ изображены достаточно правдиво и естественно; однако, задній планъ вмѣсто ландшафта можетъ превратиться въ золотой фонъ, а вокругъ нея стоятъ святые. Небольшая картина городского музея во Франкфуртѣ-на-Майнѣ представляетъ слѣдующее: въ саду, заросшемъ розами, замкнутомъ стѣною съ зубцами, подъ плодовыми деревьями, оживляемыми птицами, сидитъ Пресвятая Дѣва и читаетъ книгу; неподалеку отъ нея стоитъ столъ съ яствами и питьемъ. Между тѣмъ, какъ она погружена въ благочестивое созерцаніе, три приближенные ей женщины предаются хозяйственнымъ работамъ: одна черпаетъ воду изъ колодца, другая рветъ вишни, третья занимаетъ Младенца Іисуса игрою на цитрѣ. Въ цѣломъ, все проникнуто неподдѣльнымъ чувствомъ и пейзажъ соответствуетъ значенію изображаемаго.

Такимъ образомъ живопись, насколько она касается пейзажа, несмотря на нѣкоторые признаки индивидуальнаго и реалистическаго стремленія, не идетъ далѣе большаго или меньшаго соответствія задняго плана главному предмету изображенія, при чемъ деревья, скалы, луга и цвѣты представляютъ только рамки, только орнаментъ, подобно тому, какъ мы это видѣли въ лирикѣ миннезепгеровъ ¹⁾.

¹⁾ Лудвигъ Кеммереръ въ своей книгѣ «Пейзажъ въ нѣмецкомъ искусствѣ до смерти Альбрехта Дюрера» (L. Kaemmerer, Die Landschaft in der deutschen Kunst bis zum Tode Albrecht Dürer's, Leipzig 1880), резюмируетъ слѣдующимъ образомъ сказанное имъ о живописи періода, предшествовавшаго Фагъ-Эйку, с. 40: «Детальное изученіе природы уже началось, но попытки слить отдѣльные элементы въ пейзажное изображеніе задняго плана картины съ глубокой перспективой обнаруживаютъ лишь нетвердость и несмѣлость дилетантскаго упражненія въ искусствѣ».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Индивидуализмъ и сентиментальная поэзія природы въ эпоху Возрожденія.

Люди всегда находятъ переходнымъ, время, въ которое живутъ, такъ какъ всегда уходитъ и умираетъ старое и нарождается новое. На пути развитія общей культуры существуютъ, однако, пограничные знаки, отмѣчающіе вполнѣ определенную область и проводящіе грань между тѣмъ, что было и цѣнилось до тѣхъ поръ, и тѣмъ, что приобрѣло значеніе вполнѣ послѣдствіи. Такой поворотный пунктъ въ древнемъ мірѣ указывается эллинизмомъ, въ средніе вѣка—эпохой Возрожденія.

Весьма поучительно сравнить сходныя стороны обѣихъ эпохъ, не упуская, конечно, изъ виду различій между эллиномъ и итальянцемъ, между древнимъ и болѣе новымъ человекомъ, впрочемъ, не абсолютныхъ, а лишь относительныхъ.

Эллинизмъ и Возрожденіе выступаютъ съ большей ясностью и рѣдкостью ихъ культурно-историческихъ границъ, если мы проведемъ параллель между ихъ родственными признаками, служившими двигателями своего времени, между прочимъ и по отношенію къ чувству природы.

Это—такія эпохи, въ которыя ледяная кора, облежавшая до тѣхъ поръ мысль и чувство человѣчества, распадается какъ будто отъ оживляющаго дуновенія весенняго вѣтра. Міровозрѣніе, которое начинаетъ господствовать съ того времени, нельзя назвать вполнѣ новымъ, такъ какъ ростъ народной культуры всегда бываетъ органическимъ, но новизна главнымъ образомъ, заключается въ оживленіи и усиленіи разнообразныхъ, прежде существовавшихъ моментовъ, въ которыхъ новое естественно примыкаетъ къ старому.

Іонійско-дорійская Греція расширилась во времена Александра Великаго въ эллинско-азіатское царство; точно также грани германо-романскихъ среднихъ вѣковъ пали въ эпоху Крестовыхъ походовъ и въ періодъ открытій. Эллинизмъ и Возрожденіе послужили переходомъ отъ древняго и отъ средневѣковаго къ тому, что мы называемъ новымъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Наслѣдіемъ эллинизма была эпоха Императорскаго Рима, а послѣдіемъ Возрожденія—время реформации; они одинаково имѣютъ свой корень въ прошломъ и даютъ отпрыски и зачатки, цвѣты которыхъ принадлежатъ будущему.

Въ эллинизмъ восточное сливается съ національно-греческимъ: въ Возрожденіи народный итальянскій духъ, проникнутый германскими элементами, ведетъ къ пробужденію античнаго духа и, благодаря этому сочетанію, вызываетъ къ жизни новую культуру. «Внѣ Италіи», говоритъ Бурггардтъ ¹⁾, при разъясненіи важнѣйшихъ факторовъ переворота, «дѣло идетъ о наученіи, философскомъ пользованіи отдѣльными античными элементами; а въ Италіи — о спеціальномъ вниманіи ученыхъ и всего общества къ древнему міру вообще, въ которомъ заключалось воспоминаніе о собственномъ прежнемъ величіи. Легкая доступность латинскаго языка, множество еще живыхъ преданій и памятниковъ значительно содѣйствовали этому процессу. Изъ этого обстоятельства и взаимодѣйствія нѣсколькихъ народнаго духа германо-ломбардскихъ государственныхъ учреждений, общаго для всей Европы духа рыцарства, прочихъ культурныхъ вліяній сѣвера, а также вліяній религіи и церкви, развивается нѣчто новое и самостоятельное — новѣйшій итальянскій духъ, которому предназначено было сдѣлаться типическимъ образцомъ для всего Запада». — На самомъ дѣлѣ, переходъ отъ произведеній народныхъ греческихъ художниковъ и поэтовъ отъ Гомера, Софокла и Фидія къ alexandрийцамъ Теокриту и Каллимаху и къ пергамскому искусству столь же значителенъ, какъ отъ пѣсни Нибелунговъ и произведеній миннезенгеровъ къ Данте и Петраркѣ. Въ обоихъ случаяхъ чувствуется новый міръ, въ которомъ все носитъ печать превращенія, гдѣ все ново и въ приемахъ возрѣвній и чувствъ, и въ политико-соціальныхъ и въ художественныхъ отношеніяхъ. Возсоздавая картину важнѣйшихъ историко-культурныхъ моментовъ эллинизма, напр., по превосходнымъ изсѣдованіямъ Гельбига ²⁾, нельзя не удивляться тому, насколько почти каждое отдѣльное явленіе повторяется въ эпоху Возрожденія, мастерское изображеніе которой намъ дано Бурггардтомъ.

¹⁾ «Die Kultur der Renaissance in Italien», 3 Aufl., von L. Geiger, Leipz., 1877, s. 221.

²⁾ Untersuchungen über die Kampanische Wandmalerei. Leipz., 1873; см. особ. Cap. XVII, Die äusseren Bedingungen der hellenischen Kunst, XVIII, Die Gesellschaft, XIX, Das Interesse für die Wirklichkeit, XX, Die Auffassung der Mythen, XXI, Die Sentimentalität, XXII, Der Sinnenreiz, XXIII, Das Naturgefühl.

Самый характерный, коренной признак обѣихъ эпохъ мы находимъ въ выступленіи личности, въ индивидуализмѣ. Эллинизмъ уничтожилъ племенные и сословныя преграды, и такое же освободительное значеніе имѣло и Возрожденіе. Завѣса, скрывающая вѣрованіе, чувствованіе и мышленіе среднихъ вѣковъ, падаетъ: тонкая ткань, сплетенная изъ мистическихъ сусѣрій и миражей, разрывается; «я» чувствуетъ себя самостоятельнымъ, оправдываемымъ самимъ собою явленіемъ, противоположающимся всему остальному — государству, церкви, народу и корпораціи, тѣмъ элементамъ, въ которыхъ въ средніе вѣка отдѣльная личность совершенно исчезала.

Въ эллинизмѣ развиваются монархическія государства; но всѣ служатъ уже не только одному пѣлому: отдѣльныя личности начинаютъ, побуждаемыя внутренними или виѣшними интересами, вырабатывать единичныя силы одностороннимъ и концентрическимъ путемъ; вмѣсто преобладавшихъ прежде государственныхъ интересовъ, выступаютъ одновременно частныя интересы, частныя потребности личностей: даже наружный видъ тогдашняго поколѣнія носитъ на себѣ этотъ индивидуальный отпечатокъ. «Между тѣмъ, говоритъ Гельбигъ, какъ портреты предшествующихъ эпохъ обнаруживаютъ извѣстную общность выраженія, со временъ Александра Великаго портреты представляютъ уже множество индивидуальных явленій. Современныхъ типовъ, столь различныхъ между собой, какъ мечтательная голова Александра Великаго съ выраженіемъ бурной, дѣятельной силы, какъ интеллигентная, ученая фізіономія Аристотеля и какъ лицо Менандра, съ свойственной ему чертой проницательной наблюдательности, мы напрасно стали бы искать въ предшествующія эпохи» ¹⁾. А у Буркгардга мы читаемъ: «Съ конца XIII столѣтія Італія начинаетъ наполняться личностями: преграды, стѣснявшія развитіе индивидуализма, рушатся, и безпрепятственно выделяются тысячи отдѣльныхъ лицъ; тираническая власть развивается въ высшей степени индивидуальность самихъ влестителей кощотыровъ, а также и покровительствуемыхъ и эксплуатируемыхъ ими талантовъ — тайныхъ секретарей, чиновниковъ, поэтовъ, членовъ корпорацій».

Политическое равнодушіе порождаетъ, въ особенности у изгнанниковъ, высочайшій космополитизмъ. «Моя родина —

¹⁾ Helbig, s. 185.

міръ», говоритъ Данте; «лишь тотъ, кто все изучилъ, видѣть не бываетъ чужеземцемъ; даже лишенный имущества и друзей, онъ — гражданинъ въ каждомъ городѣ и можетъ безъ страха взирать на превратности своей судьбы», говоритъ Гиберти.

Въ эпоху Возрожденія также, какъ и въ эллинизмъ, обнаруживается въ художественной и научной области стремленіе къ познанію вещей въ ихъ реальномъ значеніи: въ художествахъ обращается большое вниманіе на детали; натурализмъ обнаженнаго тѣла въ искусствѣ опирается на чувственную утонченность эротическаго характера; чувственность развивается и выдѣляется въ эллинскомъ искусствѣ не менѣе, чѣмъ во времена Боккаччіо. Намѣренное преувеличеніе чувствительности, сантиментальность является выдающеюся характерной особенностью эпохи эллинизма; несчастная любовь служитъ непрерывно повторяющеюся темою поэтовъ, и оттѣнокъ грусти, меланхоліи лежитъ на многихъ фیزیономіяхъ того времени. Съ другой стороны, и пѣсни Петрарки исходятъ именно изъ его чувствительности, его мечтательнаго преувеличенія страданія.

Знакомство съ чужими странами повело въ Греціи къ подъему естествознанія въ особенности географіи, астрономіи, зоологіи и ботаники; расширеніе физическаго и умственнаго горизонта Крестовыми походами и послѣдующими географическими открытіями пришло на помощь той универсальности, которая была также свойственна индивидуализму Возрожденія, какъ и эгоистическое стремленіе къ славѣ. Данте — не только великій поэтъ своего времени, но и астрономъ; Петрарка — географъ и картографъ, и Италія въ концѣ XV столѣтія, благодаря Паоло Тосканелли, Лукъ Баччіоли и Леонардо-да-Винчи въ математикѣ и естествознаніи стояла безусловно впереди всѣхъ народовъ Европы. Обширное распространеніе интереса къ естествознанію основывается, отчасти, на обнаружившемся еще прежде стремленіи къ составленію коллекцій, къ сравнительному изученію растений и животныхъ; Италія славится первыми ботаническими садами и еще болѣе полезною склонностью владѣтельныхъ особъ и богатыхъ людей собирать въ своихъ садахъ возможно разнообразныя растенія со всѣми ихъ породами и разновидностями ¹⁾.

¹⁾ Burckhardt, II, 10.

Леонъ Баттиста Альберти, соединявшій обширныя теоретическія знанія съ техническимъ и художественнымъ умѣньемъ, выказываетъ высоко симпатическое, почти болѣзненное сочувствіе всему окружающему. При видѣ красивыхъ деревьевъ и роскошныхъ зрѣлыхъ полей онъ проливалъ слезы; не одинъ разъ онъ исцѣлялся отъ болѣзни видомъ красивой мѣстности. Красивая дорога, по его опредѣленію, должна представлять «то море, то горы, то проточное озеро или источникъ, то сухія скалы или равнину, то лѣсъ и долину» ¹⁾). Онъ любитъ также перемѣну; весьма любопытно, что онъ горы и скалы, противопоставляя ихъ равнинамъ, находитъ прекрасными.

Во времена эллинизма любовь къ охотѣ, до того времени встрѣчающаяся лишь у македонянъ, становится развлеченіемъ, которому знатные люди отдаются съ пышностью азіатскихъ царей въ своихъ *парадизахъ*. Писатели съ особеннымъ предпочтеніемъ заимствуютъ свои сравненія изъ обстановки охоты; но эти сравненія ни у кого не встрѣчаются такъ часто, какъ у Петрарки. Въ эпоху Возрожденія животныя пріобрѣтаютъ значеніе символовъ процвѣтанія городовъ, съ суевѣрнымъ значеніемъ, какъ, напр., флорентинскіе львы.

Такимъ образомъ, подъемъ естествознанія, усиленный иммерсѣй къ дѣйствительности и чувствительность послужили въ эллинизмъ и въ Возрожденіи началамъ сентиментальнаго воззрѣнія на природу; красота пейзажа, какъ средство къ сатому чистому удовольствію, одинаково признается эллинизмомъ въ древности и Возрожденіемъ въ средніе вѣка; послѣдняя эпоха только распространяетъ и усиливаетъ эллинское чувство природы. Буркгардтъ не обратилъ достаточнаго вниманія на то, что уже въ эпоху эллинизма красота пейзажа находить цѣнителей и изобразителей, ради нея самой, но онъ совершенно справедливо замѣчаетъ ²⁾): «Итальянцы ранѣе другихъ новѣйшихъ народовъ признавали пейзажъ, какъ нѣчто болѣе или менѣе прекрасное, и наслаждались имъ... на вер-

¹⁾ Burckhardt l. c. O. I, p. 198 fin. de re aedificatoria I. VIII, c. 1: si modo mare, modo montes, modo lacum fluentem fontesve, modo aridam rupem aut planitiem, modo nemus vallemque exhibebit.

²⁾ Ср. Burckhardt, I S. 222 и S. 323 прим.

шинѣ среднихъ вѣковъ, около 1200 года, является вполне наивное наслажденіе ви́дшимъ міромъ и съ живостью выка- зывается у миннезингеровъ различныхъ націй; они обнару- живаютъ величайшее сочувствіе къ самымъ простымъ явле- ніямъ, каковы весна и ея цвѣты, зеленые луга и лѣсъ. Но это только простой, передній планъ картины, безъ всякой перспективы». Если мы и находили слѣды симпатическаго чувства природы у миннезенгеровъ, если они вполне созна- тельно воспѣвали природу и ея отдѣльныя, во всякомъ случаѣ достаточно стереотипныя явленія, то индивидуальное значеніе ландшафта, характерныя черты его формъ, красокъ, освѣ- щенія и проч., не затрѣгиваются у нихъ ни однимъ наме- комъ.

Даже Carmina Burana идутъ въ этомъ отношеніи не мно- гимъ далѣе миннезенгеровъ, хотя и заслуживаютъ болѣе близ- каго знакомства съ ними.

Всего вѣроятнѣе, что они принадлежатъ еще XII столѣтію; если эти латинскія стихотворенія бродячихъ клириковъ состав- ляютъ общеевропейскій продуктъ, то лучшія изъ нихъ должны быть приписаны не итальянцу, а французу. Латинская поэзія оживаетъ въ нихъ съ такой свѣжестію, какой она не дости- гала во время карловингскаго Возрожденія, правда, въ средне- вѣковой формѣ, но съ кипучей жизненностью и чувстви- тельностью, едва-ли возможной для жителя сѣвера того времени; даже ихъ жизнерадостность и чувство наслажденія нерѣдко вырождаются въ легкомысліе. Но свѣжее дуновеніе, проникаю- щее ихъ, указываетъ приближеніе національной весны, про- бужденіе послѣ тяжелой зимней спячки среднихъ вѣковъ. Огромное разстояніе отдѣляетъ воззрѣніе на природу, какое мы находимъ въ первомъ періодѣ развитія монастырскаго житія, и то, какое обнаруживается въ яркихъ изображеніяхъ этихъ пѣсенъ. Если бы глазъ, привыкшій къ полумраку церквей и къ обнаженнымъ стѣнамъ келій, обладалъ самой усиленной впечатлительностью къ яркой синевѣ неба и къ радостной жизни въ полѣ и въ лѣсу, то постоянная борьба съ чувственностью должна была сдерживать монаховъ; они должны были въ при- родѣ видѣть болѣе опасность соблазна, чѣмъ величественныя, созданныя для удивленія и восторга творенія Божіи; «они бро- дили среди природы съ робкой заботой, и напуганное вообра- женіе рисовало имъ страшные образы или чудесныя избав-

ленія» ¹⁾. И если мы видѣли, какъ въ эпоху Каролинговъ обнаруживалось идиллическое стремленіе къ мелкимъ, скромнымъ прелестямъ жизни среди природы, въ особенности въ монастырскихъ садахъ, эти вполне свѣтскія пѣсни *vagantes clericis* показываютъ, что для нихъ природа «давно потеряла свою грѣховность и освободилась отъ всякаго демоническаго вліянія» и, даже болѣе, что она населена привлекательными образами древней миѣической поэзіи и создана для радости и поклоненія человѣка, въ самомъ обширномъ и наивномъ смыслѣ слова. Хотя и у нихъ весеннія пѣсни всего болѣе занимаютъ мѣста, но ихъ изображенія природы во многихъ отношеніяхъ разнообразнѣе и ярче, чѣмъ у миннезенгеровъ. Всѣ онѣ дышатъ радостными чувствами жизни и природы.

Такъ, поэтъ ²⁾ радуется: «Вотъ начинается весна; весенними цвѣтами разнообразно одѣвается земля; къ радости распадается сердце согласное пѣнію птицъ... это—время веселья» ³⁾. Пѣсни 98—118 еще болѣе ликуютъ по поводу того, что неподвижная зима уже исчезла, что богиня цвѣтовъ раскрываетъ свое лоно, скованное холоднымъ морозомъ, что фавоній привелъ весну съ сладостнымъ шумомъ, роща одѣвается листвою, опять поетъ соловей, луга вновь нестрѣютъ разнообразными красками: «пріятно бродить по лѣсистой мѣстности, еще пріятнѣе рвать лиліи и розы, но всего пріятнѣе веселиться съ прекрасной дѣвушкой» ⁴⁾.

Другая пѣсня даетъ подобное же признаніе — любовь и природа всего лучше настроенныя струны на лирѣ этого бродячаго клирика:—«Покоиться подъ прелестнымъ сводомъ ли-

¹⁾ Cp. Schnaase, «Geschichte der bildenden Künste», IV Bd., 1850, S. 70 ff.

²⁾ «Carmina Burana», Gedichte einer Handschrift des XIII Jahrhunderts aus Benedictbeuren, Bibliothek des litterarischen Vereins zu Stuttgart, 1847, Bd. XVI, S. 117, № 33.

³⁾ Jam ver oritur, Veris flore variata Tellus redimitur. Excitat in gaudium Cor concensus avium Voce relativa... Tempus est laetitiae.

⁴⁾ Flora iam pandit gremium vernali lenitate, quod gelu triste clauserat brumali feritate; dulce venit strepitu favonius cum vere... fronde nemus induitor; Jam canit philomena, cum variis coloribus iam prata sunt amoena spatium dulce est per loca nemorosa; dulcius est carpere iam lilium cum rosa, dulcissimum est ludere cum virgine formosa,—cp. № 44, 49: Laetabundus rediit Avium concensus, Ver iv cundum prodiit... Novo flore faciem Flora renovatur. Risu Jovis pellitur Torpor hiemalis.

сты, когда жалобно свищетъ соловей, весьма пріятно, но еще пріятнѣе весело проводить время на муравѣ съ прекрасной дѣвой... о, какимъ разнообразнымъ колебаніемъ подвержено любящее сердце! Подобно утлому челноку на волнахъ, лишенному якоря, оно носится между страхомъ и надеждой въ ту и другую сторону» ¹⁾. Красивая дѣвушка украшается и сравнивается со всѣмъ, что есть самаго прекраснаго въ природѣ; глаза ея свѣтятся, какъ звѣзды, бѣлизна ея соперничаетъ съ лиліями и снѣгомъ, уста — съ розами, поцѣлуй ея прогоняетъ тучу всевозможныхъ заботъ. Въ лѣтнее время, когда расцвѣтають цвѣты, сидѣть въ тѣни развѣсистаго дерева, когда птицы поютъ въ рощѣ, и наслаждаться краснорѣчіемъ своей «Тизбы» и бесѣдовать о пріятностяхъ любви, причемъ на колеблющихся вѣсахъ сердца попеременно поднимаются и опускаются — то легкая и свободная любовь, то цѣломудріе, или благосклонную дѣвушку, цвѣтокъ изъ цвѣтковъ, розу изъ розъ, звѣзду изъ звѣздъ, благодарить за даръ любви — вотъ самыя пріятныя и разрабатываемыя съ особеннымъ разнообразіемъ темы для поэта ²⁾. Всего привлекательнѣе стихотвореніе о «Филлидѣ и Флорѣ». Тамъ говорится: «Въ богатое цвѣтами время года, когда небо чисто и лоно земли украшается пестрыми цвѣтами, сонъ покинулъ очи Филлиды и Флоры, когда вѣстникъ утренней зари прогналъ звѣзды; обѣ дѣвушки походили лицомъ на утренній

¹⁾ № 6: *Fronde sunt arboris amoena, Dum querens canit philomena, Suave est quiescere, Suavius ludere in gramine Cum virgine speciosa... O in quantis Animus amantis Variatur vaeillant! Ut vaga ratis per aequora, Dum caret anchora, fluctuat inter spem metumque Dubia sic Veneris militia.*—Тотъ же поэтъ говоритъ съ сладострастіемъ сибарита: *Dum Dianae vitrea Sers lampas oritur Et a fratris rosea Luce dum succenditur, Duleis aura Zephyri, Spirant omnes aetheri, Nubes tollit, Sic emollit Vi chordarum pectora Et inmutat Cor, quod nutat, Ad amoris pignora. Laetum iubar hesperi Gratiorem dat humorem Roris soporiferi Mortalium generi.*

²⁾ 41: *Sic beati spes alitur, Flagraus oris tenelli, Dum acclinat basium Scindit nubem omnium curarum etc.* 43: *Florigero tempore Sub umbrosa residens arbore, Avibus canentibus in nemore... meae «Thisbes» adoptato Fruebar eloquio, Colloquens de Veneris Blandissimo commercio... in trutina mentis dubia Flnetuant contraria Lascivus amor et pudicitia.* 50: *Vidi floram floridam, Vidi florum florem, Vidi rosam madii, Cunctis pulchriorem, Vidi stellam splendidam Cunctis clariorem, Per quam ego degeram semper in amorem.*

свѣтъ... мягко шумѣлъ вѣтеръ, и тамъ было великолѣпное мѣсто съ зеленой муравой, и по самой муравѣ протекалъ ручей, живой и свободный, съ болтливымъ шумомъ; и для того, чтобы солнечный зной не мѣшалъ дѣвушкамъ, около ручейка стояла стройная пинія, украшенная зеленой листвою, широко распространяющая вѣтви, и жаръ не могъ проникать туда снаружи; тамъ расположились молодыя дѣвы, и трава послужила имъ ковромъ». Затѣмъ «онѣ рѣшились отправиться въ роццу Амура; при входѣ въ нее журчитъ потокъ, вѣтеръ приносить отсюда благоуханіе мирры и бальзама; слышатся сотни тимпановъ и цитръ; тамъ звучатъ всѣ голоса птицъ: гомосъ дрозда раздастся пріятно и нѣжно, и болтливаго жаворонка, и горлицы, и соловья, и т. д. Человѣкъ, который остался бы тамъ, не зналъ бы смерти; каждое дерево радуется своему плоду; дороги благоухаютъ миррой, гвоздикой и бальзамомъ; по этому жилищу можно судить о его господинѣ» ¹⁾). Безъ сомнѣнія, здѣсь еще нѣтъ пейзажа въ настоящемъ смыслѣ слова, но какъ прекрасно нарисованы отдѣльныя подробности его, какою свѣжестью чувства проникнуты всѣ эти картины!

Болѣе глубокое впечатлѣніе пейзажа впервые обнаруживается у Данте. Данте и Петрарка продолжают то, что было сдѣлано эллинизмомъ, и такимъ образомъ въ дальнѣйшемъ движеніи эпохи Возрожденія, такъ же, какъ и въ эпоху эллинизма, но еще индивидуальнѣе и субъективнѣе, находимъ мы санти-ментальность любовной страсти въ сочетаніи съ идиллическимъ наслажденіемъ природой, сознательное стремленіе къ уединенію

¹⁾ № 65, De Phyllide et Flora: «Anni parte florida celo puriore, picto terrae gremio, vario colore, dum fugarat sidere nuntius Aurorae, liquit somnus oculos Phyllidis et Florae... ambae virgines... respondent facie luci matutinae, 6: Susurrabat modicum ventus tempestivus, locus erat viridi gramine festivus, et in ipso gramine defluebat rivus, vivus atque garrulo murmure lascivus. Ut puellis noceat calor solis minus, fuit iuxta rivulum spatiosa pinus, venustata foliis, late pendens sinus; nec intrare poterat calor peregrinus. Consedere virgines, herba sedem dedit... 59: Ad Amoris destinant ire paradisum... Ad ingressum nemoris murmurat flucutum, ventus inde redelet myrrham et pigmentum, audiuntur tympana cytharaeque centum, 63: Sonant omnes volucrum linguae voce plena; vox auditur merulae, dulcis et amoena, corrydalus garrulus, turtur, philomena; 66: immortalis fieret ibi manens homo; arbor ibi quaelibet suo gaudet pomo; viae myrrha, cinnamo fragrant et amomo—coniectari poterat dominus ex domo.

и напыщенное восхищеніе мирнымъ пейзажемъ, а также и грусть, и тоску, и поэзію развалинъ и гробницъ. Въ то же время возбуждали мечтательность развалины стараго времени, эти нѣмые свидѣтели прошлаго; въ великолѣпныхъ садахъ, ихъ даже создавали искусственно, для усиленія элегическаго настроенія. Никто со времени эллинизма не поднимается на высокія горы, ради прелести открывающихся оттуда видовъ, и, изъ болѣе новыхъ людей, Данте сдѣлалъ это первымъ. Въ «Божественной Комедіи», поэтъ, блуждающій по небу и землѣ, аду и раю, рѣдко изображаетъ реальную природу, и то лишь въ сравненіяхъ. Но, какъ выражается Гумбольдтъ, онъ, въ концѣ первой пѣсни «Чистилища», неподражаемо описываетъ благоуханіе утра и дрожащій свѣтъ слегка подвижнаго, отдаленнаго зеркала моря (ст. 115) ¹⁾:

«Уже заря долѣла предразсвѣтныи сумракъ,
Бѣжавшій передъ ней, и вдальекъ
Могъ различать уже я колыханье моря».

Столь же величественно изображеніе прорыва облаковъ и поднятія рѣчныхъ водъ въ пятой пѣснѣ (109):

... «Воздухъ насыщенный претворился въ воду, И ливень палъ, и хлынули ручьями Землей непоглощенные воды избытки. Ручьи слились въ широкіе потоки И понеслись въ державный Арно Стремительно, ничѣмъ не удержиимы».

Также полно поэзіи и особенной прелести описаніе земного рая («Чистилище» XXVІІІ).

«Я шелъ впередъ, по всюду замедлялись
Мои шаги при взглядѣ на цвѣты;
Я увидалъ плѣнительное поле
Съ благоуханьемъ вѣчнымъ. Травъ листы
Отъ вѣтра колебались, и все болѣ
Свой разливался сладкій ароматъ,
Мнѣ никогда невѣдомый дотолѣ.
Таинственный какъ будто ожилъ садъ
Отъ ласки тиховѣйнаго зефира,
Но тотъ зефиръ, не вѣдая преградъ,
Былъ пѣженъ такъ, что, не наруша мира
И тишины, чело мое ласкалъ

¹⁾ L'alba vinceva l'ora mattutina. Che fuggia innanzi, sì che di lontano. Conobbi il tremolar della marina.

И не смущалъ торжественнаго клира,
 Которому въ эдемѣ я внималъ;
 Съ деревьевъ раздавалось птичекъ пѣнье,
 Ихъ хоръ какъ бы молитву возсылалъ
 Къ Творцу міровъ въ то самое мгновенье,
 Благословляя въ звонкихъ голосахъ
 Зари румяной раннее явленье,
 Когда она зардѣлась въ небесахъ;
 И, пѣня птицъ заслушавшись, дрожали
 Зеленые листы на деревьяхъ
 И, словно имъ въ отвѣтъ, благоухали.
 Такой же точно шумъ порой идетъ
 Въ лѣсу Кіаси, гдѣ мы всѣ слышали
 Эола гуль, когда, летя съ высотъ,
 Сирокко на свободу онъ пускаетъ,
 Который мчитъ дальше и впередъ
 И ропотъ свой вездѣ распространяетъ...
 ... И увидалъ передъ собой я вдругъ
 Дорогу; чрезъ нее перебѣгая,
 Скользилъ чистѣйшій, искристый потокъ,
 Который, лѣвый берегъ орошая,
 Растеніе любое и цвѣтокъ
 Лишь вѣжить благодатными струями,
 Какихъ на свѣтѣ видѣть я не могъ»...

(Перев. Минаева.)

Многочисленные сравненія, которыя поэтъ заимствуетъ изъ всѣхъ сферъ жизни природы, представляютъ собою небольшія пластическія картины, исполненныя жизненной правды; подобно приведеннымъ выше изображеніямъ, они обличаютъ глубокую проникательность и сердечное воспріятіе впечатлѣній природы. Цвѣты и птицы, море и буря, противопоставляясь другъ другу, сближаются между собой. Въ «Аду» (V, 29), говорится:

«Я былъ въ краю, гдѣ смолкнулъ свѣтъ лучей, Гдѣ воздухъ воетъ,
 какъ въ часъ бури море, Когда сразятся вѣтры средь зыбей!»

(Пер. Минаева.)

Поэзія часто сравнивается съ плаваніемъ по морю, какъ, напр., въ «Чистилищѣ» (I, 1):

«Готовая плыть по болѣе спокойнымъ водамъ, Мой утлый мысленный челнокъ подѣмлетъ снова парусъ, Оставивъ позади себя мучительное море».

или «Рай» (II, 1) и «Адъ», (VII, 13).

«Какъ спутавшись надутыя вѣтрила Падуть, какъ скоро мачту ихъ спесло, Такъ рухнула чудовищная сила»...

Тутъ встрѣчаются звѣздное небо и солнце:

Чист. (II, 13) «И вотъ какъ часто предъ разсвѣтомъ самымъ Краснѣетъ сквозь пары густые Марсъ,— На западѣ внизу надъ гладью моря Такимъ явился предо мной Столь быстро приближавшійся по морю свѣтъ»... Ср. Чист. XVII, 52; XIX. 10;

лѣсъ и цвѣты:

«Адъ» IX, 67 «Пронесся трескъ... Такъ вихрь рожденъ борьбой жаровъ изъ праха, Неистовый несется прямо въ лѣсъ И, на него обрушившись съ размаху, Ломаетъ вѣтви, валитъ пни деревьевъ». II, 127: «И какъ цвѣточки, стужею почною Согбенные, въ сребрѣ дневныхъ лучей Встаютъ, раскрывшись, на вѣтвяхъ главою,— Такъ я воздвигся доблестью моею». III, 112: «Какъ осенью въ лѣсу кружить Борей Залетомъ листь, Доколь его порывы Не сбросятъ въ прахъ всей роскоши вѣтвей»... (Перев. Минаева).

Пчелы, дельфины, лягушки, снѣгъ, метеоры, солнечные лучи сближаются между собою въ качествѣ параллелей, по большей части, съ индивидуальной окраской, съ яркимъ изображеніемъ деталей ¹⁾.

Но самый крупный шагъ по направленію къ повѣйшей поэзіи дѣлаетъ Петрарка; значеніе его въ исторіи развитія чувства природы непонятнымъ образомъ ускользнуло отъ вниманія и самого Гумбольдта въ его знаменитомъ очеркѣ во II-й части «Космоса» и его комментатора Шаллера, такъ же какъ и Фридлендера. На самомъ дѣлѣ, когда мы обращаемся отъ эллинизма къ поэзіи Петрарки, намъ кажется, что эллинизмъ отдѣляется отъ Возрожденія не промежуткомъ времени въ полторы тысячи лѣтъ, а какъ будто, мотивы, впервые затронутые въ эллинизмѣ, лишь у Петрарки превращаются въ ясную мелодію. То, что мы называемъ новымъ направленіемъ въ искусствѣ, произошло отъ освѣженія народнаго духа Италіи XIII вѣка античной поэзіей. Тогда возродилось и чувство природы и двинулось далѣе на пути своего развитія, какъ въ отношеніи возрѣнія на красоту пейзажа, такъ и въ смыслѣ чувствительности. Многіе мотивы эллинизма, въ томъ видѣ, въ какомъ они отразились у римскихъ поэтовъ императорской

¹⁾ Parad. XXXI, 7, Inferno XXII, 19, Purg. XXX, 85, Parad. XV, 13, XVII, 123.

эпохи, мы вновь встрѣчаемъ у Петрарки, въ поэзіи котораго сходятся, такимъ образомъ, древній міръ и вновь народившаяся эпоха. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ поэзіи его есть особенность, къ которой примѣшано нѣчто, едва только звучавшее въ древности и постепенно возникающее вновь: это — новѣйшая субъективность, новѣйшій индивидуализмъ, относящійся къ тому, что мы видѣли въ древности, такъ же, какъ вполне распустившійся цвѣтокъ относится къ нераскрывшейся почкѣ. Петрарка — одинъ изъ первыхъ дѣйствительно заслуживающихъ имени новѣйшаго человѣка; въ немъ новы — образъ его мыслей и чувствъ, его сантиментальность, его меланхолія; въ немъ ново то, что онъ «болѣе многихъ до и послѣ него, стремится познать себя и познаваемое представить другимъ» (Гейгеръ). Геттнеръ справедливо замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что къ канцонамъ и сонетамъ Петрарки можно бы поставить эпиграфомъ (гетевское?) выраженіе изъ «Франкфуртской ученой газеты» 1772 года: «Онъ открылъ свое сердце». Онъ чувствуетъ съ полной ясностью сознанія, какой счастливый и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастный даръ — чувствительное сердце; онъ прислушивается ко всѣмъ его движеніямъ, онъ убаюкиваетъ его, какъ больное дитя. Теплота и искренность чувства соединяется у него съ неслыханной тщеславной оцѣнкой самого себя, съ фальшивой фразой, съ безмѣрной «свободой духа страсти». Онъ вполне чувствуетъ ту сантиментальную болѣзнь, какую называетъ «acedia», и желаетъ излѣчиться отъ нея. Это слово имѣетъ свою исторію. Если у грековъ, какъ, напр., у Аполлонія ¹⁾, оно означаетъ безпечность, распущенность и соединяется съ родительнымъ *ὀδισιο* такъ же, какъ *λυσεν* — огорченіе, по объясненію схолиастовъ, то въ средніе вѣка оно становится «охлажденіемъ къ духовному благу, насколько оно есть божественный даръ», той монастырской болѣзнью, которую одинъ монахъ лѣтописецъ опредѣляетъ, какъ «грусть или отвращеніе, происходящее отъ умственного заблужденія, или крайнее душевное огорченіе, уничтожающее душевную веселость и заставляющее духъ, какъ бы въ отчаяніи, обращаться внутрь самого себя»; у Данте оно обозначается, какъ такое состояніе, когда «пріятный, лучезарный кругъ воздуха кажется мутнымъ», т. е. охлажденіе къ доброму и прекрасному.

¹⁾ Argan. II, 219, III, 260, 298; ср. Cic. ad Att. IV, 18, 3.

Болѣе новый смыслъ, какой это слово получаетъ у Петрарки превосходно опредѣляетъ Гейгеръ, говоря, что это не грѣхъ въ духовномъ смыслѣ и не страданіе въ свѣтскомъ значеніи слова ¹⁾, но нѣчто чисто человѣческое, свойственное именно самымъ способнымъ людямъ, борьба между сущностью и видимостью, стремленіе наполнить пустоту ежедневной жизни, несчастное состояніе, отчаяніе, являющееся вслѣдствіе сравненія спокойствія большинства и мучительнаго безпокойства своей собственной души, сознаніе, что результаты, стремленія и созданія не соответствуютъ усилямъ, заключеніе, что человѣческая жизнь есть вѣчный недостойный и измѣняющійся круговоротъ, гдѣ худшее идетъ впередъ, а лучшее остается позади, другими словами, пессимизмъ, меланхолія, мировая скорбь». Петраркѣ знакомо и то чувство, какое Гете называлъ «Wonne der Wehmut», *dolendi voluptas*. Такъ, онъ сознается въ 5-й строфѣ IV Канцоны:

«Меня радуешь, когда текутъ мои слезы, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы глаза мои всегда были исполнены грусти, а сердце—страданія Я могу чувствовать отраду лишь тогда, когда во мнѣ обильнѣе течетъ источникъ печали»

И въ 189 сонетѣ: «Вѣчно проливать слезы—моя высшая отрада» ²⁾. Душевное терзаніе вслѣдствіе міровой скорби характернымъ образомъ соединяется у него съ этой склонностью къ страданію въ 6-й строфѣ XX Канцоны.

«О міръ, о пустота суеты! О судьба, куда хотите вы меня увлечь?.. Я почерпаю лишь страданіе изъ любви и вѣрности... Да, если я не заблуждаюсь, скорый конецъ есть милостивый даръ... И все-таки, канцона, я остаюсь на своемъ мѣстѣ; бѣгство и трусливая смерть не благородны; я самъ долженъ порицать себя за такую печаль, такъ какъ меня отрадно облегчаютъ слезы, боль и раны. Невольникъ любви! царства всей земли не имѣютъ того блага, которое равнялось бы моей печали» ³⁾. XXIV Канцону онъ заключаетъ словами:

¹⁾ Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland, Berlin 1882. («Oncken», Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen II, 8). S. 26.

²⁾ Lagrimer sempre è'l mio sommo diletto.

³⁾ Servo d'Amor, che queste rime leggi, Bon non ha'l mondo, che'l mio mal pareggi.

Увы! ничто, кромѣ скорби, не прочно на землѣ ¹⁾.

Эта усиленная, въ новѣйшемъ смыслѣ, внутренняя жизнь и въ особенности вполне сентиментальная сердечная жизнь освѣжается всего болѣе непосредственной, совместной жизнью съ природой. Стихотворенія Петрарки полны образами и сравненіями. То любовь ему кажется дыханіемъ весны, разрушающимъ ледъ его сердца (I, 2), то чувствуетъ онъ себя, какъ свѣжо и гордо зеленѣющій лавръ, то оленемъ, отдѣленнымъ отъ міра, безпокойно блуждающимъ изъ одного лѣса въ другой, то пламенемъ, разряженнымъ молніей.

«Разцвѣтъ юности уже прошелъ, и все оковывающій морозъ спустился въ мое сердце; заграждая доступъ каждому пылкому порыву, онъ держитъ его въ алмазной корѣ... (Стр. 6). И никогда въ солнечныхъ лучахъ такъ не растоплялся снѣгъ, какъ размягчилось все мое существо» ²⁾.

Любовь для него—веселая полуденная синева неба среди сумрака ночи (Канц. IV), или она падаетъ какъ сіяющій небесный свѣтъ въ его сердце или, подобно свѣжему дугу, на которомъ пробиваются цвѣты, послѣ того, какъ міръ былъ долго скованъ покровомъ зимы.

Подобно римскимъ и греческимъ поэтамъ, онъ прибѣгаетъ къ изображенію невѣроятныхъ явленій природы (сон. XLIII).

«Ахъ, скорѣе потеплѣетъ и почернѣетъ яркая бѣлизна снѣга, море станетъ безводнымъ и солнце зайдетъ тамъ, гдѣ Тигръ и Ефратъ выбѣгаютъ изъ одного и того же источника, чѣмъ я найду покой и миръ (съ амуромъ).

Чтобы изобразить безчисленное множество своихъ мыслей, онъ пользуется тѣми же сравненіями, какъ и древніе поэты (VII секстина).

«Не столько животныхъ скрываютъ морскія волны, не столько звѣздъ надъ кругомъ міра видитъ самая свѣтлая ночь, не столько птица живетъ въ лѣсу, не столько злаковъ произрастаетъ на влажномъ мѣстѣ, сколько мыслей приходятъ ко мнѣ каждый вечеръ».

Во все времена любовь считается лучшей истолковательницей природы, и при томъ несчастная считается болѣе глубокой,

¹⁾ Ahi null'altro che pianto al mondo dura.

²⁾ Ne giammai nere sotto al Sol disparre, Com'io senti ne tutto venir meno.

чѣмъ счастливая. То же мы видимъ и у Петрарки. Множество его пѣсень заключаютъ въ себѣ жалобы на несчастную любовь. Но въ дни блаженнаго наслажденія труднѣе выговаривается слово, изображающее то, что не поддается выраженію. Въ глазахъ возлюбленной красота природы отражается въ еще болѣе прекрасномъ видѣ (сонетъ 111):

«Никогда я не видалъ, чтобы солнце такъ царственно благосклонно поднималось на небѣ, когда разсѣваются туманы, или чтобы, послѣ дождя, небесная дуга выказывала въ воздухѣ такіе разнообразныя цвѣта, какъ видѣлъ я, преобразенными въ пламень, очи, съ которыми ничто не можетъ сравниться на землѣ» ¹⁾).

Глаза возлюбленной—для него звѣзды (сон. 126).

«Въ прекрасной глубинѣ спокойныхъ рѣсницъ пара моихъ вѣрныхъ звѣздъ блеститъ такъ ярко, что никакой другой свѣтъ не можетъ ни отклонить, не превозмочь того, которому ввѣряется высшая любовь» ²⁾).

Онъ завидуетъ цвѣтамъ, на которыхъ она покоится, воздуху, обвѣвающему ея ланиты (сон. 128):

«Блаженны вы, о, цвѣты, которые часто попираетъ чистая дѣва, о, легкіе отпрыски, о, высоты, гдѣ рисуются еще слѣды ея прекрасныхъ ногъ... И ты, тѣнистый лѣсъ, проникнутый солнечнымъ свѣтомъ... Какъ я завидую вашей близости къ прекрасной!..»

Какъ Науса у Теокрита, его возлюбленная очаровываетъ природу своей красотой; когда она была еще ребенкомъ, отъ нея исходила новая жизнь на окружающую природу (Канцона XXV, стр. 6):

«Подъ ея еще слабыми, невѣрными шагами уже зеленила лоза, блестѣли камни, вода свѣтилась; блескъ и пышность давали лучамъ ея маленькія руки и ножки; ея глазки украшали кругомъ луга цвѣтами...»

То же въ сонетѣ 131:

«Когда ея бѣлоснѣжная нога по свѣжему лугу цѣломуд-

¹⁾ Nè così bello il Sol giammai levarsi Quando il ciel fosse più di nebbia scarco, Nè dopo pioggia vidi'l celeste arco Per l'acre in color tanti variarsi...

²⁾ Del bel seren delle tranquille ciglia Sfavillan sì le mie due stelle fide...

ренно прокладываетъ прелестные слѣды, кажется, что волнующіеся цвѣты и трава вырастаютъ изъ-подъ ея ногъ» ¹⁾).

Если она далеко отъ него, о ней говорить и напоминаетъ вся живущая и движущаяся природа (сон. 142):

«Я ее слышу, когда шепчутъ вѣтви и листья, когда раздаются жалобы птицъ и журчащая вода пробѣгаетъ по лугамъ. Рѣдко молчаніе и уединеніе тѣнистаго лѣса мнѣ такъ нравилось» и т. д. ²⁾).

Это уже напоминаетъ стихи Гете:

Ich denke dein, wenn mir der Sonne Schimmer
Vom Meere strahlt,
Ich denke dein, wenn sich des Mondes Flimmer
In Quellen malt...
Ich höre dich, wenn dort mit dumpfen Ranschen
Die Welle steigt,
Im stillen Haine geh ich oft zu lauschen,
Wenn alles schweigt... ³⁾.

Точно также и Петрарка признается, что во все времена года онъ думаетъ о ней, единственно любимой имъ (Канц. XV, 2).

«Когда земля съ юношеской пышностью вновь одѣвается свѣжею зеленью, я вижу, какъ нѣкогда я бродилъ по ней, и вижу дѣвочку, которая превратилась въ прелестную женщину. Когда солнце поднимается выше и выше, горячая пора года сходна съ пыломъ любви, управляющимъ всеми сердцами... Въ то время, когда болѣе частливныя звѣзды приобрѣтаютъ силу, и холодъ убѣгаетъ передъ дыханіемъ западнаго вѣтра, когда листья и фіалки выступаютъ изъ почекъ, я вижу только тѣ листья и фіалки, которыми нѣкогда, при началѣ моей борьбы, амуръ покорялъ меня, и лишь ту пору, которая прелестно облекала прекрасное тѣло и нѣжные дѣт-

¹⁾ Come'l candido pié per l'erba fresca J'dolci passi onestamente move; Virtù, chèn torno i fiori apra e rinnove, Delle tenere piante seu per ch'esca.

²⁾ Parmi udirla udendo i rami, e l'ore; E le frondi e li augei lagnarsi, e l'acque Mormorando fuggir per l'erba verde. Raro un silenzio, un solitario D'ombrosa selva mai tanto... (Ср. сон. 160 и 182).

³⁾ Я думаю о тебѣ, когда передо мной блескъ солнца отражается отъ моря; я думаю о тебѣ, когда сіяніе мѣсяца рисуется въ источникахъ... Я слышу тебя, когда тамъ съ глухимъ шумомъ поднимается волна; я часто хожу прислушиваться въ тихую дубраву, когда все молчитъ...

скіе члены. Такъ и всегда я думаю вновь о женщинѣ, исполненной скромности, о почкѣ, распутившейся раньше времени, отъ которой произошла моя печаль и передъ которой она исчезаетъ. Если я вижу, какъ нѣжный слѣгъ свѣтится на горахъ въ лучахъ полудня, я думаю, что такъ же, какъ слѣгъ уступаетъ солнцу, я покоряюсь любви... Всегда, когда я видѣлъ, какъ въ ясномъ воздухѣ, послѣ ночного ливня, свербають звѣзды, какъ свѣтъ искрится на росѣ, передо мной являлось сіяніе прелестныхъ глазъ... Когда гдѣ-либо бѣлыя розы, перемѣшанныя съ красными, стоятъ въ золотыхъ сосудахъ, мнѣ кажется, что я вижу ея милое лицо... Но когда дыханіе западнаго вѣтра уноситъ бѣлые и желтые цвѣты, у меня передъ глазами то мѣсто и тотъ день, когда я узналъ впервые развѣвающіеся золотые локоны и воспламенился такъ быстро... Невозможно назвать число тѣхъ звѣздъ или заключить море въ небольшой сосудъ, и также невозможно на маленькой страничкѣ рассказать, сообразно желанію моего сердца, какъ она, цвѣтъ женщины, тысячами лучей во всѣ стороны кругомъ разлиываетъ свѣтъ...»

Несмотря на многословіе, съ которымъ поэтъ сопоставляетъ сравненія и описанія, нельзя не замѣтить здѣсь чего-то современнаго намъ, рефлексивнаго. Онъ становится еще красно-рѣчивѣе и въ то же время искреннѣе, когда солнце его жизни начинаетъ склоняться къ закату, когда цвѣтокъ начинаетъ увядать.

Для послѣдняго состоянія онъ находитъ все новые и новые образы въ жизни природы, какъ мы это видимъ въ 24 канцонѣ. Стоя у окна, онъ замѣчаетъ, какъ въ его воображеніи возникаютъ постоянно мѣняющіеся образы. Онъ видитъ дикое животное, разрываемое двумя собаками, корабль, сокрушаемый бурей, стройное, лавровое дерево, падающее въ лѣсу отъ удара молніи.

«Среди кустовъ, выходя изъ скалы, протекалъ чистый источникъ, нѣжныя волны котораго, съ пріятнымъ журчаньемъ, стремились впередъ; въ укрытомъ, тѣнистомъ мѣстѣ не отдыхали никогда ни земледѣлецъ, ни пастухъ; тамъ мирно пѣли лишь нимфы и музы—и вдругъ разверзлась пропасть и поглотила и самое мѣсто и источникъ...»

Если въ блаженные дни обладанія, природа отражала его счастье и вѣншній міръ гармонировалъ съ его внутреннимъ міромъ («когда я увидалъ ее, была весна въ природѣ и въ

моей жизни»), то въ пору страданія смѣющійся, звучащій весенній міръ составляетъ противоположность его печальному настроенію (сонетъ 268).

«Зефиръ возвращается и приводитъ съ собою прекрасное время и цвѣты, траву, свою милую семью; болтаетъ дроздъ и плачетъ соловей; бѣла и румяна весна. Луга смѣются и небо ясно; Юпитеръ радуется, видя свою дочь; воздухъ, вода и земля полны любовью; каждое животное проникнуто ею. Но ко мнѣ, увы! возвращаются только вздохи и жалобы; пѣніе птицъ и киванье цвѣтовъ и прекрасныя женскія лица кажутся мнѣ дикой пустыней» ¹⁾).

Печальный напѣвъ соловья какъ будто рассказываетъ ему въ ночной тишинѣ его собственное горе (сон. 269):

«Соловей, который тамъ такъ нѣжно плачетъ, потерявъ вѣрную подругу или дѣгей, въ своемъ сладкомъ томленіи не хочетъ знать ни неба, ни луговъ; звучно вырываются жалобы изъ его груди и, не прекращаясь всю ночь, какъ будто пересказываютъ мою тяжелую судьбу...» «Кругомъ по долинамъ разносятся мои вздохи, рассказывающіе невзгоды моей жизни», жалуется онъ въ первой канцонѣ, а въ 3 строфѣ VIII канцоны онъ восклицаетъ: «О холмы, долины, лѣса, луга, ручьи, бывшіе свидѣтелями моей скорби! какъ часто вы слышали, что я призывалъ къ себѣ смерть»,—и въ заключительной строфѣ XIII канцоны: «Здѣсь, думаю я, можно было видѣть ея плѣнительное сіяніе! Когда я срываю цвѣтокъ или стебель, мнѣ кажется, что все это возрасло на той землѣ, гдѣ она нѣкогда ходила, гдѣ между рѣкой и холмами она иногда садилась въ зелени, окруженная цвѣтами». Мертвая какъ будто постоянно находится вблизи его (сон. 237): «Когда птички стонутъ, и въ зеленыхъ вѣтвяхъ вздрагиваютъ съ мягкимъ шопотомъ лѣтніе зефиры, когда съ глухимъ рокотомъ поднимаются легкія волны и бьются въ усѣянный цвѣтами свѣжій берегъ, я сижу и пишу, отдаваясь любви, и ту, которую небо намъ показало, а земля скрыла, я вижу тогда

¹⁾ Zefiro torna, e' l bel tempo rimena, E i fiori e l'erba, sua dolce famiglia; E garrir Progne; e pianger Filomena; E primavera candida e vermiglia. Ridano i prati, e' l ciel si rasserena; Giave, s'allegra di mirar sua filia; L'aria e l'acqua e la terra, è d amar piena; Ogni animal d'amorsi ricansiglia.

еще живую, откликающейся издалека на мои вздохи: «За-чѣмъ было отцвѣтать раньше времени?» говоритъ она, полная состраданія».

Но природа въ то же время ободряетъ его, не позволяя слишкомъ предаваться своему горю (сон. 238): «О любви говоритъ мнѣ все, что я вижу,—ручьи, деревья, птички, рыбы, цвѣты и трава, все проситъ, чтобы я любилъ, такъ же какъ и всегда» ¹⁾).

Однако, съ тѣхъ поръ какъ возлюбленной его уже нѣтъ, міръ кажется для него лишеннымъ солнечнаго свѣта (сон. 293): «Смерть, ты лишила землю солнца... и воздухъ, и море и земля должны грустить».

Такимъ образомъ поэтъ чувствуетъ радость и горе, какъ человѣкъ нашего времени, и во всѣхъ своихъ настроеніяхъ, ликуеть-ли онъ отъ счастья или плачетъ отъ горя, онъ вводитъ природу въ кругъ своихъ мыслей, находитъ въ ней гармоніи или противоположенія своему чувству и одушевляетъ ее своею собственною радостью или горестью. Она его подруга, изливающая бальзамъ на больное сердце; ей онъ высказываетъ свое страданіе, и она должна вмѣстѣ съ нимъ оплакивать умершую такъ же, какъ нѣкогда въ ней все было отраженіемъ души, отблескомъ красоты возлюбленной.

Со временъ эллинизма Петрарка первый съ полнымъ сознаниемъ ощущаетъ прелесть уединенія въ лѣсу и долині, гдѣ никто его не видитъ и не слышитъ. Такъ, онъ говоритъ въ сонетѣ 239: «Какъ часто въ сладкомъ уединеніи, убѣгая отъ другихъ и, если бы это было возможно, отъ себя самого, я обливалъ слезами траву и мою грудь» ²⁾).

Мысль Шиллера: «свѣтъ повсюду совершененъ, куда человѣкъ не приходитъ со своимъ мученіемъ» встрѣчается уже у Петрарки въ канцонѣ 17: «Отъ одной мысли къ другой, съ горы на гору меня ведетъ амуръ; всѣ торныя дороги не даютъ мнѣ нужнаго покоя. Лишь между холмами у ручья, въ тѣнистой долині, душа наслаждается миромъ... На высокихъ горахъ, въ темныхъ лѣсахъ, нахожу я нѣкоторый по-

¹⁾ L'acque parlan d'amore e l'ora e i rami, E, gli augelletti e i pesci e i fiori e l'erba Tutti insieme pregando ch'i! Sempr' ami.

²⁾ Quante fiate al mio dolce ricetta Fuggendo altrui i s'esser può me stesso Vo can gli occhj bugnando l'erba e'l petto...

кой; всякое обитаемое мѣсто—смертельный врагъ для моихъ очей...» ¹⁾.

Въ дали отъ мірской суеты онъ съ тоской вспоминаетъ тамъ о возлюбленной; то она представляется ему у чистаго источника, на зеленомъ лугу, такую, какою она явилась ему въ серебристомъ облакѣ, подъ вѣтвями бука, то горе поднимается въ его груди—«тогда я измѣряю взоромъ всю мою печаль, говоритъ онъ, и слезы, какъ густой туманъ, облекаютъ мое сердце»; думая о разстояніи, какое его отдѣляетъ отъ нея, онъ говоритъ: «тамъ назади тѣхъ Альпъ, гдѣ небо весело смѣется, ты опять увидишь меня у серебрянаго ручья, гдѣ надъ покровомъ изъ цвѣтовъ вѣетъ сладкій запахъ съ лавровыхъ вѣтвей; тамъ осталось мое сердце и та, которая его ранила». Кому это не напомнитъ гетевское «Kennst du das Land»?—Въ сон. 27 поэтъ ищетъ уединенія, гдѣ не было бы человѣка: «уединенно и задумчиво я прохожу черезъ самыя пустынные поля медленными и лѣнивыми шагами и оглядываюсь, чтобы бѣжать оттуда, гдѣ человѣческій слѣдъ отпечатлѣлся на пескѣ, ²⁾ и въ сон. 220, «Постоянно я всего болѣе искалъ уединенія—объ этомъ знаютъ потоки, поля и курстарники».

Любовь къ уединенію и чувство красоты природы обусловливаютъ или увеличиваютъ другъ друга; у Петрарки, такъ же какъ у Данте, къ нимъ присоединяется еще научный интересъ къ природѣ и возбужденіе къ умственной работѣ, доставляемое природой. «Наслажденіе природой для него самый желанный спутникъ каждаго умственнаго занятія; сочетаніе обоихъ лежитъ въ основѣ его жизни ученаго анахорета въ Воклюзѣ и въ другихъ мѣстахъ, его періодическое бѣгство отъ людей и свѣта» ³⁾. Онъ написалъ книгу «О жи-

¹⁾ Di pensier in pensier di mante in mante Mi guida Amor; ch'ogni segnato calle Provo contrario alla tranquilla vita. Se'n solitaria spiaggia rivo o fonte Se'nfra duo poggi siedi ambrosa valle, Jai s' acqueta l'alma sbi gottita... Per alti manti, e per selve aspre travo Qualche riposo; ogni abitato loco E' nemico mantal digli acchj miei...

²⁾ Solo e pensoso i più deserti campi
Vo misurando a passi tardi e lenti;
E gli occhi parto per fuggire intenti
Dave vestigio uman l'arena stampi.

³⁾ Burckhardt, S. 16.

зни одинокаго» (*De vita solitaria*); на берегахъ спокойной рѣчки Сарги въ романтической Воклюзѣ, онъ наслаждался уединеніемъ и красою мѣстности въ такой степени, что предпочиталъ имъ все великолѣпіе свѣта. Тамъ же онъ пишетъ: «О, еслибъ ты могъ угадать, съ какой отрадой я дышу свободный, отрѣщенный отъ свѣта, между лѣсомъ и горами, потоками и рѣчками и между книгами остроумныхъ людей» ¹⁾.

Правда, ему еще рѣдко удаются изображенія природы отдѣльно отъ своего личнаго настроенія, каковы, напр. его изображенія залива Специ и порта Венеры, въ концѣ VI-й пѣсни поэмы «Африка». Но мы видѣли уже, что горы, при всей своей пустынности, могутъ казаться ему прекрасными; такъ онъ говоритъ о горахъ, ограничивающихъ восточную часть Лигурійскаго моря (*Riviera di Levante*): «Возвышенности, отличающіяся пріятнѣйшей дикостью и удивительнѣйшимъ плодородіемъ» ²⁾.

Красота пейзажа побуждаетъ его, какъ онъ самъ говорить, ³⁾ къ продолженію поэмы; онъ изображаетъ яркими красками бурю въ Неаполѣ 1343 г. ⁴⁾, землетрясеніе въ Базелѣ ⁵⁾. И какъ мы ясно видимъ въ одной канцонѣ, онъ мечтаетъ о далекой перспективѣ, открывающейся съ высокихъ горъ. Тамъ съ души его спадаетъ тяжесть, гнетущая ее: въ болѣе легкомъ воздухѣ ему дышется свободнѣе и мягче. Въ этомъ отношеніи, онъ одинъ изъ первыхъ предшественниковъ Руссо, но это «романтическое» чувство онъ выказываетъ въ характерномъ для него ограниченномъ размѣрѣ. Въ своемъ письмѣ отъ 26 апрѣля 1335 г., писанномъ къ Діанизіо да Барго Санъ-Сеполькро и крайне интересномъ для времени и личности автора, онъ изображаетъ восхожденіе на гору Ванту (*Ventoux*), близъ Авиньона; это восхожденіе онъ предпринималъ 32 лѣтъ и испытывалъ при этомъ чистѣйшее наслажденіе, недоступное для сопровождавшихъ его лицъ; они чув-

¹⁾ VII, 4 *epist. famil.* ed. Fracasse tti vol. I, p. 367: *Interea utinam scire posses, quanta cum voluptate solivagus ac liber, inter montes et nemora, inter fontes et flumina, inter libros et maximorum hominum ingenia respiro*, *ep.* p. 316 f., 334 f.

²⁾ *Itinerar. syr.* p. 571, Burckhardt II, 81, прим.

³⁾ *Loci specie percussus*, Burckhardt I, 200.

⁴⁾ *Epp. famil.* I, p. 263.

⁵⁾ *Epp. senil.* X, 2 и *De rem. utr. fart.* II 91.

ествовали только утомленіе отъ трудностей пути, даже и тогда, когда увидали облака у себя подъ ногами, между тѣмъ какъ это зрѣлище произвело на Петrarку подавляющее впечатлѣніе. Это письмо говоритъ также, что чувство природы, въ конечномъ результатѣ, доходить у него до особаго ощущенія ея, до склонности къ уединенію и тишинѣ лѣса, хотя въ то же время, его привлекаютъ горныя вершины, одиноко возносящіяся къ небу. И онъ не только вполне чувствуетъ наслажденіе подъема на высокую гору, несмотря на всѣ трудности, когда говоритъ: «день былъ длиненъ, воздухъ ласково мягокъ, душа свѣжа, тѣло сильно и ловко; все это помогало намъ въ нашемъ странствованіи, лишь характеръ мѣстности служилъ намъ препятствіемъ», ¹⁾—но онъ наслаждается вполне и прелестью романтическаго вида; «Прежде всего, я стоялъ тамъ въ удивленіи, пораженный необычнымъ дуновеніемъ воздуха и подавленный обширностью открывавшагося вида, я оглядываюсь: подъ моими ногами носились облака; Аѳонъ и Олимпъ казались мнѣ уже менѣе невѣроятными; я обращаю мои взоры въ сторону Италіи; близко казались мнѣ покрытыя снѣгомъ вершины Альпъ, хотя онѣ такъ далеко отсюда... Марсельскій заливъ... сама Рона... лежали передъ нашими глазами» ²⁾. Какъ нельзя болѣе ново и то, что обширный видъ горъ, земли, рѣки и моря побуждаетъ его взглянуть на свою прошлую жизнь и свой внутренній міръ; въ его душѣ вновь выступаетъ его юность со всѣми ея безумствами; онъ вспоминаетъ, что въ тотъ же день, десять лѣтъ тому назадъ, онъ выходилъ юношей изъ Болоньи и обращаетъ страстный взоръ къ Италіи; ему припоминаются признанія блаж. Августина, и его взоръ падаетъ на слѣдующее мѣсто въ десятомъ отдѣлѣ: «И идутъ люди туда, и дивятся на высокія горы, и обширные приливы моря, и на могучія стремящіяся туда рѣки, и на теченіе звѣздъ, забывая лишь при этомъ самихъ себя.» Его

¹⁾ Dies longa, blandus aer, animorum vigor, corporum robur ac dexteritas... cunctibus aderant, sola nobis obstabat natura loci.

²⁾ Primum omnium spiritu quodam aeris insolito et spectaculo liberari permotus stupenti similis steti; respicio: nubes erant sub pedibus; iamque mihi minus incredibiles facti sunt Athos et Olympus... dirigo dehinc oculorum radios ad partes Italicas... Alpes ipsae rigentes ac nivisae iuxta mihi visae sunt, cum tamen magno distent intervallo... Massiliae fretum., Rhodanus ipse sub oculis nostris erat...

братъ, которому онъ читаетъ эти слова, не можетъ понять, почему онъ вслѣдъ затѣмъ закрываетъ книгу и умолкаетъ.

Уже при первыхъ восхожденіяхъ на горы онъ исполнѣ знаетъ, что совершаетъ нѣчто необыкновенное, даже непонятное для его современниковъ (за исключеніемъ Данте); онъ оправдываетъ себя указаніемъ на Македонскаго царя Филиппа V и полагаетъ, что если это не осуждается въ престарѣломъ царѣ, то это можно извинить молодому челоуѣку средняго сословія. Но когда онъ, какъ мы видѣли выше, исполнѣ погружается въ восхищенное созерцаніе и случайно открываетъ столь подходящее для него мѣсто въ сочиненіи блажен. Августина, онъ останавливаетъ себя и негодуетъ на то, что такъ много восхищается земнымъ, и обращаетъ свой взоръ въ свою душу, ¹⁾ и присоединяетъ къ своему письму разсужденіе теологическаго характера, соотвѣтственно тому лицу, кому предназначено письмо—его духовнику. Въмѣстѣ съ тѣмъ это письмо, въ которомъ соединяется чистое, новѣйшее наслажденіе природой, ²⁾ и догматико-аскетическое обращеніе внутрь самого себя, раскрываетъ передъ нами сердечную двойственность челоуѣка, стоящаго на перекресткѣ двухъ эпохъ;

¹⁾ *Obstupui... iratus mihi met, quod nunc etiam terrestria mirarer, qui iam pridem discere debuisssem nihil praeter animum esse mira bile, cui magno nihil est magnum.*

²⁾ Дюбуа-Рейманъ по справедливости оцѣниваетъ это, но вообще не признаетъ чувства природы у Петрарки, когда въ своей статьѣ «Исторія культуры и естествознанія» (*Kulturgeschichte und Naturwissenschaft, Deutsche Rundschau, Bd. XIII S. 225*), изобилующей оригинальными мыслями, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поверхностными преувеличенными сужденіями, желая представить отношеніе челоуѣка среднихъ вѣковъ къ природѣ, воспроизводитъ означенное письмо Петрарки и заключаетъ его слѣдующими словами: «Полный стыда и раскаянія, безъ единого слова на устахъ, спускается онъ съ горы. Несчастный, лишь на одну минуту забывъ о спасеніи своей души, отдался невинному наслажденію и, вмѣсто того, чтобы погружаться въ мракъ своей души, бросилъ взглядъ на привлекательный чувственный міръ. У западнаго челоуѣчества была въ то время такая больная душа, что это могло добросовѣстнаго, чувствительнаго, не слишкомъ сильнаго мыслителя челоуѣка, каковъ Петрарка, привести въ самое болѣзненное противорѣчіе съ самимъ собою». Даже допуская это—хотя оно и изображено у нашего автора слишкомъ трагически—именно тогда, міръ начиналъ освобождаться отъ тяготившихъ его узъ. Доказательство этого всего яснѣ представляетъ Петрарка.

духъ среднихъ вѣковъ въ немъ чувствуется одновременно съ возникающимъ близкимъ къ намъ ощущеніемъ.

Во всякомъ случаѣ, это восхождение на гору, предпринимаемое съ сознательнымъ наслажденіемъ, есть первое, о какомъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія со временъ эллинизма. До эпохи Александра намъ не сообщается ничего подобнаго о комъ-либо изъ грековъ, а лишь о жителѣ Востока, персидскомъ царѣ Даріѣ, который во время похода противъ скифовъ, въ Халкидонской области поднялся на гору, украшенную храмомъ Зевса-Урюса и откуда наслаждался видомъ Босфора. (Herod. IV 85) въ 181 году до Р. Х. Македонскій царь Филиппъ V поднимался на Балканы ¹⁾ и Аполлоній Родосскій наглядно изображаетъ панораму, какая открылась аргонавтамъ при восхожденіи на Диндиманъ, при чемъ они могли видѣть Фракію, Босфоръ, холмистую Мизию, теченіе Эзпа и Непейскую равнину. Въ другомъ мѣстѣ онъ упоминаетъ о видѣ, открывающемся съ вершины Олимпа ²⁾—это древнѣйшія пейзажныя изображенія дальнихъ перспективъ, какія представляетъ классическая литература». Къ нимъ непосредственно примыкають упомянутыя выше описанія Петрарки.

Вообще, мы будемъ близки къ истинѣ, если объясненія этого сентиментальнаго и субъективнаго полуидиллическаго, полу-романтическаго чувства природы, въ которомъ внезапно и непосредственно проявляется человекъ, мы будемъ искать не только въ характерныхъ личныхъ свойствахъ Петрарки, коренящихся во вновь возникающей эпохѣ и существенно поддерживаемыхъ возникающимъ индивидуализмомъ, но если мы примемъ во вниманіе и вліяніе римской литературы, возрожденіе античнаго духа. Возрѣніе на природу эпохи Возрожденія тѣсно соприкасается съ возрѣніемъ императорской эпохи и періода эллинизма. На освѣженіи умственнаго направленія Италии съ помощью античнаго чувства и основывается фактъ перваго появленія людей, отъ которыхъ исходитъ наше новѣйшее міросозерцаніе, на почвѣ Италіи. Прямая аналогія между Петраркой и римскими поэтами обнаруживаются во многихъ отношеніяхъ: они раскрыли ему глаза

¹⁾ Liv XL, 22 Helbig, S. 279.

²⁾ Argon. I 1103.

на чудеса природы, у нихъ онъ выучился сочетать между собою образъ и слово, внѣшній и внутренній міръ.

Бокаціо не дѣлаетъ дальнѣйшаго шага на этомъ пути; болѣе всего идиллическій характеръ выступаетъ у него въ изображеніи дубравы въ Амето ¹⁾ и въ Фіамметѣ, гдѣ приводится похвала сельской жизни ²⁾ и описаніе весеннихъ игръ флорентинской молодежи. Въ «Декамеронѣ» находится также изображеніе прекрасной долины ³⁾: «Черезъ нѣкоторое время достигли они Долины женщинъ. Входъ въ нее извивался съ одной стороны черезъ узкое ущелье, гдѣ протекалъ свѣтлый ручей. Долина представляла восхитительный видъ и дышала въ жаркое время года освѣжающей свѣжестью. По-видимому, она была простымъ произведеніемъ природы, но она была настоящимъ кругомъ, какъ будто обведена циркулемъ. Вокругъ возвышались шесть маленькихъ горъ и на вершинѣ каждой стоялъ прекрасный дворецъ, ввидѣ рыцарскаго замка. Сторона уступовъ, обращенная къ солнцу, была повсюду обсажена виноградными лозами, смоковницами, малиничными, миндальными, вишневыми и другими плодовыми

¹⁾ Ср. также *De genealogia Deor.* XV II, гдѣ онъ перечисляетъ и прибавляетъ въ видѣ деталей пейзажа деревья, луга, ручьи, стада, хижинны и т. д.; эти предметы смягчаютъ душу (*animum mulcent*) и заставляютъ умъ сосредоточиваться въ самомъ себѣ (*mentem in se colligere*). Burckhardt II S. 80. прим.

²⁾ О сельскихъ играхъ (*de laude ruris*) съ одушевленіемъ пишетъ также Паджіо. Онъ прославляетъ миръ, спокойствіе и наслажденіе природой въ деревнѣ, вдали отъ высоко возвышающихся волнъ политической жизни, вдали отъ городской суеты и испорченности. Opera 1513, p. 112, Poggii Florentini liber epistolarum: P. Fl. ornatissimo atque optimo suo Cosmo de Medicis S. P. D.: Siquam mihi antea rei rusticae cura et vita exercitio dedita iocunda visa est et sua vis: nunc his paucis diebus quibus in solo natali vixi procula Curiae molestiis castitutus incundissimam ac suavissimam iudicavi: dulcis acii honesti negotii et modestae voluptatis plenam. Cognovi enim hoc vivendi genus, quod multi praeclari veri pasthabitis rerum civilium fluctibus elegerunt quam maxime expetundum: cum in eo vitam quietam liberam honestam frugalitati coniunctam agere voleamus: ut non mirer Horatii ruris vivendi cum in urbe esset cupiditatem... Nam ut amittam quas utilitates ex agricultura percipimus; ut non recenseam quaeustus uberrimos quas largitur: quanta voluptas et quies ruris quanta curarum remmissio quanta naturalis oblectatio quanta virtus in eius vitae ratione versatur!

³⁾ По переводу Ортлеппа (Ortlepp., Stuttb. 1841 II 243).

деревьями. Другая, лежавшая напротивъ сѣвера, была покрыта дубами, буками и другими величественно разросшимися и свѣжо зеленѣющими лѣсными деревьями. Въ самой долинѣ стояли повсюду сосны, ели, кипарисы и лавры въ такомъ прелестномъ сочетаніи и въ такомъ прекрасномъ порядкѣ, какъ будто деревья были посажены по указанію самаго лучшаго пейзажиста и при томъ такъ близко другъ къ другу, что даже въ жаркій полдень солнечные лучи почти не падали на землю, покрытую нѣжнымъ мохомъ и украшенную пурпуровыми и другими цвѣтами.

Украшенію величественнаго зрѣлища способствовалъ еще водопадъ, низвергавшійся между двухъ горъ надъ скалистыми утесами и доставлявшій удовольствіе слуху своимъ шумомъ. Издалека онъ казался текущимъ серебромъ, брызжущимъ изъ узкаго хранилища жемчужными каплями» и т. д.

Въ этомъ фантастическомъ описаніи трудно найти что-либо кромѣ изображенія пейзажа ради него самого. Даже и въ лирическихъ стихотвореніяхъ Петрарки, при всей его свободѣ въ выраженіи страсти и преобладающемъ у него ощущеніи счастья и страданія любви, рѣдко представляется случай сравниться въ этомъ отношеніи съ эллинизмомъ. Однако и эта сторона возрѣнія на природу подвергается дальнѣйшему развитію въ эпоху Возрожденія. Первый, кто изображаетъ красоту дѣйствительнаго, а не фантастическаго итальянскаго пейзажа, какъ это сдѣлалъ бы современный нашъ писатель, папа Пій II Пикколомини (Эней Сильвіо). Онъ не только восхваляетъ его въ немногихъ строкахъ, но съ искреннимъ наслажденіемъ проникается его чудною прелестью и не только противопоставляетъ его собственнымъ измѣнчивымъ настроеніямъ, но прямо описываетъ его. Эней Сильвіо принадлежитъ къ тѣмъ личностямъ всемірной исторіи, которыя какъ въ фокусѣ сосредоточиваютъ въ себѣ умственные стремленія и чувства своей эпохи. У него ощущеніе красоты природы доходитъ до энтузіазма простирающагося даже на самыя мелкія явленія и обнаруживающагося въ такой тонкости изображенія, какая не встрѣчается ни у одного народа того времени.

Онъ любитъ античный міръ и природу съ силою истинной страсти. Его Комментаріи содержатъ прекраснѣйшія картины природы какія были написаны до Руссо и Гете ¹⁾.

¹⁾ Буркгадтъ первый обратилъ вниманіе на эту сторону въ произве-

Любовь къ природѣ и родинѣ соединяются въ его одушевленномъ похвальномъ словѣ прелестной холмистой странѣ около Сіены. Огъ пишетъ: ¹⁾).

«Началось прекрасное время весны, и около Сіены всѣ холмы имѣють смѣющійся видъ, одѣтые зеленью и цвѣтами, и пышно поднимають посѣвы на поляхъ; даже мѣстность около города представляетъ прекрасное зрѣлище; отлого поднимающіеся, покрытые тамошними деревьями или виноградники или же вспаханные подъ посѣвъ холмы возвышаются надъ прелестными долинами, въ которомъ зеленѣють нивы или луга и бѣгутъ неутолимые потоки; тамъ тянутся такъ же многочисленныя лѣса, насажденные природой или искусствомъ, и въ нихъ какъ нельзя слаще поють птицы, и почти на каждой возвышенности виднѣется великолѣпное загородное помѣстье горожанина. Радостью вѣетъ отъ страны первосвященниковъ».

И все болѣе и болѣе тянетъ старѣющагося папу изъ стѣнъ города, дворцовъ и церквей, изъ круга придворныхъ и льстецовъ въ область свободной природы; все чаще и чаще находитъ онъ причины продлить свое пребываніе на дачѣ, не взирая на ропотъ своей куріи, вынужденной жить за дорогую цѣну на постоялыхъ дворахъ или скучать въ мелкихъ мѣстечкахъ, монастыряхъ, гдѣ даже и продовольствіе было трудно ²⁾), на возню мышей въ полуразрушенныхъ монастыряхъ и на неплотныя крыши, пропускающія дождь. Монастырская идиллія среди величественнаго пейзажа говорила его

деніяхъ этого великаго человѣка (см. S. 20 и S. 81, прим.); въ моихъ рукахъ было только франкфуртское изданіе 1614 г.: «Pii Secundi Pontificis Maximi comentarii rerum memorabilium».

¹⁾ Coeperat vernum suave tempus, et circa Senas omnes ridebant colles vestiti frondibus ac floribus, et luxuriantes in agris assurgebant segestes: situs ipse Senensis agri maxime civitati vicinus, supra quam dici possit, amoenum habet aspectum, colles clementer elevati aut domesticis arboribus vetibusque consiti aut ad fruges arati incundissimis imminet vallibus, in quibus vel sata virent vel prata, et rivi decurrunt perennis aquae... Adsunt et frequentes silvae seu natura seu arte paratae, in quis dulcissime modulantur aves, neque tumultus est, in quo cives suburbana praedia non magnifice aedificaverint. Per ea loca laetus transiit Pontifex.

²⁾ cp. Voigt «Ecrea Silvio de Piccolomini, als Parst Pius II. und sein Zeit alher, III Bd., Berlin, 1863, S. 569.

сердцу то, что для окружавшихъ его оставалось загадкой. О своемъ лѣтнемъ мѣстопребываніи въ Тибурѣ (Тиволи) онъ говоритъ (V, 138): «Между вилою и Тибромъ лежатъ прекраснѣйшіе виноградные и оливковые сады, и въ первыхъ можно найти деревья съ плодами необыкновеннаго размѣра и вкуса. Повсюду кругомъ города простираются прекраснѣйшіе зеленые лѣса, въ которыхъ часто прогуливается первосвященникъ съ своими кардиналами, чтобы освѣжить себѣ душу, отдыхая то на дерновой скамьѣ подъ оливковыми деревьями, то на зеленомъ лугу у берега Аніо, созерцая прозрачныя волны. Въ боковой долинь луга прорѣзываются многими потоками; тамъ отдыхалъ Іій у шумящихъ ручьевъ, подъ тѣнистыми деревьями... онъ жилъ въ Тибурѣ у Миноритовъ на холмѣ, откуда могъ окидывать взглядомъ городъ привлекательную зелень садовъ, и ничто другое такъ не восхищало его» ¹⁾).

«Въ концѣ лѣта, рассказываетъ онъ (VI, 167), комната Пія находилась въ домѣ высоко надъ Аніо; великолѣпный видъ представляется оттуда, такъ же какъ и съ ближайшей горы по ту сторону рѣки, гдѣ зеленѣлъ еще лиственный лѣсъ; кругомъ по берегу рѣки простирались виноградники или луга; тамъ, недалеко отъ Виковаро, на дорогѣ, папа велѣлъ приготовить завтракъ у чистаго, какъ кристаллъ, потока—трудно даже повѣрить, что такое множество свѣтлыхъ ручьевъ изливаются въ Аніо, что столько неутолимо бѣгущихъ водъ шумятъ на обоихъ берегахъ его... Съ сладкимъ журчаньемъ несется туда ручей, вода свѣтла, какъ кристаллъ, прозрачна до самаго дна, свѣжа и вкусна. У этого потока завтракалъ первосвященникъ, черпая свѣжую воду для питья, выѣстъ съ кардиналами... тамъ кормили и толпу, ожидавшую благословленія... и такъ съ особеннымъ наслажденіемъ провелъ онъ

¹⁾ Undique circa urbem aestivo tempore amoenissima vireta, in quae laxandi animi gratia Pontifex cum cardinalibus saepe exivit et modo in aliquo gramine sub olivis consedit, modo in viridi prato super Anienis labium, unde spectaret perlucidas aquas. Prata sunt in valle reducta, multis aquarum fontibus rigata... Pius in his pratis et circa scaturientes fontes ac circa umbrosas arbores saepe quievit... habitavit Tibure apud Minores loco edito, unde urbem licebat inspicere et in subiectam planiciem Anienis cursum et hortorum per placida vireta nec aliud erat quod oblectaret.

большую часть своего путешествія» ¹⁾. Въ маѣ 1462 г. онъ выѣхалъ на купанья въ Витербо: его сердце оживляется чарами весны; въ полной мѣрѣ наслаждается старецъ красотою обновленной, цвѣтущей, поющей весенней природы: «Дорога въ Саріалумъ шла по прелестнѣйшимъ мѣстамъ; желтые цвѣты цвѣли въ такомъ множествѣ, что часть поля казалась окрашенной шафраномъ, между тѣмъ, какъ другія мѣста его, покрытыя разнообразными кустарниками и травами, представляли глазу то пурпурные, то бѣлые, то другіе цвѣта въ безконечномъ множествѣ, это было въ маѣ, и все зеленѣло; тамъ видѣлось смѣющееся поле, тамъ лѣсъ, въ которомъ пріятно распѣвали птицы. Первосвященникъ жилъ въ замкѣ; почти каждый день при первомъ утреннемъ свѣтѣ выходилъ онъ въ поле, что бы, до наступленія дневнаго зноя, подышать пріятнымъ утреннимъ воздухомъ и полюбоваться зеленѣющими посѣвами и цвѣтущимъ лугомъ, который именно тогда, подражая цвѣту неба, наполняло зрителя величайшимъ восторгомъ... Онъ заходилъ въ монастырь Санъ-Маритано; нѣкогда вѣрующіе воспѣвали тамъ хваленія Господу; теперь его стерегутъ вороны и дикіе голуби, и иногда испускаетъ сова свой жалобный крикъ, предвѣщающій смерть; величественная трапеза еще уцѣлѣла, все остальное разрушено; но мѣстоположение въ высшей степени прелестно, кругомъ видѣются каштановые лѣса, хлѣбные поля и виноградники; взору открывается еще далѣе Сіены гора Аміата и гора Аргентаѳо» ²⁾.

¹⁾ Aestate iam tperacta... cubiculum ei in ae dibus fuit, quae Aniem supereminet ex pro pinque monte trans flumen adhuc viridi et frondose nemore cooperto... non sine ingenti voluptate magnam itineris partem peregit.

²⁾ VIII, p. 206: Sorianum petiit per vias eo tempore amoenissimas, quibus cum genestae ingens vis esset eaque florida crocea magna pars agri videbatur, pars virgultis albis aut herbis tecta diverxis modo purpureos modo candidos, sive alios mille colores obiecit oculis. Virebant omnia Maio mense et tum agri tum silvae ridebant, in quibus aves dulce modulabantur... Primo diluculo egrediebatur in agros, pergratam, priusquam incalesceret, capturus auram ac virentes spectaturus segestes et florentia lina, quae tum caelestem imitata colorem ingenti delectatione aspicientes afficiebant... p. 211:.. nunc cornices excubant et palumbae et nonnunquam suos intonat planctus ferali carmine bubo... situs amoenissimus est... Prospectus Senas versus ad Amiatam usque protenditur, inspicit et Argentarium montem in accidentalі plaga.

На равнинѣ свирѣнствуетъ моровая язва; при видѣ людей, стремящихся къ нему, какъ къ Богу, его сердце растрогается до слезъ мыслю, что лишь немногіе изъ его духовныхъ дѣтей избѣгнуть страшной смерти. Онъ обращается къ замку, красиво расположенному на Большенскомъ озерѣ; «виноградникъ оруженъ тѣнистой аллеей подѣ густыми лозами; ступени въ скалѣ, отѣенныя виноградной зеленью, образуютъ крутой спускъ къ берегу, гдѣ между утесами стоятъ вѣчно зеленые дубы, всегда оживленные пѣніемъ дроздовъ». Онъ посвящаетъ свое время охотѣ на птицѣ, рыбной ловлѣ и греблѣ; изъ своего пышнаго дворца въ Пленца, онъ видитъ на югѣ Монте-Амтата, представляющую для него «пріятную панораму» ¹⁾: «Если взглянуть на западъ, видъ на Ильцинумъ и Сиену ограничивается Писторійскими Альпами; съ сѣвера представляется разнообразіе холмовъ и пріятная зелень лѣсовъ, простираясь почти на пять тысячъ шаговъ; еще болѣе острому зрѣнію открываются Аппенины и Кортонъ». Онъ назначаетъ своимъ мѣстопребываніемъ монастырь Санъ-Сальваторе на половинѣ высоты этой горы. Въ прекрасной лѣтней прохладѣ, между старыми дубами и каштанами, на свѣжей муравѣ, гдѣ нога не страдаетъ отъ терновника и гдѣ не угрожаетъ никакое насѣкомое или пресмыкающееся, папа пользуется самымъ лучшимъ настроеніемъ.

Возможно-ли не признавать въ приведенныхъ нами описаніяхъ выраженіе нашего новѣйшаго чувства природы? Все, что придаетъ прелесть пейзажу съ восторгомъ замѣчается и описывается—«любителемъ лѣсовъ» (*silvarum amator*), какъ онъ самъ называетъ себя, будутъ-ли это зеленѣющіе лѣса, пестряющіе посѣвы и хлѣбныя поля, высокія горы, глубоко лежащія озера, шумящія ручьи, тѣнистая зелень у журчащей рѣчки или контрастъ цвѣтовъ голубаго волнующагося льна и желтыхъ цвѣтовъ, или, наконецъ, дальняя перспектива земли и моря, города, горы и долины, И тѣмъ ближе подвигается старость, тѣмъ у него живѣе становится любовь къ уедине-

¹⁾ IX, 232: *Aspectus gratissimus obicitur... Resipientis ad occidentalem plagam ex altioribus habitaculis prospectus ultra Pcinum et Sienas et in ipsis Pistoriensibus alpihus terminatur. Ad aquilonem perspicienta varietas collium et silvarum iocunda viriditas sese offert, ad quinque milia passuum protensa; fertur et in Appenninum acrius intuentis acies et... Cortonam respicit. Cp. Monte Oliveto X, 263.*

вію среди природы, ко всѣмъ отдѣльнымъ живописнымъ подробностямъ, на которыхъ основана очаровательность прекраснаго ландшафта. Какъ восхищается онъ высоко царящей надъ виноградниками и масличною рощею горою Тади съ открывающеюся съ нею далью ¹⁾. «Куда ни обратишься, вездѣ открывается прекраснѣйшая перспектива; можно разглядѣть Перузію и всю промежуточную долину съ ея высоко поднимающимися замками, плодородными полями и рѣкою Тибромъ, который, подобно змѣѣ, многообразными извивами отдѣляетъ Тускію отъ Умбріи, шумя въ горныхъ мѣстахъ, какъ будто недовольный тѣмъ, что задерживается его течение; вблизи города съ удовольствіемъ можно видѣть холмы, покрытые виноградными и оливковыми садами, и неменѣе восхищаютъ глазъ холмы еще болѣе отдаленные, украшенные лѣсами и ивами; лѣтомъ все зелено, зимой часто все ослѣпительно блеститъ отъ снѣга».

Приведемъ въ заключеніе слѣдующее мѣсто изъ описанія поѣздки въ Альбанскія горы ²⁾. «До Остіи путешествіе было особенно пріятно; берега рѣки зеленѣли тамъ и сямъ, такъ какъ май одѣваетъ все веселой зеленью и пестрыми цвѣтами, за исключеніемъ мѣстъ, гдѣ оставались старыя развалины, которыя во многихъ мѣстахъ, какъ стѣны, ограничиваютъ ложе рѣки». Когда онъ пріѣхалъ въ Порто, разразилась буря: «Ночью море, которое уже въ предыдущіе дни было безпоякойно и неудобно для плаванія, начало волноваться болѣе обыкновеннаго; подулъ сильный ураганъ: южный вѣтеръ поднимаетъ воду съ глубины моря; громадныя волны хлещутъ

¹⁾ X, p. 270: *Prospectus quocunque te veritas gratissimus occurrit: licet Perusiam videre et omnem quae media iacet vallem castellis referatam late patentibus ac frugiferis agris et amne Tiberi nobilem, qui anguis in morem varios agens flexus Tusciam ab Umbria dividit multosque sub ipsa civitate montes ingreditur, per quos murmurans, tanquam invitus coarceatur, ad inferiorem descendit.*

²⁾ XI, p. 301: *Navigacionem amoenissimam peregit... Nocte mare... longe plus solito conturbari coepit, tempestas exoritur valida, auster ab imis sedibus pelagi aquos evolvit, fluctus immensi everberant litora, audisses quasi gemens et ululans mare. Vis tanta ventorum fuit, ut nihil ei resistere posse videretur; saevire inter se ipsos et alter alterum nunc fugare nunc fugere silvas et obstantia quaeque sabvertere, coruscare crebris ignibus aether, intonare caelum et fulgura e nubibus terrificare ruere... nox obscurissima, quamvis crebri micarent ignes...*

въ берега; слышно, какъ море вздыхаетъ и воетъ; вѣтры сталкиваются другъ съ другомъ: то одинъ беретъ верхъ, то убѣгаетъ; лѣса и все, что противустоитъ имъ, они повергаютъ ницъ; эфиръ свергаетъ часто огненными лучами, небо дрожитъ отъ грома; несмотря на частый блескъ молній, черный мракъ ночи удваивалъ ужасъ, и такое множество воды падало съ неба, что это можно назвать уже не дождемъ, а потопомъ, какъ будто Создатель земного круга желалъ вновь, чтобы человѣческій родъ погибъ въ волнахъ».

Этому грандіозному изображенію морской бури служить противуположеніемъ мирная картина горныхъ озеръ, напр., Альбанскаго озера: «Удивительна красота этого озера, окруженнаго довольно высокими скалами, свѣтлаго какъ зеркало; природа, несравненно болѣе могучая, чѣмъ искусство, придавала путешествію особенную пріятность; вода озера Неми, наполняющаго глубокую долину, чистая, какъ кристаллъ, отражаетъ образъ зрителя; спускъ лѣсистъ до самаго озера; далѣе тянутся скалы, но вся равнина и каждая скала до самой вершины покрыты плодовыми деревьями: тамъ видны орѣшники, каштановыя, грушевыя и сливовыя деревья; подъ ними находятся тѣнистыя аллеи и недоступныя для солнца зеленѣющіе луга безъ всякихъ затрудняющихъ движеніе колючихъ растеній; въ солнечный зной нельзя найти ничего пріятнѣе этихъ тѣнистыхъ зеленыхъ аллей, вполнѣ созданныхъ для поэта; поэтичeskій духъ не пробудится уже нигдѣ, если здѣсь онъ останется нѣмымъ; здѣсь можно искать жилище музъ и нимфъ, или, если въ сказкахъ есть нѣкоторая истина, — скрытое убѣжище Діаны» ¹⁾. Онъ посѣщаетъ и другіе озера въ величественныхъ горахъ, поднимается на горы, отдыхаетъ на лугу въ тѣни деревьевъ и всего болѣе восхищается видомъ съ Монте-Каво, откуда видны Террачина, озеро Неми, Альбанское море и т. д. откуда можно распознать ихъ настоящую величину и форму; между ними лежатъ лѣса

¹⁾ XI, 307: Mira est eius lacus amoenitas, undique rupibus cingitur altioribus... aquae perspicuae... iter natura gratissimum praebeuit quamvis arte superior... Nemorensis laeus... aqua in modum vitri perlucida intuentis reddit imagines, vallem profundam occupat, descensus a summo usque ad inum nemorosus... nusquam excitabitur vatis ingenium, hic quod torperit: musarum demicilia dixeris nympharumque tecta et siquid inest verum fabulis Dianae lalibula.

и пестрые луга съ пріятными для глазъ красками; «всего болѣе понравились желтые цвѣты, покрывавшіе большую часть полей; Римъ вполне ясно представляется взорамъ, также какъ и Соренто и Сабинская область и блестящая снѣжная вершина Апеннинъ, и Тибръ, и Пренесто» ¹⁾).

Этого достаточно, чтобы видѣть, насколько чувства Энея Сильвіо близки къ нашимъ! Вполнѣ новѣйшее, современное намъ наслажденіе природой заставляетъ его стремиться къ прекрасной свободной природѣ и хвататься за перо для изображенія того впечатлѣнія, какое производятъ на его воспріимчивую душу, и пріятно-привлекательное и величественно-возвышенное, за исключеніемъ лишь дѣйствительно мертвыхъ горъ. Трудно было бы эту способность наслажденія прелестью пейзажа и изображеній его приписывать вліянію античнаго міра; кромѣ Плинія Младшаго, я не знаю ни одного римлянина императорской эпохи, въ которомъ природа пробуждала бы такую мечтательность, не говоря уже о томъ, что намъ неизвѣстно, насколько римская литература была знакома папѣ Пію II. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать вліянія возвращенія къ классическимъ писателямъ на направленіе чувства природы; надо признать вообще, что на появленіе новѣйшаго наслажденія природой въ эпоху возрожденія дѣйствовали самые разнообразныя культурно-историческіе моменты. Въ родственныя эпохи всегда обнаруживаются родственныя теченія; эллинизмъ, Императорскій періодъ и эпоха Возрожденія сходны другъ съ другомъ и по условіямъ своего происхожденія, и по вытекающимъ изъ нихъ явленіямъ; а въ то же время нельзя отмѣтить причинную связь между ними, и вслѣдствіе того они являются самыми значительными этапами на пути нынѣшняго, современнаго образа мыслей и чувствъ. Теокритъ и Мелеагръ, Петрарка и Энеа Сильвіо могутъ служить для насъ представителями чувства природы, въ его развитіи отъ античныхъ до новѣйшихъ формъ; они родоначальники новѣйшихъ поэтовъ-мечтателей, описывавшихъ природу; они—члены того послѣдовательнаго ряда, который ведетъ къ Руссо, Гёте, Байрону и Шелли; они

¹⁾ p. 309... maxime vero genesta placuit, quae flore suo magnam cooperuit camporum partem. Roma deinde in conspectu se tota obtulit et Soracte et ager Sabinus et Apenninum iugum nive candidum et Tibur et Praeneste...

служать переходною ступеню отъ древняго къ новѣйшему созерцанію природы.

Автобіографія Энеа Сильвіо и лирическія признанія Петrarки представляютъ намъ гораздо болѣе, чѣмъ произведенія другихъ поэтовъ, вѣрную картину настроенія той эпохи, которое мы можемъ прослѣдить до самаго XVI вѣка. Даже и въ эпосѣ преобладаетъ настроеніе, близкое къ нашему; у Аріоста выступаетъ несравненно болѣе могучая изобразительная сила, чѣмъ въ нѣмецкомъ народномъ и искусственномъ эпосѣ. Вильгельмъ Гумбольдтъ, въ своихъ «Эстетическихъ опытахъ о Гётевскомъ «Германъ и Доротея» ¹⁾, остроумно отмѣтилъ различія между народнымъ и искусственнымъ эпосомъ, между Гомеромъ и Аріостомъ. Оба, говоритъ онъ, вѣрные изобразители міра и природы, но Аріостъ привлекаетъ болѣе блескомъ и богатствомъ своихъ красокъ, а Гомеръ отличается болѣе чистотою формъ, красотою композиціи; Аріостъ дѣйствуетъ преимуществу эффектомъ, а Гомеръ чистотою формъ; у Гомера выступаетъ наивная, а у Аріоста — sentimentalная природа; у Гомера выдвигается самый предметъ, и самъ пѣвецъ исчезаетъ,—у Аріоста мы поэта не теряемъ изъ виду: онъ всегда остается на сценѣ; у Гомера все примыкаетъ одно къ другому,—Аріостъ свободно связываетъ свои нити и разрываетъ ихъ по своей прихоти; Гомеръ, въ сущности, никогда не описываетъ,—Аріостъ описываетъ всегда.

Сравненія и картины природы у Аріоста, будучи рассчитаны на эффектъ, гораздо субъективнѣе, гораздо ярче, чѣмъ у Гомера. Они неоспоримо обнаруживаютъ извѣстныя настроенія въ отношеніи къ природѣ. Оттѣнокъ новизны, трудно поддающійся опредѣленію въ отдѣльных случаяхъ, распространенъ по всѣмъ его описаніямъ: это—сочетаніе чувственности, sentimentalности и рыцарственности. Онъ охотно изображаетъ прелестныя пустынные лѣсные уголки, манящіе влюбленныхъ. Напр., въ «Неистовомъ Роландѣ», онъ говоритъ (4; 37): «Взгляни, вблизи кустарникъ указываетъ ей свой тихій кровъ изъ цвѣтущаго терновника и отпрысковъ розъ. Закрытый охраною дубовъ отъ солнечнаго зноя, заключенный въ пространствѣ между ними прохладный лиственный покой отражается въ серебристомъ ручьѣ и колеблется, окутанный

¹⁾ Braunschweig, 1799.

плотной тьмою тѣни; вѣтви и листья сплетаются въ немъ, и взоръ самаго солнца сквозь нихъ не можетъ проникнуть».

Волшебный конь (въ 6-й пѣснѣ) несетъ Ридигера въ страну, плѣнительнѣе которой ничего не можетъ быть: «Съ прелестными холмами, прекрасно обработанными пространствами, мягкими лугами и кристальными ручейками; тамъ высіяты пальмы, лавры, мирты и кипарисы, и въ лиственномъ покоѣ, съ пѣснями, быстро порхаютъ стаи соловьевъ; розы и лиліи украшаютъ мураву, воздухъ всегда освѣженъ дуновениемъ вѣтерка, и въ промежуткахъ (между деревьями) пробѣгаютъ то зайцы или кролики, то олени съ поднятымъ челомъ». Подобное описаніе встрѣчается и въ XXXIV пѣснѣ, 49: «Стая цвѣтовъ на этихъ веселыхъ лугахъ, рожденных эопромъ и легкіе, какъ эоиръ, похожихъ на золото, рубинъ и хризолиты, на алмазы, гіацинты, топазы и сафиры. Зеленъ злаковъ, если бы ихъ посѣять здѣсь, навѣрно побѣдила бы красоту смарагдовъ. Не менѣе прелестна и зеленъ на вѣтвяхъ, на которыхъ всегда видны и плоды, и цвѣты. Въ чертогахъ изъ зелени поютъ птички, блестяще-бѣлыя, красивыя, зеленыя, желтыя и небесно-голубыя. Кристаллы уступаютъ въ чистотѣ тихому озеру, журчащему ручью луга. Нѣжный зефиръ, мягкій и теплый, движетъ воздухъ тихими ударами крыльевъ, и дневной жаръ никогда не бываетъ тягостнымъ» и т. д.

Весьма мѣтко изображены у него различныя времена дня, напр., въ XX, 82: «Еще солнце не сняло темно-сѣраго покровъ съ жесткаго лица зелени, и впукъ Линаона еще не поворотилъ свой плугъ съ небесныхъ нивъ»... Чрезвычайно живописны, исполнены своеобразнаго настроенія, какъ у Сафо и Катулла, его сравненія, въ особенности касающіяся женской красоты, какъ напр., I, 42: «Дѣва походитъ на молодую розу, которая одиноко, въ вѣрной охранѣ сада, на родномъ кустѣ, огражденномъ нѣжнымъ мхомъ, покоится, неприкосновенная для стадъ и пастуховъ. Тамъ лелѣетъ ее ласка кроткаго заката и росистая утренняя заря, и земля, и волна; прекрасный юноша, влюбленная дѣвушка жаждетъ украсить ею грудь и чело». Или VП, 10: «Но Альцина свергаетъ ярче всѣхъ, подобно тому, какъ солнце затмеваетъ всѣ другія звѣзды; ея шея, какъ снѣгъ, а грудь, какъ молоко: первая вполне закруглена, а вторая полна и широка, какъ изъ слоновой кости, поднимается и опускается, какъ

волны у берега при встрѣчѣ вѣтровъ»... Или XI, 65: «Ея прелестное лицо походило на небо, какимъ оно часто показывается весною, когда въ то время, какъ (дождевыя) капли клонятся на землѣ, солнце разрываетъ кругомъ покровъ облаковъ. И такъ же, какъ соловей издаетъ тогда въ зеленыхъ вѣтвяхъ свои сладкіе звуки, Амуръ погружаетъ свои крылья въ пѣжныя колосыя и т. д. Или XXI, 15. «Она спѣшитъ... подвижная, какъ листья, когда осень отнимаетъ у нихъ всѣ соки, когда холодный вѣтеръ отрываетъ ихъ съ вѣтвей и гонить передъ собой съ жестокимъ озлобленіемъ».

Свои образы онъ занимаетъ и у моря, какъ напр., XXI, 53: «Какъ иногда корабль на высокихъ волнахъ, въ страшной борьбѣ съ двумя вѣтрами, гонимый однимъ впередъ, возвращается другимъ на то же мѣсто, и, долго такъ вращаясь по кругу, подъ конецъ уступаетъ болѣе могучей силѣ, — такъ Филандръ, послѣ долгаго колебанія, слѣдуетъ, наконецъ, менѣ тяжелой мысли», или XIV, 9: «Какъ волны моря изъ соленой дали, движимыя съ юга, сперва приходятъ, играя, но за первой слѣдуетъ бѣлая волна, и еще могучѣе третья, и каждый разъ волны растутъ въ ширину и выше громоздятся на берегъ, — такъ обрушиваются на Роландо враги и напираютъ на него, то спускаясь по долинѣ, то поднимаясь въ гору».

Приведенныя нами сравненія показываютъ не только вѣрное и индивидуальное наблюденіе явленій природы: они уже несравненно субъективнѣе, утонченнѣе, чѣмъ, напр., у Данте. То же можно сказать и о сравненіяхъ Тассо. Какія прочувствованныя детальныя изображенія, хотя и сантиментальныя, находимъ мы у него въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ». XVI, 14:

«Взгляни, взгляни, какъ роза расцвѣтаетъ
Въ тиши родной, стыдлива и нѣжна;
Чуть развилась, себя полускрываетъ,
Прелестнѣй тѣмъ, чѣмъ менѣ видна;
Вотъ обнажась, во всей красѣ блистаетъ;
Вдругъ томная, не та уже она;
Не тотъ цвѣтокъ, который пышно рдѣя,
Быль юношамъ и дѣвамъ всѣхъ милѣ.
На вѣкъ, увя, на вѣкъ отъ насъ умчится
Пролетнымъ днемъ цвѣтъ юности живой».

(перев. Козлова).

Не меньшей субъективностью отличается и 18-я строфа. «Во влажномъ взорѣ блеститъ улыбка, полная желанья, какъ дрожить лучъ въ водѣ». Но въ этой поэмѣ всего болѣе прославлены великолѣпные стансы, изображающіе романтически прекрасный садъ въ очаровательномъ пейзажѣ съ такимъ жаромъ и съ такой жизненностью, «что въ нихъ, повидимому, чувствуются воспоминанія о привлекательномъ пейзажѣ Сорренто» ¹⁾). Во всякомъ случаѣ, они показываютъ намъ, что уже и эпическая поэзія того времени стремится къ изображенію пейзажа ради него самого. Для примѣра мы можемъ указать еще 9 строфу XVI пѣсни:

«И вотъ открылся пышный садъ!
Вездѣ живыя воды,
Лужайки расписныхъ цвѣтовъ
И строй холмовъ душистыхъ,
И кусты молодыхъ кустовъ,
И рощицъ рой тѣнистыхъ,
И гроты и ковры долины...
Искусство не жалѣло
Здѣсь рѣдкихъ красокъ для картинъ
И скрытось въ нихъ умѣло.
Все просто здѣсь, во всемъ видна
Безпечность и свобода;
Казалось, обо всемъ одна
Заботилась природа,
И приняла здѣсь въ первый разъ
За образецъ искусство.
Здѣсь воздухъ, чарамъ покорясь,
На все навѣялъ чувство;
Вездѣ могущества слѣды:
Тамъ на древахъ вѣтвистыхъ
Выходятъ тучные плоды. Изъ за-цвѣтовъ душистыхъ;
Гдѣ не шелохнутся листья, и воды онѣмѣли,
И притаились вѣтерки, Пернатыхъ хоры пѣли».

(перев. Раяча).

Впрочемъ, пейзажъ еще окруженъ здѣсь романтически-фантастическимъ колоритомъ; цвѣты и плоды, воздухъ и животныя проникнуты магическимъ очарованіемъ. Въ развитіи чувства природы Тассо имѣетъ болѣе значенія, благодаря сво-

¹⁾ Alex. v. Humboldt, l. c., 58.

имъ пасторальнымъ стихотвореніямъ, которыя нашли такъ много подражателей.

«Аркадія» Джакомо Саннацаро, появившаяся въ 1504 г., открыла путь для пастушескихъ романовъ; сонеты и эклоги въ ней вплетены въ прозу. Это «произведеніе обладаетъ настоящей поэтической красотой и еще большимъ литературнымъ значеніемъ» ¹⁾; изображенія пастушеской жизни исполнены чувства и опредѣленнаго настроенія, хотя нельзя не признать, что многія пѣсни могутъ быть достояніемъ не дѣтей природы, а лишь образованныхъ людей. Авторъ умѣетъ пробудить въ слушатель и читатель любовь къ сельской природѣ краснорѣчивымъ описаніемъ ея, вытекающимъ изъ искренняго, нисколько не искусственнаго одушевленія; въ заключеніе самъ онъ взываетъ къ музѣ: «Ты впервые пробудила уснувшіе лѣса и пастухамъ показала искусство налаживать забытыя пѣсни». Бембо надписалъ на его могильномъ памятникѣ:

«Усыпьте цвѣтами священный прахъ; здѣсь покоится Саннацаро.
Съ тобою, нѣжнѣйшій Виргилій, у него общая муза и общая могила».

Сельскія дидактическія стихотворенія Виргилія находили много усердныхъ подражателей. Джіованни Ручеллаи (род. 1475) написалъ дидактическую поэмѣ «Пчелы», начинающуюся слѣдующимъ образомъ: «Когда я хотѣлъ воспѣть возвышенными стихами ваши дары, чистыя дѣвственницы, мнѣ явился въ утреннемъ снѣ рой подобныхъ вамъ, и съ языковъ, собирающихъ медъ, послышались слѣдующія слова: ...И я буду пѣть, какъ сладкій медъ, даръ неба, выступаетъ въ воздухъ на травѣ и цвѣтахъ и какъ прилежныя, трудолюбивыя пчелы осторожно и усердно собираютъ его для себя». Луиджи Аламанни (род. 1495) издалъ дидактическое стихотвореніе «О земледѣліи» (Della coltivazione); между прочимъ, въ немъ заключаются слѣдующія строки (I, 935): «О, счастливъ тотъ, кто живетъ мирно и самъ обрабатываетъ свою веселую пажить, кто, отрѣшенный отъ общенія съ другими, обязанъ своимъ пропитаніемъ безпристрастной землѣ, и спокойно пользуется этимъ благомъ; если около него нѣтъ общества, украшеннаго драгоценными камнями и пурпуромъ,

¹⁾ Cp. Geiger, op. c., 258; Ad. Wolff, «Die Klassiker aller Zeiten und Nationen», I Th., Berlin, 1860.

и его домъ не украшенъ чужеземнымъ деревомъ и золотыми изваяніями... За то ты живешь спокойно въ бѣдномъ домикѣ, который ты изъ дерева, взятаго изъ ближняго лѣса, и изъ камней, собранныхъ тобою на мѣстѣ, возвелъ отъ основанія собственными руками... Ты встаешь при первомъ блескѣ утренней зари и тебя не встрѣчаютъ никакія новости... На зеленомъ лугу, въ тѣни лѣса, на травянистомъ холмѣ или вдоль рѣки, подвигаешься ты степенно или быстро и работаешь по желанію косой, серпомъ, топоромъ или плугомъ... Собственное дерево, которое ты посадилъ съ собственной супругой и родными дѣтьми, доставляетъ во всякое время плоды тебѣ на пользу».

Даже эти дидактическія произведенія, вдохновленные «Георгиками» Виргилія, ясно выказываютъ склонность къ идиллической, сельской жизни и къ скромнымъ прелестямъ луговъ и лѣсовъ; «Аркадія» Саннацаро въ теченіе одного XVI столѣтія выдержала 60 изданій. Поэтому Тассо отдалъ дань господствующему вкусу, когда онъ своей «Аминтой» ¹⁾ усовершенствовалъ искусство драматизаціи романтическихъ идиллій. Все это произведеніе носитъ на себѣ печать его идеализирующей и романтически мечтательной фантазіи и воплощаетъ въ лирическомъ порывѣ его сантиментальную идею золотого вѣка и міра идеальной природы. «Аминта» даже въ деталяхъ напоминаетъ пастушескіе романы Лонга; она заставляетъ насъ вспоминать даже чувствительныя изліянія Каллимаха и Нонна, когда всей природѣ приписывается возбужденіе любви, какъ, напр., въ словахъ Дафны (Дѣйствіе I, сцена I): «Неужели ты (Сильвія) считаешь весну, которая теперь весь міръ и животныхъ, мужчину и женщину поощряетъ къ любви, за враждебное, злобное время года? Развѣ ты не видишь, какъ все одушевлено сладостной любовью. Посмотри на голубя — съ какимъ любовнымъ воркованьемъ, ласкаясь къ своей подругѣ, онъ цѣлуетъ ее! Прислушайся къ соловью, какъ онъ, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, поетъ: я люблю, я люблю... Даже деревья любятъ. Ты можешь видѣть, съ какимъ влеченіемъ, съ какими постоянно возобновляющимися объятіями лоза льнетъ къ своему супругу; ель любить ель, сосна — сосну, ясень горюетъ и вздыхаетъ по

¹⁾ «Aminta, favola boschereccia» di Torquato Tasso.

ясени, ива объ ивѣ и одинъ букъ о другомъ. И дубъ, ка-
жуційся столь суровымъ и дикимъ, испытываетъ могущество
любовнаго жара, и если бы ты чувствовала и понимала лю-
бовь, ты слышала бы ея тихіе вздохи. Не желая отдаться
возлюбленному, неужели ты хочешь стать ниже растений?»

Кажется, какъ-будто передъ нами Сакуптала бесѣдуетъ съ
своей подругой или слышится жалобы Аконтія. То же мы ви-
димъ и въ 1-й сценѣ II дѣйствія, когда горюетъ несчаст-
ный: «Скалы и тростники изъ сожалѣнія отзывались на мои
жалобы и древесная листва вздыхала надъ моими слезами,
но никогда я не замѣчала состраданія въ жестокой и пре-
красной». Прелестно изображаетъ Аминта Тирсису свою про-
бужившуюся любовь. Когда еще онъ былъ мальчикомъ, когда
онъ едва могъ доставать маленькими руками свѣсившіяся
вѣтви деревьевъ, чтобы рвать плоды, онъ уже былъ предме-
томъ искренней радости для милой дѣвушки, украшеніемъ лѣ-
совъ. «Въ моей груди возникла, я не знаю откуда, подобно
самому по себѣ пробивающемуся растенію, постепенно, неиз-
вѣстная мнѣ склонность, которая меня всегда влекла къ моей
прекрасной Сильвіи, прелестные звуки ея голоса нѣжнѣе жур-
чація свѣтлаго ручья, который по чистому песку катитъ свои
воды, или легкаго колебанія воздуха въ вершинахъ деревьевъ». Онъ
притворяется, что пчела ужалила его въ губу: онъ ви-
дѣлъ, какъ Сильвія излѣчила у одной подруги укушенное мѣ-
сто, приложивъ къ нему губы,—и она цѣлуетъ его. «Ни изъ
одного растенія пчелы не виваютъ такого сладкаго меда, ка-
кой достался мнѣ изъ этихъ свѣжихъ розъ». Въ 1-й сценѣ
II акта жалуются отвергнутый сатиръ, — какъ отвергнутый
Полифемъ или Амариллисъ у Теокрита — антитезами, напо-
минающими Лоига: «Лѣса скрываютъ подъ своей зеленой
тѣнью змѣй, львовъ и медвѣдей, и въ твоей груди живетъ
ненависть, презрѣніе и жестокость. ...Ахъ, когда я приношу
первенцы цвѣтовъ, ты своенравно отбрасываешь ихъ, потому,
быть можетъ, что на твоёмъ лицѣ цвѣтутъ еще болѣе пре-
красные цвѣты; когда я приношу тебѣ чудныя яблоки, ты
съ гнѣвомъ отвергаешь ихъ, быть можетъ, потому, что они
не могутъ сравниться съ твоей прекрасной грудью... а ко мнѣ
не за что чувствовать отвращенія: вѣдь я видѣлъ себя недавно
въ свѣтломъ, спокойномъ морѣ, когда вѣтры молчали и не
поднималось ни одной волны»...

Такимъ образомъ, даже и сантиментально-идиллическая па-

стущеская поэзія эллинизма является здѣсь въ возрожденномъ и утонченно-усиленномъ видѣ, не исключая любимого александрійскими и римскими поэтами мотива—похвалы блаженному прошлому времени, какъ это воспѣваетъ хоръ:

«О золотое время! тебя надо славить
Не потому, что рѣки были обильны,
И молоко, и медъ выступали на деревьяхъ,
Не потому, что никакое желѣзо не бороздило
Землю, которая сама давала плоды,
И змѣи ползали, лишеныя яда...
Нѣтъ, потому только, что... никакой суровый законъ не стѣснялъ
душъ, дочерей свободы,

Кромѣ одного, золотого, написаннаго
Рукой природы: «Слѣдуйте своимъ стремленіямъ»...
Будемъ любить такъ, какъ солнце поднимается и опускается,
И послѣ недолгаго сіянія
Скрывается навсегда во снѣ и въ глубокомъ мракѣ».

Насчитываютъ болѣе тридцати пастушескихъ пьесъ, написанныхъ въ Италіи въ послѣднюю треть XVI вѣка; наиболѣе удачно подражалъ Тассу Джіованни Баттиста Гуарини (род. въ 1537 г.) въ своемъ «Вѣрномъ пастухѣ» (Il pastor fido). Какъ образецъ того, что онъ идетъ еще дальше «Аминты» Тассо, мы приведемъ слѣдующее мѣсто изъ 1-й сцены I дѣйствія этой пьесы. Линко говоритъ тамъ: «О дитя, взгляни кругомъ себя, посмотри—красота этого міра есть дѣло Амура. Любить дальнее море; вонъ та звѣзда, лучи которой блещутъ передъ авророй, и она испытываетъ муки любви; быть можетъ, она идетъ отъ возлюбленнаго: смотри, какъ она свѣтится, и какъ сверкаютъ ея лучи! Нѣгу любви испытываетъ и дикій левъ въ своихъ лѣсахъ; дельфинъ и акула въ своихъ моряхъ—рабы любви, и вонъ та птица, которая поетъ такъ пріятно, такъ безпокойно порхаетъ съ дерева на дерево, могла бы сказать намъ, если-бы знала нашъ языкъ: я люблю, я люблю! Она жалуется свойственными ей звуками, какъ ее научаетъ сердце въ сладостномъ, горячемъ желаніи!»

Лѣсъ съ его уединеніемъ прославляется въ 5-й сценѣ I дѣйствія: «Какъ я люблю твое уединеніе, прекрасный лѣсъ; ты даешь успокоеніе усталымъ, какъ не даетъ имъ никакое другое мѣсто. Въ этой тѣни покой и миръ. Видѣть тебя вновь—блаженство! И если-бы мнѣ было суждено судьбой—жить

съ самимъ собою, свободно по моему желанію, я не отдалъ бы васъ, зеленые лѣса, за все великолѣпіе Елисейскихъ полей и за самые прекрасные волшебные сады. Какъ счастлива въ скромной долѣ, какъ богата пастушка!»!

Любовная лирика этой позднѣйшей эпохи Возрожденія необыкновенно богата исполненными опредѣленнаго настроенія и въ то же время сентиментальными картинами природы, изображающими тонкую, по большей части, мягкую симпатію къ окружающему пейзажу. Образцомъ для нихъ служить Петрарка; даже и Витторія Колонна увлекается имъ; и у нея можно найти напыщенные изображенія грустнаго чувства воспоминаній, страданій, жалобъ, въ особенности о смерти супруга: ¹⁾ «Когда я вижу землю прекрасною и богато украшенною тысячами пестрыхъ, душистыхъ цвѣтовъ, которые выступаютъ подобно тому, какъ выступаетъ на небѣ золото звѣздъ, разсыпанные во всемъ великолѣпій красокъ; когда я вижу робкое лѣсное животное, томимое врожденнымъ могущественнымъ желаніемъ, избѣгающее пещеръ и тѣнистыхъ буковъ и день, и ночь отыскивающее свою подругу; когда я вижу многовѣтвистые члены деревьевъ, покрытые цвѣтами и молодою зеленью, и слышу разнообразныя пѣсни птицъ, жизнерадостныя, сладкія мелодіи и прислушиваюсь вновь къ кроткому журчанью, съ какимъ у цвѣтистыхъ береговъ протекають ручьи, причемъ воспламененная любовью, какъ невѣста, Природа восхищенно любитъ своимъ собственнымъ произведеніемъ,—тогда я говорю себѣ: какъ недолговѣченъ, однако, туманный образъ земной жизни! Недавно еще лежала, покрытая снѣгомъ, въ холодномъ уныніи эта долина, теперь столь богатая цвѣтами и прелестная! Въ то время мрачнымъ сырымъ дыханіемъ зимы было скрыто великолѣпіе небеснаго свода, и эти животныя, столь смѣлыя и оживленныя, таились въ скалахъ и кустарникахъ. Тогда не слышно было съ весеннихъ зеленыхъ вѣтвей пѣвучихъ восклицаній пестрыхъ птицъ, суровая ярость сѣвернаго вѣтра заставляла ихъ молчать и срывала съ деревьевъ много засохшихъ вѣтокъ, тогда должны были подчиниться игу льда и обильная водами рѣка, и мелкій ручей, и то, что теперь исполнено жизненной

¹⁾ Rime di Vitt. Colonna, Bergamo, 1760, p. 71, 72. Quando mira la terra ornata e bella, Di mille vaghi et odorata fiori...

свѣжести и радости, томилось тогда, какъ въ смертельной болѣзни».

И въ этихъ стансахъ нельзя не признать ясно выраженной и развитой потребности созерцать и живописать внутренніе образы вмѣстѣ съ картинами природы.

Нѣчто напоминающее жалобные звуки Петрарки (канцоны I и VIII) можно встрѣтить и у Боярдо, напр. въ 89 сонетѣ: ¹⁾ «О, тѣнистые лѣса, столь часто слышавшіе мои жалобы, прерывавшіяся вздохами, о, свѣтлое солнце, видѣвшее съ твоего вѣчнаго пути мои слезы въ теченіе столь многихъ дней; о, пестрые птицы, робкія животныя, если-бы ~~хотя бы~~ вы и не видѣли близко раздиравшихъ меня страданій, о, летучій ручей, къ которому я, въ пустынной скалистой долинѣ, столь часто приносилъ мою мечту; вы, постоянные свидѣтели моихъ мрачныхъ огорченій, дайте ей, гордой, правдивую вѣсть о моемъ мученіи: отъ васъ оно не скрыто. Не поможетъ-ли свидѣтельство изъ вашихъ устъ, если ежедневно она видитъ мое тяжкое страданье и, видя, еще не вѣритъ собственнымъ глазамъ?»

Даже великій Лоренцо Медичи (род. въ 1449 г.), который въ особенности наполняетъ свои идилліи роскошными изображеніями природы, умѣетъ аккорды глубокаго чувства сочетать съ основнымъ тономъ истиннаго чувства природы. И у него можно найти «то сладострастіе страданія, то наслажденіе въ изображеніи несчастья и отреченія, тѣ чудные мотивы, которые такъ выгодно отличаютъ сонеты XIV и XV столѣтій отъ позднѣйшихъ поэтическихъ произведеній» ²⁾. Слѣдующій сонетъ содержитъ нѣжную похвалу женщинѣ: «Откуда, пурпурныя фіалки, богатые великолѣпемъ красокъ, срываемыя въ зелени ея бѣлой рукой, приходитъ къ вамъ воздухъ, такъ пріятно украшающій васъ, и роса, подъ которою вы улыбаетесь мнѣ навстрѣчу? Кто далъ солнцу такую волшебную силу? Кто нашелъ аромать, освѣжающій намъ чувства, обиліе прелести, восхищающей наше зрѣніе, то, что природа произвела самаго пріятнаго? Любезныя фіалки, та рука, которая васъ среди тысячи другихъ отыскала въ тѣни, она такъ чудесно украсила васъ. Она взяла у меня

¹⁾ Ombrosa selva, che il mio duolo ascolti...

²⁾ См. Geiger, op. c., 186.

сердце, и она же мыслямъ дала высшій полеть въ счастливые часы. Ее, которая выбрала васъ, ее одну должны вы благодарить» ¹⁾).

Какъ мы видимъ, итальянцы XIII и XV столѣтій вполне проникнуты нашимъ новѣйшимъ духомъ; именно они открываютъ путь для новѣйшаго образа мыслей и чувствъ. Они чувствуютъ и сознаютъ себя личностями, они размышляютъ о своей внутренней жизни, они наслаждаются природой, въ ея пріятныхъ и возвышенныхъ красотахъ, они изображаютъ ее въ поэзіи и прозѣ, какъ для того, чтобы отѣнить чувство подходящимъ противуположеніемъ, такъ и ради самого пейзажа.

И во всемъ этомъ чувствуется субъективно-индивидуальный духъ, въ отдѣльности столь трудно поддающійся опредѣленію признакъ нашей современности,—и въ сравненіяхъ, и въ рефлексивномъ противупоставленіи искусства и природы, въ идиллически-сентиментальномъ изображеніи пастушескаго блаженства и золотого вѣка, въ симпатическомъ сліяніи внутренняго и вѣшняго міра или въ исполненныхъ чувства и настроенія пейзажныхъ описаніяхъ съ мельчайшими деталями, съ всей сокровенной прелестью, такъ что легко даже прослѣдить наслажденіе, съ какимъ эти итальянцы подслушивали у матери-природы самыя нѣжныя тайны ея.

Такого развитія ума и сердца, такой культурной высоты, такого ясно-выраженнаго индивидуализма не представляетъ намъ остальная Европа того времени.

Поэзія природы эпохи Возрожденія дѣлаетъ свой дальнѣйшій шагъ уже гораздо позже.

Теперь мы обратимся къ тѣмъ родственнымъ народамъ, которые, благодаря открытіямъ новыхъ странъ, испытали не только значительный соціально-экономическій, но и художественный подъемъ,—къ испанцамъ и португальцамъ, и посмотримъ, какъ и насколько путешествія въ отдаленныя и закрытыя до того времени части свѣта, своими впечатлѣніями величественныхъ и чудныхъ пейзажей, оказывали возбуждающее и оплодотворяющее дѣйствіе на воображеніе.

¹⁾ По переводу ф. Реймонта.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Воодушевление природой у путешественников-открывателей и отношение католическаго мистицизма къ природѣ.

Открытіе внутренняго міра, всей глубины содержанія человѣческаго существа есть дѣло итальянскаго Возрожденія. Бургартъ по справедливости восхваляетъ эту великую культурно-историческую заслугу, когда говоритъ: «Что касается страстной душевной жизни, то въ средневѣковой поэзіи, правда, можно найти предчувствіе ея (какъ, напр., въ «Тристанѣ» Готфрида), но эти перлы разсыяны въ цѣломъ морѣ условнаго и искусственнаго, и содержаніе ихъ всетаки остается еще весьма отдаленнымъ отъ полнаго объективированія внутренняго человѣка и его духовныхъ богатствъ». Открытіе красоты пейзажа есть необходимое дополненіе къ пробужденію индивидуализма, къ проникновенію въ глубины человѣческой души, такъ какъ природа открывается вполне лишь развитому человѣку; только при созрѣвающемъ сознаніи растетъ и эстетическое пониманіе; только тотъ, кто обладаетъ содержаніемъ мысли и чувства, умѣетъ внимательно замѣчать и истолковывать прелести природы и въ этомъ отношеніи получаетъ надъ нею власть. Даже и эта мысль высказана была однимъ изъ философскихъ умовъ Возрожденія: ее можно найти у Пико делла Мирандола въ его рѣчи о достоинствѣ человѣка: ¹⁾ «Богъ въ концѣ дней творенія создалъ человѣка для того, чтобы тотъ познавалъ законы мірового цѣлаго, любилъ его красоту и удивлялся его величію. Онъ не связалъ его ни съ какимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ, ни съ какимъ опредѣленнымъ дѣломъ, ни съ какими необходимостями, но далъ ему подвижность и свободную волю. «Въ срединѣ міра, говоритъ Творецъ Адаму, поставилъ я тебя, для того, чтобы тѣмъ легче было осматриваться тебѣ кругомъ и видѣть все, что тамъ заключается. Я создалъ тебя существомъ и земнымъ, и небеснымъ, и смертнымъ, и бессмертнымъ, именно для того, чтобы ты самъ направлялъ и побуждалъ себя; ты можешь выродиться въ

¹⁾ Burckhardt, op. cit., 72.

животное, и можешь вновь возродиться въ богоподобное существо. Животное выносить уже изъ утробы матери все то, что должно быть у него; высшій духъ бываетъ сначала или дѣлается вскорѣ послѣ того тѣмъ, чѣмъ остается вѣчности. Въ тебѣ заключается развитіе, ростъ по твоей свободной волѣ, зачатки всесторонней жизни».—И для такой всесторонней жизни развивались ~~лучшіе~~ люди Возрожденія. Для нихъ возникъ не только новый міръ внутри ихъ самихъ, но и открылся отдаленный, давно уже предугаданный, являвшійся въ фантастическихъ мечтахъ, міръ, который съ тѣхъ поръ стали называть «новымъ» Научное изслѣдованіе этихъ дальнихъ частей свѣта есть также великая заслуга итальянцевъ XIV и XV столѣтій.

Хотя побужденія путешественниковъ, дѣлавшихъ открытія, такъ же, какъ и предшествовавшихъ имъ крестопосцевъ, могли быть смѣшаннаго, даже чисто эгоистическаго характера, тѣмъ не менѣе, мы легко можемъ представить себѣ—какое впечатлѣніе они должны были испытывать ¹⁾, когда увидали наслаждающихся золотымъ вѣкомъ людей, не знающихъ культуры, одежды, денегъ, законовъ, мѣры и вѣса, судей и книгъ, удовлетворенныхъ благами природы и не заботящихся о будущемъ, когда передъ ними открылись роскошная растительность и великолѣпный климатъ тропическихъ странъ, съ ихъ величественными, таинственными лѣсами, съ безчисленными стаями блестяще оперенныхъ, мелодично поющихъ птицъ, съ балзамическимъ ароматомъ зарослей пряныхъ растений и покрытыхъ цвѣтами пространствъ, съ лучезарнымъ блескомъ и ясностью усыянаго звѣздами неба.

Однако, одно дѣло—наслаждаться и чувствовать, и другое—это чувство, это наслажденіе выражать и передавать словами. Сами путешественники выполнѣ это сознають и жалуются,

¹⁾ Cp. Pet. Martyr, De rebus oceanicis, Colon. 1574, p. 22: «Nudi, sine ponderibus, sine mensura, sine mortifera denique pecunia, aurea aetate viventis, sine legibus, sine calumniosis indicibus, sine libris, natura contenti vitam agunt, de futuro minime solliciti; dec I, 3 p. 45: Aetas est illis aurea neque fossis neque parietibus aut sepibus praedia sepiunt. Apertis vivunt hortis. Sine legibus, sine libris, sine indicibus suapte natura rectum colunt». Cp. также Heronimii Osorii, Lusitani in Algarbils episcopi, De rebus Emmanuelis Susitaniae regis invictissimi, Coloniae, MDLXXXVI, Lib II, p. 49, описаніе бразильцевъ p. 63 и слѣд.

что у нихъ нѣтъ достаточно словъ для того, чтобы дать настоящее понятіе о красотѣ зрѣлища, представляющагося ихъ удивленному взору. Ихъ описанія получаютъ особый характеръ, благодаря тому, что эти побольшей части скромные, малообразованные моряки, естественно, ставятъ на первомъ мѣстѣ удивляющее ихъ богатство и изобиліе растений и продуктовъ такъ же какъ и ихъ полезность, и съ удовольствіемъ отмѣчаютъ благопріятное положеніе гаваней и бухтъ, величину и толщину древесныхъ стволовъ, пригодныхъ для кораблестроенія, урожай хлѣба на поляхъ, удобныхъ для земледѣлія и т. д. Правда, и эти неискусные въ изображеніяхъ рассказчики не могутъ не замѣчать прелестей всего новаго и красиваго, что имъ встрѣчается, но они рѣдко идутъ дальше скудныхъ выраженій: «привлекательный, прекрасный» и т. п., если не обладаютъ такимъ своеобразнымъ и могучимъ умомъ, какъ итальянецъ Христофоръ Колумбъ.

Марко Поло описываетъ свое путешествіе отъ плоскогорья внутренняго Ирана до береговъ Ормуза ¹⁾ весьма просто, хотя и онъ выказываетъ признаки удовольствія, доставляемаго ему своеобразнымъ строеніемъ видимой имъ страны. Такъ, у него есть описаніе «пріятной равнины и города Кормоса»: «Наконецъ приходятъ къ весьма красивый равнинѣ, которая продолжается на два дня пути и называется Прекрасной (переводчикъ переводитъ здѣсь слово Formosa на нѣмецкій языкъ). Въ этой странѣ много ручьевъ и пальмовыхъ деревъ. Тамъ есть также много хохлатыхъ птицъ, которыхъ нельзя найти по эту сторону моря. Оттуда приходятъ къ морю Океану; тамъ лежитъ на берегу городъ Кормось, имѣющій хорошую гавань, гдѣ собирается много купцовъ, привозящихъ изъ Индіи пряности, индиго, драгоценные камни, шелковыя одежды и проч. Въ этой странѣ они сѣютъ въ зимній мѣсяцъ и въ мартѣ жнутъ и тогда собираютъ и другіе плоды, такъ какъ послѣ марта засыхаютъ листья на всѣхъ деревьяхъ и трава, и во все лѣто нельзя найти ни одного зеленого листа, развѣ только на водѣ» ²⁾. Въ такомъ

¹⁾ Ruge, «Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen», Berlin 1881 (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen von Oncken). S. 55.

²⁾ «Von den lustigen veld und von der statt Cormos»: Zu letzt Kompt man zu ein überaus hypschen veldt, das ist zwo tagreisen lang, und heisset das orth die schöne. Inn disem land sind vil wasser bäch

же родѣ говорить онѣ о видѣнныхъ имъ пейзажахъ; онѣ видѣли степи Персіи и зеленыя плоскогорья и дикія ущелья Бадахшана; онѣ рассказываетъ о Японіи, съ ея крытыми золотомъ дворцами, и о Бирмѣ, съ ея золотыми пагодами; впервые изображаетъ райскія островные луга Зондскихъ острововъ съ ихъ ароматическими пряностями, дальнюю Яву и Суматру съ ихъ многочисленными королевствами и т. д. На первомъ планѣ для него, естественно, являются національныя черты чуждыхъ народовъ, ихъ нравы и обычаи и польза и плодородіе страны. — Епископъ Озоріо даетъ намъ въ своей исторіи Эммануила, короля Португаліи, много не лишенныхъ интереса изображеній; интересъ ихъ заключается и въ характерной простотѣ, сообразно преобладающей точкѣ зрѣнія полезности, и въ просвѣчивающемъ въ нихъ удовольствіи по поводу привлекательности вновь открытыхъ странъ. Такъ, онѣ рассказываетъ о спутникахъ Ваксо де Гамы, что ихъ приводили въ удивленіе крайніе берега Африки, такъ какъ они «видѣли тамъ плодородіе вмѣстѣ съ веселою мѣстностью; именно они видѣли громадныя лѣса и густыя дубровы, безчисленные стада скота и множество двигающихся во всѣ стороны людей» ¹⁾. Вполнѣ оригинальное впечатлѣніе произвели на нихъ исполинскія пальмы на Мозамбикѣ съ длинными листьями, пріятною тѣнью и огромными кокосовыми орѣхами ²⁾.

Мелинда описывается слѣдующимъ образомъ: «Городъ лежитъ на равнинѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ густою зеленью садовъ; онѣ богатъ деревьями, особенно лимонами, отъ цвѣтовъ которыхъ далеко распространяется пріятнѣшее благо-

und palmen beum. Es seind auch mangerley vögel mit hauffen da, zuvor papageyen werden, die diesset des meeres nicht fünden werden. Von denen komt man zu dem meer Ocean, do ligt am gestaden die statt Kormos, die hat ein guten port, da viel Kaufleut zusammen kommen, die bringen aus India spezerey, berlin, edelgestein, gewant von seiden u. s. f. Sie seehen inn disem land inn Wintermonat, und im Mertzen ernden sie, dann sind auch andere fruchtzeitig abzulesen, dann nach dem Mertzen verdorren alle beum am laub und gras und findt man den gantzen summer kein grien blat, es sey denu an den wassern»... «Die New Welt der Landschaften, Insuln etc. Straszburg, 1534, Fol. 107.

¹⁾ Op. cit. p. 23: Cum... situm et fertilitatem enm incunditate percipereut...

²⁾ Ibid. p. 25.

уханіе. Страна плодородна и изобильна; она богата не только стадами, но и всякаго рода животными, которыя, при посредствѣ охоты и рыбной ловли, употребляются въ пищу» ¹⁾. Точно также изображается островъ Занзибаръ, какъ роскошный и плодородный, привлекательный многочисленными источниками и густыми лѣсами, отстоящій отъ материка почти на 24,000 шаговъ ²⁾; «На немъ растутъ, между прочимъ, на открытомъ воздухѣ очень высокія деревья (*Malimedicæ*), отъ цвѣтовъ которыхъ, когда вѣетъ тихій вѣтеръ, даже въ отдаленныя мѣста, распространяются пріятнѣйшіе ароматы». Бразилія названа «плодородной и прекрасной страной» и «столь здоровой что тамъ почти нѣтъ нужды въ лѣкарствахъ, и всѣ умираютъ только отъ старости; она орошается многими большими рѣками, имѣетъ безчисленные источники прѣсной и всегда текущей воды и по большой части украшена лѣсами, горами и долинами; лѣса густы и тѣписты, съ деревьями, которыя раньше были намъ совершенно неизвѣстны, какъ, напр., то, изъ листьевъ котораго готовится бальзамъ, или другія, изъ которыхъ добывается красная краска, здѣсь находятъ также цѣлительныя травы» ³⁾.

Объ островѣ Армузѣ (близъ Аравіи) говорится: «Онъ сухъ и неплодороденъ, но хотя онъ вообще ничего не приноситъ, чѣмъ люди могли бы питаться или украшать себя, онъ изобилуетъ столь роскошными древесными и полевыми плодами, съѣдобными вещами и лакомствами, какъ никакія другія мѣста въ Аравіи, Персіи или Индіи, такъ какъ все самое великолѣпное привозятъ туда корабли» ⁴⁾.

На той же, невысокой въ эстетическомъ смыслѣ точкѣ зрѣнія, въ которой смѣшиваются радостное изумленіе при

¹⁾ Ib. p. 29: *Urbs est in planitie sita. Cingitur autem undique multiplici hortorum viriditate. Abundat multis arboribus, in primis autem citreis malis, e quarum floribus odores suavissimi admodum longe diffunduntur.*

²⁾ Ib p. 40: *Zanzibarim, fertilem et opimam, fontibus crebris et densis nemoribus amoenam...*

³⁾ Ib. p. 49; объ о. Св. Елены съ ея здоровымъ и столь удобнымъ для пострадавшихъ моряковъ положеніемъ среди океана, ср. p. 62: *Fluvios habet gelidos atque perennes et silvas atque nemora densissima cadumaque saluberrimum*; о Малаккѣ p. 186: *Arboribus et varies fructibus abundat*; *Sundae iusulae* p. 243 и т. п.

⁴⁾ Ib. p. 161.

видѣ великолѣпна чуждаго міра и восторженное соображеніе о плодородіи страны и возможныхъ отъ него хозяйственныхъ выгодахъ, стоитъ и Петеръ Мартиръ въ своемъ описаніи путешествій ¹⁾. «Наконецъ, мореплаватели увидали, рассказываетъ онъ ²⁾, съ веселымъ духомъ желанную землю, и когда они вступили на берегъ, раздалось имъ навстрѣчу изъ густыхъ кустовъ соловьиное пѣніе, въ срединѣ ноября, и они дивились громаднымъ потокамъ прѣсной воды и естественнымъ гаванямъ, которыя могли бы вмѣстить въ себѣ цѣлый флотъ, тамъ нашли они лѣсныхъ гусей, голубей, утокъ, блестящаго, снѣжно-бѣлаго цвѣта и съ пурпурно-красной головой, желтыхъ и зеленыхъ попугаевъ; у другихъ были смѣшанные голубые и красные цвѣта, разнообразіе которыхъ составляетъ величайшее удовольствіе» ³⁾. «Безпрестанно поднимаются изъ воды новые острова: частью лѣсистые, съ роскошной травой и красивые на видъ, частью сухіе и каменистые, съ очень высокими скалистыми горами; частью показывали они на голыхъ скалахъ пурпурно-красные цвѣта, частью фіолетовые, частью блестяще-бѣлые»... ⁴⁾.

Цѣлую страницу наполняетъ описаніе чудеснаго изобилія цвѣтовъ, плодовъ и овощей всякаго рода, которые богатая почва даетъ садовнику во множествѣ даже въ февралѣ ⁵⁾. Густота травы въ преріяхъ ⁶⁾, красота рѣкъ, обиліе плодовъ ⁷⁾, громадная величина деревьевъ—насколько они полезны, насколько они доставляютъ туземцамъ матеріалъ для хорошихъ построекъ ⁸⁾—разнообразіе и польза пиній, пальмъ, каштановъ, орѣшниковъ ⁹⁾, огромное количество воды, какое рѣки изливаютъ въ море ¹⁰⁾,—все это перечисляется съ изумленіемъ, но хозяйственный интересъ становится выше эстетическаго, даже когда авторъ, говоря объ Эспаньолѣ (Гаити) на-

¹⁾ De rebus oceanicis et novo orbi Decades tres Petri Martiris ab Angleria Mediolanensis, Coloniae, 1574.

²⁾ Dec. I, lib. I, p. 3 fin.

³⁾ 76. p. 8, quae varietas parit delectationem.

⁴⁾ ib. p. 19.

⁵⁾ Dec. I, III, p. 30.

⁶⁾ p. 41.

⁷⁾ p. 57.

⁸⁾ ib. p. 158.

⁹ и ¹⁰⁾ p. 190.

зываетъ ее страной болѣе счастливой, чѣмъ Италія ¹⁾). Въ этихъ описаніяхъ нельзя открыть никакого слѣда извѣстнаго настроя въ передачѣ новыхъ впечатлѣній; за исключеніемъ хозяйственнаго отношенія къ природѣ или воззрѣнія на пейзажъ во всемъ его цѣломъ; авторъ нигдѣ не поднимается выше отдѣльныхъ подробностей, которыя приковываютъ его глаза, хотя по большей части его занимаетъ ихъ матеріальная польза.

Искренняя радость, доставляемая красотой природы вновь открытыхъ странъ, выступаетъ и въ отчетѣ образованнаго венеціанскаго дворянина Алонзе да Мосто о путешествіи къ Зеленому мысу, предпринятіемъ по порученію Генриха Мореплавателя ²⁾): «Зеленый мысъ называется такъ отъ зеленыхъ деревьевъ, которыя находятся тамъ и кажутся цѣлый годъ зелеными. Его нашли португальцы и назвали такъ отъ зеленыхъ деревьевъ, такъ же какъ Бѣлый мысъ отъ бѣлаго песку. Но Зеленый мысъ высокъ и пріятенъ на видъ; онъ стоитъ въ срединѣ между двумя горами и распространяется въ море, окруженный многими хижинами и жилищами черныхъ мавровъ, весьма выдвигающимися къ морю. Надо знать также, что у Зеленаго мыса берега сближаются и образуютъ заливъ, весьма пріятный на видъ; онъ окруженъ множествомъ прекрасныхъ деревьевъ; на нихъ остаются листья, покуда выростутъ другія, и они всегда зелены. И хотя они стоятъ отъ моря далѣе, чѣмъ на выстрѣлъ изъ арбалета, по издали кажется, что они стоятъ у моря. Это чрезвычайно пріятно видѣть. Я много путешествовалъ и на восходѣ и на закатѣ солнца, но не видѣлъ ничего прекраснѣе».

По этому поводу справедливо замѣчаетъ Руге: «Восхищеніе красотой тропическаго пейзажа не отражается въ переводѣ умѣреннаго, благоразумнаго страсбургскаго бюргера XVI вѣка, но оно ясно чувствуется въ подлинникѣ» ³⁾). По-

¹⁾ р. 282.

²⁾ Нѣмецкій переводъ его содержится въ названной выше книгѣ «Die Neu Welt» (Ruge, op. cit., 93); самый текстъ находится въ «Pi viaggiodi Giovan Leone e de Navigazioni Di Aloise da Mosto, Di Pietro di Cintra, di Anzone, Di un Piloto Portoghese e di Vasco Di Gama Qualli si leggono nella raecolta di Giovambattista Ramusio, Volume unico Venezia 1837.

³⁾ Прилагаю слѣдующую выписку изъ Рамузіо (см. назв. выше сочиненіе, 190): E la costa è tutta terra bassa, copiosa di bellissimi e

этому Колумба нельзя признать первымъ, какъ полагаетъ А. Гумбольдтъ, кто краснорѣчиво выразилъ волшебное впечатлѣніе береговъ Новаго свѣта; тѣмъ не менѣе, оставляя даже въ сторонѣ его исключительное значеніе, онъ можетъ служить для насъ типичнымъ представителемъ возрѣнія на природу путешественниковъ того времени. Гумбольдтъ замѣчательно вѣрно оцѣнилъ эту сторону знаменитаго мореплавателя въ своихъ критическихъ изысканіяхъ по исторіи XV и XVI столѣтій, и указалъ какимъ глубокимъ чувствомъ природы былъ одаренъ великій путешественникъ, какъ онъ открывшіяся его взорамъ новую землю и новое небо описалъ съ прелестью и простотою выраженія, которыя могутъ быть вполнѣ доступны только тому, кто знакомъ съ силою языка того времени ¹⁾).

Въ исторіи поэзіи природы Колумбъ служитъ поучительнымъ подтвержденіемъ факта, что вмѣстѣ съ внутреннимъ ростомъ чловѣка возрастаетъ впечатлительность его къ произведеніямъ природы. Никто не будетъ отрицать, что и необразованные моряки и даже крестьяне или другіе простые люди, если только въ нихъ заключается искра высшаго чувства, могутъ съ живостью воспринимать впечатлѣніе величественнаго и въ особенности чуждаго имъ пейзажа. Но выразить словомъ свои ощущенія для нихъ является непреодолимымъ затрудненіемъ. Наоборотъ, какъ замѣчаетъ Гумбольдтъ, при усиленной внутренней жизни, чувства облагораживаютъ языкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ изобразительная способность.

Мы обязаны почтенному Фернандесу де-Наваррету мастерскимъ изданіемъ дневника великаго чловѣка, въ которомъ мы можемъ прослѣдить возрастающую воспримчивость его къ впечатлѣніямъ природы, поднимающуюся до «глубо-

grandissimi arbore verdi che mai non pardono fuglia tutto l'anno, civè che mai non seccano, come le nostre di qua; ma prima nasce una foglia avantichè gettano l'altra: e vansene questi arbori fino sulla spiaggia ad un trarre di balestra, che pare che beano sul mare; ch'è una bellissima costada vedere, e secondo me, che pur ò navigato in molti luoghi in Levante e in Ponente, mai non vidi la piú bella costa di quel che mi parse questa? la quale è tutta bagnata da molte riviere e fiumi piccolì, non da conto, perchè in quelli non potriano entrare nvilji grossi.

¹⁾ Examen critique etc; Kosmos II S. 56.

каго и поэтическаго ощущенія величія творенія» ¹⁾. 8-го октября 1492 года онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Море, благодаря Бога, также прекрасно, какъ рѣка въ Севильѣ; воздухъ также мягокъ, какъ въ Андалузїи; вдыхать его доставляетъ удовольствіе, потому что онъ наполненъ бальзамическими благоуханіями». Различія въ силѣ и въ фізіономіи растительности, первобытная роскошь природы, обширныя устья рѣкъ, берега, отънесенные лѣсами и покрытые птицами, охотящимися за рыбой, чистая, прозрачная вода, стекающая съ горъ, пространная даль, открывающаяся съ нихъ, ароматическій запахъ, наполняющій воздухъ,—все это становится предметомъ его описанія, когда передъ нимъ открываются берега Кубы, острововъ Лукайскихъ и Харданильосъ. Каждая новая страна кажется ему прекраснѣе той, которую онъ описалъ раньше; онъ скорбитъ о томъ, что онъ не въ силахъ измѣнить формы выраженія, чтобы передать королевѣ неоцѣненные впечатлѣнія, какія доставляютъ ему берега Кубы.

Было бы полезнымъ и достойнымъ трудомъ ближе прослѣдить этотъ дневникъ, такъ какъ Гумбольдтъ разсматриваетъ только краткія и разрозненные извлеченія изъ него; кромѣ того, не передавая его подстрочно, не могло не являться искушеніе прибавить къ нему нѣчто современное, сгладить и отдѣлать его выраженія, что однако равносильно ненамѣренному искаженію. Такъ, напр., у Пешеля выходитъ весьма красиво, но нѣсколько преувеличено, когда онъ говоритъ: «Колумбу недостаточно прислушиваться къ соловьинымъ трелямъ, сравнивать теплый востъ-индскій воздухъ съ андалузской весной и любоваться роскошной дикостью травянистыхъ, влажныхъ береговъ и богатствомъ растительныхъ формъ въ тропическихъ лѣсахъ, оживленныхъ стаями поугаевъ... Воспріимчивый ко всякой мягкой прелести природы и ко всемъ красивымъ чудесамъ творенія, онъ всматривается въ великолѣпные тропиковъ, почти также, какъ нѣжный отецъ въ сіяющіе глаза ребенка» ¹⁾.

¹⁾ У меня въ рукахъ второе изданіе: «Coleccion de los viajes y descubrimientos que hicieron por mar los espanoles desde fines del siglo XV con varios documentos ineditos... coordinada é ilustrada Por Don Martin Fernandez de Navarrete, Tomo I, Viajes de Colon: Almirantazgo de Castilla, Madrid 1858.

²⁾ Peschel, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, 1858, S. 204.

Въ дневникѣ отъ 3-го ноября говорится: «Онъ ничего не могъ видѣть за густотой лѣса; деревья были очень свѣжи и благоуханны, почему онъ и сказалъ, что не сомнѣвается въ томъ, что тамъ есть ароматическія травы, и все видимое имъ было такъ прекрасно, что у него не уставали глаза, глядя на такую прелестную картину и слушая пѣніе птицъ» ¹⁾. 14-е ноября онъ выражаетъ удивленіе, видя столь многочисленныя острова, столь большія пальмы, столь высокія горы и полагаетъ, что на свѣтѣ нигдѣ нельзя найти горъ прекраснѣе и выше, безъ снѣга и тумана... Однако, онъ скромно прибавляетъ отъ 25-го ноября къ своему восхваленію прекрасныхъ водъ, текущихъ съ горъ, увѣнчанныхъ лиственницами, и прекрасныхъ роцъ, что эти деревья были бы особенно хороши для кораблестроенія. Тѣмъ не менѣе, у него постоянно прорывается восторгъ по поводу свѣжести деревьевъ, чистоты воды и красоты птицъ и всего изумительно прекраснаго и привлекательнаго; онъ говоритъ, что хотѣлъ бы никогда не уходить оттуда и для того, чтобы дать отчетъ королевѣ обо всемъ, что они тамъ видѣли, недостаточного было бы тысячи языковъ и его рука не въ силахъ описать видѣннаго имъ, настолько онъ этимъ очарованъ ²⁾.

Отъ 13-го декабря рассказываетъ онъ, какъ посланные имъ удивлялись красотѣ и плодородію страны и объясняли, «что прекраснѣйшія страны Кастиліи не могутъ выдержать сравненія съ открытыми ими по привлекательности и богатству, что онѣ различны какъ ночь и день; даже страна Кордовы стоитъ ниже ихъ; они говорили, что всѣ эти страны обработаны и что посреди ихъ, въ долинѣ, протекаетъ рѣка. Всѣ деревья были зелены и полны плодовъ, а травы—цвѣ-

¹⁾ Navarrete, p. 199: Dice... que todo era tan hermoso lo que via, que no podia, cansar los ojos de ver tanta lindeza, y los cantos de los aves y pajaritos.

²⁾ p. 220: Dice maravillas de las lindeza de la tierra y de los árboles donde hay pinas y palmas y de la grande vega... y bajos, la mas hermosa cosa del mundo, y salan por ella muchas riberas de aguas que descenden destas mantannas... Andando por ella fue cosa maravillosa ver las arboledas y frescuras y el agua clarísima y las aves y amenidad, que dice due le parecia que no quisiera salir de alli. Iba diciendo a los hombres que Mevaba en su compania, que para hacer relacian a los Reyes de las cosas que vian no bastaran 1000 lenguas a referillo ni su mano para lo escribir que le parecia questabo encantado.

туща и очень высоки; воздухъ былъ теплый какъ въ Кастилии въ апрѣлѣ; пѣли соловьи и другія птички, какъ въ томъ же мѣсяцѣ въ Испаніи, и какъ, они говорили, ничего въ мірѣ не могло быть пріятнѣе. По ночамъ сладко пѣли какія-то маленькія птички и слышно было множество сверчковъ и лягушекъ» ¹⁾.

Все это указываетъ добродушное, наивное наслаждение природой, одинаково далекое какъ отъ всякой рефлексіи и сентиментальности, такъ и отъ индивидуальнаго взгляда на природу или воззрѣнія на страну, какъ на отдѣльный пейзажъ, какъ на одно цѣлое, составленное изъ красокъ, линий и состоянія неба и погоды. Въ письмѣ Колумба, которое Гумбольдтъ приводитъ въ своихъ изслѣдованіяхъ ²⁾, мы читаемъ: «Островъ Куба содержитъ въ себѣ горы, которыя достигаютъ до неба; со всѣхъ сторонъ ихъ орошаютъ обильные водою и полезные для здоровья потоки; всѣ эти страны представляютъ многообразные виды; наполненыя деревьями различныхъ породъ, частью осыпанныхъ цвѣтами, частью обремененныхъ плодами, онѣ выказываютъ величайшую красоту и соразмѣрность; тамъ есть семь или восемь различныхъ пальмъ, превосходящихъ наши пальмы какъ красотой, такъ и величиной; пинии тамъ достойны удивленія; равнины и луга весьма обширны». Гумбольдтъ справедливо замѣчаетъ по поводу этого письма: «Я долженъ обратить здѣсь вниманіе, насколько эти, пожалуй, слишкомъ частыя выраженія восторга свидѣтельствуютъ о живомъ чувствѣ красоты природы, такъ какъ оно касается только тѣней и листвы, а не обозначенія драгоцѣнныхъ металловъ». Дѣйствительно, способъ

¹⁾ p. 238: Dijeron tambien de la hermosura de las tierras que vieron, que ninguna comparacion tienen los de Castilla las mejores en hermosura y en bondad... ni la campina Cordoba llegaba aquella can tanta diferencia como tiene el dia de la nonche. Decian que todas aquellas tierras estaban labradas y que por medio de aquel valle pasabo un rio muy ancho y grande que podia regar todos las tierras. Estaban todos los arboles verdes y llenos de fruta, y las yerbas todas floridas y muy altas; los caminos muy anchos y buenos; los aires eran como en Abrii en Castilla; cantaba et ruisenor y o tros pajaritos como en el dicho mes en Espana, que dicen que era la mayor dulzura del mundo. Las nochas cantaban algunos pajaritos suavemente, los grillos y ranas se oian muchas. — Подобное тому записано въ дневникѣ отъ 21-е декабря.

²⁾ Kosmas, II, 159.

ность находить живое выражение для впечатлѣній природы, хотя бы пробуждающихъ только восторженное изумленіе, все растеть у Колумба, какъ это можно видѣть въ величественномъ изображеніи природы въ «*Lettera rarissima*» отъ 7 іюля 1503 года: «Я оставался пятнадцать дней въ гавани, такъ какъ этого требовала жестокая погода. Потомъ, когда я прошелъ четыре мили, буря вернулась опять и такъ меня измучила, что я, съ своей стороны, не видѣлъ никакого спасенія; моя рана открылась вновь, и я не надѣялся на сохраненіе моей жизни; глаза мои никогда не видали моря столь высокимъ, страшнымъ и съ такой пѣной. Вѣтеръ не давалъ возможности ни идти дальше, ни пристать къ какому-либо мысу. Онъ держалъ меня въ этомъ морѣ, превращенномъ въ кровь и кипѣвшемъ какъ котелъ на большомъ огнѣ. Никогда не видали небо столь страшнымъ; цѣлый день и ночь оно пылало, какъ печь, и таково было пламя молній, что мы удивлялись, какъ онѣ не истребили мачтъ и парусовъ; ужасныя волны неслись съ такою яростью, что мы всѣ думали, что онѣ потопятъ корабли. Во все это время вода не переставала литься съ неба; можно было сказать, что это не дождь идетъ, а опять наступать потопъ. Люди были такъ измучены, что желали смерти для избавленія отъ такихъ страданій. Корабли уже два раза теряли шлюпки, якоря и канаты и стояли открытыми безъ парусовъ» ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ Колумбѣ мы видѣмъ живого представителя чувства природы, какое развивается и въ необразован-

¹⁾ Navarrete, 449: «Detureme alli quince dias que asi lo quiso el cruel tiempo... y llegado con 4 leguas revino la tormenta y me fatigò tanto à tanto que y a no sabia de mi parte. Alli se me refrescò del mal la llaga: nueva dies andudo perdido sin esperanza de vida: ojos nunca viero la mar tan alta, fea y hecha espuma. El viento non era para in adelante, ni daba lugar pora correo hacia algun cabo. Alli me detenia en aquella mar fecha sangre, harbiendo como caldera por gran fuego. El cielo jamas fue visto tan espantoso: un dia con la noche ardiò como forno; y asi echaba la llama con los rayos, que cada vez miraba yo si me habia llevabo ios mastebis y velas; venian con tanta furia espantables que todos creiamos que me habian de fundir los navios. En todo esto tiempo jamàs cesò agua del cielo, y no para decir que llovía, salvo que resegundaba otro diluvio. La gente estaba ya tan molida que des estaba ia muerte para salir de tantos martirios. Los navios ya habian perdido dos veces lots barcas, anclas, cuerdas, y estaban abiertos, sin velas...

пыхъ умахъ и поднимается выше обычной точки зрѣнія радости при видѣ полезнаго до благоговѣйнаго удивленія предъ чудесами міра, развертывающимися передъ глазами. У Колумба это чувство не находитъ соответственныхъ словъ передъ величіемъ и силой разнообразныхъ, поражающихъ его впечатлѣній, но у него является своего рода краснорѣчіе и энергія изображенія, когда, какъ въ приведенномъ описаніи морской бури, стихіи привлекаютъ и возбуждаютъ воображеніе и душу. Правда, Колумбу недоставало физическихъ и метеорологическихъ, ботаническихъ и зоологическихъ знаній, но, не говоря уже о величайшей энергіи и рѣдкой глубинѣ чувства, разительнымъ доказательствомъ которой служитъ описаніе почного видѣнія въ «*Lettera rarissima*»¹⁾, онъ превосходилъ другихъ путешественниковъ въ новыя страны острою взгляда для наблюденія явленій природы. Какъ мы видѣли, онъ отличаетъ въ Кубѣ семь или восемь видовъ пальмъ, которыя ему кажутся прекраснѣе и выше финиковыхъ пальмъ; онъ сообщаетъ своему другу Антверѣ, что видѣлъ на одной и той же равнинѣ собранными вмѣстѣ ели и пальмы, «*palmeta*» и «*pineta*», удивительно перемѣшанными между собой; онъ наблюдаетъ растительность съ такой проникающей силой, что замѣчаетъ первый ниніи на горахъ Сибео, приносящихъ, въ видѣ плодовъ, не шишки, какъ хвойныя деревья, а ягоды, какъ ахарафскія маслины близъ Севиллы²⁾. Отчеты о путешествіяхъ Веспуччи, въ особенности его письма къ Медичи, содержатъ, по большей части, только картины нравовъ и обычаевъ и описанія путевыхъ событій, но у него менѣе умственной оригинальности, чѣмъ у Колумба, рѣчь котораго оживляютъ внезапные порывы того одушевленія, которое вызывается созерцаніемъ великихъ картинъ природы Колумбъ возмѣщалъ не-

¹⁾ Когда онъ тяжело скорбитъ по поводу всѣхъ испытанныхъ имъ невзгодъ и имъ овладѣваетъ жестокое отчаяніе, до его слуха доходитъ сострадательный голосъ: «Малодушный, почему ты медлишь и не возлагаешь своего упованія на Бога? ...Богъ вручитъ тебѣ ключъ отъ могучихъ узъ океана, отъ тяжелыхъ цѣпей, которыя связывали его какъ бы крѣпкимъ замкомъ (*de los atamientos de la mar Oceana, que estaban cerrados con cadenas tan fuertes, te dió las llaves*), и ты видѣлъ исполненіе Его воли въ громадныхъ пространствахъ земли, и почетная слава твоего имени останется для тебя въ христіанскомъ мірѣ».

²⁾ Kosmos, II, p. 56.

достатки своего умственного образованія силою и глубиною чувства, и поэтому ему должно быть отведено опредѣленное мѣсто на пути развитія поэзіи природы.

Шумъ моря и свистъ вѣтра, ликующій энтузіазмъ по поводу великихъ открытій, показывающихъ новые міры, звучать въ величественной португальской поэмѣ «Лузіадъ» Камоэнса. Въ ней высказывается чувство природы, вытекающее изъ личнаго наблюденія отдаленныхъ частей свѣта, такъ какъ поэтъ сражался, въ качествѣ воина, и у подножія Атласа, и на Красномъ морѣ, и въ Персидскомъ заливѣ, два раза обогнулъ мысъ Доброй Надежды и, въ теченіе шестнадцати лѣтъ, на берегахъ Индіи и Китая созерцалъ жизнь океана ¹⁾. Вслѣдствіе того, ему удаются какъ нельзя лучше прекрасныя, полныя красокъ картины моря—идетъ-ли дѣло о жестокой бурѣ на открытомъ океанѣ, или объ электрическихъ явленіяхъ, или о водяномъ смерчѣ, или объ очаровательныхъ островахъ. Все это проникнуто той жизненной теплотой, какая дается только личнымъ наблюденіемъ. Поэтической силой и величественностью замысла онъ нерѣдко напоминаетъ Данта, а наглядностью и полнотою описанія отдаленныхъ частей свѣта — одушевленныя картины нервыхъ и нѣкоторыхъ послѣдующихъ путешественниковъ въ неизвѣстныя страны. Поэма Камоэнса мѣстами — дневникъ Колумба, поэтически обработанный, превращенный въ художественное эпическое произведеніе: въ ней тотъ-же пламенный духъ, та же сила и свѣжесть наблюденія, но все это выступаетъ въ несравненно большихъ размѣрахъ, благодаря порыву поэтической фантазіи и техники. Сравненія изъ жизни природы или животныхъ попадаются не часто, но въ нихъ всегда бываютъ вполне жизненные детали, какъ, напр., въ 23-й строфѣ II пѣсни, гдѣ говорится о муравьяхъ: «Какъ стая муравьевъ, съ живымъ стремленіемъ, прячетъ въ землю бремя высоко насыпанной кучи зеренъ и тѣмъ, съ веселой, трудовой бодростью, отражаетъ враждебныя силы зимы, — такъ и нимфы»... или о лягушкахъ (II, 27): «Какъ лягушки... въ озерахъ влажныхъ лѣсовъ, когда онѣ безпечно лежатъ на сушѣ и, завидя подходящаго путника, прыгаютъ такъ, что шумятъ тростникъ, спѣшатъ спастись отъ угрожающей бѣды и тайно укрыва-

¹⁾ Kosmos, II, p. 59.

ются въ извѣстныя имъ мѣста и только поднимають головки изъ воды,—такъ бѣжали мавры»...

Въ другомъ мѣстѣ поспѣшное бѣгство мавровъ сравнивается съ лѣснымъ пожаромъ (III, 49): «Подобно тому, какъ пламя вспыхиваетъ въ сухомъ хворостѣ и—когда Борей внезапно поднимается со свистомъ,—наполнившись дыханьемъ вѣтра, обхватываетъ сухой лѣсъ огненными руками; и пастухи, испуганные и оглушенные, среди сладкаго отдыха, шумомъ пожара, который съ трескомъ бѣжитъ дальше и дальше, собирають стадо и спѣшатъ къ деревнѣ,—такъ и мавры»...

Въ 134-й строфѣ III пѣсни блѣднѣющій мертвецъ сравнивается съ увядающей розой: «Какъ у цвѣтка, плѣняющаго своей прекрасной бѣлизной, когда его безвремени сорветъ прелестная дѣвушка, отдѣливъ его быстрыми руками отъ вѣтки, и украсить имъ грудь или чело, исчезаетъ благоуханіе и блѣднѣють краски,—такъ и на блѣдномъ лицѣ умершаго розы щеки поблѣкли и исчезли, и, вмѣстѣ съ дыханьемъ, улетѣли краски жизни».

Душевное настроеніе сравнивается также съ явлениями внѣшняго міра, съ такимъ глубокомысліемъ, которое напоминаетъ изысканныя сравненія Аполлонія Родосскаго ¹⁾, напр., VIII, 87: «Какъ отраженіе драгоцѣннаго кристалла въ стали зеркала возвращаетъ его блескъ, который, усиливаясь солнечнымъ лучемъ, бродитъ по другимъ предметамъ, и когда кристалла коснется, играя, дѣтская рука, и сверкающій образъ его пошлетъ отблескъ, который колеблется и безпокойно блуждаетъ по стѣнѣ и по потолку,—такъ и въ немъ колеблется... непостоянное сужденіе»...

Очарованію женской красоты, силѣ любви покоряются даже небо и звѣзды, какъ это показываетъ 34-я строфа II пѣсни, восхваляющая Діану: «Отъ далекаго пути горять краснѣе ея щеки, и такъ лучезарна прелесть ея божественнаго лица, что воздухъ и небо дрожатъ отъ желанія и ее обступаютъ кругомъ влюбленный хоръ звѣздъ».

Гангъ и Индъ выступаютъ, какъ живыя лица, въ 74-й строфѣ IV пѣсни, о мыслъ Доброй Надежды—въ 50-й строфѣ

¹⁾ См. Biese, «Entwicklung des Naturgefühls bei den Griechen und Römer», S. 81.

V пѣсни. Обозначенія времени бываютъ обыкновенно пронизнуты античной мифологіей, какъ, напр., въ 59-й строфѣ I пѣсни: «Когда Аврора, съ сіяніемъ свѣта, распустила по небу прекрасныя курдрии и отверзла красивыя врата для Гиперіона, поднявшагося отъ границъ моря, весь флотъ началъ готовить паруса»..., или въ 13-й строфѣ II пѣсни: «Когда солнце, поднявшись вновь, далеко разлило по долинамъ великолѣпіе своихъ лучей и дочь Титана отклонилась отъ Эоира и показала свое чело, пылающее краснымъ пламенемъ,—тогда»...

Но съ осыбымъ удовольствіемъ перо поэта останавливается на изображеніяхъ моря; такъ, онъ переносится въ настроеніе мореплавателей, когда они въ первый разъ увидали передъ собой обширный океанъ (I, 19): «Они плыли уже по широкой поверхности моря и направляли свой бѣгъ чрезъ безпокойныя волны; вѣтры дышали тихо и мягко и слегка вздували полныя паруса. Кругомъ показывался съ бѣлой пѣной великій океанъ, гдѣ верхъ кили раздроблялъ площадь священныхъ водъ»... Въ 3-й строфѣ V пѣсни описывается, какъ постепенно передъ ихъ глазами блѣднѣютъ родныя горы, и они видятъ передъ собой только воздухъ и морскія волны: «Вскорѣ мы открыли врата тѣхъ морей, на которыхъ никогда не появлялись люди, увидѣли другіе пояса, увидѣли гавани острововъ, куда открылъ путь благородный Генрихъ» (Мореплаватель).

Поэтъ прекрасно передаетъ впечатлѣніе тихой лунной ночи на морѣ (I, 58): «Ясно на серебристыхъ волнахъ Нептуна рисуется мѣсяцъ въ полномъ блескѣ своихъ лучей, и поле, покрытое золотыми цвѣтами,—небо, гдѣ властвуетъ звѣздное войско; колесница бурь покоится, водворенная въ темныя, дальніе гроты: такъ было тихо»...

Но поэту знакомъ и таинственный ужасъ опасности, какую порождаетъ морское путешествіе, причемъ замѣчаетъ, что слова бессильны для изображенія ея (V, 16): «Наговорить тебѣ много словъ для описанія мрачной опасности моря, какую не испыталъ ни одинъ человѣкъ, страшный шумъ громовыхъ раскатовъ, молній, какъ будто зажигающихъ воздухъ, проливного дождя, громовъ, съ дикимъ ревомъ разсепляющихъ землю, темноту посылающей ихъ ночи,—это было бы глупымъ, тщетнымъ стремленіемъ, если-бы даже я обладалъ стальнымъ языкомъ». Съ благоговѣйнымъ трепетомъ видитъ онъ свѣченіе электрическихъ огней и скручиванье водяного

смерча на морѣ (V, 18): «Свѣтъ, живой свѣтъ я видѣлъ ясно, который моряки считаютъ священнымъ, когда непогода темнѣетъ и опасно разражается буря и раздается ея вой. Не меньшимъ, необъяснимымъ чудомъ, отъ котораго насъ проникаетъ трепетъ, было видѣть, какъ морское облако обширной дугой всасываетъ поднявшіяся волны океана. ...Онъ (наръ) клубится и носится на волнахъ, и на немъ нагромождается тяжесть облака... И когда оно вполнѣ насытится, втянувъ въ себя воду, оно вытаскиваетъ свою лапу назадъ изъ моря и улетаетъ къ небу водяной дугой, опираясь на волны, съ массою волнъ».

Большая сила изобразительности выказывается въ картинѣ бури (VI, 74): «Вѣтры такъ свирѣпствуютъ, что уже не могутъ обнаружить большей ярости и мощи, если-бы они пришли со всѣми ужасными силами, отъ которыхъ трескается и обращается въ развалины высочайшая вавилонская башня... То подъемятъ они воду выше облаковъ, съ дикимъ ревомъ, изъ пропасти, то опять бросаютъ ее, и корабли скользятъ внизъ въ открытую пасть глубины. Сѣверный, восточный, западный и южный вѣтры, соединясь, стремятся сдвинуть съ основанія зданіе міра; темная, ужасная ночь сверкаетъ, освѣщенная огнями, воспламеняющими весь полюсъ... Но, уже сияя, шествуетъ по горизонту звѣзда любви, которая восходитъ передъ солнцемъ, вѣстникъ дня, и скользитъ кругомъ земли и глядитъ съ яснымъ челомъ на море»... Здѣсь всѣ детали задуманы въ высшей степени поэтично и изображены съ эсхиловскимъ величіемъ. Умѣя, какъ очевидецъ, наглядно рисовать всѣ ужасы моря, онъ знаетъ и восторгъ, какой испытываютъ тѣ, кто, послѣ долгаго, утомительнаго плаванія, видятъ нѣжныя береговыя линіи суши и очертанія возвышенностей (V, 25): «Уже вырѣзываются, какъ воздушная одежда облаковъ, передъ нами горы въ свѣтломъ блескѣ». Въ 90 стр. VI, слѣдующимъ образомъ привѣтствуется берегъ Индіи съ Калькутой: «Но уже свѣтъ яснаго утра озарилъ высоты, черезъ которыя съ шумомъ протекаетъ Гангъ, когда съ верху высокой мачты матросъ отчетливо различилъ материкъ. Вѣтеръ молчитъ, спокойна морская волна; изъ каждаго сердца исчезаетъ напрасный страхъ»...

Всѣ прелести новооткрытыхъ міровъ и южноевропейской растительности поэтъ соединяетъ въ одинъ роскошный букетъ, изображая волшебный островъ, *Itha de Venus*; это—очарова-

тельный пейзажъ, хотя и созданный, а не взятый изъ дѣйствительности (IX, 52): «Они увидѣли островъ, свѣжій и прекрасный, издалека, подобный бѣлому парусу, наполняемому вѣтромъ... гдѣ море поглощается заливомъ мирнымъ, закругленнымъ... Три холма, прекрасные и привлекательные, возносились къ небу въ волшебномъ великолѣпнѣи, оплетенные пестрымъ нарядомъ цвѣтовъ и травы. На этомъ островѣ вѣетъ свѣтлая радость: потоки ключей, свѣтлыхъ и чистыхъ, ниспадають съ вершинъ, улыбающихся въ пышной зелени, и тихо, полные мелодій, спускаются внизъ, прыгая черезъ бѣлые кремни»... Ручьи соединяются въ долину; надъ ними свѣшивается листья деревьевъ и отражаются въ хрустальной чистотѣ потока; возвышаются тысячи деревьевъ, обремененныхъ плодами—«великолѣпныя дыни, испускающія благоуханіе, закругляются, какъ красивая женская грудь»; холмы одѣваютъ пышныя вѣтви тополей, лавровъ, кипарисовъ, миртъ и гранатъ, а сучья вязовъ огибають веселыя лозы съ красными и зелеными гроздіями. И въ этихъ изображеніяхъ образы античной мифологіи усиливаютъ и оживляютъ краски: «Ковры, нѣжнымъ и свѣжимъ покровомъ которыхъ тамъ украшается земля, не создавала Ахеменія въ такой великолѣпной красѣ, какой они восхищаются въ темной долине... Трудно было бы рѣшить тому, кто видѣлъ здѣсь одинаково яркіе цвѣта, на землѣ и на небѣ—дала-ли Аврора цвѣтамъ оттѣнки ихъ красокъ, или цвѣты ссудили ей свой блескъ? И разрисовали-ли Зефиръ и Флора нѣжными красками любви красу фіалокъ? Пурпурныя лиліи и молодыя розы блистають, какъ прелестныя щечки молодой дѣвушки... Бѣлый лебедь, отдыхая, поетъ на берегу, и соловей отвѣчаетъ ему изъ-за вѣтвей... Здѣсь несетъ птичка кормъ къ любимому гнѣзду для его маленькихъ гостей»...

Этого достаточно: мы видимъ берегъ, «окруженный наслажденіемъ», островъ, какой могла задумать и создать только фантазія, обогащенная созерцаніемъ чуждыхъ странъ, и живое чувство природы истиннаго поэта. То, что первые великіе путешественники могли выражать лишь простою, хотя часто весьма одушевленною прозою, съ скромнымъ убѣжденіемъ, что у нихъ нѣтъ достаточно словъ для передачи могучихъ впечатлѣній этихъ новыхъ мировъ, искусство поэта осуществило въ возвышенныхъ стихахъ.

Субъективное чувство природы въ лирикѣ отражается

болѣе, чѣмъ въ эпосѣ, и въ XVI вѣкѣ изъ всѣхъ лирическихъ поэтовъ Пиринейскаго полуострова самымъ характернымъ является для насъ испанскій монахъ Луисъ де Леонъ. Онъ—типичный представитель мягкой католической мечтательности, возбуждаемой природой, и мистико-теософическаго воззрѣнія на природу, какое болѣе или менѣе выступало во всѣ времена.

Какая, напр., возвышенная искренность религіознаго благоговѣнія передъ природой жила въ душѣ св. Франциска Ассизскаго! Она заставляла его брата Эгидіо, въ упоеніи своей любви къ Создателю, покрывать поцѣлуйми и слезами деревья и скалы ¹⁾, а въ солнечномъ гимнѣ или пѣснѣ «о братѣ-Солнцѣ» (de lo Frate Sole) Франциска Ассизскаго, братъ Солнце, сестра Луна, братъ Вѣтеръ, сестра Вода, мать Земля и, наконецъ, сестра Смерть, другъ за другомъ, служатъ мотивами для прославленія Творца: «Да будетъ славенъ Господь мой Богъ, со всѣми Его созданіями, и всего болѣе съ благодарнымъ братомъ Солнцемъ, который даетъ намъ день и освѣщаетъ своимъ свѣтомъ; прекрасенъ онъ и лучезаренъ въ великолѣпномъ блескѣ. Будь славенъ, Господь мой, за сестру Луну и за Звѣзды; Ты создалъ ихъ на небѣ свѣтлыми и прекрасными» и т. д.

Его ученикъ Бонавентура, въ своихъ поэтическихъ опытахъ, не менѣе выказалъ искусства «взирать на мельчайшія созданія, какъ на братьевъ и сестеръ, и призывать сѣмена, виноградники, деревья, цвѣты и звѣзды для восхваленія Господа». Основнымъ правиломъ Бернарда Клервосскаго было «учиться по землѣ, по деревьямъ, по сѣменамъ, цвѣтамъ и травѣ»; онъ писалъ въ своемъ посланіи къ Генриху Мурдаху (Ер. 106): «Повѣрь мнѣ, я это испыталъ самъ: ты болѣе найдешь въ лѣсахъ, чѣмъ въ книгахъ; деревья и камни научатъ тебя тому, чего ты не услышишь ни отъ одного наставника». Всѣ явленія для него — «лучи божества», и отраженія возвращаютъ его къ первоначальнымъ образамъ. Его современникъ Гюго де С.-Викторъ пишетъ: «Весь видимый міръ подобенъ книгѣ, написанной перстомъ Господа; онъ созданъ божественной силой, и всѣ творенія суть образы, произведенные не человѣческимъ произволомъ,

¹⁾ Ср. Zoeckler, Geschichte der Beziehungen zwischen Theologie und Naturwissenschaft, I, 1877, d. 317 и слѣд.

а поставленные божественной волей, какъ выраженіе ея и въ то же время, какъ видимый признакъ невидимой мудрости Божіей. Такъ же, какъ тотъ, кто, глядя сверху въ открытую книгу, видитъ лишь общія очертанія, не распознавая буквъ, глухой и чувственный человѣкъ, не ощущающій духа Божія, въ видимыхъ тварахъ видитъ лишь вѣшнюю сторону, не понимая ея болѣе глубокой основы». Тѣмъ же путемъ идутъ и нѣмецкіе мистики, какъ, напр., французскій проповѣдникъ Бертгольдъ Регенсбургскій (ум. 1272), «проповѣди котораго на поляхъ и лугахъ привлекали и трогали многія тысячи слушателей, чему не мало содѣйствовала необыкновенная свѣжесть и жизненность его благочестиваго чувства природы, несмотря на напыщенные добавленія символическихъ образовъ и сравненій, которыя появляются вновь у мистиковъ XV вѣка, какъ, напр., у Эккарпа и въ особенности у Таулера, Сузо и Рёнсбрука. Сѣверная пророчица и основательница ордена, Бригитта (ум. 1373) признаетъ во всѣхъ видимыхъ предметахъ вѣяніе всепроникающаго дыханія Творца. «Мы чувствуемъ въ ея видѣніяхъ, говоритъ Гаммерихъ ¹⁾, вѣяніе таинственнаго духа изъ шумящаго ручья, изъ покрытыхъ снѣгомъ елей; онъ сопровождаетъ насъ, когда насъ вводятъ въ средину шхеръ шведскихъ береговъ и ихъ вздымающихся волнъ, когда мы, вмѣстѣ съ св. Бригиттой, спускаемся въ шахты рудниковъ, или прогуливаемся въ тихій вечерній часъ по винограднику среди розъ и лилій, между тѣмъ, какъ роса ниспадаетъ на землю и кругомъ насъ колокола звонятъ къ вечерней молитвѣ (Ave Maria)». И этого мало: мы находимъ даже попытку спекулятивной эстетики прекраснаго въ природѣ на мистико-созерцательныхъ основахъ. Уже Винцентій де Бове (ум. 1264) отмѣчаетъ, въ своемъ «Зеркалѣ природы» («Speculum naturae, VI, 23, de spectaculis naturae»), религіозно-нравственное значеніе благоговѣйнаго созерцанія красоты природы въ отдѣльныхъ проявленіяхъ ея, и тоже проводитъ еще систематичнѣе генераль Картезианскаго ордена Діонисій ф.-Риккель (ум. 1471) въ своемъ сочиненіи «О красотѣ міра и величіи Бога» (De venustate mundi et de pulchritudine Dei). Все прекрасное въ сотворен-

¹⁾ Hammerich, «St. Brigitta, die nordische Prophetin und Ordensstifterin», deutsch von Michelsen, 1872, S. 198 и слѣд.

номъ міръ, говорится у него въ 22-й главѣ, есть лишь отблескъ первообразный красоты Божіей; какъ особенно чудные образцы красоты въ міръ твореній, приводятся тамъ розы, лиліи и другіе красивые и благоуханные цвѣты, тѣнистыя дубравы, стройныя деревья, прелестныя поля, высоко vzdымающіяся горы, источники, ручьи, рѣки и широкіе заливы неизмѣримаго моря... «и все это завершается сіяніемъ звѣздъ, ихъ дивнымъ блескомъ и величественнымъ порядкомъ ихъ движеній на свѣтломъ небѣ». Испанецъ Раймундъ де Сабіуде, изучавшій въ Тулузѣ медицину и философію и написавшій тамъ въ 1436 г. свою «Theologia naturalis», съ своей мистическо-схоластической точки зрѣнія, подобно Томъ Аквинскому, видѣлъ въ природѣ лѣстницу созданій, ведущую отъ низшихъ къ высшимъ, и прославлялъ съ крайнимъ одушевленіемъ природу, какъ главный источникъ познанія Бога: «Двѣ книги далъ намъ Богъ — книгу совокупности созданій или природу и книгу Священнаго писанія. Первая дана была человѣку съ самаго начала, была создана, какъ совокупность всѣхъ предметовъ; каждое существо творенія есть лишь буква, начертанная перстомъ Божіимъ, и эта книга составляется изъ многихъ созданій, такъ же, какъ всякая книга составляется изъ буквъ... Главная буква этой книги—человѣкъ. Первая книга, такъ же, какъ и вторая, правдива и всѣмъ доступна и понятна, она внушаетъ человѣку радость, скромность и покорность, ненависть къ пороку и любовь къ добродѣтели». Поэтому въ основѣ его чувства природы, не лишеннаго нѣкоторой жизненности, лежитъ болѣе размысленія, чѣмъ наблюденія, болѣе стремленія къ правдѣ, чѣмъ наслажденія чувственно-прекраснымъ. Повсюду выказывается у него сочетаніе благочестивой души, видящей въ природѣ книгу Божію, и духа изслѣдованія природы, напоминающаго отчасти Бэкона. И между учеными эпохи Возрожденія, которые, еще ранѣе Бэкона, проводили индуктивное направленіе въ естествознаніи, мы находимъ обратное выраженіе религіознаго чувства природы ¹⁾; такъ испанецъ Луисъ Вивесъ (1540) предостерегаетъ отъ бесполезныхъ измысленій по поводу тайнъ природы въ духѣ алхимиковъ и астрологовъ; «здѣсь нужны не диспуты, а молчаливое созерцаніе природы»; естествовѣдѣніе

¹⁾ Zoeckler, op. cit., I, 571.

должно вести къ пользѣ тѣла и души, къ насажденію и укрѣпленію благочестія.

Все это служить исторической основой нѣжной религіозной лирики мистика Лунса де Леонъ ¹⁾. Его жизнь, протекшая между 1529 и 1561 гг., его измѣнчивая судьба вызываетъ передъ нашими глазами страшное время Инквизиціи; даже и онъ, добросовѣстный изслѣдователь и превосходный наставникъ, долженъ былъ цѣлые годы томиться въ тюрьмѣ за толкованіе Св. Писанія въ свободномъ духѣ; тѣмъ не менѣе, онъ сохранилъ крѣпкую мужественность дѣйствій и трогательную некренность чувства. Онъ уходилъ отъ душныхъ аудиторій Саламанки, отъ шума и суеты университета, и спасался отъ дурного воздуха и дурныхъ людей въ деревнѣ ²⁾. Ему давало пріютъ помѣстье, принадлежавшее монастырю. Оно лежало у подножія холма, на зеленомъ, прохладномъ берегу свѣтлой рѣки, образовывавшей неподалеку небольшой, лѣсистый островъ. Домъ былъ окруженъ садомъ, безъ всякихъ искусственныхъ украшеній, но съ красою старыхъ, великолѣпныхъ деревьевъ; виноградники сплетались въ манящія подъ свою сѣнь аллеи. Садъ перерѣзывался свѣтлымъ ручьемъ, съ шумомъ сбѣгившимъ къ рѣчной запрудѣ. Длинная тополевая аллея открывала видъ на ближайшіе луга; ея шумъ смѣшивался съ мѣрнымъ стукомъ и шумомъ нѣсколькихъ мельницъ. По цѣлымъ часамъ Леонъ могъ сидѣть на лугу на своемъ любимомъ мѣстѣ подъ тополемъ, у самого ручья, не слыша ни звука. Онъ особенно любилъ тополь, дерево, воспѣваемое романсами, одиноко растущее на невоздѣланномъ пескѣ, дающее отдыхъ птицамъ, носящимся подъ небомъ. Подъ тополемъ наслаждается онъ очаровательнымъ уединеніемъ, цѣлительно дѣйствовавшимъ на его печаль. Это мучившее его чувство убаюкивалось то жалобнымъ, то обнадеживающимъ шопотомъ деревьевъ. Вполнѣ справедливо замѣчаетъ его біографъ: онъ обладаетъ свойственною испанцамъ воспримчивостью къ красотѣ природы, источнику своихъ наслажденій. Ему понятенъ ея языкъ, ея тайны; его можетъ

¹⁾ Ср. цитируемое Цѣклеромъ крайне интересное небольшое сочиненіе—«Wilkens», Fray Luis de Leon, Eine Biographie aus der geschichte der spanischen Inquisition und Kirche im 16 Jahrhundert, Halle, 1866.

²⁾ Ср. Wilkens, op. c., 129.

тронуть до слезъ скрытое величіе ея тоновъ, игры красокъ, формъ.

Когда онъ такимъ образомъ спокойно слѣдитъ за образованіемъ облаковъ, за переходами ихъ красокъ, онъ чувствуетъ себя возвышенно: все ему кажется мелкимъ въ сравненіи съ человѣческимъ духомъ, котораго и ангелы удовлетворить не могутъ, въ владѣніяхъ которыхъ солнце никогда не заходить, и облака, и туманъ не омрачаютъ ихъ. Движенія и колебанія своей мысли онъ сопровождаетъ разговоромъ съ самимъ собою о красотѣ неба и прелести земли. Далѣе онъ проситъ облака, во время своего спокойнаго, свободнаго полета по небу, унести его вздохи въ своихъ волнахъ. Раннимъ утромъ онъ видитъ такъ часто, какъ только это возможно, возвращеніе солнца; онъ чувствуетъ, что душа его погружается въ пѣнье птицъ и благоуханіе цвѣтовъ, и что въ ней поднимается нѣчто божественное. Лежа на лугу, окруженный тысячами полевыхъ цвѣтовъ, онъ наблюдаетъ спокойную жизнь пчелъ и прислушивается къ пѣнію птицъ; онъ слушаетъ, что рассказываетъ ему ключъ, и слѣдитъ, какъ двигаются, играютъ, исчезаютъ и выскакиваютъ на поверхность рыбы. Всѣ виды свѣжей чистой жизни природы доставляютъ ему наслажденіе; ничто въ природѣ не лишено для него значенія; въ книгѣ природы онъ всматривается въ каждую букву, — не говоритъ-ли она о чемъ-либо высшемъ, не изображаетъ-ли она какой-либо чертой величіе и благодать Божію? Поля, луга, источники, пастбища напоминаютъ ему объ областяхъ истинной, вѣчной красоты. Онъ все объясняетъ символически: яркій свѣтъ утренней зари для него — свѣтлая любовь Бога, безпредѣльное зрѣлище неба и земли — отраженіе истинной свободы, небесные круги-лучи вѣнца ихъ Властителя, заходящее солнце — никогда не угасающій свѣтъ, небо, усыпанное звѣздами — лучезарные цвѣты вѣчной весны. Онъ любитъ деревенскіе луга, какъ противоположность городской суетѣ и испорченности, но безъ всякой излишней пастушеской чувствительности и наивности тогдашней пасторальной поэзіи. Его описанія проникнуты выраженіемъ самыхъ нѣжныхъ ощущеній, чувствомъ мира, какой сельская природа даетъ горожанину. Но природу онъ изображаетъ не ради нея самой: человѣкъ остается ея господиномъ ¹⁾; въ легкомъ штрихѣ, иногда въ самомъ за-

¹⁾ Wilkens, op. c., 149.

ключеніи, выступаетъ онъ и прислушивается къ тому, что говоритъ ему вѣшній міръ. Онъ немногими чертами набрасываетъ рисунокъ и часто старается созвучіемъ словъ придать изображенію и фонетическую наглядность.

Сердечное, идиллическое чувство природы отражается въ его одѣ «Спокойная жизнь» ¹⁾: О лугъ, о гора, о ключъ! О вѣрныя, дружественныя, отъ всѣхъ скрытыя мѣста! Какъ отъ волнъ кораблекрушенія, въ вашу пристань я спасаюсь изъ этого моря, ложа бурь. У самой границы горы лежитъ садикъ, который обрабатывается моими руками, гдѣ уже дружелюбно на лугу изъ пышныхъ цвѣтовъ готовящейся плодъ привѣтствуетъ надежду. И какъ будто влекомый желаніемъ видѣть и насладиться этимъ прелестнымъ мѣстомъ, несется къ нему съ своей свѣтлой волной съ высокаго пригорка веселый источникъ. Но посрединѣ его, между деревьями, онъ замедляетъ свой шагъ, и дарить онъ почвѣ, которую поитъ его волна, траву въ пышномъ изобиліи, и пестрые цвѣты. Свѣжій воздухъ сада доносить до меня тысячи благоуханій; онъ пробуждаетъ легкою игрой шепотъ въ вѣтвяхъ»...

Возвышеннымъ энтузіазмомъ и благочестивымъ умиленіемъ передъ природой проникнуто стихотвореніе «Звѣздное небо» ²⁾ «Когда я устремляю взоры къ небесному куполу, усьянному искрами звѣздъ, и потомъ обращаю его къ землѣ, на которую теперь спустилась ночь, которая упоена теперь сномъ и забвеніемъ,—въ моей груди просыпаются тогда любовь, страданіе, жгучее желаніе... Посмотрите, какъ мудро сложны ряды вѣчныхъ звѣздъ... Какъ мѣсяцъ передвигаетъ свое серебряное колесо... Какъ послѣднимъ вращается Сатурнъ, отецъ этого золотого времени. Затѣмъ стоитъ хоръ звѣздъ, безчисленный, во всѣ стороны распространяя свой свѣтъ и свои сокровища. Кто можетъ, созерцая это, и чувствуя тщету земли, не скорбѣть, не вздыхать и не томиться, не сбрасывать съ себя все, что облекаетъ душу и завидуетъ этому величію? Здѣсь выказывается безгранично вѣчная красота; взоръ видитъ блескъ самаго чистаго свѣта, передъ которымъ всегда убѣгаетъ ночь. Здѣсь цвѣтетъ вѣчно юная весна. О, луга блаженныхъ желаній! О, поля истинно прекрасныя и восхити-

¹⁾ Wilkens, 150.

²⁾ Wilkens, 155.

тельные! О, обильные водою кладези! О, освѣжающіе источники! Спокойныя долины, украшенныя тысячами прелестей!».

Въ стихотвореніи «Одиночество» онъ прославляетъ вѣрную пристань, которой достигъ послѣ долгаго блужданья: «Ты, низенькая соломенная хижина, гдѣ никогда забота не гложетъ тихаго счастья... Ты, гора, которой вершина возносится до облаковъ и гдѣ живетъ покой, невѣдомый землѣ, гдѣ слѣпота все искажетъ и слѣпая страсть пожираетъ сердце. Пусть твоя вершина приметъ меня!.. Гдѣ чаще воютъ вѣтры, дай мнѣ тамъ сѣсть, чтобы извлечь ядъ изъ моихъ ранъ... Тамъ я останусь, смотря на море подъ моими ногами, съ трепетомъ передъ опасностями, въ которыхъ носятся несчастные, ввѣряющіе себя соленымъ волнамъ... О, пріятная, спокойная гавань, еще разъ и сто разъ привѣтствую тебя...» ¹⁾.

Вообще аллегорія въ примѣненіи къ явленіямъ природы испанской литературѣ болѣе свойственна, чѣмъ другимъ литературамъ того времени. Какъ справедливо замѣчаетъ Тикъ ²⁾: «У Кальдерона и у его современниковъ, въ размѣрахъ романсовъ и канцонъ, мы находимъ ослѣпительно прекрасныя описанія моря, горъ, садовъ и лѣсистыхъ долинъ; но въ нихъ почти всегда замѣтно аллегорическое отношеніе, на нихъ лежитъ какой-то искусственный блескъ, который не даетъ намъ чувствовать свободнаго воздуха природы, настоящихъ горъ, тѣней долины, но въ гармоническихъ, благозвучныхъ стихахъ дается намъ остроумное описаніе, повторяющееся съ небольшими измѣненіями». У Кальдерона это чаще встрѣчается, чѣмъ у Леона, какъ и должно быть по самой сущности драмы. Но и у перваго, несмотря на то и несмотря на склонность его къ описаніямъ, на его условность и на исключительно-католическую точку зрѣнія и форму выраженія, неистощимость фантазіи, яркость въ изображеніи природы и индивидуальный, новѣйшій моментъ въ его воззрѣніяхъ не могутъ быть оспариваемы. Его герои чувствуютъ свое «я», сознаютъ самостоятельность своего внутренняго міра и наблюдаютъ за своими ощущеніями «въ волнахъ яростнаго движенія», какъ, напр., Аврелианъ въ «Зенобіи» (XI, I). Мы находимъ тамъ довольно сантиментальное отношеніе къ жизни,

¹⁾ Wilkens, 165.

²⁾ Humboldt, «Kosmos», II, 62.

когда Децій, съ большимъ обиліемъ сравненій, высказывается: «Онъ о томъ не размышляетъ, какъ часто измѣняется дѣйствіе счастья, какъ жизнь походитъ на вѣнчикъ цвѣтка, который уничтожается ядовитымъ червемъ въ его иждрахъ, или на миндальное дерево, покрытое цвѣтами, которое, гордясь своей красой, при воѣ полуденнаго вѣтра, теряетъ красу и гордость... Или на пламя, которое во мракѣ свѣтитъ, какъ блестящій метеоръ, но свѣтъ и блескъ его теряется при легкомъ движеніи вѣтра».

Смѣлымъ полетомъ мыслей и характернымъ многословіемъ отличается слѣдующее изображеніе гордаго самоувѣрія: «Не давай честолюбію такъ высоко поднять тебя, что ты, измѣрля сферы собственнымъ тщеславіемъ, почувствуешь, что голова твоя кружится отъ высоты. Вѣнчанная свѣтомъ, встаетъ Аврора рано, и золотыя ризы солнца опускаетъ на кругъ земли, осушая жемчужныя слезы. Быстро оно достигаетъ zenitha, еще быстрѣе идетъ внизъ и суровая ночь показывается, обернутая траурнымъ покровомъ на триниѣ солнца. Вѣтрами гонимый, легко окрыленный, по волнамъ летитъ корабль и цѣлое море кажется ему лишь малой сферой, и въ одно мгновеніе вырывается вѣтеръ; море, поднимаясь, реветъ, какъ будто хотятъ его волны погасить блистанье звѣздъ. Однако, ночь боится дня, и приходитъ свѣтлая погода вслѣдъ за бурей: радость скрывается позади страданья».

Какъ мы видимъ, на этой строгой католической почвѣ вырастаетъ мягкое, меланхолическое міровоззрѣніе, находящееся противуположеніе жизни въ темной, бурной ночи. Въ драмѣ «Жизнь-сонъ» контрастъ темничнаго заключенія и лишенія свободы съ безграничной свободой другихъ живыхъ существъ и стихій глубоко трогаетъ принца Сигизмунда: «Даже и хищный звѣрь, едва красивыя пятна, подобныя созвѣздіямъ, покрываютъ его шкуру (хвала кисти природы!) уже ищетъ слѣдъ своей добычи свирѣпыми прыжками; потребность заставляетъ его наслаждаться жестокостью. А я долженъ съ благородѣйшимъ стремленіемъ пользоваться меньшею свободой». Онъ повторяетъ то же, сравнивая себя съ рыбой и ручьемъ. Клотальдъ рассказываетъ (во II актѣ той-же пьесы), какъ онъ принца, содержимаго въ уединеніи, научилъ серьезной наукѣ, познаніе которой «ему сообщила молчаливая природа неба и горъ и чуднымъ путемъ научила простая риторика птицъ и лѣсныхъ звѣрей».

Изображенія временъ дня и пейзажей отличаются большою пышностью. Для образца, достаточно указать описаніе Деціемъ царства Зенобии (въ I дѣйствіи): «Гдѣ, вскормленный на рукахъ матери Авроры, распуская сѣть, рано появляется молодой день, небесный фениксъ, для котораго въ прохладныхъ волнахъ соединяются сафирная колыбель и серебряный гробъ, такъ какъ онъ отъ свѣта къ свѣту, на дугѣ эфира, возраждается вновь, думая умереть, оставаясь солнцемъ, пламенемъ, жизнью»... Съ идиллической прелестью описывается мирная жизнь въ помѣстьѣ Менона, въ «Дочери воздуха» (часть I, дѣйствіе II): «Здѣсь, на этомъ тихомъ лугѣ, гдѣ хочетъ раскрасить май картины пейзажа, которыя апрѣль лишь набросалъ въ контурахъ... Останься на этомъ мѣстѣ... вблизи горы, покрытой цвѣтами, чело которой покрыто облакомъ, и въ одеждѣ поселянина, украсивъ её цвѣтами, порадуйся на эти луга. «Менонъ отгѣняетъ прелесть сада контрастомъ его съ дикостью окружающей мѣстности: «прекрасный садъ, ополсанный кругомъ дикимъ лѣсомъ, тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ ближе соприкасается онъ съ тѣмъ, что ему противоположно».

Краски повсюду ярки у Кальдерона, но такъ же, какъ и все его католическое, суровое, даже инквизиторское міровоззрѣніе, эта пышность не трогаетъ насъ и кажется намъ холодной въ своей жесткости и маперности. Насколько въ драмѣ того времени можетъ выступать съ полной жизненностью истинно симпатическое, индивидуальное чувство природы, съ несравненно большей теплотой и глубиной показываетъ намъ Шекспиръ. Гёте говоритъ: «Шекспиръ протягиваетъ намъ полные спѣлые гроздіи прямо изъ виноградника; мы можемъ, по нашему желанію, сѣдять ягоду за ягодой, выжимать ихъ, пить ихъ сокъ или перебродившее вино; во всѣхъ видахъ они освѣжаютъ насъ. Кальдеронъ, напротивъ, ничего не предоставляетъ на нашъ выборъ; мы отъ него получаемъ перегнанный, очищенный винный спиртъ, острота котораго усилена пряностями и смягчена сладостями; мы или должны принять напитокъ такимъ, каковъ онъ есть, какъ вкусное, дорогое возбуждающее средство, или оттолкнуть его». Рядомъ съ возмутительнымъ фанатизмомъ, съ суевѣрнымъ смѣшеніемъ символовъ и понятій и отдѣленіемъ религіи отъ нравственности, которое даже преступленіе оправдываетъ приверженностью къ внѣшней обрядности, у него можно найти, какъ, напр., въ превосходно-задуманномъ «Поклоненіи кресту», истинно-хри-

стіанское благоговѣйное отношеніе къ природѣ и мистическую искренность: «Богъ, жизни и мудрости духъ и источникъ, Создатель всего, царствуетъ надъ природой!.. Богъ говоритъ въ ней, въ звукахъ пѣсни, раздающихся изъ лѣса и изъ моря, сладкихъ, и печальныхъ, проникающихъ въ человѣческое сердце и дающихъ ему языкъ неба, въ которомъ оно слышитъ творца; поэзія, небесный пламень, къ намъ сошла со звѣздъ, и лишь Богъ поднимаетъ ея свѣточъ... Онъ—начало всякой человѣческой мудрости, отъ него исходитъ источникъ всякой красоты и все, что вѣчно въ преходящемъ мірѣ».

Подобныя же лирическія признанія можно во множествѣ собрать изъ сочиненій аскетовъ, монаховъ и монахинь того времени ¹⁾. Даже о такомъ кровожадномъ фанатикѣ, какъ испанскій францисканецъ Педро де Алькантаро (ум. 1562 г.) біографы рассказываютъ, что несмотря на его полное отреченіе отъ міра и самобичеваніе, онъ обладалъ теплымъ и искреннимъ чувствомъ къ красотамъ природы: «То, что онъ видѣлъ въ свободной природѣ, поднимало и окрыляло его молитвенное настроеніе. Глядя на звѣздное небо изъ своего монастырскаго садика, онъ часто на цѣлые часы погружался въ глубокія размышленія; созерцаніе красивыхъ цвѣтовъ и растений, въ которыхъ отражались могущество и величіе Творца, такъ усиливало его благочестивыя чувства, что онъ почти забывалъ все окружающее». Грегорио Лопесъ (ум. въ 1596 г.), обладавшій обширными познаніями въ самыхъ различныхъ областяхъ природы, отвѣтилъ на вопросъ—какъ онъ не теряется въ такомъ разнообразіи: «я нахожу Бога во всѣхъ вещахъ, какъ въ самыхъ великихъ, такъ и въ самыхъ малыхъ». Подобныя же мысли приписываются и другимъ лицамъ того времени.

Рядомъ съ Лупсомъ де Леонъ можетъ занять мѣсто знаменитая Тереза де Авола (ум. 1582 г.); она отличается пламеннымъ одушевленіемъ и возвышеннымъ мистицизмомъ, что у нея въ особенности выражается восторженными, прекрасными образами и сравненіями, которыми она пользуется для изображенія внутреннихъ процессовъ благочестивой христіанской души ²⁾.

¹⁾ Zoeckler I S. 575.

²⁾ Zoeckler въ томъ же сочиненіи указываетъ на «Le Saint Soli-

Однако, всё эти проявленія мистическаго поклоненія природѣ не выказываютъ чистаго, самостоятельнаго, свободнаго интереса къ ней; они исходятъ, болѣе или менѣе, изъ религіознаго настроенія, внушаются полнымъ вѣры погруженіемъ въ божественное начало, отраженіе котораго въ величественной природѣ вызываетъ у авторовъ удивленіе и любовь. Это мистическое чувство природы проникнуто строго-христіанскимъ духомъ и высочайшей искренностью; оно не лишено даже и нѣкоторой мягкой сентиментальности. Однако, повидимому, протестантизмъ и пантеизмъ, обнаруживающійся въ особенности у позднѣйшихъ нѣмецкихъ и итальянскихъ мистиковъ, каковы Брюно, Кампанелла и Якобъ Бѣме, въ большей степени содѣйствуютъ усиленію субъективности и индивидуальности въ воззрѣніи на природу.

Такъ, протестантскій свободно-мыслящій драматургъ Шекспиръ выказываетъ болѣе теплое, интенсивное чувство природы, чѣмъ католически-клерикальный Кальдеронъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Поэзія природы у Шекспира.

Драмы индусовъ могутъ служить для насъ мѣриломъ, насколько вообще природа можетъ играть роль и находить для себя выраженіе въ этомъ родѣ поэтическихъ произведеній. Въ индусскихъ драмахъ мы находимъ изобиліе сравненій и одушевленій; сердечное и искреннее сочувствіе человѣка растеніямъ и животнымъ и даже послѣднихъ по отношенію къ нему, выступаетъ тамъ въ разнообразныхъ и краснорѣчивыхъ формахъ. Въ греческой трагедіи природа сперва отходитъ на задній планъ; она не слишкомъ часто берется для сравненій и не часто тамъ можно встрѣтить метафору, взятую изъ природы, и одушевленіе природы; только постепенно, въ осо-

taire des Indes ou la Vie de Gregoire Lopez, de la traduction de M-r Arnauld d'Andilly, Cologne 1717; Goerres, Die christliche Mystik, II 205; Arnold, Leben der Gläubigen; Miss French, The Life of St. Teresa, London 1875, Zoeckler in Herzog's Real—Encykl. XX, 227 ff.

бенности у Софокла и Эврипида, человекъ преимущественно въ пѣсняхъ хора и монологахъ принимаетъ личное участіе въ природѣ, привѣтствуетъ свѣтъ и небо, обращается съ рѣчью къ землѣ и морю, относится къ нимъ съ любовью и состраданіемъ, или съ ненавистью, и ищетъ утѣшенія въ тихомъ уединеніи природы, не находя его среди людей. Средніе вѣка представляютъ пробѣлъ въ драматической литературѣ; цвѣтущее время французской трагедіи вызываетъ только холодную декламацию, ледяную риторику, подражавшую паавосу Сенеки, и въ ней даже нѣтъ рѣчи о сердечной, взаимной симпатіи между человекомъ и природой.

Кальдеронъ можетъ считаться переходной ступенью къ Шекспиру. Но лишь послѣдній достигаетъ вновь высоты древнихъ грековъ и въ то же время, благодаря своему болѣе повому духу, дѣлаетъ, въ сравненіи съ ними, крупный дальнѣйшій шагъ. Шекспира можно назвать величайшимъ драматургомъ новѣйшаго времени, не только въ качествѣ изображителя человѣческихъ дѣйствій и страстей и тонкаго изображителя характеровъ, но и въ качествѣ гениальнаго истолкователя природы ¹⁾.

Если старинные драматурги держались еще въ узкихъ границахъ, то Шекспиръ обнаруживаетъ уже расширенное поле зрѣнія, зрѣлое міросозерцаніе новѣйшаго человека въ нашемъ смыслѣ слова; если индусы часто переступали предѣлы прекраснаго, впадая въ излишества и преувеличенія, то Шекспиръ, несмотря на свой языкъ, полный могущества, энергии и жизни, нигдѣ не переходитъ въ простое изображеніе и описаніе, какъ это не рѣдко случается съ Кальдерономъ.

Шекспиръ еще въ большей степени выказываетъ ту субъективность, какую ввела въ новое искусство эпоха Возрожденія. Это замѣчается уже въ его сравненіяхъ и метафорахъ и всего болѣе въ законченномъ умѣньи вводить природу въ дѣйствіе драмы. Она не только составляетъ соотвѣтственный задній планъ для послѣдняго и придаетъ ему свѣтлый или темный колоритъ: явленія ея принимаютъ участіе въ судьбѣ человѣческой.

¹⁾ О возвращеніи Шекспира на природу высказываетъ много интереснаго Гензе (Hense) въ IV тл. своихъ «Shakëspeare-Studien» (Halle 1884), но я придерживаюсь моего собственного мнѣнія на этотъ предметъ.

Какъ говорить Карриеръ ¹⁾: «Въ томъ періодѣ, когда живопись была руководящимъ искусствомъ, посредствомъ извѣстнаго настроенія и живописнаго освѣщенія своихъ произведеній, онъ достигъ эффекта, чуждаго древнимъ. Уже Гердеръ замѣтилъ, что Шекспиръ даетъ краски и запахи тамъ, гдѣ греки намѣчаютъ только абрисы. Во всемъ этомъ у него больше характерной правдивости, чѣмъ этого требуетъ формальная красота, и какъ великій пейзажистъ, онъ заставляетъ всю природу сочувствовать человѣку; мы чувствуемъ ужасъ и призрочность ноябрьской ночи въ «Гамлетѣ», мы дышимъ рѣзкимъ воздухомъ горнаго мѣста въ «Макбетѣ» и лѣснымъ благоуханіемъ въ «Какъ вамъ угодно»; буря въ степи шумитъ въ взрывахъ безумія Лира, соловей поетъ съ гранатнаго дерева передъ окномъ Джульетты. Какъ кротко дремлетъ сіяніе мѣсяца на холмѣ, когда любовь разрѣшаетъ всѣ разногласія въ «Венеціанскомъ купцѣ». Напротивъ, вороны направляются къ лѣсу, летучая мышь носится около башни, волкъ завываетъ и сова кричитъ въ тотъ вечеръ, когда Макбетъ задумываетъ убіеніе Дункана. Если нѣкоторые изъ его характеровъ обнаруживаютъ себя такъ, что мы не видимъ разумнаго основанія ихъ дѣйствій, то поэту всегда удастся усилить и соотвѣтственно освѣтить драматизмъ каждой сцены. Это вполне выражено прекрасными словами Гете: «все, что при великомъ міровомъ событіи таинственно носится въ воздухѣ, моменты происшествій громадной важности, таится въ сердцахъ человѣка, все это высказывается здѣсь; все, что душа боязливо прячетъ и замыкаетъ въ себѣ, здѣсь свободно и легко выступаетъ на божій свѣтъ; мы узнаемъ правду жизни и не знаемъ, какъ это дѣлается». Для всего этого природа составляетъ соотвѣтственный задній планъ; именно она даетъ окраску настроенію драмы и служитъ противоположеніемъ лирическому чувству.

Любовь для поэта является образной истолковательницей природы. Такъ онъ говоритъ своей возлюбленной въ первомъ сонетѣ, или (въ 4 сонетѣ) сравниваетъ ее съ моремъ, которое не можетъ утолить жажду жаждущаго; въ 130—29 сонетѣ онъ признается:

Лицомъ моя любовь на солнце не похожа,

¹⁾ Op. cit. IV, S, 522.

Кораллы ярче, чѣмъ уста ея, горять,
Когда снѣгъ бѣлъ, то грудь прекрасной съ нимъ не схожа,
А волосы есть шелкъ—у ней ихъ не каскадь.
Я видѣлъ много розъ въ садахъ, хранимыхъ строго,
Но имъ подобныхъ нѣтъ у милой на щекахъ,
А благовоній вокругъ найдется лучшихъ много,
Чѣмъ тѣ, что на ея покоятся устахъ...
И все-же для меня она стократъ милѣе
Всѣхъ тѣхъ, кого сравнить возможно-бъ было съ нею.

Его возлюбленная для него зеркало, въ которомъ отражается цѣлый міръ (сон. 29).

Не удивлялся я лилейной бѣлизнѣ
И розы не хвалилъ пурпуроваго цвѣта,
Затѣмъ что прелесть ихъ—красы весны и лѣта—
Лишь кошей твоей являлась всюду мнѣ.

Когда она разлучается съ нимъ, онъ чувствуетъ зимнюю пустоту на душѣ (сон. 33 и 34), даже и тогда, когда ему улыбаются весна, цвѣтутъ цвѣты и весело поютъ птицы.

Также какъ и въ драмахъ ¹⁾, въ сонетахъ «Ром. и Джул.» I, 1; «Генрихъ» VI, II: III, 1. «Буря» I, 2, въ видѣ часто встрѣчающагося мотива жизненнымъ противоположностямъ противопоставляется нѣчто подобное въ природѣ; мы находимъ это въ 35—38 сонетѣ:

Въ какую прелесть ты свой одекаешь грѣхъ,
Который, точно ядъ, что розу отравляетъ,
Святую чистоту любви твоей пачкаетъ?
Въ какой пріютъ его ты прячешь ото всѣхъ?

И въ сонетѣ 35—50:

Довольно о своемъ проступкѣ сожалѣть:
На розѣ есть липы—и грязь въ ручьѣ сребристомъ;
И солнцу и лунѣ случается тускнѣть;
Живетъ-же и червякъ въ вѣнцѣ цвѣтка душистомъ.

Въ обратномъ смыслѣ, въ силу котораго единичное явленіе, вслѣдствіе контраста, выигрышаетъ и получаетъ настоящее освѣщеніе, говорится въ сонетѣ 70—87:

¹⁾ «Гамлетъ» I, 3.

А подозрѣнье вкругъ румяныхъ щекъ витаетъ,
Какъ стая воронять, летящихъ въ вышину...
...Вѣдь хитрый червячекъ
Умѣетъ заполнить въ прелестнѣйшій цвѣтокъ.

Здѣсь нельзя не отмѣтить индивидуальности воззрѣнія на природу: полетъ черныхъ воронъ только усиливаетъ свѣтлую синеву неба!

Прекрасны также начальные строки 7—103 сонета:

Когда свѣтило дня вздымается на востокъ
Свой лучезарный ликъ, — восторгъ у всѣхъ въ глазахъ,
И каждый на своемъ привѣтствуетъ порогъ
Приходъ его, предъ нимъ склоняясь во прахъ.

А въ сонетѣ 18—114 онъ спрашиваетъ:

Какъ я сравню тебя съ роскошнымъ лѣтнимъ днемъ,
Когда ты во сто кратъ прекраенѣй, другъ прекрасный,
То пѣжные листки срываетъ вихрь ненастный,
И лѣто за весной спѣшитъ своимъ путемъ...
...но твое-жъ все не увянетъ лѣто
И не утратитъ то, чему нельзя не быть,
А смерть не скажетъ, что все въ тѣнь въ тебѣ одѣто,
Когда въ стихахъ моихъ ты вѣчно будешь жить.

Но онъ чувствуетъ, что время бѣжитъ: даже и блаженнѣйшія минуты—только волны въ обширномъ морѣ (сон. 60—150):

Какъ волны къ берегамъ стремятся чередой,
Такъ и минуты вслѣдъ одна другой стремятся,
Становятся въ ряды одна вслѣдъ за другой
И силятся впередъ пробиться и умчаться.

И когда приходитъ старость, онъ посвящаетъ своей любви великолѣпныя строки (сон. 73—94):

Ты видишь—я достигъ поры той поздней года,
Когда на деревьяхъ по нѣскольку листовъ
Лишь бьется, но и тѣ ужъ щиплетъ непогода,
Тогда какъ прежде тѣнь манила соловьевъ.
Во мѣя ты видишь, другъ, потемки дня такого,
Въ которомъ солнце ликъ свой клонить на закатъ,
А ночь уже спѣшитъ надъ жизнью сурово
Распространить свой гнетъ, изъ черныхъ выйдя вратъ.
Ты видишь, милый другъ, что я едва пылаю,
Подобно ужъ давно зажженному костру,

Лишенному того, чѣмъ жилъ онъ по утру,
И, не доживъ, какъ онъ, до ночи, потухаю.
Ты видишь, и сильнѣй горитъ въ тебѣ любовь
Къ тому, что потерять придется скоро вновь.

Дѣйствительно, для изображенія упадка силъ, постепеннаго приближенія старости и смерти не можетъ быть болѣе удачнаго образа, какъ увядшая, дрожащая на вѣтру листва, какъ сумеречный свѣтъ заходящаго солнца, какъ угасающее пламя! И въ драмахъ оригинальны и своеобразны почти всѣ сравненія изъ жизни природы, хотя они не такъ часты, какъ дѣйствующія, подобно молніи, остроумныя метафоры. Нерѣдко сравненія коротки, какъ поговорки: «Земляника растетъ среди крапивы» («Генрихъ V» I, 1); «Гдѣ ручей глубокъ, вода течетъ гладко» («Генр. VI», 2: III, 1); «Воды вздуваются передъ бурей пустыни» («Ричардъ III», II, 3); иногда ихъ бываетъ нѣсколько, какъ у Кальдерона; такъ любовь («Сонъ въ Лѣтнюю Ночь» I, 1) «мгновенна будто звукъ; кратка какъ сонъ; какъ призракъ, преходяща; какъ молнія среди глубокой ночи, она быстра—блеснетъ и озаритъ предъ взорами и небеса, и землю, но прежде чѣмъ успѣетъ человѣкъ сказать «смотри», ужъ снова бездны мрака все поглощаютъ». Въ отличіе отъ гомеровскихъ сравненій, шекспировскія гораздо смѣлѣе; иногда въ нихъ поражаетъ игра комбинирующей фантазій; если у античнаго поэта насъ привлекаетъ наивная простота и естественность, то у новаго дѣйствуетъ ослѣпительно блестящій эффектъ остроумія и ума, гениальная провицательность. Возьмемъ только короткія сравненія ¹⁾. «Открытый, какъ день: глухой, какъ море, бѣдный какъ зима, обнаженный, какъ воздухъ, чистый, какъ свѣтъ, до котораго не касалось солнце» и т. д.

Шекспиръ привлекаетъ всѣ области природы, ради наглядности въ формѣ сравненія. Для характеристики его воззрѣнія на природу, могутъ служить слѣдующіе примѣры.

Небо съ солнцемъ и облаками часто противопоставляется человѣческой жизни и притомъ съ высшимъ, индивидуальнымъ одушевленіемъ природы; такъ въ «Ричардъ II» III, 3:

¹⁾ Cp. Henkel, Das Goethe'sche Gleichnis, Halle 1886, S 19, Heinr. IV, 2: IV, 4, 4, Rich. II, I, 1, Oth. III, 3, Joh. II, 2, Cymb. II, 2, ср. Hamlet. III, 1, Tempest IV, 1, Oth. V, 2.

Смотрите! вотъ самъ Ричардъ появился,
Какъ гнѣвное, краснѣющее солнце
Является изъ огненныхъ воротъ
Востока, вдругъ замѣтивши, что тучи,
Изъ зависти желаютъ омрачить сіяніе его и бросить тѣнь
На путь его къ закату.

Нѣжнѣе прекрасное сравненіе въ «Титѣ Андроникѣ» II, I.

Подобно солнцу золотому, когда оно, встрѣчая юный день,
Все море обдаётъ чудеснымъ блескомъ
И въ огненной катится колесницѣ
Надъ высями необозримыхъ горъ.

Это говорится о Таморѣ; въ «Ричардѣ III» I, 2, сказано:
«Мнѣ жизнь и свѣтъ — краса твоя; какъ міру и жизнь, и
свѣтъ въ лучахъ веселыхъ солнца»; и въ «Безплодныхъ уси-
ліяхъ любви» IV, 3:

Не такъ плѣнительно лучъ солнца золотой
Розъ листья влажные въ часъ утренній лобзаютъ,
Какъ на щекахъ моихъ, окропленныхъ росой,
Лучами свѣжими твой чудный взглядъ играетъ.
Не такъ луна въ лучахъ серебряныхъ своихъ,
Сквозь грудь прозрачную морской волны сверкаетъ.
Какъ красота твоя сквозъ рѣки слезъ моихъ!
Ахъ, у меня она во всѣхъ слезахъ блистаетъ.

Какъ это сравненіе чувствительно въ новѣйшемъ смыслѣ
слова; какъ оно остроумно и эффектно во всѣхъ своихъ по-
дробностяхъ. Даже при сопоставленіи съ самыми глубокомыс-
ленными сравненіями древности, касающимися отраженія свѣта
и проч., мы видимъ здѣсь несравненно болѣе индивидуаль-
ности: солнце цѣлуетъ росу цвѣтовъ, передъ взглядомъ воз-
любленной убѣгаетъ печаль сердца, исчезаютъ слезы, какими
онъ ее оплакивалъ, въ которыхъ она отражается, какъ се-
ребряный мѣсяцъ въ кристальныхъ водахъ. И ручей и море
привлекаются для сравненій. «Какъ въ бурный день серебря-
ныя рѣки вздуваются и топятъ берега, какъ будто міръ въ
слезахъ готовъ растаять, такъ поднялась и вышла изъ гра-
ницъ безумная свирѣпость Болинброка» «Ричардъ II», III, 3,
а въ «Двухъ Веронцахъ», II, 7, говорится:

И тихій ручеекъ, когда преграду
Себѣ найдетъ, неистово кипитъ;

А если вѣтъ преградъ его теченью,
Гармоніей звучить по гладкимъ камнямъ
И ласково лобзаетъ онъ осоку,
Которую встрѣчаетъ на пути.
Такъ мчится онъ, по нивамъ извиваясь
И весело играя, въ океанъ.
Оставь же и меня въ моемъ теченьи.

«Генрихъ VI», ч. 2: III, 1:

Какъ дождь весной, такъ мысль бѣжитъ за мыслью
Но всѣ онѣ стремятся къ главной цѣли.

Образы смѣло переищиваются въ жалобѣ Тита («Т. Андроникъ», III, 1):

Когда бы смыслъ въ моихъ бѣдахъ я видѣлъ,
Въ себѣ я скорбь съутѣлъ бы обуздать,
Когда въ несчастъ плачутъ небеса,
Не вся-ль земля затоплена бываетъ?
Не воесть-ли, при вѣтрѣ, океанъ?
Не яростно-ль вздымается онъ къ небу?
А ты—ты требуешь, чтобъ я молчалъ!
Я—океанъ; она—дыханье вѣтра.
Ты слышишь вздохи дочери? Лавинья—
Рыдающее небо, я—земля.
Мой океанъ вздымаетъ эти вздохи,
Моя земля затоплена отъ слезъ!
Не въ силахъ грудь вмѣстить всѣ эти вздохи...

II «Генрихъ VI», ч. 3: II, 5:

Сраженіе это, что война зари,
Гдѣ борется туманъ съ растущимъ свѣтомъ,
Когда пастухъ себѣ въ ладони дуетъ,
Не знаю, день или ночь еще царить.
Да, этотъ бой, какъ море прибываетъ,
Когда въ борьбу вступилъ съ приливомъ вѣтеръ:
То также вдругъ отхлынетъ, словно море,
Предъ возрастающимъ напоромъ бури,
То волны перевѣсь берутъ, то вѣтеръ,
То этотъ, то другой одолеваетъ,
Обнявшись, борятся изъ-за побѣды.
Нѣтъ побѣдителя, нѣтъ побѣжденных,—
Такъ равны силы въ этой злой войнѣ.

Въ этихъ послѣднихъ сравненіяхъ достойно вниманія ихъ чисто эпическое развитіе и то обстоятельство, что образный

поэтъ, какъ мы это увидимъ еще дальше, не можетъ обойтись безъ одушевленій: кроткій, журчащій ручей, то мелодически шумящій, то нетерпѣливый и бурный, цѣлуетъ челнокъ, бредетъ далѣе, какъ пилигримъ, забавляется веселой игрой, бурный вѣтеръ шумитъ, море реветъ, воздухъ плачетъ, облако умираетъ, вѣтеръ и море борятся грудь съ грудью. Такой же силой и наглядностью являются сравненія, взятые изъ жизни животныхъ, львовъ, вепрей, быковъ и оленей. Такъ «Цезарь» (III, 1) сравнивается съ убитымъ оленемъ, который былъ гордостью лѣса, а чудовище «Ричардъ III» (V, 2) называется: «злымъ кабаномъ, что рылъ сады и гадилъ земли вапи, пилъ вапу кровь и внутренности вапи клыками рвалъ изъ васъ; проклятый звѣрь залегъ въ срединѣ острова» и II, 4: «Тигръ ухватилъ нѣжную серну». Изъ сравненій не исключаются и самыя мелкія созданія; такъ Глостеръ говоритъ «Лиръ» (IV, 1): «Для боговъ мы то же. что для ребятнишекъ мухи; насъ мучить—имъ забава».

Помогъ идилическаго и нѣжнаго симпатическаго чувства діалогъ Тита Андроника и Марка (III, 2), гдѣ послѣдній говоритъ: «Любезный братъ, убилъ я только муху», а Титъ отвѣчаетъ ему: «А если у нея отецъ и мать? Съ какой тоской на крыльяхъ золотистыхъ, они по воздуху носиться станутъ. Невинное, прекрасное созданье, она такъ рѣзко, весело надъ нами съ своей игривой пѣсенкой летала, лаская слухъ. И ты ее убилъ!»

Подобныя идилическія миниатюры, соотвѣтствующія вкусу, выступающему во всѣхъ литературахъ того времени, нерѣдко встрѣчаются у Шекспира. Въ только что названной драмѣ (II, 3), Тамора говоритъ:

О чемъ грустишь ты, милый Ааронъ,
Когда вокругъ все радостію дышитъ?
Какъ весело щебечутъ пташки въ чащѣ,
Подъ деревомъ раскинулась змѣя,
Блаженствуя на солнцѣ золотистомъ,
И отъ вѣтвей, колеблемыхъ прохладой,
На дернъ ложится сѣтчатая тѣнь.

И Валентинъ признается въ «Двухъ Веронцахъ» (V, 4):

Глухой, безлюдный и пустынный лѣсъ
Мнѣ лучше людныхъ, пышныхъ городовъ.
Здѣсь я могу сидѣть въ уединеніи,

И къ жалобнымъ напѣвамъ соловья
Подлаживать тоску мою и горе.

Какая сентиментальная элегія! Такой же одинокій мечтатель — Ромео, въ своей любовной тоскѣ, который уже (I, 1) прежде, чѣмъ священное солнце выглянетъ изъ золотого окна, прибавляетъ къ свѣжей росѣ свои слезы». Особенно богаты идиллическими чертами «Какъ вамъ это понравится», «Цимбелинъ» и «Зимняя сказка»: извращенной придворной культурѣ противопоставляется въ нихъ сильная, здоровая природа. Въ первой изъ этихъ пьесъ, меланхолическій Жакъ любитъ лежать, протянувшись подъ дубомъ, старые корни котораго спускаются въ ручей, бѣгущій съ шумомъ вдоль лѣса; и въ пьесахъ воспѣвается необманчивое счастье, какое даютъ лѣсныя лужайки:

Кто подъ зеленою листвою
Желаешь отдыхать со мною,
И хору птичьихъ голосовъ
Кто вторить весело готовъ —
Пусть придетъ, пусть придетъ, пусть придетъ!
Здѣсь на лонѣ природы
Онъ враговъ не найдетъ,
Кромѣ зимней, суровой погоды!
Кто честолюбыя избѣгаетъ,
Подъ солнцемъ жить предпочитаетъ,
Пусть придетъ, пусть придетъ, пусть придетъ!
Здѣсь на лонѣ природы
Онъ враговъ не найдетъ,
Кромѣ зимней, суровой погоды ¹⁾.

Возвращаясь къ сравненіямъ, мы встрѣчаемъ заимствованія изъ царства птицъ, въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ. Такъ въ «Ричардъ III» I: «Не хорошо, когда орлы по клѣткамъ, а ястреба и копчики на волѣ» — V, 2: «Надежда быстра и летитъ на крыльяхъ ласточки»; «Сонъ въ Иванову ночь» III, 2:

Какъ дикій гусь, который встрѣтилъ взоръ
Ползущаго охотника; какъ галки,
Которыя отъ выстрѣла вспорхнувъ,

¹⁾ Эти буколическо-идиллическія черты особенно внимательно прослѣжены Гензе въ его названномъ выше сочиненіи.

Всѣ каркають и, воздухъ разсѣкая,
Летять спастись по разнымъ сторонамъ.

Необыкновенно красивы и нѣжны образныя заимствованія изъ міра растений и цвѣтовъ: «Щеки увлажнились, какъ зелень во время дождя». («Ричардъ III», I, 2): «Развѣ цвѣтутъ вѣтви, когда стволъ погибъ? Развѣ не увядаетъ листва, къ которой нѣтъ доступа соку?». (Тамъ-же II, 2). Губы маленькихъ сыновей Эдуарда называются четырьмя розами на одномъ стеблѣ, которыя цѣлуются въ своей лѣтней красѣ. (IV, 3); о нихъ же говорится (IV, 4): «Мои нѣжные мальчики нерасцвѣтшія почки, милые ростки!» И Ромео (I, 1) «такъ скрытенъ, недоступенъ, какъ почка, гдѣ сидитъ уже червякъ, когда она еще не развернула на воздухъ прекрасныхъ лепестковъ и красоты не посвятила солнцу».

Нельзя не удивляться, насколько въ сравненіяхъ Шакспира вѣрность природѣ соблюдается до самыхъ мелочей, какъ взглядъ его распространяется даже на самое нѣжное и незначительное въ ней, и вездѣ находитъ для себя поэтическое и образное выраженіе. Джульетта называется прекраснѣйшимъ цвѣткомъ на лугу Вероны; Офелія («Гамлетъ» I, 3) — «фіалка расцвѣтшая въ порѣ весеннихъ лѣтъ, но не надолго, сладкая на мигъ, краса и запахъ одного мгновенія».

Слѣдующее сравненіе, тамъ же, изображаетъ, какъ всему грозитъ гибель:

Дѣтей весны не рѣдко истребляетъ
Червякъ, когда еще закрыта почка;
И въ молодости утра на росу
Опасно вѣетъ ядовитый вѣтеръ.

Самымъ мрачнымъ колоритомъ окрашенъ извѣстный монологъ Гамлета (I, 2):

Какъ пошло, пусто, плоско и ничтожно
Въ глазахъ моихъ житіе на этомъ свѣтѣ!
Презрѣнный міръ: ты — опустѣлый садъ,
Негодныхъ травъ пустое достоянье —

и II, 2: «Съ недавнихъ поръ, не знаю отчего, я утратилъ всю мою веселость, оставилъ обычныя занятія, и точно — въ душѣ моей такъ худо, что это прекрасное созданіе, земля, кажется мнѣ бесплодною скалою; этотъ чудесный небосклонъ, эта величественная кровля, сверкающая золотымъ огнемъ —

чтоже, она мнѣ кажется — только смѣшеніемъ ядовитыхъ паровъ».

Но еще гораздо болѣе, чѣмъ въ своимъ сравненіяхъ и идиллическихъ картинахъ, Шекспиръ выказываетъ значительный успѣхъ своего воззрѣнія на природу симпатическимъ искусствомъ вводитъ природу въ дѣйствіе драмы и оживляетъ послѣднее при помощи первой. Уже много разъ высказывали изумленіе его умѣнью изображать настроеніе природы соотвѣтственно дѣйствію драмы и отмѣчать гармонію между обстановкою природы и судьбою человѣка. Блестящія лунныя ночи вполне подходятъ къ кроткому, блаженному любовному сну Ромео и Джульетты: тогда вся природа, и садъ, и мѣсяцъ, и звѣзды, также отдаются любви. «Мечтательнаго, грустнаго Гамлета, говоритъ Берне, Шекспиръ помѣщаетъ въ страну тумана и длинныхъ ночей, подъ мрачнымъ небомъ, гдѣ день — только безсонная ночь; въ этой трагедіи мы охвачены сѣверомъ, сырой темнищей природы». Какъ сурово и сумрачно настроеніе природы въ мрачномъ «Макбетѣ»! О Лирѣ Якоби говоритъ: «Какое зрѣлище! Посмотрите: вся природа, одушевленная и неодушевленная, поднимается и несется, какъ нагроможденные другъ на друга облака — черная, тяжелая, нѣмая ночь, и только тамъ и здѣсь блескъ божіихъ очей разрываетъ облака»!

Для того, чтобы подобныя выраженія восторга не были простыми фразами, мы должны изслѣдовать, въ чемъ именно заключается искусство Шекспира производить такое глубокое вездѣ выражающееся впечатлѣніе. На самомъ дѣлѣ основой такого симпатическаго воззрѣнія на природу является одушевленіе ея. Изученіе этой стороны творчества у различныхъ поэтовъ составило бы одинъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ сравнительной теоріи поэзіи; особенно благодарный матеріалъ въ этомъ родѣ даетъ намъ Шекспиръ.

Эстетическое одушевленіе природы достигаетъ у него такой степени искренности и глубины, какой до него ни одинъ поэтъ не достигалъ и не могъ достигнуть. Правда, у грековъ можно прослѣдить постепенный переходъ отъ мифическаго къ чисто поэтическому одушевленію, и это послѣднее значительно индивидуализируется въ эпоху эллинизма; но только Шекспиръ открываетъ намъ совершенно новую область, благодаря своей блистающей, все освѣщающей и связывающей гениальной фантазіи. «Это — пластическое олицетвореніе, спра-

ведливо замѣчаетъ Гензе ¹⁾, когда Эсхилъ называетъ горы соседями звѣздъ, но мы видимъ больше индивидуальнаго чувства, когда Шекспиръ говоритъ о горахъ, что онѣ цѣлуютъ небо; весьма пластичны слова Эсхила, что огонь и море, всегдашніе враги, примирились и, связавъ себя клятвою, остались вѣрны другъ другу, когда истребляли несчастное войско аргивянъ; вполне индивидуально выраженіе Шекспира, что море и вѣтеръ, старые спорщики, на минуту заключаютъ между собою перемиріе. Когда тотъ же поэтъ называетъ вѣтеръ любовникомъ воздуха, необузданнымъ сыномъ пустыни, когда онъ говоритъ о времени, что у него — на спинѣ сумка, изъ которой онъ выбрасываетъ метлу для забвенія, когда онъ съ новымъ для насъ воззрѣніемъ называетъ время звонаремъ, лысымъ пономаремъ, — то это такіа олицетворенія, какихъ нѣтъ у древнихъ и какихъ не можетъ быть у нихъ».

Чѣмъ богаче душевная жизнь отдѣльнаго человѣка, чѣмъ его чувства индивидуальнѣе, тѣмъ интенсивнѣе онъ надѣляетъ природу своей духовной жизнью. Фантазія Шекспира изобилуетъ образами; все новыя и новыя отношенія между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ открываются передъ нимъ, все новыя метафоры вытекаютъ изъ неисощимаго источника его воображенія. Любовь становится для него волшебнымъ жезломъ, который раскрываетъ самыя скрытыя глубины между жизнью души и природы. Правда, еще Ивикъ жаловался, что внѣ его — улыбающаяся весна, а его сердце Эротъ опустошилъ еракійской зимней бурей, и вслѣдствіе того его душа вполне противоположна великолѣпной весенней природѣ; правда, у Теокрита, благодаря красотѣ пастушки, возрастаетъ плодородіе поля и стада, и прекрасная всю природу увлекаетъ за собой; и у Каллимаха Оконтій высказываетъ, что если бы деревья знали страданія и радость любви, они должны были бы потерять свою листву. Справедливо, что подобныя идеи выражались уже въ древности и по своей сущности были новы въ нашемъ смыслѣ слова; но легко видѣть глубокое различіе между этими античными идеями и мыслями, какія мы находимъ у Шекспира въ его 97 сонетѣ:

Какъ было на зиму похоже это время,
Которое провелъ съ тобой я не вдвоемъ!

¹⁾ Poetische Personifikation in griechischen Dichtungen, I, Halle 1868, S. XXXII.

Что за морозъ и мракъ спускалися, какъ бремя,
И какъ все вдругъ въ глаза глядѣло декабремъ!
Однако, время то—благое было лѣто
И осень съ золотой кошницею своей...
И тѣ дары небесъ казались мнѣ, въ томлени,
Несчастными дѣтьми, не знавшими отцовъ,
Затѣмъ, что у тебя и лѣто въ услуженіи,
И птицы не поютъ, не вслушавшись въ твой зовъ;
А если и поютъ, то съ грустію такою,
Что листья блекнуть вкругъ,—ну, точно предъ зимою.

Или въ 98 сонетѣ:

Я далеко, мой другъ, былъ отъ тебя весной,
Когда апрѣль въ цвѣтахъ своею одеждою новой
Всему передавая пылъ юношескій свой,
При чемъ съ нимъ ликовалъ и смерти богъ суровый,
Но ни пернатыхъ хоръ, ни ароматъ цвѣтовъ,
Чьихъ вѣнчиковъ весной намъ видъ всего дороже,
Не возбуждаютъ думъ во мнѣ, ни свѣтлыхъ сновъ,
Ни жажды тѣ цвѣты срывать на пышномъ лонѣ...
Но все же свѣтъ кругомъ лежавшимъ мнѣ казался,
И имъ я, какъ своею тѣнью, забавлялся.

Къ кинарисамъ Теокрита, свидѣтелямъ любовнаго союза,
и къ молчаливымъ птичкамъ нѣмецкаго средневѣковаго поэта
Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде примыкаютъ голубыя фіалки
въ «Венерѣ и Адонисѣ» (Строфа 21): «Онѣ не болтаютъ,
не понимаютъ, что мы дѣлаемъ». Сравненія красивыхъ жен-
скихъ губъ съ розами можно найти и у старинныхъ поэтовъ,
но насколько современнѣе для насъ слѣдующее одушевленіе
въ 99 сонетѣ:

И я фіалкѣ такъ съ укоромъ говорилъ:
Гдѣ ты могла добыть свой ароматъ небесный,
Какъ не изъ вздоховъ той, кому мой отдавъ пылъ...
Я лилію корилъ въ покражѣ бѣлизны
Прекрасныхъ рукъ твоихъ, а макъ—волосъ каскада;
Что-жъ до трехъ розъ, то—въ прахъ стыдомъ низложены,
Онѣ чуть рдѣли вкругъ, не подымая взгляда:
Одна, пылая вся, другая—поблѣднѣвъ.
А третья, всѣмъ даря чужіе ароматы...
Повѣрь, что я цвѣтка такого не видалъ,
Который съ устъ твоихъ свой запахъ бы не бралъ.

Какъ грандіозны его одушевленія и въ 33 сонетѣ:

Какъ часто видѣлъ я прекрасную Аврору,
Когда златились вокругъ дуга, холмы и лѣсъ,
Покорные ея ласкающему взору...
Но тучамъ вслѣдъ она покорно позволяла
Топтать въ пути свое небесное лицо —
И, нисходя съ небесъ, позорно укрывала
На западѣ во тѣмѣ лучей своихъ кольцо.

Эта великолѣпная картина природы противуполагается его собственному душевному состоянію:

Увы, такъ и мое свѣтило дня сначала
Побѣдно надо мной горѣло и блистало,
Явившись лишь на мигъ восторженнымъ очамъ,
Теперь-же блескъ его вновь туча затмеваетъ.
Но страсть моя за то его не презираетъ;
Пусть меркнетъ солнце здѣсь, коль нѣтъ его и тамъ.

Въ 89 строфѣ «Венеры и Адониса» онъ рисуетъ ночь въ темной облачной одеждѣ:

Смотри: вселенной другъ, усталое свѣтило,
Заходить, тяжкій трудъ вседневный одолевъ;
Сова уже кричитъ, и мгла поля покрыва,
Всѣ птицы въ гнѣздышки укрылись, овцы въ хлѣвъ,
Ужъ тучи черныя небесный сводъ застлали,
И доброй ночи намъ спокойной пожелали

Въ «Ромео и Джульеттѣ» мы находимъ прекрасныя строки, олицетворяющія въ высоко поэтической формѣ утро, мракъ и ночь (II, 3):

Съ улыбкою на сумрачную ночь,
Пестря востокъ, глядятъ глаза денницы;
Пятнистый мракъ, спѣша, уходитъ прочь
Отъ огненной Титана колесницы.
Покуда взоръ свѣтила огневой
Не выглянулъ, чтобъ встрѣтить день привѣтомъ,
Покуда онъ еще росы ночной не осушилъ своимъ горячимъ свѣтомъ,
... мнѣ нужно торопиться... и т. д.

Множество одушевленій разсыпано по всѣмъ драмамъ съ такимъ богатствомъ блестящихъ мыслей, какого въ новѣйшее время достигли вновь только Гете, Байронъ и Шелли.

Особенно часты обороты, какъ, напр., яростное, бушующее

море; гордо поднимающееся или устало склоняющееся къ покою, или глядящее изъ золотого окна солнце, привѣтствующее день съ его утренними лучами; или стоящая на небѣ, подобно серебряной дугѣ, озаряющая тихую ночь, или блѣдная отъ гнѣва, луна; ручей, гордо вздувшійся благодаря туманамъ и водопадамъ, разрушающій плотины или крадущійся съ тихимъ журчаніемъ ¹⁾; или плющъ, обвивающій вязъ, какъ говоритъ Титанія («Сонъ въ Иванову ночь», IV, 1): «Вокругъ тебя я обовьюсь руками! Такъ жимолость или сладкій каприфолій высокій вязъ съ любовью обвиваютъ; такъ нѣжный плющъ кольцами огибаетъ покрытые корою пальцы вяза. О, я тебя люблю...»

Цвѣтамъ даются блестящіе, смѣющіеся глаза; роса изображается въ видѣ слезъ—«роса стояла въ глазахъ нѣжнаго цвѣтка, какъ слезы» (тамъ же); небо плачетъ, бурный вѣтеръ злится и угрожаетъ съ свирѣпымъ лицомъ; анемоны привлекаютъ къ себѣ мартовскій вѣтеръ своею красотою; подснежники блѣдны: «они умираютъ, не зная брака, прежде чѣмъ увидятъ могучіе лучи золотого Феба («Зимняя Сказка» IV, 3).

Волны и вѣтеръ Гете называетъ соединенными любовью (вѣтеръ любимый спутникъ волны); Шекспиръ заставляетъ выступать вѣтеръ нарушителемъ спокойствія моря въ «Троилъ и Крессидъ» (I, 3):

Пока спокойно море, сколько безпомощныхъ и утлыхъ челноковъ
Рѣшается отважно плыть по лону

Широкому его—и плыть бокъ-ѵ-бокъ

Съ надежными судами. Но Борею

Свирѣпому лишь стоитъ въ гнѣвъ привести

Ѳетиду кроткую—и что-жъ мы видимъ?

Бока судовъ громадныхъ водяные хребты своимъ напоромъ раз-
сѣваютъ

И, словно конь Персея, быстро скачутъ средь влажныхъ двухъ
стихій.

Тамъ же говорится:

О сколько бѣдъ чудовищно-мятежныхъ является тогда: земле-
трясеній,

И бурь морскихъ, и столкновеній грозныхъ,

И перемѣнъ, и ужасовъ, и страховъ...

¹⁾ Henri IV. 2: III, 1, Richard III, V, 3; Romeo I, 1, Tit. Andron. II, 1; Midsummernightsdream, I, 1, II, 1, Veron. II, 1.

Полумифическимъ кажется одушевленіе рѣки въ «Генрихъ IV», ч. 1: I, 3: ¹⁾

Въ «Антоніи и Клеопатрѣ» даже вѣтеръ и волны изумляются великолѣпію царскаго корабля (II, 2): «Блистала на водѣ, какъ свѣтлый тронъ, галера Клеопатры; ея корма изъ золота была, а паруса пурпурные такъ были пропитаны благоуханьемъ чуднымъ, что вѣтры къ нимъ любовію томилась; серебряныя весла били въ тактъ, подъ звуки флейтъ, и заставляли воду бѣжать быстрѣй за ними вслѣдъ, какъ будто въ удары ихъ влюбилася она ²⁾»; и Маркъ Антоній, одиноко сидѣлъ среди торговой площади на тронѣ и свисталъ въ пустынный воздухъ, который самъ готовъ былъ улетѣть, чтобъ созерцать царицу, еслибъ могъ онъ произвести въ природѣ пустоту ³⁾).

Но еще интереснѣе, чѣмъ подборъ такихъ вполне новыхъ, индивидуальныхъ и, по большей части, естественныхъ одушевленій, является вопросъ, какимъ образомъ во многихъ великихъ драмахъ Шекспира природа служить не только заднимъ планомъ дѣйствія и придаетъ ему характерную окраску, но какимъ образомъ она принимаетъ участіе въ этомъ дѣйствіи, вслѣдствіе чего получаютъ самыя величественныя одушевленія. Въ началѣ 3-го акта въ «Лирѣ» Кентъ спрашиваетъ: «Кто здѣсь? Кто бродитъ въ такую непогоду?—Джентльмэнъ. Тотъ, въ чьей душѣ такая-жъ непогода.—Кентъ. «Гдѣ нашъ король теперь? — Джентльм.. Въ отчаяніи онъ бродитъ подъ грозою; онъ молить вѣтеръ, чтобъ навѣки землю онъ въ море сдулъ: чтобъ волны, взгромоздившись, залили шаръ земной, чтобъ міръ погибъ. Свои сѣдины рветъ онъ съ головы, а рѣзкій вѣтеръ въ ярости безумной, ихъ подхвативъ уноситъ вдаль. Онъ хочетъ одинъ противустать дождю и вихрю».

¹⁾ Who then affrighted with their bloody looks, Ran fearfully among the trembling reeds, And hid his crisp head in the hollow bank, Blood-stained with these valiant combatants.

²⁾ Purple the sails and so perfumed, that The winds were lovesick with them: the oars were silver, Which to the tune of flutes Kept stroke, and made The water, which he beat, to follow faster As amorous of their strokes.

³⁾ Whistling to the air, which, but for vacancy, Had gone to gaze on Cleopatra too, And made a gap in in nature.

Въ пустынной, безотрадной мѣстности, въ ночную бурю, бѣдный, безпріютный старикъ находить въ борьбѣ съ стихіями откликъ своему внутреннему возбужденію; неблагодарность, даже противуестественная жестокость и грубость его дочерей представляетъ такое возмущеніе въ нравственномъ мірѣ какъ хаотическій безпорядокъ въ физическомъ. Онъ высказываетъ это въ слѣдующихъ словахъ: ¹⁾).

«Злись, вѣтеръ, дуй, пока не лопнуть щеки! Вы, хляби водъ, стремитесь ураганомъ, залейте башни, флюгера на башняхъ! Вы, сѣрные и быстрые огни, предвѣстники громовыхъ тяжкихъ стрѣлъ, дубовъ крушители, летите прямо въ голову мою сѣдую! Громъ небесный, все потрясающій, разбей природу всю, расплюсни разомъ толстый шаръ земли и разбросай по вѣтру сѣмена, родящіе людей неблагодарныхъ!.. Рази всѣхъ животомъ, дуй, лей, греми и жги! Чего щадить меня? Огонь и вѣтеръ, и громъ, и дождь—не дочери мои! Въ жестокости я васъ не укоряю» и т. д.

Какъ переплетаются здѣсь одушевленная и неодушевленная природа, разумный нравственный и неразумный стихійный міръ,—какъ поэтъ умѣетъ оживить безжизненное, одушевить бурю и дождь, молнію и громъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать страдающему человѣку силу чувства и страсти, которая почти такъ же стихійна, какъ грохочущій громъ и воющая буря. И въ «Отелло» природа выступаетъ въ страшномъ возмущеніи (II, 1): ²⁾).

Взгляните-ка на пѣнящійся берегъ.

Ревущіе валы какъ будто бьются съ толпою тучъ...

Да, признаюсь, такого возмущенья

Я не видалъ еще на бурномъ морѣ.

Но даже и необузданныя стихіи бережно относятся къ прелестной Дездемонѣ:

¹⁾ Blow winds and crack your cheeks! rage! blow! Iou cataracts and hurricanoes, spour Till you have drench'd our steeples, drown'd the cocks. Iou sulphurous and tought-executing fires Vaunt couriers of oak-cleaving thunderbolts, Singe my white head! And thou, all-shaking thunder, strike flat the thick rotundity o'the world! Crack nature's moulds, all germens spill at ouce, That made ingrateful man!

²⁾ The chidden billow seems to pelt the clouds, The windshall'd surge, with high and monstrous mane — I never did like molestation view on the enchafed flood.

Самъ ураганъ и бѣшеное море, ревущій вѣтръ, подводные утесы
И отмели песчанья—враги, измѣнники, сокрытая преграда
Безвинному килю—теперь, какъ бы уразумѣвъ всю силу красоты,
Губительный характеръ свой смирили, позволивъ путь свершить бла-
гополучно

Вожественно—прекрасной Дездемонѣ.

Кассіо описываетъ «великую борьбу неба и моря»; по
когда Отелло встрѣчается съ Дездемоной, онъ высказывается
въ радостныхъ восклицаніяхъ:

О счастье души моей, когда бъ за каждымъ ураганомъ наступало
Спокойствіе такое—пусть бы вѣтры ревѣли такъ, чтобъ даже смерть
проснулась,

И пусть суда взбирались бы съ трудомъ на горы волнъ, не ниже горъ
Олимпа,

И съ нихъ опять летѣли въ самый низъ, въ глубокія, какъ самый адъ,
пучины!

Когда бъ теперь мнѣ умереть пришлось,
Я счелъ бы смерть блаженствомъ высочайшимъ!

Въ свидѣтельство своей вѣрности, Яго призываетъ стихіи
(III, 3):

Васъ, въ вышинѣ горящія свѣтила,
Васъ, вокругъ людей бродящія стихіи,
Въ свидѣтели того беру, что Яго
Радъ посвятить умъ, сердце, руки—все
На службу оскорбленному Отелло.

Счастье Отелло непродолжительно; демонъ ревности овла-
дѣваетъ имъ; даже природа должна чувствовать отвращеніе къ
такому вѣроломству возлюбленной (IV, 2):

Небо отъ дѣлъ твоихъ носъ зажимаетъ свой.
И мѣсяцъ жмурится, и наглый вѣтеръ
Цѣлующій все встрѣчное, и тотъ
Въ подземныя скрывается пещеры,
Чтобъ дѣлъ твоихъ негодныхъ не слышать ¹⁾.

и въ его ужасномъ душевномъ смятеніи у него вырываются,
какъ стоны (V, 2):

О, тяжело! О страшный часъ, о часъ невыносимый!

¹⁾ Heaven stops the nose at it and the moon winks: The bawdy
wind, that kisses all it meets Is hush'd within the hollow mine of
earth And will not hear it.

Мнѣ кажется, сейчасъ луна и солнце
Затмится совершенно, и земля
Отъ ужаса подъ нами затрясется.

Несчастная Дездемона поетъ (IV*, 3):

Бѣдняжка сидѣла въ тѣни сикоморы, вздыхая, —
О, пойте зеленую иву!
Склонившись къ колѣнамъ головкой, грудь ручкой сжимая,
О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву!
Ручьи тамъ бѣжали и стоны ея повторяли —
О, пойте мнѣ ивушку, ивушку, иву! ¹⁾.

Въ пѣснѣ, введенной въ «Цимбелина», встрѣчается прелестное одушевление, относящееся къ цвѣтамъ (II, 3):

Чу, жаворонка пѣснь звучить, и Фебъ уже въ путь готовъ:
Коней росю онъ поить изъ вѣнчиковъ цвѣтовъ.
Страхнувши сонъ свой, ноготки глядятъ на небеса, ²⁾
И улыбаются цвѣтки, вставай, моя краса,
Вставай, вставай.

Въ «Макбетѣ» мы находимъ симпатическое воззрѣніе на природу выраженнымъ съ особенной ясностью. Не одинъ разъ тамъ проведена мысль, что природа должна ужасаться передъ страшнымъ преступленіемъ, какое задумываетъ Макбетъ, такъ какъ она сама омрачается и даетъ зловѣщія предзнаменованія. Макбетъ говоритъ самъ (I, 4):

Померкните, свѣтила, въ небесахъ!
Не озаряйте замысловъ моихъ!
Пускай ударъ мой ниспадетъ въ потьмахъ!

и леди Макбетъ (I, 5):

И воронъ охрипъ, закаркавъ на пріѣздъ Дункана.
Скорѣй, глухая ночь,
Спустись на мѣръ и въ мрачномъ дымѣ ада
Укрой мой ножъ! Пусть онъ не видитъ раны,
Пусть небо не пронзитъ покрова тьмы
Словами: «стой, остановись!».

Съ этимъ зловѣщимъ настроеніемъ, которое проникаетъ всю трагедію и съ которымъ гармонируетъ окружающая при-

¹⁾ Sing all a green willow... The fresh streams ran by her and murmur'd her moans...

²⁾ And winking mary—buds begin To ope their golden eyes...

рода, мирное описаніе замка, куда беззаботно вступает Дунканъ, составляетъ потрясающій, поразительный кантрастъ. Дунканъ говоритъ (I, 6): «Прекрасный видъ! Какъ чистъ и легокъ воздухъ! Какъ нѣжно онъ ласкаетъ наши чувства!». Какимъ удивительнымъ контрастомъ представляется идиллическое, прелестное описаніе невинныхъ ласточекъ, гнѣзда которыхъ расположены на верху кровли! Банко распространяется въ изображеніи этихъ милыхъ гостей, символовъ небеснаго міра:

А вотъ и ласточка, весенній гость,
Присутствіе ея намъ говорить,
Что мирно здѣсь дыханье неба вѣетъ.
Взгляните: нѣтъ ни уголка, ни фрива,
Гдѣ бъ не висѣлъ птенцовъ воздушный домикъ.
А гдѣ они, замѣтилъ я, гнѣздятся
Охотно такъ, тамъ воздухъ свѣжъ и чистъ ¹⁾.

Быть можетъ, мирный характеръ этихъ крылатыхъ обитателей дома никогда не представлялся нагляднѣе, и въ этомъ мѣстѣ ужасной трагедіи зла онъ выступаетъ, какъ свѣтлый солнечный лучъ на мрачномъ грозовомъ небѣ.

Во 2-мъ актѣ Макбетъ изображаетъ свой собственный ужасъ и ужасъ природы (сцена I):

Полміра спитъ теперь...
Не вслушивайся, прочная земля,
Не то—и камень, завопивъ, прогонитъ
Безмолвный ужасъ темноты... ²⁾

Леди Макбетъ говоритъ:

Нѣтъ, то сова—зловѣщій сторожъ,
Желающій такъ зло «покойной ночи».

Леноксъ описываетъ эту ночь (II, 2):

Ночь бурная была: надъ вашей спальней
Снесло трубу; по воздуху носились —

¹⁾ This guest summer The temple-haunting marlot does approve, By his loo'd mansiony. that the heaven's breath Smells wovingly here: no jutting, frieze, Buttress, nor coigne of vantage, but this bird Hath made his pendent bed and procereant cradle: Where they most breed and haunt, I have observ'd The air is delicate.

²⁾ Thou sure and firm—set earth Hear not my steps, which way they walk, for fear Thy very stones prate of my where-about.

Унылый вопль и смертное хрипѣнье;
Ужасный голосъ предрекалъ войну,
Пожаръ и смуты. Филинъ, вѣрный спутникъ
Временъ злосчастныхъ, прокричалъ всю ночь,
Земля, какъ говорить, дрожала ¹⁾.

Въ 3-й сценѣ II акта старикъ рассказываетъ: «Мнѣ восемьдесятъ лѣтъ; за это время я много страшныхъ пережилъ минутъ и видѣлъ много чудъ; но это все пустяки предъ тѣмъ, что было въ эту ночь!»

Россъ возражаетъ:

Взгляни-ка, дѣдушка, и небеса
Какъ будто хмурятся на домъ кровавый,
Гдѣ оскорбилъ ихъ человѣкъ! Теперь
Давно ужъ день, а надъ лампадой неба
Витаетъ ночь. Не царство-ль тьмы настало?
Иль стыдно дню лобзаніемъ обычнымъ
Лицо земное озарить? ²⁾.

Такъ повсюду находить для себя потрясающее выраженіе симпатическое чувство природы, которое придаетъ ей способность сочувствія, почти человѣческій ужасъ передъ злымъ и преступнымъ; всего поразительнѣе оно выступаетъ въ словахъ преступнаго Макбета (III, 3):

Скорѣй, слѣпая ночь, и мрачною завѣсой
Закрой глаза чувствительнаго дня!
Кровавою, невидимой рукой
Схвати и растерзай мои оковы—
Мнѣ душно въ нихъ! ³⁾.

И въ «Гамлетѣ» людскія злодѣянія внушаютъ природѣ ужасъ (III, 4):

О, твой (королевы) поступокъ
Исторгъ весь духъ изъ брачнаго обряда,—
Горитъ чело небесъ, земли твердыни

¹⁾ The earth was feverous, ср. «Копіоланъ» I, 4: thou madst thine enemies shake as if the world were feverous and did tremble.

²⁾ Is't night's predominance or the day's shame, That darkness does the face of earth entomb, When living light should kiss it?

³⁾ Come, seeling night, Scarf up the tender eye of pitiful day, And with thy bloody and invisible hand, Canceel and tear to pieces that great bond Which keeps me pale.

При мрачной думѣ о твоихъ дѣлахъ
Грустна, какъ день передъ судомъ послѣднимъ ¹⁾.

И другія одухотворенія встрѣчаются въ этой удивитель-
нѣйшей изъ всѣхъ трагедій, какъ, напр., величественное оду-
хотвореніе утра въ первой сценѣ 1-го акта:

А вотъ и Фебъ въ пурпуровой одеждѣ
Идетъ на холмъ по жемчугу росы ²⁾.

Затишье передъ бурей такъ рисуется декламирующій актеръ
во 2-й сценѣ II-го дѣйствія:

Какъ часто мы предъ бурей замѣчаемъ,
Притихъ зефиръ, безмолвны облака,
Улегся вѣтръ, земля, какъ смерть, недвижна... ³⁾.

Офелія погружается, обвитая цвѣтами, «въ плачущія
волны» (IV, 7), и Лаэртъ приказываетъ (V, 1): «Спустите
гробъ. Изъ дѣвственнаго праха фіалки вырастутъ...»

Изъ всего этого достаточно видно, какъ фантазія великаго
поэта оживляетъ и одушевляетъ всю природу въ ея отдѣль-
ныхъ явленіяхъ, какъ онъ не только посредствомъ изобра-
женія пейзажа даетъ настоящій фонъ основному содержанію
трагедій, но и душевное движеніе дѣйствующихъ лицъ пере-
носитъ на природу, такъ что она и отражаетъ свѣтлое счастье,
и испытываетъ ужасъ передъ злодѣяніемъ.

Онъ умѣетъ индивидуализировать всѣ сферы природы,
извлечь всѣ ихъ характерные признаки и сообщить имъ оду-
шевленіе, нерѣдко съ той непосредственной поэтической си-
лой, которая такъ близко соприкасается съ мифологической
фантазіей.

И онъ надѣляетъ сочувствіемъ и состраданіемъ не только
величественныя стихійныя силы, каковы буря и непогода,
громъ и молнія и бушующее море, но и журчащій ручей, и
мирно дремлющій цвѣтокъ и золотой отрадный солнечный
свѣтъ. Отношеніе къ этимъ явленіямъ природы у него всегда

¹⁾ Heaven's face doth glow, Yea, this solidity and compound mass,
With tristful visage, as against the doom, Is thought—sick at the act.

²⁾ But look, the morn, in russet mantle clad, Walks o'er the dew
of yon high eastern hill.

³⁾ A silence in the heavens the ruck stand still, The bold winds
speechless and the orb below As hush as death.

и всюду интенсивнѣе, индивидуальнѣе, субъективнѣе, чѣмъ то, какое мы встрѣчали у предшествующихъ ему поэтовъ.

Идиллическое чувство природы своего времени Шекспиръ возводитъ на степень симпатическаго чувства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Красота пейзажа въ живописи.

Необходимое условіе пейзажной живописи заключается въ способности составлять изъ отдѣльныхъ частей одно цѣлое, которое было бы проникнуто возрѣніемъ художника. Для пейзажной живописи изображеніе природы становится цѣлью; она должна передавать извѣстную часть земной поверхности, отличающейся извѣстной красотою, и поэтому она съ такою же силою, какъ и литература, можетъ являться выраженіемъ живого чувства природы. Вслѣдствіе того, ландшафтная живопись невозможна въ тѣ времена и у тѣхъ народовъ, которые устремляютъ взглядъ только въ пространство и въ даль и хотя видятъ цѣлое, но безъ должнаго ограниченія, каковы, напримѣръ, были евреи ¹⁾. Съ другой стороны, она не могла развиваться и у тѣхъ, которые видѣли только отдѣльные предметы, наблюдали только ручейки и цвѣточки, травку и капельки росы, безъ всякаго отношенія къ цѣлому въ пейзажѣ, замѣчали лишь передній планъ безъ перспективы, какъ это было въ поэзіи среднихъ вѣковъ да эпохи Возрожденія. Законы линейной и воздушной перспективы требуютъ опытнаго и остраго глаза и вообще нѣкотораго вниманія къ природѣ. Точно также и настроеніе пейзажной картины, ея душа, связывающая посредствомъ колорита отдѣльныя формы и фигуры въ одно цѣлое, прежде всего зависитъ отъ болѣе или менѣе живого чувства природы у художника. Поэтому ландшафтная картина должна быть не только вѣрнымъ изображеніемъ реальнаго, существующаго, но отраженіемъ идеи

¹⁾ Cp. Woermann «Über den landschaftlichen Natursinn der Griechen und Römer, Vorstudien zu einer Archäologie der Landschaftsmalerei». München 1871, S. 6.

и настроенія, какія художникъ усмотрѣлъ въ пейзажѣ, или родственнаго духа, какой онъ въ немъ чувствуетъ и вызываетъ къ жизни. До тѣхъ поръ, пока природа пользуется однимъ вниманіемъ, любовью и изображается въ поэзіи только по отношенію къ человѣку, а не ради нея самой, пока воззрѣніе на нее заключается лишь въ наивномъ восхищеніи и поэтическія изображенія ея служатъ лишь рамками и арабесками, лишь отраженіемъ человѣческихъ настроеній, — не можетъ быть никакой ландшафтной живописи, а только пейзажные фоны для человѣческихъ положеній и дѣйствій. Пейзажная живопись возникаетъ лишь во времена сантиментально-идиллическаго, элегическаго и симпатическаго чувства природы, которое испытываетъ непосредственное дѣйствіе природы и вполне подчиняется очарованію внѣшнихъ явленій. Именно тогда просыпается настоящее влеченіе къ пейзажу въ природѣ, выражающееся въ поэзіи самостоятельными пейзажными картинами и соединяющее художественную композицію отдѣльных вещей съ художественнымъ воззрѣніемъ на цѣлое.

Мы видѣли, какъ путемъ Возрожденія въ Италіи рушились грани и оковы догмы, традиціи и средневѣковой морали, и мѣсто средневѣковой подражательности и фантастичности заступилъ здоровый, свѣжій индивидуализмъ и реализмъ. Мы видѣли, какъ тогда были открыты новые люди и новые міры, какъ затѣмъ и у другихъ германскихъ народовъ развилось живое, частью идиллическое, частью религіозно-мистическое чувство природы и какъ, наконецъ, симпатическая форма его достигла драматическаго выраженія у Шекспира. И изученіе природы, начиная тогда освобождаться отъ односторонности католическаго воззрѣнія и отъ античной традиціи, постепенно соединяло съ серьезнымъ стремленіемъ къ истинѣ не одно лишь поклоненіе Творцу въ природѣ, но и самостоятельный интересъ къ ней; вслѣдствіе того, съ любовью, даже съ страстнымъ одушевленіемъ изслѣдовались не только ея законы, но и наблюдалась ея красота. Долго продолжался тотъ процессъ развитія, который въ средніе вѣка достигъ того высокаго уровня эстетическаго воззрѣнія на природу, на которомъ остановился древній міръ. Эпоха Возрожденія обозначала собой возвращеніе къ чувству природы эллинизма, но между тѣмъ какъ это послѣднее продолжало быть болѣе чувственнымъ и, несмотря на сантиментальность и пантеизмъ, болѣе наивнымъ, легкимъ и поверхностнымъ, христіанское чувство природы ста-

новилося глубже и отвлеченнѣе, какъ вслѣдствіе большей умственной глубины, вырабатывавшейся схоластической наукой, такъ и вслѣдствіе большей теплоты христіанскаго чувства; благодаря тому, то единичное, то цѣлое, становилось субъективнымъ предметомъ изученія ¹⁾).

На сколько все происходитъ законообразно и органически въ развитіи человѣческаго духа, и какъ, повидимому, даже разрозненные явленія оказываются звеньями одной цѣпи, это вполне выясняется, когда мы въ ходѣ нашего изслѣдованія встрѣчаемъ первую пейзажную картину и наблюдаемъ происхожденіе пейзажной живописи въ Голландіи. Средневѣковая живопись пользовалась пейзажемъ только какъ заднимъ планомъ, болѣе или менѣе соотвѣтствовавшимъ главному предмету картины. И живописцы итальянскаго Возрожденія, даже Рафаэль, Корреджіо и Тиціанъ не идутъ далѣе того, хотя нельзя не удивляться искусству, съ какимъ кисть Рафаэля набрасываетъ эти декоративные, пейзажные арабески. Какъ все это живетъ, или, лучше сказать, оживаетъ передъ нашими глазами! Кажется, эти птички на нѣжныхъ вѣткахъ могли бы улетѣть: такъ онѣ легки и естественны. Эти линіи растительныхъ изгибовъ кажутся не нарисованными, а поднимающимися отъ своего ствола: такъ полны внутренней жизнью, собственной силой всѣ ихъ изгибы, такъ же, какъ и находящійся среди нихъ раскрытый цвѣтокъ, въ яркій вѣнчикъ котораго мы смотримъ ²⁾). И какъ умѣетъ Корреджіо представить колоритъ и настроеніе окружающаго, соотвѣтственно предмету картины; какою свѣжею прелестью оживлены купающіяся дѣвушки съ лебедями! А изъ темноты лѣса, подъ облачной тѣнью Зевса свѣтится, проникнутое страстью тѣло Іо, и какой идиллической прелестью проникнуты мифологическія картины Тиціана!

Въ нѣмецкомъ Возрожденіи великіе мастера ограничиваются также подыскиваніемъ красивыхъ обстановокъ, нарядныхъ арабесокъ изъ жизни природы для ихъ Мадоннъ, Святыхъ

¹⁾ Cp. Schnaase, Geschichte der bildenden Künste im 15. Jahrhundert (Gesch. der bild. Künste Achter Band) herausgegeben von Willh. Lübke, Stuttg. 1879, S. 72.

²⁾ Falke, Geschichte des modernen Geschmacks, Leipzig 1880, S. 57.

Семействъ и т. д. Но, какъ говорить Любке ¹⁾, легко видѣть, что у Дюрера гораздо менѣе потребности, чѣмъ у Гольбейна украшать свои картины архитектурными подробностями и задними планами. Онъ любитъ болѣе изображать свои сцены въ пейзажныхъ обстановкахъ. «Прелесть этихъ заднихъ плановъ такъ велика, въ нихъ настолько выражается искренность германскаго пониманія природы, что они имѣютъ сами по себѣ самостоятельное значеніе и ихъ творецъ можетъ считаться отцомъ сѣверной пейзажной живописи» ²⁾. Если это слѣдуетъ понимать съ извѣстнымъ ограниченіемъ, то, во всякомъ случаѣ, у Дюрера соединяется «самое теплое и тонкое наблюденіе природы (въ самомъ обширномъ смыслѣ) съ мечтательнымъ глубокомысліемъ, стремящимся проникнуть въ сущность явленій» ³⁾. Но особенно интересно, что это исходитъ у него изъ теоретическихъ воззрѣній на искусство и природу. Этотъ предметъ подробно изслѣдованъ А. фонъ-Цаномъ ⁴⁾, на изложеніе котораго опирается и Любке. Воззрѣніе Дюрера, вслѣдствіе котораго онъ принадлежитъ новому времени, есть глубокое почитаніе природы. Меланхтонъ рассказываетъ, какъ часто жаловался Дюреръ, что въ молодыхъ годахъ онъ увлекался болѣе пестрымъ и фантастичнымъ и только позже позналъ простую правду и красоту природы. При болѣе зрѣломъ сознаніи, природа казалась ему высшимъ образцомъ. Но, если въ этихъ художественно-теоретическихъ изъясненіяхъ природа является не только въ смыслѣ пейзажа, но въ смыслѣ совокупности всѣхъ твореній, то съ не меньшимъ интересомъ можно замѣтить, что и здѣсь глубоко религиозное чувство ведетъ къ поклоненію природѣ, какъ созданію Бога. Такъ, онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи «О пропорціи» ⁵⁾: «Справедливо, что искусство кроется въ природѣ; кто его можетъ оттуда вырвать, тому оно дается въ руки; никогда не полагай, что ты можешь или хочешь сдѣлать что-либо лучше, чѣмъ Богъ далъ силы созданной Имъ природѣ, потому что

¹⁾ Geschichte der deutschen Renaissance I, Stuttg. 1873, S. 72 (Gesch. der Baukunst von Franz Kugler, 5 Band, Erste Hälfte).

²⁾ Ср. также Kaemmerer, op. cit., 81.

³⁾ Lübke, op. cit., 134.

⁴⁾ Dürer's Kunstlehre und sein Verhältnis zur Renaissance, Leipzig 1866.

⁵⁾ Proportion III B. T. III b, Nürnberg 1528.

твоя способность безсильна передъ твореніемъ Божиимъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что ни одинъ человѣкъ изъ собственного ума никогда не могъ создать болѣе прекраснаго образа (чѣмъ природа); дѣло въ томъ, что онъ многими копіями наполнилъ свой умъ, но это уже нельзя назвать его собственностью: это унаслѣдованное и изученное искусство, которое было посѣяно, выросло и принесло плодъ. Такимъ образомъ всѣ накопленныя тайныя сокровища сердца открываются въ произведеніи, и новое созданіе, которое одинъ создаетъ въ своемъ сердцѣ, принимаетъ видъ уже извѣстнаго предмета».

Прекраснѣе и выше, прибавляетъ Любке, никогда не говорилось о созданіи художника; никогда образный міръ художника, извлеченный изъ множества явленій, не обозначался удачнѣе, какъ выраженіемъ «тайное сокровище сердца». И въ другомъ мѣстѣ Дюреръ говорить: «хорошій живописецъ внутри полонъ образовъ (фигуръ)»; но онъ нѣсколько разъ указываетъ на то, «что разумъ человѣка рѣдко можетъ постигнуть, какъ правдиво подражать прекрасному въ божьихъ созданіяхъ значить мы, въ этихъ видимыхъ созданіяхъ, находимъ такую чрезмѣрную красоту, что никто изъ насъ не можетъ ее вполне перенести въ свое произведеніе». Это то, что мы уже объяснили въ нашемъ введеніи, а именно, что тайна отношенія къ прекрасному въ искусствѣ или природѣ, заключается въ перенесеніи нашего внутренняго міра на внѣшній міръ, въ сочетаніи скрытаго въ нашемъ сердцѣ съ идеей, присущей вещамъ, какую мы въ нихъ угадываемъ и воспроизводимъ.

Только человѣкъ съ богатымъ душевнымъ міромъ можетъ постигать въ соотвѣтствіи извѣстному настроенію краски и линіи пейзажа, признавать въ нихъ откликъ собственнымъ душевнымъ движеніямъ и затѣмъ образно закрѣплять ихъ на полотнѣ.

Голландцы первые создали новѣйшій пейзажъ, въ которомъ человѣкъ играетъ только роль посторонней фигуры. Этому народу было свойственно съ глубомысленной созерцательностью погружаться во внѣшній міръ, придавая значение самымъ мелкимъ явленіямъ его, тщательно изучая даже и то, что почти ускользаетъ отъ глазъ. Такая мирная жизнь, какую увѣковѣчилъ расцвѣтъ голландскаго искусства, была возможна только для скромнаго, довольнаго жизнью народа береговъ Мааса и Шельды; только въ странѣ Рейнеке-Лиса могли явиться, написанныя съ такой любовью, изображенія животныхъ, какими

ихъ создавали Поль Поттеръ, Адріанъ-фанъ-де-Вельде и др. Прекрасно высказывается Карріеръ объ этихъ мастерахъ жанровой живописи ¹⁾: «Они не только нашли привлекательное, индивидуальное выраженіе для духа своего народа, но они открыли сущность и силу души природы, почувствовали настроеніе въ пейзажѣ, отраженіе въ немъ чувства собственного сердца и создали, такимъ образомъ, для новѣйшаго искусства произведенія, которыя, въ этомъ родѣ, еще были чужды древнимъ. Греки видятъ все въ образѣ человѣка, германецъ угадываетъ духъ Божій въ формахъ всѣхъ вещей, онъ чувствуетъ свое единство съ ними и открываетъ въ нихъ свою собственную душу. Подобно тому, какъ тогда, исполненные оживленія изслѣдователи, изучали природу не только въ ея внѣшнихъ отношеніяхъ къ человѣку, имъ цѣлямъ, но и наблюдали ее, ради нея самой, такъ и пейзажъ явился не только фономъ для историческихъ событій, но и самъ по себѣ получилъ важное значеніе. Животныя и люди служатъ только опорой для неодушевленной природы, и когда они купаются въ рѣкѣ, лежатъ въ тѣни дерева, пасутся въ полѣ и охотятся въ лѣсу, то благодаря этому отношенію къ нимъ, внѣшній міръ выступаетъ, какъ нѣчто существенное. Величайшіе голландскіе мастера не ищутъ въ природѣ чего-либо необыкновеннаго и поражающаго — Альпъ, съ ихъ гигантскимъ великолѣпіемъ и ужасомъ ихъ пропастей, залитыхъ солнцемъ возвышенностей Италіи, глядящихся въ море или озеро, или тропическаго, роскошнаго, растительнаго міра, — но изображаютъ только будничное и обыкновенное, но они овладѣваютъ тѣмъ, что скрыто въ нихъ, съ такою правдою и душевной глубиной, что они умѣютъ привлечь самымъ простымъ, — и въ самомъ мелкомъ даютъ угадывать жизнь, проникающую цѣлое. Такимъ образомъ народный духъ, создавшій жанровую живопись, мы опять находимъ и въ пейзажѣ» ²⁾).

Окружающая природа въ такой же степени, какъ и свойство національнаго характера, благопріятствовала у нихъ ландшафт-

¹⁾ Лб. ★ 378.

²⁾ Въ послѣдующемъ изложеніи я заимствую многое у Розенберга (Mensboten, Jahrg. 43 и 44, 1884—85), и въ особенности у Шнаазе, Фальке и Карріера, такъ какъ я самъ могъ изучить описываемыхъ выше мастеровъ только въ Берлинѣ и Мюнхенѣ.

ной живописи. Сырость воздуха и производимый ею серебристый отблескъ пейзажа, придающій цвѣтнымъ поверхностямъ большую свѣжестъ и густой свѣтлый тонъ, безъ сомнѣнія, оказывали сильное вліяніе на развитіе чувства красокъ у голландскихъ живописцевъ. Не меньшее дѣйствіе должны были оказывать простые, но полные своеобразнаго настроенія облачныя и туманныя образованія, серебристыя рѣки и ручьи, темныя лѣса, сочныя, зеленые луга и ровныя долины, составляющіе отличительные признаки тамошняго пейзажа, лишеннаго рѣзкаго контраста линій. Въ духовной жизни здѣсь оказывается выгодное смѣшеніе германскихъ и романскихъ свойствъ; искренность, любовь къ природѣ и идеализмъ нѣмецкаго народа соединились здѣсь съ опредѣленной способностью къ порядку и изысканію, выработавшейся во Франціи, и со свойственной Кельтскому племени, точностью и рѣшительностью. (Шнаазе).

Церковныя картины были первыми художественными произведениями, въ которыхъ выработался полетъ генія голландской пейзажной живописи; прошло болѣе столѣтія, прежде чѣмъ ландшафтъ и картина нравовъ отдѣлялись отъ религіозныхъ изображеній и выступили самостоятельно. Въ миниатюрахъ XIV вѣка, впервые просыпается радостное отношеніе сѣвернаго челоувѣка къ природѣ; тщательно и съ любовью выписываются пейзажные задніе планы для сценъ изъ священной исторіи. Начало пейзажа можно указать уже въ томъ произведеніи, которое находится на порогѣ голландской школы: это картина въ Гентскомъ алтарѣ, исполненная братьями ванъ Эйкомъ въ 1432 году. Пейзажъ представляетъ самое точное наблюденіе природы; растенія, трава и цвѣты, розовые кусты, кустарники, виноградникъ и пальмы вѣрны дѣйствительности; богатая растительностью долина, со своими обнаженными, рѣзко поднимающимися вверхъ, скалистыми стѣнами, которыя увѣнчаны кустами и, черезъ которыя проѣзжаютъ поборники Христа и рыцари, напоминаетъ долину Мааса. Уже здѣсь испытывается впечатлѣніе, что очарованіе пейзажа открылось художникамъ; небо уже не золотое, а голубое, подернутое облачками, оживленное птицами; лугъ и лѣсъ нарядно выделяются сочною зеленью, мягко поднимающіеся холмы окаймляютъ равнину, видѣются скалы фантастическихъ формъ. Художники утопаютъ въ наслажденіи природой, пьютъ полными глотками изъ вновь открытаго источника; они едва могутъ насытить свой молодой восторгъ и желали бы нарисо-

вать всё листья и плоды на деревьяхъ, всё цвѣты въ полѣ, даже капли росы въ травѣ. Они знаютъ уже дѣйствіе перспективы: позади ближайшихъ, поросшихъ зеленою горъ, выступаютъ голубыя вершины или открывается видъ (какъ на картинѣ изображающей пилигримовъ) болѣе свѣтлой равнины, но у нихъ еще мало тоновъ; ихъ пейзажъ вслѣдствіе того изобилуетъ подробностями, которыя, до самой крайней дали, почти всё переданы той же темной, свѣтящейся сильной зеленою, какъ и передній планъ; какъ будто они не могутъ достаточно удовлетворить своему наслажденію красотою собственныхъ красокъ. Успѣхъ, какой выказываютъ картины Яна ванъ-Эйка по отношенію къ пейзажной живописи, можетъ быть названъ громаднымъ. Старые мастера, для которыхъ природа была непонятнымъ хаосомъ частностей, а красота была только атрибутомъ священныхъ изображеній, извлеченнымъ изъ церковныхъ преданій, ограничивались этими послѣдними, считая долгомъ сосредоточивать въ нихъ все благородное и возвышенное, создаваемое ихъ фантазіей. Поэтому они помѣщали свои изображенія на одноцвѣтныхъ, почти всегда позолоченныхъ фонахъ. И вдругъ было сдѣлано великое открытіе, что природа есть одно цѣлое откровеніе и отраженіе Божества и отъ него она получила свою красоту! Янъ ванъ-Эйкъ придаетъ своимъ Мадоннамъ разнообразѣйшій пейзажный задній планъ—черезъ открытое окно открывается видъ на обширный освѣщенный солнцемъ пейзажъ, съ полями и деревьями, городами и замками, оживленными дорогами и горами вдали. Если мы видимъ ее на открытомъ воздухѣ или съ открытымъ заднимъ планомъ картины, мы всегда находимъ широкій пейзажъ, оживленный безчисленными фигурами, украшенный великолѣпными зданіями.

Моланусъ, ученый изъ Лёвена, прославляетъ Дирика, жившаго тамъ же, какъ перваго живописца, открывшаго ландшафтную живопись (*claruit inventor in describendo rure*); первое начало ея должно быть рѣшительно приписано братьямъ фонъ Эйкъ; но названный живописецъ придавъ ей еще высшее значеніе, онъ лучше наблюдалъ дѣйствіе воздушной перспективы, и обладалъ большею мягкостью переходовъ; пейзажъ, дѣйствительно, представляетъ для него одно цѣлое и могъ пробуждать настроеніе, соотвѣтствующее предмету, какъ, напр., на боковыхъ картинахъ алтаря, гдѣ помѣщена картина Тайной Вечери. На переднемъ планѣ можно сдѣлать ботаническое

похвалу весны и проч., то этимъ безцвѣтнымъ, ординарнымъ прославленіемъ онъ выдаетъ то, что этотъ восторгъ вызывается не непосредственнымъ впечатлѣніемъ на душу, а старательнымъ размышленіемъ, и показываетъ частымъ упоминаніемъ античныхъ божествъ, что онъ заимствовалъ у древняго міра не одни только выраженія. Съ исторической литературой, представителями которой, въ особенности, могутъ считаться Беатъ Репанъ (1485—1547) и Иог. Авентинъ, географія находилась въ тѣсной связи; ея развитію содѣйствовало патріотическое направленіе и желаніе изобразить красоты нѣмецкой земли, ея плодородіе и богатства; на нее имѣли вліяніе и открытія того времени, но открытіе Новаго Свѣта не производило на нѣмецкихъ гуманистовъ того могущественнаго дѣйствія, какое оно оказало на ученыхъ другихъ странъ, какъ, напр., Италіи и Испаніи.

Тѣмъ не менѣе, въ ту эпоху въ Германіи процвѣтало мистико-теософическое направленіе чувства природы, или вѣрнѣе, магическаго постиженія ея. Мы замѣчаемъ его у философовъ, оставшихся вѣрными католическому воззрѣнію, и у другихъ, примкнувшихъ къ протестантскому ученію. Однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ мыслителей этого рода слѣдуетъ признать Корнелія Агриппу ф. Неттесгейма изъ Кельна ¹⁾ (ум. 1535). Въ его міровой системѣ все основано на гармоніи и симпатіи; если затрагивается одна струна въ природѣ, вмѣстѣ съ ней звучать и другія; аналогическія соотвѣтствія имѣютъ въ то же время и магическое значеніе; символическое отношеніе предметовъ въ природѣ есть также и симпатическое. Между вязомъ и виноградной лозой существуетъ настоящая любовная привязанность; солнце сообщаетъ человѣку жизнь, луна—ростъ, Меркурій—фантазію, Венера—любовь и т. д. Богъ отражается въ макрокосмѣ, сіяетъ своимъ свѣтомъ во всѣхъ созданіяхъ, отбѣняется микрокосмически въ человѣкѣ и т. п. Подобно Агриппѣ, между прочими и Филиппъ Авреоль Теофрастъ Бомбастъ Парацельсъ изъ Гагенгейма (ум. 1541) признаетъ высшими книгами для познанія Бога библію и природу; онѣ однѣ правдивы и свободны отъ лжи. «Стихии должно изучать, за природою слѣдить, переходя изъ одной страны въ другую, такъ какъ каждая отдѣльная страна

¹⁾ Zöckler op. cit. 578.

есть только листъ великой книги творенія. Глаза, которые при такомъ настоящемъ опытномъ изученіи находятъ для себя удовольствіе, замѣняютъ этимъ настоящихъ профессоровъ и полезнѣе всѣхъ ученыхъ книгъ». Человѣкъ для него не столько подобіе Божіе, сколько микрокосмическое отраженіе природы, квинтэссенція всего міра. Другіе мечтатели высказываютъ подобныя же взгляды. Такъ Себастьянъ Франкъ изъ Донауверта (ум. 1543) видитъ весь міръ, какъ открытую книгу и живую библію, по которымъ можно изучать силу и мудрость Божію и узнавать его волю; для него все — отраженіе Божіе: всѣ твари «выраженіе Бога и изученіе ихъ даетъ намъ познаніе истиннаго Двигателя и Творца всего». Многочисленные образы и сравненія его часто мѣткого языка обнаруживаютъ теплое чувство природы ¹⁾; многое у него даже звучитъ пантеистически. Однако, онъ даже и въ отдаленной степи не достигаетъ глубины великихъ итальянскихъ философовъ Джіордано Бруно и Кампанеллы. Бруно познаетъ природу въ ея собственномъ развитіи; для него матерія, душа и духъ только ступени и моменты одного цѣлаго; онъ не только мыслитель, но и поэтъ: «Изъ собственныхъ первобытныхъ шѣдръ, матерія все изливаетъ, такъ какъ природа работаетъ внутри самой себя: она живое искусство и одарена высшимъ смысломъ, который не образуетъ другой матеріи, но только свою собственную, который не останавливается и не взвѣшиваетъ обдуманно, но все изъ себя вѣрно и легко производитъ, какъ огонь горитъ и сверкаетъ, какъ безъ труда и свободно черезъ все распространяется свѣтъ; она никогда не раздробляется, всегда едина и спокойна, все распредѣляетъ и связываетъ въ порядѣ» ²⁾.

Кампанелла даже въ ужасной темницѣ воспѣваетъ хвалу всевѣдущему и вселюбящему Богу, отражающемуся въ природѣ; въ послѣдней все ему кажется одушевленнымъ, для него нѣтъ ничего безчувственного: на симпатіи и антипатіи основано движеніе звѣздъ, гармонія есть центральная душа всего существующаго.

Самымъ причудливымъ изъ нѣмецкихъ мыслителей является

¹⁾ Cp. Hase. Sebastian Frank von Woerd, der Schwarmgeist, Leipzig 1869, z. B. S. 212 ff.

²⁾ Carriere op. сmp, 689.

глава мистиковъ Якобъ Беме. Уловить смыслъ его «Авроры» ¹⁾ весьма не легко. Онъ въ одно и то же время — и пантеистъ и теистъ, и вообще у него можно указать въ зародышѣ или въ разнообразномъ смѣшеніи самыя различныя системы. Для него Богъ есть сердце или родникъ природы (стр. 22); природа есть плоть Бога: «такъ же какъ духъ человѣка во всемъ тѣлѣ, во всѣхъ жилахъ господствуетъ и наполняетъ всего человѣка, такъ же и Св. Духъ наполняютъ всю природу и есть сердце природы и господствуетъ въ добрыхъ качествахъ во всѣхъ существахъ» (стр. 27); «небо есть убѣжище радости; тамъ находятся всѣ силы, такъ же какъ и во всей природѣ; небо есть сердце воды» (29). «Когда называютъ небо и землю, звѣзды и стихіи и все, что въ нихъ заключается, и все, что выше всѣхъ небесъ, тогда вмѣстѣ съ тѣмъ называютъ Бога который выразилъ себя во всѣхъ перечисленныхъ существахъ во всей своей силѣ, а; исходящей отъ Него» и т. д. (30). Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ Богомъ движущую силу въ деревѣ жизни, вѣтви котораго составляютъ всѣ созданія; силы природы превращаются у него въ желанія, волю и любовь, при чемъ онъ прибѣгаетъ иногда къ возвышеннымъ и прекраснымъ сравненіямъ. «Подобно тому какъ земля рождаетъ прекрасныя цвѣты, травы и деревья, металлы и другія существа, и одинъ разъ производитъ ихъ величественнѣе, сильнѣе и прекраснѣе, чѣмъ въ другой разъ, и между тѣмъ какъ одно появляется, а другое исчезаетъ и такъ происходитъ вѣчно продолжающаяся работа—также совершается и вѣчное рожденіе священныхъ тайнъ въ великой силѣ и въ обновленіи ²⁾. Твореніе есть не что иное, какъ откровеніе вездѣсущаго, не-исповѣдимаго Бога... оно подобно великой гармоніи множества лютней, которыя всѣ настроены гармонически». Въ этихъ мистико-теософическихъ мысляхъ нельзя не видѣть вмѣстѣ съ искренней любовью къ Богу и любовь къ природѣ.

Человѣкомъ, въ которомъ олицетворилось не только все XV-е столѣтіе, но въ нѣкоторомъ смыслѣ и весь духъ нѣмецкаго народа, былъ Лютеръ. Мысль, которую Гете, столь родственныи съ нимъ, считалъ основнымъ правиломъ всякой пе-

¹⁾ Zweiter Band der Sämtlichen Werke, von Schiebler herausgegeben, Leipzig 1832.

²⁾ Cp. Hubert, Klleine Schriften, Leipzig 1871, S, 71 f.

дагогика и этики, «радостность есть мать всѣхъ добротѣтелей» — можетъ считаться эпиграфомъ всей жизни Лютера. Лютеръ наполовину принадлежитъ среднимъ вѣкамъ; ему приходится силою воли и твердостью вѣры освобождать себя отъ оковъ духовнаго рабства, такъ же какъ Гете, провозвѣстникъ XIX вѣка, воплощеніе понятій новаго человѣка, сбрасываетъ съ себя искусственность и размягчающую сентиментальность XVIII столѣтія. Обои мы имъ свойственна, какъ коренное начало жизни — здоровая радость бытія. Лютеръ всегда, какъ настоящій представитель своего народа, обладалъ открытой, воспріимчивой способностью видѣть красоту Божьяго міра; его любимой книгой была Псалтирь, оживленная великой радостью, доставляемой природой. Хотя Лютеръ, сообразно нѣмецкому характеру и глубинѣ нѣмецкаго духа, можетъ испытывать и глубокую печаль, но изъ его писемъ и застольныхъ рѣчей мы видимъ, что послѣ жены и дѣтей, онъ любитъ всего болѣе прекрасный Божій міръ, поле и лѣсъ, освѣщенные его веселымъ, безусловно здоровымъ міросозерцаніемъ. Онъ открываетъ новыя и новыя чудеса въ книгѣ природы — смотритъ ли онъ на нее раннямъ утромъ, или видитъ вечеромъ небесный сводъ, свѣтящійся золотыми огнями; онъ не можетъ до-сыта налюбоваться величіемъ Божиимъ, выражающимся въ великомъ и въ маломъ. «По милости Божіей мы начинаемъ познавать Его великія дѣла и чудеса, даже изъ маленькихъ цвѣточковъ, когда размышляемъ, какъ Господь всемогущъ и благъ; поэтому мы славимъ, и хвалимъ, и благодаримъ Его. Въ Его твореніяхъ мы познаемъ силу Его слова, какъ могущественно оно. Такъ бываетъ съ персиковымъ зерномъ; хотя оболочка его очень тверда, но она должна раскрыться въ свое время, благодаря мягкому ядру, заключающемуся въ ней» ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Такъ Богъ присутствуетъ во всѣхъ своихъ созданіяхъ, даже въ малѣйшемъ листочкѣ и въ маковомъ зернышкѣ». Созерцаніе природы внушаетъ ему самую сердечную вѣру въ отеческую заботливость Божию. Онъ пишетъ канцлеру Брюкку отъ 5-го августа, 1530 года: «Я видѣлъ недавно два чуда: первое я видѣлъ изъ окна — звѣзды на небѣ и весь прекрасный Божій сводъ и не замѣчалъ ника-

¹⁾ Приведено у Zöckler'a (ib 584) см. также др. приложенія с. 585 и слѣд. и Theologia naturalis, с. 60 прим.

бихъ подпорокъ, поставленныхъ строителемъ; и небо не падаетъ и такой сводъ стоитъ еще крѣпко. Есть суетные люди, которые ищутъ такихъ подпорокъ и хотѣли бы ихъ осязать и чувствовать; такъ какъ они этого не могутъ, они боятся дрожать, точно небо несомнѣнно должно упасть... Другое чудо, какое я видѣлъ—большія, густыя облака, носившіяся надъ нами, съ такою тяжестью, что ихъ можно бы сравнить съ большимъ моремъ, и не видалъ при этомъ никакого основанія, на которомъ бы они покоились и опирались, и никакого сосуда, въ которомъ они были бы заключены; однако, они не упали на насъ, а поклонились намъ съ сумрачнымъ видомъ и убѣжали дальше. Когда они уже прошли, то засвѣтилась радугой и земля и небо которое оно поддерживало». Лютеръ часто рисуетъ энергичныя картины изъ жизни природы. Такъ онъ говоритъ: «Только зиму мы проводимъ въ землѣ, лежа и разлагаясь; когда наступаетъ наше лѣто, наше зерно даетъ ростокъ. Къ тому готовятъ насъ дождь, солнце и вѣтеръ, т. е. Слово, Таинство и Св. Духъ». Библия для него—богатый лѣсъ съ роскошными и разнообразными плодовыми деревьями; о хвалебныхъ и благодарственныхъ псалмахъ онъ говоритъ въ предисловіи къ Псалтири: «Ты видишь тамъ все святое въ сердцѣ, какъ въ прекрасномъ свѣтломъ саду, или какъ на небѣ, ты видишь какъ прекрасные, сердечные, радостные цвѣты поднимаются отъ прекрасныхъ, радостныхъ мыслей навстрѣчу Богу и Его благодати». И съ какою дѣтскою искренностью рисуетъ этотъ великій человѣкъ своему маленькому сыну Іоанну блаженство небеснаго рая! Онъ держится далеко въ сторонѣ отъ платонико-мистическихъ умозрѣній объ отношеніи Бога къ творенію; это отношеніе внушаетъ ему только радость и благоговѣніе. Это благочестивое созерцаніе природы сохраняется у протестантскихъ теологовъ и въ послѣдующіе вѣка до эпохи раціонализма и пѣтизма.

Такую же наивно сердечную, безыскусственную радость вызываемую природой, какъ у Лютера, мы встрѣчаемъ въ то время только въ народной пѣснѣ. Народная пѣсня во все времена воплощаетъ въ себѣ простое и невинное чувство природы, которое основано на тепломъ, довѣрчивомъ отношеніи первобытнаго человѣка къ лѣсу и деревьямъ, къ цвѣтамъ и травѣ, къ ручью и рѣкѣ, но которое нерѣдко находитъ глубоко-трогательныя выраженія для этой тайной симпатіи между человѣкомъ и природой. Нѣмецкая пѣсня, о которой

мы говоримъ, исходитъ изъ древне-германскаго отношенія къ природѣ, и ся воззрѣнія на природу и одухотворенія послѣдней во многомъ стоятъ еще на границѣ между мифическимъ или аллегорическимъ и поэтическимъ періодомъ. Подобно тому, какъ у латинскаго поэта VIII и IX вѣка, весна съ вѣнками изъ цвѣтовъ и старая зима съ обледенѣлыми волосами ведутъ большой споръ, а кукушку, возвѣщающую весну, прославляютъ или бранятъ, и въ пѣснѣ XIV вѣка, вѣроятно, изъ области нижняго Рейна ¹⁾, лѣто жалуется мужчинамъ и друзьямъ, что господинъ, обладающій большой силой, хочетъ его прогнать; это—зима, которая громко говоритъ и угрожаетъ лѣту, что приближающійся морозъ (her van Scoenvorst) его схватитъ и прибьетъ; ледъ и градъ за одно съ зимою, буря (her Storm), дождь, снѣгъ и рѣзкіе вѣтры, называетъ она своими спутниками и т. д.

Весна и лѣто привѣтствуются съ радостью: «Лѣто и солнечный свѣтъ пріятно оживляютъ и радуютъ мое сердце и я съ удовольствіемъ могу весело прыгать въ зеленой травѣ,»... и: «Сердечно заставляетъ меня радоваться веселое лѣтнее время, всѣ мои цвѣты возвращаются, май доставляетъ много удовольствія» ²⁾, или: «Когда майскій вѣтерокъ вѣетъ, сходитъ въ лѣсу снѣгъ, тогда поднимаютъ голубыя фіалки головки вверхъ», или: «И когда маленькія лѣсныя птички поютъ и цвѣточки изъ земли вырастаютъ, радуются всѣ люди». ³⁾ Напротивъ, о зимѣ тогда никто не хочетъ знать: «Зима, ты должна съ нами проститься, это я слышала отъ всѣхъ; на то, что зима мнѣ сдѣлала дурного, я пожалуюсь лѣту». ⁴⁾

Маленькому птичьему міру съ большой образностью приписывается человѣческое чувство, состраданіе и участіе. Такъ жалуется щегленокъ: «Я бѣдный, маленький щегленокъ, сего-

¹⁾ Cp. Uhland, Schriften zur Geschichte deutscher Dichtung und Sage 3 Band, Stuttgart 1866, p. 21 ff. Alte hoch-und niederdeutsche Volkslieder in 5 Büchern, Stuttgart und Tübingen 1844—45, S. 23 und 30, гдѣ различныя растенія олицетворяютъ собою зиму и лѣто.

²⁾ Alte hoch-und niederdeutsche Volkslieder S. 84 и 113.

³⁾ Wenn's Mailüfterl weht, Geht im Wald drausz der Schnee, Da heb'n blau Veigerlu Die Köpferl in die Hôh.—Und wenn die Kleinen waldvögelein singen Und die blümlein ansz der erden springen; so freuen sich alle die lente. (Alte hoch-und niederd. Volksl. S. 389.)

⁴⁾ Ib. 96.

дня долженъ я улетѣть, ночью совсѣмъ одинъ, грустно черезъ лѣсъ. У меня ужъ нѣтъ вѣтки, на которой я могъ бы отдохнуть: зелень вся поблѣкла, мое сердце полно грусти.» Кукушка прославляется, какъ носительница добрыхъ вѣстей и пѣвица весны, или надъ ней подшучиваютъ, какъ напр.: «Кукушка собиралась летѣть къ своему дружку» и т. д. Много юмора можно найти въ пѣсняхъ о животныхъ ¹⁾ (Fabellieder) гдѣ описываются свадьбы животныхъ. Такъ описывается свадьба лисицы: «Будьте веселы, маленькія птички! я возьму себѣ невѣсту; скворецъ намъ осѣдластъ лошадей, потому что у него сѣрый плащъ; бобръ въ куньей шапкѣ будетъ нашимъ возницей; заяцъ съ легкими ногами поскачетъ впереди; соловей съ чистымъ голосомъ долженъ пѣть: сороки, которыя всегда прыгаютъ, устроятъ для насъ танцы» и т. д. Изъ всѣхъ пернатыхъ сладкозвучный соловей пользуется наибольшей любовью и наибольшимъ уваженіемъ; его искренно и любовно называютъ: «милый, премилый соловей» и ему даютъ почетныя наименованія, напр. господинъ соловей (по-нѣм. Frau Nachtigall) и обращаются къ нему на «вы». Маленькая милая лѣсная птичка считалась вѣстникомъ любви, также какъ и облака, и вѣтеръ: «Ты, маленькая лѣсная птичка, ты порхаешь по зеленому лѣсу туда и сюда, господинъ соловей, ты, маленькая лѣсная птичка, ты будешь моимъ гонимомъ.» ²⁾ Соловей предостерегаетъ дѣвушку отъ невѣрной любви или бываетъ молчаливымъ свидѣтелемъ любовныхъ свиданій. Весьма часто выражаются въ пѣсняхъ желанія такого рода: «Если бы я былъ птичкой и имѣлъ два крылышка, я бы полетѣлъ къ тебѣ, или если бы я былъ дикимъ соколомъ я бы вылетѣлъ отсюда, я бы опустился передъ домомъ богатаго бюргера; тамъ есть дѣвушка» и т. д. «Ахъ, если бы моя возлюбленная была холоднымъ ключемъ бьющимъ изъ камня, а я былъ-бы зеленымъ лѣсомъ, мое горе было бы меньше; зелень лѣсъ, холоденъ ключъ, стройна моя возлюбленная». Обманутая дѣвушка хочетъ унестиcя куда-нибудь далеко: «Если бы Богъ помогъ мнѣ сдѣлаться бѣлымъ лебедемъ! Я понеслась бы надъ горой и глубокой долиной и надъ бурнымъ моремъ, и отецъ и мать не знали бы, куда я при-

¹⁾ Uhland Schr. 3 с. 52.

²⁾ Volksl. 47

летѣла.» Цвѣты получаютъ значеніе различнаго рода символовъ. Розы, какъ и во всѣ времена, считаются цвѣтами любви хорошенькихъ дѣвушекъ, и рвать розы признается счастливымъ предзнаменованіемъ: «Розы надо рвать около полуночи потому что тогда всѣ ихъ листья покрыты свѣжей росой» или: «Время рвать розы, поэтому рви ихъ сегодня. Кто не рветъ ихъ лѣтомъ, тому ужъ зимой ихъ не сорвать,» ¹⁾ и т. д. Счень граціозенъ слѣдующій стихъ: «Посмотри на голубой цвѣточекъ похожій на голубое небо, онъ растетъ на зеленомъ лугу, онъ называется незабудкой.» Слѣдующій діалогъ исполненъ тайнаго символическаго значенія: «Хотѣла дѣвушка идти танцевать, искала розы въ перелѣскѣ и что она нашла тамъ у дороги? зеленый орѣшникъ. Да благословить тебя Богъ, господинъ орѣшникъ, отчего ты такъ зеленъ? Да благословить тебя Богъ, прекрасная дѣвушка, отчего ты такъ прекрасна?... На меня падаетъ холодная роса, оттого я такъ зеленъ... И если листья мои пропадутъ зимой, я лѣтомъ опять зеленъ; если дѣвушка потеряетъ свой вѣнокъ, она уже не найдетъ его никогда». Грустивше слѣдующая пѣсня: (стр. 68): «... Стоитъ липа въ этой долинь, о, Боже мой, что она тамъ дѣлаетъ? Она поможетъ мнѣ горевать, что у меня нѣтъ возлюбленнаго или: «Ахъ вы горы и глубокія, глубокія долины, неужели я видѣла моего возлюбленнаго въ послѣдній разъ? Солнце, мѣсяцъ и весь небесный сводъ будутъ грустить со мной до самой моей смерти!» Тамъ, гдѣ обнимаются любящіе другъ друга, вырастаютъ цвѣты изъ травы, смѣются розы, смѣются цвѣты и трава, шумятъ деревья, поютъ птицы ¹⁾, гдѣ влюбленные разлучаются, увядаютъ листья и трава ²⁾. Но всего трогательнѣе одно представленіе, какое мы находимъ въ народныхъ пѣсняхъ всѣхъ народовъ: оно заставляетъ изъ могилы влюбленныхъ вырастать цвѣты, розы и лиліи или растенія переплетающіяся между собой, такъ что въ нихъ любовь продолжаетъ жить, преодолевая смерть.

Такихъ свѣжихъ и глубокихъ сердечныхъ звуковъ напрасно стали бы мы искать у мейстерзингеровъ XV и XVI вѣковъ: у здравомысляющаго Ганса Закса кое-гдѣ выступаетъ и лю-

¹⁾ Volksl. S. 63—65.

²⁾ Cp. Uhland, op. cit 420 и 511.

³⁾ Wunderhorn II, 33.

бовъ къ природѣ; но всего граціознѣе выходитъ у него повторяющееся знаменитое сравненіе о виттебергскомъ соловѣѣ, «который теперь поетъ повсюду» (Лютеръ):

«Проснитесь, приближается день! Я слышу, какъ поетъ въ зеленой рощѣ сладкогласный соловей, его голосъ оглашаетъ гору и долину. Ночь склоняется къ западу, день поднимается съ востока, красногрудая утренняя заря проходитъ черезъ сумрачныя облака, оттуда видно свѣтлое солнце, свѣтъ мѣсяца затмевается, онъ сталъ теперь блѣденъ и тусклъ. ¹⁾ Соловей возвѣщаетъ восхожденіе солнца». ²⁾ Даже и у Фишарта, когда онъ описываетъ вѣздъ на Рейнъ въ своемъ «Счастлиvomъ караблѣ», мы замѣчаемъ мало чувства природы: «Обрадовались путники, когда они услышали шумъ Рейна и пожелала новаго счастья, чтобы счастливо ихъ Рейнъ понесъ дальше, и привѣтствовали его трубами: Намъ нужна твоя помощь, о Рейнъ, съ твоимъ свѣтлымъ теченіемъ: послужи намъ теперь пользу!..» ³⁾ Далѣе описывается, какъ Рейнъ встрѣчаетъ ихъ и принимаетъ ихъ какъ своихъ союзниковъ.

Это было безотрадное время, когда Германія была подавлена и обезсилена несчастнѣйшей изъ всѣхъ войнъ, отъ которой она должна была оправляться цѣлыя столѣтія. Однако и тогда свѣтится врожденная, наивная любовь къ природѣ въ стихотвореніяхъ Симплициссимуса, отражающихъ въ себѣ лучше всѣхъ другихъ литературныхъ памятниковъ культурное состояніе того времени. Когда онъ, оторванный отъ своей деревенской идилліи, изгнанный изъ отцовскаго дома, въ уединеніи лѣса у пустынника находитъ пріютъ и просыпается въ полночь, онъ слышитъ, какъ старикъ поетъ: «Приди утѣха

¹⁾ Wacht auf. es naht gen der tag! Ich hör'singen im grünen hag, Ein wunnikliche nachtigal, Ir stimm durchklinget berg und tal. Die nacht neigt sich gen occident. Der tag get auf von orient, Die rotbrüstige mosgenröt Her durch die trüben wolken get, Daraus die liechte sunn tut blicken, Des mondes seheiu tut sich verdricken. Der ist iez worden bleich und finster.

²⁾ Deutsche Dichter des 16 Jahrhunderts von goedeke und Tittmann, 2 Teil, Hans Sachs, Leiprig 1870, J. 1fi.

³⁾ Da freuten sich die Reiszgeferten, Als sie den Rein de rauschen hörten, Und wünschten auf ein neues Glück, Dasz glücklich sie der Rein fortschick, Und grüssten in de mit Tromneten: «Nun han wir deiner hilf vonnöten, O Rein mit deinem hellen flusz: Dien du uns nun zur fürdernusz»!...

ночи, о соловей, пусть твой голосъ съ звукомъ радости раздается какъ можно пріятнѣе! Приди, приди и восхвали твоего Создателя, потому что другія птицы крѣпко спятъ и не могутъ больше пѣть... Звѣзды, которыя стоятъ на небѣ, показываются во славу Божию и заставляютъ поклоняться Ему... Теперь, моя милая птичка и мы не будемъ лѣнны и не будемъ лежать и спать, но пока утренняя заря обрадуетъ эти пустынные лѣса, будемъ славить Бога». Симплиціусъ продолжаетъ: «Во время этого пѣнія казалось мнѣ дѣйствительно, какъ будто соловей, а также сова и эхо вторили ему». И въ дальнѣйшей пустынной жизни этого любителя приключеній, звучить иногда тоскливое воспоминаніе по этой мирной лѣсной идилліи.

Посмотримъ теперь каково было общее направленіе поэзіи природы въ другихъ странахъ во второй половинѣ XVII вѣка. Мы уже знаемъ, что въ Голландіи появилась на свѣтъ пейзажная живопись, въ Англіи драма Шекспира утвердила симпатическое чувство природы, въ Италіи и Испаніи процвѣтало буколическо-идиллическое и мистико-теософическое отношеніе къ природѣ и во Франціи Лесюеръ и Клодъ Лорренъ создали великолѣпные пейзажи, полные самой образной поэзіи природы. Но идеалу, проявляющемуся въ этомъ направленіи искусства, также какъ и въ трагедіи, предстояло скоро выродиться въ собственную карикатуру, въ манерность и искусственность, въ бессодержательную внѣшность и въ пустую погоню за эффектомъ. Парикъ есть характерная эмблема вѣка Людовика XIV, а коса — XVIII столѣтія. И въ общемъ возрѣніи на природу, мы можемъ замѣтить подобныя же искаженія вкуса. Исторія вкуса имѣетъ ту общую сторону съ исторіей чувства природы, что обѣ двигаются не по прямой линіи, а скорѣе по кривымъ, въ особенности, если мы будемъ разсматривать различные культурные народы одновременно и подъ однимъ угломъ зрѣнія. Кромѣ того, то, что одинъ народъ усвоилъ себѣ, долго еще не становится общимъ достояніемъ образованнаго человѣчества; точно также возрѣніе одного лица, хотя бы оно было ново, сильно и оригинально и даже прокладывало новую дорогу, никогда не проникаетъ сразу въ противо-дѣйствующіе ему слои, но пронизываетъ ихъ съ большой постепенностью. Вслѣдствіе того въ одно и то же время можно встрѣтить рядомъ величайшія крайности: новѣйшее мечтательное отношеніе къ природѣ, любовь къ свободной, неприкра-

шенной, не испорченной, не тронутой человекомъ дѣвственной природѣ на ряду съ самымъ манернымъ, искусственнымъ и неестественнымъ возрѣніемъ на нее. Лучшей иллюстраціей послѣдняго можетъ служить стиль французскихъ садовъ. Садовый стиль бываетъ всегда характернымъ мѣриломъ отношенія человека къ природѣ—подчиняетъ ли онъ природу своей волѣ по строгимъ архитектурнымъ законамъ, или щадитъ и уважаетъ ея свободу. Толчекъ для новаго французскаго садоваго стиля исходитъ изъ Италіи. Тамъ соприкасались древнее и новое время; вмѣстѣ съ Возрожденіемъ тамъ произошло возвращеніе къ стилю императорской эпохи, къ садамъ Плинія ¹⁾. Сады начала XVI вѣка тѣсно примыкали къ этому образцу. Вѣчно зеленыя изгороди лавровъ и буксовъ окружаютъ ихъ; у ихъ стѣнъ поднимаются мраморныя статуи и прерываютъ «привлекательными силуэтами однообразіе темной зелени; напрасно тамъ было бы искать дерна и цвѣтовъ; даже деревья изгнаны на край сада въ наиболѣе дикія мѣста; но повсюду видны, какъ лучшія украшенія всего сада, обширная перспектива на смѣющіяся равнины, украшенные куполами города или сверкающее вдали море, на которомъ, въ античное время, любили отдыхать взоры римскихъ влассителей» ²⁾.

Старый французскій садъ, какимъ его создалъ Ленотръ въ эпоху Людовика XIV при дворцахъ въ Версалѣ, С. Жерменѣ и С. Клу, строго подчиненъ архитектурическому началу. Подобно тому, какъ у Плинія, этотъ садъ тѣсно примыкаетъ къ отдѣльнымъ расчлененіямъ дворца: открытыя галлерей, павильоны и колоннады соединяютъ домъ и садъ. Простое распредѣленіе, симметрическій порядокъ господствуютъ повсюду, — и въ дерновыя площадкы, окруженныхъ буксовыми бордюрами передъ террасой дворца, въ красивыхъ арабескахъ цвѣтовъ и цвѣтныхъ камней, въ двойныхъ рядахъ померан-

¹⁾ Cp. Biese, op. cit 165 и слѣд.

²⁾ Ferd. Cohn, Die Gärten in alter und neuer Zeit, Deutsche Rundschau, XVIII. 1879 p. 256. Въ XVI столѣтіи въ Италіи произошла перемѣна въ томъ смыслѣ, что формы природы оставались нетронутыми, и садъ являлся переходомъ отъ дворца къ пейзажу, отъ неподвижныхъ архитектурныхъ формъ къ свободнымъ образованіямъ природы; въ Голландіи и Германіи преобладали сады съ украшеніями, со множествомъ цвѣтовъ. (Falke 256).

цовыхъ деревьевъ и въ группировкѣ статуй и фонтановъ. Средоточіемъ всего является дворецъ, вовсе не прикрытый деревьями; уже гораздо далѣе тянутся аллеи, но аллеи, разбѣгающіяся лучами, расположены такъ, что дворецъ всегда остается «point de vue», также какъ и сами аллеи заканчиваются въ опредѣленномъ мѣстѣ, отмѣченномъ обелискомъ или храмомъ.

Здѣсь нѣтъ недостатка въ лиственныхъ нишахъ, въ величественныхъ бесѣдкахъ и водяныхъ поверхностяхъ, прорѣзывающихъ паркъ въ видѣ каналовъ. Но до самаго края парка прямая линія является господствующей: всѣ линіи, какія художникъ провелъ и какія открываютъ садъ со стороны дворца во всѣ его концы, проведены по шнуру. Все здѣсь дышало искусствомъ: «природа не должна была подавать своего голоса, а только доставлять матерьялъ; свою образовательную силу она должна была приносить въ жертву этому вкусу и этому искусству». (Falke). Поэтому горы и лѣса служили препятствіемъ для художника и должны были исчезать передъ нимъ; только на равнинѣ могъ онъ проводить свои линіи деревьевъ и изгородей и размѣщать между зелеными стѣнами статуи и другія пестрыя украшенія. Холмы надо было сносить, и лѣса, которые допускались только, какъ нѣчто замыкающее цѣлое, въ пейзажныхъ требованіяхъ этого времени, совершенно отступали передъ искусственными парками. ¹⁾ Деревьямъ и вѣтвямъ не давалось

¹⁾ В. Г. Риль (W. H. Rieh), «Kulturstudien aus drei Jahrhunderten», Stuttgart 1859, S. 57 и слѣд.) рассказываетъ, какъ топографическія описанія XVII вѣка представляютъ Берлинъ, Лейпцигъ, Аугсбургъ, Дармштадтъ, Мангеймъ, лежащими въ «прекрасной и веселой мѣстности», а самыя живописныя части Шварцвальда, Гарца и Тюрингервальда называютъ весьма некрасивыми, пустынными и однообразными, или, по крайней мѣрѣ, неособенно пріятными по своимъ пейзажамъ. Когда мѣстность была ровна и безлѣсна, тогда она давала надежду превратить ее въ очаровательный ландшафтъ. Гессенъ-Кассельскій лейбъ-медикъ Велькеръ рассказываетъ въ своемъ описаніи Шлангенбада, появившемся въ 1721 г., что этотъ городъ лежитъ въ пустынной и непривлекательной странѣ, гдѣ ничего не растетъ, кромѣ деревьевъ и травы, но посредствомъ искусной прямолинейной и кругообразной обрѣзки деревьевъ, этому мѣсту придали нѣкоторую живописность. Мы видимъ, что принципъ французскихъ садовъ обратился въ далеко распространенное правило вкуса. Риль, въ виду гористыхъ заднихъ плановъ, которые любятъ средневѣковые живописцы, заключаетъ

позволенія жить и развиваться по своему. Они должны были подчиняться капризу или принципу садоваго художника, грубыя ножницы котораго вырѣзывали изъ нихъ кубы, конусы, пирамиды и другія фигуры, даже фигуры животныхъ. Кипарисы поднимались на подобіе колоннъ въ вышину или обстригались въ видѣ сердца съ острыми концами вверхъ или внизъ. Это искусство создавало цѣлыя охоты съ охотниками и собаками, съ оленями и зайцами въ полномъ движеніи на одной изгороди (Falke 261). Дѣйствительно, о подобныхъ садовыхъ украшеніяхъ можно сказать вмѣстѣ съ здравомыслящимъ Клаудиусомъ: «Это простая игра ножницъ и носить на себѣ ихъ слѣды; въ ней нѣтъ великаго полного сердца величественной природы». На самомъ дѣлѣ такой садъ представлялъ нѣчто совершенно противоположное свободной природѣ: онъ былъ зеленой архитектуры; ножницы вырѣзывали въ немъ стѣны, окна, своды, куполы, галлерей, театры со сценами и кулисами изъ зеленыхъ изгородей, на которыхъ мар-

объ ихъ склонности къ дикому и романтическому, противоположно тому, что было въ эпоху париковъ. Онъ говоритъ: «Въ средніе вѣка живописцы избирали причудливыя, зубчатая формы горъ и скалъ для своихъ заднихъ плановъ; такимъ образомъ, дикая, обнаженная горная природа считалась тогда прототиномъ красиваго пейзажа, а черезъ нѣсколько столѣтій позже такія формы считались слишкомъ грубыми и неправильными для того, чтобы ихъ, вообще, можно было находить красивыми». Въ этомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ уважаемымъ авторомъ. Онъ и самъ ослабляетъ силу своего сужденія, говоря далѣе: «Ради своего вполне фантастическаго и романтическаго идеала искусства, средневѣковыя живописцы должны были придавать своему ландшафту рѣзкость и грубость; это не списанный съ натуры, не земной, а вымышленный, священный пейзажъ, который поднимался предъ ихъ умственнымъ взоромъ». Но, мнѣ кажется, Римъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, когда онъ прибавляетъ: «Это обратилось потомъ въ настоящій портретъ природы и опредѣлило отношеніе того времени къ пейзажу». Я держусь слѣдующаго мнѣнія: такъ какъ живописцы вовсе не знали альпійской природы, и пониманіе ея возникло уже гораздо позднѣе, эти гористыя задніе планы могутъ быть всего проще объяснены тѣмъ, что художники старались дать возможно возвышенные задніе планы возвышеннымъ предметамъ, какіе они изображали и какіе стояли во всемъ ихъ величій передъ ихъ благочестивымъ чувствомъ. Поэтому въ формахъ этихъ «героическихъ» горъ нельзя искать ихъ идеала красоты пейзажа и нельзя заключать изъ нихъ о «романтическомъ» чувствѣ природы, о склонности къ романтическому или о поразительной переѣнѣ отношенія къ природѣ въ эпоху париковъ.

кизы въ длинныхъ парикахъ и кружевныхъ жабо, въ бархатныхъ и шелковыхъ кафтанахъ и нарядныя дамы съ фижмами и высокими прическами, разыгрывали любительскіе спектакли. Если были аллеи изъ фонтановъ, то были и водяные театры, кулисы которыхъ состояли изъ падающей воды. Среди этой искусственной, манерной, искаженной природы размѣщалась вся соединенная греческая міѳологія; весь аппаратъ Олимпа былъ приведенъ въ движеніе, чтобы наполнить зеленыя ниши и стѣны; легенды о Дафнѣ и Аполлонѣ, о Мелеагрѣ и о Аталантѣ были представлены здѣсь и поражали взоръ гуляющихъ по этимъ аллеямъ. Тогдашній человѣкъ, со своимъ костюмомъ и своими нравами, гармонировалъ съ этимъ садомъ: тогда во всемъ преобладала величественность стиля. Но за тѣмъ наступила эпоха Людовика XV, эпоха рококо и косы. Гордый, высокій парикъ сжался въ косу и величіе Лепотра замѣнилось мелочной манерностью. «Искусственность осталась, а величественность исчезла и ея мѣсто заступилъ капризъ,» говоритъ Фальке, въ своей превосходной характеристикѣ этой эпохи ¹⁾, и кокетливость, прибавимъ мы. Всѣ явленія искусства того времени носятъ на себѣ тотъ-же отпечатокъ. Это можно сказать и о живописи. Искусственны, неправдивы и слишкомъ прикрашены люди, небо и пейзажъ на картинахъ Ватто: эти картины—самостоятельное произведеніе художника, но онѣ вполне подходятъ къ «галантнымъ празднествамъ». «Сверкая въ солнечномъ блескѣ свѣжаго россистаго утра, или облитыя золотымъ свѣтомъ и душистыми цвѣтными тѣнями погасающаго вечера, эти картины привлекаютъ глазъ и наши чувства прелестью своего поэтическаго настроенія въ такой степени, что мы, погружаясь въ ихъ созерцаніе, забываемъ о себѣ.» Ватто «все-таки зналъ природу и любилъ ее, хотя и передавалъ съ опьяненной точки зрѣнія влюбленнаго, забывающаго все индивидуальное и старающагося удержатъ только общее впечатлѣніе просвѣтленной красоты: но Буше не находилъ никакой гармоніи, никакой прелести въ природѣ, поэтому его розовато-голубые пейзажи, его небо, деревья, голубоватая трава, имѣютъ такой видъ, какъ будто онъ ихъ оригиналовъ никогда не видѣлъ въ дѣйствительности. Его міръ не имѣетъ ничего общаго съ природой,

¹⁾ Falke ib. 270.

а съ дѣйствительностью только то, что своею чувственностью, игривостью, фальшивостью и прикрашенной кокетливостью служить отраженіемъ того лживаго времени.» Но одно лишь проступаетъ и у Ватто, и у Буше: это склонность къ идилли, въ которой есть доля глубокой, смертельной тоски; въ самомъ свѣтломъ, любовномъ счастьи Ватто чувствуется какое-то вѣяніе меланхоліи. Здѣсь заключается въ зародышѣ то стремленіе къ наивному, пастушескому міру, т. е. къ утраченной природѣ и естественности, изъ котораго, послѣ долгаго блужданія въ области чувствительности, должна была возникнуть вновь сперва тоскливая, затѣмъ все болѣе и болѣе свободная, свѣжая и живая любовь къ природѣ.

Нѣмецкая литература ХVІІ вѣка также стоитъ подѣ знаменемъ парика или косы, она также манерна или напыщена. И чувство и форма въ ней искусственны; стихи въ ней точно выточены и потомъ склеены; они не рождаются возвышеннымъ возбужденіемъ поэта, а фабрикуются кропотливой работой. Тогдашней поэзіи задаетъ тонъ и стоитъ во главѣ ея Мартинъ Опицъ ¹⁾.

Несмотря на многочисленныя путешествія, онъ не выказываетъ въ своихъ стихотвореніяхъ истиннаго выраженія чувства природы. Онъ даетъ весьма немного и едва-ли позволяетъ заключить, что онъ понимаетъ наслажденіе далекой перспективой въ нашемъ смыслѣ, когда обращается къ горѣ съ слѣдующими словами ²⁾: «Природа назначила здѣсь удовольствіе для тѣхъ, которые поднимутся на тебя съ трудомъ, чтобы они были за это вознаграждены.» Уже теплѣе выступаетъ у него буколическій интересъ къ мирной сельской жизни; такъ онъ пишетъ: «Вы, мѣста полной радости вы, нѣжные мирты, вы долины, горы, цвѣты и камни, вы приютъ всякаго спо-

¹⁾ Нѣкоторый матерьялъ даетъ Винтеръ въ своей «Harburger Programm» (1883): «Beiträge zur Geschichte des Naturgefühls,» въ которой онъ послѣ не совѣтъ полнаго обзора литературныхъ произведеній имѣющихъ отношеніе къ чувству природы древняго и новаго времени, во II гл. (17—38), даетъ очеркъ развитія новѣйшаго чувства природы въ Германіи отъ Опица до 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, на основаніи свидѣтельствъ изъ литературы того времени, причемъ опирается преимущественно на Гёдеке.

²⁾ M. Opitz, herausgegeben von Titmann (D. Dichter des 17 Jahrh.). Leipzig 1869, S. 53.

койствія, около васъ хотѣлъ бы я находиться;» онъ противопоставляетъ природу человѣческому сердцу, очевидно примыкая къ античнымъ поэтамъ, какъ напр., къ Горацию, котораго «*Beatus ille*» послужилъ ему образцомъ для стихотворенія «Златна.» Этотъ вполне условный контрастъ встрѣчается въ весеннемъ стихотвореніи: «Морозный ледъ долженъ совсѣмъ пройти, спѣгъ не можетъ уже болѣе держаться, Фавоній, нѣжный вѣтеръ опять находится (!) на поляхъ, посѣвъ поднимается съ силою, трава зеленѣетъ съ большою пышностью, деревья раскрываются, цвѣты показываются... Только ты скорбишь, мое сердце» ¹⁾). Болѣе тоски по родинѣ, чѣмъ настоящего чувства природы, заключается въ слѣдующемъ обращеніи: «Вы березы и вы высокія липы, Вы пустыни и ты тихій лѣсъ, Простите съ глубокими низинами И зелеными лугами; моего утѣшенія и лучшаго пріюта я долженъ искать не у васъ, а въ другомъ мѣстѣ». Но всего болѣе Опицъ отдалъ дань идиллическому вкусу своего времени въ пастушескихъ стихотвореніяхъ, что, къ нашему удивленію, на замѣчено Винтеромъ. Тирады этихъ стихотвореній выказываютъ сантиментально-элегическій колоритъ, свойственный той эпохѣ. Правда, еще и ранѣе существовали нѣмецкія обработки иностранныхъ пастушескихъ стихотвореній, какъ напр. «Пастораль о прекрасной Юліанѣ» Монте (1596); «Астрея» Урфе и «Діана» Мантемайера; появились въ 1619 г., а «Аркадія, графиня Пемброкъ» Сиднея десятию годами позднѣе, но Опицъ старался еще болѣе о распространеніи этого рода поэзіи и написалъ кромѣ множества маленькихъ пасторальныхъ стихотвореній, какъ напр. «Дафна», «Галатея», «Кориданъ», «Астерія», свою «Пастораль о нимфѣ Герциніи» ²⁾. Возрѣніе на природу въ этихъ сочиненіяхъ также искусственно какъ и форма. Поэтъ рассказываетъ, какъ онъ «не просыпался, пока мать звѣздъ—ночь не поблѣднѣла и прекрасная утренняя заря не начала показываться, а вмѣстѣ съ ней и все остальное»... «я вскопчилъ и привѣтствовалъ пріятные лучи солнца, которые

¹⁾ «Das frostig Eis musz ganz vergehn, Der Schnee kann garnicht mehr bestehn, Favonius, der zarte Wind, Sich wieder auf die Felder findt (!), Die Saate (sic!) gehet auf mit Macht, das Grase grünt in voller Pracht, Die Bäume schlagen wieder aus, Die Blumen machen sich heraus... So stelle du auch Trauren ein, Mein Herz!»

²⁾ Tittmann op. cit. 152,

блестѣли сверху горы и, казалось, утѣшали и меня.» Онъ приходитъ къ источнику, «который съ привлекательнымъ шумомъ и журчаньемъ, спадалъ внизъ съ утеса,» вырѣзываетъ длинное стихотвореніе на корѣ ели, разговариваетъ съ тремя пастухами о добродѣтели, любви и путешествіяхъ, пока ему является нимфа Герцинія и показываетъ источники силезскихъ рѣкъ. Одинъ изъ пастуховъ Бухнеръ, распространяется о влагѣ въ природѣ. «Особенно дочь Всевышняго, добрая Природа, показала себя въ морѣ, рѣкахъ и источникахъ и это ея лучшія произведенія.»

И у лирика, стоящаго гораздо выше, у Флемминга мы не находимъ способности передавать словами впечатлѣній пейзажа, которыхъ онъ испыталъ такъ много въ теченіе своихъ путешествій. Пытаясь это сдѣлать, онъ приводитъ весь Олимпъ въ движеніе, призываетъ ореадъ и дріадъ, Кастора и Поллукса и т. д.

Рѣдко нападаетъ онъ на чистый, вѣрный тонъ, изображая свои чувства по отношенію къ природѣ и къ своему сердцу, какъ это ему удастся въ лучшемъ изъ его сонетовъ «Къ себѣ»; рѣдко проводитъ онъ такія параллели между ними, какъ въ слѣдующихъ стихахъ: «Сжался надъ моими мученіями, ты, старая, пустынная роща; Титану самые свѣтлые лучи не даютъ никакого блеска. Какъ мрачна твоя черная чаща, такъ темна и моя бѣдная душа». Евангелическая церковная пѣсня, которой посвящалъ свою лиру и Флеммингъ, въ эти времена упадка является представительницей настоящаго теплаго чувства и неподражаемо умѣетъ воспроизводить тоны народной пѣсни. Изъ собранія «Стихотвореній современныхъ поэтовъ» Пауля Гергарда немногіе стихи не могутъ сравниться по своей красивой простотѣ съ «Вечерней пѣснью»: «Спокойны всѣ лѣса, скотъ, люди, поля и города. Весь міръ уже уснулъ», и далѣе: «День уже прошелъ, золотыя звѣздочки блестятъ въ голубомъ небесномъ покоѣ». Къ такимъ простымъ поэтическимъ выраженіямъ ближе всѣхъ подходитъ Андрей Грифіусъ, когда онъ поетъ: «День прошелъ, усталыя толпы людей оставляютъ поле и работу; гдѣ были животныя и птицы, груститъ теперь уединеніе»... «Вы, свѣтила, на которыя я на землѣ не могу до-сыта насмотрѣться... Какъ много у меня прекрасныхъ ночей, когда я, смотря на васъ, не сплю».

Въ Гамбургской, Кенигсбергской и Нюрнбергской поэтическихъ школахъ, было много писано о природѣ и ея величіи,

но это, по большей части, праздный, лишенный чувства и вкуса наборъ словъ. Широковѣщательныя заглавія прикрываютъ эти ничтожныя произведенія стихоплетства. Такъ Филиппъ фонъ-Цезенъ въ своемъ стихотвореніи «Радость весны и поэтическая долина розъ и лилій», говоритъ: «Просыпайтесь, мои мысли, будьте веселы сердцемъ, въ этомъ пріятномъ радостномъ утрѣ, ахъ, смотрите, весна теперь об-~~является~~я, земля открываетъ свои сокровищницы», и въ слѣдующихъ напыщенныхъ стихахъ: «Блистай, небо, окроплай насъ, дождь, радуйтесь, наши лѣса и поля! Сверкайте, звѣзды, вѣйте, вѣтерки», и т. д. Если не интереснѣе, то нѣсколько оригинальнѣе произведенія Цезена. Онъ несомнѣнно исполненъ самыхъ лучшихъ намѣреній; противоположно силезцамъ, онъ стремится къ простотѣ и ясности выраженія и не любитъ иностранныхъ словъ. Въ то же время, онъ рѣшительный другъ природы; онъ охотно ведетъ насъ въ сады, мечтаетъ о прохладныхъ аллеяхъ и цвѣтникахъ изъ тюльпановъ, объ эхо и пѣніи птицъ. Въ это время процвѣтала склонность къ идиллической пастушеской жизни; знатные люди цѣлыми семействами уѣзжали въ деревню, надѣвали пастушескій костюмъ и сантиментально отдавались прелестямъ сельской жизни. Сообразно этому вкусу, Цезенъ влѣстаетъ въ свой романъ «Адриатическая Розамунда» пасторальный эпизодъ ¹⁾. Розамунда, бракъ которой съ Маркгольдомъ отецъ ея связалъ различными условіями, дѣлается пастушкой: «Недалеко отъ Амстеля лежитъ очень веселое мѣсто, которое отъ множества липъ и ясеней, живущимъ въблизи пастухамъ и пастушкамъ, въ жаркіе лѣтніе дни, служить для пріятной прохлады. Тѣнистыя деревья, прекрасные луга, богатые водой овраги, которые кругомъ орошаютъ это веселое мѣсто, а также проходя среди нихъ, даютъ ему очень красивый видъ... На склонѣ горки, неземная Розамунда выбрала себѣ жилищемъ маленькую пастушескую хижину, которая стояла около воды и была окружена высокими липами для того, чтобы птицы на нихъ въ утренніе и вечерніе часы славили ее... Въ такомъ мѣстѣ и въ такомъ уединеніи живетъ превосходящая всѣхъ людей Ро-

¹⁾ Die Adriatische Rosemund, eine Liebesgeschichte, von Ritterhold von Blauen, Amsterdam 1645, cp. Cholevius, Die bedeutendsten deutschen Romane des 17 Jahrhunderts, Leipzig 1866.

замунда»¹⁾. Среди этого мира и тишины, мысли Розамунды начинают успокаиваться; она мечтает о Маргольдъ и неутожимо вырѣзываетъ его имя на деревьяхъ. Образцомъ возрѣнія того времени на природу во всей его искусственности и манерности, можетъ служить слѣдующее описаніе прогулки, которую совершаетъ возвратившійся Маргольдъ съ Розамундой и ея сестрой, Штильмутъ: «День былъ прекрасенъ, небо ясно и погода чрезвычайно пріятна. Солнце освѣщало своими привлекательными лучами, которые были очень свѣтлы, радостный міръ съ такой любовью, что не было охоты оставаться въ домахъ. Они поднялись въ садъ, гдѣ прекрасныя розы уже раскрылись отъ теплоты солнца, и сѣли сперва у родника, а потомъ въ изящный гротъ, гдѣ Маргольдъ особенно забавлялся красиво расписанными и изящными раковинами. Когда это пріятное общество достаточно налюбовалось игрой воды и веселымъ журчаньемъ, оно отправилось, наконецъ, въ тѣнистую аллею, и тамъ Розамунда говорила различныя милыя рѣчи. Сначала она заговорила о разноцвѣтности тюльпановъ и сказала, что едва-ли какой-нибудь живописецъ можетъ подобрать и изобразить болѣе прекрасныя цвѣта чѣмъ у тюльпановъ», и такъ далѣе въ томъ же родѣ.

Для восхваленія физической красоты Цезенъ привлекаетъ для сравненія все великолѣпіе природы; такъ напр. въ «Самсонѣ» онъ слѣдующимъ образомъ прославляетъ красавицу²⁾: «Такихъ прекрасныхъ лучей никогда не бываетъ у солнца, когда оно свѣтитъ всего лучше, какъ тѣ лучи, какіе испускали два солнца — ея глаза... такъ прекрасно, такимъ красивымъ краснымъ и такимъ пріятнымъ бѣлымъ цвѣтомъ не цвѣтетъ ни одинъ цвѣтокъ, когда онъ цвѣтетъ всего лучше, какъ цвѣло поле ея щекъ... Ни одна бѣлая роза, ни одна лилія, самая нѣжная и непорочная, и снѣгъ, когда онъ только что выпалъ и еще остался нетронутымъ, не могутъ быть такъ

¹⁾ «Unfern von der Amstel liegt ein überaus lustiger ort, dehr von wägen viler linden und erlen denen umhähr—wohnenden schähffern und schähfferrinnen, in den heissen sammergarten zu einer angenähmen kühlung dinet. Di schattichten bäume, di libblichen wisen, di wasser-reiche gräben, welche so wohl disen lust-platz ringst umhähr bewässern, als anch mitten durchhingähen, gälen ihm ein überaus schönes aus-sähen»... и т. д. S. 112 и срѣд., Cholevius S. 71.

²⁾ Cholevius, 115.

бѣлы, какъ было бѣло небо ея чела, замокъ ея ума». Ему не уступаетъ Г. Ансельмъ ф. Циглеръ Клиппгаузенъ въ своей извѣстной «Азіатской Ванисѣ» ¹⁾: «Солнца ея глазъ играли молніями; кудри ея волосъ, игравшія около ея головы, какъ волны, были скорѣе темны, чѣмъ свѣтлы; ея щеки представляли прекрасный рай, въ которомъ розы и лиліи цвѣли вмѣстѣ и, казалось, сама любовь обитаетъ въ этомъ цвѣтннкѣ розъ». Вообще этотъ высокопоставленный романистъ сообразно требованіямъ второй силезской поэтической школы любитъ пышныя образы и сравненія и напыщенную риторику. Къ пейзажамъ еще болѣе величественнымъ стремится герцогъ Антонъ Ульрихъ Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскій, такъ, что Холевіусъ ²⁾ замѣчаетъ: «Нѣмецкое чувство герцога въ пріятной формѣ высказывается въ той радости, какую ему доставляетъ природа. Разсказъ часто ведетъ насъ въ лѣса и луга; тотъ, чье сердце уже (!) отягчаетъ тяжелый опытъ, идетъ со своими заботами и жалобами къ одиноко текущему ручью и къ камнямъ, поросшимъ мхомъ; счастливые влюбленные слушаютъ сладкую пѣсню соловья». Не смотря на темноту языка, его описанія отличаются нѣкоторымъ вкусомъ и широтой, каковы, напр., описанія королевскаго луга и грота около Арвера въ «Араменѣ» ³⁾: «Черезъ луга протекалъ по срединѣ очень холодный, кристальный ручеекъ, красивое теченіе котораго по каменистому ложу производило пріятный шумъ. Подобно тому какъ этимъ доставлялось удовольствіе слуху, и передъ глазами со всѣхъ сторонъ были чрезвычайно пріятныя отдаленныя виды: едва ли можно было бы найти болѣе веселую страну, въ которой все было собрано вмѣстѣ» и т. д. Онъ прославляетъ журчащія воды, пріятный шумъ водопада, красивый видъ изъ грота: «Черезъ многія отдушины можно было смотрѣть внизъ, въ глубокую долину, которая исчезала изъ глазъ; послѣдняя была окружена высокими горами, на которыхъ пастухи пасли свои стада: и если слышался звукъ пастушескихъ свирѣлей, посредствомъ эхо, онъ такъ часто удвоивался, что ничего не могло быть пріятнѣе». Слщаваы пасторали вплетены и здѣсь

¹⁾ Cholevius, 165.

²⁾ Cholevius, 215.

³⁾ S. 219 Aramena IV 22.

съ такого рода стихами: «(Рахиль): Ты, Хаврасть, ты — рѣка любви, гдѣ уста Іакова дали мнѣ первый поцѣлуй... Ты, свѣтлый ручей, часто уносишь съ собою многія горячія слова моего Іакова... На многихъ листахъ изрѣзанной древесной коры найдутъ записанными мои страданія».

Но уже совершенно безвкусную пасторальную болтовню мы находимъ у Пегницкихъ поэтовъ Клая и Гарсдёрфера. Ихъ искусство заключается въ подражаніи звукамъ природы, въ особенности пѣнію птицъ ¹⁾. И все это заслуживало самаго живѣйшаго одобренія. Еще болѣе насъ должно удивлять, что манера Логенштейна въ теченіе почти 30 лѣтъ считалась образцовой, и тотъ, кто писалъ проще, чистосердечно извинялся за неспособность возвыситься до такого мастера. Трудно сказать въ настоящее время, что непріятнѣе у Гофмансвальдау и Логенштейна — напыщенность и неестественность или скрытая чувственность. Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать безсодержательнымъ, лишеннымъ всякаго истиннаго чувства начало стихотворенія послѣдняго изъ названныхъ авторовъ подъ заглавіемъ: «Хвала розѣ, воспѣтая солнцемъ» ²⁾: «Это царица цвѣтовъ и растеній, невѣста неба, сокровище міра, дитя звѣздъ, о которой вздыхаетъ любовь, — я, само солнце, ее ласкаю, потому что ея вѣнчикъ золото, листья бархатъ, стебель и ножка смарагдъ, а ея блескъ посрамляетъ рубины. Все, что творенія получаютъ въ отдѣльности, всѣмъ этимъ природа украшаетъ розу. Она сама стыдится, и краснѣютъ ея щеки, потому что передъ ней стоятъ пристыженными всѣ цвѣты». Въ томъ же родѣ его стихотвореніе «Любовь розы», гдѣ онъ находитъ во всемъ отблескъ любви, и которое заканчивается словами: «Развѣ роза не царица цвѣтовъ, чудное дитя солнца и земли».

Искусственность и напыщенность на столько выступаютъ у этихъ поэтовъ и ихъ картины природы на столько лишены всякаго чувства, что мы можемъ ограничиться этими немногими образцами ихъ поэзіи.

¹⁾ У Клая въ стихотвореніи Wechselgesange аисты въ гнѣздѣ «Klappern, plappern и rappern»; жаворонокъ въ воздухѣ tirililiret, tiliret и т. д.; этими звукоподражаніями у него наполнены 48 стиховъ.

²⁾ Daniel Lohensteins Blumen. Breslau 1689.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Признаки возвращенія къ живой природѣ.

Когда мы послѣ этой искусственной поэзіи, «сухой какъ мумія», обращаемся къ народной поэзіи, намъ она кажется водой изъ свѣжаго, чистаго источника. И въ описываемую нами эпоху потокъ народной поэзіи продолжаетъ течь, какъ всегда, «незатронутый современной модой, всегда юный и освѣжающій, пробиваясь изъ народной массы» ¹⁾. Уже изъ немногихъ, исполненныхъ своеобразнаго настроенія стиховъ этихъ пѣсенъ, мы можемъ видѣть, что старая, искренняя, простая любовь къ природѣ еще не совсѣмъ исчезла, и знакомыя сердечныя ноты еще не совсѣмъ заглохли. Такъ, передъ нами опять является первобытное одушевленіе, когда пѣсня говоритъ о Божьей Матери: «Марія шла черезъ лугъ, и плакали трава и цвѣты отъ горя, что она не нашла своего Сына». Юноша, отправленный въ монастырь, желаетъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ горевала вся природа: «Привѣтствую васъ всѣхъ, горы и долины... Листья и трава. И все, что зеленѣетъ. Въ дикихъ лѣсахъ, о дерево, сбрось твою зеленую красу; жалуйся, умереть какъ мнѣ подобаетъ и тебѣ».

Какъ весело привѣтствуетъ странникъ прекрасную весеннюю природу:

«Въ широкій, широкій міръ мы теперь идемъ, съ сердечнымъ весельемъ и радостью. Луга зеленѣютъ, цвѣты цвѣтутъ, лѣсъ начинаетъ одѣваться... И что бы мы ни слухали и что бы мы ни видѣли, все радость и жизнь; почти не вѣришь глазамъ, какъ все поетъ и порхаетъ», и въ другомъ мѣстѣ: «что можетъ быть лучше, какъ быть въ пути, въ такое молодое весеннее время, идти отъ одного мѣста до другого, при громкомъ весельи и радости? Развѣ не свѣтитъ ясное солнце, и птички съ восторгомъ не поютъ вездѣ»...

Охотникъ, выходящій на «раннюю охоту», поетъ, ощущая исполнѣ все скрытое и явное въ этотъ ранній часъ: «когда я

¹⁾ Freih. v. Dittfurth, Deutsche Volks-und Gesellschaftslieder des 17 und 18 Jahrhunderts, 1872; къ сожалѣнію, я знаю это сочиненіе только изъ цитатъ у Винтера.

прихожу въ лѣсъ, тамъ все тихо и молчить,—и все, что видишь, все спитъ. Только воздухъ прохладенъ и свѣжъ; теперь вершину самой высокой ели Аврора расписываетъ золотомъ, тамъ сидитъ зябликъ, и его пѣсня раздаётся, какъ благодарность за эту ночь, отъ которой міръ просыпается вновь. Тихонько набѣгаетъ утренній вѣтеръ, качается въ верхнихъ вѣткахъ, и онѣ, какъ благочестивыя дѣти, кланяются точно въ молитвѣ. И роса, какъ жертва, падаетъ съ ихъ зеленыхъ волосъ. О, какъ пріятно это видѣть, это слышать въ лѣсу ¹⁾...

Здѣсь уже нельзя не замѣтить искренняго чувства, хотя оно и звучитъ еще въ скрытой мелодіи: «тихонько набѣгаетъ утренній вѣтеръ, качается въ верхнихъ вѣткахъ»; въ немъ уже отчасти слышится будущій молодой Гете. Одушевление молодыхъ вѣтвей, наклоняющихся, какъ молящіяся дѣти, трогательно, наивно и наглядно.

Но уже и въ искусственной поэзіи, рядомъ съ широкимъ русломъ многочисленныхъ поэтическихъ школъ, можно видѣть нѣкоторое боковое теченіе, уклоняющееся отъ напыщенности и неестественности, въ особенности отличающихъ силезскую школу. Справедливо указываетъ Винтеръ, что уже сатирики Мошеронъ и Логау способствовали болѣе здоровому направленію или болѣе здоровому чувству природы, бичуя тогдашнее жалкое искаженіе языка. Дѣйствительно, эпиграмма Логау, въ которой говорится о маѣ, что «этотъ мѣсяцъ — поцѣлуй, какой небо даетъ землѣ, чтобы она, теперь его невѣста, въ будущемъ сдѣлалась матерью», превосходитъ всю поэзію природы Гарсдёрфера и Цезена.

Даже рядомъ съ Опицомъ и Флеммингомъ, мы во всякомъ случаѣ, находимъ одного поэта, которому его стихи диктуетъ настоящее чувство, Фридриха ф.-Шнее ²⁾. Съ мистико-пѣти-

¹⁾ Wenn ich komm nun in den Wald, Da ist alles stumm und stille, Schlummrig auch nun von Gestalt, Nur die Luft ist frisch und kühle... Jetzt die höchste Tannenspitz Thut Aurora güldig malen, Drauf das Fienklein hat sein Sitz Und sein Lobgesang lässt schallen Als ein Dank vor diese Nacht, Davon neu die Welt erwacht. Zeislich kommt der Morgenwind, Wieget in den oberst Zweigen, Dasz sie, wie die frommen Kind, Als zum Beten sich verneigen. Auch ein Tau als Opter dar, Fällt aus ihrem grünen Haar...

²⁾ Goedeke-Tittman ſsche Sammlung, XIII, Trutz-Nachtigal, herausgegeben von G. Balke, Leipz. 1879.

ческими воззрѣніями у него соединяется сердце, открытое для величавой и привлекательной стороны природы. Какъ говорить Шеберъ ¹⁾, «презрѣніе къ міру и напыщенное восхваленіе природы, смертельная тоска и потоки слезъ сокрушенія о грѣхахъ и дѣтская игра чувствами и словами, пластическія олицетворенія и расплывающаяся мечтательность переплетаются у него между собой». Если его пѣсни о природѣ нерѣдко переходятъ въ чувствительныя гимны и бываютъ проникнуты превыспреннимъ восхваленіемъ благъ творенія, то они содержатъ многія своеобразныя черты образной поэтической миниатюры. Даже море, рѣдко встрѣчающееся въ поэзіи того времени, привлекаетъ поэта: «свирѣпое море то шумитъ и жестоко бушуетъ, то опять утихаетъ... Съ любовью освѣщаетъ его солнце съ нѣжнымъ тепломъ, когда оно часто въ немъ отражается».

Все нѣжное и дружелюбное, весна, солнечный блескъ, пѣніе птицъ, въ особенности, говорятъ его душѣ, какъ напр.: «Скучная зима уже прошла, журавли возвращаются, поднимается птичій крикъ, число гнѣздъ увеличивается... Какъ змѣи извиваются, текутъ кругомъ прохладныя ручейки въ лѣсахъ», или: «въ зеленомъ лѣсу я недавно сидѣлъ у каменной глыбки, и чрезъ нѣжную листву и траву пронесся тихій вѣтерокъ. Свѣтлый родничекъ билъ рядомъ, онъ брызжетъ свѣжо и радостно, и чистый ручеекъ, такой-же прелестный, сочится съ высокой скалы».

Вмѣстѣ съ нѣжными уменшительными, эти мотивы часто возвращаются у него. Многія изъ его олицетвореній смѣлы и поэтичны. Солнечныя лучи называются «пурпуровыми волосами»; мѣсяцъ добрый пастырь, выгоняющій своихъ овецекъ, звѣзды, на голубое пастбище и скликающій ихъ въ сладкозвучный рогъ; весною чистое солнце наряжается, падѣваетъ корону, опоясывается розами, наполняетъ свой колчанъ стрѣлами и летитъ на своихъ коняхъ по гладкому, какъ мраморъ, пространству; вѣтеръ летаетъ кругомъ, отряхаетъ свои крылья и удаляется опять въ свой домъ, когда ужъ налетается до усталости; ручей Кедронъ сидитъ, опираясь на деревянный сосудъ, въ ущельи, съ плечами, покрытыми травой и листьями

¹⁾ Scheber, Geschichte der deutschen Litteratur, Berlin, 1883, S. 334.

водяныхъ растеній; своей «водицѣ» насвистываетъ онъ колыбельную пѣсню или гонить ее отъ себя и т. п.

Но самымъ талантливымъ поэтомъ этой группы и самымъ серьезнымъ противникомъ Логенштейновской напыщенности былъ несчастный Христіанъ Гюнтеръ ¹⁾. Онъ испытываетъ внутреннюю, глубоко живущую въ его сердцѣ потребность дать своему чувству излиться въ стихахъ, найти для него выраженіе. Въ его стихахъ уже предчувствуется лирика Гете; они текутъ, какъ будто для того, чтобы освободить отъ бремени отягченное сердце, и слова ихъ сплетаются какъ бы сами собой. Перелистывая книгу его пѣсень, среди жалобъ и любовной тоски, мы находимъ проблески сердечнаго чувства природы. Когда онъ вновь посѣщаетъ мѣста, гдѣ онъ нѣкогда проводилъ счастливые часы со своей возлюбленной, онъ обращается къ нимъ (I, 4): «Вспомните вмѣстѣ со мною, цвѣты, деревья и тѣни, о вечерней отрадѣ, испытанной здѣсь съ Флавіей! Здѣсь ея голова часто прилегалла къ моему плечу; умолчите, лины, о томъ, чего я не долженъ говорить. Здѣсь она бросила въ меня цвѣтами, и я рвалъ ихъ и осыпалъ ее ими. Тогда было хорошее время!» Въ 28-мъ стихотвореніи говорится: «Разскажите вы, холодные сѣверные вѣтры, о моихъ вздохахъ моей пастушкѣ! Извѣстите оставленное дитя, что я все тотъ же»...

Онъ восхваляетъ зимнія ночи (9): «Я люблю больше сіяніе мѣсяца и звѣздъ, чѣмъ самый привлекательный день; тогда я часто, находясь въ моей комнатѣ, подымаю къ небу мою голову, очи, сердце и духъ; тогда мое удивленіе едва умѣщается въ этомъ обширномъ пространствѣ.» Своей красавицѣ изъ Борау онъ сообщаетъ (II, 28): «Мѣстность, гдѣ я теперь пишу, одинока, тѣниста, прохладна и зелена, я слышу, сидя у стройной сосны, какъ легкій вѣтерокъ тянется въ Швейдницъ, и всегда сердечно поручаю ему тысячи горячихъ поцѣлуевъ для тебя.» Находясь тамъ, онъ поетъ (III, 2): «Тысячу разъ при-
вѣтствую васъ, поля, кусты и деревья; вы хорошо знаете того, отъ кого слышали столько риемъ, столько пѣсень, видѣли столько поцѣлуевъ; вспомните о наслажденіи свѣтлыхъ лѣтнихъ ночей!» Подобные симпатическіе мотивы у него повто-

¹⁾ Guenther's Gedichte, herausgegeb. von I. Tittman, (Deutsche Dichter des 17 Iahrhunderts, Bd. 6), Leipzig. 1874.

ряются и въ другихъ мѣстахъ ¹⁾ Такъ (III, 6) онъ пишетъ Элеонорѣ: «Весна уже не очень далеко. Гуляю въ зеленомъ уединеніи, въ вашихъ прекрасныхъ ясеневыхъ аллеяхъ и думаю... объ урокахъ, которые я здѣсь часто выслушивалъ... Тамъ крикъ молодыхъ птицъ долженъ дать вѣсть о моемъ желаніи; и, если западный вѣтеръ играетъ въ твоей одеждѣ и на твоихъ щечкахъ, то знай и несомнѣнно вѣрь: онъ дастъ мнѣ знать о моемъ горячемъ желаніи и цѣлуетъ тебя тысячу разъ за меня.»

Отчаяніе внушаетъ ему слѣдующій крикъ боли (III, 20): «Бушуйте, рвите и ревите вы, вѣтры несчастія, покажите всю вашу злую власть, крутите, раздирайте и вѣтви и кору и сломите пополамъ дерево надежды! Эта непогода поражаетъ стволъ и листья; корень остается, пока буря и дождь успокоятъ свою ярость!» Онъ желаетъ для себя безлюднаго уединенія: «Я буду блуждать въ лѣсахъ, я убѣгу отъ людей, я буду ворковать съ осиротѣлыми голубками, буду скрываться съ гонимыми животными, пока горе отниметъ у меня жизнь, пока силы измѣнятъ мнѣ, и тогда могила, покрытая зеленью, будетъ мягче твоего сердца».

Какъ истинный лирикъ, онъ отводитъ природѣ мѣсто во всѣхъ своихъ ощущеніяхъ и находитъ у нея утѣшеніе, сожалѣніе и сочувствіе, но «онъ не сѣумѣлъ обуздать себя и этимъ разрушилъ и свою жизнь, и свою поэзію», какъ превосходно выражается Гете объ этомъ прекрасномъ, даровитомъ, но нравственно неустойчивомъ поэтѣ.

Къ числу тѣхъ, которые искали болѣе достойныхъ предметовъ для поэзіи, чѣмъ силезскіе стихотворцы, прежде всего принадлежитъ Бартголдъ Броккесъ; онъ избралъ природу исключительнымъ предметомъ своей поэзіи. Но это побужденіе не было у него самостоятельнымъ: начало его слѣдуетъ

¹⁾ Ср. также IV, 5: «Вы, которые все слышите и говорите, пробѣгаете воздухъ, лѣсъ и море—эхо, солнце, мѣсяцъ и вѣтеръ, скажите же мнѣ, гдѣ скрывается мое дитя?» («Die ihr alles hört und saget, Luft und Forst und Meer durchjaget, Echo, Sagt mir doch, wo steckt mein Kind?»). Красиво одушевленіе въ вечерней пѣснѣ (258): «Торжественный вечеръ совершился, работа спать, сны бодрствуютъ, солнце ведетъ поить своихъ лошадей; земной кругъ склоняется къ покою, ночь закрываетъ ему глаза, которые уже смыкаются сладкимъ сномъ.»

искать въ Англіи. Между тѣмъ какъ изъ Франціи распространялся вкусъ, выражавшійся въ искусственности и вычурности и находившій многочисленныя подражанія въ Германіи, гдѣ мелкія владѣтельные особы повторяли у себя жизнь Версаля, — переворотъ въ воззрѣніи на природу исходитъ изъ Англіи. Слѣдующія цифры несомнѣнно имѣютъ культурно-историческую связь: въ 1748 г. умираетъ Уильямъ Кентъ, великій художникъ по разведенію садовъ, въ томъ же году — Томсонъ, годомъ ранѣе Броккесъ и въ то же время появляется безчисленное множество подражаній безсмертному произведенію Даниэля Дефо.

Въ драмѣ Шекспира мы отмѣтили происхожденіе симпатизирующаго чувства природы; но уже англійская лирика XV и XVI вв. указываетъ пониманіе привлекательнаго въ природѣ, сердечное участіе къ идиллическимъ сценамъ; съ нѣкоторой чувствительностью внѣшняя природа, выражающаяся въ пей заждѣ, приводится въ связь съ душевнымъ міромъ. Джоффрей Чаусеръ (ум. 1400 г.), восхваляетъ въ «From the flour and the leafe» пѣніе соловья: «Я былъ пѣніемъ такъ сильно восхищенъ, что на долгое или на короткое время лишился чувствъ и мыслей... И съ дерева доносилось такое благоуханіе, что отлично подходило къ пѣнію... Я думалъ, что пѣніе птички прекраснѣе и болѣе мнѣ по душѣ, чѣмъ ѣда и питье за богато убранымъ столомъ» (!).

Томасъ Уайтъ (ум. 1542 г.) не находитъ въ природѣ ничего подобнаго жестосердію его возлюбленной: «Такъ жестоко скала не отталкиваетъ волнъ, которыя ежечасно на нее набѣгаютъ, какъ она мои мольбы...»; въ подобной же любовной тоскѣ Робертъ Соутвеллъ (ум. 1595 г.), сравниваетъ любовь съ апрѣлемъ: «Май — не мѣсяцъ любви: онъ такъ богатъ цвѣтами; это апрѣль съ измѣнчивой погодой: любовь богата бурями... Она безвременна, подобно зимнимъ розамъ, а наслажденіе ея походитъ на лѣтній ледъ: сперва надежда, потомъ раскаяніе, сперва прекрасное, потомъ безобразное въ заключеніе».

Эдуардъ Спенсеръ (ум. 1598 г.) изображаетъ природу въ союзѣ съ искусствомъ, отводя, впрочемъ, мало мѣста послѣднему — какъ идеаль красоты въ описаніи райскаго сада въ «The Fearie Queen»: «Вкругомъ цвѣты! какъ пышно поднялись деревья! здѣсь тѣнистыя долины, тамъ свѣжіе, душистые холмы, шумитъ роща, кристальныя ручьи текутъ и —

что прекрасное дѣлаетъ вдвойнѣ прекраснымъ: повсюду царствуетъ искусство, но такъ, что его почти невидно».

Дикую горную природу рѣдко изображаютъ въ то время. Мичель Дрейтанъ (ум. 1631 г.) говоритъ о шотландской возвышенности: «я могъ бы и тамъ жить высоко на горѣ, гдѣ снѣгъ и дождь проносятся черезъ черныя скалы, и гдѣ въ свободныя часы нельзя найти много забавъ»; онъ болѣе всего любитъ жизненные удобства и къ своимъ восхваленіямъ купанья въ Бекстонѣ и серебряныхъ краевъ ручья, съ простымъ реализмомъ прибавляетъ: «и хорошее пиво и ѣда заставляютъ забывать уныніе зимы». Томасъ Керью (ум. 1639 г.), находитъ отраженіе всего прекраснаго, что даетъ природа, въ своей возлюбленной: «О, когда прошелъ іюнь, не спрашивай, гдѣ цвѣтеть умершая роза; оболочка, въ которой покоится цвѣтокъ, есть утреннее тепло твоей красоты; о не спрашивай, когда день прошелъ, гдѣ движутся золотыя солнечныя пылинки, небо изъ любви къ тебѣ осыпало тебѣ волосы этимъ золотымъ украшеніемъ». Соловей поетъ въ голосѣ его возлюбленной, звѣзды блестятъ въ ея глазахъ. Благочестивый Уильямъ Друммондъ (ум. 1649 г.), въ противуположность городской и въ особенности придворной жизни, называетъ (сонетъ 4) трижды счастливымъ того, «который вдали отъ суеты свѣта, въ тѣнистомъ лѣсу живетъ на собственной землѣ, въ уединеніи, но не одинъ въ своемъ убѣжищѣ, такъ какъ онъ поднимается до вѣчной любви... На сколько пріятнѣе пѣніе птичекъ, чѣмъ разговоры при дворѣ... На сколько пріятнѣе жизнь на свободѣ, чѣмъ пустыя почести»... Въ 5 сонетѣ онъ воспѣваетъ счастье маленькой птички: «Ты, пѣвецъ беззаботный и довольный, и передъ зимой и послѣ зимы, полной грудью наслаждающийся радостью веселаго зрѣлища: голобому небу, почкамъ, душистымъ цвѣтамъ, ты рассказываешь въ своихъ пѣсняхъ такъ, что скалы, ключи и журчащій ручей это слышатъ, какъ благъ твой Господь, какъ многимъ онъ надѣлилъ тебя къ стыду грѣшной человѣческой души,—твое пѣніе заставляетъ забывать всякое земное страданіе». Онъ привѣтствуетъ весну въ 6 сонетѣ: «О прелестная весна! ты приходишь въ роскошномъ нарядѣ, въ яркомъ, какъ огонь, головномъ уборѣ, въ пестрой цвѣточной мантии; зефиры завиваютъ кудри розъ, и облака роняютъ внизъ жемчужины отъ радости».

Удовольствіе, доставляемое идиллическимъ спокойствіемъ

лѣса, соединяется въ привлекательной формѣ съ воспоминаніемъ о потерянномъ спутникѣ у Роберта Блэра (ум. 1646 г.), въ стихотвореніи «Могила»: «О, когда я по густому лѣсу весело блуждалъ съ другомъ, когда мы, скрытые отъ людской толпы, покоились на склонѣ, гдѣ цвѣли поденѣжники, тамъ, гдѣ скользилъ чистый, свѣтлый потокъ, черезъ низкіе кустарники съ легкими изгибами и пріятнымъ журчаньемъ; тамъ пѣлъ сладкогласный дроздъ свою любовную пѣсню еще прекраснѣе; мягче звучала свирѣль малиновки; полевые цвѣты пахли слаще, роза рдѣла темнѣе, каждый цвѣтокъ соперничалъ съ сосѣдными растеніями».

Этимъ поэтамъ нельзя отказать въ искренней любви къ природѣ, въ способности погружаться въ спокойную прелесть ея, но первымъ крупнымъ живописцемъ природы слѣдуетъ признать Джемса Томсона. Правда, онъ не первый вступаетъ на этотъ путь: онъ слѣдовалъ толчку, данному Поэ, который въ своемъ «Виндзорскомъ лѣсѣ» и пасторальныхъ стихотвореніяхъ уже обрисовалъ времена года въ сухомъ дидактическомъ тонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Томсонъ слѣдовалъ вкусу своего времени, когда издалъ свою «Зиму». Искренняя любовь къ природѣ, сантиментальная мечтательность, религіозность и эгегическая моралистика сходятся вмѣстѣ въ его произведеніяхъ. Онъ самъ довольно ярко характеризуетъ себя въ одномъ изъ писемъ къ своему другу Петерсону: «Уединеніе и природа все болѣе и болѣе становятся моей страстью, а теперь именно приближается прекрасное время. Небо запято теперь подготовленіемъ зеленой одежды для земли. Уже слышны соловьиные звуки въ нашихъ рощахъ... Вы должны знать, что я очень увеличилъ мое помѣстье; къ садику присоединенъ теперь и отгороженъ вмѣстѣ съ нимъ клочекъ поля, который удвоилъ его размѣры; вы можете себѣ представить мое хозяйство! Здѣсь прогуливаюсь я каждый день, иногда даже ночью»; а въ заключеніе письма онъ называетъ жизнь Бориційскаго садовника у Виргилія совершеннѣйшимъ образцомъ истинно счастливой жизни. Дѣйствительно, уединеніе и природа были его страстью. Цѣлые дни и недѣли проводилъ онъ въ блужданіи среди сельской природы, обращая вниманіе на все, что видѣлъ, прислушиваясь къ каждому звуку; до послѣднихъ мелочей простирается его наблюдательность, изъ всего извлекаетъ онъ одушевленіе, во всемъ видитъ образъ красоты и благодати Божіей. Такъ во «Временахъ года»

у него возникает сцена за сценой. За этими поэтическими пейзажами нельзя не признать правдивости и точности; въ некоторыхъ изъ нихъ, взятыхъ въ отдѣльности, содержится высокая прелесть и нѣжное, мягкое настроеніе, но слишкомъ часто изображеніе является только описаніемъ, срисовываніемъ природы, безъ того необходимаго внутренняго отношенія къ духовному началу, которое только и сообщаетъ живую душу мертвому ландшафту и влагаетъ въ него божественное дыханіе. Безъ промежутковъ, прерываясь лишь патетическими проповѣдями морали, развертывается у него одна картина за другой, монотонно, какъ въ галлерей, состоящей изъ однихъ пейзажей; люди, которыхъ онъ вводитъ туда — только мертвыя фигуры. Основной аккордъ отдѣльныхъ мелодій есть похвала Всевышнему; надъ всѣми другими впечатлѣніями природы берутъ перевѣсъ пріятныя и мирныя впечатлѣнія тихой жизни въ полѣ и въ лѣсу. Но онъ описываетъ и дикую, горную природу и волнующееся море; такъ онъ говоритъ о высоко нагроможденныхъ горахъ Каледоніи, «въ романтической красотѣ, поднимающихся надъ волнистой сушей, окруженныхъ рѣзко распростирающимся небомъ, дышащимъ на душу сильнымъ дыханіемъ, съ густыми лѣсами, не обработанными, могучими и громадными, издавна посаженными рукою природы, съ лазурными облаками между ними и глубоко извивающимися долинами и сверкающими водами». ¹⁾

И въ «Веснѣ» онъ призываетъ къ поклоненію Творцу не только блистающій, улыбающійся весенній міръ, но и «вздыхающіяся съ безумной смѣлостью горы и тебя, могучее море, ты—новый міръ, полный чудесъ въ себѣ самомъ». Интересъ «Временъ года» часто слабѣетъ при описаніяхъ, такъ какъ описываемые предметы слишкомъ часто бываютъ лишены индивидуальной жизни и изображаются въ утомительномъ дидактическомъ тонѣ или просто перечисляются. Эти описательныя поэмы не захватываютъ отдѣльныхъ моментовъ, полныхъ пластической наглядности, но вообще описываютъ все, что

¹⁾ The poetical works of James Thomsen, illustrated, edited by Charles Cowden Clarke, Edinburgh 1869, Autumn 877: The Muse... Sees Caledonia, in romantic view: Her airy mountains, from the waving main, Invested with a Keen diffusive sky, Breathing the soul acute; her forests huge, Incult, robuste and tall, by Nature's hand Planted of old; her azure lakes between... winding deep and green, her fertile vales...

часто случается или может случиться. Поэтому впечатлѣніе, оказанное книгою Томсона на людей того времени, не было значительнымъ и не пробудило любви къ природѣ; но, безъ сомнѣнія, эта книга содержитъ множество прекрасныхъ частностей ¹⁾. Однако, его высокая, полнозвучная рѣчь не достигла для всякаго другого языка, между прочимъ, и для нѣмецкаго. Это можно сказать и о переводѣ Браккеса, названнаго выше поэта, нѣмецкаго переводчика Томсона ²⁾.

Томсонъ въ его переводѣ, въ слѣдующихъ стихахъ призываетъ весну: «Прійди, прелестная весна, съ эфирной мягкостью, прійди, и изъ груди изливающегося каплями облака, въ то время, какъ музыка пробуждается кругомъ, спустись на наши равнины подъ сѣнью темнѣющихъ розъ» ³⁾. Всего живописнѣе описаніе «Зимы», откуда мы заимствуемъ слѣдующія строки: «Когда теперь, съ блѣднаго горизонта спускается солнце подрумяненное въ разныхъ мѣстахъ, которыя преобладаютъ несомнѣнно на его рѣзкомъ дискѣ—тогда поднимаются огненные, красныя какъ кровь, полосы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, колеблется своею легкою тяжестью скользящее облако, не зная за какимъ господиномъ оно должно слѣдовать, такъ какъ медленно, блѣдный мѣсяцъ поднимается на свинцовемъ востокѣ. Дрожащимъ свѣтомъ блестятъ тусклыя звѣзды... ко-

¹⁾ Hettner, Litteraturgeschichte des 18 Jahrhunderts I 1868 S. 534: «Всѣ его описанія свѣжи и жизненны, полны теплаго одушевленія и часто поразительной красоты. Какъ цвѣтеть и благоухаетъ его весна, подобно ковра луга, усыяннаго цвѣтами; какъ чувствуется надъ его лѣтомъ жаркое небо и зеленая пышность прекраснаго августовскаго дня; какъ поникаютъ осеннія поля, деревья и виноградныя лозы своими отягченными головами; какъ мы чувствуемъ и слышимъ неспрѣятный трескъ зимняго льда, какъ будто умирающая природа еще разъ собираетъ свои силы, чтобы помолодѣть для зародышей почекъ новой весны».

²⁾ Herrn B. H. Brockes, Cam. Palat. Caes. unb Rahts-Herrn der Kayserl. freyen Reichs-Stadt Hamboerg, aus dem Englischen übersetzte des Herrn Thomson, Zum Anhangе des Irdischen Vergnügens in Gott. Mit Kupfern. Hamburg. 1745.

³⁾ Come, gentle Spring, ethereal mildness, come; And fram the bason of yon drapping cloud, While music wakes around, veil'd in a shower Of shadowing roses, on aur plains descend. Браккесъ переводить: «Komm, holder Lenz, des Himmels Milde, komm, kamm, erscheine, kehre wieder Aus jenes tröpfelnden Gewolks gefülltem Busen, sichtbarlich! Und da ein tönend Misiciereu um uns erwachet, senke dich, Gehüllt in einen Rosen-Regen, auf uns rer Felder Tlache nieder!»

роткими кругами играет увядшій листь, и прыгая несется перо по рѣкѣ, реветъ молодая телица, чуя воздухъ бури... Черноватая стая громко кричащихъ воронъ улетаетъ съ того мѣста, гдѣ въ теченіе цѣлаго дня клевала свой скудный кормъ, и направляетъ тяжелый полетъ къ защитницѣ роцѣ; тоскующее племя совъ завываетъ изъ чащи похороннымъ плачемъ...¹⁾).

На ряду съ такими картинами природы у Томсона слѣдуетъ отмѣтить тонкое пониманіе величавыхъ, возвышенныхъ явленій природы, образованія облаковъ, свѣтовыхъ эффектовъ, контрастовъ красокъ, лѣсныхъ тѣней, свѣтлыхъ луговъ, всего идиллическаго, міра животныхъ и міра растений въ ихъ единичныхъ явленіяхъ. Онъ восклицаетъ въ искреннемъ, ликующемъ одушевленіи: «Природа, великая мать, неутомимая рука которой катитъ кругомъ времена измѣнчиваго года! Какъ могущественны, какъ величественны твои творенія! Съ какимъ сладкимъ страхомъ они поднимаютъ душу, которая смотритъ въ удивленіи и въ удивленіи поетъ²⁾»).

Броккесъ находится надъ прямымъ вліяніемъ Попе и Томсона, «Времена года» котораго онъ, наконецъ, перевелъ и въ своемъ сочиненіи «Наслажденіе божественнымъ на землѣ», въ девяти томахъ. Это громадное и для насъ, въ своемъ полномъ объемѣ, вполнѣ недоступное произведеніе, всетаки представляетъ собою литературный подвигъ, значительный вслѣдствіе важности предмета и высоты и серьезности намѣренія, вполнѣ противоположный безсмысленности и безсодержательности тогдашней поэзіи. Въ немъ совершенно отсутствуетъ величественная скорбь Томсона: это—описательно религиозное, въ высшей степени прозаически трезвое изложеніе явленій природы, стремящееся выяснитъ въ нихъ мудрость, благодать и цѣлесообразность Творца. Во многихъ мѣстахъ это—риемованная ботаника и физика: въ 138 строчныхъ строфахъ у него рѣчь идетъ объ огнѣ, въ 79—о воздухѣ, въ 78—о водѣ, въ 74—о землѣ, и т. д.; цвѣты разлагаются

¹⁾ «По нѣмецкому переводу Гарриса. (Uebersetzung in deutschen Iamben von Harries, Altona 1796). Thomson «The Winter» v. 168 и слѣд.

²⁾ Ib: v. 106, S. 136: Nature! great parent! whose unceasing hand rolls round the Seasons of the changeful year! How mighty, how majestic are thy works! With what a pleasing dread they swell the soul, That sees astonish'd—and astound'd sing!

на свои составныя части — чашечку, вѣнчикъ, тычинки и т. д.; при этомъ отдѣльныя явленія связаны у него, по большей части, весьма поверхностнымъ образомъ. Тѣмъ не менѣе, мы видимъ у него теплую, хотя преимущественно религіозную и морализирующую любовь къ природѣ; какъ онъ самъ признается ¹⁾, онъ избралъ своимъ сюжетомъ природу сперва для препровожденія времени, а затѣмъ, «съ большимъ прилежаніемъ посвятилъ себя *«studio poetico»*, не только потому, что «красота природы его трогала», но и потому, что она представляетъ предметъ, «на которомъ людей можно поучать, доставляя имъ въ то же время дозволенное развлеченіе». Поэтому продолжаетъ онъ «я рѣшился воспѣть Творца природы въ радостномъ созерцаніи и возможно подробнымъ описаніемъ ея; къ чему я считалъ себя тѣмъ болѣе обязаннымъ, что держался большой невнимательности и неблагодарности къ Творцу, достойной высшаго наказанія и совершенно недостойной христіанина. Я изготовилъ затѣмъ, сперва въ весеннее время, различныя отрывки и старался въ нихъ описать, по возможности, красоту природы, для того чтобы и себя и другихъ побудить собственнымъ удовольствіемъ къ прославленію мудрости Творца, изъ чего, наконецъ, образовалась первая часть моего «Земного наслажденія» 1721. Тамъ гдѣ онъ хочетъ иллюстрировать теологическія доказательства на примѣрѣ птицъ, деревьевъ и животныхъ, онъ совершенно лишенъ вкуса и даже смѣшонъ; это можно видѣть въ его часто цитируемомъ описаніи козы, гдѣ онъ говоритъ по поводу пользы, доставляемой ея мясомъ и кожей, о мудрости, всемогуществѣ и благодати Творца. Но мы приведемъ слѣдующій отрывокъ, могущій служить характернымъ образцомъ его описательной манеры и, во всякомъ случаѣ, дѣлающій честь его тщательному стремленію отмѣтить всѣ прелести лѣса ²⁾: «Когда я недавно сидѣлъ на зеленой травѣ, въ тѣни липоваго дерева, сидѣлъ и читалъ, я поднялъ глаза и увидалъ различныя деревья то тамъ то здѣсь, то далеко, то близко, частью въ полусвѣтѣ, частью

¹⁾ Его автобіографію приводит Lappenberg въ *Zeitschrift für Hamburgische Geschichte*, II, S. 167, 1867, стр. 119 и слѣд. и Hettner ib. S. 334.

²⁾ Brockes, *Irdisches Vergnügen in Gott*, Hamburg 1743, 2. Teil., S. 314.

совѣтъмъ освященныя, частью въ полутѣни, частью совѣтъмъ въ тѣни; они стояли съ нагнувшимися отъ листьевъ вѣтвями. Я смотрѣлъ, какъ покрытые цвѣтами луга, были чудесно украшены и увѣнчаны на воздухѣ. Для того, чтобы описать ихъ зеленую красу и происходящій отъ нея столь веселый видъ ландшафта и этимъ продлить удовольствіе, я вынулъ вмѣстѣ съ листкомъ бумаги маленькій свинцовый карандашъ и постарался во славу Божию изобразить въ риомахъ созданіе Творца въ образахъ прекрасныхъ деревьевъ. Безъ сомнѣнія, изъ всего, что міръ показываетъ намъ прекраснаго, нѣтъ ничего, что не уступало бы украшенію зеленыхъ вѣтвей, нѣтъ ничего, что уподоблялось бы лѣсу нѣжной красой; видишь съ облегченной грудью даль, полную зеленыхъ покрововъ, и во славу Бога и намъ на радость растилающіеся живые ковры... Я часто видѣлъ сквозь тѣнь многихъ деревьевъ ярко освѣщенное дерево. Человѣческій глазъ едва можетъ повѣрить, какъ пріятны—здѣсь полусвѣтъ, тамъ свѣтъ, тамъ тѣма среди деревьевъ, покрытыхъ листвою. На нихъ смотришь съ удовольствіемъ и находишь, видя съ той стороны одни лишь освѣщенные листья, какъ золото солнца въ нихъ почти видимо соединяется съ нѣжною зеленью, такъ что сквозь массы видишь нѣчто прекрасное, зеленое, смѣшанное съ золотомъ, прозрачное, искренно трогющее душу».

Такимъ же образомъ въ 20 послѣдующихъ стихахъ описывается красота лѣснаго освѣщенія съ искреннимъ наслажденіемъ и съ возрастающей шириной взгляда для того, что бы продлить удовольствіе зрѣлица и закончить хвалою Богу. Но, иногда, Броккесъ съ Мильтоновскимъ паѳосомъ поднимается до замѣчательной высоты мысли или, лучше сказать, погружается въ мистическое созерцаніе природы. Мы можемъ видѣть это въ его вступительномъ стихотвореніи «О небесномъ сводѣ»: «Когда недавно мой взоръ погружался въ сафирную глубину, которую не ограничаетъ ни основаніе, ни потокъ, ни цѣль, ни конецъ,—въ неизвѣднное море высокаго небеснаго пространства и мой поглощенный взглядъ носился то здѣсь, то тамъ, и погружался все глубже, ужаснулся мой духъ, померкъ мой взоръ, душа моя смутилась безконечными, неизмѣримыми глубинами, которыя справедливо зовутся образомъ вѣчности, такъ какъ опѣ исходятъ отъ Бога, неимѣющаго ни начала ни конца; какъ тяжелая волна бездоннаго моря поглощаетъ падающее желѣзо, такъ это бездонное простран-

ство въ одно мгновеніе поглотило мою душу, громадная глубина темнаго свѣта, свѣтлой тьмы безъ начала, безъ границъ, поглотила міръ, подавила мои мысли: все существо стало пылью, точкой, ничѣмъ, и я уже терялся: это повергало меня ницъ... Но, о, цѣлительное ничто, о, счастливая утрата: вездѣ сущій Богъ, въ Тебѣ я опять нашелъ себя!» Но такая высота созерцанія, навѣянная религіознымъ одушевленіемъ Мильтона, рѣдко поднимаетъ благонамѣренный и трезвый духъ гамбургскаго совѣтника: рѣмованная проза вездѣ беретъ перевѣсъ въ его описаніяхъ.

Такимъ образомъ, англійская поэзія съ ея подражаніями у нѣмцевъ, является признакомъ противодѣйствія искусственному вкусу того времени; и въ наукѣ нерѣдко замѣчается тогда выраженіе теплаго одушевленія по поводу порядка и красоты въ природѣ; и философы, не смотря на перевѣсъ нравственныхъ условій и ученія о сознаніи, иногда прославляютъ природу съ высокимъ душевнымъ подъемомъ, какъ мы это видимъ у Шефтсбери (род. 1671, ум. 1713) въ его гимнѣ къ «природѣ», переведенномъ Гердеромъ ¹⁾. Возвращеніемъ къ природѣ можно признать освобожденный отъ оковъ искусственности принципъ англійскихъ садовъ въ первой половинѣ XVIII вѣка ²⁾. Истоія садовъ наглядно показываетъ,

¹⁾ «Примите меня, луга, священные лѣса, примите странника, убѣжавшаго отъ городского шума, который здѣсь, въ вѣпей тѣни ищетъ покоя и освѣженія. Будьте ласковы къ нему, привѣтствую васъ, зеленые, отрадные поля! Привѣтъ вамъ жилища тихаго благополучія! И вамъ дали, увѣнчанныя прелестью и красотой! Привѣтъ вамъ и всему, что живетъ въ тебѣ убѣжищѣ счастливыхъ людей, которые вдали отъ зависти здѣсь живутъ невинно, тихо, радостно и весело и совершаютъ тебя, великая природа! Природа, прекраснѣйшая изъ прекраснѣйшихъ, благотѣльная! Вселюбящимъ, достойнымъ, любимымъ всѣми, божественнымъ, полнымъ мудрости, полнымъ чувства, вмѣщающимъ все возвышенное, ты создала меня для того, чтобы тебя познавать, вѣчная красота, сердечно тебя любить, страстно приближаться къ тебѣ, — ты дала мнѣ движеніе и волю, о, дай мнѣ теперь силы, будь моей опорой! Когда я изслѣдую лабиринтъ творенія, веди испытующаго, котораго ты надѣлила душою и любовью, веди любящаго къ себѣ самой!».

²⁾ Ср. прекрасную и поучительную статью Якоба ф.-Фальке «Англійскій садъ» (Jacob v.-Falke, «Der englischen Garten» Nord und sud. November 1884) и его Geschichte des modernen Geschmacks, S. 313 и слѣд,

насколько проявленіе вкуса предпочтительно движется по кривой линіи. Ленотръ придалъ садамъ чисто архитектурическую искусственную форму; но когда въ Англіи, среди эпохи париковъ, физикъ, менуэта и мушекъ, корсетовъ и румянъ обнаружилось возвращеніе къ природѣ и естественности, тамъ впади въ другую крайность и захотѣли уже изгнать изъ сада всякое искусство. Мы это видимъ у Аддисона и Попе: первый хотѣлъ чтобы все росло въ первоначальной дикости, а Попе внушалъ: «стройте, сажайте все что хотите, воздвигайте колонны или сгибайте арки, возвышайте террасы, или углубляйте гроты, но во всемъ этомъ не забывайте природы» ¹⁾.

Уильямъ Кентъ слѣдовалъ этимъ основнымъ правиламъ, но въ то же время, онъ былъ живописецъ и смотрѣлъ на природу глазами художника; онъ уразумѣлъ характерную красоту своей родины и заимствовалъ принципъ искусства разведенія садовъ у свободной природы, т.-е., у англійскаго ландшафта, съ его слегка волнистой мѣстностью, свѣжей зеленью и великолѣпными экземплярами деревьевъ. Прямая линія была изгнана и была замѣнена обширными дерновыми пространствами съ разсѣянными группами деревьевъ, различными по формѣ и цвѣту, то темными елями и темнолиственными ольхами, то свѣтлыми березами и вязами и сѣрыми серебристыми тополями, которые перемежались дугами съ серебристыми ручьями, вырвавшимися изъ сумрака древестной тѣни; все это открывалось въ холмистую, окруженную изгородами мѣстность, безъ гладкихъ стѣнъ, балюстрадъ, террасъ, статуй и т. д. Все это, однимъ словомъ, указываетъ на принципъ возвращенія къ простой природѣ: садъ долженъ быть не произведеніемъ искусства, а частью природы; паркъ не долженъ представлять ничего противоположнаго окружающему его свободному, открытому пейзажу. Мало того, садъ долженъ былъ быть на небольшомъ пространствѣ, совокупностью различныхъ картинъ представляемыхъ Англіей; поэтому путникъ то по извилистой тропинкѣ проходилъ мимо шумящаго ручья, падающаго съ утеса, то мимо освѣщенныхъ солнцемъ луговинъ, то попадалъ въ густую лѣсную чащу, то въ свѣтлую рощу. Но и Кентъ

¹⁾ To build, to plant, whatever yan intent, To rear the column or the arch, to bend, To swell the terras or to sink the grot, In all let Natur never be forgot.

старался придать еще болѣе характера и настроенія этой мозаикѣ отдѣльных картинъ, посредствомъ руинъ и павильоновъ. Принципъ, въ силу котораго однообразіе должно было замѣняться возможной измѣнчивостью, подвергся дальнѣйшему развитію, благодаря знакомству съ китайскими садами, которое можно было почерпнуть изъ сочиненія архитектора Чемберса о нравахъ, жилищахъ и пр., у китайцевъ ¹⁾). Китайскій садъ представлялъ общую идею съ англійскими садами Кента: онъ былъ такою-же частью ландшафта, но настолько былъ богаче естественными картинами, насколько природа Срединнаго царства богаче природы Англии. На неизмѣримыхъ пространствахъ Небесной Имперіи встрѣчаются рядомъ самыя дикія горныя страны и скалы, и болота, обширныя пустыни около очаровательныхъ луговъ, и все это разнообразіе китайцы отразили въ своихъ садахъ. Къ несчастію, однако китайщина, имѣвшая такъ много сходства съ рококо, именно тогда начала распространяться, когда стремились освободиться отъ этого послѣдняго: изъ огня да въ полымя. Такъ какъ, однако, нельзя было найти такого разнообразія пейзажныхъ картинъ, то вскорѣ ограничились группированіемъ самыхъ различныхъ зданій, помѣщая ихъ въ ландшафтъ и преслѣдуя при этомъ практическую пользу, такъ что пагоды, павильоны, бюски и храмы служили жилищами садовниковъ, конюшнями, погребамъ и т. п.

Чѣмъ болѣе мечтательное отношеніе къ природѣ возростало какъ реакція противъ искусственности рококо и сентиментальность давала свободу чувствамъ, чѣмъ болѣе грустное и трогательное настроеніе, поддерживаемое чувствительными романами Ричардсона и др., преобладало въ тогдашнихъ умахъ, тѣмъ болѣе и стиль садовъ пріобрѣталъ трогательный, мягко-меланхолическій характеръ. И на немъ отразилось общее направленіе культуры, такъ какъ всегда даже мало замѣтное и побочное носить на себѣ печать всей эпохи, если только въ этой эпохѣ есть что-нибудь оригинальное и индивидуальное. Чувствительные, слезливые, дружескіе союзы находятъ для себя достойное мѣсто въ этихъ садахъ съ храмами дружбы, любви, меланхолии, уединенія, добродѣтели, сви-

¹⁾ Dessins des édifices, meubles, habits, machines et ustensils des Chinois, 1757.

опредѣленіе каждаго растенія, каждаго цвѣтка: такъ характерно и тщательно написаны каждый стебель, каждый листъ, каждый цвѣтокъ, даже и животныя, ползующія въ зелени ¹⁾)

У брабантскаго художника Рогера фонъ деръ-Вейдена встѣчаются рѣчныя долины, замкнутыя зубчатыми горами и скалами, луга съ сочною зеленью и отдѣльныя деревья, которые ясно указываютъ на этюды съ натуры; надъ ними распространяется равномерный свѣтлый воздухъ, на поверхностяхъ передняго плана лежитъ яркій, зеленый отблескъ, который постепенно, ближе къ заднему плану, переходитъ въ голубоватый паръ ²⁾). У его ученика Мемлинга находимъ мы ту же тонкую постепенность тоновъ. Хотя живописцу въ его лучшей картинѣ «Обрученіе Св. Екатерины» полная содержанія композиція, въ которой смѣшиваются пріятное и суровое, не даетъ простора для полной пейзажной картины, но появленіе линій лѣса и поля, какъ только открывается просвѣтъ, ясно указываетъ единство всеобъемлющей, все заключающей въ себѣ природы ³⁾).

Іоахима де Патенира, выступившаго въ 1515 году, современники называли уже пейзажистомъ, такъ какъ онъ, священные лица изображалъ въ уменьшенномъ размѣрѣ, а пейзажъ распространялъ до самой дальней перспективы и всѣ отдѣльныя части его обрабатывалъ съ величайшей любовью и стараніемъ. Ему еще далеко до того, чтобы видѣть пейзажъ какъ одно цѣлое: онъ синтетически соединялъ въ немъ рѣчныя долины, деревья и кусты въ большомъ множествѣ, причудливыя формы скалъ, живописныя и фантастическія съ замками на берегу, но на первомъ планѣ у него можно пересчитать каждый листокъ. Индивидуальная жизнь, душа ландшафта, еще не открывается для него. Къ нему близко подходитъ Герри де Блесь, хотя и уступаетъ ему въ точномъ изученіи природы; говоря о немъ, какъ и вообще обо всѣхъ другихъ живописцахъ XVI вѣка въ Брабантѣ и Фландріи также не можетъ быть рѣчи о цѣльномъ воззрѣніи на природу, о настроеніи.

Частности пейзажа выписывались тогда съ самой мелоч-

¹⁾ Ср. Kaemmerer po. cit. 55.

²⁾ Ср. Kaemmerer ib. 49.

³⁾ Ср. Kaemmerer ib. 53.

ной точностью, въ особенности растенія. Стремленіе къ правдѣ, къ вѣрности природѣ въ отдѣльных частяхъ, выше всего ставили фламандцы, между тѣмъ какъ у галландцевъ все подчинялось красотѣ. Если уже Петеръ Брюгель старшій выполнялъ пейзажи въ своихъ картинахъ съ самой заботливой точностью и въ изобиліи наполнялъ ихъ скалами, рѣчками, мельницами и группами деревьевъ, вблизи и позади танцующихъ крестьянъ, то Янъ Брюгель, въ своихъ миниатюрахъ, довелъ подражаніе природѣ до мельчайшаго воспроизведенія всѣхъ отношеній, встрѣчающихся въ пей размѣровъ, которые могутъ быть оцѣнены только съ помощью лупы. Въ качествѣ новаго элемента имъ внесена въ искусство живописи цвѣтовъ и плодовъ. Рубенсъ, знаменитый глава антверпенской школы писалъ многія фигуры въ пейзажахъ Брюгеля, а тотъ, — пейзажные планы въ картинахъ Рубенса; впрочемъ, послѣдній былъ и самъ превосходнымъ пейзажистомъ, самымъ разностороннимъ и полнымъ поэзіи, какого только произвела фламандская школа. И этого еще мало! Хотя тѣ художники, во главѣ которыхъ стоитъ Янъ Брюгель, выказываютъ величайшее терпѣніе, тщательное трудолюбіе, искреннюю любовь къ выполнению деталей, какъ все-таки далеко они стоятъ отъ правдиваго отношенія къ природѣ! Этотъ голубовато-зеленый ландшафтъ, съ выдуманными деревьями, съ неизмѣримой долей и безконечнымъ множествомъ подробностей, имѣетъ много прелести и привлекательности, но это еще не природа, не истинная великая, свободная природа. Въ этомъ смыслѣ ее понимали только Рубенсъ и его послѣдователи; только у нихъ пейзажъ становится самостоятельной, законной вѣтвью искусства. И они брались за него со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Между тѣмъ какъ Рубенсъ относился къ ландшафту со свойственной ему широкой манерой, другіе отдавались по преимуществу привлекательному, спокойному и простому, обращаясь то къ дикимъ и романтическимъ явленіямъ, то къ обширнымъ равнинамъ, то къ лѣсу и ущельямъ; третьи изучали море, но всѣмъ имъ природа открывала свой покровъ и обнаруживала свои тайны; они всѣ видѣли ее такою, какова она въ дѣйствительности (Фальке). Рубенсъ творилъ съ гениальною свободою взгляда, направленнаго на природу во всемъ ея цѣломъ, и тѣмъ не менѣе, вѣрно оцѣнивающаго и всѣ ея мелочи. А Брюгель, въ суровую зиму, долженъ былъ прерывать рисованіе цвѣтовъ и просить терпѣнія у своихъ заказ-

чиковъ въ ожиданіи болѣе теплой погоды. Онъ не останавливался передъ хлопотами поѣздки въ Брюссель, чтобы срисовать тамъ цвѣты, какихъ нельзя было достать въ Антверпенѣ. Весьма характерно его объясненіе въ письмѣ, сопровождавшемъ картину, предназначавшуюся для архіепископа Миланскаго: «Посылаю вашему высокопреосвященству картину съ цвѣтами, которые всѣ написаны съ натуры. Въ этой картинѣ я исполнилъ все, что вообще въ состояніи исполнить. Я думаю, что никогда не было написано столько рѣдкихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ и съ такимъ тщаніемъ. Зимой это будетъ представлять прекрасный видъ: нѣкоторые цвѣта почти сходны съ природными. Среди цвѣтовъ я написалъ сосудъ съ медалями искусной работы и съ морскими рѣдкостями. Предоставляю на судъ вашего высокопреосвященства, что эти цвѣты превосходятъ своими красками золото и драгоценныя камни». Во всякомъ случаѣ, онъ уже пишетъ ландшафты, въ которыхъ люди служатъ только фигурами, веселая, озаренная солнцемъ долины, прозрачныя лиственные лѣса, золотыя хлѣбныя поля, роскошныя луга и танцующихъ поселянъ или жнецовъ въ полѣ. Рубенсъ, на котораго югъ съ своимъ яркимъ свѣтомъ и солнечнымъ блескомъ оказалъ не меньшее дѣйствіе, чѣмъ на его современниковъ, посѣтившихъ Италію, тѣмъ не менѣе заимствовалъ задніе планы и индивидуальныя черты фizioноміи у своей родины, у окрестностей Антверпена, Мехельна и Брюсселя. Лиственный лѣсъ, вода и волнистая мѣстность были необходимыми составными частями его картины; въ нихъ, до извѣстной степени, онъ воплощалъ то настроеніе, какое хотѣлъ дать картинѣ. На самомъ дѣлѣ Рубенсъ уже можетъ быть названъ живописцемъ настроенія, такъ какъ онъ умѣетъ передавать всѣ ощущенія, всѣ движенія души природы съ никогда неизмѣняющимъ ему мастерствомъ. Между тѣмъ, точка зрѣнія Брюгеля, по отношенію къ природѣ, была все еще дѣтски-наивной, радующейся каждой детали и чувствующей гордое удовлетвореніе, воспроизводя мельчайшія явленія природы съ вѣрностью, обманывающею глазъ. Съ Рубенсомъ впервые выступаетъ смѣлая, всеподчиняющая себѣ субъективная пейзажная живопись. Онъ раскрывалъ великую книгу природы не для того, чтобы разбирать отдѣльныя слова буква за буквой, но для того, чтобы попытаться у природы ея тайны, проникнуть въ самую сокровенную глубину ея души и извѣданное имъ вос-

произвести, сообразно впечатлѣніямъ, отразившимся въ его великой душѣ. Рубенсъ вполнѣ сознавалъ высшую задачу пейзажиста — соединить полноту отдѣльных явленій въ одно гармонически законченное цѣлое и въ этомъ цѣломъ отразить извѣстное настроеніе. Въ пятидесяти ландшафтахъ, какіе сохранились отъ него, мы находимъ всѣ переходы отъ состоянія идиллическаго покоя до высшего драматическаго напряженія. Въ великолѣпномъ вечернемъ ландшафтѣ съ радугой, находящемся въ Луврѣ, удивляются тонкимъ переходамъ воздушныхъ тоновъ, а въ изображеніи могучей грозовой бури, въ вѣнскомъ Бельведерѣ — высшей силѣ воспроизведенія дикаго смятенія стихій. Среди сѣрнисто-желтыхъ молній разражается ливень надъ горнымъ ландшафтомъ. Горный потокъ вздулся до размѣровъ широкой рѣки, которая, гонимая ураганомъ, срываетъ все, что можетъ унести — деревья, скалы, животныхъ и людей. Изъ новѣйшихъ мастеровъ, пѣчто подобное создавали только Каламъ и Андрей Ахенбахъ. На «Охотѣ Мелсагра» и «Встрѣчѣ Одиссея съ Навзикаей», ландшафтъ выказываетъ полное величіе героическаго стиля. Ничего возвышеннѣе не дали ни Пуссенъ, ни Клодъ Лорренъ (Розенбергъ).

Во французской литературѣ со временъ миннезенгеровъ, даже въ классической поэзіи Корнеля и Расина, нельзя найти почти ни одного цвѣтка; идиллическія черты встрѣчаются въ «Телемакѣ» Фенелона, Ронсаръ заимствуетъ у древнихъ мотивы съ извѣстнымъ настроеніемъ, но здѣсь, какъ и въ Италіи и въ Испаніи, распускается лишь великосвѣтскіе цвѣты пастушескаго поэзія Опоре Дюрфе написалъ тогда знаменитую, много переводившуюся «Астрею», но его пастухи вовсе не люди и пейзажъ не имѣетъ ничего общаго съ живой природой; отъ всего этого вѣетъ придворнымъ благоуханіемъ, салонной любезностью, съ примѣсью какихъ-то сантиментальныхъ желаній. Совершенно иное мы видимъ въ живописи. Оба Пуссена проникаютъ въ тайны самой природы, воссоздаютъ ее сообразно своему художественному чувству, но остаются вѣрными ея правдѣ. Никола Пуссенъ (1594—1665) направляетъ свое вниманіе на серьезное и торжественное въ пейзажѣ: группа деревьевъ на переднемъ планѣ, возвышенность съ античнымъ зданіемъ въ серединѣ, составляютъ у него одно цѣлое, причемъ для него имѣетъ болѣе значенія легкость линий, чѣмъ прелесть колорита. Болѣе жизни и движенія у его зятя, Ка-

спара Дюге, также называвшагося Пуссеномъ: трава у него сочѣе и свѣжѣе, вѣтеръ шумитъ въ деревьяхъ или буря пригибаетъ вѣтви, рветъ листву и гонитъ облака. Большой искренностью и теплотою обладаетъ Ле-Сюеръ (1617—1655); но Клодъ Лорренъ (1600—1682) завершаетъ идеальный стиль пейзажа. Грубый матеріалъ лѣсовъ, воды и облаковъ проникнуть у него душою и чувствомъ; долины, лѣсъ и моря для него только оболочка, въ которой открывается духъ Божій, орудіе, въ воторомъ отзываются небесные звуки. Все некрасивое, болѣзненное или искаженное надѣляется внутреннимъ свѣтомъ и внушающимъ уваженіе достоинствомъ. Ничего печальнаго, ничего подавляюще-тоскливаго не выказывается въ его созданіяхъ, а лишь спокойная, ясная, удовлетворенная красота, безъ всякой вычурности, безъ всякаго намѣреннаго контраста или неумѣстнаго блеска. Тихое духовеніе вѣтерка играетъ въ прелестной, роскошной листвѣ его могучихъ деревьевъ, золотистый свѣтъ пронизываетъ ихъ и увлекаетъ взоръ въ душистую, ясную доль; «небо такъ торжественно, какъ будто оно хочетъ открыться: это день Господа!» скажемъ мы вмѣстѣ съ Уландомъ, такъ какъ это дѣйствительно праздникъ природы—такъ все полно ясности, утренней свѣжести или вечерняго покоя. Художественное чувство природы у Клода Лоррена превращается въ благоговѣніе передъ природой.

За Лорреномъ, какъ за путеводной звѣздой, голландцы слѣдуютъ съ благороднымъ соревнованіемъ, съ возрастающимъ стремленіемъ воспроизвести кистью всѣ явленія природы сами по себѣ въ самостоятельномъ изображеніи съ индивидуальной прелестью и съ субъективнымъ настроеніемъ. Поэзія воздуха, облаковъ, освѣщенія, прохладная свѣжесть утра, влажная тяжесть полудня, теплый блескъ вечера—все это дышетъ и живетъ въ картинахъ Кейша и Винанта; Аартъ фанъ-деръ-Мееръ по преимуществу изображаетъ зимній снѣгъ и лунный свѣтъ, а Янъ фанъ-Гойенъ — мрачное, меланхолическое настроеніе облачнаго освѣщенія. Онъ умѣетъ нѣсколькими деревьями, отражающимися въ водѣ, однимъ песчанымъ холмомъ и пр., произвести извѣстное впечатлѣніе, но въ этомъ искусствѣ пробуждать немногимъ определенное впечатлѣніе никто не превосходилъ Якоба Рюисдаля (ум. 1681 г.). Вся поэзія природы, все таинственное очарованіе заключающееся въ тихомъ лѣсѣ, въ шумящемъ морѣ или въ пустынномъ

перелѣскѣ, получаетъ у него формы и краски. Ему нужно столь немного для того, чтобы заставить насъ думать и чувствовать то, что думалъ и чувствовалъ великій мастеръ и выразилъ въ краскахъ и линіяхъ. Сѣверная суровость и сѣверная грусть заключена въ большей части произведеній этой живописной поэзіи природы; тяжелыя облака и дождевой туманъ висятъ надъ темными деревьями, мрачныя тѣни окружаютъ развалины. Онъ давно уже изобразилъ въ живописи, говоритъ Карріеръ, мирное уединеніе лѣса, прежде чѣмъ Тикъ нашелъ это слово. Намъ слышится утренній гимнъ въ его букговомъ лѣсѣ, отраженномъ въ спокойной и ясной рѣкѣ, или въ прозрачныхъ облакахъ, освѣщенныхъ восходящимъ солнцемъ; мы читаемъ цѣлую элегію въ краскахъ и формахъ, когда мелкій дождь окутываетъ развалину церкви на заднемъ планѣ, а на переднемъ планѣ вновь образовавшійся ручей, падая съ высоты, прокладываетъ себѣ дорогу между могилами, на которыхъ, среди сумерекъ, блеститъ послѣдній привѣтъ заходящаго солнца.

Въ Рюисдалѣ достигаетъ высшей точки процессъ развитія, который отъ простыхъ пейзажныхъ заднихъ плановъ отъ тщательнаго списыванія отдѣльныхъ явленій природы, хотя бы только цвѣточныхъ или травяныхъ стебельковъ, ведетъ къ композиціи пейзажа, проникнутой однимъ настроеніемъ, однимъ духомъ. Въ такой композиціи не преобладаетъ ничто единичное и даль и перспектива не отвлекаютъ отъ отдѣльныхъ частей; то и другое взаимно проникаютъ другъ друга и порождаетъ чудныя произведенія искусства, которыя незначительными средствами, немногими штрихами и красками изображаютъ цѣлый маленькій міръ и возбуждаютъ цѣлый міръ ощущеній въ воспріимчивой душѣ. Кто передастъ ту прелесть, какая заключается въ картинахъ его послѣдователей, въ лѣсной мельницѣ или крестьянскомъ дворѣ Гоббемы, въ величественныхъ норвежскихъ горныхъ ландшафтахъ АльдERTA фанъ Эфсрдингена, съ мрачными соснамъ, острыми утесами и свѣтящимся и пѣнящимся водопадомъ, или въ мирныхъ, и въ то же время мрачныхъ маринахъ Бакгейзена и фанъ-де-Фельде?

Все эти великіе голландцы далеко опережаютъ поэзію своего времени; горы и море только черезъ сто лѣтъ послѣ того находятъ поэтовъ, одушевленно изображающихъ ихъ словомъ

и полный настроенія, законченный лирический пейзажъ по-
является въ нѣмецкой поэзіи лишь въ концѣ XVІІ вѣка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Искусственная природа въ эпоху гуманизма и рококо.

Длинный рядъ десятилѣтій долженъ былъ пройти, прежде чѣмъ Германія достигла высоты, на какую поднялось чувство природы итальянскаго Возрожденія и пейзажная живопись голландцевъ. Въ средніе вѣка церковная догма отношенія чело-
вѣка не только къ Богу, но и къ католической церкви по-
глощала весь интересъ къ наукѣ и искусству. Великимъ дѣ-
ломъ XV вѣка была реформація, пробужденіе религіозной сво-
боды совѣсти; приходилось словамъ и оружіемъ считаться съ
тысячелѣтней традиціей и деспотизмомъ папства. Новое время
появилось на свѣтъ съ тяжелыми предзнаменованіями. Но оно
привело съ собой умы съ отпечаткомъ индивидуальности, ка-
кихъ Германія не знала до того времени, характерныя головы
съ рѣзко выраженными своеобразными фізіономіями. Тѣмъ не
менѣе, существенными вопросами, какими тогда занимались,
были вопросы церковные, религіозные, имѣвшіе въ виду сво-
боду христіанской совѣсти. Для подвижныхъ и дѣятельныхъ
людей, одинаково искусно владѣвшихъ и словомъ, и ору-
жіемъ, почти не оставалось времени для тихаго погруже-
нія въ себя и въ природу. Если умственная жизнь усили-
лась тогда новымъ теченіемъ и проснулась новая жизненная
радость, то, все-таки, въ то время нельзя найти никакихъ
слѣдовъ интенсивнаго чувства природы, которые мы видѣли
у Петрарки и у Энео Сильвио.

Мы вполне согласны съ Гейгеромъ ¹⁾, что не справедливо
считать гуманистическое движеніе въ Германіи, хотя на немъ
и отразилось значительно итальянское Возрожденіе, какимъ-то
«занесеннымъ извнѣ, совершенно несамостоятельнымъ явле-
ніемъ». Скорѣе всего зародыши этого великаго освободитель-

¹⁾ Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland, Berlin
1882.

наго движенія въ общемъ направленіи того времени, которое стремилось освободиться отъ средневѣковыхъ оковъ, не только догматическихъ, но и нравственныхъ и образовательныхъ. Нѣмецкій гуманизмъ есть по преимуществу движеніе ученыхъ, полемической борьбы, исполненной задора. Хотя жизненная радость и стремленіе къ наслажденію въ это «наивно-чувственное» время отличаютъ собою сочиненія нѣмецкихъ гуманистовъ, но въ нихъ нечего искать скрытаго, искренняго чувства природы, и ни одинъ поэтъ и ни одно поэтическое произведеніе той эпохи не можетъ быть поставлено въ уровень съ сонетами Петрарки.

И естественныя науки находятся еще подъ гнетомъ схоластической мудрости; только постепенно изъ средневѣковыхъ искаженій высвобождается настоящій Аристотель. Такъ, физикъ Конрадъ Зумменгартъ ¹⁾ (1450—1501) выказываетъ величайшее легкомысліе, придерживаясь еще различныхъ безсмысленныхъ басней: появленіе кометы есть для него вѣрное предвѣщаніе четырехъ событій—зноя, вѣтра, войны, смерти какой-либо изъ высшихъ особъ. Но онъ уже не суевѣренъ и держится въ сторонѣ отъ лжи—науки астрологіи и связанныхъ съ нею обмановъ; даже какъ наблюдатель природы, или скорѣе, какъ послѣдователь и продолжатель схоластико-аристотелевскаго естествознанія, онъ промываетъ къ учению о развитіи, въ силу котораго существа высшей организаци образовались изъ низшихъ, а эти послѣднія изъ неорганическихъ элементовъ, подъ вліяніемъ метеорическихъ и космическихъ условій.

Настоящимъ поэтомъ является уже «поэтъ лауреатъ» Конрадъ Цельтесъ (род. 1459 г.), пѣвецъ любви, авторъ четырехъ книгъ «Amores». Онъ постоянно бродитъ повсюду, рѣдко останавливаясь подолгу, почти нигдѣ не избирая себѣ прочнаго пріюта. Это блужданіе составляетъ для него потребность, такъ какъ онъ стремится видѣть новое, желаетъ наслаждаться природой, но еще болѣе потому, что своимъ появленіемъ въ различныхъ мѣстахъ онъ надѣется снискать себѣ славу. Но, какъ замѣчаетъ Гейгеръ, для того чтобы быть пѣвцомъ природы, ему недостаетъ восприимчивости и наивности первобытной поэзіи; если онъ пишетъ гимны въ

¹⁾ Geiger, ib. 422.

данія, смерти. Къ этой обстановкѣ подходили чувствительные мечтатели, какихъ намъ представляютъ англійскіе писатели, подходили и нѣмецкіе идиллическіе поэты и пѣвцы луннаго свѣта. Тамъ бродили они, нѣжно обнявшись, проливая слезы и обмѣниваясь поцѣлуями; надписи напоминали имъ о томъ, что они испытывали на томъ или на другомъ мѣстѣ. Тамъ путникъ долженъ былъ смѣяться, тамъ плакать, тамъ проникаться трепетомъ благоговѣнія. Повсюду возникали «эрмитажки»; въ гротахъ можно было видѣть пустынниковъ, живыхъ или сдѣланныхъ изъ дерева. Горделивые замки на опушкѣ или въ чащѣ лѣса были переименованы въ эрмитажи или «sans souci» и предоставлены простому, свободному отъ этикета, обращенію. Различныя зданія, въ античномъ и романтическомъ вкусѣ, опять получили право господства въ архитектурныхъ паркахъ; они создавались то въ чисто-античномъ духѣ, въ видѣ коринтскихъ, іоническихъ или дорическихъ храмовъ, то получали преобладаніе готическій стиль вмѣстѣ съ духомъ романтическихъ среднихъ вѣковъ съ его замками и руинами. И эти фазы развитія пережилъ не только англійскій паркъ; образцы того-же вкуса, съ небольшими уклоненіями, представляютъ сады всей остальной Европы, такъ какъ вообще нѣтъ болѣзни, болѣе заразной, какъ болѣзнь моды. Только въ концѣ XVIII вѣка наступила благотворная реакція въ Англіи, когда Рептонъ вернулся къ основному принципу Бента и освободилъ сады отъ всѣхъ противуестественныхъ прибавленій; «садъ долженъ былъ сдѣлаться художественнымъ воспроизведеніемъ ландшафта, произведеніемъ искусства, которое пользовалось его естественными частями въ его естественныхъ формахъ—лучами, цвѣтами, кустами, деревьями, водами и всѣмъ прочимъ, что можетъ оказаться пригоднымъ въ мѣстности для художественныхъ цѣлей». Такъ былъ созданъ впервые новѣйшій пейзажный садъ.

Но и въ другой области обозначался поворотъ отъ искусственности стиля рококо къ болѣе естественному образу мыслей; въ тысячахъ впечатлительныхъ умовъ пробудилось страстное стремленіе къ болѣе простому и здоровому естественному состоянію: это произошло благодаря Робинзону Крузе почтеннаго Дефо. Правда, въ драгоценной книгѣ, одно имя которой уже напоминаетъ каждому прелестные волшебные дни дѣтства, природа не служитъ предметомъ эстетическаго созерцанія, эстетическаго наслажденія, также какъ и въ безчис-

ленныхъ подражаніяхъ ей того времени. Тѣмъ не менѣе, «Робинзонъ» означаетъ собою замѣчательный моментъ въ исторіи развитія чувства природы. Онъ приводитъ идиллическія стремленія того времени къ ихъ естественному источнику. Онъ отражаетъ въ жизни одного человѣка общее для всего человѣчества развитіе отъ дикаго состоянія до культурнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрываетъ контрастъ, заключающійся во всѣхъ областяхъ жизни между невиннымъ и мирнымъ далекимъ прошлымъ и искаженнымъ настоящимъ временемъ. Нѣмецкій Симплициссимусъ заканчиваетъ робинзонадой: много блуждавшій герой его находитъ, наконецъ, покой и миръ на одинокомъ островѣ въ океанѣ, гдѣ онъ одинъ съ самимъ собой и съ природой. То-же случилось и съ читателями Робинзона. Это произведеніе не только истиннаго художника, но и мягкаго, неиспорченнаго, благороднаго и терпимаго ума, дѣйствовало, какъ полезное лѣкарство на больныхъ: оно учило возвращенію къ природѣ и естественности и порождало страстную тоску по утраченной дѣтской невинности человѣчества. Быть можетъ, ни одна книга не подѣйствовала сильнѣе на Ж. Ж. Руссо, который былъ также ревностнымъ сторонникомъ англійскаго садоваго стиля и искреннимъ противникомъ французскихъ садовъ: «Робинзонъ» — первая книга, какую Руссо даетъ своему Эмилю, какъ образецъ естественности и неиспорченнаго вкуса.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Чувствительно-элегическое направленіе въ поэзіи.

Мы уже видѣли, что даже среди манерности вкуса рококо оказывались признаки возвращенія къ природѣ. Сознаніе необходимости освободиться отъ его неестественности и испорченности выразилось въ страстномъ, тоскливомъ желаніи вернуться къ утраченному раю, возстановить, во что бы то ни стало, первоначальную невинность и простоту человѣчества. Однако и это стремленіе выродилось постепенно въ чувствительность и меланхолію, въ эпидемическую міровую скорбь, столь-же неестественную, какъ и то направленіе, съ которымъ боролось новое настроеніе. Сердце вновь вступило въ свои утраченныя права и потребовало для себя абсолютнаго

господства. Скорбь по поводу того, что оно такъ долго было лишено свободы, вызвала слезливое направлѣніе, выражавшееся желаніемъ какого-то подъема духа, нѣсколько сходное съ выздоровленіемъ послѣ тяжелой болѣзни. Но лѣкарство было неменѣе опасно, чѣмъ болѣзнь: явилась другая противоположная крайность.

Морализирующая чувствительность Ричардсона, романы котораго вовсе не касались природы, меланхолія Юнга и др., описательная поэзія природы Томсона, а съ другой стороны, пасторальная идиллія, смѣшанная съ анакреонтической эротикой, какая разрабатывалась французами, служили главными вліяніями, опредѣлявшими направлѣніе нѣмецкой поэзіи природы въ первой половинѣ XVIII вѣка. Болѣе всего мѣста въ ней принадлежить описательному и дидактическому элементу.

Въ 1729 г. появились «Альпы» Галлера. Этому произведенію должно быть вмѣнено въ заслугу, что оно обратило взоры Европы на красоту альпійской природы и на нравственныя качества ея скромнаго населенія; но о романтической прелести, о подавляющемъ, дикомъ величіи горной природы тамъ говорится лишь весьма мало. Это поэма описательнаго, живописнаго характера, но она лишена наглядности и теплоты; картины идутъ въ ней одна за другой и передаются съ достаточнымъ пафосомъ; это въ особенности можно сказать объ изображеніи нравовъ тамошнихъ обитателей. Настоящія пейзажныя описанія, безъ примѣси моральной или утилитарной точки зрѣнія, встрѣчаются, сравнительно, весьма рѣдко. Мы находимъ тамъ слѣдующее описаніе С. Готтарда: «Здѣсь, гдѣ глава Готтарда поднимается за облака, и солнце кажется ближе къ возвышенному міру, капризная природа соединила на небольшомъ пространствѣ то, что въ другихъ мѣстахъ земли является, какъ рѣдкость. Правда, Ливія даетъ намъ еще больше новаго, и каждый день ея пески видятъ новое чудовище; но небо полюбило больше эту землю, гдѣ нѣтъ недостатка ни въ чемъ необходимомъ, и гдѣ процвѣтаетъ только все полезное: даже ледъ, растущій на горахъ, крутыя стѣны скалъ—тамъ приносятъ пользу и поятъ эту страну. Когда первый лучъ Титана позолотитъ высоты скалъ, и его просвѣтленный взоръ разгонитъ туманъ, тогда можно видѣть съ горы съ новымъ наслажденіемъ все, что природа создала наиболѣе великолѣпнаго... Пріятное смѣшеніе горъ, скалъ и озеръ, спускаясь, постепенно блѣднѣетъ, но видно достаточно ясно;

голубая даль замыкается вѣнцомъ блестящихъ возвышенностей, гдѣ черный лѣсъ дробить послѣдніе лучи. То ближняя гора показываетъ отлого поднимающійся холмъ, откуда громкій звонъ разносится въ долинѣ; то появляется широкое озеро-зеркало въ нѣсколько миль длиною, на гладкой поверхности котораго бродитъ дрожащій огонекъ; то открывается рядъ зеленыхъ долинъ, которыя, извиваясь въ разныя стороны, суживаются въ отдаленіи... Здѣсь, крутая гора выказываетъ вершины, похожія на стѣны; черезъ нихъ спѣшитъ лѣсной потокъ, и низвергается водопадъ за водопадомъ. Покрытая густою пѣной рѣка проникаетъ черезъ расщелины скалъ и убѣгаетъ съ дикой силой далеко за ихъ стѣну; тонкая струйка воды дѣлитъ поспѣшность глубокаго водопада, и въ сгущенномъ воздухѣ носится подвижная, сѣрая мгла, радуга свѣтится черезъ превращенныя въ пыль частицы и отдаленная долина орошается постоянной росой. Путникъ видитъ съ изумленіемъ потоки, текущіе въ небѣ, которые бѣгутъ изъ облаковъ и изливаются въ облака» ¹⁾).

Послѣ такого-же живописнаго описанія альпійской флоры, онъ продолжаетъ: «Однако, даже и тамъ, куда никогда не заглядываетъ прекрасное солнце, гдѣ безпрепятственно морозъ отнимаетъ зелень у пустынной долины, пещеры голой скалы украшаются съ великолѣпіемъ, не сокрушаемымъ временемъ и не похищаемымъ зимою... О богатство природы! Алмазъ Европы здѣсь цвѣтетъ и вырастаетъ въ горы».

Когда Фрей ¹⁾ по поводу этого отрывка замѣчаетъ: «Эти немногія строфы могутъ служить достаточнымъ доказатель-

¹⁾ Denn hier, wo Gotthardt's Haupt die Wolken übersteiget Und der erhabnen Welt die Sonne näher scheint, Hat, was die Erde sonst an Seltenheit gezeuget, Die spielende Natur in wenig Land's vereint. Wahr ist's dasz, Lybien uns noch mehr Neues giebet, Und jeden Tag sein Sand ein neues Untier sieht; Allein der Himmel hat das Land noch mehr geliebet, Wo nichts, was nötig (!), fehlt und nur was nützet (!), blüht: Der Berge wachsend Eis, der Felsen steile Wände, Sind selbst zum Nutzen da und tränken das Gelände. Wenn 'Titau's erster Strahl der Felsen Höh'vergüldet Und sein verklärter Blick die Nebel unterdrückt, So wird, was die Natur am prächtigsten gebildet, Mit immer neuer Lust von einem Berg erblickt... и т. д.

¹⁾ Frey, Die Alpen im Lichte verschiedener Zeitalter, Sammlung wissenschafte, Vorträge von Virchow und Holtzendorf, Heft 274, Berlin. 1877, S. 30.

ствомъ того, что поэма Галлера по интенсивной силѣ и непосредственной наглядности въ нынѣшней, безконечно разросшейся, альпійской поэзіи до сихъ поръ не имѣетъ себѣ соперниковъ, вслѣдствіе чего легко забывается нѣкоторая (?) неловкость его выраженій», — мы съ нимъ никакъ согласиться не можемъ. Поэма Галлера совершенно лишена пластики изображенія, хотя въ ней и нельзя не признать влеченія къ свободной природѣ, чувства, враждебнаго городской жизни и симпатизирующаго жизни среди величественныхъ явленій природы и простыхъ, первобытныхъ людей. Нервъ этой первой альпійской поэмы — не романтическій, а идиллическій элементъ, проникнутый элегическимъ колоритомъ. Этотъ характеръ поэзіи Галлера выступаетъ и въ поэмѣ его «О происхожденіи зла» (кн. I): «На тѣхъ тихихъ высотахъ, откуда нѣжный ручей вытекаетъ изъ неизсякаемыхъ источниковъ, мягкій вечерній вѣтеръ засталъ меня стоящимъ среди кустовъ; у ногъ моихъ лежала обширная мѣстность, не ограниченная ничѣмъ, кромѣ своей собственной величины. Холмы покрывались зелеными лѣсами, между которыми проникалъ съ пріятнымъ блескомъ мягкій свѣтъ полей; насколько доступно глазу, вездѣ царить покой и изобиліе... Кто можетъ быть недоволенъ въ томъ лѣсу? Тамъ съ краснымъ блескомъ горятъ полуобнаженные буки, и густая зелень елей отбѣиваетъ блѣдный мохъ: тамъ на его тьму свѣтлые лучи бросаютъ дрожащій свѣтъ черезъ узкіе просвѣты и, смотря по густотѣ лѣсной чащи, зеленая ночь соединяется съ золотымъ днемъ. Какъ пріятна тишина кустарниковъ... Все, что я вижу — дары судьбы; самъ міръ созданъ для счастья его жителей, общее благо оживляетъ природу, и все носить слѣдъ высшаго добра».

И Фридрихъ фонъ-Гагедорнъ прославляетъ «сельское наслажденіе» ¹⁾ и тихую, мирную природу въ «Ощущеніи

¹⁾ «Я нахожу здѣсь въ тишинѣ противоядіе отъ душевной тяжести... Порхаешь, движется и играетъ зелень на каждомъ кустѣ, и каждое растеніе чувствуетъ дыханіе теплаго зефира. То, что у меня передъ глазами, все падаетъ, прыгаетъ и поетъ, и все, все живетъ и все кажется помолодѣвшимъ. Вы, долины и высоты, украшенныя прелестью и лѣтомъ, беззаботно видѣть васъ — вотъ то, что освѣжаетъ мнѣ сердце. Прелесть свободныхъ полей превосходить великолѣпіе садовъ, и въ открытыхъ лѣсахъ можно смѣяться безъ принужденія... Ежегодно въ новыхъ сокровищахъ является счастье земледѣльца, и свобода и веселье

весны»: «Прелестъ пестрыхъ луговъ, ты, вновь зазеленѣвшій лугъ, будьте всегда прославлены мной, ты, прелестъ зеленыхъ луговъ! Тебя украшаютъ весна и природа. Ты, тишина полная радостей. Ты, очарованіе пріятнаго воздуха, какъ надо завидовать тебѣ, ты, тишина полная радостей!»

То-же идиллическое влеченіе къ сельской жизни свойственно всѣмъ поэтамъ того времени и въ особенности, такъ называемымъ, анакреонтикамъ. Такъ Глеймъ въ «Похвалѣ сельской жизни» поетъ: «Благодареніе Богу, что я бѣжалъ отъ суеты свѣта и подъ свободнымъ небомъ опять принадлежу себѣ». Или въ «Земледѣльцѣ»: «Какъ блаженъ тотъ, кто безъ заботы обрабатываетъ свое отцовское наслѣдіе! Солнце улыбается каждое утро тому лугу, на которомъ онъ лежитъ». Подобно этому Іог. Фридр. фонъ-Кронегкъ поетъ: «Бѣги отъ низменной заботы и отъ гордаго шума города... Здѣсь въ мирной долинѣ охотно шутитъ скромная мудрость, здѣсь улыбающаяся муза украшаетъ себя росистыми розами». Въ этомъ идиллическомъ чувствѣ мира, прелестной тишины и полезнаго изобилія природы, въ значительной степени отражается и религіозное чувство, что, впрочемъ, вполне естественно. Такъ, Глеймъ прославляетъ «Благость Божию»: «Для кого Твоя благость, Господи, создала этотъ міръ столь прекраснымъ? Для кого растенія и цвѣты въ долинахъ и на высотахъ?.. Намъ Ты далъ способность понимать красоту», и еще болѣе здравомыслящій Геллертъ, который говоритъ въ началѣ одного стихотворенія: «Небеса прославляютъ величіе Вѣчнаго... Его славить земной кругъ, Его славятъ моря», или: «Какъ велика благость Всемогущаго», или: «Когда я, о Творецъ, о Твоемъ могуществѣ, о мудрости Твоихъ путей... благоговѣнно размышляю... О Тебѣ проповѣдаютъ солнечный свѣтъ и буря, Тебя прославляетъ песокъ въ морѣ». Тѣ-же ноты слышатся и у другихъ піетистическихъ слагателей церковныхъ пѣсенъ.

Эвальдъ фонъ-Клейстъ настолько-же стоитъ выше ихъ, насколько Гамгеръ въ описательной поэзіи превосходитъ Броккеса. Вполнѣ справедливо замѣчаетъ Юліанъ Шмидтъ ¹⁾:

оживляютъ его взглядъ... Для него наряжается богатое пастбище и росистый лугъ, для него зеленеетъ веселье и радость, для него рисуетъ красками природа».

Littera urgeschichte I, 1886. S. 226.

«Описательная поэзія позднѣе вошла въ славу, чѣмъ дидактическая, но тогда вниманіе къ мелкимъ явленіямъ въ жизни природы необыкновенно благотворно подѣйствовало на воображеніе. Изображенія природы у Клейста полны мысли и чувства». Въ болѣе обширныхъ произведеніяхъ этого поэта замѣтны прилежаніе, трудъ, стараніе, почти неизбѣжныя при всякомъ описаніи, между тѣмъ, какъ настоящая пѣсня выливается изъ груди свѣжо и свободно, почти такъ-же безсознательно, какъ ключъ изъ скалы. За то общее міросозерцаніе Клейста сильнѣе и глубже, и чувства его высказываются легче и свободнѣе, чѣмъ у многихъ его современниковъ, хотя и у него также какъ и во всей литературѣ XVIII вѣка, можно встрѣтиться съ избыткомъ греческихъ нимфъ, боговъ вѣтровъ и греческихъ дѣвичьихъ именъ. У Клейста была чувствительная натура, которой неудавшаяся военная жизнь придавала еще болѣе мечтательности и впечатлительности къ уединенію и тихимъ прелестямъ природы. Онъ пишетъ Рамлеру въ своемъ стихотвореніи «Сельская Жизнь»: «О другъ, какъ счастливъ человекъ, у котораго никакая суета не отнимаетъ сна... Какъ только Аврора, когда посвѣтлѣетъ небо, поднявшись изъ моря, любовно взглянетъ внизъ, бѣжитъ онъ со своего ложа»... Большимъ чувствомъ проникнуто начало стихотворенія «Къ Дорисѣ»: «Теперь согрѣваетъ весна безоблачный воздухъ, небо опять можетъ отражаться въ ручьи: пастухъ уже купается въ благоуханіи цвѣтовъ... Стебель уже поднимаетъ свою увѣнченную голову, и зефиръ плаваетъ по нивамъ, какъ по волнамъ; дуга развертываютъ свою одежду, молодой тростникъ окаймляетъ край серебряныхъ ручьевъ, любовь ищетъ зеленого сумрака лѣсовъ, и синѣются—и воздухъ и море, и земля и небо».

Настоящую искреннюю симпатію къ природѣ выказываютъ слѣдующіе стихи въ поэмѣ «Иринъ»: «Солнце уже погрузилось въ море, и вода и небо, казалось, сверкали огнемъ. О, какъ прекрасна теперь эта мѣстность, сказалъ съ восхищеніемъ мальчикъ, котораго Иринъ училъ замѣчать все прекрасное въ природѣ. Какъ пріятно шепчетъ тамъ, въ дубровѣ, на берегу робкая зелень стройныхъ ясеней. О, какой прелестью дышетъ теперь и берегъ, и море, и небо. Какъ все прекрасно, и какими радостными и счастливыми дѣлается насъ природа!» Старецъ, изображаемый въ этой поэмѣ, возводитъ въ жизненный принципъ ту истину, что благочестивый и

добродѣтельный человѣкъ не только пользуется счастьемъ, но для него природа всегда остается прекрасной.

«Желаніе покоя» сливается съ желаніемъ мира среди природы въ тихой долині: «О серебрянный ручей, который прежде утѣшалъ меня, когда ты прошумишь мнѣ тихую колыбельную пѣсню? Счастливъ, кто лежитъ на твоихъ берегахъ, которые слушаютъ полныхъ прелести пѣвцовъ, скрытыхъ кустами... О дубрава, о душистая долина фіалокъ, о милый вѣнецъ далекихъ голубыхъ холмовъ! О тихое озеро, въ которомъ я тысячу разъ видѣлъ отраженіе розоваго лица Авроры; росистый лугъ, такъ часто восхищавшій меня! Когда я увижу твою неструю красу?»

Но печаль его становится мрачнѣе, она ищетъ своего отраженія въ природѣ: «Плодовое дерево груститъ, стебли склоныются, виноградная лоза умираетъ отъ злодѣйскихъ ударовъ... Да, міръ, ты могила истинной жизни. Часто прельщаетъ меня горячее влеченіе къ добродѣтели; отъ грусти ручей катится по щекамъ; настоящій человѣкъ долженъ быть далеко отъ людей.

Клейсть также возвышается въ благочестивомъ порывѣ до сердечнаго прославленія Творца: «Великъ Господь, небеса безъ числа суть покои Его дворца, Его колесница—буря и громовое облако». Самое знаменитое изъ его стихотвореній, заслуживавшее всего болѣе восторга въ его время «Весна» есть проникнутое любовью описаніе прогулки горожанина, который бѣжитъ изъ душевной комнаты, глотаетъ дыханіе весны полными глотками и наблюдаетъ жизнь въ лѣсу и въ полѣ, на озерѣ и на лугу. Хотя и это стихотвореніе страдаетъ монотонностью въ изображеніи положеній, лишенныхъ дѣйствія, но отъ него вѣетъ, какъ выражается Геттеръ, «нѣжной, освѣжающей, едва зарождающейся весенней жизнью»: «Примите меня священные тѣни! Вы, жилища сладкаго восхищенія, вы, высокіе своды, полные листвы и темныхъ дремлющихъ утѣхъ... Примите меня, наполните мнѣ душу кроткимъ желаніемъ и покоемъ... И вы, вы, смѣющіеся луга, вы, милыя долины, полныя розъ, вы, лабиринты ручьевъ, я хочу вдохнуть въ себя сладость вмѣстѣ съ вашимъ душистымъ дыханіемъ; скрытый въ тѣни, я буду воспѣвать на золотыхъ струнахъ радость, которая въ васъ обитаетъ!.. На облакѣ, окрашенномъ розами, увѣнчанномъ тюльпанами и лиліями, весна недавно спустилась съ неба... Воздухъ былъ мягче, пестрый коверъ покрывалъ поля, подъ

листвою появлялись тѣни, пробуждалась сладкая музыка и кружилась въ дубравѣ, полная зеленоватаго сумрака. Ручьи окрашивались серебромъ, въ воздушномъ пространствѣ носились благоуханія, и эхо отзывалось вдалекѣ на раннюю свирѣль пастуха»... Но и въ этомъ весеннемъ желаніи дрожить скорбь его сердца: «Ахъ, еслибъ мнѣ было дано среди васъ, милыя поля, распростершись въ колеблющихся тѣняхъ, на берегу болтливыхъ ручьевъ жить съ самимъ собою... Ты, море любви, о небо, ты вѣчный источникъ исцѣленія, неужли твой потокъ не утолитъ меня, неужли мои жизненные цвѣты, забытые сорными травами, увянуть?..»

Все болѣе оживляющійся и возбуждающійся интересъ къ природѣ, хотя и въ узкихъ предѣлахъ, отражается и во многихъ пѣсенкахъ Юганна Петера Уца, котораго, вслѣдствіе его слащавости, цѣнять не совсѣмъ правильно. Слѣдующія заглавія его стихотвореній показываютъ, какую роль играютъ для него природа и пастушеская жизнь ¹⁾: «Весна», «Утро», «Утренняя пѣснь пастуха», «Муза у пастуховъ», «Мудрецъ въ деревнѣ», «Сборъ винограда», «Вечеръ», «Май», «Лѣтняя листва», «Роза», «Лѣто и вино», «Зима», «Ночь», «Чувство въ весеннее утро», «Желаніе весны» и т. д. Много у него искренно и свѣжо, въ особенности его весеннія пѣсни: «Посмотрите, какъ цвѣтетъ весна! Неужели она уйдетъ безъ наслажденія? Развѣ вы не чувствуете весенняго влеченія? Друзья, оставьте все суровое и печальное! Въ радостное время цвѣтовъ да царствуетъ Вакхъ и любовь!» или: «О лѣсъ, о тѣни зеленыхъ аллей, прелестный лугъ, полный великолѣпія весны! Счастливый случай изъ городской тѣсноты привелъ меня къ вамъ!» или «Прелестный май, наконецъ, побѣдилъ и Борей долженъ уступить теплomu западному вѣтру: теплый западный вѣтеръ вездѣ, гдѣ онъ пролетитъ, манитъ цвѣты, чтобы они съ сердечнымъ смѣхомъ выползали вслѣдъ за нимъ»; или: «О, какой свѣжій воздухъ вѣетъ съ покрытыхъ кустами холмовъ! Какой пріятный западный вѣтеръ проносится на шумящихъ росистыхъ крыльяхъ по этой прелестной долинѣ, гдѣ все зеленѣетъ и цвѣтетъ!» Еще большимъ одушевленіемъ проникнуты слѣдующіе стихи: «Ты намъ послалъ весну въ ея сверкающей одеждѣ и розами окружилъ ея голову. Прелест-

¹⁾ Samtliche Poetische Werke von I. P. Uz, Bd. I, Leipzig 1768.

нал, смѣющаяся, она уже идетъ! Она восходитъ, о Боже, на свой престолъ изъ цвѣтовъ. Она проходитъ черезъ кусты, и они зацвѣтають; на луга проходитъ свѣжая зелень и въ лѣсахъ опять растутъ ихъ тѣни; западный вѣтеръ ласково потрясаетъ своими росистыми перьями, и каждая птица радостно поетъ. Ты восхитительной красотой украсилъ лицо природы! О неистощимый источникъ всякой красоты... Чистѣйшая любовь поднимаетъ все мое сердце къ тебѣ».

Въ такихъ строкахъ нельзя не замѣтить правдиваго, теплаго чувства, возвышающагося до благоговѣнія и искренняго восторга передъ красотой природы. Правда, все въ нихъ узко и однообразно, многое искусственно и многое, благодаря повтореніямъ, монотонно и скучно. Клейстъ весьма остроумно отозвался о нихъ въ письмѣ къ Глейму ¹⁾: «Оды Уца нравятся мнѣ все больше, чѣмъ больше я ихъ читаю. За исключеніемъ нѣсколькихъ, въ нихъ нѣтъ другихъ погрѣшностей, кромѣ того, что въ нихъ лавровые лѣса слишкомъ много зеленѣютъ; вырубите ихъ немного оттуда, вырвите оттуда майорантъ: онъ лучше въ хорошей колбасѣ, чѣмъ въ хорошемъ стихотвореніи».

Къ тому-же кружку поэтовъ, который сосредоточивался, главнымъ образомъ, около Глейма, принадлежитъ также Іог. Георгъ Якоби, стоящій выше его во многихъ отношеніяхъ; по его собственному сознанію ²⁾, онъ подражаетъ французамъ гораздо менѣе другихъ, напр., Гегедорна. Анакреонтическій элементъ играетъ у него большую роль, но онъ становится выше его и приближается къ настоящей поэтической пѣснѣ чувства. Въ своей жизни, которую одинъ изъ его друзей описалъ съ благоговѣніемъ, онъ представляетъ намъ образецъ чувствительнаго человѣка той сантиментальной эпохи ³⁾, но

¹⁾ Sämtliche Werke, herausgegeben von Wilhelm Koerte, I, Berlin. 1803, S. 65.

²⁾ I. G. Jacobi's sämtliche Werke, VIII Band, Zürich 1882.

³⁾ «Въ саду, который былъ расположенъ на обширномъ пространствѣ передъ домомъ и который на различныхъ террасахъ все соединилъ, что могли представить Флора и Помона, были устроены собственныя любимыя мѣста для поэта. Такъ, на возвышеніи, подъ Каролинскимъ тополемъ, находилась скала изъ туфа, созданная искусствомъ, на которой для него было приготовлено сидѣнье, покрытое мохомъ. Въ углубленіяхъ скалы были посажены лавровыя деревья и миртовые кусты, вѣтви которыхъ спускались сверху на его голову. Бѣлый и желтый жасминъ распространяли также свои благоухающіе запахи. Іоганнъ, пройдясь по

въ немъ было много здоровыхъ и привлекательныхъ чертъ, и иѣжная любовь къ природѣ находила у него свѣжее и правдивое выраженіе. Такъ, напоминая своему брату о родинѣ, онъ изображаетъ прелестную долину Заала около Галле. «На томъ мху, у того ручья, гдѣ среди братскихъ поцѣлуевъ мое сердце говорило съ твоимъ сердцемъ, ты сядешь опять, когда придетъ молодая весна... Захочешь-ли ты увидѣть, въ ихъ тихой простотѣ, маленькій садъ, прелестныя высоты? О другъ, здѣсь говоритъ природа въ далекомъ лѣсу, на близкомъ лугу, въ безыскусственныхъ аллеяхъ, на моемъ холмѣ, покрытомъ клеверомъ... Слышишь-ли ты шумъ, мой милый другъ, съ которымъ рѣка перерѣзываетъ лугъ?»

Якоби принадлежитъ къ числу тѣхъ, сердце которыхъ, какъ онъ говоритъ о Глеймѣ (III, 10), принимаетъ участіе въ судьбѣ всего, что дышетъ, даже и фіалки, и во всемъ твореніи ищетъ всего, что ему сродно, для того, чтобы соединиться съ нимъ и чувствовать вмѣстѣ съ нимъ. Многое даетъ понять, что онъ уже приближается къ гётевской эпохѣ. Такъ онъ говоритъ въ своей «Утренней пѣснѣ»: «Посмотри, какъ просыпается дубрава, какъ съ озаренныхъ высотъ, при тихомъ вѣяніи вѣтра, въ свѣжихъ кустахъ смѣется утренняя сладость!.. Здѣсь, гдѣ дрожатъ цвѣтокъ, гдѣ извиваются ручьи, услышь попотъ любви, который проносится мягко черезъ поля, какъ дыханіе весны». Въ «Лѣтнемъ днѣ» говорится: «Какъ поле и лугъ блещутъ росой! Какъ отягчены жемчугомъ растенія кругомъ! Какъ въ дубравѣ чисты вѣтерки! Какъ громко поютъ въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ сладкогласныя птицы!» Онъ заставляетъ сочувствовать всю природу, когда цѣлуетъ Хлою: «Тамъ шумѣли дубравы, ручьи одобряли меня и довѣрчивѣй журчали, жаворонки громче пѣли «я люблю тебя», даже растенія двигались, цвѣты цѣловались,

саду, въ полномъ солнечномъ сіяніи, обыкновенно отдыхалъ на этомъ скалистомъ сѣдалищѣ. Тамъ, по лѣвую руку отъ него, находился поросшій мохомъ небольшой жертвенникъ, составленный изъ сложенныхъ безъ всякаго искусства кусковъ скалы... На этомъ жертвенникѣ поэтъ клалъ свою книгу, смотрѣлъ черезъ видимый оттуда изгибъ далекаго Рейна на Богезскія горы и ни кѣмъ не тревожимый, отдавался своимъ мыслямъ... Это мѣсто называлось «уголкомъ поэта». Это другъ разсказываетъ о пребываніи поэта въ его домѣ, около Фрейбурга (стр. 131 и 106 прим.).

и звѣзды смотрѣли, смѣясь, и кивали: «я люблю тебя». Онъ пользуется мотивомъ желанія, весьма обыкновеннымъ уже у древнихъ: «Если-бъ весною я былъ на лугу вѣтеркомъ, который она чувствуетъ, только капелькой росы, которая освѣжаетъ цвѣты около нея, только деревцомъ у источника, который ее защищаетъ и радуется, и маленькой серебряной волной, которая орошаетъ прелестныя ножки... Если-бъ я шепталъ со стѣнъ, покрытыхъ розами, какъ вечерній вѣтерокъ, или былъ въ ея рукахъ посохомъ пастушки, покрытымъ цвѣтами»... Его душа и природа находятся въ извѣстномъ соотношеніи въ стихотвореніи «Въ полночь»: «Мертвая тишина покрываетъ долину при яркомъ свѣтѣ мѣсяца, вѣтры шепчутъ глухо и робко при ночной пѣснѣ сторожа... Тише, глуше звучитъ въ моей робкой душѣ; свѣти мнѣ лучъ надежды, также какъ мѣсяцъ тамъ за облакомъ». Онъ привѣтствуетъ «Липу на кладбищѣ» въ прекрасныхъ строкахъ: «Ты, которая такъ скромно вѣешь на меня привѣтомъ вечера, возносишься до облаковъ и унираешься въ холмы мертвыхъ! О липа, много слезъ здѣсь оросили почву и человѣческое горе блѣдное и тусклое поставило на ней свои кресты». Насколько природа на все отзывается и все отражаетъ, что происходитъ въ человѣческомъ сердцѣ, выражено въ стихотвореніи «Къ природѣ»: «Листья падаютъ, туманы встаютъ, и къ зимнему сву уже склоняются деревья на увядшемъ лугу; прежде чѣмъ хлопья окутаютъ тебя, поговори со мной еще разъ въ тишинѣ, дружественная природа... Ты отраженіе и отзвукъ самыхъ тайныхъ нашихъ влеченій; ты даешь образъ и звукъ надеждъ, любви, радости и страданію и пѣснѣ печали и утѣшенія».

Общее направленіе поэзіи природы того времени заключается въ идиллическомъ, чувствительномъ и симпатическомъ настроеніи, ограничивающемся, впрочемъ, весьма узкими воззрѣніями; всѣ поэты идутъ по стопамъ греческихъ и латинскихъ буколическихъ поэтовъ и забавляются съ Дамономъ, Миртилемъ, Хлоей, Дафнисъ и т. п. Но элегическая пасторальная поэзія достигаетъ настоящей спеціальности у Соломона Гесснера. Онъ былъ болѣе живописецъ-пейзажистъ, чѣмъ поэтъ; иллюстраціи карандашомъ къ его идилліямъ гораздо лучше этихъ послѣднихъ, замѣчательно полны настроеніемъ, напр., картина лѣса въ полномъ смыслѣ ревосходна, между тѣмъ, какъ мягко-слащавая поэзія во вкусѣ рококо, въ которой

больше чувствуется духъ Лонга ¹⁾ нежели Теокрита, и видно прямое подражаніе французамъ, совершенно лишена индивидуальной жизни. Хотя любовь къ природѣ у него сердечна и тепла элегически-сентиментальныя изліянія ея по своей монотонности почти невыносимы для нынѣшняго читателя. Весьма характерно его вступленіе «Къ читателю» ²⁾: «Эти идилліи — плоды нѣкоторыхъ изъ моихъ пріятнѣйшихъ часовъ, такъ какъ это одно изъ лучшихъ состояній, какое намъ можетъ доставить сила воображенія и спокойный духъ, когда мы, при посредствѣ ихъ, отъ нашихъ обычаевъ переносимся въ золотой вѣкъ. Всѣ картины тихаго покоя и кроткаго, невозмутимаго счастья должны нравиться людямъ благороднаго образа мыслей; и еще болѣе нравятся намъ сцены, какія поэтъ извлекаетъ изъ неиспорченной природы, такъ какъ онѣ часто имѣютъ видимое сходство съ блаженнѣйшими часами, какіе мы когда-либо переживали. Часто отрываюсь я отъ города и убѣгаю въ пустынные мѣстности; тамъ красота природы отвлекаетъ мой духъ отъ непріятныхъ впечатлѣній, какія меня выгнали изъ города; въ величайшемъ восхищеніи, вполне чувствуя ея красоту, я тогда «счастливъ, какъ пастухъ въ золотомъ вѣкѣ и богаче, чѣмъ король». Эти слова вполне изображаютъ настроеніе того времени. Человѣчество почувствовало себя больнымъ; люди избѣгали близости другихъ людей и городскихъ стѣнъ, удалялись въ уединеніе природы, грезили на ея груди о блаженномъ прошломъ и восторгались невинностью и чистотой, которыми вѣяло на нихъ изъ поля и лѣса, какъ воздухомъ, цѣлительнымъ для больныхъ.

Блѣдный мѣсяцъ со своимъ магическимъ свѣтомъ начинаетъ оказывать свое очарованіе. Такъ, Миртилъ находитъ своего отца «сладко покоящимся при мѣсячномъ сіяніи»; «долго стоялъ онъ тамъ, и взоры его были пристально устремлены на старца; но онъ взглянулъ черезъ блестящую виноградную зелень на небо, и радостныя слезы потекли изъ глазъ у сына: о, ты отецъ!» и т. д. Восхищеніе природой выражается пламенными восклицаніями. Такъ, ликуетъ Дафна: «Какъ величественно блещетъ мѣстность! Какъ ярко свер-

¹⁾ Греческій поэтъ IV или V в. по Р. Х., авторъ Pastoralia.
Ред.

²⁾ Gessner's Schriften III, Teil, Zürich 1770.

каетъ синева неба черезъ разорванное облако — они бѣгутъ эти облака — посмотри, какъ тѣнь пробѣгаетъ черезъ долину надъ цвѣтистыми лугами!» Адаманъ говоритъ: «Какой неисчерпаемый источникъ восхищенія! Отъ оживляющаго солнца до мельчайшаго растенія—все чудно! О, какъ увлекаетъ меня восторгъ, когда я съ высокаго холма озираю широко раскинувшуюся мѣстность или когда я, распростертый въ травѣ, созерцаю разнообразныя цвѣты и травы и ихъ мельчайшихъ обитателей, или когда я въ ночные часы созерцаю звѣздное небо!» Дафна выражается еще слѣдующимъ образомъ: «О, дай въ нѣжномъ объятіи увидѣть приближающееся утро, блескъ вечерней зари и тихое сіяніе мѣсяца, дай намъ увидѣть эти чудеса и, прижимаясь къ трепещущей груди, пролепетать нашъ восторгъ! О, какая невыразимая радость, когда къ этому восхищенію примѣшивается еще восторгъ нѣжнейшей любви!»

Насколько въ половинѣ XVIII вѣка для чувствительныхъ душъ было обычно обращеніе къ природѣ, показываютъ намъ прозаическія сочиненія совершенно другаго направленія. Такъ, эстетикъ Зульцеръ написалъ въ 1750 г. сочиненіе «О красотѣ природы»; духовныя лица мистическаго или шетистическаго склада повсюду въ природѣ видѣли присутствіе Бога, что лучше всего выражено въ религіозно-нравственной книгѣ Бругота «Христосъ въ уединеніи» (1761), весьма распространенной въ то время. Шпальдингъ, главный представитель раціонализма, въ своей книгѣ «Назначеніе человѣка» ¹⁾ выказываетъ свою любовь къ природѣ въ изліяніяхъ, близко напоминающихъ Гесснера. Мы находимъ у него слѣдующія мѣста: «Природа содержитъ неисчислимое наслажденіе, которое, посредствомъ болѣе тонкой чувствительности доставляетъ пищу моему духу... Когда я вмѣстѣ съ мыслью открываю глаза и уши, черезъ эти входы притекаютъ удовольствія съ тысячи сторонъ къ моей созерцающей душѣ. Цвѣты, расписанныя рукою природы, полный мелодіи лѣсъ, ясный свѣтъ дня — все это жизнь и свѣтъ, какіе она повсюду изливаетъ кругомъ меня» ¹⁾, и еще: «Какъ ничтоженъ, безвкусенъ и мертвъ для меня искусственный, фантастическій блескъ пышности и

¹⁾ Spalding, Die Bestimmung des Menschen, neue verbesserte Auflage, Leipzig 1768.

великолѣпія въ сравненіи съ живымъ сіяніемъ истинно-прекраснаго міра, въ сравненіи съ впечатлѣніями радости, спокойствія и восторга передъ цвѣтущимъ полемъ, передъ шумящимъ ручьемъ, передъ сладкимъ ужасомъ ночи или передъ величественнымъ выступленіемъ безчисленныхъ міровъ? Даже ближайшія и обыденнѣйшія явленія природы трогаютъ меня тысячекратнымъ наслажденіемъ, когда я ихъ испытываю душою, настроенною къ радости и восхищенію... Я погружаюсь съ искрениѣйшимъ удовольствіемъ въ размышленіе объ этой всеобщей красотѣ, неискаженной частью которой я считаю и самого себя» ²⁾).

Религіозное чувство немало содѣйствовало также подъему того духа, назначеніемъ котораго было освѣтить путь послѣдующимъ великимъ поэтамъ Германіи. Подобно тому, какъ утренняя заря возвѣщаетъ день, Клопштокъ открываетъ новую эпоху въ нѣмецкой литературѣ, высшею точкой которой является Гёте. Какъ это часто бываетъ въ развитіи человѣческаго духа, въ половинѣ XVIII вѣка реакція противъ испорченнаго вкуса и стремленіе къ болѣе совершенному привели сперва къ противоположной крайности: гармоническая соразмѣрность всегда пріобрѣтается постепенно. Клопштоку выпала доля сдѣлаться реформаторомъ литературы, прежде всего благодаря пламенному одушевленію и высокому полету фантазіи. Эти качества помогли ему овладѣть жесткой формой еще непослушнаго поэтическаго языка и привести его къ ритмическому движенію, къ мелодической звучности, которой ему недоставало до тѣхъ поръ. Правда, онъ могъ удерживать этотъ юношескій огонь, уносившій его за облака, къ звѣздамъ, только искусственнымъ образомъ, вслѣдствіе чего въ «Мессіадѣ» не мало манерности и неподвижности формъ, но тѣмъ не менѣе, возбужденіе, какое исходило отъ него, имѣло неоцѣнимое значеніе. Клопштокъ — одинъ изъ интереснѣйшихъ представителей своего времени; онъ во многихъ отношеніяхъ типиченъ для этого времени, самаго богатаго изъ всѣхъ другихъ эпохъ, — чувствительностью, слезливостью и радостными поцѣлуями. Несмотря на напыщенность своихъ чувствъ и идеаловъ, на возвышенность мыслей и языка, Клопштокъ остается че-

¹⁾ Ib. 14.

²⁾ Ib. 39.

ловѣчно-впечатлительнымъ ко всему доступному органамъ чувствъ даже въ немалой степени къ глазкамъ и губкамъ красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя могли отвлечь его отъ величественнѣйшаго пейзажа, впервые представившагося его взорамъ.

Возвышенное одушевленіе, какое доставляетъ ему природа, исходитъ уже изъ всего его образа мыслей, направленнаго ко всему высокому, великому и прекрасному. Его индивидуальность въ этомъ направленіи выступаетъ всего яснѣе въ письмахъ, въ которыхъ говорится о немъ, или въ которыхъ онъ самъ говоритъ о себѣ. Эти письма проливаютъ яркій свѣтъ на всю тогдашнюю эпоху.

Только съ трудомъ можемъ мы перенестись теперь въ то настроеніе, какое «Мессіада» вызывала въ современникахъ: даже свободно-мыслящіе люди проливали благоговѣйныя слезы и наслаждались блаженными минутами при чтеніи этого произведенія, въ этомъ сходились и старики и юноши. Какую мечтательность вызывалъ Клопштокъ, мы ясно можемъ видѣть изъ письма къ нему Августы (Густхенъ) Штольбергъ. Оно помѣчено: «Ютерсенъ 25 апрѣля 1776 г., въ саду»: «Да въ саду, любезнѣйшій Клопштокъ! Я ходила кругомъ него, было такъ хорошо, птички пѣли, фіалки и цвѣты благоухали передо мною, и я думала тогда съ чувствомъ обо всемъ, что я люблю, очень люблю и скоро стала думать о моемъ добромъ, миломъ Клопштокѣ, у котораго, конечно, нѣтъ другой подруги, которая была-бы ею болѣе, чѣмъ я, хотя многія ему, быть можетъ, говорятъ гораздо больше... Благодарю, благодарю за ваше милое, милѣйшее, маленькое письмецо; какъ оно мнѣ было мило, я вамъ не говорю—не могу сказать» ¹⁾. У Клопштока былъ пламенный панегиристъ въ лицѣ К. Фридриха Крамера ²⁾. Въ своей книгѣ онъ сообщаетъ о частной жизни и особыхъ склонностяхъ своего благоговѣйно почитаемаго друга; но эта книга еще болѣе замѣчательна пріемомъ, къ какому прибѣгаетъ авторъ, настроеніемъ, съ какимъ вы-

¹⁾ Klopstock's Briefe, herausgegeben von Lappenberg, Braunschweig 1867, S. 270.

²⁾ Болѣе подробное сочиненіе его мнѣ неизвѣстно; у меня въ рукахъ только: Klopstock. In Fragmenten aus Briefen von Tellow an Elisa». Hamburg 1777.

сокообразованный человекъ того времени относится къ поэту. Въ ней говорится (стр. 43): «Книги его (Клоппштока)—не чело-
вѣческія книги, а сама природа и само общество. Онъ долженъ
рисовать и именно рисовать природу. Поэтому, онъ долженъ
познавать ее. Поэтому, онъ ее такъ любить. Поэтому, онъ
бродитъ у ручья и плачетъ. Поэтому, онъ идетъ весною на
цвѣтущія поля, и изъ глазъ его льются слезы. Все твореніе
наполняетъ его грустнымъ и сладостнымъ чувствомъ. Онъ
бродитъ кругомъ, какъ во снѣ, съ горы въ долину. Гдѣ онъ
видитъ ручей, онъ слѣдитъ его теченіе; гдѣ возвышается
увѣнчанный лѣсомъ холмъ, онъ долженъ подняться на него.
Рѣка... ахъ, если-бъ онъ могъ унести съ нею въ океанъ!
Скала... о, если-бъ онъ могъ взглянуть съ ея зубчатыхъ вер-
шинъ на лежащія внизу луга! Соколъ носится надъ нимъ...
ахъ, если-бы у него были крылья, и онъ могъ носиться такъ,
ближе къ звѣздамъ! По цѣлымъ часамъ стоитъ онъ, молча,
около цвѣтка, созерцаетъ мохъ, ложится въ траву, увѣн-
чиваетъ свою шляпу полевыми цвѣтами и дубовыми листьями.
Онъ прогуливается при лунномъ сіяніи и посѣщаетъ могилы.
Тогда онъ размышляетъ о смерти, о безсмертіи и вѣчной жизни.
Ничто не останавливаетъ его въ его созерцаніи. Ничто не ли-
шено для него значенія. Каждый образъ, всякая видимая
вещь сопровождается для него невидимыми спутниками; онъ
чувствуетъ все кругомъ себя такъ тепло, такъ цѣльно, такъ
близко!»

Это описаніе, взятое изъ самой жизни, раскрываетъ для
насъ болѣе, чѣмъ цѣлый томъ стихотвореній; въ немъ содер-
жится все существенное тогдашняго чувства природы—чув-
ствительность, мечтательность, элегичность. Вѣрный другъ
поэта рассказываетъ далѣе (88): «Онъ охотно и много гу-
ляетъ, но ищетъ обыкновенно солнечныхъ мѣстъ; онъ идетъ
очень тихо во время прогулки, что для меня очень трудно,
такъ какъ я не хожу, а бѣгаю, когда гуляю... часто онъ
останавливается, будучи какъ-будто не въ силахъ связать
узелъ своего созерцанія. Несомнѣнно, въ чувствѣ бываютъ
такія-же бездонныя пропасти, какъ и въ мышленіи» (127).
Въ другомъ мѣстѣ: «Онъ вышелъ изъ дому и наслаждался
великой сценой неизмѣримой природы. Оріонъ и Плеяды вос-
ходили надъ его головой, и милый мѣсяцъ стоялъ надъ нимъ.
Когда онъ его увидалъ такъ прямо въ его небесное, друже-
ственное лицо, онъ посылалъ ему привѣтствіе за привѣт-

ствиемъ. Луна, луна! подруга мыслей! Не спи! Останься! Дорогая луна, какъ зовешься ты? Лаура? Цинтія? Силлена? Или я долженъ назвать тебя прекрасной, небесной Бетти?» (149). «Онъ охотно выходитъ въ поле... Мы искали тамъ одинокихъ мѣстъ, мрачныхъ, наполняющихъ ужасомъ кустарниковъ, одинокихъ, никѣмъ не посѣщаемыхъ тропинокъ; влѣзали на каждый холмъ, разсматривали каждый видъ и, наконецъ, легли подъ тѣнистымъ дубомъ (305)... Жизнь Клопштока—безпрерывное наслажденіе. Онъ даетъ волю всевозможнымъ чувствамъ и наслаждается за трапезой природы... Самымъ радостнымъ временемъ года для Клопштока было, когда дыханіе ночи блеситъ на неподвижной рѣкѣ. Вслѣдъ за плаваніемъ на лодкахъ, онъ ставилъ всего выше искусство Тіальфа¹⁾). Катанье на конькахъ проповѣдуетъ онъ съ рвеніемъ миссіонера и иногда производитъ чудеса... Лунная ночь на льду есть для него праздникъ боговъ. Пусть будетъ для насъ закономъ, говорилъ онъ, что мы не оставимъ рѣки, пока мѣсяцъ на небѣ не склонится къ закату».

Клопштокъ самъ изобразилъ это высокое наслажденіе въ стихотвореніи «Катанье на конькахъ»: «О юноша, умѣющий вложить душу въ водяной котурнъ, предоставь городу его каминъ. Пойдемъ со мною, куда манитъ тебя кристальная равнина!.. Какъ мягко освѣщаетъ озеро начинающійся день зимы! Блестящій иней, подобный звѣздамъ, ночь разсыпаетъ надъ нимъ! Какъ молчитъ кругомъ насъ бѣлое поле! Какъ звучитъ дорога отъ молодого мороза!.. Лети-же скорѣ мимо меня!».

Крамеръ сообщаетъ, какъ поэтъ часто переживалъ въ воспоминаніи прекрасные дни, проведенные имъ у графа Берншторфа въ замкѣ Штинтенбургѣ, «который имѣлъ великолѣпнѣйшее романтическое положеніе въ одной изъ очаровательнѣйшихъ мѣстностей Мекленбурга; онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, полнымъ священнаго ужаса, на большомъ озерѣ, въ серединѣ котораго маленькій островъ восхищаетъ взоръ, и громкій возгласъ повторяется эхомъ; Клопштокъ весьма любитъ эхо и когда бродитъ по лугамъ, всегда старается его открыть» (33). Этотъ рассказъ даетъ объясненіе одѣ «Штинтенбургъ»: «Островъ радостнѣйшаго уединенія, любезный товарищъ отзвука и озера, которое то ширится,

¹⁾ См. оду того-же имени «Die Kust Tialfs» и «Winterfreuden».

то скрывается какъ рѣка, шумя кругомъ лѣсистыхъ холмовъ». Въ этой одѣ, какъ и во многихъ другихъ простое, личное ощущеніе заслоняется «поэзіей бардовъ». Зоре въ Зеландіи, принадлежащее, дѣйствительно, къ прекраснѣйшимъ пунктамъ великолѣпнаго острова, поэтъ ¹⁾ находитъ «необычайно пріятнымъ мѣстомъ» и «у священнаго дерева на круглой, возвышенной луговинѣ, въ 200 шагахъ отъ большой аллеи и отъ вида на Фриденсбургское озеро, и въ особенности противъ маленькаго, густо заросшаго острова на озерѣ», является ему «Фанни, надъ вершинами деревьевъ, въ серебряномъ вечернемъ облакѣ». Но «однимъ изъ пріятнѣйшихъ дней во всей его жизни «былъ тотъ, когда онъ написалъ оду «Цюрихское озеро»; «онъ часто рассказывалъ мнѣ,—говоритъ Крамеръ (461),—съ живѣйшей теплотой юноши, о блаженныхъ дняхъ того времени и исторію этой поѣздки въ блестящихъ краскахъ. Лодка, наполненная веселымъ обществомъ; по большей части молодые люди, милыя дѣвушки, Гирцель, его жена, прекрасное майское утро, поѣздка по озеру»... Гирцель рассказываетъ ²⁾: «Клоппштокъ, повидимому, былъ менѣе тронутъ красотой нашей земли, чѣмъ красотой нашихъ дѣвушекъ»: Молодая дѣвушка привлекала его болѣе, чѣмъ альпійскій міръ. Онъ шепчетъ самъ ³⁾: «Какъ скоро я увидалъ ее на разстояніи 20 шаговъ, сердце у меня забилося, и когда она выслушала новыя вещи, передъ которыми ея прекрасныя черныя глаза опустились съ любезною почтительностью, она сказала восхитительно, какъ высоко она цѣнитъ меня... Я долженъ сдѣлать замѣчаніе, что я хотѣлъ осыпать доброе дитя множествомъ поцѣлуевъ».

Но во всякомъ случаѣ, въ одахъ Клоппштока восхищеніе природой, молодая веселость и любовь привлекательно соединяются между собою, или, какъ выражается Крамеръ: «У Клоппштока сіяетъ отовсюду возвышенная, нравственная душа! Каждый предметъ, природа, любовь, вино, слава, разсматриваются съ такой точки зрѣнія, съ какой они улучшаютъ, облагораживаютъ, дѣлаютъ умнѣе и счастливѣе». Извѣстная

¹⁾ Briefe S. 94.

²⁾ Julian Schmidt op. cit I, 244.

³⁾ См. также его письма изъ Швейцаріи (49 и слѣд.); онъ не находитъ ничего замѣчательнаго, хотя ѣдетъ по Цюрихскому озеру и направляется къ Цугскому и Люцернскому.

величественность чувствуется въ слѣдующемъ вступленіи, въ которомъ прославляются красота природы, Творецъ и преклоняющійся передъ нимъ человѣкъ: «Прекрасно, о мать природа, чувство твоего величія, разсѣяннаго на лугахъ; но еще прекраснѣе веселое человѣческое лицо, на которомъ отражаются великія мысли твоего творенія». Для него вѣтъ радости «отъ виноградныхъ береговъ блистающаго озера». При видѣ горъ, покрытыхъ виноградниками, «вдали открылась за облакомъ серебряная высота Альпъ, и сердца юношей забились съ большимъ чувствомъ». Но все относящееся къ человѣку, чувствуется имъ сильнѣе, чѣмъ красота природы; богиня-Радость важнѣе для него альпійскихъ высотъ. «Мы чувствовали, какъ Гегедорнъ, богиня-Радость, тебя мы чувствовали, тебя!» Но все-таки весна вызываетъ въ немъ радостное одушевленіе; она манитъ его къ любви: «Пріятно манитъ вино, очаровательно звучитъ зовущій серебряный звукъ славы... и безсмертіе—великая мысль... Но еще слаще, прекраснѣе и очаровательнѣе чувствовать себя другомъ въ объятіяхъ друга!...» Его мысли устремляются къ родинѣ; «среди вѣтерковъ лѣса, съ взоромъ опущеннымъ на серебряную волну», думаетъ онъ о далекомъ предметѣ своей любви, присутствіе котораго «тѣнистый лѣсъ обратило-бы въ храмъ». Последнее стихотвореніе весьма характерно; Клопштокъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, высшіе идеалы расширяютъ его душу, онъ знаетъ, что его любятъ и даже удивляются ему; при этомъ видно, какъ прелестный пейзажъ отражается въ его сердцѣ и усиливаетъ его настроеніе.

На самомъ дѣлѣ, объ его искренней любви къ природѣ мы узнаемъ не только отъ его панегириста, но и изъ многихъ его стихотвореній. Кому случалось бродить въ чудныхъ буковыхъ лѣсахъ страны озеръ, кто наслаждался волшебнымъ видомъ Фреденсборга въ прекрасный августовскій день, тотъ вполне отзовется сердцемъ на слѣдующія поэтическія строки Клопштока: «Здѣсь остановилась природа, когда она обильною рукой изливала живую красу на холмъ и долину, остановилась, замедливъ шагъ, чтобы украсить эти долины. Взгляни на покоящееся озеро, какъ его берегъ, густо покрытый лѣсомъ, мягко повышается, и сіяющій вечеръ прячется въ зеленеватомъ сумракѣ»... И еще опредѣленнѣе ощущеніе природы и душевное настроеніе въ одѣ, воспѣвающей сіяніе луны и озаглавленной «Раннія могилы»: «Привѣтствую тебя, о се-

ребриный мѣсяцъ, прекрасный, тихій товарищъ ночи! Ты убѣгаешь? Не спиши, останься, другъ мыслей! Посмотрите, онъ остается, только облако пробѣжало надъ нимъ. Пробужденіе мая еще прекраснѣе, чѣмъ лѣтняя ночь, когда роса, яркая какъ свѣтъ, струится съ его кудрей, и онъ восходитъ, краснѣя, на холмы. Вы, благородные, надъ вами уже растетъ суровый мохъ! О, какъ я былъ счастливъ, когда я съ вами видѣлъ, какъ алѣлъ день, какъ блеснула ночь».

Это—настоящая лирика чувства, безъ всякаго вынужденнаго одушевленія. Также, какъ многія мѣста «Мессіады», многія изъ его одъ проникнуты возвышенно-религіознымъ чувствомъ природы. Какой полетъ фантазіи чувствуется въ его прославленіи весны: «Ни въ океаны всѣхъ міровъ хотѣлъ-бы я низвергнуться»... Въ этомъ стихотвореніи чувствуется величественность воззрѣнія, напоминающая псалмы и пророка Исаію. Съ высоты созерцанія шумящаго потока свѣта, восторженныхъ, ликующихъ хоровъ, фантазія поэта обращается къ самымъ ничтожнымъ твореніямъ: «Но, весенній червячокъ, золотисто-зеленый, играющій около меня, ты живешь и, увы, не безсмертенъ»... Все,—буря и вѣтеръ, громъ и молнія, шумящіе лѣса, медленно плывущія облака соединяются въ грозѣ посылаемой всемогущимъ Богомъ; но, «смотри, Іегова приближается уже, Іегова идетъ уже въ тихомъ, кроткомъ вѣтеркѣ, и передъ нимъ склоняется радуга міра!» Въ другой одѣ—«Міры», онъ называетъ звѣзды «каплями океана» и почти не находитъ словъ для подавляющаго чувства близости Божіей. «Серафимъ безмолвствуетъ и безконечность трепещетъ всѣмъ кругомъ своего пространства въ высокой хвалѣ Тебѣ, о Сынъ!»—воскликаетъ онъ въ обращеніи къ Спасителю». Все славить Бога: «Хвалою ему звучить лѣсъ и поле, долина и гора, отзывается берегъ, глухо шумитъ море хвалою Безконечному» («Созвѣздія»). Къ изумленному благоговѣнію передъ величіемъ Божіимъ у него примѣшивается, какъ у еврейскихъ пѣвцовъ, чувство собственнаго ничтожества: «О зрѣлище блистающей ночи, звѣздныхъ полчищъ! Какъ ты возвышаешь! Какъ восхищаешь ты, созерцаніе величественнаго міра! Богъ, мой Творецъ! Какъ радуется, видя надъ собой звѣздное войско тотъ, кто чувствуетъ, какъ онъ малъ, какая онъ ничтожная пылинка и чувствуетъ, что Богъ—его Богъ! О, пусть это чувство восторга будетъ со мною, когда я умру!» («Смерть»).

Несомнѣнно, въ исторіи поэзіи природы за Клопштокомъ остается заслуга не только болѣе высокаго поэтическаго настроенія, т. е. сильнаго и возвышеннаго языка, но и возвышеннаго выраженія любви и поклоненія природѣ. Пусть Альпы привлекали его менѣе, чѣмъ прелестныя дѣвушки,—его чувство природы сильнѣе, серьезнѣе, благоговѣйнѣе, чѣмъ у анакреонтиковъ и элегико-идиллическихъ современниковъ его; въ этомъ чувствѣ много благородной субъективности и глубокой искренности, хотя и не мало напыщенности, какъ и во всей его поэзіи.

Идиллическая поэзія съ усиленной искренностью и сердечностью разрабатывалась въ особенности Геттингенскимъ поэтическимъ союзомъ. Искусственное, условное, здѣсь начинаетъ уже уступать мѣсто чистымъ, естественнымъ звукамъ души. Какъ глотокъ чистой воды освѣжаютъ насъ пѣсни добродушнаго Клаудіуса ¹⁾.

Какъ просты и вполне народны его крестьянскія пѣсни, какъ напр., «Утренняя пѣсня»: «Вонъ, идетъ опять милое солнышко, оно опять идетъ сюда. Оно не дремлетъ и не устаетъ, хотя и бѣгаетъ много»... и «Вечерняя пѣсня»: «Прекрасное, великое, небесное свѣтило оканчиваетъ свой ходъ... Приди, сотри потъ съ моего лба, милая жена, и потомъ накрой столъ... За нашимъ ужиномъ председательствуетъ мѣсяцъ, чистый какъ серебро и смотритъ сверху въ чашку и на все наше благополучіе». У Клаудіуса мы находимъ то дѣтски сердечное возрѣваніе на природу, которое сближаетъ поэта съ милымъ солнцемъ и милымъ мѣсяцемъ и которое изъ новѣйшихъ поэтовъ встрѣчается только у Гебеля. Все рефлексивное и искусственное ему противно: «Простое наслажденіе природой, безъ всякихъ причудъ, пріятно, какъ сердечный поцѣлуй добраго человѣка». Особымъ расположеніемъ его пользуется мѣсяцъ; наивнымъ юморомъ вѣтъ его чистая «Колыбельная пѣсня при лунномъ свѣтѣ»: «Спи же ты малютка, о чемъ ты плачешь? Легко и сладко спать въ мѣсячномъ сіяніи. И сонъ приходитъ скорѣе и гонитъ за-

¹⁾ Справедливо высказывается Штормъ въ своемъ превосходномъ предисловіи къ прекрасно составленному сборнику нѣмецкой поэзіи: «Сборникъ открывается Клаудіусомъ, который въ то время, когда поэтическая и музыкальная лирика въ Германіи терялась въ пѣсенкахъ, исполнявшихся на вечеринкахъ, впервые нашелъ опять непосредственное выраженіе чувства, и именно, чувства природы».

боту; мѣсяць радуется на дѣтей и любитъ ихъ. Онъ любитъ и мальчиковъ, а дѣвочекъ еще больше. Онъ посылаетъ имъ славные подарки оттуда сверху... Онъ старъ, какъ воронъ, видаеть много странъ. Мой отецъ, когда былъ мальчикомъ, его уже зналъ»... Но лучшее изъ его стихотвореній «Вечерняя пѣсня», несравненная по своей простотѣ и производящая трогательное впечатлѣніе грустной музыкой стиха и искреннимъ сочетаніемъ міра, природы и человѣка: «Мѣсяць поднялся, золотыя звѣздочки красуются на небѣ свѣтло и ясно; лѣсъ стоитъ черный и молчитъ, и съ луговъ чудно поднимается бѣлый туманъ. Какъ міръ спокоенъ и подъ покровомъ сумерекъ, какъ дружественъ и милъ! Точно тихая комната, гдѣ вы должны позабыть всѣ дневныя бѣды и уснуть»¹⁾).

Подобныя же ноты слышатся намъ и въ «Вечерней пѣснѣ» Бойе, оживленной искреннимъ чувствомъ природы: «Какъ тихъ теперь воздухъ! Какъ вѣтры пріятны и легки! Съ мягкимъ шопотомъ играетъ листва липы, и еще мягче шепчетъ эхо. Серебряный ручей течетъ между цвѣтовъ; волна, едва слышная уху, омываетъ съ жалобнымъ шумомъ край мрачнаго грота; и все темнѣе становится покровъ земли, сотканный твоею рукою, крѣпче тишина, въ которую все погружается понемногу... Она идетъ, ночь, и все прислушивается; ни одна звѣзда не свѣтится на ея одеждѣ, ея медленное, тяжелое крыло шелеститъ, освѣжаетъ и пугаетъ робкую землю». Въ этомъ стихотвореніи сильнѣе и осмысленнѣе, чѣмъ во всей лунной поэзіи того времени, изображены тихіе голоса ночи, постепенное исчезновеніе свѣта; здѣсь чувствуется, какъ богиня ночи расprostираетъ свой покровъ надъ землей, свѣвая со своихъ темныхъ крыльевъ и мирный, и пугающій мракъ.

Мы находимъ идиллическое удовлетвореніе въ «Деревенькѣ» Бюргера: «Я прославляю мою деревеньку» съ лѣсами въ голубой дали, съ хлѣбными полями, съ бурными терновниками, съ высокими тополями, съ свѣтлымъ ручьемъ, который «съ кроткимъ журчаньемъ тихо крадется здѣсь по серебрянымъ

¹⁾ Der Mond ist aufgegangen, Die goldnen Sterne prangen Am Himmel hell und klar; Der Wald steht schwarz und schweiget, Und aus den Wiesen steigt Der weisse Nebel wunderbar. Wie ist die Welt so stille Und in der Dämmerung Hülle so traulich und so hold! Als eine stille Kammer, Wo ihr des Tages Jammer Verschlafen und vergessen sollt.

кремнямъ... течеть внизу вѣтвей, которыя, какъ сводъ скло-
няются надъ нимъ, какъ-будто боясь его... Прекрасенъ лугъ,
но только Элиза обращаетъ его для меня въ рай». Такую-же
мягкость и мечтательность выказываетъ Гельти, хотя у него
больше тоскливо-элегического настроенія, какъ онъ самъ со-
знается въ томъ: «Я имѣю величайшую склонность къ сель-
ской поэзіи и къ сладкимъ, меланхолическимъ мечтаніямъ:
хижина, лѣсъ, при этомъ лугъ съ серебрянымъ ручьемъ и
женщина въ моей хижинѣ, — это все, чего я желаю на
землѣ». Онъ прославляетъ сельскую жизнь: «Блаженъ чело-
вѣкъ, бѣжавшій изъ города! Каждый шелестъ дерева, каждый
шумъ ручья, каждый блестящій камешекъ проповѣдуютъ ему
добродѣтель и мудрость». Какъ видно изъ этихъ словъ, поэты
того времени еще не перестаютъ морализировать. Гельти охотно
погружается въ созерцаніе природы; онъ восхваляетъ ее въ
«Майской пѣснѣ» и въ «Весеннихъ пѣсняхъ»: «Небо сине,
долина зелена, маленькіе майскіе колокольчики цвѣтутъ и
буквица съ ними... Приходи-же тотъ, кому нравится май, и
радуйся на прекрасный міръ и на отеческую благость Божію». Онъ
умѣетъ сочетать любовь и природу, какъ напр., въ пе-
чальномъ обращеніи къ фіалкѣ: «Скрой, о фіалка, въ твоемъ
голубомъ вѣнчикѣ, скрой слезы грусти, пока Розаура посѣ-
титъ этотъ источникъ! Если дѣвушка сорветъ тебя на лугу,
чтобы украсить тобою грудь, о, прильни тогда къ ея сердцу
и скажи ей, что капли въ твоемъ голубомъ вѣнчикѣ выли-
лись изъ души вѣрнаго ей юноши, который оплакиваетъ свою
жизнь и желаетъ смерти».

Гельти самый сентиментальный изъ поэтовъ этой группы;
болѣе ясности и твердости духа выказываетъ прямодушный
Юг. Генрихъ Фоссъ. Его лирическія стихотворенія менѣе
содержательны, чѣмъ болѣе крупныя поэмы. Въ своемъ сти-
хотвореніи «Семидесятый день рожденія» онъ съ остроумными
подробностями рисуетъ день изъ мирной жизни сельскаго свя-
щенника сѣверной Германіи; еще шире онъ раскрываетъ ту-
же картину въ своей превосходной поэмѣ «Луиза»; добрые
люди, выведенные въ ней обладаютъ впечатлительнымъ, бла-
гочестивымъ чувствомъ ко всему прекрасному и благородному;
поэтому, они чувствуютъ тихую прелесть деревенскаго и лѣс-
ного пейзажа. Когда они, «пройдя чечевичное поле и поле съ
бородатымъ ячменемъ, приблизились къ холму надъ озеромъ,
увѣнчанному темными елями и поникшею зеленью бѣлыхъ

березъ, Луиза взглянула на берегъ, покрытый кустарникомъ»... Затѣмъ, они легли въ тѣни стараго фамильнаго бука: «Здѣсь мягкій, какъ подушка, мохъ, здѣсь кротко дышащая прохлада, здѣсь въ шумѣ волнъ и тростника насъ плѣняетъ видъ надъ озеромъ, на деревню и на изгибы плодородныхъ береговъ»...

И у братьевъ Штольбергъ встрѣчаются тѣ-же идиллическіе мотивы, та-же склонность къ мирной тишинѣ, выраженные съ достаточной индивидуальностью. Такъ, въ «Элегіи къ Гаугвицу» Христіана Штольберга, мы читаемъ: «Слаще благоухаетъ лугъ и прохладиѣ дышетъ вечеръ; только блѣдный румянецъ держится на лазурномъ западѣ; тихо спускается роса»; онъ желаетъ, чтобы вернулось время, когда они бродили оба «счастливые весеннимъ покоемъ, сплетясь рука съ рукой, по цвѣтущимъ долинамъ; ложились на мшистыхъ берегахъ ручья, и къ ихъ сладкой бесѣдѣ дружески прислушивался мѣсяцъ. О, какъ у насъ тогда таяло сердце въ кроткомъ чувствѣ!» Фридрихъ Штольбергъ болѣе одушевленный пѣвецъ природы; такъ, въ одѣ «Природа» онъ говоритъ: «Тотъ мнѣ не другъ, кто не любитъ божественной природы! Чувства ангеловъ ему неизвѣстны... Только для чистыхъ сердець благоухаетъ вечерняя роса пестраго весенняго луга: только для нихъ священна тѣнь дуба! Твою благодать, уединеніе, только они могутъ переносить!» Девизомъ того времени можетъ служить его молитва: «Нѣжная, священная природа! Дай мнѣ пойти по твоимъ слѣдамъ! Веди меня твоей рукой, какъ дитя на помочахъ! Когда я устану, я склонюсь къ тебѣ на грудь и буду вдыхать небесную отраду, приникнувъ къ груди матери! Ахъ, какъ мнѣ хорошо съ тобою! Я хочу непремѣнно тебя любить! Позволь мнѣ пойти за тобою, нѣжная, священная природа!»

И онъ воспѣваетъ луну и идиллическія «Вѣянія у Геттингена», но онъ производитъ впечатлѣніе, какъ-будто одушевленіе поэзіи Клопштока у него дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ, и его воззрѣніе на природу обладаетъ болѣе высокимъ и энергичнымъ полетомъ, чѣмъ у большинства его современниковъ. Дикое и величественное въ природѣ также входитъ въ область его поэзіи и притомъ въ сильныхъ, одушевленныхъ выраженіяхъ, между тѣмъ, какъ море и горы до того времени почти не играютъ никакой роли въ нѣмецкой поэзіи. Ф. Штольбергъ такъ обращается «къ морю»: «Священное, широкое море, какъ твое зрѣлище для меня величественно! Какъ ты дорого для

меня въ раннихъ лучахъ, которые, дрожа, цѣлуютъ твои уста. Я счастливъ тѣмъ, что, близкій тебѣ, видѣлъ тебя тысячу разъ! Мой взоръ всегда съ искреннимъ чувствомъ возвращался къ тебѣ». «Потокъ, свергающійся со скалы» возвышенно изображается имъ и служитъ символомъ неодолимаго стремленія къ свободѣ у человѣка: «Безсмертный юноша! Ты исходишь изъ расщелины скалы. Ни одинъ смертный не видалъ колыбели могучаго... Какъ ты прекрасенъ въ серебряныхъ кудряхъ! Какъ ты страшенъ въ громѣ окружающихъ скалъ! Передъ тобою дрожить ель; ты низвергаешь ее съ корнемъ и вершиной! Передъ тобою бѣгутъ скалы! Ты ненавидишь ихъ и, смѣясь, смываешь ихъ, какъ камушки. Тебя одѣваетъ солнце въ лучи славы... Юноша, ты силенъ, какъ Богъ! Свободенъ, какъ Богъ!» Онъ прославляетъ Гарцъ, свои родныя горы: «Сердечно привѣтствую тебя, дорогая земля херусковъ!.. Тебѣ мать природа дала изъ урны изобилія мужественную красу, простоту и достоинство! Тебѣ она дала вершины, вздымающіяся надъ облаками, громозвучные потоки!.. Какъ защищающій лѣсъ отѣняетъ твое возвышенное темя... Привѣтъ тебѣ Херускія! Твоя слава остается страшной и вѣчной, подобно Броккенской».

Здѣсь уже слышатся ноты, напоминающія Гёте; къ пафосу Клопштока Ф. Штольбергъ присоединяетъ пониманіе возвышеннаго и величественнаго въ природѣ, что въ ту сентиментально-идиллическую эпоху остается исключительнымъ явленіемъ. Впрочемъ, одинъ швейцарецъ еще ранѣе того открылъ романтическую красоту горной природы. Это былъ Жанъ Жакъ Руссо, который, не менѣе Клопштока, можетъ считаться типическимъ представителемъ своего времени. Его авторскую дѣятельность можно сравнить съ бомбой, упавшей среди тогдашней элегико-идиллической пасторальной поэзіи.

ГЛАВА X.

Романтизмъ въ поэзіи природы.

Руссо принадлежитъ къ числу людей, не часто встрѣчающихся въ исторіи литературы, которые вносятъ полный переворотъ въ настроеніе и въ воззрѣнія своего времени. Бы-

ваютъ умы, которые въ собственномъ сознаніи, такъ сказать, начинаютъ собою міровую исторію сначала; они отвлекаютъ себя отъ всего существовавшаго прежде, возстаютъ противъ господствующаго вкуса и образа мыслей и всё свои заключенія заимствуютъ только изъ самихъ себя. Для такихъ умовъ весьма естественно если они, возвышая себя въ собственныхъ глазахъ, ставятъ себя общимъ мѣриломъ, цѣня всего выше собственную субъективность, съ болѣзненной страстностью софиста и съ жаромъ убѣжденія пророка. Такая самостоятельность и впечатлительность въ соединеніи съ упорствомъ уничтожающимъ все существующее безъ сдерживающей нравственной дисциплины, съ наклонностью къ крайнимъ преувеличеніямъ, выступаетъ въ исторіи въ первый разъ въ образѣ Руссо. Эллинизмъ, императорская эпоха и возрожденіе были для него только предшествующими ступенями; то, что у Петrarки было только обѣщаніемъ, у Руссо становится исполненіемъ; «acedia» достигаетъ у него своей высшей точки; онъ безпрестанно разсуждаетъ и прислушивается къ самому себѣ; въ его внутреннихъ процессахъ для него все феноменально и все имѣетъ неоцѣненную важность; онъ постоянно чувствуетъ раздвоеніе въ себѣ самомъ, постоянно колеблется между идеаломъ, обязанностями передъ всеобщимъ единствомъ и «своевоіемъ» себялюбиваго, чувственнаго «я». При всей суровости его характера на него оказываетъ примиряющее вліяніе мечтательная, страстная любовь къ природѣ; если въ немъ многое кажется не совсѣмъ правдивымъ, его любовь къ природѣ носитъ на себѣ печать первоначальнаго, коренного свойства его: она самое симпатичное выраженіе его индивидуальности и того «идеализма сердца», верховные права котораго онъ проповѣдывалъ въ то искусственное, манерное время. Вполнѣ вѣрно замѣчаетъ Геттнеръ ¹⁾, что это — не «пустыя слова», когда онъ, въ своемъ третьемъ письмѣ къ Мальзевру, пишетъ: «Какъ полагаете вы, какое время вызываю я всего охотнѣе въ моемъ воспоминаніи? Это не удовольствія моей юности: они были слишкомъ рѣдки, слишкомъ соединены съ горечью, они уже слишкомъ далеки отъ меня; это наслажденіе моей отрѣшенностью отъ людей, это мои уединенныя прогулки, это тѣ быстро пролетѣвшіе, но драгоцѣнные дни, ко-

¹⁾ Hettner, op. cit. II, S. 207.

которые я проводилъ въполнѣ одинъ съ самимъ собою, съ моей доброй, простой Терезой, съ моей любимой собакой, моей старой кошкой, природой и ея непостижимымъ Творцомъ. Когда я вставалъ съ солнечнымъ восходомъ для того, чтобы видѣть пробужденіе дня, моимъ желаніемъ было, чтобы ни письма, ни посѣщенія не могли смутить моего кроткаго наслажденія. Я поспѣшно уходилъ въ лѣсъ. Какъ я ликовалъ тогда! Я искалъ гдѣ-либо дикаго мѣста, гдѣ ничто не указывало руки человѣка, гдѣ никто третій не становился между мной и природой. Золото дрока, пурпуръ солнечныхъ лучей наполняли мнѣ сердце и взоры трогательнымъ восхищеніемъ; величественность деревьевъ, покрывавшихъ меня своей тѣнью, вѣжность кустовъ, окружавшихъ меня, поразительное разнообразіе травъ и цвѣтовъ, сгибающихся подъ моими ногами, поддерживали мой духъ въ непрерывномъ напряженіи и восторгѣ». Возвращеніе къ природѣ имѣетъ для него серьезное, священное значеніе; это у него не теоретическій догматъ: его сочиненія и проповѣдуютъ и изображаютъ повсюду красоту свѣжей, чистой, нетронутой природы, осуждаютъ вычурность садового стиля и салонной моды того времени и ставятъ на мѣсто манерности и неестественности свободныя права сердца и разумное, радостное наслажденіе природой. Руссо былъ первымъ, кто открылъ романтическую красоту альпійской природы. Но прежде, чѣмъ должнымъ образомъ оцѣнить этотъ фактъ, мы должны въ краткихъ чертахъ, въ связи съ сказаннымъ выше, представить отношеніе предшествовавшихъ вѣковъ къ альпійской природѣ ¹⁾.

Хотя въ XV вѣкѣ альпійскія страны и были предметомъ мирныхъ и военныхъ предпріятій, но интересъ къ изученію новыхъ мѣстностей принадлежалъ по преимуществу поѣзкамъ съ цѣлью открытій отдаленныхъ странъ; Альпы почти совершенно отсутствуютъ на тогдашнихъ картахъ. Чтобы не быть несправедливыми къ тому времени, мы должны помнить, что существеннымъ условіемъ современнаго пристрастія

¹⁾ Много поучительнаго заимствовалъ я изъ поименованныхъ уже выше статей въ приложеніи къ «Allgemeine Zeitung»: «Ueber die geographische Kenntniss der Alpen im Mittelalter», 3—11 Januar 1885 и «Ueber die Alpine Reiselitteratur in früherer Zeit», тамъ-же September 1885.

ко всему романтическому служить безопасность и удобства путешествія, о чемъ въ средніе вѣка не могло быть и рѣчи. Тогда было слишкомъ много трудностей и опасностей и слишкомъ мало средствъ для ихъ устраненія, чтобы пользоваться путешествіемъ по Альпамъ, какъ удовольствіемъ и развлеченіемъ; тогда съ трусливой поспѣшностью перѣѣзжали страны, въ которыхъ угрожали опасностью не только стихіи, но и разбойничьи шайки, и гдѣ дороги были такъ дурны и мѣста остановокъ такъ малочисленны. вмѣстѣ съ тѣмъ и естественныя науки находились тогда еще только въ зародышѣ; изученіе ботаники, геологіи и геогнозіи было распространено крайне недостаточно, о теоріяхъ ледниковъ и т. п., никто еще не догадывался тогда. То, что въ Альпахъ напоминало путникамъ родину, служило для нихъ предметомъ удивленія: они бывали поражены, находя что-либо подобное между покрытыми снѣгомъ колоссами; контрастъ еще усиливалъ то впечатлѣніе, какое идилическія долины производили на путешественниковъ. Такъ, мы находимъ слѣдующія строки въ «Эвагаторіяхъ» ульмскаго проповѣдника — монаха Феликса Фабри, который въ 1480 и 1483 гг. посѣтилъ Востокъ и въ описаніи своего второго путешествія съ живою наглядностью изображаетъ свое возвращеніе черезъ Альпы ¹⁾: «Хотя альпійскія горы кажутся весьма страшными и безжизненными отъ холода, снѣга или отъ солнечнаго жара и простираютъ свою высоту до облаковъ, но долины между ними привлекательны, плодородны и изобилуютъ утѣхами всего міра, подобно раю.

¹⁾ Evagatorium III, p. 443, Bibliothek des litterar. Vereins zu Stuttgart, Bd. 4, 1849: Quam vis autem ipsi montes sint horribiles et rigidi gelu nivium aut ardore solis et usque in nubes sua altitudine protendantur, ipsae tamen valles sub eis sunt amoenae, fertiles et omnium mundi deliciarum abundantes, sicut paradisus. Ibi homines et iumenta in maxima habitant multitudine, et omnia quasi metalla de Alpibus effodiuntur, maxime argentum. In tantis deliciis vivunt in montanis homines et ita mundus ibi floret ac si Venus, Bacchus Ceresque ibi principarent. Nunquam ille crederet, qui a longe aspiciunt Alpes, tam deliciosos vivere paradisos sub perpetuis nivibus et in montibus aeterna hieme et glacie irresolubili rigescentibus Tam horribilis est enim Alpium aspectus ut procendes contra eas, nisi expertus sit, pavescat et intrare formidet. Magnae profecto audaciae fuit Hannibal Poenus... Вообще, онъ даетъ весьма образное представленіе о трудностяхъ и опасностяхъ, какія ему пришлось испытать самому.

Тамъ живутъ люди и животныя въ большомъ множествѣ и почти всѣ металлы извлекаются оттуда, а болѣе всего серебро. Въ такихъ утѣхахъ живутъ люди въ горахъ, и міръ цвѣтетъ тамъ какъ-будто Венера, Вакхъ и Церера царствовали въ немъ. Никто, видящій Альпы издали, не повѣритъ, чтобы тамъ жили въ постоянномъ раю, подъ вѣчнымъ снѣгомъ, на горахъ, гдѣ постоянная зима, и ледъ никогда не таетъ. Такъ ужасенъ самый видъ Альпъ, что приближающійся къ нимъ, не имѣя опытности, страшится войти туда. Много смѣлости было у Ганнибала» и т. д. Такимъ образомъ, здѣсь заключается довольно условное восхваленіе Альпъ, касающееся только мирной и привлекательной стороны ихъ.

И въ XVI вѣкѣ отчеты тѣхъ, которые проходили Альпы въ рядахъ войскъ, какъ напр., Адама Рейсснера сообщаютъ объ «ужасномъ» впечатлѣніи, какое они испытывали, заглядывая въ долины; точно также путешествовавшіе черезъ Альпы въ Италію и на Востокъ, рассказывая о своихъ тяжелыхъ странствованіяхъ, выражаютъ радость, что они уже окончились для нихъ. Ученые даютъ скудныя описанія своихъ путешествій или прибѣгаютъ къ шереховатымъ стихамъ, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда поэзіи Альпъ. «Ужасающій» и «устрашающій» — эпитеты, всего чаще прилагаемые тогда къ этимъ горамъ ¹⁾. Но если мы даже примемъ въ расчетъ трудности и неудобства переѣзда черезъ Альпы въ то время, то все-таки для насъ остается несомнѣннымъ обнаруживающійся въ этихъ описаніяхъ недостатокъ къ наслажденію природой или господствовавшіе тогда отношенія къ прекрасному въ природѣ. Эстетическое чувство еще недостаточно развилось для того, чтобы постигнуть величіе горнаго міра, чтобы подойти ближе къ высокимъ снѣговымъ великанамъ, чтобы эстетически овладѣть ими. Не изумленный восторгъ, а только страхъ и ужасъ выражаютъ эти путешественники; одни лишь идиллическія долины кажутся имъ веселыми и привлекательными. Слогъ этихъ описаній, при всей своей скудости, уже болѣе развитъ, какъ мы видѣли, у другихъ путешественниковъ по Востоку, но сущность ихъ

¹⁾ Cp. Sebastian Münster, Cosmographie 1544; Friedlaender, Ueber die Entstehung und Entwicklung des Gefühls für das Romantische in der Natur, Leipzig 1873, S. 5.

остается все та-же: понятіе о прекрасномъ въ природѣ было въ то время весьма ограничено; для большинства образованныхъ людей оно заключается въ плоской, широкой мѣстности, какъ мы видимъ это у Кихеля ¹⁾ (1585), который, оставивъ альпійскую область, привѣтствуетъ Лехфельдъ (низменные высоты между Лехомъ и Вертахомъ въ Швабско-Баварской плоской возвышенности), какъ «прекрасный, возвышенный» пейзажъ. Кихель постоянно жалуется на біеніе сердца, какое вызываетъ у него восхожденіе на высокія горы; другой—Шикгартъ откровенно признается: «съ радостью оставили мы страшныя и скучныя горы», и съ неменьшимъ остроуміемъ замѣчаетъ о знаменитомъ альпійскомъ проходѣ Бреннерѣ; переводя это слово буквально (зажигатель, зажигающій): «Онъ не очень насъ зажегъ, такъ какъ мы, вслѣдствіе льда и очень глубокаго снѣга, а также ужасно холоднаго вѣтра, не чувствовали никакого жара». Самое одушевленное изъ описаній того времени мы имѣемъ въ описаніи Комскаго озера Павла Ювіа († 1552), который съ теплымъ чувствомъ изображаетъ великолѣпіе горнаго выступа Белуціума (Велладжіо) ²⁾.

Но въ XVII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, вызываетъ удивленіе колоссальность Альпъ въ связи съ прелестью долинъ; такъ, Іоаннесъ Якобъ Грассеръ ³⁾ рассказываетъ о Ретіи: «Тамъ возвышаются мраморныя массы горъ, подобныя стѣнамъ и башнямъ и походяція на самыя чудныя зданія. Въ долинахъ лежатъ разсѣянныя деревни; тамъ и здѣсь—плодоноснѣйшая почва. Тамъ царствуетъ изобиліе рядомъ съ сухостью, пріятность среди ужасовъ и жизнь среди уединенія. Здѣсь живописецъ можетъ тѣшить свой взоръ, и все-таки природа превосходитъ все мастерство художника. Даже скалистыя ущелья, извивающіяся тропинки, мѣняющаяся ярость или скудость водопадовъ, согнутыя дуги мостовъ, волны озеръ, пестрая одежда луговъ, могучій ростъ деревьевъ, короче все, что земля и небо позволяютъ здѣсь видѣть новаго, прельщаетъ взоры странника, доставляя ему удивленіе и забаву». Но эта забава заключается, главнымъ образомъ, въ контрастѣ

¹⁾ Bibliothek des litterar. Vereins, Stuttgart, LXXXVI.

²⁾ Descriptio Larii lacus Milano 1558.

³⁾ Itinerarium Basile. 1624.

съ ужасающимъ характеромъ горъ. Иозефъ Фурттенбахъ (род. 1591), описывая ту-же мѣстность, рассказываетъ о «мо-стикѣ, подъ которымъ можно слышать Рейнъ съ великимъ шумомъ и при этомъ случаѣ видѣть нѣчто грубое и отвратительное по своей дикости».

Въ самой Швейцаріи уже въ XVI вѣкѣ раздался громкій, хотя и одинокій голосъ, съ одушевленіемъ и благоговѣніемъ прославлявшій величественность альпійскаго пейзажа. Мы видимъ это изъ обращенія Конрада Гесснера къ его Гларнерскому другу въ «De admiratione montium» (1541) ¹⁾. «Пока Господь даруетъ мнѣ жизнь, рѣшился я ежегодно подниматься на нѣсколько или, по крайней мѣрѣ, на одну изъ горъ, частью для того, чтобы изучать горную флору, частью для того, чтобы укрѣплять тѣло и освѣжать духъ. Какое наслажденіе доставляетъ созерцать громадныя горныя массы и поднимать голову въ облака!! Какъ это настраиваетъ къ благоговѣнію, когда видишь себя окруженнымъ горными куполами, которые великій Строитель міра создалъ въ одинъ длинный день творенія! Какъ пуста жизнь, какъ низменно стремленіе тѣхъ, которые ползаютъ по землѣ только для того, чтобы пріобрѣтать и мѣщански наслаждаться! Для нихъ земной рай остается закрытымъ». Но такъ какъ даже послѣ Руссо, даже въ нынѣшнемъ столѣтіи путешественники находили Альпы «отвратительными» (я наминаю слово *hideux* у Шатобріана), то это восхваленіе Альпъ осталось никѣмъ неуслышаннымъ.

Однако, XVIII вѣку предстояло внести перемѣну въ это направленіе. Между тѣмъ, какъ прежде путешественники преслѣдовали исключительно практическія цѣли,—изученіе учреждений, обычаевъ и занятій въ чужихъ странахъ,—теперь появилось новое научное движеніе; геологи и физики отважились, наконецъ, проникнуть въ области вѣчнаго снѣга и ледниковыхъ массъ и постепенно ужась передъ устрашающими пустынями уступалъ мѣсто восторгу и, наконецъ, любви. Рядъ новѣйшихъ писателей объ Альпахъ открываетъ собою Шейхперъ (1672—1733) своимъ «Itinera Alpina». Онъ прошелъ всѣ альпійскіе проходы: Сплугенъ, Готгардъ, Фурка и др. и посвятилъ разнообразныя описанія водамъ, расте-

¹⁾ Osenbrüggen, Wanderungen in der Schweiz, 1867, I. Entwicklungsgeschichte des Schweizreisens; Friedlaender, ib. S. 7.

ніямъ и животнымъ, минераламъ, рудамъ и ископаемымъ, глетчерамъ и лавинамъ. Галлеръ былъ не только историкъ, теологъ и поэтъ, но и ботаникъ, какъ показываютъ его стихи, но лишь преувеличенныя похвалы могутъ приписывать ему пониманіе романтической прелести альпійской природы. Напротивъ, Броккесъ стоитъ ближе, по крайней мѣрѣ, къ признанію красоты горъ. Онъ описываетъ Гарцъ въ IV части своего «Земнаго блаженства» и говоритъ въ «Созерцаніи Бланкенбургскаго мрамора»: «Во многихъ мѣстахъ суровыя высоты горъ громадно прекрасны. Ихъ величина можетъ возбуждать въ насъ удовольствіе и ужасъ»; изобразивъ смѣну дикости полезностью или пріятностью въ горной природѣ, онъ заключаетъ: «Размысли объ этомъ съ отрадой и благоговѣніемъ, мой умъ! Столь-же суровыя, сколько и прекрасныя высоты горъ показываютъ намъ подобіе земныхъ превратностей» ¹⁾. Ужасъ и страхъ еще долгое время примѣшиваются къ ощущеніямъ очевидцевъ, изображавшихъ Альпы. Такъ въ «Грандисонѣ» (III, 39) Ричардсона, противоположность между красивой Франціей и скалистой Савойей представляется къ невыгодѣ послѣдней ²⁾. «Мы оставили позади себя цвѣтущую весну, которая зеленью деревьевъ и изгородей оживляла нашъ путь, и намъ уже улыбались луга своими цвѣтами... Каждый предметъ, который показывается здѣсь, вызываетъ крайнее сожалѣніе (*excessively misérable*)... Савойя—одна изъ отвратительнѣйшихъ странъ на землѣ». Аддисонъ ³⁾, напротивъ, говоритъ объ Альпахъ, лежавшихъ передъ нимъ (въ Рипайльѣ), что онѣ разорваны крутыми выступами и пропастями и что онѣ наполняютъ душу пріятнымъ родомъ ужаса; онъ прославляетъ даже дико-романтическіе берега Инна, ради красоты пейзажа (*a fine landskip*). Леди Монтегю ⁴⁾ находитъ «чудеснымъ», на Монъ-Сени видъ горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ,—облаковъ, лежащихъ глубоко подъ ногами и водопадовъ, низвергающихся съ глухимъ шумомъ со

¹⁾ Ср. прекрасное сочиненіе Эриха Шмидта о Ричардсонѣ, Руссо и Гётѣ (Erich Schmidt: Richardson, Rousseau und Goethe, Jena 1875 S. 183, прим.).

²⁾ Schmidt, ib. 173.

³⁾ Remarks on several parts of Italy... London 1761, p. 258 и слѣд.; Friedlaender ib. 12.

⁴⁾ Letters of L. M. 25 Sept. 1718; Friedlaender S. 13.

скаль; но пріятности (entertaining) этой картины мѣшалъ необычайный холодъ. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ XVIII вѣка Швейцарія была еще мало извѣстна, и многіе путешественники могли подобно Кейсселеру ¹⁾ пользоваться только мѣриломъ полезности и плодородія оцѣнивая, напр., прекрасно обработанную равнину около Мантуи, противопоставляя ее дикимъ, бесполезнымъ горамъ Тироля или пустыннымъ мѣстностямъ Люнебурга и Вестфалии; такъ Мозеръ ²⁾ послѣ прочтенія «Элоизы» и «Эмиля» вспоминаетъ Аббту (1763) съ нѣкоторой ироніей «знаменитыя Альпы, которымъ теперь придаютъ такое важное значеніе». И такъ, Руссо первый обнаружилъ въ личайшее одушевленіе передъ дикой красотой высокихъ горъ, благоговѣйный восторгъ передъ ихъ романтической стороной. Немногія признанія прежняго времени представляютъ собою только отдѣльные настрoenія, голоса одиноко стоящихъ людей; Руссо, внеся вполне сознательно новое отношеніе къ природѣ, поднялъ на высшую ступень романтическій характеръ разнообразныхъ явленій ея красоты. Правда, Руссо не открылъ новѣйшаго чувства природы, какъ это предполагаютъ нѣкоторые, въ томъ числѣ и Любуа-Реймонъ: его предшественниками были великіе люди Возрожденія, даже поэты эллинизма, но онъ, несомнѣнно, направилъ чувство природы на новый путь. Онъ стоитъ одиноко въ особенности въ исторіи французской литературы; въ послѣдней, его время отличается лишь пейзажными изображеніями, заимствовавшими у древнихъ или сантиментально-эротическими пасторальными стихотвореніями, какъ мы уже видѣли выше ³⁾.

¹⁾ Friedlaender ib. S. 14.

²⁾ Schmidt S. 174, прим.

³⁾ И Лапразъ не можетъ привести ничего значительнаго изъ того времени въ своей книгѣ «Le sentiment de la nature» deuxième édition, Paris 1870. Первый томъ его сочиненія («О чувствѣ природы у древнихъ») я охарактеризовалъ въ другомъ моемъ трудѣ «Die Entw. d. Naturgef. bei den Gr. u. Rom.» 135. Хотя Лапразъ единственный писатель, обработавшій эту тему въ обширныхъ размѣрахъ и съ исторической точки зрѣнія, но я въ немногомъ схожусь съ нимъ. Онъ держится исключительно клерикально-католической точки зрѣнія: онъ не отдѣляетъ чувства природы отъ «божественной идеи» (idée divine), «идеи безконечнаго». Отдѣльныя мѣста у него остроумны, вся книга написана прекрасно, но многое у него поверхностно и перемѣшано съ ненужными подробностями. Основной взглядъ его

Онъ первый открылъ своимъ соотечественникамъ, затерявѣвшимъ въ безвкусицу и искусственность, чувства поля и лѣса, солнечнаго и луннаго свѣта, идиллической и возвышенной красоты природы. Чего стоили всѣ манерныя, пасторальныя картинки и сказки прежнихъ литературныхъ эпохъ въ сравненіи съ первобытной свѣжестью, съ настоящими сердечными звуками мечтательной любви Руссо къ сельской жизни и сельской идилліи, куда онъ спасался отъ крайности культуры! «Исповѣдь» Руссо открыла французской литературѣ не только глаза, но и сердце.

Руссо былъ швейцарецъ и выросъ въ странѣ, которая причисляется къ прекраснѣйшимъ странамъ Европы. И какъ онъ любилъ свою непосредственную родину—Женевское озеро! Еще въ дѣтскомъ возрастѣ для него было наслажденіемъ уйти

излагается въ слѣдующемъ положеніи (р. 38). «Настоящее чувство природы единственно поэтическое, единственно плодоносное и могущественное, единственно свободное отъ всякой опасности, есть такое чувство, которое никогда не отдѣляетъ идеи о видимыхъ предметахъ отъ мысли о Богѣ». Для классическаго періода французской литературы за недостаткомъ какихъ-либо выраженій чувства природы, онъ принимаетъ слѣдующій девизъ: «Геній Франціи есть геній дѣйствія» и «Человѣческая душа есть цѣль поэзіи». Даже о Фенелонѣ, у котораго, по крайней мѣрѣ, чтеніе древнихъ авторовъ вызываетъ картины природы, онъ высказываетъ: «Природа остается въ его глазахъ простой декорацией драмы, какую человѣкъ играетъ въ ней; поэтъ въ немъ никогда не смотритъ съ мистической точки зрѣнія». Объ одушевленной природѣ въ басняхъ Лафонтена онъ говоритъ: «Это не называется живо писать природу, это называется изгонять ее» и приходитъ къ заключенію: «Чувство безконечнаго отсутствуетъ въ поэзіи XVII вѣка, также какъ и чувство природы», и далѣе: «Общій духъ XVIII вѣка есть отрицаніе самой поэзіи: любовь къ природѣ была тогда ничто иное, какъ скрытая ненависть и объявленіе войны обществу и религіи. Тамъ нѣтъ слѣда законнаго и глубокаго чувства, привлекающаго художника и поэта къ величію творенія, открывающаго міръ невидимаго. Не требуйте отъ XVIII вѣка поэзіи природы также какъ и поэзіи сердца». Бюффонъ означаетъ собою «поэтическое состояніе наукъ о природѣ»; но его блестящимъ прозаическимъ картинамъ недостаетъ «присутствія Бога, откровенія безконечнаго; гармоніи души и природы не существуютъ для Бюффона... у него болѣе риторика, чѣмъ истиннаго чувства природы». Въ этомъ случаѣ съ нимъ нельзя не согласиться. Тогда еще не пришло время, когда познаніе природы въ естественно-научныхъ сочиненіяхъ должно было сочетаться съ теплотой и искренностью чувства, съ эстетическимъ пониманіемъ.

изъ города и мечтательно бродить вдаль отъ него. Въ одно изъ воскресеній 1728 г. случилось такъ, что онъ вышелъ изъ города и совсѣмъ забылъ и время и самого себя: «Передо мной были поля, деревья, цвѣты; это прекрасное озеро, эти холмистыя мѣста, эти высокія горы величественно развѣртывались передъ моими глазами. Я наслаждался прекраснымъ зрѣлищемъ, такъ какъ солнце отходило на покой. Наконецъ, замѣтилъ я, но слишкомъ поздно, что ворота города были уже закрыты» ¹⁾. Съ того времени онъ почувствовалъ свое сродство съ природой и свою близость съ нею болѣе, чѣмъ съ людьми. Любовь къ родинѣ и чувство природы прекрасно сливаются у него въ IV книгѣ «Исповѣди», когда онъ (въ 1732 г.) пишетъ: «Видъ Женевского озера и его чудныхъ береговъ всегда имѣлъ въ моихъ глазахъ особую прелесть, которую я не могу изъяснить и которая заключается не только въ красотѣ зрѣлица, но и въ нѣкоторомъ невыразимомъ интересѣ, возбуждающемъ и трогаящемъ меня.... Во время этого путешествія въ Веве, я предался, слѣдуя по прекрасному берегу, самой сладкой меланхоліи; мое сердце погружалось, пламенѣя, въ тысячи невинныхъ, блаженныхъ чувствъ; я сдѣлался безпричинно мягокъ и вздыхалъ и плакалъ, какъ ребенокъ». Съ очарованіемъ озера у него соединяется воспоминаніе объ его отцѣ, о m-me де-Варапсѣ, однимъ словомъ, о прошломъ. Онъ желаетъ только имѣть садъ на этомъ озерѣ, друга, жену, корову, маленькую лодку—и тогда счастье его было-бы полнымъ. Любовь къ природѣ у Руссо имѣетъ всегда отрицательную, даже болѣзненную изнанку: это — желаніе уйти отъ людей. Всего искреннѣе онъ привязывается къ природѣ, когда люди его преслѣдуютъ. Самое живое свидѣтельство этого чувства мы находимъ въ лучшей (въ V) изъ его «*Rêveries d'un Solitaire*». Онъ убѣждалъ на одинъ изъ острововъ (Peter insel) Бильскаго озера. Насколько ему извѣстно, ни одинъ путешественникъ не думалъ прежде объ этомъ островѣ и, тѣмъ не менѣе, онъ считаетъ вполне естественнымъ чувство, заставляющее его восторгаться имъ. Послушаемъ его самого: «Берега озера болѣе дики и романтичны, чѣмъ берега Женевского озера, такъ какъ скалы и лѣса непосредственно окаймляютъ его поверхность, но они

¹⁾ Oeuvres XII, 358.

не менѣе привлекательны. Если тамъ менѣе обработанныхъ полей и виноградниковъ, менѣе городовъ и домовъ, за то больше природной зелени, болѣе луговъ, убѣжищъ, отѣненныхъ деревьями, частыхъ контрастовъ и неправильностей. Такъ какъ на этихъ счастливыхъ берегахъ нѣтъ большихъ проѣзжихъ дорогъ, то страна мало посѣщается путешественниками; но они привлекательны для внимательныхъ пустынниковъ, которые любятъ спокойно погружаться въ прелести природы и размышлять въ тишинѣ, ненарушаемой никакимъ другимъ звукомъ, кромѣ крика орла, прерывистаго щебетанія нѣкоторыхъ птицъ и шума низвергающихся съ горъ водопадовъ» ¹⁾). Здѣсь переживаетъ онъ счастливѣйшую робинзонаду. Единственными людьми, которыхъ онъ тамъ видѣлъ, были бернскій промышленникъ и его семья. Онъ считаетъ два мѣсяца своего пребыванія тамъ прекраснѣйшими въ своей жизни; онъ хотѣлъ-бы даже навсегда остаться тамъ. Но, какъ чловѣкъ съ развитымъ чувствомъ, онъ вполнѣ сознаетъ, въ чемъ заключается удерживающее его тамъ очарованіе. Прежде всего это *dolce far niente*, уединеніе, отсутствіе книгъ и принадлежностей для письма, общеніе съ простыми людьми, здоровое движеніе на открытомъ воздухѣ, полевая работа и, въ особенности, близкое общеніе съ величественной природой. Последнее у него двоякаго рода: онъ изучаетъ природу и наслаждается ея великолѣпіемъ и красотой. Его охватываетъ настоящая страсть къ собиранію растеній; онъ раздѣляетъ весь островъ на участки для того, чтобы постепенно отыскать и опредѣлить всѣ растенія и травы; онъ задумываетъ всеобъемлющую «*Flora petrinsularis*»; онъ называетъ неописаннымъ восхищеніе проникать такимъ образомъ въ тайны растительнаго міра, слѣдить за работающими въ тиши силами природы ²⁾). Или онъ поспѣшно уходитъ одинъ на берегъ, вскакиваетъ въ лодку и направляетъ ее, при небольшомъ

¹⁾ Mais il est intéressant pour des contemplatifs solitaires qui aiment à s'enivrer à loisir des charmes de la nature et à se recueillir dans un silence que ne trouble aucun autre bruit que le cri des aigles, le ramage entrecoupé des quelques oiseaux et le roulement des torrens qui tombent de la montagne.

²⁾ Rien n'est plus singulier que le ravissement, les extases que j'éprouvais à chaque observation que je faisais sur la structure et l'organisation végétale etc.

волненіи, на середину озера; «и тамъ, вытянувшись въ лодкѣ во всю длину, съ глазами, обращенными къ небу, я отдавался волѣ волнъ, часто въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, погруженный въ тысячу смутныхъ, но неопѣненныхъ мечтаній; часто только заходженіе солнца напоминаетъ мнѣ о времени возвращенія и, видя себя далеко отъ острова, я долженъ былъ работать изо всѣхъ силъ, чтобы достигнуть до него ранѣе наступленія ночной темноты; иногда я не удалялся отъ острова, а проѣзжалъ вдоль его зеленыхъ береговъ, восхищаясь блескомъ воды и тѣнистой прохладой, которая манила меня къ себѣ. Когда взволновавшееся озеро не позволяло катанья на лодкѣ, я проводилъ послѣ-обѣденное время въ блужданьяхъ по острову, ботанизируя или мечтая въ самыхъ скрытыхъ и плѣнительныхъ мѣстахъ или на террасахъ и возвышеніяхъ, гдѣ взоръ могъ окидывать великолѣпную и восхитительную панораму озера и его береговъ, которые съ одной стороны увѣнчиваются ближайшими горами, а съ другой простираются богатыми и плодородными равнинами, сзади которыхъ виднѣются дальнія, голубыя горы».

Когда приближается вечеръ, онъ спускается съ вершины и садится на берегу озера; «тамъ шумъ волнъ и движеніе воды приковываютъ мои чувства и изгоняютъ изъ моей души всякое другое волненіе, погружая ее въ прелестную мечтательность; приливъ и отливъ этой воды, ея сдержанный, но усиливающийся по временамъ шумъ, непрерывно дѣйствуя на мой слухъ и мое зрѣніе, поддерживали внутреннія движенія, которые мечта заглушала во мнѣ, и давали мнѣ чувствовать съ отрадой мое бытіе, не заставляя меня думать»... Движеніе воды является для него отраженіемъ человѣческой жизни: «Здѣсь нѣтъ ничего прочнаго, къ чему сердце могло-бы привязаться; едва-ли въ самыхъ живыхъ нашихъ радостяхъ бываетъ минута, когда сердце могло-бы, дѣйствительно, сказать намъ: я-бы хотѣло, чтобы эта минута продолжалась всегда»¹⁾).

¹⁾ Là le bruit des vagues et l'agitation de l'eau fixant mes sens et chassant de mon âme toute autre agitation, la plangeaient dans une rêverie délicieuse; le flux et le reflux de cette eau, son bruit contenu, mais renflé par intervalles frappant sans relâche mon oreille et mes yeux, suppléaient aux mouvement internes que la rêverie éteignait en moi et suffisaient pour me faire sentir avec plaisir mon existence, sans prendre la peine de penser... il n'y a rien là de solide à quoi le coeur

Кто при этомъ не вспомнить о Фаустѣ: «О мгновенье, помедли, ты такъ прекрасно!» Въ заключеніе, онъ признается, что часто испытывалъ такія минуты — существованіе безъ желаній и страха и безъ пустоты въ душѣ — когда давалъ нести себя красивому потоку, или сидѣлъ на краю берега или у шумящаго ручья.

Чувство природы возбуждается въ немъ любовью къ уединенію и усиливается наукой, изученіемъ природы; въ послѣдствіи міръ растений дѣлается для него единственнымъ убѣжищемъ, гдѣ его не тревожатъ фюріи манія преслѣдованія. Трогательно рассказываетъ онъ въ VII «Reverie», сколько счастья доставляетъ ему ботаника ¹⁾. Онъ рисуетъ прелестное впечатлѣніе, какое производитъ на него земля въ свободномъ уборѣ съ тысячами цвѣтовъ и растений, среди быстро бѣгущей воды и поющихъ птицъ. Сладкая и глубокая мечтательность овладѣваетъ его чувствами при созерцаніи гармоніи и красоты природы; онъ забывается въ упоеніи передъ безконечностью прекраснаго мірового цѣлаго, чувствуя свое единство съ нимъ; всѣ отдѣльные предметы исчезаютъ для него: онъ видитъ и чувствуетъ только всю совокупность ихъ. «Убѣгая отъ людей, ища уединенія, не разсуждая и не размышляя болѣе, началъ я заниматься всѣмъ, что меня окружаетъ и выучился оцѣнивать самые очаровательные предметы... Блестящіе цвѣты, украшеніе луговъ, прохладныя тѣни, ручьи, изгороди, очипцаютъ мою душу! Привлекаемый плѣнительными предметами, которые меня окружаютъ, я разсматриваю ихъ, испытываю, сравниваю, учусь, наконецъ, подраздѣлять ихъ и сразу становлюсь ботаникомъ, такъ какъ чувствую потребность изучать природу, чтобы непрерывно находить новыя причины любить ее». Растенія кажутся ему «въ избыткѣ разсѣянными по землѣ, какъ звѣзды на небѣ, чтобы своей прелестью побуждать человѣка къ изученію природы; но звѣзды такъ далеко отъ насъ, а растенія поднимаются подъ нашими ногами, растутъ, такъ сказать, у насъ въ рукахъ». Удовольствіе науч-

se puisse attacher, à peine est-il dans nos plus vives jouissances un instant où coeur puisse véritablement nous dire: «Je voudrais que cet instant durât toujours».

¹⁾ У меня нѣтъ въ рукахъ книги Янсена; (Jansen «Rousseau als Botaniker») я пользуюсь только статьей Ферд. Кона въ Deutsche Rundschau, Juni 1886, s. 364, и слѣд.

наго изученія растений становится у него страстью; онъ укрывается въ глубокую долину, и ему кажется, что онъ забытъ въ тѣни лѣса, что онъ свободенъ и спокоенъ, какъ будто у него нѣтъ болѣе враговъ. Такъ онъ рассказываетъ объ одной незабвенной ботанической прогулкѣ, когда онъ терялъ дорогу среди непроходимыхъ кустарниковъ, оказывался на краю пропастей, куда заглядывалъ съ ужасомъ; лишь немногія птицы смягчали ужасъ этой пустыни; къ пріятному чувству безопасности и уединенія у него примѣшивается гордость Колумба, попадающаго впервые въ никому неизвѣстную страну. Но взоръ его внезапно встрѣчаетъ находящуюся вблизи фабрику. Какъ молнія, пронизываетъ его чувство радости, сознаніе присутствія людей въ этой пустынѣ; но у него тотчасъ-же выступаетъ другое, болѣзненное чувство, что онъ нигдѣ, даже въ ущельяхъ Альпъ, не можетъ избавиться отъ грубыхъ людей, которые находятъ для себя удовлетвореніе въ томъ, чтобы мучить его. По прошествіи многихъ лѣтъ, когда онъ знаетъ, что онъ уже никогда не увидитъ прекрасной мѣстности, лѣсовъ, озеръ, скалъ и горъ, которымъ принадлежитъ его сердце, перелистываніе гербарія переноситъ его опять въ это счастливое время.

До Руссо никому не было извѣстно такое мечтательное отношеніе къ природѣ съ такой индивидуальной силой ощущенія и съ такимъ индивидуальнымъ предпочтеніемъ ко всему уединенному и отдаленному, но въ его любви къ природѣ, какъ темная изнанка, выступаетъ страхъ передъ людьми, болѣзненная ненависть ко всякой культурѣ. Весьма естественно, что подобное непосредственное обращеніе съ природой, подобное сердечное проникновеніе въ ея спокойное очарованіе, и въ то-же время усиленное отвращеніе ко всему искаженному цивилизаціей, должны были повести Руссо къ возмущенію противъ прикрашенныхъ французскихъ садовъ и къ открытому восхищенію англійскими парками. Всякую вычурность въ садовомъ искусствѣ онъ отвергаетъ съ негодованіемъ, даже культивированныя розы кажутся ему уродствомъ и привитыя плодовые деревья противуестественными; онъ понимаетъ и любитъ только свои родные цвѣты и растенія, выросшіе свободно въ полѣ или въ лѣсу¹⁾). То обстоятельство,

¹⁾ Ср. «Новая Элоиза» IV, письмо 11, гдѣ подробно описывается

что не только во Франціи, но и въ Германіи возникло болѣе здоровое направленіе въ садовомъ искусствѣ, во многомъ обязано увлеченію Руссо англійскими садами. И въ его чувствѣ природы также, какъ и въ его философіи и педагогикѣ, высшій принципъ заключается въ томъ, что хорошо все, вышедшее изъ нѣдръ матери-природы или, вѣрнѣе сказать, изъ рукъ Творца, и что все зло происходитъ только отъ человѣка съ его культурой. Природу онъ ставитъ на пьедесталъ, молитвенно обращаясь къ ней; созерцаніе ея есть для него поклоненіе, служеніе Творцу, живущему надъ звѣздами. Такимъ образомъ, онъ былъ первымъ, кто въ созерцаніи природы,—въ особенности міра растений,—призналъ важный образовательный элементъ для дѣтской души.

Его «Исповѣдь», эта вѣрнѣйшая фотографія человѣческой души, не имѣющая себѣ подобной, отражаетъ въ себѣ впечатлительность автора, прислушивающагося къ каждому внутреннему процессу, какъ къ явленію большой важности; въ то-же время она отражаетъ его искреннюю, даже болѣзненно искреннюю любовь къ природѣ. До Руссо никто не чувствовалъ себя въ такой степени индивидуумомъ, особью, т. е., существомъ, которое въ своей обособленности существуетъ только однажды и поэтому имѣетъ не только относительное, но и абсолютное значеніе; онъ не только знаетъ и цѣнитъ эту свою обособленность, но и любитъ и наслаждается ею. «Эту чувствительность сердца, которая, дѣйствительно, заставляетъ насъ наслаждаться самими собой (*cette sensibilité de coeur qui nous fait vraiment jouir de nous*) и этотъ «романтический умъ» (*esprit romanésque*)¹⁾ онъ изучаетъ какъ нѣчто, находящееся внѣ его, прислушиваясь къ смѣнѣ настроеній, къ двойственной природѣ своего существа, которое то поднимаетъ его до идеала, то опускаетъ опять до низменнаго и обыденнаго. Самое идеальное благо для него—его отношеніе къ природѣ»²⁾. Когда онъ въ первый разъ въ жизни чувст-

«елисейскій садъ», гдѣ не замѣчается ни малѣйшаго слѣда искусственной культуры, гдѣ не видно даже человѣческихъ слѣдовъ, ничего возмущающаго, намѣченнаго циркулемъ «природа не сажаетъ по шнурку».

¹⁾ Ср. «Confessions» I p. 37, II p. 202, III p. 275 изданія «Les Confessions de J. J. R., suivis des rêveries d'un promeneur solitaire. 4 vol. Gén. 1782—90.

²⁾ Лапрандъ разсуждаетъ болѣе о религіи Руссо, его деизмѣ, болѣз-

вуетъ себя счастливымъ у m-me де-Варансъ, это ощущение украшаетъ всю природу кругомъ него; то-же происходитъ съ нимъ и послѣ разлуки съ нею, во время путешествія въ Туринъ ¹⁾. Когда онъ опять возвращается къ ней изъ тѣсныхъ стѣнъ города, какъ онъ радуется, глядя изъ своего окна на сіяющую зелень, на сады, ручей и равнину ²⁾. Разсѣянные въ различныхъ мѣстахъ «Исповѣди», описанія природы полны юношеской свѣжести; таково, напр., очаровательное приключеніе съ двумя милыми дѣвушками Г., которыхъ онъ встрѣчаетъ въ лѣсу и сопровождаетъ въ замокъ ³⁾: «Утренняя заря показалась мнѣ однажды столь прекрасной, что я быстро одѣлся и поспѣшилъ выйти въ поле, чтобы видѣть восхожденіе солнца. Я пользовался этимъ наслажденіемъ со всей его прелестью; земля была въ своей высшей красѣ, покрытая травами и цвѣтами; соловьи передъ концомъ своихъ пѣсень, казалось, увлекались ими и усиливали ихъ; все птицы согласнымъ хоромъ посылали свое «прости» веснѣ и прославляли рожденіе прекраснаго лѣтняго дня». Съ одушевленіемъ рисуетъ онъ всегда Женевское озеро съ его чудными берегами, прелесть которыхъ очаровываетъ его и вызываетъ у него сладостное волненіе ⁴⁾. Бродить по горамъ и долинамъ для него настоящее наслажденіе; тогда ему приходятъ новыя мысли, тогда расширяются его грудь и сердце ⁵⁾. Такъ онъ мечтаетъ ночью за стѣнами

ненномъ душевномъ строѣ и о меланхоліи его, чѣмъ о личномъ отношеніи къ природѣ. Онъ не приводитъ ни одной цитаты, ни одного слова изъ его *Réveries*, ни слова не говоритъ о томъ, что Руссо былъ первымъ, кто отдалъ должное романтическому элементу въ природѣ. Однако, и онъ замѣчаетъ: «Чувство природы въ его современной формѣ въ первый разъ появляется въ сочиненіяхъ Руссо; онъ первый возбудилъ въ насъ стремленіе къ полямъ, извлекъ насъ изъ городовъ и гостинныхъ; но за то отъ него-же исходитъ это нравственное расположеніе, эта болѣзнь, если можно такъ сказать, которая заставляетъ насъ искать уединенія и любить его». Онъ отзывался съ похвалой о симпатичности его языка съ величественными зрѣлищами и съ искренностью въ описаніяхъ; но и здѣсь онъ повторяетъ свое положеніе. «На самомъ дѣлѣ, пейзажу Руссо недостаетъ присутствія Бога, чувства безконечнаго».

¹⁾ Conf. II, p. 154.

²⁾ Conf. III, p. 279.

³⁾ Conf. IV, p. 361.

⁴⁾ IV, p. 110.

⁵⁾ IV, p. 140.

города, когда онъ, напр., находится въ Лионѣ ¹⁾; онъ описываетъ эту прелестную ночь (*nuit délicieuse*); «День былъ жаркій, и наступилъ великолѣпный вечеръ; роса увлажила увядшую траву, не было ни малѣйшаго вѣтра, ночь была тиха, воздухъ свѣжъ, но не холоденъ; солнце послѣ заката оставило на небѣ красныя, прозрачныя полосы, отраженіе которыхъ окрашивало воду въ розовый цвѣтъ; возвышенные уступы были полны соловьевъ, которые отвѣчали одинъ другому. Я шелъ туда въ нѣкотораго рода экстазѣ, отдавъ умъ и сердце наслажденію; въ упоеніи восторга я прилежъ въ нишѣ стѣны; сводъ моего ложа былъ образованъ лишь вершинами деревьевъ; соловей убаюкивалъ меня; мой сонъ былъ сладокъ и еще болѣе сладко—пробужденіе; былъ уже ясный день, мои взоры видѣли воду, зелень—дивный пейзажъ (*un paysage admirable*)». Весьма знаменательное признаніе относительно его возрѣнія на красоту пейзажа мы находимъ въ концѣ IV книги р. 462: «Я люблю идти по своему желанію и останавливаться, гдѣ вздумается, проходить пѣшкомъ черезъ красивую мѣстность въ хорошую погоду, имѣя пріятную цѣль передъ глазами. Вообще, извѣстно уже, что я понимаю подъ красивымъ пейзажемъ. Къ нему относятся рѣки, скалы, сосны, темныя лѣса, горы, круто поднимающіяся и опускающіяся горныя тропинки, пропасти по обѣимъ сторонамъ, внушающія мнѣ настоящій страхъ. Вблизи Шамбери я пользовался этимъ удовольствіемъ и наслаждался имъ во всей его прелести. Недалеко отъ обрыва, называемаго *Pas de l'Echelle*, внизу большой, проведенной черезъ скалу дороги, на томъ мѣстѣ, которое называютъ *Chailles*, низвергается и клокочетъ въ ужасныхъ ущельяхъ рѣчка, которая, надо полагать, употребила тысячу столѣтій, чтобы прорваться здѣсь. Дорога снабжена перилами, чтобы избѣжать несчастій: я могъ поэтому смотрѣть внизъ, сколько мнѣ хотѣлось, и сдерживать свое головокруженіе; на самомъ дѣлѣ, при моей страсти къ крутымъ подъемамъ, всего смѣшнѣе, что они вызываютъ у меня головокруженіе, и я весьма люблю это состояніе, насколько чувствую себя въ безопасности. Крѣпко прижавшись къ периламъ, стоялъ я по цѣлымъ часамъ и вытягивалъ голову, чтобы увидать отъ времени до времени пѣну и голубую

¹⁾ IV, р. 451.

воду, шумъ которой мнѣ слышался среди карканья вороновъ и хищныхъ птицъ, перелетавшихъ со скалы на скалу и съ куста на кустъ въ ста туазахъ ниже меня». Такъ возбужденная, дикая природа заставляетъ биться его страстное сердце; высокія горы вызываютъ въ немъ впечатлѣніе, смѣшанное со страхомъ и ужасомъ, и ему пріятно сознаніе, что онъ иначе, чѣмъ другіе люди, чувствуетъ время и наслаждается имъ. Но мягкая сила любви украшаетъ его бурную душу, и его наполняетъ восхищеніемъ идиллическій, простой, сельскій пейзажъ, съ простыми, близкими къ природѣ людьми; онъ блаженно проводитъ дни въ Шарметъ, помѣстии не далеко отъ Шамбери, съ m-me де-Варансъ, въ концѣ 1736 г. ¹⁾ «Я поднимался съ солнцемъ и былъ счастливъ, я бродилъ кругомъ и былъ счастливъ, я видѣлъ мать и былъ счастливъ, я оставлялъ ее и былъ счастливъ, я пересѣкалъ перелѣски, холмы, долины, я читалъ, я работалъ въ саду, я рвалъ цвѣты, и счастье повсюду слѣдовало за мной». Онъ читаетъ свою утреннюю молитву на возвышенности; онъ не только произноситъ слова: сердце его искренно возносится къ Творцу величественной природы, красоты которой находились передъ его глазами ²⁾. Когда влюбленные бродятъ вмѣстѣ съ холма на холмъ, все, повидимому, гармонируетъ съ ихъ счастьемъ: «воздухъ такъ чистъ, небо безоблачно, веселье царствовало на небѣ и въ нашихъ сердцахъ» ³⁾. Когда онъ идетъ, онъ цѣлуетъ землю ⁴⁾ и деревья, и его взоръ не покидаетъ этихъ мѣстъ, гдѣ протекло столько счастливыхъ часовъ, пока они не скроются вдали.

Именно въ этомъ, проникнутомъ чувствомъ, тепломъ описаніи сельской идилліи съ ея возвышенными, мирными впечатлѣніями, выступаетъ та симпатія, какую онъ замѣчаетъ между собою и природой; онъ находитъ гармонію между своимъ, то страстно волнующимся, то одушевленнымъ страстью любви, сердцемъ и чертами величественной природы то суровыми, то мягкими. Подобную-же идиллію онъ переживаетъ съ Терезой въ Эрмитажѣ.

¹⁾ VI, p. 144.

²⁾ p. 175.

³⁾ p. 272.

⁴⁾ p. 161.

Новый путь въ воззрѣніи на природу былъ всего болѣе проложенъ его «Новой Элоизой» (1761). Она исполнена жаромъ его любви къ родинѣ и его мечтательнымъ восторгомъ передъ великолѣпнымъ пейзажемъ, привлекающимъ къ голубому Женевскому озеру. Такъ, С.-Прё признается ¹⁾. «Чѣмъ болѣе я приближался къ Швейцаріи, тѣмъ болѣе усиливалось мое внутреннее волненіе. Мгновеніе, когда я съ высотъ Юры увидалъ внизу Женевское озеро, было минутой восторга и восхищенія. Видъ моей родины, этой столь искренно любимой страны, гдѣ рѣки радости заливали мое сердце, здровый и чистый альпійскій воздухъ, сладкій воздухъ дорогой родины, болѣе сладкій, чѣмъ благоуханія Востока, жесткая, плодородная почва, единственный, въ своемъ родѣ, пейзажъ, прекраснѣйшій, на какомъ когда-либо покоился человѣческій взоръ, восхитительная страна, подобной которой я не находилъ нигдѣ, объѣхавъ кругомъ всего свѣта, зрѣлище счастливаго и свободнаго народа, пріятность времени года, безоблачное небо, тысячи безцѣнныхъ воспоминаній, пробуждавшихъ вновь всѣ чувства, нѣкогда наполнявшія меня—все это приводило меня въ шумный восторгъ, не поддающійся никакому описанію и, казалось, давало мнѣ испытывать разомъ наслажденія всей моей жизни». «Новая Элоиза» Руссо показала міру въ совершенно новомъ свѣтѣ прежде всего пламенный внутренній міръ любящихъ сердецъ, признающихъ свою чувствительность за «неизрѣченный небесный даръ» ²⁾ и «возвращающихъ чувству его права» ³⁾, потомъ любовь къ удивленію («всѣ благородныя страсти всегда образуются въ удивленіи») ⁴⁾ и связанную съ ней любовь къ дикой красотѣ, къ романтическому въ природѣ ⁵⁾, которая впервые была пока-

¹⁾ Отд. IV, письмо 6.

²⁾ Отд. I, письмо 26.

³⁾ Письмо 48.

⁴⁾ I, 33.

⁵⁾ Въ XVII столѣтіи слово «romanesque» обозначало «причудливый»; еще Кантъ пишетъ «романическій» (romanisch), примѣняя его къ соединенію возвышеннаго съ ужаснымъ въ пейзажѣ; впоследствии слово «романтическій» произошло изъ англійскаго «romantic». То и другое встрѣчается рядомъ. Софи Ларошъ говоритъ о «величественныхъ горахъ» въ Швейцаріи, которыя, однако, опасны для юношества, потому что возбуждаютъ «романтическое» чувство. Гердеръ, говоря о Ваадскомъ кантонѣ, называетъ его «romanesque»; Руссо пишетъ «roman-

зана міру въ блестящихъ описаніяхъ. Подобно приведенной выше характеристикѣ красиваго пейзажа, было неслыханной новизной, когда С.-Прё писалъ ¹⁾: «Я сдѣлаю все, какъ можно скорѣе, чтобы опять быть свободнымъ, имѣть возможность бродить по своему желанію въ пустыняхъ, которыя, въ моихъ глазахъ придаютъ этой странѣ высшую прелесть», или ²⁾. «Я убѣждаюсь все болѣе и болѣе, что эта, до сихъ поръ мало извѣстная страна вполне заслуживаетъ вниманія людей и ей, для должной оцѣнки, недостаетъ лишь зрителя, глаза котораго умѣли-бы постигать красоту природы», и ³⁾ «Природа, повидимому, хотѣла скрыть отъ глазъ человѣка свои настоящія красоты, такъ какъ люди мало понимаютъ и искажаютъ ихъ; она бѣжитъ отъ большихъ проѣзжихъ дорогъ; на высотахъ горъ, въ лѣсной чащѣ, на уединенныхъ островахъ развертываетъ она свои очаровательныя прелести».

И дѣйствительно, съ одушевленіемъ пророка, возвѣщающаго новую истину, онъ умѣетъ показать, что онъ постигъ въ чудесахъ природы. Величайшей поэзіи исполнено описаніе, какое С.-Прё, въ 23 письмѣ даетъ своей Юліи, гдѣ изображается страна, «достойная того, чтобы ее изучали цѣлые годы». Здѣсь находятся всѣ элементы высоко возбужденнаго романтическаго чувства природы, пониманія, отрѣшеннаго отъ міра, величественно возвышеннаго, поднимающагося до мысли о вѣчности, пониманія ужаса пустыни и измѣненій въ формѣ облаковъ и освѣщенія. Онъ поднимается вверхъ по дикой тропинкѣ; новыя, неожиданныя зрѣлища безпрестанно прерываютъ его грѣзы: «то громадныя скалы въ обломкахъ свѣшивались надъ моей головой, то орошала меня тонкая водяная пыль, низвергающихся съ высоты водопадовъ, то падалъ близко около меня въ пропасть вырывающійся горный потокъ, и взоръ отвращался съ ужасомъ отъ его зіяющей глубины. Однажды я заблудился во мракѣ густолиственнаго лѣса, затѣмъ, при выходѣ изъ ущелья, мои взоры видѣли опять нѣжно-зеленый лугъ».

tique», говоря о пейзажѣ на Бильскомъ озерѣ: «Его берега были дики и романтичны» и т. д.

¹⁾ Отд. I, письмо 118.

²⁾ Письмо 21.

³⁾ IV, 11.

Его привлекаетъ «чудное смѣшеніе дикой природы и трудолюбивой обработки», но всего болѣе—освоеобразное чарованіе поразительныхъ противоположностей, представлявшихся ему: «на восточной сторонѣ—весенніе цвѣты, на полуденной—осенніе плоды, на сѣверѣ зимній ледъ и притомъ горныя вершины, блистающія въ разнообразномъ освѣщеніи, свѣтовые эфффекты, вызываемые солнечнымъ сіяніемъ и тѣнью, и всѣ туманные оттѣнки, проникнутые свѣтомъ, какіе оттого происходятъ». Онъ поднимается на самыя высокія горы, за облака и открываетъ, размышляя о себѣ самомъ и о дѣйствіи вѣншихъ предметовъ на свое душевное настроеніе, истинную причину своего возвышеннаго чувства; «въ дѣйствительности, говоритъ онъ, всѣ люди могутъ замѣтить, хотя не всѣ на это обращаютъ особое вниманіе, что на высокихъ горахъ, гдѣ воздухъ чистъ и тонокъ, дышется свободнѣе и чувствуется тѣлесная легкость и душевная веселость. *Мнѣ кажется, какъ будто самыя мысли принимаютъ оттѣнокъ величія и возвышенности въ соотвѣтствіи съ предметами, являющимися нашему взору; какъ будто, когда мы поднимаемся надъ жилищами смертныхъ, всѣ низменные, земныя чувства оставляютъ насъ, и какъ будто душа, приближаясь къ эфирнымъ областямъ, воспринимаетъ ихъ вѣчную чистоту*»... Онъ не находитъ словъ для изображенія «величественности и красоты этихъ тысячекратныхъ чудесъ»: «удовольствія видѣть совершенно иную природу и находиться въ новомъ мірѣ», какъ-бы «волшебномъ, неописуемомъ (напр., далекій видъ), что восхищаетъ духъ не менѣе, чѣмъ чувства; при этомъ забываешь все, даже самого себя и не знаешь болѣе, гдѣ находишься». Даже въ позднее время года, когда скалы стоятъ безъ зелени, съ обнаженными деревьями и по своему настроенію гармонируютъ съ ледянымъ сѣвернымъ вѣтромъ, который все одѣваетъ снѣгомъ и льдомъ, С.-Прѣ плмлетъ своей Юліи «на мощной каменной глыбѣ», «въ дикомъ мѣстѣ, которое онъ особенно любилъ». Страстное движеніе, преобладающее въ первой части романа, находитъ для себя выраженіе и въ настроеніи природы, причемъ дикость окружающей обстановки служить для него контрастомъ: «неустанно я бѣгаю и лазаю, поднимаюсь на скалы, брожу по окрестностямъ и нахожу, что все, на чемъ покоится мой взоръ отражаетъ ужасъ, наполняющій мою душу». Онъ чувствуетъ полную симпатію съ окружающею его мѣстностью; «пигдѣ зелень не представляется уже взору, желтымъ и увядшимъ кажется

лугъ, деревья лишены красы своихъ листьевъ; изсушающій сѣверо-восточный и ледяной сѣверный вѣтеръ все облакаетъ въ снѣгъ и ледъ; въ моихъ глазахъ вся природа мертва, также какъ надежда умерла въ глубинѣ моего сердца. (Письмо 26). Юлія, въ свою очередь, мечтаетъ о мѣстахъ, гдѣ ни искусство, ни человѣческая рука не оставили слѣдовъ своей тревожной работы, и лишь выступаетъ любвеобильная, попечительная рука нашей общей матери—природы ¹⁾). Чувствуя, что онъ любитъ, С.-Прё въ чисто симпатическомъ воззрѣніи на природу, переноситъ свое счастье на внѣшній міръ: «Лугъ мнѣ кажется веселѣе, зелень свѣжѣе и оживленнѣе, воздухъ чище, небо яснѣе. Въ пѣніи птицъ мнѣ представляется болѣе нѣжности и любовной радости; журчанье ручьевъ наполняетъ меня страстной тоской, тайное очарованіе украшаетъ всѣ предметы или обольщаетъ мои чувства... пусть вся природа опять оживетъ для насъ (ощущеніемъ наслажденія), такъ какъ безъ пламени любви она мертва и неподвижна».

Дикую прелесть горнаго ландшафта С.-Прё изображаетъ во всей ея полнотѣ въ описаніи Мелльери, гдѣ онъ пользовался грустнымъ счастьемъ сопровождать свою утраченную возлюбленную; это живое описаніе всего болѣе указывало читателямъ «Элоизы» величіе вновь открытаго альпійскаго міра ²⁾). Они поднялись на вершину горы на Савойской сторонѣ озера. «Эти одинокія мѣста были настоящей пустыней, но вслѣдствіе того они были полны такими красотами, которыя нравятся впечатлительнымъ душамъ, а на всѣ прочія производятъ ужасающее впечатлѣніе». Онъ указываетъ здѣсь дикую пустынность скалъ, какъ источникъ высшаго наслажденія природой для впечатлительныхъ душъ, съ полнымъ сознаніемъ своеобразности своего воззрѣнія. Въ чемъ-же состоялъ романтическій характеръ этого мѣста? «Шагахъ въ 20 отъ насъ съ шумомъ низвергалась мутная, смѣшанная съ иломъ, пескомъ и камнями вода образовавшагося отъ тающаго снѣга горнаго потока. Позади насъ тянулась цѣпь недосягаемыхъ скалъ съ громадными ледниками; темные еловые лѣса закрывали отъ насъ видъ въ правую сторону, а на лѣвой сторонѣ, по ту сторону водопада, распространялся большой дубовый

¹⁾ Письмо 36.

²⁾ Кн. IV. Письмо 17.

лѣсъ. Подъ нашими ногами, въ нѣдрахъ Альпъ, простира-
лась необозримая водяная поверхность озера, которая отдѣ-
ляла насъ отъ богатой береговой области Ваадскаго кантона,
а сзади него, прекрасную картину обрамляли величественныя
вершины Юры».

Руссо оказалъ на чувство и на отношеніе къ природѣ
своего времени такое дѣйствіе, какое можно назвать необы-
чайнымъ; онъ вывелъ на естественный путь настоящаго сер-
дечнаго чувства тогдашнее элегико-идиллическое и симпати-
ческое отношеніе къ природѣ, положивъ въ основаніе его
субъективность индивидуальной души. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ
раскрылъ прелести возвышеннаго горнаго міра. Все то, что
находилось въ зародышѣ въ эллинизмѣ и въ Возрожденіи, онъ
довелъ до полнаго развитія; не смотря на болѣзненную ме-
ланхолію, которая, какъ сладкій ядъ, проникала въ души чи-
тателей, вмѣстѣ съ очарованіемъ страстнаго одушевленія къ
новому міру ощущеній, его идеализмъ и индивидуализмъ при-
дали чувству природы лишь большую интенсивность и уни-
версальность.

Его любовь къ природѣ пробудила самый живой отголо-
сокъ. Не однихъ французскихъ читателей научилъ Руссо,
что утромъ гораздо пріятнѣе наслаждаться росистою свѣже-
стью, чѣмъ спать въ тѣсныхъ стѣнахъ; и лугъ и поле, бе-
регъ ручья или моря болѣе освѣжаютъ сердце, чѣмъ пропитан-
ный духами будуаръ; въ свободномъ лѣсу, въ безыскусствен-
номъ паркѣ веселѣе бродить, чѣмъ между подстриженными
изгородями или прямолинейными полосами дѣрна; слаще меч-
тать, видя надъ собой облака и небо, подъ ногами траву и
около себя сверкающій свѣтъ и поющихъ птицъ и шумящія
волны; сознать природу утѣшительницей притѣсненныхъ и
преслѣдуемыхъ, подругой, изливающей бальзамъ; находить
зрѣлище ея тѣмъ болѣе возвышающимъ, чѣмъ менѣе прика-
салась къ ней рука человѣка, чѣмъ она свободнѣе и вели-
чественнѣе; испытывать могучее, непреходящее впечатлѣніе
красоты ослѣпительныхъ глетчеровъ и дикой пустынности
горъ. Если Руссо самъ не проникъ еще до ледниковъ, то
онъ указалъ къ нимъ путь, и вскорѣ многіе пошли туда
за нимъ. Соссюръ открылъ въ научномъ смыслѣ области
Альпъ; смѣлый изслѣдователь съ 1760 года неутомимо изу-
чалъ Швейцарію, съ одушевленіемъ и самопожертвованіемъ
путешественника, открывающаго новыя страны, и въ 1787 г.

поднялся на Монъ-Бланъ; затѣмъ слишкомъ скоро тихія и мирныя долины Шамуни наполнились любопытными путешественниками и спекулирующими промышленниками. Возбужденный направлѣнiемъ Руссо, его пламенной любовью къ природѣ и уединенiю и величественными описанiями, появились, вслѣдъ за «Элоизой», произведенiя Бернардена де-С.-Пьерра, въ особенности его прекрасныя описанiя Иль-де-Франса. Такимъ образомъ, одного толчка, даннаго Руссо, было достаточно, чтобы во французской литературѣ появился ревностный живописецъ природы. Кто не вспоминаетъ съ наслажденiемъ о тѣхъ часахъ, когда онъ въ дѣтствѣ читалъ эту популярнѣйшую книгу для юношества и восторженно переносился въ чуждый тропическiй мiръ, въ тихую бухту съ далекой перспективой, съ глубокимъ уединенiемъ, которая, окруженная лѣсомъ и скалами, только въ одномъ мѣстѣ позволяетъ видѣть открытое море, «гдѣ царствуетъ величественное молчанiе, и гдѣ все такъ мирно, и воздухъ, и вода, и свѣтъ, гдѣ эхо едва повторяетъ шумъ листьевъ пальмъ, которые волнуются на возвышенныхъ берегахъ, и длинныя вершины которыхъ виднѣются всегда колеблющимися отъ вѣтра; ясный день освѣщаетъ бухту, но въ ея глубины солнце проникаетъ только въ полдень; лучи утренней зари касаются только вершинъ, увѣнчивающихъ ее деревьями, которыя, поднимаясь надъ тѣнями горъ, кажутся золотыми и пурпуровыми противоположно лазури неба»,—и тамъ, около разрушенныхъ хижинъ, старецъ рассказываетъ поэту трогательную исторiю ихъ обитателей, исторiю Павла и Виргинiи съ романтико-идиллическими картинами природы, облеченными волшебнымъ колоритомъ невинной Робинзонады. Во всемъ этомъ слышится тотъ-же основной аккордъ, какъ и у Руссо, то настроенiе, какое въ самой дикой и уединенной странѣ указываетъ утѣшительное убѣжище для несчастной, обиженной мiромъ души: «Это инстинктъ, общiй всемъ чувствительнымъ и страдающимъ—укрываться въ самыя дикiя и въ самыя пустынные мѣста, какъ будто скалы могутъ служить оплотомъ противъ несчастiя, и какъ будто, спокойствiе природы можетъ утишить несчастныя тревоги души» ¹⁾. Но здѣсь

¹⁾ Oeuvres de Jacques Bernardin Henri de Saint-Pierre, Tome huitième, Paris 1793, p. 7: C'est un instinct commun à tous les êtres sen-

больше, чѣмъ у Руссо, любви къ природѣ ради нея самой, а не ради ея противоположности культурѣ и ненавистному міру людей; здѣсь уже говоритъ истинный поэтъ въ роскошныхъ, яркихъ образахъ, а не декламирующий философъ, проповѣдующій новую, естественную нравственность ¹⁾. Съ того времени поэзія природы открывается для французской литературы.

Красота тропического міра отразилась не только въ поэтическомъ произведеніи Б. де-С.-Пьера; и описанія путешествій, благодаря направленію, указанному Руссо для поэзіи природы, съ того времени начинаютъ выказывать живое чувство природы. Мы можемъ видѣть это всего лучше въ отчетѣ о путешествіи вокругъ свѣта Георга Форстера ²⁾. Между этимъ описаніемъ и описаніями крестоносцевъ и путешественниковъ, открывавшихъ Новый Свѣтъ, оказывается уже громадное разстояніе; здѣсь говоритъ уже высокообразованный, крайне воспріимчивый ко всему доброму и прекрасному человѣкъ XVIII вѣка, который каждое новое впечатлѣніе—на морѣ или на сушѣ, въ мірѣ растений или животныхъ, грозныхъ явленій, свѣченія моря, метеоровъ, облаковъ, освѣщенія, видовъ горъ или обширнаго кругозора съ моря на близъ лежація земли—не только чувствуетъ съ большой живостью, но и изображаетъ съ величайшей привлекательностью. Георгъ Форстеръ—отецъ тѣхъ научныхъ и художественныхъ описаній странъ и народовъ, которыя Александръ Гумбольдтъ до-

sibles et souffrans de se refugier dans les lieux les plus sauvages et les plus déserts, comme si les rochers étaient des remparts contre l'infortune et comme si le calme de la nature pouvait apaiser les troubles malheureux de l'âme.

¹⁾ Лапрандъ говоритъ (р. 204): «У Бернардена де-С.-Пьера болѣе, чѣмъ у Руссо, настоящихъ способностей пейзажиста, любви къ живописному, живаго вниманія къ мѣстоположеніямъ, животнымъ и растеніямъ, красокъ и извѣстнаго, спеціального волшебства кисти». Но онъ повторяетъ тотъ-же упрекъ: «Его религіозная мысль ниже его художественнаго таланта и понижаетъ его уровень».

²⁾ Ioh Reinhold Forster's Reise um die Welt 1772—75 auf dem von dem Kapitän Cook geführten Schiffe, beschrieben und herausgegeben von dessen Sohn und Reisegefährten George Forster; erster Band, Berlin 1778.

вель до высокой законченности, а новѣйшіе ученые, какъ, напри., Геккель въ своихъ «Индійскихъ письмахъ», продолжаютъ довольно удачно и искусно. Если мы прослѣдимъ за Форстеромъ во время его великаго пути, мы должны будемъ признать, что онъ обладалъ чувствомъ, открытымъ для всего прекраснаго въ природѣ, для всего живописнаго, привлекательнаго и величественнаго.

Такъ, на стр. 10 онъ рассказываетъ: «Городъ Санта-Круцъ на Мадерѣ въ 6 часовъ по-полудни открылся прямо передъ нами. Здѣсь увидали мы горы, перерѣзанныя множествомъ глубокихъ ущелій и долинъ, и на хребтѣ ихъ различные загородные дома, привлекательное положеніе которыхъ между виноградниками и высокими кипарисами придавало странѣ весьма романтическій видъ». «Рано утромъ, 29-го, мы были пріятно поражены живописнымъ видомъ города Фунчао». Въ октябрѣ 1772 г. онъ наблюдаетъ великолѣпное свѣщеніе моря вблизи береговъ Южной Африки (42): «Едва настала ночь, какъ море вокругъ насъ представило величественный, достойный удивленія видъ. Насколько можно было видѣть, весь океанъ казался въ огнѣ. Каждая разбивающаяся волна освѣщалась на своей вершинѣ яркимъ блескомъ, походившимъ на свѣтъ фосфора, а вдоль боковъ корабля набѣгающія волны образовывали яркую, огненную линію... Въ этомъ явленіи было нѣчто особое и величественное, такъ что нельзя было воздержаться, чтобы не думать съ почтительнымъ восторгомъ о Творцѣ, всемогуществу котораго производило это зрѣлище. Океанъ по всѣмъ направленіямъ былъ покрытъ тысячами милліоновъ этихъ маленькихъ животныхъ. Всѣ они организованы для жизни, всѣ одарены способностью двигаться, блестѣть по желанію и освѣщать другія тѣла простымъ прикосновеніемъ... Эти соображенія поднимались изъ глубины нашего сердца и заставляли насъ почитать Творца въ его мельчайшихъ твореніяхъ; при настоящемъ случаѣ, сообщаю это ощущеніе всѣмъ моимъ читателямъ». Въ бухтѣ Дѣски его привлекаетъ живописный контрастъ красокъ, вызываемый разнообразными оттѣнками растительности (93): «Легкій вѣтеръ заставлялъ насъ проходить постепенно мимо многихъ скалистыхъ острововъ, поросшихъ деревьями и кустарниками, темная, вѣчная зелень которыхъ живописно перемѣшивалась съ различными осенними оттѣнками прочей листвы и пріятно выдѣлялась на нихъ. Цѣлыя стаи водяныхъ птицъ оживляли

скалистые берега, и земля оглашалась всюду дикимъ пѣніемъ пернатыхъ обитателей лѣса... Взоръ упивался дикимъ характеромъ пейзажа, который и Сальваторъ Роза не могъ-бы нарисовать прекраснѣе». Съ тою-же воспріимчивостью къ живописному и величественно-дикому прославляетъ онъ (III) красоту бухты Каскадовъ на Новой Зеландіи. Они поднялись на гору; оттуда открывается обширный, великолѣпный видъ; водяной столбъ съ разрушительной яростью обрушивается съ вертикально стоящей скалы, съ высоты почти 300 футовъ. Пѣна потока, его паденіе, брызги, которыми онъ обдаётъ скалы, проникая въ нихъ, прекрасное зрѣлище радуги и призматическаго окрашиванія водяного столба — все это находитъ для себя живое, теплое выраженіе. «Съ лѣвой стороны этой величественной картины поднимались отвѣсныя, бурныя скалы, вершины которыхъ были увѣнчаны свѣшивающимися кустарниками и деревьями; раздававшееся со всѣхъ сторонъ очаровательное пѣніе птицъ довершало красоту этой дикой, романтической мѣстности». На стр. 44 онъ изображаетъ водяной смерчъ: «Вдругъ ужасающее величіе явленія, соединявшаго море и облака, привело въ смущеніе старѣйшихъ изъ нашихъ моряковъ». Особенно замѣчательно его описаніе Таити; въ августѣ 1773 г. онъ такъ начинаетъ свой дневникъ: «Было утро!—ни одинъ поэтъ не могъ-бы изобразить его болѣе прекраснымъ, чѣмъ оно было, когда мы увидали островъ Таити въ 2-хъ миляхъ передъ собой. Восточный вѣтеръ, до тѣхъ поръ сопровождавшій насъ, улегся; вѣтерокъ, вѣявшій съ твердой земли, доносилъ до насъ самыя освѣжающія и прекрасныя благоуханія и рябилъ поверхность моря. Увѣнчанныя лѣсомъ горы поднимали свои горделивыя вершины въ различныхъ величественныхъ образахъ и сверкали въ первыхъ утреннихъ лучахъ солнца... Все казалось еще въ глубокомъ снѣ; едва только разсвѣтало, и тихія тѣни еще носились надъ пейзажемъ». Какъ прекрасно, какъ живописно придана здѣсь полная наглядность каждой прелести пейзажа; настоящее поэтическое утреннее настроеніе заключено въ этихъ немногихъ и въ то-же время глубоко проникающихъ въ душу строкахъ! Полный энтузіазма онъ пишетъ на стр. 219: «Это была одна изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей, какія я видѣлъ въ моей жизни. Столь прекрасной ее не могъ-бы нарисовать ни одинъ поэтъ. Мы смотрѣли сверху на плодородную, повсюду обработанную и обитаемую равнину и на расти-

лавшееся за нею обширное голубое море... Здѣсь мы лежали на мягкомъ дёрнѣ при торжественномъ, однообразномъ шумѣ водопада, и отъ времени до времени здѣсь раздавалось пѣніе птицъ... Мы могли провести цѣлый день въ этой плѣнительной пустынѣ... Еще разъ обозрѣли мы романтическую мѣстность и вернулись потомъ на равнину».

Въ такихъ красивыхъ, яркихъ, теплыхъ описаніяхъ Гумбольдтъ нашелъ для себя привлекательный образецъ. Его «Картины природы» и «Космосъ» служатъ доказательствомъ, насколько близкое знакомство съ природой и способность чувствовать ее обуславливаютъ и углубляютъ другъ друга, и насколько описательная проза можетъ быть проникнута своеобразной поэзіей, если она написана рукой такого мастера, какимъ былъ Гумбольдтъ.

Вызванные примѣромъ Форстера путевыя описанія этнографическаго и естественно-научнаго характера вскорѣ поднимались на высокую ступень и представили много образцовъ поэтической чувствительности. Типическимъ описаніемъ этого рода можетъ служить изображеніе дня подъ экваторомъ, какое находится въ «Путешествіи въ Бразилію въ 1817—1820 гг.» Спикса и Марціуса (III, 889): «Три часа утра; я оставляю мой гамакъ, потому что сонъ бѣжитъ отъ меня при моемъ возбужденіи; я открываю ставни и смотрю въ темную, величественную ночь. Торжественно сіяютъ звѣзды, и рѣка блеститъ передо мной въ отраженіи заходящаго мѣсяца. Какъ вкругъ меня все таинственно и тихо! Я выхожу съ потайнымъ фонаремъ на прохладную веранду и смотрю на моихъ вѣрныхъ друзей: деревья и кусты, которые окружаютъ мое жилище. Многіе изъ нихъ спятъ съ плотно сложенными листьями; другіе, спящіе днемъ, теперь спокойно раскрываясь, смотрятъ на тихую природу... День брезжетъ; неописанная торжественность заключена во всей природѣ: земля ожидаетъ своего жениха, и вотъ онъ является! Какъ красныя молніи свѣтится край солнца, наконецъ, оно поднимается, оно уже надъ горизонтомъ, вынырываетъ изъ огненныхъ волнъ и уже бросаетъ горячіе лучи на землю. Волшебный сумракъ убѣгаетъ и передъ восхищеннымъ зрителемъ земля встаетъ кругомъ въ свѣжемъ блескѣ росы, праздничная, юношески-веселая, прекрасная невѣста... Лѣсъ стоитъ въ блескѣ своихъ лавровыхъ листьевъ; другіе цвѣты развертываются, иные уже похищены быстрой радостью любви... Прошелъ полдень; смутно,

тяжело, меланхолически подавляютъ природу эти часы; все глубже проникаешься напряженіемъ, и чувствуется тоска, вызванная наслажденіемъ дня... Пришла буря... и прошла. Уже небо улыбается землѣ темно-голубыми глазами, и она скоро забываетъ свой страхъ... Солнце опускается и удаляется, окруженное смѣшеніемъ самыхъ пестрыхъ красокъ, исходящихъ изъ западныхъ воротъ небеснаго свода; оно оставляетъ живымъ существамъ покой и любовь; вмѣстѣ съ сумракомъ вечера, растеніями и животными овладѣваютъ новыя ощущенія, и дружественный шопотъ и свистъ оживляютъ тѣни лѣса; обновленное любовное желаніе дышетъ въ сладострастныхъ ароматахъ, которые льются изъ раскрывшихся цвѣтовъ... Тогда, въ тихой прохладѣ, надъ темнымъ лѣсомъ встаетъ спокойный, нѣжный, призрачный, бѣлый, какъ серебро, мѣсяцъ, а все образы преобразуются въ новыя, мягкія формы. Приходитъ ночь; природа погружается въ сонъ и грезы, и эфиръ, покрывая землю, въ таинственной безпредѣльности блестя безчисленными вѣтниками отдаленнаго величія, проливаетъ смиреніе и довѣріе въ сердце человѣка: даръ Божій послѣ дня созерцанія и наслажденія». Мы находимъ здѣсь цѣлую градацію сантиментальнаго восхищенія природой—отъ первыхъ минутъ утра до наступленія ночи изображаются впечатлѣнія, затрогивающія чувство, но не могущія найти для нихъ настоящей художественной формы.

Весьма характерно, что морскія путешествія въ далекія страны вызываютъ болѣе наслажденій и болѣе описаній, чѣмъ сухопутныя; можно даже предположить, въ виду молчанія путешественниковъ, которые въ прошломъ вѣкѣ проѣзжали Европу или, по крайней мѣрѣ, Германію, что у нихъ совершенно недостаетъ какого-либо чувства природы, но нельзя не принять во вниманіе, что сто лѣтъ тому назадъ путешествіе по Германіи было еще крайне неудобно и едва-ли могло содѣйствовать чистому наслажденію природой. Такъ, напр., для леди Монтегіу въ 1716 г. красота, такъ называемой, Саксонской Швейцаріи была еще недоступна и она писала ¹⁾: «Мы пріѣхали при лунномъ свѣтѣ къ страшнымъ пропастямъ, которыя отдѣляютъ Богемію отъ Саксоніи и у подошвы которыхъ

¹⁾ E. Boll, «Das Reisen in Deutschland vor 100 Jahren», Globus von Andree Braunschweig 1867 Bd. XII S. 142.

протекает Эльба; во многих мѣстахъ дорога такъ узка, что я не могла замѣтить между колесами и краемъ пропасти даже пространства въ одинъ дюймъ»; и ея мужъ подтверждаетъ, что даже въ Альпахъ онъ не знаетъ болѣе опасной дороги. Шерръ въ своей «Исторіи нѣмецкой культуры» приводитъ слѣдующій случай: Поздней осенью 1721 г. одинъ бюргеръ отправился въ Эльвангенъ, находившійся въ 8 часахъ разстоянія; передъ тѣмъ онъ заказалъ обѣдню въ церкви Св. Іоанна «за счастливый исходъ предстоявшаго путешествія»; онъ пользовался (съ женой и служанкой) парной повозкой; въ понедѣльникъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ проѣхать одинъ часъ, экипажъ застрялъ въ грязи, такъ что вся компанія должна была выйти и «по колѣно въ грязи» вытаскивать повозку. Среди деревни Бѣбингена кучеръ «неосторожно попалъ лѣвымъ переднимъ колесомъ въ навозную яму, такъ что экипажъ опрокинулся, и почтенная жена бюргера больно ушибла себѣ носъ и щеку». Отъ Мѣггелингена до Аалена пришлось запретъ трехъ лошадей впереди, и все-таки на переѣздъ понадобилось шесть полныхъ часовъ и пришлось тамъ переночевать. На слѣдующее утро путники выѣхали на разсвѣтъ и къ полудню счастливо достигли деревни Гофена. Но здѣсь путешествіе разомъ окончилось, такъ какъ за 100 шаговъ до деревни повозка упала и притомъ въ лужу, такъ что «всѣ отвратительно перепачкались, дѣвушка сломала себѣ правое плечо, а кучеръ вывихнулъ себѣ руку». Въ то-же время оказалось, что одна изъ осей была сломана, и одна изъ лошадей «совершенно повредила себѣ лѣвую переднюю ногу». Такимъ образомъ, пришлось переночевать еще разъ, оставить въ Гофенѣ лошадей и повозку, кучера и служанку, и нанять телѣгу, на которой путники, наконецъ, «до жалости разстроенные» въ среду, во время вечерни, достигли воротъ Эльвангена.

Когда невѣста Лессинга, Ева Кенигъ, въ февралѣ 1772 г. ѣхала изъ Брауншвейга въ Нюренбергъ, она писала Лессингу изъ деревни Раттельсдорфъ (въ 2 миляхъ къ сѣверу отъ Бамберга), отъ 28 февраля: «Слыхали-ли вы когда-нибудь въ вашей жизни о деревнѣ, которая называется Раттельсдорфъ? Мы сидимъ въ ней уже почти 24 часа, и кто можетъ сказать, что намъ не придется просидѣть еще четверо сутокъ? Дѣло зависитъ отъ Майна—пропуститъ-ли онъ насъ; въ такомъ видѣ, каковъ онъ теперь, черезъ него переѣхать нельзя, хотя-бы и отважившись на это. Столько препятствій, какъ

я встрѣтила на этомъ пути, связанныхъ съ такими затрудненіями и опасностями, я никогда не испытывала въ моей жизни. Можно придумать только немного бѣдъ, которыхъ съ нами еще не было». Она сообщаетъ еще, что они въ теченіе 36 часовъ сломали двѣ оси и два дышла, какъ одна лошадь оступилась и околѣла, и т. д.; 2-го марта она все еще сидѣла въ несчастной деревенькѣ. Еще въ 1750 г. въ одинъ день пути проѣзжали обыкновенно пять миль, по одной милѣ въ два часа; «и когда въ іюлѣ 1750 г. Клопштокъ съ Глеймомъ въ легкой повозкѣ, четверней, проѣхали по дорогѣ изъ Гальберштата въ Магдебургъ 6 миль въ шесть часовъ, Клопштокъ нашелъ эту быстроту столь необычайной, что сравнилъ ее съ бѣгомъ на Олимпійскихъ играхъ. Кто обладалъ какими-либо претензіями, тотъ боялся путешествія пѣшкомъ—дурныхъ дорогъ, нѣкоторой опасности пути, неопрятныхъ постоянныхъ дворовъ и грубаго обращенія; хорошо одѣтые пѣшеходы, восхищающіеся мѣстностью, были совершенно неизвѣстны (Густавъ Фрейтагъ).

Лишь послѣ распространенія шоссе, изобрѣтенія пароходовъ (первый пароходъ появился на Везерѣ въ 1827 г.) и желѣзныхъ дорогъ (съ 1835 г.), путешествія сдѣлались чаще и стали содѣйствовать расширенію и углубленію чувства природы. Когда для путешественниковъ открылись Альпы, въ Германіи усилился интересъ и къ отечественнымъ горамъ. Путь на Гарцъ проложилъ Э. А. В. Циммерманъ, напечатавшій въ 1775 г. «Наблюденіе во время путешествія на Гарцъ» и за нимъ Гаттерфъ, который въ 1785 г. издалъ въ 5 томахъ «Руководство къ путешествію по Гарцу»; въ 1777 г. появились путешествія въ Исполинскія горы І. Т. Фолькмара, а въ 1806 г. «Путеводитель по Саксонской Швейцаріи» Николаи. Прошло немного времени, и каждая маленькая страна или провинція открыла «Швейцарію» въ своихъ предѣлахъ, хотя-бы эта веймарская, франконская или мекленбургская Швейцарія относилась къ Альпамъ, «какъ хорошенькая, маленькая дѣвочка къ громадному великану».

Тогда въ Германіи были открыты и романтическія мѣста. Такъ, цѣлью путешественниковъ—любителей природы все чаще и чаще бывалъ островъ Рюгенъ, тогда еще принадлежавшій Швеціи. Онъ привлекалъ къ себѣ голубыми бухтами, великолѣпными буковыми лѣсами и величественными мѣловыми скалами, ослѣпительная бѣлизна которыхъ составляла живо-

пшный цвѣтовой контрастъ съ зеленою листвою и синевою моря; эти поѣздки въ особенности усилились, когда была сдѣлана удобная дорога изъ Загарда въ романтическій Штуббенкамеръ ¹⁾. Уже въ 1805 г. жалуется Грюмбе, что многіе пріѣзжаютъ туда не для наслажденія природой, а для кутежей: «Ты знаешь, что я не врагъ удовольствій и не хуже всякаго другого чувствую освѣжающее наслажденіе ѣды и питья послѣ утомительнаго тѣлеснаго напряженія; но дѣлать изъ нихъ главную цѣль это—святотатство по отношенію къ этому мѣсту, которое предназначено служить иному богу, кромѣ чрева. Въ этой ужасающе-прекрасной пустынѣ, подъ этими зелеными буковыми сводами, на зубцахъ этого исполинскаго храма, передъ необозримой лазурной поверхностью моря, въ груди друга природы должны возникать только важныя и высокія мысли. Все это мѣстоположеніе, носящее на себѣ печать достоинства, возвышенности и таинственности, кажется назначеннымъ для того, чтобы сосредоточивать свои мысли, прислушиваться къ своимъ внутреннимъ глубинамъ и проникать въ скрытую жизнь безконечнаго міра: необходимыми условіями для того должны быть уединеніе и спокойствіе и потому Штуббенкамеръ надо посѣщать одному или, самое большее, въ обществѣ близкихъ, одинаково настроенныхъ друзей». Какъ мы можемъ видѣть изъ этого, пониманіе суровой кра-

¹⁾ Уже въ 1597 г. Пауль Лемніусъ уроженецъ Рюгена, бывши студентомъ въ Ростокѣ, напечаталъ «Похвалу Рюгену» (*Laudes Rugiae*); Козегартенъ, отъ 1777—1779 домашній учитель въ Бергенѣ, 1792—1808 г. проповѣдникъ въ Альтенкирхенѣ, прославлялъ съ Оссіановскою возвышенностью красоту, опоясаннаго моремъ острова; въ 1799 г. появилась «Поѣздка на о-въ Рюгенъ» Рельштаба, въ 1800—«Странствованія по о-ву Рюгену» Нафеста; въ 1805 «*Indigena*», «Поѣздка на Рюгенъ» д-ра Грюмбе; уже въ 1762 г. пейзажистъ Гаккертъ, изъ Пренцлау, дѣлалъ тамъ этюды, а грейфсвальдскій живописецъ Фридрихъ работалъ тамъ-же 30 лѣтъ спустя; справедливо говоритъ Грюмбе: «Художникъ, который хочетъ изучить воздушную перспективу и отѣнки колорита фоновъ, мягкое сліяніе тоновъ и волшебную дымку, застилающую даль, кто хочетъ подсмотреть все это у самой природы,—тотъ пусть поднимется на волнистые холмы Рюгена». Въ 1816 г. было открыто первое купальное мѣсто на Рюгенѣ (Путбусъ—Лаутербахъ); за нимъ послѣдовали Бинцъ, Крампасъ, Засницъ. Ср. E. Boll op. cit. и globus, XII, S. 308 и E. Boll Die Insel Rügen, Reiseerinnerungen, Schwerin 1858.

соты природы, ея романтическаго характера во всей таинственной возвышенности и важности проснулось и на крайнемъ сѣверѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Представители современной поэзіи природы.

I. Гёте.

Восемнадцатое столѣтіе, не смотря на горделивое названіе вѣка воинственнаго Фридриха и Маріи Терезіи, вѣка Канта и Лессинга, Руссо и Вольтера, вѣка просвѣщенія, даже революціи, во всемъ направленіи своихъ вкусовъ и чувствъ можетъ считаться самымъ сантиментальнымъ временемъ, какое когда-либо появлялось въ исторіи. И поэзія природы носить ту-же печать элегической сантиментальности, хотя правдивыя ноты искренняго энтузіазма передъ природой звучать не только у Клопштока, но и у многихъ анакреонтиковъ и геттингенцевъ. Но кругъ ихъ созерцанія оставался, относительно, узкимъ; у нихъ повторяются все тѣ-же восхваленія луннаго свѣта и звѣздной ночи, идиллической пастушеской жизни, весенней радости и зимнихъ удовольствій на льду; Фрицъ Штальбергъ воспѣвалъ, кромѣ того, море и свои родныя горы. Только въ лицѣ Руссо явился впервые провозвѣстникъ романтической красоты величественныхъ альпійскихъ картинъ. Но и онъ, не смотря на свою сердечную и глубокую любовь къ природѣ, бывшею самой привлекательной чертой въ его характерѣ, оставался сыномъ своего сантиментальнаго, отражающагося въ самомъ себѣ и обоготворяющаго себя вѣка; самое чувство природы у него имѣетъ подкладкой болѣзненное душевное настроеніе, какъ-бы его не называли—міровой скорбью, бѣгствомъ отъ міра, мизантропией или меланхоліей. Только Гёте, послѣ тяжелой внутренней борьбы, вполне отрѣшился отъ несчастнаго проклятія, тяготѣвшаго надъ міромъ. Юный Гёте выступилъ въ эпоху «прекрасныхъ душъ», поэтовъ луннаго свѣта, энтузіастовъ природы, элегико-идиллической пасторальной поэзіи, въ эпоху «Элоизы», переполненной чув-

ствомъ и природой; вліяніе всѣхъ перечисленныхъ моментовъ на него неоспоримо, но какъ онъ ихъ облагородилъ, какъ онъ очистилъ ихъ отъ лживыхъ примѣсей призрачности и условности, какъ онъ поднялъ ихъ до свободной, естественной, универсально-идеальной человѣчности! Онъ занялъ мѣсто величайшаго лирика въ свѣтѣ, благодаря геніальной способности находить поразительно удачныя выраженія, единственно соотвѣтственную форму для всего, что приводило въ движеніе его высоко-впечатлительное и неизмѣримо-глубокое сердце. Все, что онъ переживалъ внутри себя, превращалось у него въ стихотворенія, все, что онъ видѣлъ извнѣ, превращалось у него въ образы. Наблюденіе и творчество совпадаютъ у него. Большинство его предшественниковъ искусственно переносились въ область извѣстныхъ ощущеній, работали съ цѣлымъ аппаратомъ греческаго Олимпа, съ нимфами, ореадами, съ Хлоями, Филлидами, Дамонами, съ Авророй, Эхо и Зефиромъ или съ тяжелымъ оружіемъ сѣверно-германской мифологіи. Въ сущности, у нихъ повторяются лишь съ большей или меньшей живостью однѣ и тѣ-же мысли о природѣ, о лунѣ, о маѣ, о сельской жизни и т. д.; рѣдко настоящая жизнь сердца даетъ правдивую окраску ихъ лирикѣ; описаніе, списываніе пейзажныхъ картинъ слишкомъ часто заступаютъ у нихъ мѣсто ума и настоящаго чувства. Какъ у Гёте сразу все является въ иномъ видѣ! Впрочемъ не сразу... И этотъ великій геній «образовался», и онъ долженъ былъ пройти путь возрастающаго развитія, и для него дорога была расчищена двумя великими предшественниками—Лессингомъ и Гердеромъ.

Лессингъ обладалъ не лирической, а критико-дидактической натурой; поэтому, его значеніе въ исторіи поэзіи природы можетъ быть только существенно отрицательнымъ. Устанавливая въ «Лаокоонѣ» границы между поэзіей и живописью, онъ въ то-же время возстаетъ противъ заблужденія своего времени—рисовать въ стихахъ, принижать поэзію до описательнаго изображенія временъ года, странъ, растений и т. д. Это его основныя положенія, когда онъ говоритъ: «Симонидъ называлъ живопись нѣмой поэзіей, а поэзію говорящей живописью, но многіе изъ новѣйшихъ критиковъ искусства изъ этого совпаденія живописи и поэзіи вывели самыя странныя заключенія. Они то втискиваютъ поэзію въ узкіе предѣлы живописи, то заставляютъ живопись занимать всю обширную область поэзіи... Такая критика породила въ поэзіи стремленіе

къ описаніямъ, а въ живописи наклонность къ аллегоріи; именно, первую хотѣли превратить въ говорящую картину, не зная въ точности, что она можетъ и должна изображать, а послѣднюю въ нѣмое стихотвореніе, не разсудивъ о томъ, въ какой мѣрѣ она можетъ изображать общія понятія, не удаляясь отъ ихъ значенія, и не переходя въ совершенно произвольный способъ выраженія... Такъ какъ художникъ у вѣчно измѣняющейся природы можетъ заимствовать не болѣе, какъ одно отдѣльное мгновеніе, а живописецъ можетъ пользоваться этимъ единственнымъ мгновеніемъ только съ одной, извѣстной точки зрѣнія, то несомнѣнно, что это мгновеніе и эта точка зрѣнія не могутъ быть избраны съ достаточно плодотворнымъ результатомъ. Только то можетъ быть названо плодотворнымъ, что оставляетъ полный просторъ силѣ воображенія. Чѣмъ болѣе мы видимъ, тѣмъ болѣе мы должны думать объ этомъ. Чѣмъ болѣе мы объ этомъ думаемъ, тѣмъ болѣе мы предполагаемъ въ этомъ видѣть». Возставая въ особенности противъ заблужденій описательной поэзіи, онъ высказываетъ: «Горацій говоритъ (*Ars poetica*, v. 16—18), что, когда стихотропателю больше сказать нечего, онъ начинаетъ изображать рошу, жертвенникъ, ручей, змѣящійся по прекрасному лугу, шумящій потокъ, радугоу. Поне выражалъ опредѣленное требованіе, чтобы тотъ, кто хочетъ быть достоинъ имени поэта, какъ можно ранѣе, отказался отъ страсти къ описаніямъ, и называлъ чисто описательное стихотвореніе приглашеніемъ на подливку, оставшуюся послѣ обѣда».

Какъ ни остроумно отдѣленіе поэзіи—искусства, изображающаго дѣйствіе въ послѣдованіи времени, и живописи—искусства, изображающаго тѣла въ пространствѣ, но это воззрѣніе отводитъ слишкомъ мало мѣста лирикѣ чувства и пейзажной живописи ¹⁾. Обѣ эти области душевной жизни были чужды этому проникающему, критическому, разсудочному уму. По его твердо установленнымъ основнымъ положеніямъ, виѣшнее, тѣлесное, пейзажное, т. е., мертвая природа въ ея формахъ и образахъ, сама по себѣ, не можетъ быть цѣлью поэзіи, какъ мы видимъ это у Томсона, Броккеса, Галлера и др.; поэтъ долженъ представлять виѣшний міръ внутреннимъ движеніемъ, долженъ подчинять его настроенію и чувству.

¹⁾ Cp. Gottschall, *Poetik*, Breslau 1853, S. 38.

Правда, лирическое стихотвореніе можетъ изображать краски и формы внѣшняго міра, но надъ всѣмъ этимъ долженъ носиться душевный ароматъ, природа и духъ должны быть сплетены въ одно и то-же, что должно быть сродно и пейзажной картинѣ. Гёте достигъ въ этомъ отношеніи наибольшаго совершенства и именно въ краткихъ, проникнутыхъ извѣстнымъ настроеніемъ изображеніяхъ.

Относительно господствовавшаго тогда направленія чувства, критика Лессинга оказала оздоравливающее и освобождающее вліяніе; по гораздо болѣе положительныхъ элементовъ заключало въ себѣ воззрѣніе Гердера, отличавшееся тонкимъ эстетическимъ чувствомъ. Въ этомъ воззрѣніи было пламенное предпочтеніе народной поэзіи, которая такъ долго оставалась непонятою, всего естественнаго и живого, всего свѣжаго, бьющаго ключомъ изъ внутренняго источника народнаго сознанія въ поэзіи стараго и новаго времени, одушевленное отношеніе къ Псалмамъ, Гемеру, Шекспиру, а также и Оссіану. Все это дѣйствовало оживляющимъ и возбуждающимъ образомъ, открывая новые, плодотворные пути, и это вліяніе всего сильнѣе отражалось на Гёте. Гердеръ призналъ, что чувство, долго сдерживавшееся оковами противоестественнаго вкуса, перешло къ другой крайности, открылъ сердце у молодыхъ поэтовъ и развязалъ имъ языкъ для свободнаго, простаго, естественнаго образа мыслей и чувствъ; онъ достигъ этого тѣмъ, что обнаружилъ драгоцѣнное сокровище истинной народной поэзіи и показалъ зеркало, въ которомъ каждый могъ видѣть самого себя. Это имѣло не только отрицательное значеніе, уничтожая возможность искусственнаго и условнаго, такъ долго преобладавшаго въ лирикѣ—онъ разработалъ эти сокровища положительной, производительной работой, посредствомъ собиранія и изученія ихъ. Если ему и не удалось осуществить болѣе обширные планы, захватывавшіе всю исторію поэзіи, то его слѣды въ послѣдующемъ времени замѣтны всюду, и сѣмена, посѣянные имъ, принесли богатые плоды.

Народныя пѣсни кажутся еще, наравнѣ съ растеніями и цвѣтами, дѣтьми той-же матери-природы: «Всѣ пѣсни такихъ дикихъ народовъ, говоритъ онъ ¹⁾, придаютъ жизнь на-

¹⁾ Über Ossian und die Lieder alter Völker, Sämtliche Werke, Teil 7, S. 40, Cotta 1828.

стоящимъ предметамъ, дѣйствіямъ, событіямъ. Какъ богаты и разнообразны тамъ обстоятельства, черты времени, частные случаи! И все это прошло передъ глазами! И душа все это представляетъ себѣ! Пусть это порождаетъ скачки и прыжки. Между частями пѣсни нѣтъ другой взаимной связи, какъ между деревьями и кустарниками въ лѣсу; между сценами самого событія этой связи столько-же, сколько между скалами и пещерами въ пустынѣ». Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ онъ даетъ въ нѣсколькихъ словахъ очеркъ исторіи чувства природы: «Несомнѣнно, что изученіе природы дѣлаетъ мягче человѣческій духъ. Чего-же желали древніе въ своихъ «георгикахъ», какъ не того, чтобы сдѣлать челоуѣка челоуѣчнѣе въ различныхъ превращеніяхъ его и постепенно привести его къ наблюденію природы, порядку, трудолюбію и благосостоянію?.. Поэтому, когда въ среднихъ вѣкахъ поэзія опять ожила, всѣ вспомнили объ ея прежнемъ, настоящемъ мѣсторожденіи среди растений и цвѣтовъ. Провансальскіе и романскіе поэты любили описанія ихъ; у Спенсера, напр., постоянно встрѣчаются прелестные стансы, которые изображаютъ прекрасныя, пустынные мѣста вмѣстѣ съ ихъ водами и цвѣтами. Съ необычайной любовью и избыткомъ фантазіи написаны шесть книгъ Боулея о растеніяхъ, цвѣтахъ и деревьяхъ, а о нашемъ старомъ Броккесѣ Гесснеръ справедливо выразился: «Онъ съ точностью наблюдалъ природу въ ея разнообразныхъ красотахъ до мельчайшихъ деталей; его нѣжное чувство растрогивалось ничтожнѣйшими обстоятельствами; травка съ каплей росы на солнцѣ воодушевляла его; его картины часто слишкомъ напыщенны, слишкомъ искусственны, но его стихотворенія, все-таки,—галлерей картинъ и образовъ, прямо взятыхъ изъ природы». «Альпы» Галлера, стихотворенія Клейста и Гесснера говорятъ сами за себя. Гердеръ одушевляется «Гимномъ къ природѣ» Шефтсбери, въ которомъ прославляется красота и благость природы съ высокимъ поэтическимъ порывомъ, и переводитъ его ²⁾; въ его произведеніяхъ мы видимъ даже подготовленіе къ эстетикѣ прекраснаго въ природѣ. Со времени моралистическихъ толкованій Попе, Аддисона, Шефтсбери и др. англичанъ, и въ Германіи, какъ мы уже

¹⁾ Teil 15, S. 145.

²⁾ Zur Philosophie und Geschichte 2 Teil, S. 283.

видѣли раньше сдѣлалось любимой темой и пѣтистическихъ и рационалистическихъ кружковъ разсматривать красоту и по-рядокъ природы въ ихъ нравственномъ вліяніи на человѣка ¹⁾.

¹⁾ Какъ типическое сочиненіе въ этомъ смыслѣ, я назову книгу Зулцера, уже упомянутую выше. (I. G. Sulzer «Unterredungen über die Schönheit der Natur nebst desselben moralischen Betrachtungen über besondere Gegenstände der Naturlehrer»). Предисловіе экземпляра Лейпцигской университетской бібліотеки, находящагося у меня въ рукахъ, помѣчено 1869 годомъ; предыдущія изданія были посвящены Бодмеру; вѣроятно, автору показалось, что эта книга недостойна такого великаго человѣка. На этомъ экземплярѣ находится характеристическая надпись, сдѣланная г-жею фонъ-Шталь-Гольштейнъ, красивымъ женскимъ почеркомъ: «Взглядъ на природу поднимаетъ къ религіознымъ мыслямъ, которыя служатъ связью между ею и безконечнымъ и крѣпче привязываютъ насъ къ ея чудесамъ и красотамъ». Эта книга весьма интересна, какъ изображеніе вкуса того времени. Она описываетъ, какъ нѣкто, будучи человѣкомъ мало впечатлительнымъ къ красотамъ природы, подъ руководствомъ друга сдѣлался ея ревностнымъ поклонникомъ. Харитъ рассказываетъ, какъ Эвкратъ разбудилъ его раннимъ утромъ и повелъ его на ближайшій холмъ, когда солнце только что восходило. Чистый воздухъ, согласное пѣніе птицъ, обширный видъ съ лѣсами, деревнями и прудами «трогаетъ» его, и Эвкратъ объясняетъ ему, что созерцаніе природы есть «естественнѣйшее удовольствіе», что оно заставляетъ земледѣльца забывать свое горе и свое рабство и, наполняя его духъ отрадой, позволяетъ ему пѣть среди тяжелой работы. «Это удовольствіе всегда для насъ ново, и наше сердце всегда для него открыто, насколько оно свободно отъ суетности и отъ бурныхъ наклонностей. Развѣ ты не знаешь, что огорченные и, въ особенности, влюбленные находятъ въ немъ для себя лучшее утѣшеніе? Развѣ больного освѣжаетъ и ободряетъ что-либо болѣе, чѣмъ отрадный солнечный свѣтъ?»... Онъ обращаетъ вниманіе своего спутника на «измѣнчивость въ красотѣ природы», на «пріятную гармонію столь многихъ тысячъ цвѣтовъ», на «мягкость природы, которая такъ доступна для души» и совѣтуетъ избѣгать «бурности страстей»: «Каждый ручеекъ есть образъ нашей души; пока онъ тихо бѣжитъ въ своихъ берегахъ, вода его чиста; прекраснѣйшая трава и тысячи цвѣтовъ окаймляютъ его; но когда онъ надувается и бѣжитъ бурно, это украшеніе уносится, и вода дѣлается мутной. Духъ нашъ долженъ быть свободенъ, если мы хотимъ чувствовать кроткое удовольствіе природы. Она—святилище, доступное только для невинныхъ душъ... Подобно тому, какъ вода, будучи бурной, не показываетъ уже на своей поверхности ни образа неба, ни образа ближайшей мѣстности, а лишь тихій потокъ позволяетъ видѣть эту прекрасную картину, точно также и кроткіе образы природы отражаются лишь въ тихихъ душахъ!!» Краснорѣчиво изображаетъ онъ сладкое восхищеніе, какое доставляютъ ему журчаніе ручья, разнообразное пѣніе птицъ, запахъ цвѣтовъ, какъ онъ по цѣлымъ часамъ бродитъ въ лѣсу, и «тогда всѣ чувства откры-

Но эстетическаго раздѣленія и расчлененія разнообразныхъ впечатлѣній природы мы здѣсь почти вовсе не встрѣчаемъ; значительнѣйшія изъ этихъ раздѣленій мы находимъ ни у кого другого, какъ у Канта въ его «Наблюденіяхъ надъ чувствомъ прекраснаго и возвышеннаго» ¹⁾), относящихся къ 1764 г. Онъ различаетъ въ болѣе утонченномъ ощущеніи отъ впечатлѣнія природы, впечатлѣнія двоякаго рода — возвышеннаго и прекраснаго. «То и другое пріятно затрогиваютъ насъ, но весьма различнымъ образомъ. Видъ горъ, снѣжныя вершины которыхъ поднимаются за облака, описаніе бури... нравятся намъ, но съ примѣсью ужаса; напротивъ, видъ цвѣтистыхъ луговъ, долины съ змѣящимися ручьями, покрытыхъ пасущимися стадами, описаніе Элизіума... также вызываютъ пріятное ощущеніе, но оно весело и радостно. Для того, чтобы первое впечатлѣніе могло дѣйствовать на насъ съ достаточной силой,

ваются прелестнымъ впечатлѣніемъ природы», и она кажется ему «лучами блаженнаго отблеска той первоначальной красоты, зрѣлище которой должно рано или поздно доставить блаженство нашему духу». Они вступаютъ на великолѣпный лугъ, надъ которымъ «амфитеатромъ» возвышается лѣсъ; Харитъ объясняетъ на растеніяхъ гармонію въ многообразіи, а на животныхъ, — «какъ уклоненія одного вида отъ другого почти незамѣтны» и т. д. Эвкратъ вскорѣ признаетъ, что «нельзя достаточно прославить природу, и что ея искусство, дѣйствительно, безконечно велико». Однажды вечеромъ, онъ рассказываетъ (3 Unterr., S. 70): «Мы вышли изъ небольшого лѣса на открытое поле, когда солнце только что собиралось закатиться. Мѣстность и красота вечера казались созданными именно для того, чтобы ласкать сердце пріятнѣйшими ощущеніями. Мы созерцали нѣкоторое время на концѣ лѣса заходящее солнце, которое бросало на насъ послѣдніе лучи черезъ вѣтви буковъ. Вскорѣ мы увидели, какъ все готовилось къ покою. Земледѣлецъ медленно возвращался съ тяжелой работы въ свою хижину, пастухъ гналъ свое блеющее стадо въ хлѣвъ. Птицы съ полей перелетали въ кусты, и вся природа, казалось, подготовлялась къ ночному покою. Все, что мы видели, могло пробуждать въ насъ лишь самую чувствительную отраду». Его сердце вдрагиваетъ отъ благоговѣнія передъ Творцомъ; ему кажется, что онъ находится среди величественнаго храма, — «въ которомъ всѣ созданія лежатъ въ глубокомъ молитвенномъ преклоненіи». Его грудь такъ полна мыслей и ощущеній, что онъ не можетъ ихъ выразить; «по цѣпи земныхъ существъ онъ поднимается до безконечнаго»; полный благоговѣнія и смиренія онъ преклоняется передъ великимъ Творцомъ величественной природы.

¹⁾ Sämtliche Werke herausgegeben von Rosenkranz, 4 Teil. Leipzig 1838.

мы должны обладать чувством возвышеннаго, а для того, чтобы вполне наслаждаться послѣднимъ,—чувствомъ прекраснаго» ¹⁾. Высокіе дубы, одинокія тѣни въ священныхъ рощахъ и ночь, онъ называетъ возвышенными; день и цвѣтучный коверъ, низкія изгороди и деревья, вырѣзанныя фигурами (!)—прекрасны. «Умы, обладающіе чувствомъ возвышеннаго, въ спокойной тишинѣ лѣтняго вечера, когда дрожащій свѣтъ звѣздъ проникаетъ черезъ тѣни ночи и одинокій мѣсяцъ стоитъ передъ глазами, постепенно приходятъ къ высокимъ мыслямъ о дружбѣ, о презрѣніи къ міру, о вѣчности. Блестящій день вливаетъ въ насъ дѣловую ревность и чувство веселости. Возвышенное трогаетъ, прекрасное восхищаетъ». Но и въ сферѣ возвышеннаго онъ указываетъ еще различныя формы. «Чувство его сопровождается иногда нѣкоторымъ ужасомъ или грустью, въ другихъ случаяхъ — спокойнымъ восторгомъ, а въ иныхъ—возвышеннымъ пониманіемъ красоты. Первое я называю устрашающе—возвышеннымъ, второе—благороднымъ и третье—великолѣпнымъ. Полное уединеніе имѣетъ возвышенный, но и устрашающій характеръ. Поэтому, большія, пространныя пустыни, какъ напр., огромная пустыня Гамо (Гоби) въ Татаріи, во все время давали поводъ помѣщать туда страшные призраки, и оборотней. Возвышенное, во всякомъ случаѣ, должно быть большимъ и простымъ; прекрасное можетъ быть и малымъ и прикрашеннымъ». Онъ старается опредѣлить и романтическое въ природѣ, хотя еще весьма неопредѣленно: «Свойство ужасающе—возвышеннаго, когда оно вполне неестественно, есть причудливость. Насколько возвышенность или красота переходитъ за извѣстную среднюю мѣру, ихъ обыкновенно называютъ романтическими». ²⁾.

¹⁾ Ib. 400.

²⁾ S. 107. «Романическій» и причудливый для него еще тождественныя понятія; такъ, (462) онъ говоритъ о странномъ вкусѣ среднихъ вѣковъ, который породилъ «странный родъ героическихъ фантастовъ, которые себя называли рыцарями и искали приключеній, турнировъ, поединковъ и романтическихъ поступковъ». Подобно тому, какъ Кантъ называетъ романтическое «неестественнымъ» и превосходящимъ извѣстную среднюю мѣру, Ж. П. Рихтеръ называетъ это «прекраснымъ безъ ограниченія»; Гёте гораздо ближе къ нашему воззрѣнію, когда онъ въ «Изрѣченіяхъ въ прозѣ» (Трет. отд.) говоритъ: «Такъ называемое ро-

Онъ привѣтствуетъ жаворонка, онъ прославляетъ радугу: «Прекрасное дитя солнца... Образъ надежды надъ черными облаками... Надежды — краски, преломленные лучи и дѣти слезъ, правда — солнце» ¹⁾. Съ какою чувствомъ проведено здѣсь слияніе человѣческой жизни съ жизнью природы! Въ стихотвореніи «На морѣ у Неаполя» онъ восхищается окружающимъ его величіемъ: «Утомленный тяжелымъ зноемъ лѣта, я сѣлъ впизу у прохладнаго моря. Волны катились, цѣлуя край сѣраго берега... И надо мною высоко, въ струяхъ голубого эфира, шептало дерево... Стройная, прекрасная царица деревьевъ Пинія, уносила меня въ область золотыхъ грезъ». Въ «Воспоминаніи о Неаполѣ» онъ жалуется: «Да, исчезли они, они исчезли, тѣ короткіе, тѣ прекрасные часы, какіе и я пережилъ въ Позипинно. Прелестное сновидѣніе изъ гротовъ, скалъ, холмовъ, острововъ, прекраснаго отраженія солнца, озеръ, моря — ты отлетѣло отъ меня». Очарованіе величественнаго вечера на морѣ кажется ему неподдающимся выраженію: «Когда

магическое извѣстной страны есть тихое чувство возвышеннаго въ формѣ прошлаго, или, — что равносильно, — уединеніе, отрѣшенность», хотя здѣсь недостаточно выяснено специфическое впечатлѣніе величественнаго горнаго пейзажа въ отличіе отъ уединенія и отрѣшенности неизмѣримыхъ пустынныхъ пространствъ или пустынь. На Канта опирается Шиллеръ въ своемъ превосходномъ разсужденіи «О возвышенномъ», гдѣ онъ высказываетъ: «Чувство возвышеннаго есть смѣшанное чувство. Это — соединеніе болѣзненнаго чувства, высшая степень котораго есть ужасъ и радостнаго чувства, которое можетъ подниматься до восторга, и хотя оно не есть настоящее удовольствіе, но утонченными душами предпочитается всѣмъ другимъ удовольствіямъ. Видъ неограниченныхъ далей и необозримыхъ высотъ, обширный океанъ подъ ногами и еще болѣе обширный океанъ надъ головою, отвлекаютъ духъ, воспріимчивый къ возвышенному, отъ узкихъ сферъ дѣйствительнаго и отъ давящаго рабства физической жизни». Такимъ образомъ, романтическое есть только усиленіе возвышеннаго.

¹⁾ Гёте пишетъ (Der junge Goethe von Bernays I, 53): «Свѣтъ есть правда, но солнце не есть правда, откуда вытекаетъ свѣтъ. Ночь есть неправда. И что такое красота? Она не свѣтъ и не ночь. Сумерки, гдѣ рождаются правда и неправда. Нѣчто среднее». Прекрасныя, глубокія слова. Въ прекрасномъ сливаются вмѣстѣ противоположенія идеи и дѣйствительности, какъ свѣтъ и тѣни въ сумеркахъ. Въ то-же время эти слова могутъ служить девизомъ романтиковъ, идеаломъ красоты которыхъ также былъ сумракъ, т. е. мистическое сочетаніе грезъ и жизни, фантазіи и разума, вслѣдствіе чего сумракъ ведетъ къ туманной полутѣмѣ и ночной неопредѣленности всѣхъ очертаній.

въ тихое море кротко погружалась вечерняя заря и, мѣсяцъ съ сопмомъ своихъ звѣздъ, все свѣтлѣе, поднимался на небо, ахъ, тогда текли съ новымъ желаніемъ невинныя юношескія слезы; только вздохъ говорилъ, а все молчало». Настоящее поэтическое воззрѣніе на природу выказываетъ онъ въ стихотвореніи «Ночь», въ которомъ прославляетъ ее, священную, спокойную мать созвѣздій: «Тебя ожидаетъ уже жаждающая земля, и ея цвѣты устало склоняють голову, чтобы насладиться изъ твоей чаши хотя-бы только двумя каплями небесной росы; а вмѣстѣ съ ними склоняется устало и моя переполненная образами душа». Ужасъ передъ безконечностью проникаетъ его пѣсню и сообщаетъ ей возвышенный полетъ: «Звѣздами усыпанная, золотомъ вѣнчанная богиня, ты, на черной, широкой одеждѣ которой сверкають тысячи міровъ... Священное молчаніе, наполняющее теперь міръ, тихій потокъ, который торжественно катится въ вѣчныхъ берегахъ безконечнаго творенія... Моря безконечности обнимають мой духъ, небо всѣхъ небесъ! Тихое, какъ ночь, море свѣтлыхъ картинъ, какъ океанъ, полное огненныхъ искръ»... Въ «Ночи Св. Іоанна» онъ восклицаетъ также: «Безконечна ты, неисчерпаема ты, прекрасная мать-природа»!

Но и Гердеръ не былъ свободенъ отъ чувствительности своего времени, какъ это видно изъ переписки его съ его невѣстой Каролиной Флаксландъ ¹⁾; въ перепискѣ замѣтно, какое вліяніе оказывалъ на него Руссо. Гердеръ (59) пишетъ: «Лучшіе часы для меня, когда я безъ всякаго общества брожу по красивому лѣсу, плотно примыкающему къ Бюккебургу, или лежу на насыпи вала, въ тѣни моего сада, или, наконецъ,—такъ какъ уже три дня у насъ превосходный, а вчера былъ прекраснѣйшій въ мірѣ лунный свѣтъ,—то въ эти часы прекрасной, дремлющей ночи, наслаждаюсь пѣніемъ соловья», и въ другомъ мѣстѣ: «Я не знаю болѣе сладкихъ часовъ, какъ тѣ, которые я провожу въ зелѣномъ уединеніи,—я живу и въ лѣсахъ, и въ церкви такъ романтично—одиноко, какъ могутъ жить только поэты, влюбленные и философы». А его невѣста признается: «Во мнѣ и около меня—все радость; каждый цвѣтокъ, растеніе, или что-бы то ни было въ природѣ, ка-

¹⁾ Aus Herder's Nachlasz, herausgegeben von Düntzer und Ferd. Gotter. v. Herder, 3 Bd., Frankfurt a. M. 1857.

жется мнѣ прекраснымъ съ тѣхъ поръ какъ я знаю тебя, мой возлюбленный» (38)... «Я рано ушла въ мою комнату,—мѣсяцъ почти совсѣмъ затмевался облаками, и ночь, отъ кваканья лягушекъ, казалась столь меланхоличной, что я долго не могла отойти отъ окна; вся моя душа была въ облакахъ и во мракѣ, я думала о тебѣ, мой возлюбленный, милый; и эти мысли и вздохи довели меня до слезъ»¹⁾, и: «Нравятся-ли вамъ также добрые и милые хлѣбные ко-

¹⁾ Слезы, вообще, у нихъ играютъ большую роль. Ср. S. 66, 113 и др. Выраженія: «Моя плачущая душа, ваша прекрасная душа, ваша чувствительная душа, ваша чувствительный взоръ», встрѣчаются очень часто. «Чувствительный» считается почетнымъ опредѣленіемъ, напр., стр. 91: «Меркъ сдѣлалъ что-то для Лилы; Лила — дѣвица фонъ-Циглеръ,—необыкновенно чувствительная дѣвушка; Меркъ въ полномъ восторгѣ отъ нея»; (с. 181): «Эта дѣвушка—чувствительнѣйшее, благороднѣйшее, прекраснѣйшее сердце»; (182): «О, прекрасная душа! Она—кроткая, мечтательная дѣвушка; она выстроила для себя гробницу въ своемъ саду»... Каролина проводила «блаженные утренніе часы» за одами Клоппштока, (154), что не должно насъ удивлять: для нея «онѣ небесное царство, онѣ позволяютъ ей заглянуть въ Элизіумъ». И Вертеровская Лотта все вздыхаетъ о «Клоппштокѣ», и этого достаточно, чтобы выразить ея чувствительность. Чувствительность превращается въ меланхолію у несчастнаго Ленца, что можно видѣть изъ его писемъ къ Зальцману въ книгѣ Штебера (Stoeber: «Lenz und Friederike von Sesenheim», Basel 1842); я заимствую оттуда (S. 68), слѣдующее мѣсто, характеризующее его чувство природы: «Кроткая меланхолія весьма легко мирится съ нашимъ благополучіемъ, и я надѣюсь, даже увѣренъ, что она, рано или поздно, разрѣшится въ чистую и продолжительную радость, какъ сумрачное лѣтнее утро разрѣшается въ безоблачный полдень. И я не терплю теперь недостатка въ частыхъ солнечныхъ взо-
рахахъ... Я принимаю теперь къ груди природы съ удвоеннымъ жаромъ; обвиваютъ-ли ея чело солнечные лучи или холодные туманы, ея материнскій обликъ всегда улыбается мнѣ, и часто я покупаюсь, вмѣстѣ съ старымъ Юніемъ Бруттомъ, повергнуться на землю и нѣмымъ поцѣлуемъ возблагодарить ее за ласку. На самомъ дѣлѣ, я нахожу на лугу около Лагдау ежедневно новыя красоты, и самый холодный сѣверный вѣтеръ не можетъ заставить меня отсутствовать отъ нихъ. Если-бъ я обладалъ кистью божественнаго живописца, я тотчасъ-же нарисовалъ-бы вамъ нѣкоторыя стороны этого превосходнаго амфитеатра природы: такъ живо отпечатѣлся онъ въ моемъ воображеніи — съ горами, поддерживающими небо,—съ долинами, наполненными деревьями у ихъ подножія, какъ-будто спящими тамъ, подобно Іакову у подножія своей небесной лѣстницы.

лосья? Я никогда не прохожу мимо поля безъ того, чтобы не погладить колосья рукой».

Гёте, какъ въ фокусѣ, собираетъ въ себѣ отдѣльные лучи того чувства природы, какое выражалось лирикой до него и въ эпоху современную ему; но онъ поднялся выше всего неестественнаго и болѣзненно чувствительнаго, лежавшаго въ направленіи тогдашняго вкуса и, на первыхъ порахъ, оказавшаго и на него свое вліяніе и, такимъ образомъ, явился освободительнымъ, спасительнымъ геніемъ новѣйшей культуры. Нѣмецкая лирика достигаетъ въ немъ своей вершины, но и нѣмецкое чувство природы нашло въ немъ самаго жизненнаго, правдиваго, индивидуальнаго и, въ то-же время, универсальнаго истолкователя. Онъ соединяетъ наивность Гомера и симпатизированіе Шекспира съ мечтательностью Руссо и меланхоліей Оссіана; величайшія противоположности онъ превращаетъ въ универсальную гармонію силою своей оригинальности, которая воспринимаетъ въ себя самые разнообразные моменты направленія того времени; хотя она сама, отчасти, направляется ими, но лишь для того, чтобы проникнуть ихъ собственнымъ духомъ, переработать и очистить отъ всякихъ примѣсей. Сколько жливаго, притворнаго, пустого и сантиментально-мечтательнаго было въ любовной лирикѣ его времени, и какъ она была бѣдна тѣми симпатизирующими сравненіями и метафорами, которыя приводятъ въ соотношеніе или тѣсно сливаютъ внутренній міръ и жизнь природы. А у Гёте все — жизнь и природа. «Природа хотѣла знать, какой у нея видъ и создала Гёте», т. е. другими словами, въ микрокосмѣ Гёте отражается макрокосмъ новѣйшаго времени. Онъ универсально новый человѣкъ, какимъ никто не былъ до него, и, какъ у величайшаго лирика въ свѣтѣ, у него есть взглядъ и сердце для природы, какіе послѣ него были лишь у немногихъ. Онъ не жилъ жизнью фантастическихъ грѣзъ, какъ многіе элегическіе и идиллическіе поэты XVIII вѣка; онъ чувствовалъ себя свѣжо и крѣпко на почвѣ дѣйствительности и отъ самаго дѣтства въ немъ жило «живое чувство ко всему существующему», какъ онъ самъ говоритъ въ «Поэзіи и Правдѣ».

Ни одинъ поэтъ, не исключая и Клопштока не выказываетъ такого богатства новыхъ выраженій въ своемъ языкѣ; всякое опредѣленіе, какое онъ въ новомъ значеніи придаетъ

существительному, заимствовано изъ собственныхъ наблюденій природы и отличается пластической вѣрностью. Сколько прелести и силы, сколько истинно-поэтическаго возрѣнія заключается въ его прилагательныхъ и причастіяхъ, когда онъ полевой шиповникъ называетъ «прекраснымъ какъ утро», весеннюю погоду «розовой», горы «облачно-небесными». Когда онъ называетъ день «всесвѣтящимъ», листья «зелено-свѣтлыми», октябрьскій туманъ «дымящимся», облака «катыми», молніи «благословляющими», розы и лиліи «утреннеросистыми», когда онъ придаетъ западному вѣтру «влажныя крылья» и заставляетъ высокія ели «мелодично шумѣть», а водопадъ «мелодично сбѣгать внизъ». Какое искреннее и вмѣстѣ съ тѣмъ кристаллизированное возрѣніе на природу заключается въ такихъ сочетаніяхъ: «волнодышашій», «буредышашій», «влажно - ясный», или въ существительныхъ: «сладкая кротость неба», «паръ цвѣтовъ», «пурпурныя облака», «любовный взглядъ солнца», «лунныя сумерки», «золотыя облака», «облачный паръ», «долина тумана», «долина тѣни», «жизненные волны» и т. д. Каждое изъ нихъ дѣйствуетъ непосредственно поэтическаго вдохновенія и пробуждаетъ рядъ образовъ и мыслей, какъ-будто въ немъ заключается цѣлое стихотвореніе. Какъ характерно изображается сѣверная атмосфера немногими строками съ мѣткими опредѣленіями: «Тамъ на Сѣверѣ меня встрѣтилъ сѣроватый день, небо мутно и тяжело опускалось надъ моею головою, міръ безъ красокъ и образовъ лежалъ вокругъ усталого». Особенную жизненность и богатство такихъ живописныхъ опредѣленій выказываетъ Вертеръ: «Когда я лежу въ высокой травѣ у падающаго ручья, когда милая долина дымится около меня и т. д... Гдѣ-то гремитъ въ сторонѣ и величественный дождь шумитъ по землѣ, а освѣжающее благоуханіе поднимается къ намъ въ совершенно тепломъ воздухѣ», или: «Былъ великолѣпнѣйшій солнечный восходъ! Роняющій капли лѣсъ и освѣженная долина лежали около меня... Когда тихая рѣчка скользила между шепчущими тростниками и отражала прелестныя облака, которыя легкій вечерній вѣтеръ убаюкивалъ на небѣ... Когда ты поднимешься на гору въ прекрасный лѣтній вечеръ, тогда взгляни по направленію къ кладбищу, на мою могилу!.. Какъ вѣтеръ качаетъ высокую траву въ свѣтѣ закатающагося солнца» и т. д. Сколько

жизни и движенія въ тихую, мирную картину вносятъ глаголы «шумѣть», «ронять капли», «убаюкивать», «качать»!

По самому характеру пѣсни, ей не свойственны сравненія въ видѣ распространенныхъ предложеній съ формами «подобно тому» или «какъ», но и въ этомъ случаѣ, Гёте, въ своихъ стихотвореніяхъ даетъ много прекрасныхъ образцовъ, взятыхъ изъ природы. Свою возлюбленную называетъ онъ «золотисто-прекрасной, какъ утреннія облака на тѣхъ высотахъ», и говоритъ ей: «Я такъ привыкъ тебя видѣть, какъ видятъ звѣзды, какъ смотрятъ на мѣсяцъ, радуются на нихъ и внутри, въ спокойной груди не шевелится даже самаго отдаленнаго желанія обладать ими»; «какъ весна даетъ мнѣ цвѣты, такъ я даю поцѣлуи»; «подобно тому, какъ зимой сѣмя медленно проростаетъ, а лѣтомъ поднимается полное жизни и зрѣетъ, также и моя привязанность къ тебѣ»... Ближе подходятъ къ сравненіямъ слѣдующіе обороты: «Нѣжное стихотвореніе, это—радуга, которая показывается только на темномъ фонѣ»... «Что отличаетъ боговъ отъ людей? То, что отъ первыхъ стремится много волнъ, вѣчный потокъ, а насъ поднимаетъ волна, поглощаетъ волна и мы погружаемся». А въ «Стеллѣ» (актъ 3): «Ты не чувствуешь, что такое—небесная роса жаждущему, который изъ пустого, песчанаго міра возвращается на твою грудь»; — или тамъ-же (актъ 5): «У меня было свободно на душѣ, чисто, какъ весеннее утро». Въ «Фаустѣ» жизнь символизируется слѣдующимъ образомъ: «водопадъ, шумящій по утесу отражаетъ человѣческое стремленіе: въ его радужномъ отблескѣ мы видимъ жизнь». И когда Вертеръ чувствуетъ, что все его существо колеблется между бытіемъ и небытіемъ и ему кажется, что около него все погибаетъ, и міръ исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ, тогда «прошлое блескитъ, какъ молнія, надъ темной бездной будущаго». (II, 15 ноября). Какой грандіозный образъ! Какой поразительный взглядъ, истолковывающій разомъ и прошлое и настоящее!

Чаще сравненій онъ употребляетъ метафоры, сконцентрированные сравненія, какъ напр., «море мечты», «море благоуханій», «волна борьбы», «потокъ генія», «тигровые когти отчаянія», «солнечный лучъ прошлаго»; «О, дай чистому дыханію любви повѣять тихой прохладой на жаръ твоей груди», говоритъ Ифигенія Тоасу; а Элеонора жалуется, говоря о Тассо: «Пусть онъ уйдетъ! Но, какой сумракъ падаетъ передо мной; потокъ на легкихъ волнахъ безъ весла принесъ насъ

сюда». Но лирика Гёте особенно богата исполненными определеннаго настроенія, истинно поэтическими одушевленіями природы. Болѣе, чѣмъ у кого-либо, у Гёте можно видѣть, какъ внутренняя жизнь, переполняющая грудь, выступаетъ, чтобы и мертвую природу одушевить полнотой жизни, въ особенности, когда сердце полно любовью, которая показываетъ міръ въ новомъ свѣтѣ, облакаетъ его розовымъ ореоломъ и, также какъ въ собственной груди, повсюду предполагаетъ или угадываетъ такое-же чувство, такую-же любовь. Такъ, все живетъ и смѣется и все вмѣстѣ, и въ отдѣльности полно жизни и любви, все блеститъ и ликуетъ отъ радости въ удивительной «Майской пѣснѣ» и въ «Ганимедѣ». Въ стихотвореніи «На озерѣ» онъ поетъ:

«Какъ сладко, мать-природа, вновь
Упасть на грудь твою!
Волна ладю въ размѣръ весла
Качаетъ и несетъ...
Прочь, ты сонъ, хоть золотой!—
Здѣсь любовь и жизнь со мной!
На волнахъ сверкаютъ
Тысячи звѣздъ, сотрясенныхъ,
Въ дымномъ небѣ таютъ
Призраки горъ отдаленныхъ.
Вѣтерокъ струится
Надъ равниною водъ,
И въ заливъ глядится
Дозрѣвающий плодъ».

(перев. Фета).

Въ стихотвореніяхъ Гёте можно указать прекраснѣйшія олицетворенія изъ всѣхъ сферъ природы: то солнце гордо царитъ на небѣ, то раскаленное солнце выглядываетъ надъ крутой вершиной или манитъ огненной любовью или купается въ морѣ, какъ мѣсяцъ, то солнце, какъ мать, согрѣваетъ своимъ тепломъ ягоды винограда. Утро поэтъ воспріимаетъ такъ: «Утро пришло, его шаги спугнули тихій сонъ, молодой день поднялся съ восторгомъ». О мѣсяцѣ: «надъ моимъ полемъ мягко распространяется твой взглядъ», про облачную ночь,—«вечеръ уже убаюкивалъ землю, и на горахъ висѣла ночь, мѣсяцъ съ холма облаковъ жалостно выглядывалъ изъ тумана», или звѣзды,—«высокія звѣзды обращаютъ ко мнѣ свои свѣтлые глаза». У него даже скала живетъ: «твердая скала раскрываетъ свою грудь» и т. д., ручей: «Ты спѣшишь съ радостнымъ, легкимъ

чувствомъ внизъ»... «Когда съ неприступной, Гранитной стѣны Струится лучъ чистый кристалла — чудесно Катится тогда онъ По гладкой скалѣ, То въ искрахъ алмаза Летя къ облакамъ... Вода свирѣѣтъ И, пѣною мутной Кипя по ступенямъ, Ввергается въ бездну.» (перев. Арефьева). Буря: «По изъ мрачной и туманной дали Злая буря грозно налетаетъ, Бьются птицы, рѣя надъ водою; Предъ порывомъ бури безпощадной Мудрый кормчій паруса спускаетъ». (перев. Н. Холдковского).

Даже и цвѣты у него одушевлены: «Тамъ киваютъ колокольчики, бѣлые, какъ свѣтъ, и подсыѣжники гордо поднимаютъ бѣлые носики» ¹⁾).

Но все это только отрывки. Попробуемъ составить себѣ наглядное представленіе о воззрѣніяхъ Гёте на природу изъ всей совокупности его произведеній — и прослѣдимъ для этого отдѣльныя фазы его умственного развитія и, сообразно послѣднему, тѣ измѣненія, какія представляетъ его поэтическое отношеніе къ природѣ. Уже въ раннюю пору его душевной жизни, когда она еще только развѣтывалась, мы находимъ самое сердечное отношеніе къ природѣ. Еще въ 1766 г., онъ пишетъ изъ Лейпцига ²⁾): «Вы пріятно живете въ М. Я также живу здѣсь. Одиноко, одиноко, вполнѣ одиноко. Величайшій изъ великановъ, уединеніе, положило отпечатокъ нѣкоторой грусти на мою душу. Мое единственное удовольствіе, когда я вдали отъ всѣхъ, могу лежать у ручья около кустовъ и думать о моихъ милыхъ»; полный печали онъ продолжаетъ: «Тогда мое сердце наполняется грустью, мой взоръ мутится все больше, бурно шумитъ передо мною ручей, который недавно журчалъ такъ кротко. Ни одна птица не поетъ въ кустахъ, зеленое дерево засыхаетъ, зефиръ, который, освѣжая меня, недавно вѣялъ, сталъ бурнымъ, превратился въ сѣверный вѣтеръ и разноситъ оторванные листья». Такимъ образомъ, его душа и природа симпатизируютъ другъ другу, находятся въ тѣсномъ взаимномъ отношеніи. Изъ его раннихъ стихотвореній только немногія ³⁾ отдають дань господствующей

¹⁾ Da wanken Glöckchen So weisz wie Schnee
Primeln stolzieren so naseweisz... и. т. д.

²⁾ «Der junge Goethe» von Bernays, I, 13.

³⁾ Такъ напр., Die Spröde. Die Bekehrte: «Bei dem Glanz der Aven-

щему вкусу и еще не носят на себѣ своеобразной печати его гения; такъ, въ пѣснѣ «Ночь» первая строфа съ «Лунной» и «Зефирами», но уже слѣдующія строки имѣютъ чисто гётевскій характеръ: «Страхъ, который наполняетъ сердце, отъ котораго таетъ душа, шепчетъ по кустамъ въ прохладѣ»...

Любовь и природа—двѣ струны, которыя у молодого Гёте звучатъ неподражаемымъ согласіемъ. Гдѣ находится возлюбленная «тамъ любовь и благо, тамъ природа»; онъ думаетъ о ней, и когда «блескъ солнца отражается отъ моря, и когда сверканье мѣсяца рисуется въ потокахъ». Страстное чувство природы прорывается въ радостной пѣснѣ Зезенгеймскаго періода въ «Майской пѣснѣ»: «Какъ великолѣпно сіяетъ для меня природа! Какъ блеститъ солнце, какъ улыбается лугъ»¹⁾! Любовь всего болѣе расширяетъ грудь поэта и ея отраженіе онъ повсюду замѣчаетъ въ природѣ: «Вырываются цвѣты изъ каждой вѣтви, И тысячи голосовъ изъ кустарника, И радость, и блаженство изъ каждой груди. О земля, о солнце, о счастье и веселье! О любовь, о любовь.—Ты изливаешь дивное благословеніе на освѣженные поля, На весь міръ, въ благоуханіи цвѣтовъ».

Уже въ старческомъ возрастѣ, въ воспоминаніяхъ о прошломъ, воображенію его предстаетъ не только нѣжный образъ Фридерики изъ счастливой поры юности, но и природа, которая ее окружала. Какъ тепло рисуетъ онъ это совмѣстное воспоминаніе въ «Поэзіи и Правдѣ» (III): «Ея фигура, ея образъ никогда не выступали плѣнительнѣе, чѣмъ тогда, когда она поднималась по возвышенной тропинкѣ; ея привлекательность, казалась мнѣ, соперничаетъ съ усыпанной цвѣтами землей, а ясность ея лица, съ голубымъ небомъ». Онъ съ восторгомъ говоритъ о наслажденіи, какое доставляютъ различные времена дня и года въ прекрасной эльзасской странѣ: «Нужно было только отдаваться настоящему, чтобы наслаждаться этой ясностью неба, этимъ блескомъ богатой земли, этими мягкими вечерами, этими теплыми ночами, вблизи воз-

dröte Giug ich still den Wald entlang, Damon sas und blies die Flöte, Dasz es von den Felsen klang, So la la! » März; Lnst und Qual; Lnna; Gegenvart.

¹⁾ Wie herrlich leuchtet Mir die Natur! Wie glänzt die Sonne! Wie lacht die Flur!

любленной». Когда онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Сѣрое сумрачное утро покрываетъ мое любимое поле, глубокого скрытый въ туманѣ лежитъ около меня міръ», онъ знаетъ, что глаза милой дѣвушки придутъ на помощь природѣ: «Въ одномъ твоёмъ взглядѣ и солнечный блескъ и счастье».

Какая свѣжая, непосредственная жизнь чувствуется въ прощальной пѣснѣ: «Мое сердце билось; скорѣй на коня»... Ощущеніе вглядывающагося въ ночь, скачущаго ночью пѣвца такъ сильно, сердце его такъ переполнено, что это ощущеніе сообщается природѣ; все около него получаетъ движеніе, жизнь, ощущеніе; даже у темноты являются глаза, мѣсяцу придается прощальное настроеніе поэта, и вѣтеръ представляется его воображенію въ видѣ крылатаго существа:

«Ужъ ночь на высяхъ горъ снуется,
Въ объятяхъ вечера земля,
И вѣтви дубъ распростирая,
Какъ исполинъ во мглѣ стоитъ,
И изъ-за листьевъ мгла густая
Глазами черными глядитъ,
Весь окруженный облаками,
Печально мѣсяцъ внизъ смотрѣлъ,
И вѣтеръ тихими крылами
Мнѣ въ уши жалобно свистѣлъ,
И стоя призраковъ ходила,
Но чувства веселы мои.
Въ моей груди какая сила!
Какой огонь въ моей крови!»

(пер. М. Каткова).

Подобное-же чувство звучитъ въ другомъ стихотвореніи, но въ болѣе грустномъ тонѣ, внушаемомъ разлукой: «Нѣжное, юношеское горе ведетъ меня въ пустынное поле; мать-земля лежитъ въ тихой утренней дремотѣ. Съ шумомъ качаетъ холмистый вѣтеръ оцѣпенѣвшія вѣтви. Потрясающей мелодіей вторить онъ моей пѣснѣ, полной страданія. И природа робко тиха и уныла, но въ ней больше надежды, чѣмъ въ моемъ сердцѣ» ¹⁾.

¹⁾ Ein zärtlich jugendlicher Kummer Führt mich ins öde Feld; es liegt In einem stillen Morgenschlummer Die Mutter Erde. Rauschend wiegt Ein Kalter Wind die starren Aeste. Schauernd Tönt er Melodie zu meinem Lied voll Schmerz. Und die Natur ist ängstlich still und trauernd, Doch hoffnungsvoller als mein Herz.

Гете рассказываетъ самъ, какъ онъ во Франкфуртѣ находилъ утѣшеніе для своей любовной тоски. «Вслѣдствіе моего блужданія по окрестностямъ, меня обыкновенно называли странникомъ; этому успокоенію моего духа, какое доставляли мнѣ ясное небо, долины, высоты, поля и лѣса, содѣйствовало мѣстоположеніе Франкфурта...» и «новый міръ открывался для насъ при наступленіи зимы съ бѣганьемъ на конькахъ». Онъ чувствуетъ это наслажденіе подобно Клопштоку: ему было достаточно проходить на льду весь солнечный день. «Мы продолжали наше движеніе до поздней ночи. Полный мѣсяцъ, выступающій изъ облаковъ надъ ночными обширными, превратившимися въ ледяныя поля, лугами, ночной воздухъ, шумящій навстрѣчу нашему бѣгу, страшный трескъ льда, опускающагося отъ отступающей воды, странный отзвукъ нашихъ собственныхъ движеній, вполне осуществляли для насъ оссіановскія картины».

Ни на одномъ языкѣ нельзя найти книги, которая была-бы такъ проникнута самой искренней симпатіей къ природѣ, такъ наполнена любовью и благоговѣніемъ къ ней, такъ согрѣта теплымъ чувствомъ и общеніемъ съ ея таинственной жизнью, какъ «Вертеръ». ¹⁾ Гете объясняетъ самъ въ «Поэзіи и Правдѣ» «чудесный элементъ, въ которомъ «Вертеръ» былъ задуманъ и написанъ: я стремился внутренне освободиться отъ всего чуждаго, созерцать съ любовью внѣшній міръ и отдаваться

¹⁾ Лапрадъ исполненъ удивленія къ «несравненному художнику и поэту, вдохновенному чувствомъ природы; онъ въ высшей степени обладаетъ искусствомъ изображать внѣшній міръ и внутренній міръ человека; онъ такъ соединяетъ образы видимаго міра съ выраженіемъ внутреннихъ чувствъ, что они изображаютъ одну общую ткань... Всѣ элементы какого-либо предмета или положенія, этому несравненному уму являются разомъ въ ихъ существенной гармоніи...» Онъ удивляется замѣчательному символизму въ «Вертерѣ». «Каждое письмо соответствуетъ времени года, когда оно написано... Идея и образъ отождествляются въ высшемъ дѣйствіи; между внутреннимъ движеніемъ и внѣшнимъ впечатлѣніемъ является полное слѣяніе». (Ср. V. 323) Хотя авторъ и видитъ въ поэзіи Гете греческое язычество и пантеизмъ, но онъ признаетъ (336): «Имя Гете означаетъ собой одну изъ величайшихъ эпохъ, одну изъ величайшихъ революцій въ поэзіи, величайшую, какъ мы полагаемъ, со временъ Гомера» и (346): «Гете есть высочайшее поэтическое выраженіе стремленій нашего вѣка къ внѣшнему міру и къ философій природы».

впечатлѣнію всѣхъ существъ, начиная отъ человѣческихъ до самыхъ низшихъ, какія только доступны намъ. Отсюда возникло чудное сродство съ отдѣльными предметами природы и внутреннее созвучіе, согласіе въ цѣломъ, такъ что каждая переменна мѣстности и странъ или времянь дня и года, или всякихъ возможныхъ случайностей, какъ нельзя глубже затрогивала меня. Взглядъ живописца присоединился къ взгляду поэта; прекрасная сельская мѣстность, оживленная привлекательной рѣчкой, увеличивала мою склонность къ уединенію и благоприятствовала моимъ спокойнымъ, распространявшимся во всѣ стороны наблюденіямъ».

Если вліяніе, оказанное «Новой Элоизой» Руссо на «Страданія Вертера» было несомнѣнно и глубоко ¹⁾, то именно въ ощущеніи природы здѣсь является замѣтное различіе. Правда мы видимъ у Руссо «взглядъ живописца», но взглядъ поэта далеко не имѣетъ такой глубокой проницательности, какъ въ романѣ Гете. Въ послѣднемъ повсюду выступаетъ національно-нѣмецкій духъ, глубина чувствительнаго нѣмецкаго сердца; ви́шній міръ, пейзажъ не изображается лишь въ видѣ рамки, но всегда сплетается съ настроеніемъ героя. У Руссо всегда преобладаетъ противоположеніе культуры и природы, а въ религіозномъ отношеніи—деизмъ; у Гете природа превращается въ ощущеніе и его поклоненіе, есть пламенный пантеизмъ. И такъ какъ Вертеръ, въ противоположность Элоизѣ, есть, по преимуществу, сочиненное произведеніе искусства, то Гете понималъ какъ нельзя лучше, въ самомъ искусствѣ, какъ страдающій долженъ относиться къ природѣ, какъ въ ней должны отражаться колебанія и смѣна настроеній; онъ сумѣлъ особенно тщательнымъ изображеніемъ отдѣльныхъ мелкихъ чертъ обозначить угрожающее несчастіе и возбуждаемую имъ тревогу. Въ этомъ мастерствѣ изъ новѣйшихъ поэтовъ до нѣкоторой степени, къ нему приближается только Теодоръ Штормъ.

Возрастающая склонность изображается какъ стихійная сила, и дѣйствительно—революціонное начало, проникающее это произведеніе, заключается въ могуществовѣ этой страсти, отстаивающей естественное право всякаго сильнаго, теплаго

¹⁾ Лучше всего этотъ вопросъ, между прочимъ, и относительно чувства природы псалѣдовавъ Эрихомъ Шмидтомъ въ его превосходной книгѣ «Richardson, Rousseau und Goethe, Jena 1875, S. 173 и слѣд.

истиннаго чувства. Все искусственное, прикрашенное, условное въ мысли, чувствѣ и дѣйствіи—а въ то время все было условно и прикрашено—противно Вертеру; для него всего пріятнѣе міръ дѣтей и простые, бѣдные люди во всей ихъ первобытности («меня раздражаетъ всего больше, когда люди мучать другъ друга и въ особенности, когда молодые люди въ расцвѣтѣ жизни, будучи доступны всѣмъ радостямъ, портятъ свои немногіе хорошіе дни и только слишкомъ поздно убѣждаются въ своей невознаградивой потерѣ») и уединенная, богатая тайными чудесами и прелестями природа. Передъ этимъ истолкованіемъ ея таинствъ, передъ такой интенсивной, совместной жизнью съ ней, передъ такимъ сердечнымъ сліяніемъ духа и природы должно было отступить все, что до того времени нѣмецкіе поэты воспѣвали въ пѣсняхъ и идилліяхъ. Надо замѣтить, что въ романахъ вообще, даже у чувствительныхъ англійскихъ писателей, природа, до тѣхъ поръ не играла никакой роли, а для Вертера она—самая сердечная и вѣрная подруга.

Вертеръ чувствителенъ, сентименталенъ и эта сентиментальность, по мѣрѣ движенія романа, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе мрачный характеръ оссіановской скорби, юнговской меланхоліи, но въ ней всегда выражается сердце, полное однимъ ощущеніемъ, крайне оригинальный и сознающій себя таковымъ характеръ; хотя онъ и погибаетъ отъ мягкости и грусти, но насколько во всѣхъ его изліяніяхъ больше силы и ума, чѣмъ во всѣхъ лунныхъ тирадахъ предшествовавшаго времени! Въ немъ говоритъ цѣльный поэтъ въ пламенной силѣ лучшей поры своей юности.

Подобно Руссо, Вертеръ всего лучше чувствуетъ себя въ уединеніи. Уединеніе въ «райской странѣ» есть «драгоценный бальзамъ» для его чувствительнаго «чувствующаго сердца», съ которымъ онъ обращается, «какъ съ больнымъ ребенкомъ», но «теплая небесная фантазія въ его сердцѣ» согрѣваетъ и освѣщаетъ природу около него, его «любимую долину», «милое весеннее утро», «невыразимую красоту природы». «Вполнѣ погруженный въ живописное ощущеніе», онъ не могъ закрѣпить свои впечатлѣнія карандашомъ: «теперь я не могъ рисовать, не могъ сдѣлать ни одного штриха и никогда не былъ такимъ великимъ живописцомъ, какъ въ эту минуту». И какъ все у него изображено! Онъ не рисуетъ отдѣльно одинъ предметъ за другимъ; все находящееся передъ его глазами сли-

вается съ его ощущеніемъ; онъ чувствуетъ въ одно и то-же время біеніе сердца природы, движеніе жизни въ ней и отзвукъ этой жизни въ своей груди: «когда любимая долина дымится около меня, и высокое солнце покоится на поверхности непроницаемой тьмы моего лѣса и только отдѣльные лучи его прокрадываются внутрь этого святилища, я лежу тогда въ высокой травѣ у ниспадающаго ручья и вблизи земли, тысячи разнообразныхъ травинокъ становятся для меня достойными вниманія; тогда я чувствую ближе къ моему сердцу маленькій міръ, кишачій между стеблями, безчисленные, необъяснимыя формы червячковъ и мошекъ, я чувствую присутствіе Всемогущаго, создавшаго насъ по своему образу, вѣяніе Вселюбщаго, доставляющаго намъ вѣчную радость! Мой другъ, когда въ то время у меня меркнетъ въ глазахъ, и міръ около меня и небо покоятся въ моей душѣ, какъ любимый образъ, тогда я тоскую и думаю: ахъ, если-бъ ты могъ это выразить, могъ вдохнуть въ бумагу то, что такъ полно, такъ тепло живетъ въ тебѣ, чтобы оно стало зеркаломъ твоей души, какъ твоя душа есть зеркало безконечнаго Бога! Мой другъ! Но я теряюсь отъ этого, я подавленъ силою величія этихъ явленій». (1, 10-го мая).

«Все дивное чувство, которымъ его сердце обнимаетъ природу», также не поддается выраженію. Въ чемъ-же заключается тайна этой симпатической любви къ природѣ? Только въ слѣдующемъ: «Когда онъ возвращается въ себя» онъ также находитъ «міръ», т. е., міръ мыслей и чувствъ, который онъ можетъ привести въ извѣстное отношеніе къ міру явленій и который даетъ языкъ нѣмой природѣ; онъ приподнимаетъ покровъ, скрывающій ея формы и чувствуетъ въ природѣ духъ своего духа; онъ въ ней чувствуетъ не только его, но и нѣчто Вѣчное, что сродно его душѣ, онъ чувствуетъ присутствіе «Всемогущаго, Вселюбщаго», «самымъ истиннымъ чувствомъ природы» онъ называетъ любовь. И «потокъ его генія» съ любовью изливается на природу и она становится ему «дорогой, родной, милой», т. е., вся мѣстность, долина, родникъ, величественные орѣшники у почтеннаго пастора и т. д. Также какъ его превлекаетъ наивный дѣтскій міръ, съ которымъ онъ соприкасается «въ невинномъ наслажденіи», его притягиваетъ простая и въ то-же время прекрасная страна: «Удивительно, какъ только я пришелъ сюда и взглянулъ съ холма на прекрасную долину, все кругомъ мнѣ показалось

привлекательно. Тамъ лѣсокъ! Ахъ, если-бы я могъ вмѣшаться въ его тѣни! Тамъ вершины горъ! Ахъ, если-бы я могъ обо-зрѣть оттуда обширную страну! Тамъ перекрепчивающіеся холмы и прелестныя долины! О, если-бы я могъ потеряться въ нихъ!» Опъ вполне отдается очарованію этой деревенской идилліи: онъ выходитъ изъ дому утромъ, съ восходомъ солнца, сидитъ въ саду своего хозяина, самъ рветъ его горошекъ, въ промежуткахъ читаетъ своего Гомера, выбираетъ себѣ кухонный горшокъ, ставитъ стручки на огонь и т. д.

Съ возрастаніемъ его любовной привязанности, возрастаетъ и «теплое участіе къ природѣ». Отъ 24 іюля онъ пишетъ: «Никогда я не былъ счастливѣе, никогда я не чувствовалъ природу до малѣйшаго камушка, до мельчайшей травинки полнѣе и искреннѣе». Но со времени пріѣзда Альберта любовь превращается для него въ муку и природа становится его мучительницей. 18 августа онъ пишетъ: «Неужели такъ должно быть, что то, что доставляетъ людямъ счастье можетъ дѣлаться источникомъ ихъ бѣдствія. Полное, теплое чувство моего сердца къ живой природѣ, заливавшее меня такимъ блаженствомъ, что окружающій міръ превращался для меня въ рай, становится для меня теперь нестерпимымъ мучителемъ, истязующимъ духомъ, который преслѣдуетъ меня на всѣхъ путяхъ. Когда я недавно смотрѣлъ со скалы на плодородную долину черезъ рѣку до тѣхъ холмовъ, я видѣлъ, какъ все въ ней растетъ и бьетъ ключомъ; когда я видѣлъ дальнія горы, одѣтыя отъ подошвы до вершины высокими, густыми деревьями, долины отѣненныя прекраснѣйшими лѣсами въ ихъ разнообразныхъ изгибахъ, и тихую рѣку, скользившую между шепчущими тростниками и отражавшую прелестныя облака, которыя легкій вечерній вѣтеръ убаюкивалъ на небѣ; когда я слышалъ птицъ, оживляющихъ лѣсъ около меня, и милліоны мошекъ весело играли въ послѣднемъ красномъ лучѣ солнца, и его послѣдній, сверкающій взглядъ освободилъ жужжащаго жука изъ его травы, и движеніе и жизнь около меня обращали мое вниманіе на то, что было подъ моими ногами; и мохъ, извлекающій свою пищу изъ этой твердой скалы, и дрокъ, растущій внизу сухого, песчаного холма, открывали мнѣ внутреннюю, пламенную, священную жизнь природы, — я обнималъ все это моимъ теплымъ сердцемъ, чувствовалъ себя какъ-бы обоготвореннымъ въ этой чрезмѣрной полнотѣ, и величественные образы безконечнаго міра все-

оживляюще двигались въ моей душѣ! Отъ недоступныхъ горъ, черезъ пустыню, къ которой не прикасалась ничья нога, до конца неизвѣстнаго океана, вѣетъ духъ Вѣчнотворящаго, и радуется каждая пылинка, которая Его слышитъ и славить». Великолѣпная сцена лѣтняго вечера въ «Фаустѣ» заключается въ зародышѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Ахъ, тогда какъ часто желалъ я на крыльяхъ журавля, пролетаващаго надо мною, перенестись на берегъ неизмѣримаго моря, выпить кипучаго жизненнаго наслажденія изъ пѣнящагося кубка безконечности и, ограниченный силой моей груди, лишь на одно мгновение ощутить каплю блаженства того существа, которое все проникаетъ собою». А теперь онъ видитъ въ природѣ только «бездну вѣчно раскрытой могилы», «пожирающую силу, которая лежитъ скрытою во всемъ», «вѣчно глотающее, вѣчно пережевывающее чудовище». Тихое, грѣющее пламя въ его груди превратилось въ пожирающій огонь. Его внутреннее безпокойство заставляетъ его убѣгать изъ дому: «Я тогда далеко брожу кругомъ по полямъ; мнѣ доставляетъ радость карабкаться на крутую гору, прокладывать тропинку черезъ непроходимый лѣсъ, черезъ изгороди, царапающія меня, черезъ терновые кусты, раздрающіе мнѣ платье! Тогда мнѣ становится нѣсколько легче»... Онъ хочетъ уйти оттуда и съ мыслью, что овъ въ послѣдній разъ видитъ себя въ любимыхъ мѣстахъ, вполне сознаетъ симпатію, связывающую его съ этой мѣстностью: «Я ходилъ взадъ и впередъ по аллеѣ, которую я такъ любилъ; тайное симпатическое влеченіе часто удерживало меня здѣсь»; сіяніе луны, поднимающейся изъ-за холма покрытаго кустарникомъ, усиливаетъ его тоску. Лотта высказываетъ, подобно Клоштокъ: «Я никогда не гуляю при лунномъ свѣтѣ, никогда безъ того, чтобы меня не посѣщала мысль о моихъ умершихъ, чтобы у меня не являлось чувство смерти будущаго» (10 сен.). И въ своемъ страданіи Вертеръ понимаетъ его значеніе: «Такое сердце только у одного меня»; онъ знаетъ *χαρις ὡς* Эврипида *dolendi voluptas* Петрарки, «сладость грусти».

Во второй книгѣ отъ 4-го сентября онъ пишетъ исполненный искренней симпатіи къ природѣ: «Да, это такъ. Также какъ природа склоняется къ осени,—и во мнѣ и кругомъ меня осень. Мои листья желтѣютъ и листья сосѣднихъ деревьевъ уже опали». Соотвѣтственно этому осеннему настроенію, «Оссіанъ вытѣсняетъ Гомера изъ его сердца»: туманная.

богатая образами и поэтическими сравненіями мечтательная поэзія Оссіана замѣщаетъ чистаго, дружески яснаго, наивнаго Гомера. Теперь ему говорить только міръ «пустынной мѣстности, обвѣваемой вѣтромъ бури, приносящимъ въ клубящихся туманахъ духи отцовъ въ сумеречномъ свѣтѣ мѣсяца, при шумѣ лѣснаго потока», т. е. бурная ночь съ бѣгущими облаками, жалобно журчащій лѣсной потокъ, съ трескомъ и стономъ горныхъ елей. Душевная боль одолеваетъ его: «Это сердце теперь мертво, такъ какъ я потерялъ то, что было единственной отрадой моей жизни—священную, оживляющую силу, благодаря которой я создавалъ около себя міры». И когда онъ смотритъ изъ окна и видитъ утреннее солнце, пронизывающее туманъ надъ холмомъ и освѣщающее тихое пространство луга и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣку, кротко извивающуюся среди обнаженнаго лѣса, то эта величественная природа кажется ему только картинкой, покрытой лакомъ».

Оссіановское настроеніе выказываютъ и его строки отъ 30-го ноября: «Я хожу къ водѣ въ часы полудня; у меня не было никакой охоты ѣсть. Все было пустынно; сырой, холодный, вечерній вѣтеръ дулъ съ горы, и сѣрая вечернія облака неслись къ долиинѣ». Въ страшную ночь, когда воды рѣки затопили мѣстность, онъ видитъ въ яростныхъ, возбужденныхъ стихіяхъ отраженіе своего волнующагося сердца, эхо, зовущее его въ глубину: «Ночью, около 11 часовъ, я выбѣжалъ изъ дому. Страшное зрѣлище — видѣть какъ со скалы, при лунномъ свѣтѣ, кружатся и падаютъ бующіе потоки на поля, луга, изгороди и все прочее, и на обширную долину, превращенную въ бурное море, со свистомъ и вѣтромъ. И когда мѣсяцъ выступилъ опять и остановился надъ чернымъ облакомъ, и передо мною рѣка въ страшномъ, величественномъ отраженіи катилась и стонала, тогда на меня напалъ ужасъ и потомъ желаніе. Ахъ, съ распростертыми руками я сидѣлъ надъ пропастью и шепталъ: туда, туда!» Къ своему прощальному письму онъ прибавляетъ: «Горюй-же природа: твой сынъ, твой другъ, твой возлюбленный, приближается къ своему концу».

Какъ мы видимъ, воззрѣніе Вертера на природу въ его искренней симпатіи со всѣми отдѣльными явленіями живого міра, окружающаго его, не смотря на постепенное возрастаніе мечтательнаго и сантиментальнаго настроенія, основывается, по преимуществу, на настоящемъ поэтическомъ пантеизмѣ. Оно

поднимается еще выше въ первой части «Фауста», и въ немъ усиливается высота и глубина мистико-философскаго созерцанія. Фаустъ всегда видитъ міръ подѣ знакомѣ макрокосма:

«Какъ въ цѣломъ части всѣ, послушною толпою
Сливаясь здѣсь, творятъ, живутъ одна другою!
Какъ силы горнія въ сосудахъ золотыхъ
Разносятъ всюду жизнь божественной рукою
И чуднымъ взмахомъ крылъ лазоревыхъ своихъ
Витаютъ надъ землей и въ высотѣ небесной—
И стройно все звучитъ въ гармоніи чудесной!»

(пер. Холодковского).

И Духъ земли самъ признается:

«Въ бурѣ дѣяній, въ волнахъ бытія
Я поднимаюсь, я опускаюсь...
Смерть и рожденіе—вѣчное море».

(пер. Холодковского).

Не только философская мысль, но и чувство проглядываетъ въ этихъ словахъ:

«При свѣтѣ дня покрыта тайны мглой,
Природа свой покровъ не сниметъ передъ нами!»

(пер. Холодковского).

Фаустъ живетъ въ сердечной симпатіи съ природой; такъ, онъ грустно привѣтствуетъ мѣсяцъ:

«О, еслибъ нынѣ, лунный ликъ,
Ты видѣлъ мой послѣдній мигъ!»

(пер. Холодковского).

и величественнымъ, весеннимъ настроеніемъ дышать прекрасныя слова его во время прогулки:

«Умчались въ море разбитыя льдины;
Живою улыбкой сіяетъ весна;
Весенней красою блистаютъ долины,
Сѣдая зима ослабѣла: въ тѣснины,
Въ высокія горы уходитъ она».

(пер. Холодковского).

и идиллическое вечернее настроеніе, проникнутое спокойствіемъ закатающагося дня:

«Взгляни: ужъ солнце озаряетъ
Сады и хижины прощальными лучами.
Оно уже зашло, скрываясь вдали,
И вновь взойдетъ, природу пробуждая».

(пер. Холодковского).

Оно достигаетъ до желанія, до потребности подчяться надъ предѣлами земли въ неизмѣримую высь и даль, идти по слѣдамъ солнца, — желанія, грустно прорывающагося въ этихъ словахъ:

«О, дайте крылья мнѣ, чтобъ улетѣть съ земли
И мчаться вслѣдъ за нимъ, въ пути не уставая!
И я увидѣлъ-бы средь золота лучей
У ногъ моихъ весь міръ: и спящія долины,
И блескомъ золота горящія вершины,
И съ золотой рѣкой серебряный ручей...
О, духу такъ легко, отъ тѣла отрѣшась,
Нарить свободными крылами!
Для всѣхъ людей бываетъ сладкій часъ,
И духъ нашъ чувствуетъ неясное волненье,
Когда доносится до насъ
Весною жаворонка пѣнье,
Когда съ орлицею своей
Орелъ надъ темнымъ лѣсомъ вьется,
И быстро къ родинѣ несется
Надъ нами стая журавлей».

(пер. Холодковского).

Здѣсь пламенное чувство природы, которое заходящее солнце рождаетъ въ душѣ созерцающаго его, соединяется съ міровой жаждой, которая хотѣла-бы таинственную ширину, громадность и красоту міра охватить однимъ взглядомъ, обозрѣть въ смѣломъ полетѣ и измѣрить. Однако, сущность воззрѣнія Гете на природу не только въ эпоху «Вертера» и первой части «Фауста», но и вообще, обозначается всего лучше монологомъ, который, вѣроятно, былъ написанъ не ранѣе весны 1788 года:

«Могучій духъ, ты все мнѣ, все доставилъ,
О чемъ просилъ я...
Ты далъ мнѣ въ царство чудную природу,
Обнять ее, вкусить мнѣ силы даль;
Не хладное познанье далъ ты мнѣ—
Доволилъ ты въ ея святую грудь,
Какъ въ сердце друга, бросить взглядъ глубокій,
Ты ввелъ меня въ потокъ могучей жизни,
Ты научилъ меня родное что-то видѣть
Въ волнахъ, въ порывахъ вихря, въ тихой рошѣ.

(пер. Холодковского).

Чувство природы у Гете есть не только восторженное отношеніе или почтительное благоговѣніе: это — симпатія въ настоящемъ смыслѣ слова; все кругомъ него не чуждо, а

близко, родственно ему: все исходитъ изъ того-же божества, изъ котораго исходитъ и человѣкъ.

«Моря и горы, небо, рѣки!
Самъ я не ихъ-ли только часть?
Уже-ль во мнѣ, какъ въ человѣкѣ.
Не велика къ природѣ страсть?»

(пер. Минаева).

спрашиваетъ Байронъ. Этотъ благоговѣйный поэтический пантеизмъ выраженъ въ словахъ Фауста:

Кто-бъ могъ, скажи, признаться и прямо не бояться
Сказать: «я вѣрю въ Него»? Онъ, вѣчный Промыслитель
И міра Вседержитель,
Не обнимаетъ-ли, любя, весь міръ — меня, тебя, Себя?
Не сводъ-ли тамъверху небесный? Подъ нами не Его-ль земля?
Не лютъ-ли звѣзды свѣтъ чудесный на землю, рощи и поля?
(пер. Холодковского).

Той-же искренней, симпатической или пантеистической любовью къ природѣ проникнуты стихотворенія, написанныя непосредственно послѣ ветцларскаго періода. Къ нимъ принадлежитъ «Пѣснь Магомета», величественная параллель между гениемъ, пробивающимъ себѣ путь, и потокомъ. Паэось Пиндара и Псалмовъ горитъ въ этой пѣснѣ также, какъ и въ прекрасномъ сравненіи:

«Душа человѣка подобна водѣ:
Отъ тверди нисходитъ, восходитъ на небо
И, вѣчно мѣняясь, опять ниспадаетъ къ родимой землѣ».
(пер. О. Арѣьева).

въ несравненномъ «Странникѣ», въ «Бурной пѣснѣ странника» и всего болѣе въ «Ганимедѣ»:

«Весна, моя милая, какъ озаряешь
Меня ты зарею своей предразсвѣтной!»
(пер. Кроненберга).

Грудь вздымающаяся отъ весенней радости хотѣла-бы излиться въ величественный міръ, хотѣла-бы подняться до вселюбящаго Отца. Вполнѣ вѣрно замѣчаетъ Лёперъ ¹⁾: «Это стихотвореніе есть въ то-же время письмо Вертера (отъ 10-го мая) переложенное въ стихи. Пантеистическая основа его настроенія заключается уже въ «Бурной пѣснѣ странника»: это — не наслажденіе Броккеса, не благоговѣніе Клоппштока,

¹⁾ Goethe's Gedichte II, 329.

не эстетическое наслаждение природой и не изслѣдованіе ея, какъ въ позднѣйшее время, но полное погруженіе въ природу, доходящее до полного сліянія съ стихіями, счастливое сочувствіе имъ».

На Цюрихскомъ озерѣ, 15 іюня 1775 г., Гёте пишетъ слѣдующія теплыя строки:

«И силу въ грудь, и свѣжесть въ кровь
Дыханьемъ вольнымъ люю;
Какъ сладко, мать-природа, вновь
Упасть на грудь твою!»

(пер. Фета).

Также поетъ Эльмира въ «Эрвинъ и Эльмиръ»:

«Подъ кровомъ небосвода
Печаль тоску свою
Въ тебѣ, о мать-природа,
Я полной грудью пью»,

(пер. Холодковского).

Одинъ изъ прекраснѣйшихъ перловъ поэзіи Гете — его стихотвореніе той-же эпохи «Осеннее чувство». Была осень въ его любви къ Лили; печаль еще дрожить въ его сердцѣ — «вѣчно оживляющая любовь», властвующая въ человѣческой груди, на не менѣе того и въ природѣ:

«Васъ (гроздья винограда) грѣетъ, какъ лоно матери,
Прощальный взоръ солнца; васъ обвѣваетъ
Плодотворящая ласка благого неба.
Васъ освѣжаетъ прохладой волшебное дыханіе дружелюбнаго мѣ-
сяца».

Сильное впечатлѣніе, какое оставляетъ это маленькое стихотвореніе, лирическая душа его, заключается въ симпатическомъ сліяніи впечатлѣнія природы съ минутнымъ душевнымъ настроеніемъ; это стихотвореніе, какихъ самъ Гете создалъ немного. Жизнь природы находитъ то звукъ въ его взволнованной груди и въ то-же время его собственное чувство изливается въ природу, одушевляя и оживляя ее. Насколько онъ подчинился вліянію настроенія природы, онъ объясняетъ въ письмѣ къ г-жѣ Ф. Штейнъ (1-го мая 1777 г.): «Я очень хорошо спалъ и вполне бодръ, но у меня на душѣ тихій налетъ грусти... Погода вполне соотвѣтствуетъ моему настроенію, и я начинаю вѣрить, что атмосфера, въ которой я живу, имѣетъ на меня непосредственное вліяніе, и великій міръ всегда проникаетъ мой малый міръ своимъ

настроениемъ». То-же мы видимъ въ тотъ вечеръ, весной 1778 г., когда онъ, одиноко размышляя шелъ по берегу Ильма, и мѣсяцъ бросалъ свой волшебный свѣтъ на окрестность и въ его страстно возбужденное сердце. Кротко и мягко начинаеть онъ чудную пѣснь къ «Мѣсяцу»:

«Снова лѣсъ и доль покрылъ
Блескъ туманный твой:
Онъ мнѣ душу растворилъ
Сладкой тишиной».

(пер. Жуковского).

Течение рѣки, возбуждая воспоминаніе о протекшихъ радостяхъ, грустно настраиваетъ его:

«Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь ужъ отцвѣла.
Такъ надежды пронеслись;
Такъ любовь ушла».

(пер. Жуковского).

Но его грусть утихаетъ: его жизненный челнокъ найдетъ для себя покой въ пристани дружбы. Нѣтъ надобности указывать, какъ гармонически картина природы и настроеніе поэта отбѣняють другъ друга, сколько наглядности, жизни и чувства въ его груди и въ проникнутой этимъ чувствомъ природѣ.

19-го января 1778 г. онъ писалъ г-жѣ Ф. Штейнъ по поводу несчастной судьбы Хр. Ф. Ласберга, утопившагося въ Ильмѣ: «Эта заманчивая грусть имѣетъ въ себѣ что-то опасно влекущее, какъ сама вода и отблескъ звѣздъ неба, которыя свѣтятся намъ и изъ нея, изъ него, и притягиваютъ къ себѣ». Въ томъ-же году былъ написанъ «Рыбакъ»; эта великолѣпная баллада, въ которой каждое слово образъ и мелодія, изображаетъ ничто иное, какъ демоническое очарованіе, какое блестящая, привѣтливо манящая, коварная водяная поверхность, «влажно свѣтлая синева», производятъ на воспримчивую душу. Точно также написанный позднѣе «Лѣсной царь» воспроизводитъ ужасъ сѣрой осенней ночи, таящейся какъ призракъ въ деревьяхъ и кустахъ и заставляющей сердце дрожать печальными предчувствіями и тревогой.

Гете всегда любилъ путешествовать пѣшкомъ и въ семидесятыхъ годахъ много ходилъ около Франкфурта и Страсбурга по Рейну, по Тюрингii и въ горахъ Гарца, («Harzreise», 1777): «Мы поднимались на высокія вершины и за-

ползали въ глубины земли, мы стучались во всѣ скалы». — говорить онъ. вмѣстѣ съ усиливающимся изученіемъ природы возрастаетъ и наслажденіе ею; поэтическое выраженіе послѣдняго въ то-же время принимаетъ болѣе объективную форму; бурная, страстная, даже революціонная субъективность эпохи «Вертера» уступаетъ болѣе спокойному, хотя, въ то-же время, полному души и богатому мыслями воззрѣнію на природу. Этотъ процессъ ясно отражается въ «Швейцарскихъ Письмахъ». Во время перваго путешествія въ Швейцарію въ 1775 году, его духъ, только что высвободившій изъ себя «Вертера», былъ еще въ слишкомъ сильномъ внутреннемъ движеніи, чтобы спокойно и созерцательно наслаждаться природой. Несравненно значительнѣе, зрѣлѣе, даже законченнѣе письма изъ Швейцаріи отъ 1779 г.; они показываютъ намъ воззрѣніе на природу глубокаго, внутренне-просвѣтленнаго, стоящаго на высотѣ своего времени и своего собственнаго развитія, цѣльнаго и великаго человѣка. Гете — первый изъ нѣмецкихъ поэтовъ, на котораго романтическія, покрытыя снѣгомъ и увѣнчанныя ледниками горы оказали полное, возвышенное впечатлѣніе, изображенное имъ съ неподражаемымъ мастерствомъ. Сознательно наслаждается онъ этими могущественными впечатлѣніями, какъ высшимъ и величайшимъ, что можетъ показать намъ природа въ нашихъ странахъ; онъ сознается самъ: «Эти возвышенныя, несравненныя картины природы будутъ всегда стоять передъ моимъ духомъ», и въ частномъ случаѣ, въ виду Савойскихъ и Валлисскихъ горъ, Женевского озера и Монблана онъ восклицаетъ: «Это было великое зрѣлище, почти недосигаемое для человѣческаго глаза».

Письма къ г-жѣ ф. Штейнъ обнимаютъ болѣе отдаленное время, чѣмъ тѣ, какія были включены въ его произведенія и какія отчасти сливаются съ его письмами изъ Швейцаріи. Его сердце со всѣми его движеніями открыто передъ женщиной-другомъ и мы видимъ, какъ онъ проникательно наблюдаетъ все, что находится передъ его глазами, какъ все его захватываетъ и приковываетъ, не исключая и идиллическихъ картинъ. Такъ, въ концѣ сентября онъ пишетъ изъ Зельца: «Необычайно прекрасный день; счастливая страна еще все зеленая: едва кое-гдѣ виденъ желтый листъ бука или дуба. Ивы стоятъ еще во всей ихъ серебряной красотѣ; мягкое, привѣтливое дыханіе вѣетъ по всей

странѣ. Виноградныя гроздья съ каждымъ днемъ и съ каждымъ шагомъ становятся лучше и лучше. Каждый крестьянскій домикъ украшенъ виноградными лозами до самой кровли; съ cadaго дворица свѣшивается обильная, густая зелень. Вѣтерокъ мягкій, теплый, влажный; Рейнъ и ясныя горы вблизи, перемежающіеся лѣса, луга и поля, похожіе на сады, отрадны для человѣка и даютъ мнѣ то пріятное чувство, какого я давно желалъ».

Между тѣмъ, какъ Вертеръ вносилъ въ пейзажъ всю свою мечтательную душу и находилъ въ немъ отраженіе всѣхъ своихъ измѣнчивыхъ ощущеній, Гете созерцаетъ теперь картины швейцарской природы съ спокойствіемъ окрѣпшаго міровоззрѣнія; онъ изображаетъ ихъ перомъ поэта и въ то-же время анализируетъ свое впечатлѣніе, также какъ старается объяснить себѣ въ научномъ смыслѣ образованіе горъ, ледниковъ и горныхъ породъ.

Подавленный зрѣлищемъ водопада у Лаутербруннена, онъ пишетъ отъ 9-го октября 1779 г.: «Облака въ высотѣ разошлись, и черезъ нихъ просвѣчивало голубое небо. На скалистыхъ стѣнахъ облака еще держались, даже глава, откуда ниспадаетъ водопадъ, была слегка окутана. Это весьма возвышенное зрѣлище. Передъ нимъ испытывается тоже, что и передъ всѣмъ великимъ; пока видишь его изображеніе, не знаешь, чего именно желаешь отъ него; но когда находишься передъ нимъ, когда уже нельзя ни изображать, ни описывать, тогда только получаешь настоящую точку зрѣнія. Теперь облака спустились въ долину и покрываютъ всѣ свѣтлыя углубленія. Съ правой стороны еще выступаетъ высокая стѣна, съ которой спускается водопадъ. Наступаетъ ночь.... Въ долину Мюнстера, черезъ которую мы прошли, предметы весьма возвышенны, но соразмѣриѣ съ понятіями человѣческой души, чѣмъ тѣ, къ какимъ мы теперь приближаемся. Передъ слишкомъ великимъ мы всегда слишкомъ малы» ¹⁾. Когда онъ посѣтилъ изъ Туна Бернерскіе ледники и «наслаждался замѣчательными областями совершенно чистыми, въ небесномъ свѣтѣ», онъ пишетъ (14 октября): «Послѣ всего этого трудно писать... Первый взглядъ съ горы въ долину Гасли поразителенъ; мѣстность удивительно обширна и прі-

¹⁾ Briefe an Frau v. Stein I, 188.

ятна... Красота дороги выше всякаго выраженія.... Видъ съ (Бріензскаго) озера на горы Гасли и на снѣговыя горы величественъ». Величавыя скалы и обломки скалъ, зеленыя озера съ носящимся надъ ними паромъ, съ ихъ отраженіемъ и волненіемъ при различномъ освѣщеніи солнца и луны, движеніе облаковъ, однимъ словомъ, все производитъ на него впечатлѣніе возвышеннаго, великаго, прекраснаго. Всего краснорѣчивѣе анализируетъ онъ его въ письмѣ отъ 3-го октября изъ Мюнстерской долины ¹⁾).

«Переѣздъ черезъ эти тѣснины вызвалъ во мнѣ величавое, спокойное чувство. Возвышенное даетъ душѣ прекрасное спокойствіе; она вся наполняется имъ, чувствуетъ себя столь великой, насколько это возможно для нея, и рождаетъ чистое чувство, которое поднимается до краевъ, не переливаясь. Мой взоръ и моя душа могли воспринимать эти предметы и, такъ какъ я былъ чистъ, и это ощущеніе нигдѣ не отражалось фальшиво, то они дѣйствовали такъ, какъ должно. Когда сравниваешь такое чувство съ тѣмъ, какое мы испытываемъ, когда кропотливо вращаемся въ чемъ-либо мелкомъ и стараемся всѣми силами, чтобы его, по возможности, скрывать и собственнымъ созданіемъ доставлять нашему духу радость и пищу, тогда видишь, какъ мы бѣдны душой». Его душа расширяется, и «это даетъ болѣзненную отраду, переполненіе, волнующее душу и вызывающее сладкія слезы... Если-бы судьба принудила меня жить въ великой странѣ, я каждое утро питалъ-бы себя ея величіемъ, извлекая его изъ нея, какъ извлекая терпѣніе и спокойствіе изъ моей любимой долины». И когда онъ думаетъ о томъ, какъ и въ какое время возникли эти скалистыя массы, какіе перевороты ихъ двигали, раздѣляли и раздробляли, онъ высказываетъ: «Глубоко чувствуется, что здѣсь нѣтъ ничего произвольнаго, но медленно двигающій, вѣчный законъ».

На Женевскомъ озерѣ онъ вспоминаетъ о Руссо и восторгается «безконечно прекрасными» берегами, а когда онъ поднимается на Долю и видитъ подъ собой весь Ваадскій кантонъ, и передъ нимъ постепенно появляются озеро, Веве и

¹⁾ См. Briefe an Frau v. Stein. I, 196 и слѣд., совпадающія съ началомъ 2-го отд. «Писемъ изъ Швейцаріи», а также и слѣдующее письмо отъ 5-го ноября.

Лозанна, онъ сознается: «Нѣтъ словъ для величія и красоты этого зрѣлища; рядъ блестящихъ ледяныхъ горъ все болѣе и болѣе приковывалъ къ себѣ взоръ и душу». Въ Клоузѣ онъ наслаждается очаровательнымъ вечеромъ: «Воздухъ былъ теплый, какъ въ началѣ сентября, и страна весьма красива; многія деревья еще зелены, большая часть ихъ буровато-желтаго цвѣта, немногія вполне обнажены, посѣвъ ярко зеленый, горы въ красномъ вечернемъ свѣтѣ розовыя съ фіолетовымъ оттѣнкомъ, и тѣже-же краски на великихъ, прекрасно—плѣнительныхъ формахъ пейзажа». Такъ-же какъ здѣсь яркость красокъ, въ Шамуни его восхищаютъ воздушныя явленія: «Легкіе пары прозрачнаго воздуха, какъ волнистая шерсть, расчесанная воздухомъ, это—нѣчто прозрачное, сотканное изъ свѣта». Поэзія тумана въ горахъ, которымъ онъ особенно любовался съ Коль-де-Бальма (6-го ноября), еще въ сильнѣйшей степени привлекаетъ его въ Лейкербадѣ, у подножія прохода Гемми; онъ пишетъ тамъ отъ 9-го ноября: «Облака, сталкивающіяся въ этомъ мѣстѣ, то покрывающія громадныя скалы и поглощающія ихъ въ непроницаемомъ пустынномъ сумракѣ, то показывающія нѣкоторыя части ихъ какъ привидѣнія, придаютъ этой картинѣ печальную жизнь. Эти дѣйствія природы наполняютъ насъ какимъ-то предчувствіемъ... Чувствуется, какъ вѣчная, внутренняя сила природы таинственно двигается по каждому нерву».

Ужасъ, внушаемый горнымъ уединеніемъ охватываетъ его при переходѣ черезъ Ронскій глетчеръ къ Фурке: «Это былъ странный видъ... въ самой безлюдной странѣ міра, въ громадной, однообразной, покрытой снѣгомъ горной пустынѣ, гдѣ впереди и назади на три часа разстоянія, нѣтъ ни одной живой души, гдѣ съ обѣихъ сторонъ нѣтъ ничего кромѣ обширныхъ пропастей перекрещивающихся горъ—видѣть рядъ людей, изъ которыхъ одинъ вступаетъ въ глубокіе слѣды другого и гдѣ на гладкомъ, пройденномъ пространствѣ ничего не попадаетъ на глаза, кромѣ сдѣланной шагами борозды. Глубины, изъ которыхъ выходишь, кажутся позади въ туманѣ сѣрыми и безконечными. Облака проносятся надъ блѣднымъ солнцемъ, крупныя хлопья снѣга носятся въ глубинѣ и затягиваютъ все вѣчно-подвижнымъ, легкимъ покровомъ». Сумму величественныхъ впечатлѣній, какія производитъ на него альпійская природа онъ выражаетъ такъ: «Чувство столькихъ

связанных между собою чудесъ природы возбуждаетъ глубокое и неизрѣченное наслаждение».

Самый рѣшительный переворотъ въ умственной жизни Гете произошелъ послѣ его путешествія въ Италію, въ 1786—87 гг. Въ его поэтическомъ развитіи этотъ періодъ обозначенъ «Ифигеніей», въ которой отражается его собственный процессъ просвѣтлѣнія, внутреннего подъема къ идеалу античнаго міра. И его воззрѣніе на природу въ это время направилось на другіе пути. Мечтательность Вертера, вызываемая природой, высокій полетъ Фауста надъ предѣлами земнаго міра, прежнее пантеистическое погруженіе въ впечатлѣнія природы уступаетъ болѣе трезвому взгляду на нее; человѣкъ чувства все болѣе и болѣе превращается въ естествоиспытателя и проницательнаго наблюдателя всего реального міра. Самъ Гете сознается въ этомъ въ одномъ изъ писемъ своего «Путешествія по Итали»: «Въ послѣднее время я вижу только предметы, а не то, что около нихъ и вмѣстѣ съ ними, какъ прежде (30 іюня 1787 г.).

Онъ уже не придаетъ картинамъ природы своихъ ощущеній; онъ даже не изучаетъ и не изслѣдуетъ болѣе впечатлѣнія, какое эти картины оставляютъ въ его душѣ. Онъ изображаетъ природу съ объективнымъ спокойствіемъ, такъ-же какъ и все, что онъ видитъ и переживаетъ; почти схематически набрасываетъ онъ свои наблюденія надъ погодой и облаками, расчлененіемъ горъ и горными породами, пейзажами и общественными условіями; въ этихъ замѣткахъ дневника, по извѣстнымъ рубрикамъ, отсутствуетъ почти всякое художественное созданіе; при наблюденіи природы метеорологія, геологія и ботаника берутъ перевѣсъ надъ эстетическимъ отношеніемъ къ ней. Составу почвы изъ глины или образованію горъ изъ кварца, известняка, слюдистаго сланца, гнейса и т. п. отводится болѣе мѣста, чѣмъ красотѣ страны; вопросъ о первичной растительной формѣ болѣе занимаетъ его, чѣмъ зрѣлище великолѣпныхъ древесныхъ группъ. Какъ-же могло произойти, что этотъ юношески-пламенный духъ, создавшій «Вертера», первую часть «Фауста» и столько величественныхъ пѣсенъ, заставилъ себя самъ ограничиться одними «чувственными впечатлѣніями», поставивъ ихъ впереди душевныхъ впечатлѣній? Прежде всего, онъ хотѣлъ «разгладить морщины, образовавшіяся и отпечатлѣвшіяся въ его душѣ» и потомъ Веймарская эпоха съ ея практическою дѣя-

тельностью и постепенно усиливавшимися занятіями естествознаніемъ придавали всему его міровоззрѣнію болѣе реалистическій, положительный, объективный характеръ; какъ онъ говоритъ самъ въ своемъ разсужденіи о гранитѣ, онъ перешелъ «отъ наблюденія и изображенія человѣческаго сердца, этой самой новой разнообразной, подвижной, измѣнчивой и непрочной части творенія, къ наблюденію самаго древняго, твердаго, глубокаго, непоколебимаго произведенія природы.

Субъективный, мечтательный идеализмъ бурной юности уступилъ свое мѣсто соразмѣрному объективному реализму зрѣлаго мужества. Поэтому, письма изъ Италіи уже другого содержанія, чѣмъ письма изъ Швейцаріи 1779 г.; тамъ совершилась его внутренняя метаморфоза: «Между Веймаромъ и Палермо, я испыталъ много перемѣнъ», говоритъ онъ. Все это не исключаетъ, однако, восхищенія той красотой, какая въ Италіи развѣтывалась передъ глазами Гете. Онъ самъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ: «Въ моей природѣ заключается свободное и радостное почитаніе великаго и прекраснаго и развивать эту способность въ виду величественныхъ предметовъ день за днемъ, часъ за часомъ, есть блаженнѣйшее изъ всѣхъ чувствъ».

Онъ наслаждается съ величайшей отрадой «драгоценными» днями, величественностью странъ, открывающихъ его взору совершенно новый міръ. Могушественное впечатлѣніе производитъ на него море. Онъ описываетъ свой выѣздъ на Лидо: «Я слышалъ сильный шумъ: это было море, и вскорѣ я увидалъ его; оно высоко поднималось на берегъ, въ тоже время отступая отъ него: это было время полуденнаго отлива. Такъ я увидалъ море своими глазами и слѣдовалъ за нимъ по тому красивому мягкому руслу, какое оно оставляетъ». Однако, далѣе онъ ограничивается немногими словами: «Море есть великое зрѣлище!»¹⁾ И въ другомъ мѣстѣ онъ довольствуется короткимъ сообщеніемъ: «Я оставилъ Перуджію въ великолѣпное утро и чувствовалъ блаженство вновь быть однимъ. Положеніе города прекрасно; видъ моря въ высшей степени отрадный». Именно въ Римѣ въ его душу тѣснится такъ много

¹⁾ Ср. также изданные нѣсколько лѣтъ тому назадъ «Гётевскимъ обществомъ» (Т. II,) «Tagebücher und Briefe Goethe's aus Italien an Frau v. Stein und Herder» von E. Schmidt, Weimar 1886, S. 150.

новых впечатлѣній, и интересъ, возбуждаемый развалинами, картинами, дворцами, церквами, народной жизнью и проч., такъ разнообразенъ, что онъ едва успѣваетъ перерабатывать его внутри себя, и это, въ особенности, потому, что плодотворное дѣйствіе окружающаго вызываетъ въ его груди все болѣе и болѣе роскошную жизнь. Онъ много рисуетъ; такъ онъ пишетъ въ Фраскати (15 ноября 1786 г.): «Страна весьма привлекательна; это мѣсто лежитъ на холмѣ или скорѣе на горѣ, и каждый шагъ представляетъ живописцу великолѣпнѣйшія мѣстности. Видъ отсюда безграничный: видишь Римъ, лежащимъ передъ собою, а еще далѣе—море; на правой сторонѣ горы Тиволи» ¹⁾ и т. д.

Въ самомъ Римѣ онъ пишетъ, отъ 2-го февраля 1787 г.: «Какъ красивъ Римъ, когда по немъ идешь при лунномъ свѣтѣ,—нельзя имѣть понятія, не видавши его», или во время карнавала 21-го февраля: «Небо столь безконечно-чистое и прекрасное смотрѣло такъ благородно и невинно на эти забавы»; или во время переѣзда въ Сицилію: «Въ полдень мы взошли на корабль и наслаждались, при великолѣпной погодѣ, прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ. Недалеко отъ Моло корветъ стоялъ на якорѣ. При ясномъ солнцѣ атмосфера была наполнена парами; отъ этого отбѣенныя, скалистыя стѣны Сорренто казались прекраснаго голубого цвѣта. Освѣщенный, оживленный Неаполь блестѣлъ всеми красками». И отъ 1-го апрѣля: «Яркій лунный свѣтъ при мутноватомъ небѣ даетъ безконечно-прекрасное отраженіе на морѣ».

Въ остальномъ, Италія и въ особенности Римъ, по крайней мѣрѣ, относительно пейзажа, неба, воздуха, линій и красокъ производили на него такое-же впечатлѣніе, какъ и на многихъ другихъ, пріѣзжавшихъ туда съ сѣвера: онъ только постепенно привыкаетъ и обживается тамъ. Такъ онъ пишетъ во время второго посѣщенія Рима, 16 іюня, 1787 г.: «Еще одно замѣчаніе. Только теперь деревья, скалы, самый Римъ начинаютъ мнѣ нравиться; до этого времени я всегда ихъ чувствовалъ чужими себѣ; напротивъ, меня радовали незначительные предметы, которые имѣли сходство съ тѣми, какіе я видалъ въ юности». Это весьма поучительная мысль. Въ жизни духа все основано на воспріятіи; то настроеніе, ту душу,

¹⁾ Schr. der Goethe-Gesellschaft. Bd. II, S. 220.

какую мы придаемъ вещамъ, то родственное, что органически связывается съ чуждымъ намъ, требуетъ посредства внутренняго роста, расширенія и углубленія внутренняго міра. Еще 18 августа 1787 г. Гете пишетъ: «Вчера я поѣхалъ передъ солнечнымъ закатомъ въ Аква Ачетоза; можно придти въ величайшій восторгъ при видѣ ясности, разнообразія, прозрачности и небеснаго колорита ландшафта, въ особенности, далей». Но, когда онъ, испытывая сильное влеченіе къ одной красивой миланкѣ, вдругъ узнаетъ, что она уже невѣста, онъ обращается въ своей скорби къ «оставленной въ пренебреженіи пейзажной природѣ», онъ старается живописать ее и «полнота тѣлесности, какую показываетъ намъ каждый предметъ въ скалахъ и деревьяхъ, подъемахъ и спускахъ, тихихъ озерахъ, оживленныхъ ручьяхъ, была чувствительнѣе моему глазу, чѣмъ прежде, и я не могъ отнестись непріязненно къ страданію, которое могло въ такой степени обострить мое внутреннее и внѣшнее чувство». (Начало октября 1787 г.).

И когда онъ должепъ разстаться съ Римомъ, въ послѣдніе дни онъ чувствуетъ красоту неба сильнѣе и отчетливѣе, чѣмъ когда-либо: «Три ночи передъ тѣмъ стоялъ полный мѣсяцъ на чистѣйшемъ небѣ, и очарованіе распространяющееся вслѣдствіе того надъ громаднымъ городомъ, столь часто испытанное мною, до нельзя глубоко проникало меня. Большія свѣтотыя массы, чистыя, освѣщенные точно въ мягкій день, со своими контрастами глубокихъ тѣней, разнообразно освѣщенныхъ отраженіями, какъ предчувствіе цѣлаго, приводятъ насъ въ такое состояніе, какъ будто мы видимъ другой, болѣе простой и великій міръ».

Позднѣйшіе путевые дневники, состоящіе изъ краткихъ эскизовъ, еще болѣе объективны и лаконичны; напр.: «Шафгаузенъ 18 сентября: Выѣхалъ рано, въ половинѣ седьмого, чтобы видѣть Рейнскій водопадъ. Зеленый цвѣтъ воды. Причины этого. Высоты были покрыты туманомъ. Глубина была ясна, и замокъ Лауфенъ былъ видѣнъ на половину въ туманѣ. Мысли объ Оссіанѣ. Пристрастіе къ туману при сильныхъ внутреннихъ ощущеніяхъ»; точно также около Бруннена: «Зеленый цвѣтъ озера, крутые берега, ничтожные размѣры пловцовъ въ сравненіи съ громадными скалистыми массами. Видѣлись склоны, поросшіе лѣсомъ, вершины окутанные облаками. Солнечные лучи ложились полосами надъ мѣстностью; чувствовалось лишенное образовъ величіе природы». Тѣмъ не

менѣе, не смотря на сжатость, —какая во всемъ полнота мысли и какая проникательная наблюдательность! Какъ все передано пластично, паглядно, съ полнотою впечатлѣнія! Но онъ самъ ясно чувствуетъ, что въ немъ произошла рѣшительная перемѣна съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ видѣлъ эти страны. Такъ, онъ пишетъ Шиллеру (14 окт. 1797 г.): «Я вспоминалъ объ эффектѣ, какой эти предметы 20 лѣтъ тому назадъ производили на меня; въ общемъ, впечатлѣніе осталось, нѣкоторыя части его угасли, и я чувствовалъ странное желаніе опять повторить и исправить ощущенія того времени. Я сталъ другимъ человѣкомъ, и поэтому предметы должны были также мнѣ казаться иными».

Гёте и послѣ того много путешествовалъ по Гарцу, въ Карльсбадъ, въ Теплицъ, по Майну, въ Маріенбадъ и т. д. Послѣ смерти своихъ лучшихъ друзей: Шиллера и Карла Августа, онъ становился все болѣе и болѣе одинокимъ; все его мышленіе и чувство, по мѣрѣ приближенія старости, становились объективнѣе, а его воззрѣніе на природу научнѣе и абстрактнѣе. Однако, его письмо изъ Гейдельберга, отъ 4-го мая 1808 г. къ г-жѣ Ф. Штейнъ, показываетъ, что онъ и въ старости съ ясностью взора и съ чувствомъ юности наслаждался прекраснымъ въ природѣ: «Вчера вечеромъ, окончивъ работу, я пошелъ одинъ къ замку, гдѣ сперва забрался на развалины, а потомъ на возвышенность, откуда можно обозрѣть всю эту мѣстность. Это былъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ майскихъ вечеровъ и солнечныхъ закатовъ. Этого мало: такимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ я еще никогда не наслаждался! Представь себѣ, что отсюда была видна, открытая съ обѣихъ сторонъ лѣсомъ, виноградниками и расцвѣтающими плодовыми деревьями, прекрасная, но узкая долина Неккара, въ которой Гейдельбергъ тянется къ Неккару. Далѣе долина расширялась, и Рейнъ величественно протекалъ въ отраженіи вечерняго солнца черезъ прекраснѣйшіе луга. Горизонтъ ограничивали, стоявшія какъ въ огнѣ отъ вечерняго солнца, Вогезскія горы, по ту сторону Рейна. Вся долина была покрыта свѣжей зеленью; около меня были громадныя, частью освѣщенныя развалины стараго замка. Ты легко можешь представить себѣ, какъ меня это восхищало. Цѣлые полчаса я стоялъ поглощенный этимъ зрѣлищемъ, пока, наконецъ, меня пробудилъ отъ моихъ мечтаній восходящій мѣсяцъ».

Настоящей лирической эпохой Гете можно считать семидесятые года, передъ путешествіемъ въ Италію; во время и послѣ него драма и эпосъ были поэтическими формами, которыя всего болѣе соотвѣтствовали умственному развитію поэта, затѣмъ баллада и болѣе повѣствовательный родъ лирики. «Я опять нашелъ великолѣпные матеріалы для идиллій, элегій и родственныхъ имъ родовъ поэзіи, какъ-бы они не назывались», пишетъ онъ изъ Швейцаріи въ 1797 г., посылая Шиллеру свое стихотвореніе «Юноша и мельничный ручей».

Лирическія стихотворенія, посвященныя природѣ, становятся рѣдки во время путешествія въ Италію, также какъ и во время поѣздки въ Сицилію въ 1787 г. За это время можно назвать: «Морская тишь» и «Счастливое плаваніе». Но въ концѣ такихъ краткихъ пѣсенъ, проникнутыхъ настроеніемъ природы и души, является удивительная «Вечерняя пѣсня», которую Гете написалъ въ одну сентябрьскую ночь 1780 г. на Гиккельганѣ, около Ильменау. Въ то-же время онъ пишетъ г-жѣ Ф. Штейнъ: «Небо вполне чисто, и я иду радоваться на солнечный закатъ. Видъ величественъ и простъ. Солнце закатилось». Тогда къ нему пришли тѣ несравненные строки, полныя необычайной мелодіи и неподражаемо передающія вечернее настроеніе въ природѣ и въ человѣческой душѣ, которая чувствуетъ, какъ жизнь и все земное стремится къ одной и той-же цѣли:

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной,
Тихія долины
Полны свѣжей мглой.
Не пылитъ дорога,
Не шумятъ листья,
Подожди немного —
Отдохнешь и ты! ¹⁾

«Тишина вечера, затишье желаній въ молчаніи лѣса, разрѣшеніе всѣхъ диссонансовъ въ законченной гармоніи природы, наивный и величественный пантеизмъ души, чувствующей свое единство съ міромъ — все это не имѣетъ особаго

¹⁾ Über allen Gipfeln Ist Ruh, In allen Wipfeln Spürest du Kaum einen Hauch; Die Vögelein schweigen im Walde. Warte nur, balde Ruhest du auch.

выраженія въ «Ночной пѣснѣ странника», но оно звучитъ въ ней, какъ сочетаніе голосовъ въ прекрасной симфоніи». (Шуре).

Въ этой краткой пейзажной картинѣ, полной глубокаго одушевленія, объектъ вполне теряется въ субъектѣ, также какъ этотъ послѣдній вполне претворяется въ природѣ; его нельзя назвать элегически-сентиментальнымъ, хотя онъ и проникнутъ грустью, и нельзя назвать идиллически-чувствительнымъ, хотя отъ него и вѣетъ спокойствіемъ дѣся и вечера: прежде всего мы въ немъ видимъ особый гетевскій пантеизмъ, благодаря которому субъектъ и объектъ, духъ и природа находятся не только въ символическомъ отношеніи между собой, но сливаются въ одно, взаимно проникая другъ друга. Этой «Вечерней пѣсни», «Рыбака» и пѣсни, посвященной лунѣ, было-бы достаточно, чтобы отвести Гете мѣсто величайшаго поэта природы; въ нихъ каждая отдѣльная подробность есть живописный образъ, каждое слово — музыка, и надъ всѣмъ вмѣстѣ лежитъ то очарованіе симпатіи, которое одинаково настраиваетъ природу и душу и проникаетъ пейзажъ душевнымъ чувствомъ.

Гете не только величайшій поэтъ, онъ величайшій и универсальнѣйшій мыслитель новѣйшаго времени. Мы видѣли, какъ въ немъ сливается чувство природы и познаніе ея; если первая, во времена кипучей и зрѣющей юности, достигала въ лирикѣ самаго полнаго и высокаго тона, то послѣднее умѣряло страстность чувства и вмѣстѣ съ возрастомъ, объективнѣе относившемся къ міру, заставляло эстетическое ощущеніе природы отступать передъ научнымъ воззрѣніемъ на нея. Какъ и все духовное развитіе Гете, развитіе его чувства природы вполне гармонично; при всей своей недостигаемости, оно крайне типично для нашего времени; не смотря на рядъ столѣтій, отдѣляющихъ его отъ Гомера и Шекспира, въ своей поэзіи онъ ближе всего стоитъ къ нимъ, также какъ въ философскомъ міровоззрѣніи онъ всего ближе къ Спинозѣ. Но поэзія и философія у него одно, и поэтому гетевскій пантеизмъ несравненно жизненнѣе, несравненно облагороженнѣе поэтическимъ созерцаніемъ, въ сравненіи съ строго математическимъ, абстрактнымъ пантеизмомъ великаго амстердамскаго мыслителя. И выводъ изъ этого поэтическаго пантеизма есть симпатія, созвучіе природы и духа. Гете чувствовалъ себя частью Всесодержашаго, Всеобнимающаго; образомъ Его была для него природа,

любовь къ природѣ была его религіей. Въ юности, въ эпоху «Вертера», «Ганимеда» и первой части «Фауста» этотъ пантеизмъ заключался въ невыразимомъ и неутолимомъ желаніи проникнуть въ общее единство, воспарить надъ облаками, съ любовью охватывающей міръ; въ тихомъ созерцаніи на груди природы, онъ слышитъ, какъ бьется общее сердце, въ высокой травѣ, у ниспадающаго ручья; онъ желаетъ имѣть крылья, чтобы подобно лучамъ солнца носиться надъ землей и моремъ въ неизмѣримой дали, и на швейцарскихъ горахъ чувствуетъ въ своей груди желаніе «ринуться въ безконечное воздушно-пространство, вознестись надъ страшными пропастями и опуститься на неприступныя скалы». Послѣ путешествія въ Италію, мѣсто мечтательнаго поиманія пейзажа и всѣхъ измѣнчивыхъ впечатлѣній природы заступаетъ научное проникновеніе въ нее; любитель природы превращается въ естествоиспытателя; даже символизмъ вытѣсняется въ немъ болѣе абстрактнымъ реалистическимъ воззрѣніемъ. Но никогда не покидало его, даже и въ старческомъ возрастѣ, живое чувство ко всему существующему, теплое одушевленіе природы въ ея красивыхъ и возвышенныхъ формахъ; онъ оставался вѣренъ основнымъ идеямъ Спинозы о безконечности и незыблемости законовъ природы, о всеединствѣ космоса и стремился дать научное основаніе этимъ идеямъ въ непрерывномъ послѣдованіи растительныхъ и животныхъ формъ, въ единеніи «образованіи и преобразованіи всякаго рода органической природы». Такъ, однажды онъ писалъ г-жѣ Ф. Штейнъ: «Я не могу тебѣ выразить какъ ясна для меня становится книга природы. Я долго разбиралъ ее по складамъ, и это помогло мнѣ; теперь все выступаетъ разомъ, и я не могу высказать, какъ велика моя тихая радость. Хотя я пахожу много новаго, я не нахожу ничего неожиданнаго; все подходитъ и все примыкаетъ одно къ другому, потому что у меня нѣтъ никакой системы, и я ничего не желаю кромѣ истины ради нея самой. Вскорѣ для меня будетъ все ясно относительно всего живущаго» ¹⁾). Поэтическое и научное вдохновеніе совпадаютъ у Гете, и общою связью ихъ служитъ пантеизмъ.

Этотъ пантеизмъ означаетъ собою эпоху въ исторіи поэзіи природы. Гете обратилъ ложное воззрѣніе на природу, свойствен-

¹⁾ Julian Schmidt ap. cit. III, 1886 S. 83.

ное его времени, въ свободное, естественное, здоровое и правдивое отношеніе къ ней; онъ обладалъ взглядомъ живописца на пейзажъ, способностью изображать его словомъ и вносить въ него душу въ такой степени, въ какой это не удавалось никому другому; онъ угадалъ и неподражаемо описалъ красоту альпійской природы, значительно превзойдя Руссо и всѣхъ послѣдующихъ изобразителей ея; онъ привелъ въ полное созвучіе чувство природы и познаніе ея; но всѣ эти великія заслуги не исчерпываютъ его значенія, какъ поэта природы. Онъ прошелъ всѣ фазы развитія предшествующихъ вѣковъ, своимъ необычайно воспримчивымъ и преобразовательнымъ духомъ соединилъ въ себѣ все истинное и правдивое, и любовь къ природѣ возвелъ въ поэтически и философски единый, свободный и возвышенный пантеизмъ.

II. Байронъ и Шелли.

Также какъ Гете въ Германіи, лордъ Байронъ въ Англіи направилъ чувство природы на новые пути силою своей демонической геніальности и своего пламеннаго пантеизма. Фантазія великаго Мильтона была слишкомъ пуританскою и библейскою для того, чтобы дать внѣшнему міру самостоятельное значеніе въ поэзіи: природа имѣетъ для него цѣну только по отношенію къ всемогущему Богу. Не находя себѣ мѣста и въ романѣ того времени, она выступаетъ лишь въ меланхолически сантиментальныхъ изліяніяхъ, каковы, напр., Ночныя мысли Юнга ¹⁾. Стихотворенія Оссіана соединяють библей-

¹⁾ «Богиня Ночь простираетъ теперь со своего чернаго престола въ темномъ величьи свой свищовый скипетръ надъ дремлющимъ міромъ. Какая мертвая тишина! Какая глубокая тьма! Ни зрѣніе, ни слухъ ничего не находятъ для себя. Все сотворенное спитъ. Какъ будто общій пульсъ жизни остановился, и природа дѣлаетъ остановку, страшную остановку, предвѣщающую ей конецъ. Ты, Который нарушилъ первую тишину, когда радостно манящія утреннія звѣзды загорѣлись надъ поднявшимся земнымъ шаромъ, о Ты, слово Котораго изъ густой тьмы извлекло искру, солнце, зажги мудрость въ моей душѣ; черезъ эту тьму природы и души, черезъ эту двойную ночь исполни лучъ состраданія, чтобы просвѣтить, ободрить меня» и т. д. (По переводу Эберта—I. A. Ebert. Bd. I, Braunschweig 1760, S. 10).

ское обиліе образовъ и сравненій ¹⁾ съ мечтательностью и грустью; облака, туманъ и вѣтеръ образуютъ призрачныя тѣни для воинственныхъ и страдающихъ героевъ: «Опустились облака ночи на море, на склонѣ Кромлы собирается тьма; сіяніе звѣздъ съ сѣвера поднялось, отражаясь въ сверкающихъ волнахъ. Ихъ мягкое, красное пламя просвѣчивало сквозь дымку, облегающую небо; вѣтеръ вылъ въ лѣсистомъ ущельи; черно и тихо было поле смерти». (Пѣсня VI).

Другое направленіе далъ чувству природы Вордсвортъ (род. 1770 г.). Правда, въ этомъ чувствѣ у него еще сохраняется пасторальная тенденціозность въ предпочтеніи идиллически простой, здоровой сельской жизни; онъ все еще проповѣдуетъ свободное общеніе съ природой и нѣсколько искусственно придаетъ теистическую окраску своей проповѣди, но у него видна настоящая любовь къ природѣ и уже проглядываетъ несомнѣнный пантеизмъ. Онъ рассказываетъ самъ, какъ жизнь съ природой съ ранней поры очистила его духъ отъ страстей: «И это дружеское общеніе не было мнѣ скудео отмѣрено. Въ ноябрьскій день, когда туманъ, сползая внизъ по долину, дѣлаетъ пустыню еще пустыннѣе, въ полдень въ чащѣ лѣса и въ тихомъ покоѣ лѣтнихъ ночей, когда я, на берегу слегка движущагося озера, подъ темными холмами, шелъ домой въ уединеніи—я могъ говорить съ природой. И въ холодную пору года, когда солнце купалось въ морѣ и сквозь сумракъ окошки хижинъ свѣтились за цѣлую милю, я не пренебрегалъ этимъ призывомъ»... ²⁾.

Съ Клопштоковскимъ энтузіазмомъ прославляетъ онъ поэтическую прелесть катанья на конькахъ: «На востокъ звѣзды сверкали ярко, между тѣмъ какъ на западѣ золотое облако вечера тихо потухало». Но еще характернѣе признаніе поэта

¹⁾ «Его конь было какъ ель на расщелинѣ горы; какъ поднимающійся мѣсяцъ, таковъ былъ его щитъ; онъ сидѣлъ на берегу на утесѣ, какъ туманъ, остановившійся надъ горою... Какъ лѣсной потокъ съ шумомъ выбѣгаетъ изъ дикой долины, такъ повернулъ со склона горъ рядъ витязей въ горделивомъ движеніи... Ты, какъ свѣтъ горы, твои русыя кудри завиваются прекраснѣе чѣмъ туманъ Кромлы на холмѣ при яркомъ сіяніи вечерняго солнца... Поднялись мужи, брядая оружіемъ, какъ высятся голубой хребетъ волны, когда океанъ бушуетъ подъ ураганомъ» и т. д.

²⁾ Brandes op. cit. IV, S. 69.

въ «Tintern Abbey»: «Послѣ того какъ миновали грубья радости моего отрочества и его веселыя игры, однимъ и всѣмъ сдѣлалась для меня природа. Я не могу описать, чѣмъ я былъ тогда. Шумящій водопадъ очаровывалъ меня, какъ страсть; высокая скала, гора, густой, тѣнисто-темный лѣсъ, ихъ видъ, ихъ краски были для меня прелестью, любовью, чувствомъ, которое не требовало чтобы его выманивать рядами мыслей, и не было интереса, который исходилъ-бы отъ чего нибудь, кромѣ зрѣнія ¹⁾».

Здѣсь слышатся уже звуки, которые только сильнѣе звучать у Байрона, и при томъ открытый пантеизмъ души, чувствующій свое единство со всѣмъ что окружаетъ ее въ природѣ. Также какъ В. Скоттъ ²⁾ Шотландію, Муръ—Ирландію, и Вордсвортъ старался изобразить сторону и людей Англіи съ возможной вѣрностью природѣ. Этимъ онъ отличается отъ Байрона и Шелли, которые бѣжали отъ тѣснаго горизонта родины и стремились въ далекія страны, и отъ Соути (род. въ 1774), котораго «Талаба» начинается величественнымъ изображеніемъ ночи въ пустынѣ: «Какъ величественна ночь! Росистая свѣжесть наполняетъ тихій воздухъ; его не мучить нигдѣ туманъ, нигдѣ облачко не прерываетъ ясности неба. Въ своемъ великолѣпіи катится полный мѣсяцъ тамъ, въ голубой глубинѣ. Въ его лучахъ покоится бурый кругъ пустыни, окруженный небомъ, какъ океанъ! Какъ величественна природа!» ³⁾.

Все, что предшествовавшая англійская поэзія даетъ въ отношеніи изображенія природы, кажется дѣтски невиннымъ, въ сравненіи съ революционными звуками лиры Байрона. Въ немъ проповѣдь Руссо превращается въ поэію. Бѣгство отъ людей, меланхолія, стремленіе къ неограниченной свободѣ, къ полному возвышенію своего «я» были свойственны этимъ обоимъ умамъ, которые никогда не могли выработаться до гётевской гармоніи. Ихъ страстному сердцу болѣе всего соотвѣтствуетъ возмущенная, дикая, пустынная природа. Даже тамъ, гдѣ они отдаются мягкой прелести идиллическаго пей-

¹⁾ Brandes op. cit. S. 71.

²⁾ Всего болѣе его «Дѣва озера» проникнута дыханіемъ лѣса и горъ безъ морализированія Вордсворта и безъ Байроновской страстности.

³⁾ Brandes S. 69.

зажа, по большей части примѣшивается у нихъ горькое чувство противоположности злему и грубому человѣческому міру, отъ котораго они бѣжали. Байронъ такъ и не пережилъ бурнаго настроенія юности; происходившее въ немъ броженіе не пришло къ гармоническому просвѣтлѣнію; его любовь къ природѣ, являющаяся страстной любовью ко всему міру съ самымъ пламеннымъ пантеизмомъ, всегда была отравлена мизантропией и пессимизмомъ, горькой міровой скорбью, подобно сладкому плоду, источиваемому червемъ. Природа служитъ единственной утѣшительницей для Байрона, когда онъ отворачивается отъ людей. Онъ сдѣлалъ это сперва изъ гордости, изъ себялюбія, а потомъ, когда лондонскій свѣтъ оттолкнулъ и проклялъ его, вмѣсто того чтобы лежать у его ногъ, его нелюбимость обратилась въ отвращеніе и ненависть, а желаніе слиться съ природой — въ меланхолію. Но «хотя то сердце, въ которомъ отражается все, поражено болѣзнію, оно остается неизмѣримо глубокимъ; душевная жизнь, которая все одушевляя, привлекаетъ къ себѣ, усиливается и считаетъ и чувствуетъ все только частью самой себя». (Беттгеръ).

Основная черта поэзіи природы Байрона есть возмущеніе, стихійная страстность. И эта страстность субъективности и индивидуализма, какой міръ еще не зналъ до него, соединялась у него съ безпредѣльнымъ могуществомъ поэтическаго генія, который, точно играя, выбрасывалъ одну благозвучную строфу за другою. Усталое общество Лондона было точно оглушено мелодіей словъ и новаго рода чувствомъ, когда появились первыя пѣсни «Чайльдъ-Гарольда» этого перваго, вполне современнаго странника-мечтателя. Лирика природы, изобразительность и сила ощущеній, сливающихся въ этой поэмѣ не имѣютъ себѣ равной. Какъ шумъ волнъ звучать для читателя великолѣпные стихи прощанія съ родиной 1, 12:

«Надулись паруса; какъ будто вторя
Его желаньямъ, вѣтеръ рѣзче сталъ —
(пер. П. А. Козлова).

«Когда-же солнце скрылось въ море,
Герой нашъ въ руки арфу взялъ
Которой радости и горе
Въ уединеньи повѣрять» —
(пер. Д. Минаева).

«Прости! Родимый берегъ мой
Въ лазури тонетъ волнъ;
Бушуетъ вѣтръ, реветъ прибой;

Крикъ чайки грусти полнъ.
Въ пучинѣ солнце гаситъ свѣтъ;
За нимъ намъ вслѣдъ идти;
Обоимъ вамъ я шлю привѣтъ!
Мой край родной, прости!» ¹⁾

(пер. П. А. Козлова).

Онъ восхищается красотой Лузитаніи, наслаждаясь обширными видами и ихъ разнообразіемъ, 15:

«О Боже! благодатными дарами
Ты этотъ край волшебный надѣлил!
Въ садахъ деревья гнутся подъ плодами,
Въ его горахъ ты міръ сокровищъ скрылъ.....
Крутой утесъ съ красивымъ рядомъ келій;
Сожженный солнцемъ мохъ на скатахъ кручъ;
Лѣсъ, выросшій надъ бездною; мракъ ущелій,
Куда не проникаетъ солнца лучъ;—
Лазурь морской волны, что сладко спитъ;
Здѣсь виноградъ, тамъ возлѣ рѣчки ивы,—
Все это тѣшить взоръ, сливаясь въ чудный видъ». ²⁾

(перев. П. А. Козлова).

Но, какъ ни красива страна, гдѣ

«бродя по горамъ, мѣстностью былъ очарованъ онъ,» ³⁾

(пер. Козлова).

его влечетъ дальше:

«такъ вѣкъ порхать для ласточки законъ»

(пер. Козлова).

безъ цѣли онъ стремится далѣе. Онъ вполне чувствуетъ красоту нѣжнаго, идиллическаго въ природѣ, I, 33:

«Между нами пробѣгаетъ
Едва замѣтный ручеекъ.....»

(пер. Минаева).

¹⁾ The sails were fill'd, and fair the light winds blew, As glad to waft him from his native home—But when the sun was sinking in the sea He seized his harp, which he at times could string—Adieu, adieu, my native share Fades o'er the waters blue; The night — winds sigh, the breakers roar And shrieks the wild sea-mew. To Sun that sets upon the sea We follow in his flight. Farewell awhile to him and thee My native land—Good night!

²⁾ Mix'd in one nightly scene, with varied beauty glow.

³⁾ c. 30: O'er, vales that teem with fruits, romantic hills.

«Со стадомъ является настухъ порою тамъ,
Презрительнымъ окидывая взглядомъ
Мѣста, принадлежащія врагамъ».

(пер. Козлова).

Онъ наслаждается красотою темно-голубого моря, прохладнымъ свѣжимъ воздухомъ, прекрасной ночью съ борта своего корабля, II, 21:

«Взошла луна. Клянусь, нѣтъ мочи
Мнѣ не хвалить такую ночь!...
Геката блѣдными лучами
Теперь равно насъ серебрить...
Испанскій берегъ одинокій
Открылся взорамъ, и луна
Лѣса и скалы освѣщала. ¹⁾

(перев. Минаева).

Онъ мечтательно прислоняется къ борту,

«омываемому пѣной морской, любуясь
луною въ сѣяньи волнъ»,

вполнѣ забываясь и сознавая въ тихомъ, мирномъ уединеніи этого часа, какъ одинокъ и оставленъ всѣми тотъ

«Кто въ шумномъ вихрѣ свѣта
Никѣмъ не знаемъ, не любимъ,
Не вѣдалъ теплаго участя...
Лишь только тотъ
Сказать-бы съ тайнымъ вздохомъ могъ,
Что онъ на свѣтѣ одинокъ».

(пер. Минаева).

Въ его гордости, въ его гнѣвѣ всего болѣе ему говоритъ природа; онъ вполнѣ чувствуетъ себя ея сыномъ II, 37:

«Природа мать! ты намъ дороже
Всего... Мѣняя часто видъ,
Ты каждый разъ встаешь моложе,
И образъ твой къ себѣ манить.
Своимъ величіемъ умѣла
Сердца людей тревожить ты,

¹⁾ The moon is up; by Heaven, a lovely eve! Long streams of light o'er dancing waves expand; c. 22: How softly an the Spanish shore she plays, Disclosing rock, and slope, and forest brown, Distinct...

Когда искусство не посмѣло
Тревожить дикой красоты.
Ты мнѣ перѣдко улыбалась
Въ глухую ночь, при блескѣ дня,
Но больше тѣшило меня,
Когда ты бурей раздражалась ¹⁾...

Ночью или днемъ, при блескѣ солнца или при «священномъ свѣтѣ мѣсяца», въ лѣсу или на морѣ, Гарольдъ повсюду умѣетъ подмѣтить всѣ оттѣнки красоты природы; то волна шумитъ для него «меланхолически» подъ кормой корабля, то восторгается онъ магической прелестью, одинаково облекающей скалы, лѣсъ, горы и потокъ (II, 48):

«Чу! звучный ропотъ водопада
Дробится звономъ серебра....
Эти скалы, эти горы —
Какъ ни отвѣсны, ни страшны, —
А все-жъ манить къ себѣ должны.

(пер. Минаева).

Его пѣсня исполнена поэтической наблюдательности и одушевляющаго созерцанія, когда онъ говоритъ (II, 70):

Онъ видитъ бухту. Въ ней лѣниво
Смиряетъ ропотъ свой волна;
Тамъ, на холмѣ, вблизи залива,
Темнѣетъ зелень.... Ночь темна;
Кустарникъ вѣтеръ чуть колышетъ
И, пробѣгая по волнѣ,
Въ нее съ любовной лаской дышитъ,
Къ ней льнетъ въ полночной тишинѣ.
Гарольдъ глядитъ. Картина эта,
Гдѣ все въ дремотѣ сладкой спитъ,

¹⁾ Dear Natur is the Kindest mother still, Though always changing,
in her aspect mild; From her bare broom let me take my fill, Her never-
wean'd, though not her favour'd child. Oh! she is fairest in her fea-
tures wild, Where nothing polish'd dores pollute her path: To me by
day or night she ever smiled, Though I have mark'd her when none,
other hath, And sought her more and more, and loved her best in
wrath.

(пер. Минаева).

Въ немъ наслажденье шевелить
И шопотъ тихаго привѣта.

(пер. Минаева) ¹⁾.

Море—это конь, который его несетъ; ему доставляетъ наслажденіе, когда этотъ конь становится на дыбы, онъ хотѣлъ-бы приласкать гривы волнъ; на голубомъ, струящемся морѣ онъ чувствуетъ себя дома, потому что все болѣе и болѣе сознаетъ онъ, отверженный, что онъ «не годится для сношенія съ людьми», (III, 12), и свое переполненное ненавистью къ людямъ сердце кладетъ на грудь природы, чувствуетъ, какъ въ ней бьется такая-же жизнь, чувствуетъ въ глубинѣ души свое родство съ ней. Онъ пантеистически сознаетъ свое единство съ священной матерью природой, сознаетъ себя братомъ всѣхъ ея созданій въ лѣсу и въ полѣ (III, 13):

«Его друзьями были скалы,
Отчизной — гордый океанъ;
Гдѣ небо ясное сверкало,
Тамъ онъ любилъ скитаться нынѣ,
Исполненъ страсти и огня.
Лѣса, пещеры и пустыни,
Напѣвы волкъ, сверканья дня, —
Его друзьями только были,
И ихъ таинственный языкъ
Онъ понималъ лучше многихъ книгъ, —
И въ блескѣ тающихъ озеръ
Онъ забывалъ весь книжный вздоръ».

(пер. Минаева) ¹⁾.

¹⁾ Where lone Utraikey forms its circling cave, And weary waves
retire to gleam at rest, How brown the foliage of the green hill's grove,
Nodding at midnight o'er the calm bay's breast, As winds came lightly
wispering from the west, Kissing, not reffling, the blue deep's serene...
Ср. «Островъ» II, 6.

¹⁾ Where rose the mountains, there to him were friends; Where
roll'd the ocean, thereon was his home; Where a blue sky and glowing
clime extends, He had the passion and the power to roam; The desert,
farest, cavern, breaker's fram, Were unto him companionship; they
spake A mutual language, clearer than the tame Of his land's tongue,
which he would oft forsake For Nature's pages glass'd by susbeams an
the lake.

Онъ признается также с. 72.

«Я самъ — ничто; я есть частица
Того, что вижу лишь вокругъ;
Мнѣ шепчутъ сказки, горы, дугъ...
Лишь пробуждаетъ содроганье
Во мнѣ жизнь въ шумныхъ городахъ.
Нѣтъ въ мірѣ злѣе наказанья,
Какъ быть овцой въ людскихъ стадахъ,
Тогда какъ духъ свободный рвется
Къ слиянью съ небомъ, съ цѣнью горъ,
Его влечетъ полей просторъ,
Къ полочнымъ звѣздамъ онъ несется, —
И хочетъ — власти не дано —
Съ природой жить онъ заодно».

(пер. Минаева).

А III с. 75 онъ спрашиваетъ:

«Моря и горы, небо, рѣки!
Самъ я не ихъ-ли только часть?
Уже-ль во мнѣ, какъ въ человѣкѣ,
Не велика къ природѣ страсть?» ¹⁾

(пер. Минаева).

Любовь къ природѣ, искренняя симпатія со всѣми стихійными существами становятся у него священной страстью. На горахъ его наполняетъ чувство свободы:

«Да, это зло людской судьбины!
Смотрю я съ ужасомъ вокругъ
На заселенныя равнины,
Какъ на вѣютъ скорбей и мукъ».

(III. 73. пер. Минаева).

На снѣговыхъ фирнахъ Альпъ ему кажется престолъ вѣчности. Онъ прославляетъ и Рейнъ,

«Гдѣ роскошная природа не весела и не мрачна,
Хотя дика, но не страшна»...
«Но предо мною Альпы встали —
Природы вѣчные дворцы —

¹⁾ Are not the mountains, waves and skies, a part Of me and of my soul, as I of them? Is not the love of these deep in my heart With a pure passion? should I not condemn All objects, if compared with these?

И облака отъ глазъ скрывали
Вершинъ ихъ снѣжные гѣнцы.
Откуда лавина спадаетъ,
Какъ громъ все руша впереди.
Что духъ людей живить, смущаетъ, —
Все есть въ ихъ каменной груди,
Они какъ будто тѣмъ гордятся,
Что близко къ небу подошли; —
И до предѣловъ тѣхъ высотъ
Никто изъ смертныхъ не дойдетъ» ¹⁾.

(пер. Минаева),

На Женевскомъ озерѣ ему представляется, что съ звѣздъ
спускается роса любви —

«Вы небо поэзія, звѣзды!»....
«Земля и небо молчаливы,
Чуть дышать, но еще не спать.
Такъ, затаивъ свои порывы,
Глядимъ и мы. Они молчатъ,
Какъ мы въ минуту размышленья».... ²⁾

(пер. Минаева).

Онъ видитъ какъ эти войска звѣздъ вѣютъ полною жизнью
на скалы и на волны:

«Ни одного вѣтъ дуновенья,
Луча иль лишняго листка,
Гдѣ-бъ жизнь природы не сказалась,
Одно-бы имя не шепталось;
Не повторялось безъ конца:
То имя Вѣчнаго Творца.

(пер. Минаева).

На молчаливомъ берегу онъ чувствуетъ дыханье того-

¹⁾ But these recede. Above me are the Alps, The palaces of Nature, whose vast walls, Have pinnaced in clouds their snowy scalps, And throned Eternity in icy halls Of cold sublimity, where forms and falls The avalanche — the thunderbolt of snow! All that expands the spirit, yet appals, Gather around these summits, as to shaw How Earth may pience to Heaven, yet leave vain man below. (с. 62).

²⁾ Ср. «Каинъ» II, 1: «О, ты, прекрасный и неизрѣченный эфиръ, вы, безчисленныя толпы звѣздъ — какъ вы прекрасны! Какъ тихи и обширны эти міры!

же духа, который живетъ въ его груди и ликуеть, въ могучую морскую бурю, которая такъ сурово - строга и величественно-прекрасна» вмѣстѣ съ родственными стихіями (III, 93).

И это ночью! Не дана ты
Для сна плѣнительная ночь!
Позволь ловить твои раскаты,
Съ тобою слиться! Сонъ мой прочь!
Вотъ волны вспыхнули при блескѣ,
Дождь крупный каплетъ по землѣ, —
А пѣсни горъ все такъ-же рѣзки,
Громъ разсыпается во мглѣ,
Какъ гулъ неистоваго смѣха, —
И пробѣгая по холмамъ,
То раздается здѣсь, то тамъ,
И славно радуется эхо,
Какъ будто-бы оно съ высотъ
Землетрясеніе ведетъ.....
Куда-жь вы бури, мчитесь? Или
Вы тѣ-же, что въ людской груди
Живутъ всегда? Иль вы открыли
Себѣ пріюты, какъ орлы
Въ вѣнцѣ заоблачной скалы.

(пер. Минаева).

И когда просыпается росистое утро,

«Его улыбка прогоняетъ
Съ небесъ туманъ и облака»,
«Въ немъ столько счастья и силы,
Какъ будто на землѣ у насъ
Ужъ не единой нѣтъ могилы».

(пер. Минаева).

Въ Кларансѣ (99), онъ чувствуетъ, какъ въ воздухѣ дрожитъ дыханіе любви, даже, какъ побѣгъ дерева исходить отъ любви:

«Кларансъ! пріютъ любви священной!
Твой воздухъ ею напоенъ,
Твой снѣгъ, на скалахъ неизмѣнный,
Ея румянцемъ поглощенъ,
И солнца розовыя краски
Ему приносятъ съ высоты
Одну печать любовной ласки....

Тамъ звучно ропщеть водопадъ,
Шумять вселенныя дубравы;
Тамъ ночки албы твердятъ
О красотѣ природы вѣчной
И славятъ вѣчную весну....
Все составляетъ мысль одну
Въ картинѣ этой безконечной,
Одну гармонію чудесь
Земли цвѣтущей и небесъ.

(пер. Минаева).

Но его сердце полно ранъ и рубцовъ, нанесенныхъ скорбью;
все пробуждаетъ въ немъ прежнія страданія (IV, 23):

«Но муки вѣчныя, безъ стона
Надолго сдержанныя въ насъ,
Какъ боль отъ жала скорпіона,
Къ намъ возвращаются не разъ.
Одинъ намекъ, пустое слово.....
Звукъ, пота пѣсни музыкальной
Іюльскій вечеръ, ночь, луна,
Букетъ, цвѣтовъ, зефиръ, волна,
Веселый видъ и видъ печальный —
Все можетъ рану въ насъ раскрыть
И скорби цѣпь зашевелить».

(пер. Минаева).

«Среди руинъ живой руиной» онъ стоитъ въ Римѣ, «гдѣ
подъ землей почила сила и рядъ имперій».... не смотря на
то «самой природой ты (Италія) хранима! Искусства — твой
священный кладъ! Ты всѣхъ дивишь еще понынѣ безсмерт-
ной прелестью своей.... Ты велика въ своемъ паденіи»....

Угадывая въ бурѣ ту-же стихійную силу страсти, какую
онъ чувствуетъ въ своей груди, онъ замѣчаетъ муку и тре-
вогу своего сердца повсюду въ природѣ; даже маленькое
озеро Неми кажется ему затихшимъ, какъ сдержанная нена-
висть, а *Caduta delle marmore* въ Велино, недалеко отъ
Сполето и Терни, онъ описываетъ такъ (IV, 69):

«Но чу! ревъ водъ. Съ вершинъ Велино
Спадая въ бездну, водопадъ,
Реветь и пѣнится. Картина
Совсѣмъ нова: то водный адъ,

Гдѣ волны, словно въ адской мукѣ,
Со стономъ прядуютъ, кипятъ,
И брызги бьютъ изъ-за громадъ —
(То Флегетона слышны звуки)
И составляютъ скалы кругъ, —
Откуда кверху бьютъ каскады,
Наводятъ страхъ и ужасъ вдругъ
И въ бѣшенствѣ, лома преграды,
Ихъ пѣнистый кипучій валъ
На волю рвется изъ-за скалъ
И брызги къ облакамъ бросаетъ,
Откуда падаетъ дождемъ....
Волна неистово-дика
Въ скачкахъ гигантскихъ. Вотъ бѣлѣтъ
Рядъ скалъ, раздавшихся предъ ней
Среди недвижныхъ камней
Волна пробила въ нихъ ущелья
И, прорываясь сквозь гранитъ,
Такою массою бѣжитъ....
Вотъ новый видъ открылся взглядамъ:
Съ одной вершины до другой,
При блескѣ солнца, надъ каскадомъ
Явилась радуга дугой —
Подобна радостной надеждѣ
Надъ смертнымъ ложемъ — и горитъ
Въ свой сіяющей одеждѣ».

Ужаснымъ скелетомъ представляется ему Италія съ разрушенными стѣнами, храмами, дворцами, галереями и городами; но въ то-же время онъ наслаждается поэзіей, облекающей эти руины; въ особенности,

«Когда луна надъ этимъ сводомъ
Глубокой полночью всплываетъ,
Заблещутъ звѣзды хороводомъ,
И вѣтерокъ ночной пахнетъ».

(144).

Основной аккордъ всѣхъ его настроеній въ ихъ пестрой измѣнчивости остается однимъ и тѣмъ-же.

«Ты природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать

И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ».

(пер. Батюшкова).

Языкъ моря слушаегъ онъ охотнѣе, чѣмъ шумъ городской суеты; онъ понимаетъ таинственную, ужасную мелодію бури, которая бичуетъ море и разбиваетъ волны въ пыль; разрушительная стихія соотвѣтствуетъ его собственному возмущенному чувству. (IV, 179):

«Бѣгите-жь, волны океана!
Васъ бороздили корабли,
И человѣкъ, гроза земли,
Робѣлъ предъ вами: громъ, бураны,
Крушеніе гордыхъ кораблей, —
Вотъ чѣмъ встрѣчали вы людей!
И человѣкъ, какъ капли въ морѣ,
Терялся въ водномъ просторѣ,
Въ волнахъ безслѣдно пропадалъ,
Потративъ бесполезно силы,
И въ океанѣ умиралъ
Безъ погребенья, безъ могилы,
Безъ скорбныхъ почестей земли,
Отъ милой родины вдали».

(пер. Минаева).

Море, на струнахъ котораго вѣтеръ играетъ, какъ на Золовой арфѣ ¹⁾ или по струнамъ котораго буря бѣжитъ, какъ звукъ органа, высокое небо со своими звѣздами и облаками кажутся ему прекраснѣе земли («Сарданапалъ V, I), и онъ страстно любитъ горы, которыя возвышенно поднимаютъ къ небу надъ земной скорбью свои спокойно-прекрасныя снѣжныя вершины. Еще въ юности природа лѣсистыхъ возвышенностей Шотландіи вдохнула въ него любовь къ величественному горному міру. Онъ самъ признается въ этомъ въ тепломъ воспоминаніи («Островъ» II, 12):

«Что-бы насъ не отдѣляло отъ счастья дѣтства, всегда оглядываешься охотно на это время; кто уже ребенкомъ вос-

¹⁾ Ср. «Островъ» II, 18: «Ночной воздухъ, который, звуча какъ арфа, разбивается о скалы и деревья, струны природы, лучшей гармоніи луговъ, которой, какъ хоръ, вторитъ эхо....

хищался синею Гаэланд, тотъ любитъ каждую возвышенность, украшенную такимъ-же цвѣтомъ, привѣтствуетъ каждую скалу горячо, какъ друга и обнимаетъ гору любящей душой» ¹⁾).

Байронъ отчетливо выражаетъ происхожденіе всякаго рода одушевленія природы, когда онъ тамъ-же (16) сводитъ его къ дѣйствию того-же духа, который живетъ во всемъ и проявленія котораго принимаютъ лишь различные образы въ лѣсу и горахъ, въ звѣздахъ и на небѣ, въ растеніи и въ человѣкѣ: «Какъ часто мы забываемъ время въ уединеніи, въ восторгѣ передъ величественной природой, когда изъ лѣса, воды, луга и свѣта ея духъ такъ мощно говоритъ намъ: развѣ не живетъ гора, звѣзда, и развѣ волны не одушевлены? Развѣ сводъ пещеры не имѣетъ чувства, когда изъ него проступаютъ тихія слезы? Безъ сомнѣнія онѣ зовутъ насъ въ свои сферы, освобождаютъ отъ пыли времени и погружаютъ душу въ нѣдра міроваго цѣлаго».

Такимъ образомъ, какъ у Гете въ «Вертерѣ» и «Фаустѣ» чувство природы у Байрона основано на пантеистической симпатіи. Но, въ міросозерцаніи обоихъ поэтовъ есть основное различіе: между тѣмъ какъ Гете пережилъ бурный періодъ и достигъ гармонической ясности и зрѣлости духа, у Байрона къ каждому ощущенію примѣшиваются меланхолія и мизантропія; онъ можетъ быть названъ отцомъ современной міровой скорби.

Байрона сравниваютъ съ блестящимъ метеоромъ, который свѣтилъ только недолгое время и затѣмъ внезапно угасъ; это сравненіе, пожалуй, еще болѣе подходитъ къ Шелли, самому впечатлительному изъ всѣхъ новѣйшихъ лириковъ. Его сердце полное чувства, должно было оживлять и одушевлять все, что онъ видѣлъ — облака и вѣтры на небѣ, цвѣты и растенія на землѣ, волны въ морѣ; именно, съ отдаленнѣйшими явленіями съ воздушными образами онъ чувствуетъ на-

¹⁾ Ср. «Небо и Земля» I, 3, гдѣ Іафетъ обращается къ Кавказу: «Вы, пустыни, столь безконечныя, вы, пропасти, кажущіяся неизмѣримыми и вы, горы, ужасныя въ своей красѣ, сюда въ суровое величіе скалъ и деревьевъ, которыя глубоко коренясь въ камняхъ висятъ надъ крутымъ склономъ, гдѣ дрогнула-бы нога человѣка, онъ могъ провизгнуть....

ибольшую близость и умѣть неподражаемо истолковывать ихъ возвышенную красоту.

Видъ природы оцѣняетъ его; какъ листья мимозы дрожать фибры его души; вѣяніе всепроникающаго духа прикасаясь къ нему, электризуетъ его; всѣ впечатлѣнія онъ воспринимаетъ съ крайнею нервною чувствительностью: ему-бы хотѣлось разлиться, разойтись, разсѣяться, подобно пару въ дыханіи вѣтра. Его фантазія, возбужденная природой, имѣетъ пантеистическій, даже космическій характеръ; подобно тому, какъ настроенію Байрона отвѣчаетъ всего болѣе величественное и вмѣстѣ съ тѣмъ дикое, разрушающее — море во время бури, водопадъ съ бѣшено-хлещущими, точно гонимыми страхомъ водяными массами — и Шелли приковываетъ къ себѣ великое, обширное, отдаленное, но, прежде всего, своей благородной возвышенностью, своей священной простотой, своей спокойной величавостью ¹⁾).

Со всѣмъ жаромъ своей души любить онъ море, въ особенности въ его величественномъ покоѣ. Такъ онъ поетъ: ²⁾ «Солнце тепло и море тихо; съ улыбкою смотритъ небо; синеву острововъ, снѣгъ горъ, увѣнчиваетъ золотой блескъ вечера.... Какъ звѣздный потокъ, синева волнъ тихо плещетъ въ край берега.... Приливъ блеститъ искрами, какъ свѣтящаяся руда, и въ вечернемъ пожарѣ искры поднимаются къ берегу.... Да, здѣсь даже отчаяніе мягко, какъ шумъ вечера, море и рѣка; какъ усталое дитя, хотѣлъ-бы я выплакать эту жизнь полную досады, которую я переносилъ и долженъ нести пока смерть приведетъ ко мнѣ дремоту, пока въ тепломъ потокѣ вѣтерка мой духъ сольется съ міромъ, и море убавляетъ мой слухъ своимъ послѣднимъ пѣвучимъ ропотомъ».

Такъ и должно было случиться. Ему суждено было умереть въ объятіяхъ моря, и на морскомъ берегу Байронъ сжегъ бранныя останки великаго поэта. Природа была его возлюбленной, его богиней. Въ прекрасныхъ словахъ выражаетъ онъ непреодолимое влеченіе человѣка къ симпатіи и говоритъ

¹⁾ Такъ Брандесъ говоритъ (тамъ-же 341): «Своею близостью съ великими образами и движеніями природы Шелли походитъ на Байрона, но онъ походитъ на него, какъ свѣтлокудрый геній на темноволосаго, какъ Аріэль походитъ на пламеносящаго ангела утренней звѣзды.

²⁾ Brandes op. cit 339.

по собственному горькому опыту, что весьма естественно «для насъ, оставленныхъ, окруженныхъ несочувствующими намъ людьми, любить цвѣты, свѣжую зелень, воду, небо, краснорѣчіе вѣтра и мелодію волнъ, съ восхищеніемъ, подобнымъ тому, съ какимъ мы слушаемъ голосъ возлюбленной, пѣніе которой звучитъ только для насъ однихъ». Растенія и животныхъ онъ называетъ своими возлюбленными братьями и сестрами; «его пульсъ бьется въ таинственной симпатіи съ пульсомъ природы» (Брандесъ). На его памятникъ въ Римѣ, его жена надъ именемъ ея возлюбленнаго поэта помѣстила только слова «Cor cordium». Это вполне справедливо для его отношенія къ природѣ. Онъ чувствовалъ единство своего сердца съ сердцемъ міра, съ духомъ всей природы.

Между тѣмъ, какъ современные ему поэты (Вордсвортъ, Кольриджъ, Борнсъ, Муръ и др.), мечтаютъ о лѣсахъ и поляхъ, о розахъ и лиліяхъ, о ручьяхъ и рѣкахъ, фантазію Шелли волнуютъ исполинскіе образы мірового цѣлаго. Его чувство природы хочется назвать космическимъ, когда читаешь его удивительное стихотвореніе «Облако», гдѣ онъ съ величавой силой и наглядностью олицетворенія придаетъ облаку всѣ свойства человѣческой души. Мягко и дружественно роныетъ оно росу на цвѣты, бросаетъ легкія тѣни на дремлющія луга и колеблетъ крыльями, чтобы принести утренній привѣтъ птицамъ, спящимъ на груди матери; оно гордо проѣзжаетъ на бѣломъ конѣ черезъ зеленое поле, смѣясь посылаетъ дождь въ сопровожденіи грома или сѣетъ снѣжными хлопьями на кудри горъ, такъ что сосна содрогается и трещитъ («охваченная рукою вѣтра на снѣжно-бѣломъ ложѣ я спала цѣлую ночь») или набрасываетъ мостъ отъ одного мыса до другого и шумитъ надъ бушующимъ моремъ: «Я крѣпко передъ стрѣлами солнца и—колоннами окружаю горы. Боги воздушнаго царства, снѣгъ, огонь и вѣтеръ стелются подъ моею колесницей, и я вступаю черезъ почетную арку, исполненную самаго пестраго великолѣпія, въ которой свѣтила сферъ блестятъ своими красками, между тѣмъ какъ смѣется опьяненная земля. Я—дитя воды и земли и питаюсь небеснымъ свѣтомъ».

Мы видимъ здѣсь не болѣзненно возбужденную рефлексію, какъ это часто бываетъ у Байрона, а геніальную напвность наглядно творящей фантазіи, въ которой столько-же великаго и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтскаго, какъ и въ первобитной, видя-

щей только образы и говорящей только образами, мифологической фантазии. Справедливо говорить Брандесъ: «Когда облако говорить о той дѣвѣ, облеченной въ бѣлое пламя, которую смертные называютъ луной, которая скользитъ по косматому ковру, и незримыя ноги которой легкими шагами, слышными лишь ангеламъ, разрываютъ ткань своей тонкой палатки, или когда оно поетъ о кровавомъ солнечномъ восходѣ, тогда поэтъ, силою первобытной свѣжести своей фантазіи, переноситъ читателей въ то время, когда явленія природы только-что пре-вращались въ мифы».

И въ самомъ величественномъ изъ стихотвореній Шелли въ «Одѣ къ западному вѣтру» выступаетъ тоже настроеніе, столь родственное мифамъ, когда поэтъ обращается къ западному вѣтру: «Ты, чье теченіе на темно-непогодливомъ небѣ несетъ разорванныя облака, листья съ вѣтвей мірового дерева», и когда онъ говоритъ о кудряхъ бури, которыя развѣваются по воздушному, лазурному полю, какъ свѣтлыя волосы, поднимающіеся на головѣ разгнѣванной Менады. Онъ называетъ его вздохомъ осени, возницею, который сметаетъ мертвые листья, красныя, черныя, желтыя толпы добычи лихорадокъ и чумы, — и прикрываетъ ихъ какъ маленькіе трупы. Онъ взываетъ къ нему: «Услышь меня, о, услышь того, кто тебя зоветъ!» Онъ чувствуетъ себя родственнымъ и близкимъ оживляющему и разрушающему духу вѣтра: «Если-бъ я былъ мертвымъ листомъ, который ты можешь унести; если-бы я былъ быстрымъ облакомъ, которое могло-бы улетѣть съ тобою; или волной, которая уступаетъ твоей силѣ и раздѣляетъ порывъ твоей мощи, будучи менѣе свободна чѣмъ ты, о, неукротимый... О подними меня, какъ волну, какъ листъ, какъ облако! Я поверженъ на терніи жизни, я истекаю кровью! Тяжесть времени сковала и согнула подобнаго тебѣ—непокорнаго, порывистаго и гордаго» ¹⁾. Какой образной поэзіей, какой скорбью проникнуты заключительныя строфы: «Сдѣлай изъ меня свою лиру, какою служить для тебя лѣсъ: пусть и мои листья

¹⁾ If I were a dead leaf thou mightest bear; If I were a swift cloud to fly with thee; A wave to pant beneath thy power, and share. The impulse of the strength, only less free The thou, O uncontrollable!.. Oh! lift me as a wave, a leaf, a cloud! I fall upon the thorns of life! I bleed! A heavy weight of hours has chained and bowed One too like thee: tame less and swift and proud.

также упадутъ, какъ и его. Шумъ твоихъ могучихъ мелодій извлечетъ изъ насъ обоихъ низкій осенній тонъ, сладостный, хотя и печальный. Будь-же яростный духъ моимъ духомъ; пусть я буду тобой, неустойчивый! Разнеси мои мертвыя мысли по свѣту, какъ увядшіе листья, чтобы они вызвали новую жизнь; развеи мелодіей этого стиха, какъ пепелъ и искры изъ незагасшаго очага, мои слова среди человѣчества! Будь черезъ посредство моихъ устъ трубой пророка для непрснувшей земли! О вѣтеръ, если идетъ зима, весна вѣдь не можетъ быть далеко» ¹⁾).

Такъ Шелли наполняетъ каждую стихію душевной жизнью и вдыхаетъ въ нихъ свое чувство, свой духъ, угадывая всюду любовь и симпатію. Также какъ облако въ объятіяхъ своей возлюбленной бури покоится на снѣжномъ ложѣ, какъ западный вѣтеръ, бывшій осенью могильщикомъ, весною полный любви, вызываетъ новую жизнь въ деревьяхъ и на лугу, такъ (въ другихъ стихотвореніяхъ) мѣсяцъ поетъ восторженныя любовныя пѣсни землѣ, и озера любятъ рѣки, которыя исчезаютъ въ ихъ ложѣ; земля жалуется осенью и весною на похоронныя процессіи природы—однимъ словомъ, во всемъ господствуетъ любовь, и во всемъ поэтъ чувствуетъ любовь. «Я любилъ всегда, говоритъ онъ, землю въ зеленой весенней одеждѣ, ночь въ сверканіи звѣздъ, осенній вечеръ и золотой сумракъ молодого утра. Я люблю снѣгъ и образы возникающіе на льду, волны, вѣтеръ, силу бури,—все что исходитъ отъ природы и не сбито съ пути бѣдствіемъ чловѣка» ²⁾).

Любовь ко всему міру, симпатія со всеміи явленіями природы и пантеизмъ составляютъ сущность воззрѣнія на природу у Гете, Байрона и Шелли. Последніе рано сошли въ могилу, не достигнувъ полной гармоніи между мыслью и чув-

¹⁾ Make me thy lyre, even as the forest is: What if my leaves are folling like its own! The tumult of thy mighty harmonies Will take from both a deep autumnal tone, Sweet though in sadness. Be thou, spirit fierce, My spirit! Be thou me, impetuous one! Drive my dead thoughts over the universe Like Withered leaves to quicken a new birth; And, by the incantation of this verse scatter, as from an unextinguished hearth Ashes and sparks, my words among mankind! Be through my lips to unawakened earth The trumpet of a prophecy! O wind, If Winter comes, can Spring be far behind.

²⁾ Brandes op. cit. 352.

ствомъ, и нѣкоторая примѣсь горечи осталась въ ихъ пѣсняхъ о природѣ. Они были величайшими лириками Англіи. Теперь мы перейдемъ къ Франціи.

II. Ламартинъ и Викторъ Гюго.

Руссо указалъ Франціи красоту въ пейзажѣ, а Б. де-С. Пьерръ поэтически изобразилъ ее не только въ «Павлѣ и Виргиніи», но и въ «Индѣйской хижинѣ» и въ «Этюдахъ природы». Если послѣднимъ не доставало теоретической глубины, естественно-научнаго познанія природы, то, съ другой стороны, у Бюффона, вполне обладавшаго этимъ познаніемъ не было гармоническаго сліянія изображенія природы съ выраженіемъ возбужденнаго чувства; какъ говоритъ Гумбольдтъ, «ему почти совсѣмъ недостаетъ того, откуда вытекають таинственныя аналогіи между душевными движеніями и явленіями чувственнаго міра» ¹⁾. Это свойство въ законченной современной формѣ представляетъ намъ Шатобріанъ. Свое «я» онъ выдвигаетъ на первый планъ передъ природой, но всякая пейзажная картина проникнута у него индивидуальнымъ чувствомъ. Одинаково съ Руссо, мы видимъ у него меланхолію, внутреннее безпокойство, частью неутомимое стремленіе къ безконечному, частью міровую скорбь, но его не привлекаетъ романтическая красота высокихъ горъ, которыя онъ называетъ «давящими массами», за единственнымъ исключеніемъ, когда горы составляютъ задній планъ пейзажа. Однако, онъ мечтаетъ о пустынной дѣвственной природѣ, какая встрѣтила его въ Америкѣ въ первобытныхъ лѣсахъ, на исполинскомъ потокѣ Миссисипи, и въ особенности, о морѣ. Его Рене, этотъ настоящій французскій романтикъ, этотъ отчасти страстный, отчасти разочарованный, неудовлетворенный философъ, считающій себя мѣриломъ всѣхъ вещей, этотъ «измощденный культурный человѣкъ», котораго бросаетъ всюду «волна страстей», относится къ морю, къ природѣ вообще, какъ къ возлюбленной ²⁾. Онъ говоритъ: «Созерцая волны, я не видѣлъ Бога въ величіи Его твореній. Я видѣлъ незна-

¹⁾ Humboldt Cosmos II, 66.

²⁾ Laprade 370.

комую женщину, и чудеса ея улыбки, красоты неба казались мнѣ исходящими отъ ея дыханія: я отдалъ-бы вѣчность за одну ея ласку. Я представлялъ себѣ, что она трепещетъ за этой міровой завѣсой, скрывавшей ее отъ моихъ взоровъ. О, зачѣмъ было не въ моей власти разорвать завѣсу, чтобы прижать этотъ идеалъ женщины къ моему сердцу, чтобы сгорѣть на ея груди въ этой любви, источникъ моихъ вдохновеній, моего отчаянія и моей жизни!»

Между тѣмъ какъ субъективность и мечтательное отношеніе къ природѣ и у Шатобріана, и у Ламартина напоминаютъ намъ нѣмецкихъ романтиковъ, основной аккордъ послѣднихъ составляетъ пантеизмъ, а у французскихъ романтиковъ—теизмъ. Послѣ бурь французской революціи, которая старалась также радикально низвергнуть религію, какъ и все прочее, существовавшее до нея, наступила реакція; христіанство съ новой силой и теплотой пробудилось въ сердцахъ и вызвало усиленную внутреннюю жизнь, которая восторженно и неустанно прославляла природу какъ отраженіе творческихъ идей Бога. Такъ Шатобріанъ говоритъ въ своемъ «*Génie du Christianisme*» ¹⁾: «Истинный Богъ вступая въ Свои творенія далъ природѣ Свою безконечность... Въ человѣкѣ есть инстинктъ, который приводитъ его въ связь съ картинами природы ²⁾».

Ламартинъ—сентиментальный мечтатель, почти не находящій словъ, чтобы передать свои возвышенныя мысли, теряющіяся въ туманномъ чувствѣ. Онъ съ благоговѣніемъ и грустью погружается въ природу: вечеръ, лунная и звѣздная ночь составляютъ самые священные часы для его «Размышленій» («*Méditations*»). Онъ ищетъ отрѣшенности, уединенія ³⁾, оставляетъ свой взоръ блуждать по равнинѣ: «Здѣсь шумитъ прекрасная рѣка съ бѣлыми, пѣнистыми волнами; она шумитъ и шумитъ, теряясь въ темной дали; ея текучее серебро привлекло тихое озеро туда, въ ту мѣстность, гдѣ блеститъ въ синевѣ вечерняя звѣзда. Горы, украшенныя чер-

¹⁾ Laprade 384.

²⁾ Le vrai Dieu, en entrant dans ses oeuvres, a donné son immensité à la nature... il y a dans l'homme un instinct, qui le met en rapport avec les scènes de la nature.

³⁾ L'isolement.

ными лѣсами, едва освѣщены однимъ лучомъ въ полумракѣ; царица тѣней въ своей туманной колесницѣ уже поднимается, и край горизонта блѣднѣетъ». Подобная-же картина рисуется въ IV стихотвореніи: «Приближается вечеръ въ глубокомъ молчаніи; уже я вижу какъ загорается Венера, звѣзда любви, облитая нѣжнымъ, таинственнымъ блескомъ, какъ бѣлое покрывало на зеленой травѣ. Я слышу, какъ живутъ здѣсь нѣжныя вѣтки темно-лиственнаго бука, такъ мягко, тихо, почти неслышно, какъ носятъ тѣни надъ могилами».

Звѣздный свѣтъ въ темнотѣ почи кажется поэту единственнымъ товарищемъ, и онъ относится къ нему какъ къ божьему послу: «Спускаешься-ли ты изъ воздушныхъ высотъ, чтобы утѣшить глубокую тоску въ груди, раскрыть загадку сферъ, куда день опять отзываетъ тебя?»

XIII стихотвореніе полно скорби воспоминаній о прекрасныхъ протекшихъ часахъ; онъ спрашиваетъ у озера—помнитъ-ли оно, какъ онъ со своей возлюбленной плавалъ въ тишинѣ по его волнамъ? «Такъ тихо было кругомъ на далекомъ пространствѣ, и даже звукъ весла, которое проводило на тебѣ свою колею, былъ почти не слышенъ... О, озеро, нѣмыя скалы, гроты, темныя лѣса!.. Вы, которыхъ время падить и опять обновляетъ, сохраните объ этой ночи, сохрани, прекрасная природа, по крайней мѣрѣ воспоминаніе!.. Пусть шумящій вѣтеръ, вздыхающій тростникъ, легкія благоуханія твоего надушеннаго воздуха, все что слышишь, видишь, чѣмъ дышешь, пусть все скажетъ: они любили!» ¹⁾).

Настоящее религіозное чувство природы выражается въ XVI «Méditation», «Молитва»: «Властитель дня находится въ своемъ блескѣ; онъ медленно спускается съ побѣдной колесницы; блистающее облако укрываетъ его отъ нашего взора, золотыми полосами обозначается его слѣдъ». Всплываетъ мѣсяцъ, его блѣдныя лучи покоятся на лугу, и покрывало ночи душисто растилается надъ землею: «Это часъ, когда природа отдается на минуту духовному созерцанію, между спускаю-

¹⁾ O lac, rochers muets! grottes! forests obscurs!.. Gardez de cette nuit, gardez, belle nature Au moins le souvenir!.. Que le vent qui gémît, le roseau qui soupire, Que les parfums légers de ton air embaumé, que tout ce qu'on entend, l'on voit ou l'on respire, Tout dire: ils ont aimé.

щейся ночью и убѣгающимъ днемъ, поднимается къ Творцу дня и ночи и какъ-будто приноситъ Богу, говоря съ нимъ своимъ блескомъ, величественную жертву творенія. Это громадная, всемірная жертва! Міръ есть храмъ, земля—алтарь, небеса—куполь» ¹⁾).

Поэтъ сознаетъ, что только человѣческій умъ дастъ душу природѣ: «Голосъ міра есть мое собственное мыслящее существо, которое съ солнечнымъ лучомъ и съ полетомъ вѣтра поднимается къ Богу». Въ другомъ мѣстѣ (XXI), вечерній часъ располагаетъ его къ меланхоліи; онъ переноситъ ее и въ настроеніе природы: «Тихая волна умираетъ у края берега; уже опускаются тѣни плотнѣе и плотнѣе надъ далекимъ моремъ, вездѣ и кругомъ глубокое молчаніе. Это часъ, когда погружаясь въ себя, грусть въ тихомъ размышленіи сидитъ на одинокомъ берегу». Осенью въ умирающей природѣ, въ умирающей листьѣ онъ видитъ отраженіе страданія, грусти своего собственного сердца (XXIX). Онъ любитъ природу какъ друга; ея смерть — для него разлука съ другомъ: «Природа умираетъ... Это прощаніе друга, это послѣдняя улыбка устъ, которыя смерть закрыла навсегда» ²⁾).

Звѣзды особенно любимыя товарищи его уединенія (XXXIV); онъ старается въ мерцающихъ лучахъ, падающихъ въ его сердце угадать, что они чувствуютъ сами. Въ Искіи (XXXIX) онъ видитъ, какъ мѣсяцъ заливаетъ волны своимъ серебрянымъ свѣтомъ, и лучи его покоятся въ долинахъ; рокотъ волнъ кажется ему нѣжнымъ, какъ дыханіе спящаго ребенка: «Приди сюда, чтобы окунуться въ этотъ потокъ жизни, уииться каждымъ чувствомъ, прелестью ночи».

Мысли о скоротечности, составляющей удѣлъ всего земного, проникаютъ и природу; объ этомъ вздыхаютъ и волна, и тростникъ на берегу (XLVI): «Волна, цѣлующая этотъ берегъ, на что она жалуется ему? Почему тростникъ на берегу, почему ручей подъ тѣнью листьевъ издаютъ такіе печальные

¹⁾ C'est l'heure, où la nature, un moment recueillie, Entre la nuit qui tombe et le jour qui s'enfuit, S'élève au créateur du jour et de la nuit Et semble offrir à Dieu; dans son brillant langage, De la création le magnifique hommage. Voilà le sacrifice immense, universel! L'univers est le temple et la terre est l'autel, Les cieux en son le dome.

²⁾ La nature expire... c'est l'adieu d'un ami, c'est le dernier sourire des lèvres que la mort a fermés pour jamais.

звуки? О чемъ стонетъ горлица? Все родится, все проходитъ» ¹⁾. Море любитъ онъ, какъ подругу юности (L), какъ вѣрную возлюбленную; онъ отдастъ себя укачивать его волнамъ; онъ любитъ, когда подъ дыханіемъ зефира, берегъ какъ будто смѣется и «когда буря гладитъ твою поднимающуюся грудь».

Такое мечтательное созерцаніе природы, такое мягкое, грустное погруженіе въ доставляемая ею впечатлѣнія, такая искренняя жизнь съ природой были совершенно неизвѣстны прежней французской литературѣ; но Руссо открылъ для нея новый путь, и теплая струя, полная жизни и чувства, пробилась и во французской поэзіи природы. Подобно пантеистическимъ поэтамъ—Гёте, Байрону и Шелли и теистическій Ламартинъ живетъ въ общеніи съ природой, въ особенности, съ звѣздами и съ моремъ, какъ съ другомъ или возлюбленной. То-же міровоззрѣніе выказываетъ и Викторъ Гюго, но его поэзія пластичнѣе и яснѣе, чѣмъ мягкая, мечтательная поэзія Ламартина. Мы можемъ здѣсь только вкратцѣ коснуться сборника его лучшихъ стихотвореній, «Les feuilles d'automne».

Викторъ Гюго—настоящій лирикъ, знающій тайный языкъ природы и человѣческое страданіе. Чисто фаустовскимъ духомъ вѣетъ отъ прекраснаго стихотворенія (V) «Ce qu'on entend sur la montagne». Поэтъ видитъ и слышитъ болѣе, чѣмъ обыкновенные смертные; онъ рассказываетъ здѣсь, какъ онъ поднялся однажды на вершину горы и съ одной стороны отъ него была земля, а съ другой море. Тамъ онъ слышалъ голосъ, какой никогда не исходитъ изъ человѣческихъ устъ; въ мощномъ шумѣ онъ различаетъ два звука: «Одинъ исходилъ отъ моря, пѣсня славы! Гимнъ счастія! Это былъ голосъ волнъ, которыя говорили между собою... Величественный океанъ издавалъ голосъ радостный и мирный, пѣлъ какъ арфа въ храмахъ Сіона и восхвалялъ красоту творенія». Напротивъ, другой голосъ былъ «Плачь и крики! оскорбленія, проклятія... Это были плачущіе земля и человѣкъ! Одинъ голосъ гово-

¹⁾ L'onde qui baise ce rivage De quoi se plaint elle à ses bards? Pourquoi le roseau sur la plage, Pourquoi le ruisseau sous l'ombrage Rendent, ils de tristes accords? De quoi gémit la tourtourelle? Tout nait, tout passe.

рилъ — Природа, а другой — Человѣчество!!» ¹⁾ Въ этой мысли много возвышенности и глубины и здѣсь-же мы находимъ прекрасныя одушевленія волнъ и моря, въ которомъ сосредоточивается красота природы. Гюго, также какъ Ламартину, море и звѣздное небо кажутся всего возвышеннѣе въ природѣ, возвыщающими всего яснѣе величіе Творца. Онъ вспоминаетъ объ Августинѣ, который болѣе, чѣмъ во всей природѣ, видѣлъ Бога въ морѣ и въ небѣ. Вотъ эти прекрасныя строфы, трудно поддающіяся переводу:

«Я былъ одинъ взблизилъ волнъ, въ звѣздную ночь: ни облака въ небѣ, ни паруса въ морѣ; и лѣса, и горы, и вся природа, казалось, вопрошали смутнымъ шопотомъ волны моря, огни неба. И золотыя звѣзды, безконечныя легіоны, то громкимъ, то тихимъ голосомъ съ тысячею мелодій говорили, склоняя свои огненные вѣнцы, и голубыя волны, пенаправляемыя и неудержимыя говорили, сгибая свой пѣнистый хребетъ: Это Господь Богъ, Господь Богъ!» ²⁾.

Когда все спитъ, онъ сидитъ благоговѣйно подъ звѣзднымъ небомъ, подъ могучимъ сводомъ (XXI) и слышитъ голоса, доносящіеся съ вышины, изъ далекихъ, чуждыхъ міровъ; его восхищаетъ блистательное зрѣлище свѣтящагося неба, какое ночь даетъ міру, и такъ какъ человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ того, чтобы не относить все къ самому себѣ, онъ признается: «Часто тогда я думалъ... что это я ничтожная

¹⁾ L'une venait des mers, chant de gloire! hymne heureux! C'était la voix des flots qui se parlaient entre eux — Or... l'océan magnifique Etendait une voix joyeuse et pacifique. Chantait comme la harpe aux temples de Sion Et louait la beauté de la création... Pleurs et cris! L'injure, l'anathème... C'était la terre et l'homme qui pleuraient! L'une disait: Nature! et l'autre: Humanité!!

²⁾ J'étais seul près de flots par une nuit d'étoiles,
Pas un nuage aux cieux, sur les mers pas de voiles,
Et les bois et les monts et toute la nature
Semblaient interroger dans confu murmure
Les flots des mers, les feux du ciel.
Et les étoiles d'or, légions infinies,
A voix haute, à voix basse, avec mille harmonies
Disaient en inclinant leurs couronnes de feu
Et les flots bleus, que rien gouverne et n'arrête,
Disaient en recourbant l'écume de leur crête:
C'est le Seigneur Dieu le Seigneur Dieu!

тѣнь, темная и молчаливая—таинственный царь ночного великолѣбія, что небо зажигалось для меня одного!» ¹⁾

Онъ и самъ сознаетъ, что не всѣ поэты умѣютъ такъ истолковывать природу, какъ онъ; онъ обращаетъ ихъ (XXXIII) къ этому вѣчно струящемуся источнику красоты и необыкновенно удачно выражаетъ основное условіе всякой радости, всякаго наслажденія, доставляемаго природой, а именно, что наши идеи и духъ, наша душа и настроеніе должны находиться въ извѣстномъ отношеніи къ природѣ для того, чтобы заставить говорить нѣмое и оживить мертвое: «Если въ васъ живыхъ и возбужденныхъ есть внутренній міръ образовъ, мыслей, чувствъ, любви, горячей страсти, чтобы оплодотворить этотъ міръ, обмѣнивайтесь имъ безпрестанно съ другимъ видимымъ міромъ, который васъ поражаетъ! Смѣшайте всю вашу душу съ твореніемъ... Пусть подъ нашими могучими перстами изливается природа, этотъ громадный музыкальный инструментъ» ²⁾.

Это какъ нельзя болѣе справедливо. Поэтъ долженъ располагать цѣлымъ міромъ идей по отношенію къ міру явленій, и тогда всѣмъ звукамъ его души вторить эхо природы. Великій Строитель міра настроилъ нашу душу и природу на одинъ и тотъ-же тонъ и подъ волшебнымъ жезломъ поэта струны той и другой звучатъ въ величественной гармоніи. Хотя въ лирикѣ Виктора Гюго не мало пышныхъ образовъ, горделивыхъ и въ то-же время холодныхъ, развертывающихся въ великолѣпныхъ періодахъ, но такъ какъ онъ повсюду чувствуетъ душевную, божественную жизнь и раскрываетъ ее своимъ поэтическимъ вдохновеніемъ, то онъ стоитъ близко къ тому поэтическому пантеизму, какой мы видѣли у величайшихъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ нашего времени ³⁾

¹⁾ Souvent alors j'ai cru... Que j'étais, moi, vaine ombre obscure et taciturne, Le roi mystérieux de la pompe nocturne, Que le ciel pour moi seul s'était illuminé!

²⁾ Si vous avez en vous, vivantes et pressées, Un monde intérieur d'images, de pensées De sentiments, d'amour, d'ardente passion, Pour féconder ce monde, échangez le sans cesse Avec l'autre univers visible qui vous presse! Mêlez toute votre âme à la création... Que sous nos doigts puissants exhale la nature, Cet immense clavier!

³⁾ Даже Лапразъ говоритъ (419): «Его религіозная формула есть вопросъ; его мысль есть сомнѣніе... Художникъ обожествляетъ каждую

и который составляет также основу настроенія нѣмецкихъ романтиковъ.

III. Нѣмецкіе романтики.

Шиллеръ не обладалъ тѣмъ коренящимся въ глубинѣ души лирическимъ гениемъ, какъ Гёте; его сила заключалась не въ пѣснѣ, но вмѣстѣ съ драмой въ эпико-дидактической поэзіи, не въ лирикѣ чувства, а въ лирикѣ мыслей; поэтому, его чувство природы выражается преимущественно теоретически или въ случайныхъ картинахъ среди эпическихъ и драматическихъ произведеній. Впрочемъ въ его сантиментальномъ періодѣ природа заставляетъ его мечтать не менѣе, чѣмъ его чувствительныхъ современниковъ; такъ, въ стихотвореніи «Вечеръ» ¹⁾ онъ говоритъ: «Ахъ, какъ усталые вечерніе лучи раскрашиваютъ волнующіяся облака! Какъ вечернія облака рисуются тамъ въ нѣдрахъ серебряныхъ волнъ! О, какъ это зрѣлище меня восхищаетъ» ²⁾! Въ любовномъ восторгѣ онъ находитъ «Жаръ солнечнаго восхода, горящимъ въ золотыхъ взорахъ» его Лауры.

Такая восторженная напыщенность нисколько не походитъ на замѣчательно удачное изображеніе природы, полное объективной, настоящей жизни, въ болѣе крупныхъ поэмахъ, каково напр., изображеніе пучины въ «Кубкѣ», гдѣ неподражаемо нарисованъ крутящійся водоворотъ, или—безконечнаго дождя, который заставляетъ вздуться рѣки и ручьи,—серебристо-свѣтлаго ручейка, который утоляетъ жаждущаго, или вечера въ «Bürgschaft», также какъ пейзажныхъ картинъ въ «Теллѣ» и въ «Прогулкѣ», гдѣ разнообразно мѣняющаяся обстановка «становится рамкой для извѣстнаго рода феноме-

подробность. Его пантеизмъ прилагается не только къ совокупности вещей; Богъ въ дѣйствительности вмѣщается для него въ каждомъ клочкѣ вещества, въ самомъ нечистомъ животномъ... Это религія столь-же старая, какъ и падшее человѣчество; она ясно и просто называется фетишизмомъ (!).

¹⁾ Въ Balth. Hang's Schwöb. Magazin 1776; другое стихотвореніе подъ тѣмъ-же заглавіемъ, въ клоштокковскомъ родѣ, гораздо нагляднѣе.

²⁾ Na, wie die müden Abendstrahlen Das wallende Gewölk bemalen! Wie dort die Abendwolken sich Im Schatz der Silberwellen malen! O Anblick, wie entzückst du mich!

нологіи человѣчества», какъ выражается Юліанъ Шмидтъ. Интересъ Шиллера къ природѣ основывается болѣе на размышленіи, чѣмъ на наблюденіи и имѣетъ, въ сущности, философско-моральное направленіе ¹⁾. Природа для него равносильна естественности; поэта близкаго къ природѣ онъ называетъ наивнымъ, а такого, который прилагаетъ къ ней искусство, — сантиментальнымъ, но онъ не замѣчаетъ того, что древній міръ не всегда оставался наивнымъ, и что не всѣ повѣйшіе поэты сантиментальны. Какъ ученикъ Руссо, Шиллеръ ясно чувствуетъ противоположеніе природы и искусства, и для него всего пріятнѣе уединеніе, куда не «приходитъ человѣкъ со своей мукой»: «Хорошо тому, блаженнымъ долженъ я считать того, кто въ тиши деревенскаго луга, далеко отъ запутанныхъ круговъ жизни, какъ дитя, лежитъ на груди природы».

Самымъ сантиментальнымъ поэтомъ природы въ шиллеровскомъ смыслѣ слѣдуетъ признать Жана Поля Рихтера. Идиллическій поэтъ соединяется въ немъ съ юмористомъ и сатирикомъ; пейзажи его романовъ всегда имѣютъ идиллическій, простодушный характеръ: это—всегда горы, деревни и долины, но какихъ замѣчательныхъ результатовъ онъ умѣетъ достигать съ помощью простыхъ, ежедневно повторяющихся

¹⁾ Въ своемъ разсужденіи о стихотвореніяхъ Маттиссона, онъ говоритъ: «Пейзажная природа должна служить для выраженія идей. Тогда мертвыя буквы природы становятся живымъ языкомъ духа и внѣшній и внутренній взоръ читаютъ одинаковыя письма явленій совершенно различнымъ образомъ. Та пріятная гармонія образовъ, звуковъ и свѣта, которая восхищаетъ эстетическое чувство, въ то-же время удовлетворяетъ и нравственное». Въ стихотвореніяхъ Маттиссона онъ находитъ выполненными всѣ существенныя условія пейзажной поэзіи: правдивость и наглядность, музыкальную красоту и духовность. «Характеръ его музы есть кроткая грусть и нѣкоторая созерцательная мечтательность, къ которымъ уединеніе и прекрасная природа такъ легко располагаютъ чувствительнаго человѣка... Для этого нужно сердце, сдружившееся съ высшей красотой, нужно сохранить среди всѣхъ вліяній утонченнѣйшей культуры ту простоту чувствъ, безъ которой не можетъ быть никакого достоинства». Шиллеръ ставитъ Маттиссона слишкомъ высоко; его стихотворенія — простое изображеніе, срисовываніе внѣшнихъ предметовъ, скорѣе длинное, расплывчатое описаніе, чѣмъ внутреннее проникновеніе образомъ и чувствомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно сравнить стихотвореніе Гете «Къ мѣсяцу» съ стихотвореніемъ Маттиссона «Лунныя картины».

процессовъ природы. У него все исполнено горячаго чувства; повсюду выступаетъ восточная пышность образовъ, безумно смѣлое богатство метафоръ, самое пестрое смѣшеніе понятій: почти нигдѣ пейзажъ у него не изображается помимо дѣйствія романа; каждый солнечный восходъ или закатъ («совсѣмъ волшебствомъ освѣщенія», какъ выражается Готшалль) ¹⁾ проникнуть глубиною ощущенія, исполненныхъ чувства героевъ. Эти послѣдніе одушевлены самымъ живымъ отношеніемъ къ природѣ; всѣ чувства ихъ отражаются въ ней; вселенная и человѣческая душа составляютъ для нихъ нѣчто единое и находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи между собою. Въ этомъ и заключается пантеистическая черта міровоззрѣнія Ж. П. Рихтера. Каждому человѣку, говоритъ онъ, во «Введеніи въ эстетику» ²⁾ является другая природа, и все дѣло въ томъ, кому она кажется прекраснѣе; природа для человѣка находится въ процессѣ постоянного очеловѣченія; виѣшняя природа въ каждомъ внутреннемъ мірѣ становится другою». Во всякомъ случаѣ для Жана Поля она другая, чѣмъ для прочихъ смертныхъ, но становится-ли она оттого прекраснѣе? Выраженіе его крайне интенсивнаго чувства природы также изысканно, какъ и весь его стиль; богатство мыслей, глубина ощущенія, сверкающая геніальность, разсыпаны повсюду, но въ такой причудливой и замысловатой оболочкѣ, что ея вычурность и туманность доходятъ до крайнихъ предѣловъ. Для этого достаточно немногихъ примѣровъ. Въ «Цвѣтахъ, плодахъ и терніяхъ адвоката для бѣдныхъ, Зибенкеза» ³⁾ мы читаемъ: «Тогда я появился вновь въ послѣдній вечеръ 1794 года, на красно-окрашенныхъ волнахъ котораго было унесено въ море вѣчности столь много увѣчаныхъ цвѣтами труповъ». «Между тѣмъ, какъ хоботокъ Зибенкеза, подобно хоботку бабочки, находилъ въ каждомъ голубомъ цвѣткѣ чертополоха судьбы открытые медовые сосуды въ достаточномъ количествѣ»... (24) «Когда они очутились за воротами, т. е. за ихъ развалинами, неимѣвшими ничего общаго съ развали-

¹⁾ Die deutsche Nationallitteratur des 19 Jahrhunderts, I, 1875, S. 153.

²⁾ Aufl. Berlin Reimer 1827, S. 42, ср. S. 35: «Каждый геній создаетъ для насъ новую природу, такъ какъ онъ еще болѣе раскрываетъ старую».

³⁾ Samtl. Werke 11, 1826, S. 15.

нами Пальмиры, кристальный, сіяющій гротъ августовской ночи стоялъ открытымъ и свѣтилъ на темнозеленую землю, и морская тишь природы противорѣчила бурѣ человеческой груди; ночь протягивала небесный кровъ полный молчаливыхъ солнцъ, безъ малѣйшаго вѣтерка надъ землей и подъ землей; срѣзанные посѣвы лежали безъ шума въ снопахъ и однозвучные кузнечики, повидимому обитали одни въ обширномъ мракѣ. Подобно тому какъ осень и печаль заключаются въ груди героя, онѣ являются и въ природѣ: «Надъ лугами безъ цвѣтовъ, надъ нивами безъ колосевъ носились блѣдные, призрачные образы прошлаго; надъ лѣсами и горами висѣлъ разбѣдающій туманъ, какъ будто поколебленная, превращающаяся въ прахъ природа распускалась въ его дымокѣ... Но свѣтлая мысль превратила темный, мелкій дождь природы и души въ бѣлый туманъ». Зибенкезъ вспомнилъ о своемъ другѣ! По мѣрѣ того, какъ его супружеская жизнь становится все пустыннѣе, «у бѣднаго Фирмиана на желтыхъ пожарищахъ природы—въ декабрѣ—дѣлается все грустнѣе на сердцѣ», а когда приходитъ весна, ему кажется, «какъ будто его жизнь заключается не въ твердомъ сердцѣ, а въ теплой, мягкой слезѣ, и его обремененный духъ высвобождается изъ тѣсной тюрьмы и разливается въ звукъ въ голубой эфирной волнѣ» ¹⁾. Титанъ (I, 1) выражаетъ внутреннее освобожденіе, какое природа доставляетъ человѣку, слѣдующимъ образомъ: «Высокая природа! Когда мы тебя видимъ и любимъ, мы теплѣе любимъ наше человѣчество, а когда мы его оплакиваемъ или должны позабыть, ты остаешься съ нами и покоишься предъ нашимъ влажнымъ взоромъ ввидѣ зеленѣющей, окрашенной вечернимъ солнцемъ горы. Ахъ, для души, передъ которой утренняя роса идеала обезцвѣтилась въ сѣрый холодный дождь... оставайся, освѣжающая природа съ твоими цвѣтами, горами и водопадами вѣрной подругой и утѣшительницей. Истекающій кровью Сынъ Божій роняетъ молча капли страданія изъ Своихъ очей, для того, чтобы онѣ упали свѣтло на твои вулканы, на твои весны, на твои солнца».

¹⁾ Bd. 13, S. 39 и 72, ср. живописно намыщенное описаніе солнечнаго восхода S. 97, солнечнаго заката S. 102, S. 165: ...«Блισταющее золото вечерней зари отбрасываетъ матовое золото на востокъ и падаетъ розовыми цвѣтами на порхающую грудь встревоженного жаворонка, возвышеннаго вечерняго колокола природы».

Вслѣдствіе крайней чувствительности и чрезмѣрнаго изобилія величественныхъ мыслей и образовъ Ж. П. Рихтеръ никогда не могъ придти къ гармонично-художественному выраженію своего искренняго чувства природы.

Романтики, которымъ границы, начертанныя Гете и Шиллеромъ и непосредственно примыкавшія къ нормамъ античнаго искусства, казались слишкомъ тѣсными, нашли свой девизъ въ слѣдующихъ характерныхъ словахъ Жана-Поля: «Пластическое солнце свѣтитъ однообразно, какъ бодрствованіе, романтический мѣсяцъ сіяетъ разнообразно, какъ сновидѣніе». Еще характернѣе въ томъ-же родѣ выражается Гиперіонъ: «О, человѣкъ—богъ, когда онъ грезитъ, и нищій, когда онъ мыслитъ!» Геніальная простота, спокойная пластика, объективное спокойствіе, празничная ясность мысли и выраженія были идеалами, осуществленіе которыхъ Винкельманъ и Лессингъ находили у древнихъ и которые великіе нѣмецкіе поэты старались слить съ современнымъ духомъ. Напротивъ того, романтикамъ нравилось безпокойно измѣнчивое, пестрое, яркое, фантастическое, произвольное, гдѣ образы появляются и исчезаютъ опять. Гармонія у нихъ была разрушена ироніей; они проповѣдывали безпредѣльное господство своего «я», крайній субъективизмъ, безотчетный произволъ разнузданной фантазіи; они хотѣли вынести на свѣтъ тайну души, скрытую въ темнотѣ сердца, хотѣли истолковать то, что не поддается слову, освѣтить все сумеречное, туманное въ человѣческой душѣ. Они избѣгали всего реальнаго, нагляднаго, рѣзко очерченнаго, такъ какъ это мѣшало безпредѣльности и глубинѣ созерцанія: вездѣ они хотѣли видѣть пропасти, отъ которыхъ кружится голова. Вслѣдствіе того романтизмъ кажется намъ какимъ-то тяжелымъ, смутнымъ сномъ. Тѣмъ не менѣе, онъ послужилъ необходимой реакціей противъ классицизма Гете. Какъ ни пестро было въ немъ смѣшеніе разнородныхъ элементовъ, такъ какъ онъ, то обращался къ романтическимъ среднимъ вѣкамъ, то переходилъ въ періодъ «бурь и порывовъ», то, возвращаясь къ Гердеру, Гете и Винкельману и стремился къ еще большому углубленію чувства, но кто будетъ отрицать, что въ бродящемъ винѣ, опьяняющемъ напитокѣ, какой создавали мастера романтической поэзіи, заключается сладкій ядъ, который долженъ былъ дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на чувство и въ то-же время содержать безконечно богатая, способная къ

развитію сѣмена, которыя въ наши дни мы видимъ въ полномъ цвѣтѣ?

Чувство природы у романтиковъ, сообразно всему ихъ міросозерцанію, отличается крайнимъ субъективизмомъ и фантастичностью, мистической мечтательностью и глубокимъ сказочнымъ символизмомъ. Отношеніе романтизма къ природѣ выражается въ слѣдующихъ извѣстныхъ стихахъ:

Mond beglänzte Zaubernacht,
Die denn Sinn gefangen hält,
Wundervolle Märchenwelt,
Steig' auf in der alten Pracht. ¹⁾

Любовь къ природѣ у романтиковъ въ сущности пантеистична. Ихъ чувства сплетаются съ жизнью природы, въ болѣзненной тоскѣ по далекомъ идеалѣ или нѣкогда существовавшей порѣ невинности и естественности. Они бросаются на грудь природы, «въ объятія незыблемой, тихой и прекрасной» (Гиперіонъ), изливаютъ въ нее свою грусть или опьяняются ея видомъ, находятъ во всемъ отраженіе своего душевнаго настроенія и не знаютъ другого существа столь родственнаго и близкаго имъ какъ нѣмая и тѣмъ не менѣе на все отзывающаяся природа. Человѣческій духъ и природа соединяются въ одно, проникая другъ друга; пантеизмъ превращается въ загадочный мистицизмъ, не знающій никакихъ границъ. Кромѣ «Вертера», быть можетъ, ни въ одномъ изъ новѣйшихъ романовъ природа не выступаетъ въ такой музыкальной и вмѣстѣ съ тѣмъ живописной формѣ, какъ въ «Гиперіонѣ» Гельдерлина. Онъ разочарованъ и ожесточенъ мрачной дѣйствительностью, такъ мало соответствующей его идеалу, но онъ находитъ себѣ утѣшеніе: «Вѣдь ты еще свѣтишь, солнце неба! Ты еще зеленѣешь, священная земля! Еще несутся съ шумомъ потоки въ море, и въ полдень шелестятъ тѣнистыя деревья. Радостная пѣснь весны убаюкиваетъ мои смертныя мысли. Полнота все оживленнаго міра питаетъ и опьяняетъ мое бѣдствующее существо». ²⁾ Этотъ

¹⁾ Мѣсяцемъ озаренная волшебная ночь, плѣняющая наше чувство, полный чудесъ сказочный міръ, возстань опять въ своей прежней пышности».

²⁾ Какъ это напоминаетъ «Вертера» а также и слѣдующее изображеніе (S. II Reclam): «И когда я часто лежалъ среди цвѣтовъ и

мистическій пантеизмъ нигдѣ не выражается такъ ясно, какъ въ слѣдующемъ признаніи: «О блаженная природа! Я не знаю, что происходитъ со мною, когда я поднимаю взоры на твою красоту, но величайшая небесная отрада заключается въ слезахъ, которыми я плачу передъ тобой, возлюбленная изъ возлюбленныхъ. Все мое существо нѣмѣетъ и немеетъ, когда нѣжная воздушная волна порхаетъ около моей груди. Теряюсь въ далекой синевѣ, часто гляжу я вверхъ на эфиръ и внизъ на священное море и мнѣ кажется, какъ будто родственныи духъ раскрываетъ мнѣ объятія, какъ будто страданіе и одиночество уничтожаются въ жизни Божества. Быть единымъ со всѣмъ, что живетъ въ блаженномъ самозабвеніи, возвращаться во всецѣлое природы, это — верхъ мыслей и радостей, это священная вершина горы, мѣсто вѣчнаго покоя, гдѣ полдень теряетъ свой зной, а громъ свой голосъ, и нѣвящееся море уподобляется зыби хлѣбнаго поля. «Эта тоска не имѣющая имени и мечта объ освобожденіи отъ дѣйствительности, крѣпкой цѣпью приковывающей къ себѣ, превращаются въ порывъ къ небу, къ Всеединному». О, если величественная природа есть дочь единого Отца, развѣ сердце дочери не есть Его сердце? Развѣ ея душа не Онъ? Но близокъ-ли я къ Нему? Знаю-ли я его? Онъ «старается подслушать» душу природы; онъ слышитъ, какъ «мелодія утренняго свѣта начинается тихимъ звукомъ»; онъ говоритъ цвѣтку: «ты мой братъ» и источникамъ: «мы одного рода»; каждое время дня и года находится въ извѣстномъ символическомъ и симпатическомъ отношеніи съ его сердцемъ. ¹⁾ Онъ чувствуетъ красоту «райской страны», хотя онъ не очерчиваетъ ясно ни

меня нѣжно озарялъ весенній свѣтъ, и я смотрѣлъ вверхъ, въ ясную синеву, обнимавшую теплую землю, когда я сидѣлъ подъ вязами и ивами въ нѣдрахъ горы, послѣ освѣжающаго дождя, когда вѣтви еще дрожали отъ прикосновенія неба и надъ роняющимъ капли мѣсомъ двигались золотыя облака или, когда вечерняя звѣзда, исполненная духа мира, восходила вмѣстѣ съ древними юношами другими героями неба и я смотрѣлъ какъ жизнь двигалась въ нихъ въ вѣчномъ беззаботномъ порядкѣ въ эфирѣ, и спокойствіе міра окружало и радовало меня и я замѣчалъ и слушалъ, не зная, что происходитъ со мной, — «Любишь, ли ты меня, благой Отецъ въ небѣ!» спрашивалъ я тогда тихо, и чувствовалъ съ вѣрой и блаженствомъ его отвѣтъ въ моемъ сердцѣ». Весьма мелодичны и поэтичны признанія на стр. 20, 103 и 141.

¹⁾ Ср. S. 28, 48, 54.

одного пейзажа, ¹⁾ за исключеніемъ стихотворенія «Гейдельбергъ»; онъ переноситъ свои размышленія величественными сравненіями, взятыми изъ природы. ²⁾ Онъ наслаждается ласками восхитительныхъ вѣтерковъ», прославляетъ «легкое, чистое, ласковое море», называетъ «священный воздухъ» — «братомъ духа, который пламенно и мощно властвуетъ и живетъ въ насъ, вездѣсущимъ, безсмертнымъ», землю — «однимъ изъ цвѣтковъ неба», небо — «безконечнымъ садомъ жизни» и «единымъ и всѣмъ», т. е. красотой ³⁾. Онъ мистически изображаетъ свою любовь ⁴⁾: «Мы были оба однимъ цвѣткомъ, и наши души жили одна въ другой, какъ цвѣтокъ, когда онъ любитъ и свои нѣжныя радости таитъ въ закрытомъ вѣнчикѣ... Ясная звѣздная ночь стала теперь моей стихіей; когда было также тихо, какъ въ глубинахъ земли, гдѣ таинственно растетъ золото, тогда поднималась прекрасная жизнь моей любви». Онъ находитъ прекраснымъ «пить съ возлюбленной изъ одной чаши наслажденіе міра». «Да, человѣкъ есть солнце, всевидящее и всеосвѣщающее, когда онъ любитъ, а когда онъ не любитъ — мрачное жилище, гдѣ горитъ дымящійся ночникъ». Это изображеніе настроенія мягко и женственно, но исполнено самаго сокровеннаго очарованія поэзіи. Прекрасно, хотя въ то-же время мрачно и печально изображается горькій жребій несчастнаго въ стихотвореніи «Пѣсня судьбы»: «Намъ суждено ни въ одномъ мѣстѣ не находить себѣ покоя; исчезаютъ, падаютъ страдающіе люди, незамѣтно съ часа на часъ. Какъ вода падаетъ съ утеса на утесъ,

¹⁾ На S. I лишь въ общихъ выраженіяхъ, а также S. 33.

²⁾ «Какъ въ молчаливомъ воздухѣ качается лилія, такъ волновалось передъ ней мое существо въ своей стихіи въ восхитительномъ слѣ» (26); «также какъ бури, когда, онѣ ликуя, непрестанно стремятся впередъ черезъ лѣса по горамъ, такъ вырывались наши души въ колоссальныхъ намѣреніяхъ» (30); «волна сердца не всплывалась-бы такъ высоко и превращалась-бы въ духъ, если-бъ ей не противустояла старая пѣмая скала—судьба» (46); «бываетъ для нашей души такая ночь, когда ей не свѣтитъ ни одна звѣзда, ни даже гнилое дерево» (47); «Какъ потокъ у бесплодныхъ береговъ, гдѣ ни одинъ ивовый листъ не отражается въ водѣ, бѣжалъ мимо меня ничѣмъ не украшенный міръ; какъ волна океана обливаетъ берегъ блаженныхъ острововъ, такъ обливало мое беспокойное сердце спокойствіе божественной дѣвушки».

³⁾ Ср. S. 56 и 59.

⁴⁾ S. 69 и 79.

такъ въ теченіе годовъ они нисходятъ въ неизвѣстность». Его пантеизмъ находитъ для себя выраженіе и въ одахъ къ природѣ. Онъ видитъ вездѣ проникнутую духомъ, одушевленную природу; такъ, онъ признается въ стихотвореніи «Къ природѣ»: «Тогда къ солнцу опять обратилось мое сердце, когда услышало его звуки и назвало звѣзды своими сестрами, и божественная мелодія весны, дыханіемъ, двигающимъ рои, подняла духъ, духъ радости въ тихой волнѣ сердца, тогда меня охватили золотые дни». Человѣкъ для него—прекраснѣйшее дитя отца Геліоса; его первородные братья—острова и горы, деревья и цвѣты; его кормилица—священная лоза съ сладостными ягодами; горы—его хранители, волны рѣки—товарищи его игръ; его любовь—благороднѣйшее растеніе земли; его душа—ея струнный инструментъ, на которомъ она играетъ туманами и снами; мать и сынъ дѣлятъ горе и радость съ полнѣйшей симпатіей; она груститъ вмѣстѣ съ нимъ; живымъ шумомъ потоковъ, любовнымъ дыханіемъ цвѣтовъ она опять привѣтствуетъ его радость ¹⁾.

Тиккъ обнаруживаетъ также тончайшую воспріимчивость къ впечатлѣніямъ природы. Онъ не только создаетъ слово «Waldeinsamkeit» (лѣсное уединеніе) въ «Бѣлокурномъ Экбертѣ»: «Лѣсное уединеніе, радующее меня и завтра и сегодня, и въ вѣчныя времена, о, какъ меня радусть лѣсное уединеніе» ²⁾, но онъ всею душой, съ мечтательнымъ упоеніемъ, даже съ «опьяненіемъ природой» ³⁾ вѣрить въ романтическое очарованіе, живущее и движущееся въ лѣсу съ эльфами и Кабалътами, съ призрачными тѣнями въ таинственныя лунныя ночи, какъ онъ ихъ обрисовываетъ въ «Пѣснѣ лунной ночи»:

¹⁾ Ср. «Человѣкъ», «Къ эфиру», «Солнечный закатъ», «Вечерняя фантазія», «Скованный потокъ» ясно напоминаетъ гетевскій мотивъ: «Замкнутый въ себѣ, медленно течетъ въ холодныхъ берегахъ онъ, сынъ океана; тогда отецъ насылаетъ вѣстниковъ любви, дышащіе жизнью вѣтерки» и «уже звучитъ у него въ груди, онъ вздувается, пока еще играетъ въ пѣдрахъ полей и вспоминаетъ теперь свою силу, могущественный несется... смѣется надъ оковами... и горы кругомъ пробуждаются голосомъ божественнаго сына, движутся лѣса, ущелья слышатъ призывъ, и вздрагивая опять шевелится радость въ груди земли...»

²⁾ Waldeinsamkeit, Die mich erfreut, so morgen wie heut In ewiger Zeit O wie mich freut Waldeinsamkeit.

³⁾ Ср. Tieck's Biographie von Koepke, I, 139, Brandes op. cit 181.

«Замѣтно выступаетъ и радостно движется дубрава и протягиваетъ вѣтви навстрѣчу волшебному свѣту. Духи начинаютъ прыгать на волнахъ, раскрываются ночные цвѣты съ звенящимъ шумомъ, соловей просыпается въ густомъ деревѣ, поэтически рассказываетъ свой сонъ, звуки текутъ, какъ яркіе, ослабительные лучи, привѣтствуя эхо на склонѣ горы».

Во всѣхъ поэтическихъ произведеніяхъ Тикка бьетъ черезъ край это опьяненное чувство природы, это никогда не насыщаемое, никогда не утолимое желаніе раскрыть прелесть природы, проникнуть въ нѣдра ея дивнаго существа. Даже такой жалкій бѣднякъ, какъ Вильямъ Ловелль, доводящій романтическую субъективность, самораздирающую сентиментальность до преступнаго эгоизма, не признающій другого закона кромѣ безпредѣльнаго произвола своего «я», опьяняется природой; такъ, онъ пишетъ изъ Флоренціи (I, 125): «Природа освѣжаетъ мою душу своей безконечной красотой. Я чувствую перѣдко, какъ мое сердце расширяется, когда меня одушевляютъ безчисленныя прелести природы и искусства... Такъ удовлетворяется, наконецъ, мое стремленіе къ путешествіямъ, къ чуднымъ далямъ. Еще ребенкомъ, стоя передъ деревенскимъ домомъ моего отца, оглядывая дальнія горы и замѣтивъ на самомъ концѣ горизонта вѣтряную мельницу, я почувствовалъ, какъ-будто она манитъ меня своими движеніями; кровь быстрѣе устремилась къ моему сердцу, мой духъ летѣлъ къ далекой странѣ, новая тоска часто наполняла мои глаза слезами». И природа и его душа одинаково загадочны для него (II, 3): «Много разъ мнѣ казалось, какъ-будто загадка должна разрѣшиться въ насъ, какъ-будто мы узнаемъ вдругъ превращеніе всѣхъ нашихъ чувствъ и странныхъ ощущеній. Ночь окружала меня сотнями ужасовъ; освѣщенное мѣсяцемъ, прозрачное небо окружалося надо мной какъ кристалъ и отражало самыя странныя ощущенія, какъ тѣни въ этотъ міръ». Мечтательно опьяненную симпатію къ природѣ испытываетъ также «Францъ Штерибальдъ» (II, 89): «Я хотѣлъ-бы наполнить весь міръ пѣснями любви, хотѣлъ растрогать лунное сіяніе и утреннюю зарю, чтобы они отзывались на мое страданіе и счастье, чтобы мелодія охватила деревья, вѣтви, листья и травы, которыя повторяли-бы мою пѣсню милліонами языковъ». Музыку и природу романтики страстно любятъ; они хотѣли-бы всѣ ощущенія обратить въ звуки, также какъ Байронъ хотѣлъ превратить ихъ въ мол-

нію, «такъ какъ мысли стоятъ слишкомъ далеко» ¹⁾. Ночь и лѣсъ, лунное сіяніе и звѣздное мерцаніе составляютъ основной аккордъ въ мелодіяхъ ихъ пѣсенъ о природѣ. Въ «Странствованіяхъ Франца Штернбальда» пейзажъ служитъ неизмѣннымъ фономъ для дѣйствія и настроенія.

Еще въ нравственномъ романѣ XVIII вѣка, пейзажъ вовсе не находилъ для себя мѣста; Гермесъ только въ одномъ мѣстѣ описываетъ солнечный восходъ въ нѣсколькихъ строкахъ, извиняется за эту странность и проситъ читателей и критиковъ не думать, что онъ хотѣлъ только «наполнить листы» ²⁾. Руссо создалъ рѣзкую перемѣну въ этомъ отношеніи: Софи Ларошъ превращала развалины и лунный пейзажъ, долины и холмы, цвѣтуція изгороди, цвѣты и проч., въ маленькія картинки, исполненныя извѣстнаго настроенія, въ своихъ «Дружескихъ письмахъ женщины» ³⁾; въ особенности въ «Вертерѣ» Гёте, пейзажъ и человѣческая душа настроены на одинъ тонъ и находятся въ постоянномъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу; въ своихъ позднѣйшихъ романахъ онъ уже не такъ часто изображаетъ природу, за то въ «Штернбальдѣ» Тикка, также какъ у Жапа Поля, ни одинъ солнечный восходъ или закатъ не остается безъ описанія. Часто онъ умѣетъ дать опредѣленное настроеніе картинѣ немногими штрихами, подобно Теодору Шторму. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, онъ изображаетъ утро ⁴⁾: «Красный свѣтъ дрожалъ на концахъ колосевъ, и утро колебалось въ нихъ и расходилось волнами», или полдень ⁵⁾: «Какъ освѣжительно было прохладное благоуханіе, вѣявшее навстрѣчу ему съ зеленыхъ листьевъ, когда онъ вступилъ въ лѣсокъ! Все было тихо, и только шумъ листьевъ раздавался многообразно въ пріятномъ уединеніи, и дальній ручей, протекавшій черезъ

¹⁾ Такъ говорится въ «Franz Sternbald» I, Berlin 1798. S. 38: «Сколько міровъ развивается въ душѣ, когда свободная природа смѣлымъ языкомъ говоритъ намъ, когда каждый изъ ея звуковъ достигаетъ до нашего сердца и разомъ затрогиваетъ всѣ чувства». Новалисъ говоритъ (II. 130): «Природа — золотая арфа, музыкальный инструментъ, звуки котораго, какъ клавиши высшихъ струнъ заключаются въ насъ».

²⁾ Erich Schmidt op. cit S. 173 прим.

³⁾ Schmidt S. 59.

⁴⁾ Sternbald S. 6.

⁵⁾ Sternbald S. 23.

лѣсъ», или вечеръ ¹⁾: «Чѣмъ краснѣе становился вечеръ, тѣмъ грустнѣе дѣлались его грезы; потемнѣвшія деревья, тѣни, протягивавшіяся на поляхъ, дымящіяся кровли маленькой деревеньки и звѣзды, одна за другой выступавшія на небѣ, все искренно трогало его, все побуждало его къ грустному сожалѣнію о себѣ». Интересно и характерно, какъ поэтъ обращаетъ своего героя въ пейзажиста ²⁾: когда онъ бродилъ по лѣсу, «онъ наблюдалъ деревья, отражавшіяся въ сосѣднемъ пруду. Онъ никогда еще не смотрѣлъ на пейзажъ съ такимъ удовольствіемъ; ему еще никогда не удавалось открывать въ природѣ разнообразныя краски съ ихъ оттѣнками, сладость покоя, эффектъ древесной листвы такъ, какъ онъ замѣчалъ ихъ теперь въ ясной водѣ; онъ никогда еще не нападалъ на мысль нарисовать пейзажъ; онъ всегда смотрѣлъ на него какъ на необходимое дополненіе ко многимъ историческимъ картинамъ, но никогда еще не чувствовалъ, чтобы безжизненная природа могла представлять собою нѣчто цѣльное и законченное и такимъ образомъ быть достойною изображенія». Какъ мы видимъ, пейзажъ, находящій свое отраженіе въ водяномъ зеркалѣ съ его таинственно расплывающимися въ глубинѣ очертаніями, съ магическимъ очертаніемъ свѣтовыхъ лучей, съ волшебнымъ неопредѣленнымъ сліяніемъ дѣйствительнаго и отраженнаго образа, — это именно то, что по преимуществу привлекаетъ романтиковъ и возбуждаетъ въ нихъ мечтательное отношеніе къ природѣ.

Въ болѣе мелкихъ разсказахъ и сказкахъ Тикка встрѣчается такое чувство природы, какое стремится проникнуть въ ея таинственную сторону, какое заключается въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ цвѣтовъ, облаковъ, горъ и звѣздъ; «оно сдѣлалось для него наиболѣе подходящимъ образнымъ письмомъ для выраженія тѣхъ неопредѣленныхъ, невырази-

¹⁾ S. 34; Францъ объясняетъ S. 48: «Пусть на тебя, любезный Себастьянъ, повѣетъ добрая, дружественная природа, когда у тебя слишкомъ стѣснится грудь»; и ему самому, когда онъ груститъ объ отцѣ, становится покойнѣе на сердцѣ въ теплый вечеръ, S. 115: «Когда насталъ вечеръ и красное мерцаніе, дрожа, повисло на кустахъ, его чувство стало болѣе кроткимъ и прекраснымъ», или S. 169: «Не замѣчая того, онъ постепенно засыналъ; тишина, пріятный шумъ листвы, вода въ отдаленіи склоняли его къ тому.

²⁾ Sternbald S. 88.

мыхъ чувствъ, какія по преимуществу, сообщаютъ краски его душевной жизни» ¹⁾. Пантеизмъ Бюме всегда привлекалъ его; въ Иенѣ его соблазняла филофизика Стефенса и натур-философія Шеллинга, который называлъ природу таинственнымъ стихотвореніемъ, грезящимъ духомъ. Открыть въ ней этотъ послѣдній было главнымъ стремленіемъ Новалиса и Тикка, столь тѣсно связаннаго съ напыщенными натурмистиками. Въ своихъ сказкахъ Тиккъ переходитъ отъ симпатическаго изображенія природы къ мистическому толкованію ея. Онъ старается проникнуть въ темную связь, заключающуюся между явленіями природы и силами, дѣйствующими стихійнымъ образомъ въ человѣческой груди. Если онъ стремится изобразить эту связь въ романахъ въ историко-психологическомъ смыслѣ, то въ сказкахъ онъ изображаетъ ее мистико-фантастически. Прежде всего онъ это сдѣлалъ въ «Бѣлокуръ» Экбертъ». Онъ и здѣсь мастерски умѣетъ подготовить впечатлѣніе: «Черная ночь смотрѣла въ окно, и деревья снаружи отряхались отъ сырого холода; мѣсяцъ попеременно выглядывалъ черезъ пробѣгавшія мимо его облака» ²⁾, и затѣмъ Берта начинаетъ свой рассказъ, какъ убѣжавшую изъ дому, то охватываетъ въ горахъ ужасъ одиночества, то неопредѣленное стремленіе въ даль и безумная радость наслажденія новыми впечатлѣніями ³⁾. Но всего полнѣе выражаетъ «Руненбергъ» то непріятное очарованіе, какое подземныя силы производятъ на человѣка, заманивая и одуряя его, возбуждая стремленіе въ глубину, жажду золота. Демоническая сила горной природы, ея дикая сторона противоплагается мирной идиллической равнинѣ. Рассказъ весь переплетается изображеніями природы, которыя въ дѣйствительности вызываютъ волшебнo-сказочное настроеніе ⁴⁾.

¹⁾ Haym, Die romantische Schule, Berlin 1870, S. 631.

²⁾ Phantasia I, Berlin 1812, S. 166. Во вступленіи содержится обширное разсужденіе о садахъ и настоящемъ романтическомъ наслажденіи природой. причемъ все называется романтическимъ и стихотвореніе, и пѣсня, и гора и проч.

³⁾ S. 173.

⁴⁾ Такъ, на стр. 241, разсказывается какъ охотникъ въ темномъ лѣсу, ночью продолжаетъ свой невѣрный путь по темному ручью, и вырываетъ корень изъ земли; «вдругъ услыхалъ онъ со страхомъ глухой визгъ въ землѣ, который тянулся подъ землею въ жалобныхъ зву-

Но самого странного расцвѣта «романтическая душа» достигаетъ въ Новалисѣ. У него все расплывается въ загадочное, въ сумракъ и ночь; онъ старается проникнуть внутрь того, что бессознательно покоится въ груди; неопредѣленное стремленіе къ далекой чудесной цѣли, находить для себя сказочное выраженіе въ отыскиваніи «Голубого цвѣтка»; даже собственное сердце кажется ему цвѣткомъ, загадки котораго онъ не можетъ разрѣшить. Въ «Генрихѣ фонъ-Офтердингенѣ» говорится ¹⁾: «Свѣтлое зрѣлище великолѣпнаго вечера убавляло его въ кроткихъ фантазіяхъ: цвѣтокъ его сердца показывался ему по временамъ какъ молнія». Возрѣніе на природу имѣетъ фантастическій характеръ въ описаніяхъ ¹⁾ и мистическій въ размышленіяхъ. «Я не утомился,—разсказываетъ тамъ же Сильвестръ ²⁾—наблюдать самымъ тщательнымъ образомъ, въ особенности, различную природу растений. Растенія—непосредственный языкъ земли; каждый новый листъ, каждый странный цвѣтокъ, есть какая-либо тайна, которая просится наружу и заключается въ томъ, что онъ отъ любви и наслажденія не можетъ двигаться, не находить словъ и остается нѣмымъ, спокойнымъ растеніемъ. Если такой цвѣтокъ встрѣчается въ уединеніи, не значить-ли это, что все проясняется кругомъ и маленькіе, оперенные звуки всего охотнѣе держатся вблизи его? Можно-бы плакать отъ радости и, отрѣшившись отъ міра, погружать руки и ноги въ землю, чтобы извлекать оттуда корни и никогда не покидать этого счастливаго сосѣдства. По всему сухому міру раскинуть этотъ зеленый, таинственный коверъ любви ³⁾. Такимъ образомъ,

какъ и уныло отозвался вдали. Этотъ звукъ проникъ внутрь его сердца; онъ охватывалъ его, какъ будто онъ ненамѣренно коснулся ранъ, отъ которыхъ умирающій трупъ природы долженъ былъ угаснуть въ страданіяхъ». S. 243: «Большая рѣка блестяла какъ могучій духъ на лугахъ и поляхъ». На стр. 252 находится изображеніе мирной деревни.

¹⁾ Heinrich von Ofterdingen I Teil, Berlin 1802, S. 115.

²⁾ Ср. ib. S. 13.

³⁾ II Teil S. 31.

⁴⁾ Такъ Фр. Шлегель поетъ въ своей «Пѣснѣ»: «Когда соловьи звенятъ, зелень горитъ ярко, я тихо спрашиваю у себя: что говорятъ цвѣты? Когда я блуждаю по тихому лугу, тихо преслѣдуя природу и чувствуя ее, учусь думать, я слѣдую только чувствамъ, потому что мысли слишкомъ далеко отъ меня». И Беттина пишетъ въ одномъ мѣстѣ: «Травяной стебель, колосья пивы, заботливо построенное птичье

жизнь людей и растений сливается вмѣстѣ и сущность и бытіе той и другой чередуются въ неестественно возбужденной фантазіи. Такая фантазія, конечно, находитъ всего болѣе для себя удовлетворенія въ ужасахъ ночи, «священной, невыразимой, таинственной ночи»: «Драгоценный бальзамъ струится изъ твоей руки, изъ связки мака; ты поднимаешь въ высь тяжелыя крылья души» ¹⁾. Ночь и смерть прославляются какъ наслажденіе, какъ сладострастіе. Послѣ мрачныхъ, граничащихъ съ безуміемъ размышленій, на читателя производитъ освѣжающее впечатлѣніе прелестная сказка о «Гіацинтѣ и Розовомъ цвѣточкѣ» ²⁾. Какъ поэтично здѣсь сказочное одушевленіе, когда въ отвѣтъ на привязанность прелестныхъ дѣтей шепчутъ другія маленькія существа: «Фіалка сказала это по секрету земляникѣ, а та сказала своей подругѣ крыжовнику, который не пропустилъ случая уколоть гіацинта, когда тотъ пришелъ; это узналъ скоро весь садъ и лѣсъ и когда гіацинтъ ушелъ, слышалось со всѣхъ сторонъ: «розовый цвѣточекъ — моя возлюбленная». «И когда онъ идетъ въ даль искать страну Изиды, онъ спрашиваетъ дорогу у животныхъ, у источниковъ, у скалъ и деревьевъ, и цвѣты улыбаются ему, и источники предлагаютъ свѣжій напитокъ; а когда онъ возвращается, чудная музыка сообщаетъ ему «тайны любовнаго свиданія». «О, если-бы человѣкъ,—говорятъ слушатели сказки,—повнималъ внутреннюю музыку природы!» Затѣмъ, изображается въ мистическихъ яркихъ краскахъ «сладостная страсть къ движенію въ природѣ, ея восхитительныя таинства» и очарованіе поэтической фантазіи, которая все внутреннее находитъ во внѣшнемъ мірѣ и открываетъ во всемъ «чудную симпатію съ человѣческимъ сердцемъ», какъ напр., въ дыханіи вѣтра, который тысячами глухихъ печальныхъ звуковъ какъ будто превращаетъ тихое страданіе въ глубокий мелодическій вздохъ всей природы... «И что-же я, какъ не рѣка, когда я грустно смотрю въ ея волны и теряюсь мыслію въ ея движеніи?» Съ пламеннымъ экстазомъ восклицаетъ

гнѣздо, синева неба, все это трогаетъ и захватываетъ меня, какъ будто это было человѣческимъ»; ср. прекрасную статью Карриера въ «Nord und Sud» № 118 1886, S. 87.

¹⁾ Hymnen an die Nacht S. 79.

²⁾ S. 196 и слѣд. въ «Die Lehrlinge von Sais».

юноша: «У кого не волнуется сердце, вырываясь отъ радости, когда ему внутренняя жизнь природы во всей полнотѣ вступаетъ въ душу, когда, затѣмъ, то могучее чувство, для котораго языкъ не знаетъ другого имени, кромѣ любви и сладострастія распространяется въ немъ, какъ мощный, всепоглощающій паръ и онъ, дрожа въ сладостной тревогѣ, погружается въ темныя, манящія нѣдра природы, и его бѣдная личность уничтожается въ заливающихъ волнахъ радости». Здѣсь мы находимъ ключъ къ романтическому чувству природы, здѣсь ясно указываются пункты, въ которыхъ оно понимается всего выше, а именно невыразимое совмѣстное движеніе человѣческой души и настроенія природы, то расплывчатое, туманное состояніе, какое является въ человѣческомъ сердцѣ при мечтательномъ погруженіи въ природу.

«Наблюденія природы во время путешествія по Швейцаріи» Гюльзена ¹⁾ могутъ служить доказательствомъ того, что романтики мечтаютъ также о романтическомъ въ природѣ, въ собственномъ смыслѣ слова, о возвышенной красотѣ горнаго міра. Съ восторженнымъ пафосомъ въ звонкой полуметрической напыщенной прозѣ, Гюльзенъ восхваляетъ страну, «гдѣ богиня, преимущественно передъ всѣми другими странами, воздвигла свой храмъ и гдѣ она въ каждомъ явленіи затрогиваетъ глубину твоей души радостью и одушевленіемъ. Повсюду блуждаетъ твой взоръ, видя вѣчно вѣнецъ прекраснаго, величественность и возвышенность и сладкую, небесную улыбку». Однако, эстетическое воззрѣніе отходитъ у него на задній планъ передъ этико-философскимъ содержаніемъ. Это — мистическій пантеизмъ ²⁾, который во всемъ находитъ гармонію «искренно дружественной любви» и въ созерцаніи вѣчной богини черпаетъ трогательныя и радостныя чувства, восторгъ и благоговѣніе.

И лирика природы не вполне безмолвствовала въ мистическомъ оцѣненіи романтизма. Эйхендорфъ умѣлъ извлекать изъ своей лиры сердечныя, мягкіе звуки. На читателя его «Бездѣльника» и прекрасныхъ пѣсень вѣетъ мечтательнымъ ароматомъ лѣса и его охватываетъ страстное желаніе стран-

¹⁾ Въ «Athenaeum» III, 1800 S. 34—58.

²⁾ См. напр. S. 50: «Туда стремится потокъ. Изъясни заключающуюся въ немъ истину и восчувствуй вѣчную гармонію» и т. д.

ствовать по свѣту. Какъ здѣсь все поетъ и ликуетъ въ свободномъ божьемъ мірѣ, какъ шумятъ ручьи и мельничныя колеса, какъ все цвѣтетъ и свѣтится въ величественно прекрасномъ божьемъ саду! Чего только не звучитъ въ нѣмецкомъ сердцѣ, когда оно обращается къ пѣснямъ столь любимымъ и близкимъ съ дѣтства, какъ напр., «Прощаніе»: '«О, широкія долины, о, высоты, о, прекрасный зеленый лѣсъ, ты, благоговѣйный пріютъ моей радости и моихъ стремлений».... или «Странникъ»: «Кому Богъ хочетъ оказать настоящую милость, того онъ посылаетъ въ обширный міръ; тому онъ показываетъ свою мудрость въ горахъ, въ лѣсу, въ рѣкахъ и поляхъ», или въ «Ночной пѣснѣ»: «Развѣ ты не слышишь какъ шумятъ деревья, Развѣ тебя не манитъ съ балкона на землю посмотрѣть какъ бѣжитъ множество ручьевъ въ дивномъ сіяніи луны»? или «Утренняя молитва»: «О, чудное глубокое молчаніе! Какъ пустынно еще въ мірѣ! Лишь лѣса тихо склоняются, какъ будто Господь проходитъ черезъ молчаливое поле»; или «Прекрасная чужбина»: «что говоришь ты мнѣ смутно, какъ въ грезахъ, фантастическая почва? На меня сверкаютъ всѣ звѣзды горящимъ взоромъ любви. Мнѣ говоритъ даль, какъ будто опьяненная будущимъ великимъ счастьемъ». Какой наивностью дышетъ стихотвореніе «Странствующій поэтъ»: «Я не знаю, что это значить! Едва схожу я съ порога, тотчасъ-же взлетаетъ жаворонокъ и ликуетъ вверху, въ синевѣ. Трава кругомъ, цвѣты стоятъ съ драгоценными камнями и жемчужинами въ волосахъ; стройные тополи, кусты и нивы склоняются въ своемъ лучшемъ уборѣ. Какъ вѣстникъ, спѣшитъ впередъ ручеекъ, и тамъ, гдѣ вѣтеръ раздѣляетъ вершины, лугъ украдкой взглядываетъ на меня, какъ будто бы это была моя милая невѣста». ¹⁾ Это — звуки настоящей правдивой лирики природы, которой не коснулась мистическая рефлексія или болѣзненная міровая скорбь и которая изливается въ свѣтлыхъ, радостныхъ пѣсняхъ, оживляя и одушевляя и от-

¹⁾ Ich weiss nicht, was das sagen will! Kaum tret'ich von der Schwelle still, Gleich schwingt sich eine Lerche auf Und jubiliert durchs Blau vorauf. Das Gras rings um, die Blumen gar stehn mit Juwelen und Perl'n im Haar, Die schlanken Pappeln, Busch und Saat Verneigen sich im groszten Staat Als Bot'vorauf das Bächlein eilt Und wo der Wind die Wipfel teilt, Die Au verstohlen nach mir schaut, Als wär'sie meine liebe Braut.

зываясь на все, что прекрасная природа даетъ чувствительному человѣческому сердцу.

Такимъ образомъ, романтизмъ не смотря на сбивчивые пути на какіе онъ вступалъ, обманываемый блуждающими огнями напыщенной мистики чувства и необузданно расширившейся фантазіи, содѣйствовалъ расширенію, повышенію и углубленію жизни чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ чувства природы; современная литература до сихъ поръ еще тысячами нитей связана съ нимъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Пути, которые мы прослѣдили, ведутъ разнообразными кривыми линіями на высоту нашего современнаго чувства природы. Развитіе, какое мы старались очертить, можетъ показать намъ также, что лишь тотъ понимаетъ современность, кто постигъ прошлое. То, что предшествовавшія намъ столѣтія думали и чувствовали и то, что познали и создали великіе мыслители и поэты XIX вѣла не носится по вѣтру, какъ пыль, но становится плодотворными сѣменами непрерывно прозябающими и процвѣтающими. Мы старались разобраться въ пестромъ сплетеніи чувствъ и настроеній, но кто станетъ отрицать, что и нынѣ всѣ эти нити протягиваются еще далѣе, что мелодіи, нѣкогда звучавшія тихими аккордами, раздаются теперь болѣе полной гармоніей? Нашъ новѣйшій культъ природы коренится въ прошломъ, но онъ никогда не достигъ-бы высоты современнаго созерцанія, безъ расцвѣта естествознанія. Правда, наше чувство, въ настоящее время, въ вѣкъ электричества и микроскопа, стало гораздо трезвѣе и реальнѣе, но любовь къ природѣ, вслѣдствіе усилившагося познанія ея, приобрѣла лишь болѣе глубины, сдѣлавшись религіей для изслѣдователя. Стремленіе къ пантеизму, какое мы указали у величайшихъ поэтовъ нашего вѣка, вообще проникаетъ все современное мышленіе и чувство, одинаково — сосредоточивается-ли оно вѣрующимъ сердцемъ въ идеѣ вездѣсущаго Бога или ищетъ объясненія жизни въ органическихъ силахъ, дѣйствующихъ въ веществѣ. Изслѣ-

дователи, неутомимо стремящіеся къ знанію, поднимаются на высокія ледниковыя горы и проникаютъ въ глубины морей; духъ, жаждущій истины, стремится къ сѣверному полюсу, также какъ къ жаркимъ тропикамъ, въ Альпы, также какъ въ Анды, и путешественники даютъ намъ теперь не отрывочныя дневники, а изображенія природы, полныя интуизма къ ней и глубокаго чувства. Я назову только «Картины природы» и «Космосъ» Гумбольдта, «Индійскія письма» Геккеля и прекрасную книгу Пауля Гюссфельдта «Въ высокихъ Альпахъ». ¹⁾ Опасныя и утомительныя восхожденія на горы, не смотря на теоретическое и практическое совершенство подготовленій и разумнаго раздѣленія силъ, не смотря на прирожденную способность и физическое здоровье, были-бы невозможны безъ восторженнаго отношенія къ чуднымъ красотамъ, какія въ такой величественности природа показываетъ намъ только въ ея самыхъ недоступныхъ мѣстахъ. Но тамъ, гдѣ свѣтъ,—всегда бываетъ и тѣнь: и культъ природы, и путешествія сдѣлались модой; самые разнообразныя элементы смѣшиваются въ наслажденіи природой, какое даютъ нынѣшнія купальныя и лечебныя мѣстности.

Тѣмъ не менѣе, въ настоящее время ни одинъ человѣкъ, обладающій чувствомъ, не можетъ не подчиняться могучему впечатлѣнію, когда видитъ Сѣверное море, бичуемое бурей или красный, огненный шаръ солнца, опускающійся въ свѣтлое море, или сверкающіе ледники Альпъ.

Въ пейзажныхъ садахъ до сихъ поръ еще замѣтны колебанія, какія мы видѣли въ прошломъ столѣтіи; подобно архитектурѣ, нынѣшнее искусство планировки садовъ дѣйствуетъ эклектически. Однако, здравый принципъ англійскихъ парковъ всего болѣе удовлетворяетъ современное чувство — обширныя дерновыя площадки съ группами деревьевъ, свободный видъ на далекую окрестность или на море, постепенный переходъ искусственнаго насажденія въ открытое поле; вмѣстѣ съ тѣмъ значительно развивается культура чужеземныхъ растений, деревьевъ и цвѣтовъ. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть усиливающагося чувства природы. Но ничто въ такой степени не обнаруживаетъ частью общаго, частью индивидуальнаго

¹⁾ Erlebnisse aus den Jahren 1859—85, Berlin Allgemeiner Verein für Deutsche Litteratur 1886.

чувства природы, какъ пейзажная живопись. Каждый, посѣщающій картинныя галлерей, находитъ рядомъ со странными и фантастическими ландшафтами (Беклинъ), какіе могутъ существовать только въ фантазіи, а не въ природѣ, картины, проникнутыя поэтическимъ вѣяніемъ, самымъ прочувствованнымъ настроеніемъ природы. Каждая стихія, каждая область природы имѣетъ, въ настоящее время, своего геніальнаго истолкователя: море, Альпы съ ихъ волшебными измѣненіями глетчеровъ и скалъ, прелестныхъ озеръ и водопадовъ, лѣсъ, съ его молчаливыми тѣнями и уединеніемъ, луга и болота, съ ихъ страшной пустынностью, Италія, со своей солнечной веселостью, Норвегія, со своими соснами и фіордами и т. д. Техника и вѣрность природѣ стоятъ на одинаковой высотѣ, также какъ и проникающее всюду любовное пониманіе и чувство каждой прелести, какъ малозамѣтной идилической, такъ и величественной, возвышенной картины.

Чувство природы находитъ для себя изящное выраженіе кромѣ живописи еще въ поэзіи. И здѣсь, на ряду съ правдивымъ, мы находимъ много искусственнаго, на ряду съ настоящимъ чувствомъ много напыщенности, безсодержательнаго разсужденія и фразы. Въ романѣ каждая глава почти обязательно начинается болѣе или менѣе отрывочнымъ изображеніемъ природы и изліянія героев возобновляютъ сантиментальную мечтательность прошлаго вѣка. Всего далѣе отъ этого такіе мастера какъ Фрейтагъ ¹⁾, Шпильгагенъ ²⁾, который выказалъ большую виртуозность въ изображеніи моря (около Рюгена и Помераніи) и Вильгельмина ф.-Гиллернъ ³⁾ самая характерная изъ нѣмецкихъ романистокъ. Въ повеллѣ выше всѣхъ стоитъ Теодоръ Штормъ ⁴⁾.

¹⁾ Въ видѣ примѣра, указываю только на послѣднюю часть «Предковъ»: «Изъ маленькаго городка» (Aus einer kleinen Stadt, Leipzig 1880 3 Aufl.) см. S. 34, 37, 39, 49, 171, 175, 213 и 269.

²⁾ Въ особенности въ «Потопѣ», гдѣ соціальный приливъ ставится въ параллель съ стихійнымъ и этотъ послѣдній изображается весьма величественно.

³⁾ См. въ «Валли-Орлицѣ» изображеніе Мурцолля и пустыни (Гл. IX), изображеніе бурной ночи и первую главу второй книги.

⁴⁾ Именно въ его «Resignationsnovellen» колоритъ природы оттъненъ особенно эффектно; всего болѣе это можно сказать объ изображеніи типины, мягкаго теченія ночи, легкаго шума, прерывающаго молчаніе, какъ напр., электрическаго треска листвы, чуть слышнаго шума

Но наибольшей неистощимостью отличается современная лирика природы. Впереди ее долженъ быть поставленъ почтенный Уландъ, о которомъ Гуцковъ весьма удачно замѣчаетъ: «Уландъ одѣлъ природу въ праздничную одежду радости и съумѣлъ пейзажную картину одухотворить въ пѣснѣ»; если его пейзажная лирика не обладаетъ большимъ разнообразіемъ тоновъ, то его пѣсни, въ особенности весеннія и путевыя ¹⁾ своею простотой напоминаютъ дивные, естественные звуки народной пѣсни, подобно Петеру Гебелю, который своимъ безцѣннымъ наивнымъ юморомъ воскрешаетъ миѳологию первобытнаго времени. На ряду съ Уландомъ выдѣляется и Фридрихъ Рюккертъ ¹⁾: «Могучій исполнить съ ширококостнымъ суровымъ лицомъ и выющейся гривой» — такъ мѣтко изображаетъ его фонъ-Трейчке ²⁾: «Никогда не чувствовалъ себя лучше какъ тогда, когда онъ въ шапкѣ и длинномъ грубомъ кафтанѣ франконскаго крестьянина, съ узловатой палкой въ рукѣ, странствовалъ по любимой родной странѣ; онъ былъ также преданъ своей Франконіи, какъ Уландъ — Швабіи. Онъ дѣйствительно слышалъ, что пѣла ласточка, и что шептали листья деревьевъ. Въ немъ жило нѣчто принадлежащее первобытному чувству природы, полутемнаго прошлаго, когда германцы нѣкогда слѣдили за лѣсными звѣрями съ ихъ храбростью и хитростью, онъ превращалъ чувство природы въ поэтическое міровоззрѣніе, которое можно справедливо назвать христіанскимъ пантеизмомъ. Во всемъ соз-

насъкомыхъ, дыханія вечерняго воздуха, вѣющаго черезъ деревья, нѣмого, безпокойнаго блистанія звѣздъ, паденіе листа, крика оленя, шороха вѣтра и т. д. Ср. *Gesammelte Schrieften* 2 Aufl., II. 50, 145; III, 118, 214; IV, 40, 45; V, 114, 174. О морѣ онъ говоритъ VII, 201: «Странно, какъ насъ заставляетъ грезить шумъ моря, тихое вѣяніе вѣтра». Мастерски изображаетъ онъ жизнь и движеніе на цвѣтущей, благоухающей равнинѣ III, 99, и призрачный, сѣрый туманъ, носящійся надъ болотомъ, II, 212.

¹⁾ «Мягкіе вѣтерки проснулись, прелестный золотой весенній день; свѣтъ солнца едва только предчувствуется; я вѣзжаю въ темный лѣсъ» и т. д.; къ нимъ примыкаютъ также свѣжія и радостныя путевыя пѣсни Мюллера.

²⁾ «Дайте подождать мнѣ еще часъ; тысячи соловьевъ въ моей груди, роза, море и солнце — образъ моей возлюбленной; если-бъ я былъ воздухомъ, чтобъ расправить крылья» и т. д.

³⁾ «*Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert* III, S. 689.

данномъ онъ видѣлъ откровеніе любящаго, Всеединаго, и каждая пѣсня признательности, какая поднималась изъ жизненной радости этого блистающаго, благоухающаго, звучащаго міра, была слышна его сердцу! «О, солнце, я твой лучъ, о, роза, я—твое благоуханіе; я твоя капля, о море; я твое дыханіе, о воздухъ!»

Величайшимъ лирическимъ талантомъ послѣ Гёте былъ Гейнс, но его поэзія напоминаетъ ундину, у которой волшебнo-прекрасная верхняя часть тѣла заканчивается рыбьимъ хвостомъ. Разрушительная иронія, погоня за эффектомъ уничтожаетъ повсюду впечатлѣніе стихотвореній, которыя сами по себѣ исполнены поэтического настроенія, какъ напр. въ стихотвореніи «Сосна»—переходъ отъ порвежской сосны къ восточной пальмѣ, кажется столь-же искусственнымъ, какъ и самое одушевленіе. Настоящимъ перломъ можно назвать его «Цвѣтокъ лотоса»; «Картины Сѣвернаго моря» проникнуты грандіознымъ воззрѣніемъ на природу: въ нихъ слышится поэтъ, создающій новыя миры, подобно Байрону и Шелли. Въ поэзій Гейне всего болѣе очаровываетъ волшебство языка, мелодія; но часто у него являются безсвязные, бѣглые аккорды. У него нѣтъ гетевской пластичности и объективности, и одушевленія природы искусственны; правдивость природы никогда не оскорбляетъ Гете, а Гейне искусственно подгоняетъ природу къ своимъ субъективнымъ ощущеніямъ; онъ даже любитъ выставять ихъ разнородность ради остроумной комбинаціи.

Правда, ему хорошо извѣстно, какъ онъ высказываетъ это въ «Путешествіи по Гарцу», насколько «безконечно блаженно чувство, когда міръ явленій движется вмѣстѣ съ міромъ нашей души, и зеленныя деревья, мысли, пѣніе птицъ, грусть, небесная синева, воспоминанія и благоуханіе травъ сплетаются въ прелестныхъ арабескахъ»; изъ своего чувства природы онъ умѣетъ извлекать многія блестящія искры, но нигдѣ не доходитъ до настоящаго, чистаго наслажденія ею.

Ленау сообщаетъ природѣ свою мрачную меланхолію; у него являются безкончныя жалобы, вздохи и слезы дерева и ручья, воздуха и волны; трудно найти поэта болѣе богатаго метафорами и одушевленіями; многое у него искусственно; но многое прекрасно, какъ напр. «Весна пришла на горы и долины; ея радостный кликъ звучитъ въ воздухъ; едва земля услыхала се во снѣ, она поднялась отъ своей грезы, которая тяжело и холодно давила ей грудь»; и «По лѣсу, по

темному идетъ прелестный весенній утренній часъ; по лѣсу съ неба вѣетъ тихая вѣсть любви». Трогательное впечатлѣніе производятъ «Просьба» и драматически оживленная картина природы «Міеъ бури». Свойственное и новѣйшей поэзіи стремленіе къ уединенію выражено съ теплымъ чувствомъ у Платена: «Я хотѣлъ-бы остаться свободнымъ, скрытымъ отъ цѣлаго міра, чтобы плавать по тихимъ рѣкамъ подъ тѣнистымъ сводомъ облаковъ. Въ весельи лѣтнихъ птицъ я-бы хотѣлъ забыться отъ земныхъ заботъ, укачиваемый чистой стихіей, я-бы хотѣлъ уйти отъ запятнанныхъ порокомъ людей».

Ключъ поэзіи природы бьетъ изобильно и въ самой новѣйшей лирикѣ. Но, при ближайшемъ изслѣдованіи, немногое исходитъ въ ней изъ настоящей творческой силы; въ ней не мало искусственности, фразы и разсужденія. Правда, въ область ея наблюденія привлекаются всѣ сферы природы, даже и ужасное, какъ напр., въ описаніи болотъ у Аннеты ф.-Дросте и пустынныхъ пространствъ у Геббеля. Къ великимъ лирикамъ прошлаго всего ближе примыкаютъ Мери-ке ¹⁾ и Теодоръ Штормъ ²⁾; въ настоящее время едва-ли можно найти лирику съ такой глубокой непосредственностью и съ такой ритмической мелодіей, какъ у этихъ поэтовъ. Лишь отдѣльные прекрасныя мѣста можно найти у Гейзе, Келлера, Лингга и Тенсена; даже Гейбелю настоящая лирическая пѣсня удается менѣе, чѣмъ эпическая и созерцательная; онъ болѣе декламируетъ и разсуждаетъ, чѣмъ поетъ. Но за то, какъ онъ владѣетъ благозвучіемъ языка! Ни одинъ изъ новѣйшихъ поэтовъ не передаетъ болѣе мѣтко сущности нынѣшняго чувства природы, чѣмъ Гейбель, въ слѣдующихъ строкахъ:

Nur zu rasten, zu lieben,
Still an sich selber zu bau'n,

¹⁾ Cp. Frühling lätzt sein blaues Band flattern durch die Lande; Hier lieg'ich auf dem Frühlingshügel; Futzreise; Besuch in Urach; Mein Flutz; Lied vom Winde; Die schöne Buche; Um Mitternacht; Am Walde; и т. д.

²⁾ Oktoberlied, Sommermittag, Die Stadt, Meeresstrand, Im Walde, Die Nachtigall, Mondlicht, Juli, Im Herbste, In der Frühe, Waldweg и т. д. Cp. мою статью о Теодорѣ Штормѣ въ ЕХ томѣ «Praessische Jahrbücher» S. 219—228.

Fühlt sich die Seele getrieben,
Und mit Liebe zu schaun.
Und so schreit ich im Thale,
In den Bergen, am Bach,
Jedem segnenden Strahle,
Jedem verzehrend nach.
Jedem leisen Verfärben
Lausch'ich mit stillem Bemühn
Jedem Wachsen und Sterben,
Jedem Welken und Blühn.
Selig lern'ich es spüren,
Wie die Schöpfung entlang
Geist und Welt sich berühren
Zn harmonischem Klang ¹⁾.

К О Н Е Ц Ъ

¹⁾ Только къ отдыху, къ любви, къ тихому созиданію себя, душа чувствуетъ влеченіе, на все взирая съ любовью. И я хожу по долинѣ, по горамъ, ручьямъ, за каждымъ благодѣтельнымъ, за каждымъ разрушительнымъ лучомъ. За каждымъ легкимъ измѣненіемъ слѣжу я съ тихимъ вниманіемъ, за каждымъ ростомъ и умираніемъ, за каждымъ увяданіемъ и расцвѣтомъ. Съ блаженствомъ учусь я наблюдать, какъ во всемъ твореніи духъ и міръ²⁾ сливаются въ гармоническое созвучіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе	3
ГЛАВА I. Христіанско-теологическое и языческо-симпатическое чувство природы первыхъ десяти вѣковъ	23
ГЛАВА II. Наивное возрѣніе на природу въ эпоху крестовыхъ походовъ	62
ГЛАВА III. Индивидуализмъ и сентиментальная поэзія природы въ эпоху Возрожденія	93
ГЛАВА IV. Воодушевленіе природой у путешественниковъ-от- крывателей и отношеніе католическаго мистицизма къ при- родѣ	138
ГЛАВА V. Поэзія природы у Шекспира	166
ГЛАВА VI. Красота пейзажа въ живописи	189
ГЛАВА VII. Искусственная природа въ эпоху гуманизма и ро- коко	203
ГЛАВА VIII. Признаки возвращенія къ живой природѣ	226
ГЛАВА IX. Чувствительно-элегическое направленіе въ поэзіи .	243
ГЛАВА X. Романизмъ въ поэзіи природы	267
ГЛАВА XI. Представители современной поэзіи природы: Гете .	300
ГЛАВА XI (продолженіе) Байронъ и Шелли	342
ГЛАВА XI (продолженіе) Ламартинъ и Викторъ Гюго	361
ГЛАВА XI (продолженіе) Нѣмецкіе романтики	368
Заключеніе	385

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ
ЧУВСТВА ПРИРОДЫ.

(DIE ENTWICKELUNG DES NATURGEFÜHLS).

АЛЬФРЕДА БИЗЗ.

Переводъ Д. Коробчевскаго.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный складъ В. И. Губинскаго.
1891.